

ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Министерство культуры Российской Федерации
Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный Эрмитаж
Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Нидерландско-российский центр Университета Гронингена
Генеральное консульство Нидерландов в Санкт-Петербурге
Голландский институт в Санкт-Петербурге
Институт культурных программ
Фонд имени Д.С. Лихачева

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Е.В. Анисимов, научный руководитель Института Петра Великого, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
В.Е. Багно, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа
Д.А. Гранин, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачева
Д.Ю. Гузевич, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж
Е.Я. Кальницкая, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»
А.В. Кобак, заместитель директора Института культурных программ
А.Н. Колякин, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга
Н.Л. Корсакова, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
О.Л. Лейкинд, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачева
В.П. Леонов, директор Библиотеки Российской академии наук
М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа
Ю.К. Чистов, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

РОССИЯ–НИДЕРЛАНДЫ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы
V Международного петровского конгресса

Санкт-Петербург
7–9 июня 2013 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2014

Конгресс петровских городов поддержали:

Международный благотворительный фонд
«Константиновский»

Информационное агентство «Интерфакс Северо-Запад»

Составители:
А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина

Редакторы:
Б.В. Останин, Г.Б. Богуславская

Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. *Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года*. — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2014 — 558 с., илл.

ISBN 978-5-8015-0337-0

© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2014
© СПб ГБУК и ДО «Институт культурных программ», 2014
© Издательство «Европейский Дом», 2014

Содержание

Предисловие 9
Конгресс «Россия – Нидерланды» в фотографиях 12
Е.В. Анисимов (Санкт-Петербург). История одной любви:
Пётр и Голландия 47

ДИПЛОМАТИЯ, ТОРГОВЛЯ, РЕЛИГИЯ

О.Г. Агеева (Москва). Императорский титул в России
и Голландия в трудах Н.Н. Бантыш-Каменского 53
Ю.С. Корниенко (Франция). Голландские церкви
в Москве и Архангельске (XVII–начало XX вв.) 63
А.А. Селин (Санкт-Петербург). Самуил Браувер: нидерландский
купец в Великом Новгороде в 1629 году 72
Т. ван Стаалдёуне (Нидерланды). Два языка голландской
реформатской церкви в Санкт-Петербурге 79
Г.Л. Тульчинский (Санкт-Петербург). Голландский нравственный
опыт и этика деловой активности в России:
две волны влияния 91
Г. Фурман (Нидерланды). «Коммунистическая община»
Нидерландов 99
М.В. Шкаровский (Санкт-Петербург). Голландская церковь
в Санкт-Петербурге 111

ТЕХНИКА, НАУКА, ПЕРЕНОС ЗНАНИЙ

П.А. Аваков (Аксай). Мастер шлюзного дела Элазар Краффорд
на службе России (1698–1716) 119
И.Д. Гузевич (Франция). «Мы добыли из Голландии
отличных инженеров и гидравликов»,
или Вторая голландская волна (1783–1818/36) 133
К. Давидс (Нидерланды). Русско-голландские связи
в области техники в XVIII веке: сравнительный анализ 146
А.Х. ван дер Зваан (Нидерланды). Российские каналы
и голландские инженеры-гидравлики 155
А. Кардосу де Матуш, *А. Фиальо Конде* (Португалия). Нидерланды:
«поворотный круг» российско-португальских связей 162
Н.С. Корепанов , *С.А. Корепанова* (Екатеринбург).
Вклад В.Г. де Геннина в социально-экономическое
развитие Урала 173

А.М. Пашков (Петрозаводск). Комендант Олонецких Петровских заводов Виллим Геннин в его переписке 1714–1721 годов 183
Л.Б. Перепечаева (Азов). Азов и Приазовье в фокусе интересов моряков, картографов и изографов, прибывших в Россию из Голландии в конце XVII – начале XVIII веков 189
Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург). Голландские инженеры и артиллеристы на российской службе в царствование Петра I 199
И.Н. Юркин (Москва). А.А. Виниус и Пётр, ещё не Великий 206

МОРСКОЕ ДЕЛО, СУДОСТРОЕНИЕ

В.В. Брызгалов (Архангельск). Строительство судов для голландских купцов на верфях города Архангельска и Архангелогородской губернии в XVIII веке 215
Д.Ю. Гузевич (Франция). Корабль «Орёл» голландские мастера, судьба, мифы, или «Карабль да полукарабелье» в Кутумовой реке (1667/69 –1679) 221
М.Ю. Данков (Петрозаводск). Неистовый голландский корсар государя (О драматической судьбе морского капитана Питера фон Памбурха) 244
А.В. Крайковский (Санкт-Петербург). «Как спущенный корабль» — планы переноса нидерландских технологий морского промысла и идеи европеизации России при Петре I 261
Т.П. Мазур (Санкт-Петербург). Моряки из Нидерландов и их потомки на службе в Российском военно-морском флоте 273
Н.В. Трошева (Лодейное Поле). Фрегат «Штандарт» — первенец Балтийского флота 284
А. Ховинг (Нидерланды). В поисках формы: как Пётр I изучал голландские кораблестроительные методы 294

АРХИТЕКТУРА, ИСКУССТВО

Г.А. Айдашева (Москва). Роль Ф.А. Головина и Н. Бидлоо в создании дворцовой усадьбы Петра I в Москве 301
Е.А. Андреева (Санкт-Петербург). Голландское влияние на раннюю петербургскую архитектуру на примере дворца Меншикова 312
В.В. Аристов (Кингисепп). Образ Голландии в истории и архитектуре Нарвы 319

Б. Бенц (Франция). Экспорт голландских изразцов (1670–1730) из замков французских королей во дворцы российских императоров 334
М. Кейперс (Нидерланды). Садоводческое наследие Бидлоо в Москве 341
С.В. Клименко (Москва). Фламандский скульптор и архитектор Ян Петер ван Баурсшейт-старший и его русские архитектурные ученики петровского времени 355
И.В. Кувшинская (Москва). Корнелий де Бруин: петровская Москва глазами художника 367
М.Г. Талалай (Италия). Царь-плотник «поёт»: музыкальная фортуна саардамской легенды 378
Т.Ю. Токарева (Сергиев Посад). Строительство по прототипам в Троице-Сергиевом монастыре в раннюю петровскую эпоху: Уточья башня 384
А.Е. Ухналёв (Санкт-Петербург). «Голландская манера» в архитектуре петровского Санкт-Петербурга 399
И. Шварц (Австрия). Собирался ли Пётр I привлекать в Россию специалистов из Австрии для производства «голландской» керамики? 413

ЛИТЕРАТУРА

Э. Вагеманс (Бельгия). Знакомство с русской литературой в Нидерландах (1800–1900) 422
И.А. Иванчук (Санкт-Петербург). Принципы языковой политики Петра I в отношении иноязычных заимствований и ассимиляция голландской лексики в системе русского литературного языка 429
С.А. Мезин (Саратов). Голландский публицист Жан Руссе де Мисси как биограф Петра I 442

БИБЛИОТЕКИ, МУЗЕИ

Г.И. Борисов (Москва). Контакты Древней Руси и Нидерландов в раннее Средневековье: Материалы коллекций российских музеев 458
Д.Д. Гальцин (Санкт-Петербург). Нидерландские печатные издания XVI–XVIII веков мемориальной библиотеки Феофилакта Лопатинского из фонда редкой книги БАН 464

В.П. Леонов, *Е.А. Савельева* (Санкт-Петербург).
Русско-нидерландские книжные связи XVII–XVIII веков
по фондам БАН 472

Е.А. Савельева (Санкт-Петербург). Голландская книга
в собрании А.А. Виниуса 483

Н.В. Слепкова (Санкт-Петербург). Ранние голландские материалы
в коллекции Зоологического института РАН —
проблемы идентификации 492

Й. Схоккенбрук (Нидерланды). Материализация культурного
наследия. Петровская Россия, Нидерланды
и собрание Военно-морского музея 508

Г.А. Фафурин (Санкт-Петербург). Книжное собрание голландских
типографов Эльзевиров (XVI — начало XVIII века)
в отделе редких книг РНБ 516

СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ

Т. де Грааф (Нидерланды). Некоторые российско-голландские
проекты по изучению языков и культур
малых народов России 528

М. Стутен (Нидерланды). Проект «Архивный справочник:
Россия – Голландия» 538

Е.В. Анисимов (Санкт-Петербург). Заключительное слово
при закрытии Конгресса 544

Список сокращений 546

Список авторов 548

Издания Института Петра Великого 552

Предисловие

V Международный петровский конгресс «Россия – Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве» проходил в Санкт-Петербурге 7–9 июня 2013 года. Петровские конгрессы проводятся ежегодно и приурочены ко дню рождения Петра Великого, который отмечается 9 июня.

Пятый — юбилейный — конгресс входил в программу двустороннего года дружбы «Россия – Голландия / Nederland – Rusland» и был посвящен истории русско-голландских контактов.

Организаторами конгресса с российской стороны выступали: Министерство культуры Российской Федерации, Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Государственный Эрмитаж, Государственный музей-заповедник «Петергоф», Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Институт культурных программ, Институт Петра Великого, Фонд имени Д.С. Лихачева.

С нидерландской стороны подготовку конгресса координировал Нидерландско-российский центр Гронингенского университета, совместно с Генеральным консульством Королевства Нидерландов и Голландским институтом в Санкт-Петербурге.

На церемонии открытия выступили Губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко, заместителя Министра культуры Нидерландов Марьян Хаммерсма, заместитель Министра культуры РФ А.Ю. Манилова, руководители ведущих учреждений культуры из России и Голландии.

На конгрессе прозвучало более 70 докладов участников из Петербурга, Москвы, Азова, Аксая, Архангельска, Астрахани, Воронежа, Гатчины, Екатеринбурга, Кемерово, Кингисеппа, Лодейного Поля, Петрозаводск, Рязани, Саратова, Сергиева Посада, Ярославля. Зарубежные страны были представлены участниками из Нидерландов, Австрии, Бельгии, Великобритании, Португалии, Франции.

* * *

Голландцы появились в Москве в 1566 году. С тех пор русско-голландские контакты не прерывались в течение почти 450 лет. Они всегда отличались стабильностью и имели важное культурное и политическое значение.

Особая роль в сближении двух стран принадлежит Петру Великому, для которого Голландия была образцом могущественного европейского государства, процветание которого было достигнуто исключительно трудолюбием и знаниями его жителей. Не случайно русско-голландские отношения опирались прежде всего на перенос знания — художественного, медицинского, архитектурного, научного, инженерного.

В Голландии, которая являлась своеобразным перекрестком европейских культур, московиты впервые познакомились с португальцами, испанцами, норвежцами. Диалог между Голландией и Россией происходил в широком европейском контексте и влиял на взаимоотношения России с другими странами Европы. Закономерно, что свое первое постоянное представительство в Европе Петр I учредил в Гааге, понимая ее роль как дипломатического центра континента.

Вклад Голландии в российскую культуру, науку, технику огромен. Голландские корабелы активно участвовали в создании российского флота, начиная с первого русского военного корабля «Орел». По образцу Амстердама задуман Санкт-Петербург, где работали голландские архитекторы, садовники, курантные мастера. Голландские инженеры участвовали в создании важнейших водных коммуникаций — Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской систем, в строительстве городов и крепостей на юге и севере России.

Из Голландии в Россию поступали книги на разных европейских языках, в Голландии составлялся русский гражданский шрифт. Картины голландских и фламандских мастеров составляют ценную часть собраний Государственного Эрмитажа, Музея-заповедника «Петергоф», Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Кунсткамера хранит естественнонаучные и анатомические коллекции голландских исследователей, Библиотека Академии наук — собрания голландских книг.

Образ Голландии в России всегда оставался привлекательным. Он формировался прежде всего через культуру — малых голландцев и Рембрандта, «Новую Голландию» в Петербурге и «Голландский домик» в Кусково, «Серебряные коньки» Мери Мейп Додж и «Тиля Уленшпигеля» Шарля де Костера.

В самой Голландии сохраняется немало монументов и памятных мест, связанных с Россией. В Заандаме превращен в музей дом, в котором жил Петр I. Именем великой княжны Анны Павловны, ставшей в XIX веке королевой Нидерландов, назван город в провинции Северная Голландия. В центре Амстердама работает филиал Государственного Эрмитажа.

На V Международном петровском конгрессе обсуждались следующие темы:

- Вклад Голландии в российскую культуру, науку, технику.
- Петр I и Голландия. Голландия — кораблестроительная школа России. Санкт-Петербург как Новый Амстердам.
- Образ Голландии в России и образ России в Голландии. Русские в Голландии.
- Голландское искусство в России (изобразительное искусство, литература, музыка).
- Русско-голландские контакты в памятниках материальной культуры (архитектура, садово-парковое искусство, музейные коолекции, книжные собрания).

Е.В. Анисимов
(Санкт-Петербург)

История одной любви: Пётр и Голландия

В этом высоком собрании крупнейших в мире специалистов по русско-голландским отношениям трудно сказать что-то принципиально новое — каждый в своей проблематике непревзойдённый специалист. Поэтому позвольте мне уйти на историко-лирическую волну, поговорить о чувствах, что не часто делают историки. Среди множества присущих Петру Великому чувств было одно, которое можно назвать «чувством Голландии», точнее «Чувством любви к Голландии». В чём же его суть и почему оно захватило русского царя?

Ясно, что о голландцах, их культуре, Голландии он узнал в Немецкой слободе под Москвой, где жили иностранцы, приехавшие на службу в Россию. Среди них было немало голландцев: купцов, предпринимателей, офицеров, моряков, плотников. Увлечение Петра кораблестроением, особенно на Плещееве озере, а потом в Воронеже, сделало его общение с голландцами-кораблестроителями содержательным и профессиональным, сблизило Петра с голландской культурой, вообще с Голландией, причём это общение пришлось на ранний, обычно романтический, период жизни человека и это не могло не сказаться на восприятии Петром Голландии и всего голландского. Наверное, первым из этих голландцев, прививших Петру любовь к Голландии был всем памятный корабельный плотник Геррит Кист, к которому приехал в Саардаме Пётр и у которого он поселился в скромном домике на берегу канала.

Мы уверенно можем сказать, что благодаря юношескому увлечению Петра кораблестроением под началом голландских мастеров в

русский язык вошло множество терминов, по преимуществу морских, но понятных ныне каждому. Нет сомнений, что с тех времён Пётр выучил голландский язык. Известно, что во время первой встречи Петра с королём Вильгельмом III Оранским царю переводили речь короля именно на голландский язык. Согласно легенде, один из образованных голландцев как-то заговорил с Петром на отвлечённую тему, но царь его прервал, сказав, что он не понимает речь собеседника, потому что привык говорить как простой матрос или плотник. Возможно, эта была попытка уйти от ненужного царю разговора. Нам доподлинно известно, что в Голландии он целые дни проводил в компании бургомистра Амстердама Николааса Витсена –выдающегося учёного, царь беседовал по делу с другими блестящими учёными: Левенгуком, Бургаве, генерал-инженером Кугорном, разговаривал с голландскими дипломатами, другими совсем неплотниками и нематросами. А о кудесниках медицины и зоологии Фредерике Рюйше и Альберте Себа я уж не говорю — анатомия так увлекала Петра, что он был постоянным гостем этих великих голландцев, а любовь к анатомированию, которое он постиг в Голландии, Пётр пронёс через всю жизнь.

Если вернуться к началу этого увлечения Голландией, то отметим, что чем больше он узнавал из рассказов голландцев о Голландии, тем больше его тянуло в эту, казавшуюся ему обетованной, землю, в страну своей мечты.

И вот, как мы знаем, в 1697 году Пётр тайно, под видом дворянина-волонтёра, в составе Великого посольства, отправился в Голландию договариваться о союзе против Турции. С точки зрения государственной, рациональной это была чистая блажь, царёв каприз, трата государственных денег. Известно, что у России с Голландией в XVII веке, да и позже, отношения были специфические — в основном торговые, коммерческие. Тысячи кораблей Нидерландов бороздили все моря мира и часто приходили в Архангельск. Эти связи двух стран были вполне устойчивы, но традиционно далеки от политики. Да это и понятно — разнесённые природой и судьбой в разные концы Европы, Россия и Голландия имели разные политические интересы и только торговля делала их известными друг другу. Турецкое направление политики мало интересовало голландцев, у Голландии был свой путь на восток — в Батавию, и Ост-Индская компания прочно держала эту синицу в руке. Недаром правительство в Гааге дало недвусмысленный отрицательный ответ на русское предложение об антитурецком союзе, и вскоре после приезда русских, в октябре 1697 года, устроило прощальный приём великим

послам и тотчас сняло их с довольствия. И тем не менее, посольство не уехало из Нидерландов, оно поселилось в Амстердаме и жило ещё несколько месяцев на свои деньги. Да и понятно почему: Великое посольство стало прикрытием для пребывания Петра в Голландии, куда он сразу же окунулся, исчез, как рыба, выпущенная из садка в воду. И только весной 1698 года, узнав о готовящемся заключении мира Австрии с Турцией, посольство стремительно помчалось в Вену, чтобы хотя бы участвовать в переговорном процессе. Словом, миссия посольства оказалась провальной, зато сколько пользы для нас принесла эта дорогостоящая экскурсия Петра в Голландию!

Голландия не разочаровала царя, она ему показалась даже лучше московских рассказов о ней. Что же понравилось Петру в Голландии? Очень многое и преимущественно то, что было хуже устроено в России или не было там вообще. Пётр высоко оценил характер голландского народа, который в тяжёлых условиях постоянной борьбы с коварным морем, буквально создал себе землю для жизни, и, между прочим, создаёт и до сих пор. Я больше двадцати лет не был в Голландии, и за это время появилась новая провинция Флеволанд (за счёт осушения) с городами, огромными тюльпановыми полями, и даже с музеями и памятниками.

Пётр знал, какую огромную роль в становлении Голландии сыграла суровая протестантская вера, которую отстаивали голландцы, как и свою независимость, против сильнейших католических противников — вначале испанцев, потом французов. Всё это сделало голландцев народом терпеливым, энергичным, предприимчивым, работящим и ответственным. Иначе говоря, голландская протестантская модель жизни с присущим ей культом постоянного труда, учёбы, ответственности, дисциплины была до крайности симпатична Петру, и эту модель он пытался внедрить в России, насилием и собственным примером показывая, как нужно жить достойно, как, благодаря непрестанному труду и твёрдой христианской вере, можно добиваться успехов, побед и благосостояния.

Петру нравился не только образ мышления голландцев, но и их образ жизни. Это — уютное жильё, необыкновенная чистота в доме и вокруг него — вид хозяек, которые моют с мылом тротуары перед домом, восхищает гостей Голландии уже несколько столетий. Отсюда понятна такая любовь Петра к тесноватым, уютным, с низким потолком помещениям, нетерпимость царя к привычной для тогдашней России грязи, тараканам, всякому, как тогда говорили, «скаредству». Примечательно, что в 1703 году, только что высадившись в устье Невы, на будущей Петроградской стороне, Пётр приказал по-

строить домик, названный потом «Красными хоромцами». Первый дом Санкт-Петербурга необыкновенно символичен. Это воплощённая в материале голландская мечта Петра о преобразовании России: как из деревянного русского пятистенка сделать голландский домик с мелко расстеклованными окнами со свинцовыми переплётами. И в этом сооружении нельзя не усмотреть романтизм Петра — за такими огромными окнами в нашем климате жить невозможно, да, собственно, Пётр там и не жил, но домик сохранил как память.

Впрочем, и другие дома (их трудно назвать дворцами) Петра напоминали зажиточные дома в Голландии: также щеголеваты, уютны, чисты. Голландские изразцы, красивые, долговечные и гигиеничные, украшали все жилища Петра. Мебель и картины изящны и скромны, они не ломятся в глаза, во всём видны черты умеренности и достоинства.

Известно, что Пётр в повседневной жизни одевался скромно, среди его вещей были и голландские костюмы. Так и видишь его сидящим у небольшого камина в своём Зимнем доме, в старом шлафроке с пипкой — глиняной трубкой в зубах, он читает амстердамскую газету. Скромная жена его, в чепчике и голландском полосатом переднике, сидит подле и штопает чулки. В ногах лежит любимая собака Лизетка. Настоящий голландский бюргер! Известно также, что царь был скупым, экономным человеком, особенно когда шла речь о расходах на собственные нужды. Это не очень обычно для русских правителей, любивших пустить пыль в глаза. Пётр был другим человеком и правителем, стремившимся во всём к рационализму, простоте, экономии. Как тут не помянуть знаменитую голландскую скупость и не вспомнить голландскую шутку о том, как появилась проволока — это два голландца тянули на себя гульден.

С другой стороны, и пьяные загулы, столь характерные для Петра и его собутыльников по «Всепьянейшему собору», кажется, идут от традиций Голландии, от безобразных вечеринок в тавернах и домах Амстердама и других городов. Их устраивали моряки, вернувшиеся домой из смертельно опасных многомесячных морских походов в Батавию или на китовый промысел к берегам Гренландии, да и просто жители, в обыденной жизни жёстко ограниченные традициями и верой, нуждами бизнеса. Иностранцы поражались чудовищным размерам кубков и фужеров голландцев, их склонности к неумеренному пьянству и дракам. Как писал английский посланник в Голландии Уильям Темпль, «сама природа воздуха в этом краю располагала к пьянству, а алкоголь в суровом климате был необходим для поддержания работы мысли... Нет такого голландца,

который хотя бы раз в жизни не надрался до положения риз... В своей полной ограничений жизни этот народ имеет только одну радость и позволяет себе только одну роскошь — алкоголь»[1]. Разве это сказано, к сожалению, не о России? Разве не из Голландии к нам пришёл чудовищного размера Кубок Большого орла, которым Пётр насильно потчевал гостей в Петергофе?

Известно, что сам Пётр называл Петербург «Вторым Амстердамом», считал, что расположение его у моря похоже на амстердамское, да и, как он писал, «строение здешнее сходнее с голландским»[2]. Несомненно, у нашего великого города было голландское детство. Это видно по гравюрам с развивающимися голландскими гюйсами, множеству изображённых на них шпицев, мельниц, мостов. Да и строили его во многом голландские мастера. И, глядя на одобренный Петром проект Леблона об устройсте Васильевского острова, думаешь: не Амстердам ли это сверху? Впрочем, теперь многое из задуманного Петром состоялось, и в общем профиле Петербурга виден его знаменитый прообраз. Золотые шпили Петербурга перекликаются со шпилями голландских городов, как и мосты Петербурга и Амстердама.

Так же, как голландцы, Пётр стремился переделать, изменить природу, он пытался сажать в нашей-то южной подзоне тайги виноград — а почему бы нет, ведь в Голландии виноград растёт! Во всем голландском он видел образец, пример, идёт ли речь о безмерно любимом им голландском сыре или о лестнице в Летнем дворце, которую надлежало, как он писал, «сделать голландским маниром», или о спущенной на воду золочёной яхте. В ней Пётр предписывал иметь постели, сервиз, скатерти и салфетки, «как водится в Голландии на случай посылки и путешествия знатных особ»[3]. Царь писал так, как будто не имел такой же комфортабельной английской, потом прусской яхты и будто нигде в мире, кроме Голландии, в каюткомпании яхт не клали салфетки. Конечно, во всём этом было преувеличение — явный признак истинной любви. Вместе с тем, Пётр оставался русским человеком и правителем, убеждённым, что могущество России будет создано не копированием голландской политической системы, а сильной и просвещённой самодержавной во-

[1] Цит. по кн. *Зютмор Поль.* Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. М., 2001. С. 206–207.

[2] *Грабарь И.Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб., 1994. С. 78.

[3] Там же. С. 50; *Богатырёв И.В.* Галерная верфь Петра I // Судостроение. 1983. № 12. С. 63.

лей — главным двигателем прогресса. Ну, а полезное, нужное стране — отчего не взять у других народов, у голландцев, у которых можно многому поучиться?

Но Петербург — особое детище Петра. Каналы, тесно стоящие вдоль их набережных высокие дома — всё в Петербурге, по мысли Петра, должно быть похоже на Амстердам. Для первых жителей Петербурга, строивших дома на пустыре Васильевского острова, казалось странным предписание Петра оставлять в торцах нового дома выдвинутые наружу кирпичи, чтобы соседний дом мог «зацепиться» своим торцом за дом соседа. Зачем это? Но это тоже мечта Петра — когда-нибудь поплыть на верейке по тихим петербургских каналам мимо стоящих «сплошной фасадой» разноцветных, нарядных домов и вспоминать любимый Амстердам. Тогда эта мечта не осуществилась, но позже — да, и теперь мы можем легко совершить путешествие по рекам и каналам Петербурга. Сравнивая городской пейзаж даже современных Амстердама и Петербурга, трудно не увидеть их уловимого и неуловимого сходства, что и неудивительно — ведь это родные города. А уж зимой, в нашу скверную приморскую погоду и совсем порой не отличишь где ты — в Петербурге или в Амстердаме. А всё остальное — у нас и у вас как у всех, даже, кажется, схемы метро чем-то схожи, как и жизнь под холодным морским ветром.

Словом, так случилось, что великий государственный мечтатель всё-таки воплотил свою главную мечту построить новый, непривычный для России город. И этот город стал истинным плодом трогательной любви Петра к Голландии, но со своим особым, оригинальным характером, городом, в котором, как писал поэт, «русская трагедия идёт на фоне европейских декораций».

О.Г. Агеева
(Москва)

Императорский титул в России и Голландия в трудах Н.Н. Бантыш-Каменского[1]

В трудах русского историка, архивиста и главы Московского архива Коллегии иностранных дел (а с начала XIX века Министерства иностранных дел), Н.Н. Бантыш-Каменского (1737–1814) встречается сюжет, который до сих пор не привлекал специального внимания отечественных исследователей. Относится он к русско-голландским отношениям петровского времени. Это — история признания Голландией императорского статуса России.

Как известно, 22 октября 1721 года русскому царю Петру I был поднесён титул императора. Произошло это при праздновании в Санкт-Петербурге Ништадтского мира в центральном столичном Троицком соборе, где была проведена торжественная служба и публично зачитана полученная из Стокгольма ратификационная гра-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории» (проект «Всероссийская империя: утверждение имперского статуса в XVIII в.: исследования, документы»).

мота. Инициаторы акта поднесения Петру I титула — члены Синода, к которым потом подключился и Сенат, хотели почтить этим актом своего монарха за победу в русско-шведской войне. Одновременно с титулом императора Всероссийского от всего народа царю-преобразователю присваивались наименования Отца Отечества и Великого. Объявление русского монарха императором имело различные далеко идущие последствия. Одним из них стали действия русского дипломатического ведомства, которое много лет добивалось от стран Запада и Востока признания нового титула правителей России. В соответствие с менталитетом эпохи монарх персонифицировал свою страну, поэтому акт 22 октября означал, что Россия объявлялась империей.

Два дня спустя после церемонии, когда празднества в Петербурге ещё были в самом разгаре, в Иностранной коллегии прошло заседание. На нём был подготовлен рескрипт к русским дипломатам, аккредитованным при европейских дворах. В рескрипте предписывалось: «прилагать... старание», чтобы главы иностранных государств титул императора Петру I «неотменно давали». На следующий день, 25 октября, проект рескрипта был показан императору в Кофейном доме, а 26 числа отправлен из Коллегии иностранных дел к послам, посланникам, резидентам и другим русским представителям при венском имперском дворе, во Францию, Голландию, Пруссию, в Польшу, Данию, а также в Гамбург, Мекленбургское герцогство, в Венецию и Гданьск[2].

Как развивались события дальше? Во внешнем мире в начале XVIII века ранг русских правителей-царей устойчивой формы не имел и чаще всего приравнивался к королевскому. В силу этого требование признать и постоянно давать им титул высшей номинации, которым являлся титул императора, вызвало в мире неоднозначную реакцию. Со стороны ведущих стран Европы в основном она была отрицательной. Дело в том, что в иерархии европейских стран Священная Римская империя занимала особое почётное место. По традиции единственной в глазах европейцев христианской империи отдавалось первенство. Это, в частности, выражалось в праве первой подписи императора под международными коллективными договорами, его первом месте — председательстве — за столом при переговорах и т.д.[3] Тем не менее, после объявления Петра I императором в 1721 году в Европе нашлись единичные

[2] РГАДА. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.–11.
[3] *Сатоу Э.* Руководство по дипломатической практике. М., 1961. С. 33–35, 37.

страны, которые практически сразу признали Россию империей. Одной из них являлась Голландия.

Сведения о том, как состоялось признание императорского титула за русским царём содержит неопубликованное сочинение Н.Н. Бантыш-Каменского «Историческое показание о российско-императорском титуле». Сочинение было завершено 30 марта 1803 года. По мнению сына историка Д.Н. Бантыш-Каменского, произведение писалось по заказу канцлера А.Р. Воронцова, который поручил Николаю Николаевичу сочинить «Акт о российском императорском титуле». Рукопись была создана за несколько месяцев, так как основывалась на сборе документов о внешних сношениях России, который историк вёл уже почти 40 лет[4]. Сочинение было поднесено Александру I. Монарх встретил труд благосклонно, свидетельством чего стал царский подарок в виде драгоценного перстня[5].

В 1803 году сразу было сделано три идентичных списка-копии «Исторического показания». В настоящее время они хранятся в трёх архивах Москвы и Санкт-Петербурга[6]. Среди нескольких десятков сюжетов о признании титула разными странами Запада и Востока в сочинении имеется и история его признания Голландией.

Собственно, русско-голландский сюжет о титуле упоминается в сочинении в двух главах-«отделениях». В 1-м отделении, посвящённом употреблению императорского титула в межгосударственных отношениях до 1721 года, в разделе IV сообщается о именование русских государей императорами, цесарями и кайзерами. Собранные историком сведения показывают, что в эпоху разовых двусторонних посольских сношений с отдельными странами это не было явлением исключительным. При особом политическом интересе в XVI–XVII веках так именовали московских великих князей и царей правители Англии, Испании, Дании и других стран[7]. Что касается Голландии, то Бантыш-Каменский обнаружил наименование русского царя Михаила Фёдоровича в грамотах Голландской республики «всея России императором» (кайзером). Историк пишет: «В 1614

[4] Сам историк писал, что начал собирать выписки по вопросам императорского титула, когда в 1766 г. глава архива Иностранной коллегии историограф Г.-Ф. Миллер поручил ему выяснить, когда великие князья стали писаться «осподарями всея России», и писался ли царь Иван Васильевич «царём» в публичных документах. См.: РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.

[5] Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского. М., 1818. С. 37, 38.

[6] РГАДА. Ф. 116: Дела и сочинения о титулах. Оп. 1. Д. 1; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36: Архив Воронцовых. Оп. 1. Д. 696; НИОР БАН. 12.4.18 нов.

[7] РГАДА. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6 об.

году с посланником Ушаковым как Голландские Статы, так и статгалтер принц Оранжский в грамотах своих от 27 марта давали царю Михаилу Феодоровичу титул: *Aller Russenn Kaizer,* то есть *всея России император*». Бантыш-Каменский обнаружил в архиве 10 таких грамот. Однако, начиная с 23 ноября 1637 года, он заметил перемену в титулатуре, ибо в присланной тогда от Голландских Штатов к нему ж, царю Михаилу Фёдоровичу, грамоте был написан титул: *Her Tzar ende Drost Furst*, то есть *царь и великий князь*[8].

Очевидно, почётное титулование царя Михаила Фёдоровича в 1614–1637 годах было обусловлено налаживанием между двумя странами посольских отношений (ранее отношения строились на приезде в Россию голландских купцов), заинтересованностью Гааги в новом уровне торговых связей с Россией (в 1614 году голландцы получили жалованную грамоту о торговле в России) и получении для купцов транзита через Россию в Персию, Бухару и Армению, союзе против шведов и поляков.

История признания титула в начале 1720-х годов за Петром I подробно освещена в 3-м отделении сочинения о титуле. По собранным Н.Н. Бантыш-Каменским сведениям, она состояла в том, что русскому послу в Голландии князю Б.И. Куракину в дополнение к общему циркулярному рескрипту коллегия отправила специальное наставление относительно его будущих действий. Князю предписывалось, испросив аудиенцию у господ Голландских Штатов, «пристойным образом объявить» о «восприятии» Петром I «издавна надлежащего титула Императорского». При этом в речи следовало подчеркнуть, что русская сторона «уповает», что, «следуя примеру других держав», Голландию не затруднит дать Петру I этот титул. В ответ русский монарх обещал взаимно «во всяких случаях потщится им воздавать». В доказательство прав России на империю Куракин должен был представить «примеры» того, что предкам Петра I титул уже давался римскими цесарями. «Явным свидетельством» этого была «оригинальная ратификация от цесаря Максимилиана I», то есть грамота 1514 года за рукою и золотою печатью Максимилиана к Василию III, найденная и «ныне обретающаяся» в архиве русской Посольской канцелярии. Грамота была опубликована в России в 1718 году отдельным изданием. Кроме того, Куракину следовало упомянуть в речи и позицию королевы Великобритании Анны. При урегулировании вопроса с арестом в 1708 году в Лондоне посла А.А. Матвеева, и в извинительной грамоте, и в речи великоб-

[8] РГАДА. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.

ританского чрезвычайного и полномочного посла Чарльза Уитворта, возглавившего «торжественное посольство», королева Анна «прилагала» Петру I титул императора. Она также обязывалась и впредь его давать от великобританской короны[9]. Грамоту королевы с императорским титулом показывали иностранным дипломатам во время публичной аудиенции посла Ч. Уитворта в Грановитой палате в феврале 1710 года. Как раздражённо писал тогда в своём дневнике датский посланник Ю. Юль, вице-канцлер П.П. Шафиров показывал присутствующим дипломатам копию с королевской грамоты и привлекал их внимание к тому, что Уитворт даёт в своей речи Петру титул императора. Юль сообщал, что вице-канцлер «беспрестанно повторял это, разумеется, с целью намекнуть, что и другие коронованные особы должны давать царю тот же (титул)»[10].

После получения в ноябре 1721 года рескрипта князь Б.И. Куракин тут же дал знать правительству Голландских Штатов, что должен сообщить «о важном некоем деле». 19 ноября в резиденцию посла прибыла формальная депутация из 8 особ. Посол объяснил депутатам, что получил указ от его величества, «дабы их высокомочиям сообщить, коим образом 22 октября этого года в Санкт-Петербурге было отправлено торжество в честь вечного мира», что по прошению Сената царь принял титул императора всея России, и что этот титул (это подчёркивалось самим царём) «ему всегда принадлежал». В своей речи Куракин сообщил голландцам, что титул императора был дан Петру I «именем всего народа» для признания его «героических... действ и отеческого к народу попечения». Далее посол сообщал, что его монарх повелел о всём этом объявить их высокомочиям как «добрым друзьям своим» и ожидает, что титул будет ему дан «с их стороны... по примеру других держав, от которых его величество оной титул уже от несколько времени имел»[11].

По сведениям архива Иностранной коллегии, приведенным Н.Н. Бантыш-Каменским, Голландские штаты отнеслись к просьбе Петра Великого благосклонно. Депутаты сразу сообщили, что не видят «никакой трудности» и «охотно» признают титул «во особливое почтение его величеству», однако сделать этого тотчас не могут. По голландской Конституции требуется время, пока «всех провинций согласное о сём деле не пришлётся мнение».

---

[9] Там же. Л. 37–37 об.

[10] *Юль Ю.* Записки датского посланника при дворе Петра Великого // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 132, 135.

[11] РГАДА. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 об.–37а.

29 ноября прошло заседание депутатов в чужестранных делах, на котором было подтверждено решение дать титул. Однако мнения в голландском обществе были различны, и Бантыш-Каменский не преминул отметить, что одна из провинций — провинция Гелдерн-ская — противилась («несколько... упрямилась») дать титул[12]. В результате, требуемое общее согласие было достигнуто только через несколько месяцев.

Веским аргументом, практически юридической основой для признания титула Голландией было признание Петра I императором другими странами. Поэтому голландцы выразили желание видеть примеры такого рода. В результате, князь Б.И. Куракин показывал в Гааге копии с грамот прусского двора и Венецианской республики[13] о признании Петра I «навсегда» императором.

В Москве аналогичные действия предпринял голландской резидент де Вилде (Девильде). Он «домогался видеть примеры прежние о сём титуле» и 20 февраля 1722 года смотрел в Государственной Коллегии иностранных дел оригинальные старые грамоты испанского и французского дворов[14] с написанным в них императорским титулом, а также старинные оригинальные грамоты самих Голландских Штатов, а именно города Амстердама и принца Оранскаго, в которых предкам Петра Великого был дан титул императора (вероятно, это были грамоты к царю Михаилу Фёдоровичу).

В апреле 1722 года Голландские Штаты единогласно приняли решение дать Петру I титул императора Всероссийского. Церемония объявления в Гааге российскому послу князю Б.И. Куракину этого решения была следующей.

---

[12] Там же. Л. 37а об.

[13] Там же. Л. 79 об.–81 об.; 69 об. — Поздравительная грамота прусского короля Фридриха-Вильгельма I от 10 декабря 1721 г. подтвердила его решение охотно признать императорский титул Петра I, последовавшее при объявлении, сделанном русским посланником в Берлине графом А.Г. Головкиным, о чём посланник доносил в реляции 21 ноября 1721 г. Ответная грамота от венецианского дожа Иоанна Корнелия с императорским титулом и благодарением за сообщение была подписана 20 декабря 1721 г. Объявление Венецианской республике и дожу о принятии титула делал представлявший интересы России в Венеции надворный советник Савва Рагузинский.

[14] Императорский титул давал царям Иоанну и Петру Алексеевичам испанский король Карл II в грамотах 1687 и 1688 гг. В архиве внешнеполитического ведомства России хранились четыре грамоты с императорским титулом, направленные от французского короля Людовика XIII к царю Михаилу Фёдоровичу в 1615, 1630, 1631 и 1635 гг. (Там же. Л. 5, 6).

27 апреля в час дня в дом к послу была прислана торжественная делегация от собрания Штатов. Депутаты семи провинций вошли в комнату конференции. Старший депутат сообщил, что они присланы к Куракину как к послу его величества для объявления, что «их высокомочия по особливому почтению взяли резолюцию признать его величество в титуле императора Всероссийского, и оной титул и впредь давать»[15]. Затем старший депутат подал письменную резолюцию.

В ней сообщалось, что «В пятницу 24 апреля 1722 года по повторительному рассуждению о доношении господ фон Линтем и других» депутаты в чужестранных делах рассмотрели повторно резолюции от 29-го ноября прошедшего года о предложении чрезвычайного и полномочного посла князя Куракина, в котором он их высокомочию объявил: «что по прошению Сената Российского государства, учинённого именем всей нации, его царское величество принял титул цесаря Всероссийского, яко его величеству издревле принадлежащий», и требовал, чтоб «от их высокомочия его царскому величеству титул, которой уже давно имел, дан был по примеру других держав». При этом депутаты «постановили и за благо рассудили»: «князю Куракину, в ответ сообщить: что их высокомочие к его царскому величеству не меньшее почтение других держав имеют, которые преж сего ему титул царя российского давали; и что к показанию его царскому величеству новых опытов того их высокопочтения к его персоне и дружбы, они впредь его царскому величеству титул *цесаря Всероссийского* и его царского величества давать будут, и сим просят и определяют господ фон Эссена и других их высокомочия депутатов в чужестранных делах о сём... князю Куракину объявить, и о том здесь в собрании донести». Кроме того, депутатами было решено послать «экстракт из сей их высокомочия резолюции» к голландскому резиденту в России Девильде «к его известию и уведомлению, где потребно будет».

Вручив резолюцию, депутаты поздравили князя Куракина «в пристойных словах» «с оным достоинством». Они заверили посла в продолжении дружбы с его монархом и своём желании, чтобы «доброе... ныне согласие» между его величеством и их республикою было связано «тесными взаимными обязательствами»[16].

В Россию к голландскому резиденту Девильде было послано известие о состоявшемся акте. Получив его в Москве, где в 1722 году

[15] Там же. Л. 38–38 об.
[16] Там же. Л. 39–39 об.

пребывал русский двор, резидент сразу отправился к императору Петру I. Царь, будучи на пути к Каспийскому морю в Персидском походе, находился в это время в г. Коломне. Там, 17 мая 1722 года на приватной аудиенции Девильде объявил Петру Великому, что «гос-пода Штаты» «его величество за императора Российского признали, и сей титул его императорскому величеству и впредь всегда давать будут». В ответной речи монарх благодарил господ Штатов и уверял, что принимает признание его титула «знаком истинной к себе дружбы» и сам «равным образом... ничего не оставит, что касается к содержанию и умножению доброй... дружбы». Вернувшись в Москву, резидент обстоятельно информировал обо всём случавшемся Коллегию иностранных дел[17].

25 мая 1722 года была написана первая грамота от Голландских Штатов к Петру I, в которой содержался императорский титул. В этой грамоте, помимо сообщения об исполнении воли русского монарха, излагалась просьба об уплате 46 тысяч ефимков хозяевам пяти голландских кораблей, сожжённых вместе с находившихся на них грузом в 1713 году под Гельсингфорсом.

В ответ на конференции в Иностранной коллегии 31 июля резиденту Девильде было объявлено, что император «их высокомочиям» благодарен за дружбу, в том числе в признании императорского титула, и «в показание удовольствия своего» склонен, по их прежним требованиям, заключить с Голландией прежде других стран Трактат о купечестве. Такой трактат уже прежде голландцы требовали у Петра I, впрочем, как и другие страны[18].

Что касается материальной выгоды от признания титула, связанной с компенсацией за сожжённые корабли, то этот вопрос имел продолжение. В сочинении об императорском титуле Н.Н. Бантыш-Каменский о нём не упомянул. Но он показал эту теневую сторону признания титула в опубликованном на рубеже XIX–XX веков в 4 частях «Обзоре внешних сношений России (по 1800 год)». (М., 1894–1902). В «Обзоре» сообщается, что 15 июня 1713 года под Гельсингфорсом, где в это время на море активизировались военные действия русских и шведских кораблей, русскими войсками были сожжены 5 голландских кораблей. Инцидент обострил, но не прервал разнообразных, в том числе временами конфликтных, отношений между двумя странами. В 1715 году голландцы дважды, 14 янва-

[17] Там же. Л. 40–40 об. Протокол аудиенции был подписан 19 мая 1722 г.
[18] Там же. Л. 41.

ря и 8 октября, безрезультатно обращались к царю с просьбой оплатить купцам потерю кораблей, на которых к тому же были ранены многие люди. Для безопасности продолжения активных торговых сношений голландцы предполагали послать 12 военных кораблей для конвоя своих судов[19].

После обращения в грамоте 1722 года реакция России последовала, но со значительной задержкой. Только в конце 1723 года князь Б.И. Куракин при отъезде из Гааги в Париж договорился со Штатами об оплате половины суммы от запросов голландских купцов, что составило почти 80 тысяч гульденов[20].

Выше отмечалось, что признание императорского титула проходило в целом с трудом. Сами голландцы приняли во внимание признание императорского титула Петра I королём Пруссии и Венецианской республикой. Признание титула Голландией, в свою очередь, стало основанием для требований признания титула другими странами. Так, Пётр I приказал 1 июня 1722 года всем российским дипломатам при иностранных дворах объявить о признании Голландскими Штатами российских государей императорами и вновь стараться получить у них признание. Как отметил Н.Н. Бантыш-Каменский, положительное решение вопроса о титуле в Гааге «привело в великое замешательство англичан», с которыми у голландцев не прекращалось давнее противостояние.

Таким образом, Голландия стала одной из тех нескольких значительных стран Европы, которые признали императорский титул при жизни Петра I. Другими были Пруссия (титул признан в ноябре 1721 года), Венецианская республика (декабрь 1721 года), Женевская республика (май 1722 года) и Шведское королевство (1723 год). Сразу поздравили с титулом Петра I некоторые немецкие княжества и Пармское герцогство. Что касается Швеции, то она, признав титул за Петром I в конце 1723 года, в 1727 году отказала в нём императору Петру II и вновь дала только после переговоров в 1729 году, а затем в начале 1730 года отказалась признать императрицей вступившую на престол Анну Иоанновну. Только этой монархине удалось окончательно и для себя, и для своих потомков получить искомый титул. При этом затяжном решении вопроса при переговорах Швеция выставляла условиями территориальные уступки России, привилегии

---

[19] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 195–199.

[20] Там же. С. 199–200. Более точно сумма составляла 79829 гульденов и 19 штиверов.

в торговле, отказ поддерживать претендента на шведский престол герцога Голштинского, оплату из милости шведского долга голландцам (за заложенный пошлинный сбор в Риге), награждение некоторых шведских министров. На этом фоне требования Голландии выглядят более чем скромными.

В послепетровское время русской дипломатии потребовалось несколько десятилетий для успешного завершения признания русских монархов императорами.

Ю.С. Корниенко
(Франция)

Голландские церкви в Москве и Архангельске (XVII — начало XX вв.)

Протестанты из разных частей Европы стали селиться в России уже вскоре после начала Реформации, в 30-е годы XVI века. В отличие от католиков, лютеране, кальвинисты и англикане пользовались значительной свободой в устройстве своего церковно-религиозного быта. Стремясь сохранить национальные традиции и связи в инородной культурной среде, голландцы, англичане, немцы, французы и швейцарцы организовывали вместе или порознь собственные приходы, строили церкви и приглашали священнослужителей и учителей из своих стран. В данной статье рассматривается процесс образования и организационная структура двух крупнейших российских реформатских приходов в Москве и Архангельске.

Во второй половине XVI века из-за отсутствия собственного храма московские кальвинисты — англичане и голландцы — были вынуждены посещать немецкую лютеранскую кирку. Своего пастора они не имели, но время от времени службы проводились священниками, сопровождавшими голландские посольства. Ситуация изменилась к началу XVII века: по мере того, как Голландия становилась важнейшим торговым партнёром России, всё больше голландских купцов оседало в русских городах. Организация самостоятельного реформатского прихода в Москве относится ко второй половине 1620-х годов — именно тогда была выстроена первая деревянная часовня и выбран постоянный пастор. В литературе встречаются две даты постройки первой кальвинисткой церкви — 1626 и 1629 годы. Как пишет Д.Ю. Гузевич, речь может идти как о двух разных строе-

ниях, так и об узаконении одного и того же[1]. Храм находился в Белом городе около Поганого пруда, где селилось большинство московских голландцев. Вероятно, в 1632 году он был снесён и выстроен на новом месте. В 1640-е годы церковь неоднократно разрушалась и возводилась заново. В 1652 году её снесли окончательно, а всех не принявших православие иностранцев стали переселять в Ново-Немецкую слободу, располагавшуюся за пределами Москвы на реке Яузе.

Похожим образом ситуация обстояла в Архангельске. На рубеже веков местные голландцы не имели возможности организовать свой собственный приход: многие из них оставались в городе лишь на время ярмарки и затем возвращались на родину или переезжали в Москву. Однако уже в 1630-е годы, вслед за подъёмом голландской торговли, Архангельск стали посещать первые реформатские пасторы, которые прибывали весной и оставались на время торгов. Обычно священник возвращался в Голландию после окончания ярмарки, но иногда ему всё же случалось оставаться и проводить службу для голландских предпринимателей, зимовавших в Вологде или Ярославле[2].

Управление приходской жизнью реформатской общины возлагалось на церковный совет, в который входили пастор, старосты и дьяконы. Старосты, которые избирались из влиятельных семей сроком на несколько лет, совместно с пастором следили за церковной дисциплиной и составляли ежегодный отчёт о делах прихода. Дьяконы занимались сбором пожертвований и ведением приходской кассы.

В смешанном московском приходе на протяжении всего XVII века инициатива в подборе священника принадлежала голландским купцам. Нередко они занимались и подбором священника для Архангельска. Через своих посредников в Нидерландах — «Дирекцию московской торговли» — они самостоятельно искали подходящую кандидатуру, отправляли ей пригласительное письмо с условиями содержания и в случае согласия обращались к Классису — совету реформатских церквей в Амстердаме — с просьбой об её утверждении. Подобная практика была распространённой, и совет часто занимался поиском священнослужителей как для внеевропейских гол-

---

[1] *Гузевич Д.Ю.* Захоронения Лефорта и Гордона: могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии. СПб., 2013. С. 39–40.

[2] *Велувенкамп Я.В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России (1550–1785). М., 2006. С. 138–139.

ландских поселений, так и для продолжительных морских экспедиций, требовавших присутствия духовного наставника[3]. Процедура назначения пастора включала четыре этапа: избрание, экзамен, утверждение и рукоположение. Как правило, кандидат должен был предоставить Классису рекомендательные письма и подготовить проповедь на заданный библейский текст.

Обычно пастор приглашался на срок от пяти до семи лет, по истечении которых мог либо вернуться на родину, либо продолжить службу в России. В его расположении находился выстроенный при церкви дом, а путевые расходы, отопление, освещение и прислуга оплачивались из приходской кассы. В случае недостатка средств община могла провести сбор пожертвований среди своих единоверцев за границей. Часто священник получал часть жалования от церковного совета, а другую — от прихожан за исполнение треб. В целом на уровень его доходов существенно влияли не только отношения с влиятельными членами общины, но и соответствие его проповедей вкусам паствы[4].

В некоторых случаях получивший приглашение кандидат сам обращался к Классису. Так произошло в 1627 году, когда Йоханнес Булеус объявил ему о своём желании проповедовать купцам в Москве. Совет одобрил его кандидатуру, и Булеус был посвящён в сан. Так московский реформатский приход обзавелся своим первым постоянным проповедником.

В 1633 году в Амстердам было доложено об избрании в Москве второго «пастора» — Корнелиса Берхиуса, не являвшегося священником и не имевшего формального права на совершение таинств. Классис не одобрил такую инициативу, и Берхиусу было предписано по его возвращении на родину объясниться. Вместо этого он перебрался в Архангельск, где пробыл два следующих года, исполняя обязанности временного проповедника для небольшой группы голландцев[5]. Скорее всего, в том же 1633 году в московском реформатском приходе был избран и «третий» пастор — обращённый в кальви-

[3] *Huussen jr. A.H.* The relations between the classis of the Reformed Church at Amsterdam and the congregation in Muscovy during the 17th century // Russians and Dutchmen. Proceedings of the Conference on the Relations between Russia and the Netherlands from the 16th to the 20th century held at the Rijksmuseum Amsterdam, June 1989. Essays. Groningen: INOS, 1993. P. 135. (Baltic Studies 2).

[4] *Цветаев Д.М.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований: историческое исследование. М., 1890. С. 195.

[5] *Huussen jr. A.H.* Op. cit. P. 139.

низм лютеранин Генрих Ингенгёфер, проповедовавший на немецком[6]. По всей видимости, назначение второго и третьего священников было связано с длительным отсутствием пастора Булеуса[7].

В 1635 году московская община самостоятельно подписала просьбу пастора Булеуса об увольнении. В своём письме Классису старосты сообщили о своём желании пригласить на его место «бывшего архангельского проповедника» Берхиуса, порекомендовав тому на замену его брата Хуберта Берхиуса. С одобрения Классиса последний действительно отправился в Архангельск в качестве кандидата в священники, но уже через год вернулся Голландию, где после неудачного экзамена ему отказали в рукоположении. В свою очередь, Корнелис Берхиус переехал в Москву, где столкнулся со своим коллегой — пастором Ингенгёфером. В поисках выхода из конфликтной ситуации голландские купцы обратились к Классису с просьбой составить инструкцию, которой следовало бы следовать при отправке проповедников в Москву и Архангельск. Также они попросили написать руководство для самого пастора. В итоге 9 июля 1636 года совет утвердил свод правил для священников, отправлявшихся служить в «купеческих церквях» в России.

Московскому приходу предписывалось впредь не вмешиваться в дела своих северных единоверцев. Временный проповедник, назначенный в Архангельск, должен был каждый год возвращаться в Амстердам и представлять отчёт о своей деятельности. Согласно инструкции, в его обязанности входило чтение двух проповедей по воскресеньям и, по возможности, катехизация молодёжи по средам. Также следовало назначить двух человек, ответственных за передачу в Голландию пожертвований, собранных во время морского путешествия на русский Север. Такая мера объяснялась отсутствием в Архангельске бедняков, которым могли бы понадобиться эти деньги. Беспокоясь за репутацию Голландской Реформатской Церкви, члены амстердамского совета призывали пасторов не брать вознаграждения за исполнение треб, а довольствоваться своим регулярным жалованьем[8].

Отдельным пунктом инструкция оговаривала участие реформатских пасторов в богословских дебатах. Если дискуссии с лютерана-

---

[6] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 298; *Цветаев Д.М.* Указ. соч. С. 200.

[7] *Amburger E.* Geschichte des Protestantismus in Rußland. Stuttgart: Evangelisches Verlagsverk, 1961. S. 27.

[8] *Huussen jr. A.H.* Op. cit. P. 139–140.

ми и католиками с разрешения церковного совета допускались, то от споров с православными священникам предлагалось воздерживаться. Приоритет экономических интересов Голландии и хрупкое положение иностранных конфессий в России не оставляли места для миссионерской деятельности, поскольку любые попытки обратить в свою веру могли положить конец «свободному» вероисповеданию, пожалованному царём иноземцам.

Несмотря на запрет Классиса назначать священников без своего предварительного одобрения, оба пастора — Берхиус и Ингенгёфер — продолжили службу в Москве. По всей видимости раздоры внутри прихода продолжались: в 1638 году Берхиус приехал в Амстердам с жалобами на церковный совет и на его предложение проповедовать поочередно с Ингенгёфером в Москве и Архангельске. Однако Классис вынес неожиданное решение и уволил самого Берхиуса, указывая на его многочисленные промахи ещё до назначения его оппонента[9].

После кончины Ингенгёфера в 1638 (1639?) году московскому церковному совету снова пришлось искать пастора. По всей видимости, к этому времени возросло число франкоговорящих членов общины, поскольку в своём письме к Классису старосты выразили надежду, что новый священник будет владеть как голландским, так и французским языком. В итоге на его место снова выбрали Йоханнеса Булеуса, который вернулся в Москву и прослужил там до 1649 года. После его кончины церковный совет самостоятельно пригласил Йоханнеса Кравинкеля, в совершенстве владевшего французским и голландским и служившего в то время в Архангельске.

В 1653 году Кравинкель получил разрешение на строительство новой реформатской церкви на участке, выделенном кальвинистам при переселении протестантов в Ново-Немецкую слободу. Этот участок находился в Голландском (Денисовском) переулке недалеко от угла с Немецкой (Бауманской) улицей. Со временем деревянное здание обветшало, но на строительство нового у прихода денег не было. В 1694 году пастор Шондервурт, сменивший Кравинкеля в 1677 году, отправился в Голландию собирать пожертвования на новую церковь. Деньги на её строительство дал амстердамский бургомистр Николаас Витсен, побывавший с голландским посольством в Москве в 1665 году и хорошо знавший предыдущего священнослужителя. Новое кирпичное здание на 200 сидячих мест было возведено в том же году[10].

[9] *Huussen jr. A.H.* Op. cit. P. 141–142.
[10] *Гузевич Д.Ю.* Указ. соч. С. 44–45.

В отличие от Москвы, постоянная голландская торговая община и независимый реформатский приход в Архангельске сформировались несколько позже — во второй половине XVII века. После продления в 1663 году ярмарочного сезона до двух месяцев многим купцам стало выгодней иметь в городе собственный дом. В 1664 году Архангельск насчитывал уже 18 иностранных дворов, владельцами большинства из которых были, скорее всего, выходцы из Нидерландов[11]. Почти все иностранные дома располагались вдоль участка берега Двины, примыкавшего к северной стене Немецкого гостиного двора.

Первым постоянным проповедником в Архангельске стал Виллем Костерус, приехавший в 1660 году. Неизвестно, когда именно голландцы выстроили свою первую церковь. Вероятно, она сгорела в 1667 году, после чего община приобрела у купца Эльбингка участок в Немецкой слободе, на котором в 1674 году была возведена новая деревянная кирха. Она находилась там, где сейчас проходит бульвар между улицей Свободы и К. Маркса[12]. Церковь была небольшой по размеру и, как всякий протестантский храм, простой по планировке. Она практически ничем не отличалась от жилых построек: прямоугольное в плане здание, перекрытое двускатной кровлей. Его юго-западный фасад был украшен семью окнами[13].

Языком богослужения был голландский. За неимением собственного проповедника соседи голландцев — архангелогородские немцы — вплоть до 1686 года пользовались услугами реформатского пастора, который, вероятно, проводил службу в деревянной лютеранской кирхе. Так же обстояло дело и с англичанами, которые в силу своей малочисленности вынуждены были посещать службы голландского проповедника.

Общине принадлежали дом и двор священника, а также школьное здание с жильём для учителя. Зимой из-за холодов богослужения совершались в особом помещении, пристроенном к пасторскому дому. Недалеко от церкви находилась приходская школа. В пригласительном письме указывалось, что учителем должен был быть не «сапожник, невежа или какой-нибудь пустослов», а квалифицированный человек, умеющий писать, читать и петь, владеющий иностранным языком и «способный обучать не крестьян, а в основном

[11] *Велувенкамп Я.В.* Указ. соч. С. 134–135.
[12] *Попова Л.Д.* История храмов Архангельска. Архангельск, 2005. С. 26.
[13] Там же. С. 193.

детей славного купечества»[14]. Поскольку второй после богослужения заботой протестантских общин было воспитание юношества в духе христианства, то присутствие такого специалиста представлялось жизненно важным. Учителя приглашали на срок от трёх до шести лет и выплачивали ему жалованье от 100 до 150 рублей в год. Дополнительный доходом для него могли быть уроки музыки или перевод с иностранных языков.

В начале XVIII века с завоеванием выхода к Балтийскому морю и основанием Петербурга архангельский порт начал отходить на второй план. Многие голландские предприниматели продавали свои дома и возвращались на родину или переселялись в новую столицу. В 1720–1730-е годы возникла опасность, что реформатский приход больше не сможет содержать пастора и школьного учителя, расходы на которых достигали 700 рублей в год. Финансовое состояние оставшихся в Архангельске семей не позволяло наполнить приходскую кассу: хотя некоторые делали крупные пожертвования, были и такие, кто совсем не платил. Поэтому весной 1737 года приглашённый пастор Фредерик Кристоффель Тиенен собирал пожертвования в церквях северной Голландии и по домам в Амстердаме. В Архангельске церковный совет провёл сбор пожертвований среди лютеран и «всех, кто внемлет Слову Божьему». Таким образом, община смогла выплачивать жалование и пастору и учителю[15].

Если в Архангельске реформатский приход по-прежнему состоял в основном из выходцев из Нидерландов, то в Москве к середине XVIII века закончился так называемый «голландский период» кальвинистской церкви[16]. В 1772 году в приходе, насчитывавшем 239 взрослых членов, оставалось лишь две семьи голландского происхождения[17]. В 1795 году из 528 прихожан голландцами были лишь 14 — против 183 немцев, 76 французов, 130 швейцарцев и 119 англичан[18]. Как следствие, проповеди стали читаться на французском или немецком языке.

Во второй половине XVIII века ситуация на Севере стала ухудшаться. Количество голландцев неумолимо сокращалось, и приход-

---

[14] *Велувенкамп Я.В.* Указ. соч. С. 225.

[15] Там же. С. 221–223.

[16] *Gautier L.* L'église évangélique réformée de Moscou: 1629–1901 // Bulletin historique et littéraire de la Société de l'histoire du protestantisme français. 1907. № 56. P. 8.

[17] *Veluwenkamp J.W.* De Nederlandse gereformeerde gemeente te Archangel in de achttiende eeuw // Nederlands Archief voor Kerkgeschiedenis, 1993. № 73/1. B. 39.

[18] *Gautier L.* Op. cit. P. 10.

ская касса во многом наполнялась за счёт англичан, посещавших службы голландского пастора. Возможно, благодаря их участию в 1757 году была выстроена новая каменная церковь. В 1764 году в приходе числилось около 50 голландцев[19], тогда как немцев-лютеран было в три-четыре раза больше[20]. В 1776 году после кончины Эгберта Холбоома церковный совет обратился в Амстердам с просьбой найти нового священника, способного проводить службу не только на голландском языке, но и раз в три-четыре недели на английском. Спустя полгода подходящей кандидатуры по-прежнему не нашлось, и старосты отозвали свою просьбу. В начале 1778 года община была согласна на любого священника независимо от его уровня владения голландским языком — прихожан устроил бы и немецкий проповедник. В итоге в 1779 году Классис утвердил в должности Бернардуса Мартиниуса, который прибыл на Север в августе того же года. Но, несмотря на сохранение голландского в качестве языка богослужения, маленький приход продолжал смешиваться с лютеранским — этому, конечно, способствовали учащавшиеся браки между голландцами и численно превышавшими их немцами. В конце концов первой четверти XIX века голландская церковь Архангельска официально прекратила своё существование. В 1817–1818 годах немногочисленные кальвинисты присоединились к лютеранскому приходу, образовав единственную в России объединённую евангельскую общину. Некоторое время службы проводились поочередно обоими пасторами в лютеранском храме св. Екатерины (чьё каменное здание сохранилось до сих пор) и в кальвинистской церкви. После пожара 1823 года десяток оставшихся в Архангельске голландцев уже не мог финансировать её восстановление, и поэтому участок, на котором она находилась, был продан англичанам.

К началу XIX века в Москве управление реформатским приходом окончательно перешло в руки двух враждующих внутренних группировок — английской и франко-немецкой. В 1812 году церковь в Ново-Немецкой слободе сгорела и община перебралась ближе к центру города, арендовав помещения в Малом Трёхсвятительском переулке. В 1825 году реформатский приход раскололся. В 1831 году после долгих судебных тяжб англичане вернули франко-немец-

---

[19] *Grot J.C.* Bemerkungen über die Religionsfreyheit der Ausländer im Rußischen Reiche <...>. Bd. 1. St. Petersburg; Leipzig: Dykischen Buchhandlung, 1797. S. 445.

[20] *Dalton H.* Geschichte der Reformirten Kirche in Russland <...>. Gotha: Rudolph Besser, 1865. S. 136.

кой стороне деньги, выделенные российским правительством на восстановление церкви после пожара. В 1834 году старый участок в слободе был продан, и франко-немецкий приход выкупил помещения в Малом Трёхсвятительском. Сначала в них был оборудован молельный зал, а в 1865 году дом был перестроен: появился второй этаж и пристройка с залом на 800 человек. В 1917 году церковь была передана евангельским христианам-баптистам с сохранением служб для кальвинистов, которые велись ещё три года. В советское время это была единственная московская церковь, где продолжались протестантские богослужения — в период с 1928 по 1933 год к баптистам примыкала лютеранская община. С 1940 года в здании велись службы Общины евангелистов седьмого дня и Московской общины христиан-баптистов, к которым в 1993 году перешли права на здание. С тех пор в доме в Малом Трёхсвятительском переулке располагается Центральная баптистская церковь[21].

[21] *Гузевич Д.Ю.* Указ. соч. С. 49–50.

А.А. Селин
(Санкт-Петербург)

Самуил Браувер: нидерландский купец в Великом Новгороде в 1629 году[1]

Смутное время начала XVII века особым образом оттенило роль иноземцев, связавших жизнь (или часть своей жизни) с Московским царством. Как показал С.О. Орленко[2], говорить о ксенофобии жителей Московии, их неприятии иноземной культуры, видимо, не приходится. Имеющиеся в нашем распоряжении источники скорее повествуют о насмешливом отношении к «немцам», присутствие которых в городе ощущалось на протяжении всей его истории. Следует также понимать разницу между народным отношением к иноземцам и официальной государственной политикой по отношению к ним.

Новгородцы, пережившие в начале XVII века шесть непростых лет сосуществования со шведами, могли различать шведов и, к примеру, голландцев, но иногда и путали национальности. Так, в 1633 году шотландцев (семью Александра Лесли), остановившихся во владениях Хутынского монастыря, монахи встретили с отторжением и бранью. Примечательно именование шотландцев шведами, а тех, в свою очередь – «жабоедами» (нам эту кличку привычнее

[1] В статье использованы результаты проекта «История конструирования политического пространства и мобильности: политическое воображение, социальные практики и материальные инфраструктуры», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

[2] *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке (по неопубликованным источникам РГАДА) // Славяноведение. 2002. № 2. С. 69–81.

прилагать к французам). Именно после Смуты всё же идёт различение разных «немцев»[3].

Голландцы были одними из первых иноземцев, приехавших в восстанавливавшийся после Смуты Новгород. Примечательна личность жившего в 1620-х годах в Новгороде голландца Самуила Брауверa (видимо, Samuel Brouwer; в московской традиции – Самойла Леонтьева). Голландцы в Новгороде Великом появились по крайней мере в начале XVI века. О складе («складочном доме» в переводе 1884 года), принадлежащем голландским купцам в Новгороде писал, по воспоминаниям о 1550-х годах, Ричард Ченслер[4]. В Смуту Нидерланды проявляют сильнейшую заинтересованность в торговле на русском Севере. Беспрецедентную роль в продвижении интересов Республики Соединённых провинций в Московском государстве сыграл Исаак Масса, ведший активную дипломатическую борьбу с другим известным предпринимателем и дипломатом, англичанином Джоном Мериком. Впрочем, и Новгород почувствовал на себе серьёзное влияние голландской экономики: известно, что в 1617 (видимо) году царские житницы в освобождённых от шведов Новгороде и Ладоге были заполнены хлебом из Нидерландов, доставленных туда голландцем Герритом («Григорием») фан дер Гейденом, за что тот получил жалованную грамоту на беспошлинную торговлю в Московском государстве[5]. Хлебная торговля давала основной материал для диалога двух стран; появление грамоты фан дер Гейдену стало причиной рассматриваемого здесь эпизода.

В конце 1624 – начале 1625 годов нидерландские Генеральные штаты выдали Герриту Якобсу Витсену, Герриту фан дер Гейдену и Самуилу Брауверу рекомендательные письма к царю Михаилу Фёдоровичу с просьбой о хлебных закупках в Московском царстве, но на все три письма последовал отказ[6]. Тем не менее, Браувер (види-

[3] Запись о расспросе переводчиком Елисеем Павловым по указу новгородского воеводы кн. Д.М. Пожарского, тестя полковника Александра Лесли и дворецкого капитана Юрия Мудерзбаха. 1630. 6.09 // СПбИИ РАН. Кол. 183. Д. 1026. Сст. 10–12.

[4] *Ченслер Р.* Книга о великом и могущественном царе русском и великом князе московском и о владениях, порядках и произведениях, сюда относящихся // Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М., 1884. С. 2.

[5] *Кордт В.А.* Очерк сношений Московского государства с Республикою Соединённых Нидерландов по 1631 год // Сборник Русского исторического общества. Т. 116. М., 1902. С. 180.

[6] Там же. С. 185–186.

мо, сначала вместе с фан дер Гейденом) вскоре приехал в Новгород и начал торговые операции. 29 января 1629 года новгородский таможенный голова Трифон Устинов и таможенные целовальники подали в съезжую избу известную челобитную, которая новгородскими властями (воеводой кн. Д.М. Пожарским с товарищами) была направлена в Москву, в Посольский приказ (и осела в его фондах). В челобитной содержалась жалоба на Самуила Браувера («Самойлу Леонтьева») о том, что он живёт в Новгороде на посаде в тяглом дворе, (причём «от таможни далече») и открыто отказывается платить таможенные пошлины и жить на новгородском Гостином дворе, как все другие иностранные купцы. При этом «Самойло» открыто выезжает из Новгорода в Новгородский уезд, не объявляя свой отъезд на таможне и скрывая, какие товары он вывозит и привозит в Новгород. В челобитной подробно цитировалась новгородская таможенная грамота, в нарушении которой голландца упрекали челобитчики, просившие власти унять Браувера[7]. Вместе с челобитной выборных таможенных властей Новгорода была составлена и подана в съезжую избу (а после отправлена в Москву) аналогичная по содержанию челобитная новгородских пятиконецких старост и всего посада[8].

18 февраля 1629 года Посольский приказ дал указание новгородским властям о розыске по поданным новгородцами челобитным. Воевода кн. Д.М. Пожарский и дьяки должны были допросить Браувера, на основании чего он ведёт себя столь вызывающим образом. Специально необходимо было выяснить, нет ли у него жалованной грамоты на беспошлинную торговлю. Если бы Браувер не показал такой грамоты, то с его имущества следовало взять полагающиеся пошлины, и из Новгорода выслать вон и впредь в Новгород не пускать. «Самовольство» Браувера так или иначе отразилось не только на его собственном имуществе, но и на положении других иноземных купцов. В грамоте Посольского приказа специально оговаривалось, что новгородские власти должны впредь запрещать торговать в Новгороде «немецким людям, опричь свейских торговых людей»[9]. 17 фев-

[7] Челобитная царю Михаилу Фёдоровичу от новгородского таможенного головы Трифона Устинова и целовальников на голландца С. Леонтьева об уклонении того от таможенных пошлин. 1629. 29.01 // РГАДА. Ф. 96. 1629. Д. 2. Ч. 1. Л. 47.

[8] Челобитная царю Михаилу Фёдоровичу от новгородских пятиконецких старост и всех посадских людей на голландца С. Леонтьева. 1629. 29.01 // РГАДА. Ф. 96. 1629. Д. 2. Ч. 1. Л. 48.

[9] Царская грамота (из Посольского приказа) в Новгород воеводе кн. Д.М. Пожарскому с товарищами о розыске, почему голландец Самойло Леонтьев не платит торговых пошлин. 1629. 18.02 // РГАДА. Ф. 96. 1629. Д. 2. Ч. 1. Л. 49–53.

раля 1629 года на челобитную новгородских купцов последовала грамота новгородским властям из Москвы: обыскать, есть ли у Самуила Браувера царская жалованная грамота на беспошлинную торговлю в Новгороде и в Новгородском уезде – единственное возможное условие для таких действий. В случае же отсутствия этой грамоты (что подразумевалось текстом московского указа) весь товар Самуила Браувера было велено описать и взыскать с него таможенные пошлины, после чего выслать его из Новгорода со всеми его товарами за границу и более в пределы Московского государства не впускать[10].

4 марта 1629 года грамоты из Посольского приказа были доставлены в Новгород. Получив их, воеводы и дьяки отправили казачьего голову Второго Ушакова и подьячего Родиона Юрьева вместе с одним из челобитчиков – видимо, инициатором всего преследования Браувера – Трифоном Устиновым на двор к голландцу расспросить его обо всём по указу. В ответ на претензии властей Браувер отвечал: «приехал де он в Великий Новгород из Галанской земли при боярине при князе Иване Ондреевиче Хованском к торговому немчину к Григорью Фандергеину и жил в его дворе и по ся место, а твоей государевой жаловальные грамоты, что ему приехать в Великий Новгород нет, и двора де у нево в Новегороде нет же, стоит на Григорьеве дворе Фандергеина, а тяглым де ничьим двором не владеет. А товару де, государь, у нево ныне на том на Григорьеве дворе тритцать одна бочка сала говяжья да на том же дворе в полате пятьсот пудов пеньки да колыванского торгового немчина Филиппка три половинки сукна аглинского. И те де товары в таможне в книгах записаны и твои государевы пошлины с них плачены». Неясно, как разрешить данное противоречие: либо таможенные власти вводили новгородских воевод и Посольский приказ в заблуждение, либо лгал Браувер; так или иначе формально голландец действительно оказался нарушителем: действие жалованной грамоты Герриту фан дер Гейдену на него не распространялось, и новгородские власти выслали его в Шведское королевство. После того как Бравуер отправился в Ивангород, оставив своё имущество до установления летнего пути в Новгороде, «на Свейском гостине дворе» новгородские власти отчитались перед Посольским приказом в исполнении поручения. Видимо, процесс высылки не был быстрым, да и на дорогах устано-

[10] Царская грамота новгородским воеводам кн. Д.М. Пожарскому, М. Глебову и дьякам Г. Волкову и Р. Болдыреву о голландце Самойле Леонтьеве, самовольно торгующем в Новгороде и в Новгородском уезде // ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. Ст. 264–265.

вилась весенняя распутица; отписка достигла Москвы только 29 апреля, а 3 мая в Новгород, вместе с возвращавшимся шведским посольством, был отправлен указ о «торговле немецким людям в Новгороде»[11].

В ноябре 1629 года псковский воевода кн. Д.П. Лопата Пожарский писал новгородским властям, что он произвёл следствие по объявившемуся в Новгороде слуху о том, что во Псков из Нарвы приехал Самуил Браувер, при том, что существовал указ, запрещающий пропускать Браувера на территорию Московского государства[12].

Однако уже 13 октября того же года Самуил Браувер прибыл из Дерпта во Псков на небольшом корабле. Слух об этом очень быстро достиг Новгорода. Извозчик Митька Сихов сообщил новгородским властям о его приезде. Псковские власти, предупрежденные новгородскими, разыскали Браувера на псковском Гостином дворе и предприняли попытку выслать его за границу, запретив заезжать и в Печерский монастырь; обо всём этом они немедленно сообщили в Новгород[13].

Осенью 1629 года в Новгороде и Пскове были предприняты беспрецедентные меры безопасности в связи с распространением слухов об эпидемии («моровом поветрии») в близлежащих шведских городах. В начале октября Новгорода достиг слух о том, что мост через Нарову, между Нарвой и Ивангородом, разрушен, а губернатор бежал. В связи с этим всем, кто побывал в Нарве, был строго запрещён въезд в Московское государство[14].

У Самуила Браувера оказались с собой документы, которые он вёз к своему земляку, голландцу Клаусу, обосновавшемуся в Новгороде. Он отправил их в Новгород и, видимо, настоял на том, чтобы в ожидании ответа ему позволили жить на псковском Гостином

---

[11] Отписка новгородских воевод кн. Д.М. Пожарского с товарищами в Посольский приказ о высылке из Новгорода голландца С. Леонтьева. 1629 апреля // РГАДА. Ф. 96. 1629. Д. 2. Ч. 1. Л. 131–134.

[12] Отписка псковского воеводы кн. Д.П. Пожарского с товарищами новгородскому воеводе кн. Д.М. Пожарскому с товарищами о сыске во Пскове голландца Самуила Леонтьева. Без окончания 1629 ноября // СПбИИ РАН. Кол. 109. Д. 886. Сст. 1.

[13] Выписка из вестовой памяти в Новгород из Пскова. 1629. 13.10. Без начала // СПбИИ РАН. Кол. 109. Д. 970. Сст. 11.

[14] Грамота новгородских воевод кн. Д.М. Пожарского с товарищами псковским воеводам кн. Д.П. Пожарскому с товарищами о высылке из Пскова голландца Самуила Леонтьева. Без начала. 1629 октября // СПбИИ РАН. Кол. 109. Д. 893.

дворе. Нарва в качестве места, куда почта, шедшая в Новгород, доставлялась из Англии и Голландии, упоминается в докладе шведского резидента Иоганна де Родеса 1653 года[15].

Однако 24 октября новгородский извозчик Митька Хшаринов привёз от него в Новгород «немецкие листы запечатанные да коробочку невеликую». Эти коробочка и документы были переданы ему на псковском Гостином дворе купцом Виллимом для голландского купца Клауса, обосновавшегося в Новгороде. Новгородские власти, с весны имея предписание не впускать Самуила Браувера в Московское государство, специально спросили извозчика о том, не встречались ли они. Хшаринов отвечал на такой запрос утвердительно, однако происхождение «немецких листов» и коробочки связывал с купцом Виллимом[16]. По поручению новгородских властей переводчик Елисей Павлов передал документы стоявшему на новгородском Немецком дворе голландцу Клаусу, который сообщил, что эти документы Самуил Браувер доставил из Нидерландов. Один из документов был письмом от «хозяина» (видимо, купеческого старосты) «Ихберт Долинкан», другой – перечнем товаров, составленном 13 сентября 1629 года. Кроме документов Браувер передавал Клаусу несколько чистых тетрадей бумаги. После такого расследования новгородские власти вновь велели псковским воеводам выслать Браувера под предлогом того, что тот был в Нарве во время эпидемии[17].

Документы, связанные с выдачей жалованных грамот нидерландским купцам отложились в «Голландских делах» Посольского приказа (ныне – фонд 50 РГАДА «Сношения России с Голландией»), где ими в начале XX века пользовался В.А. Кордт при подготовке своего исследования о сношениях Московского государства с Нидерландами. Документы же, связанные с челобитьем новгородских таможенных голов и целовальников и пятиконецких старост – в «Шведских делах» того же приказа (ныне фонд 96 РГАДА «Сношения России с Швецией»), равно как и в коллекции 109 СПбИИ РАН «Порубежные акты», представляющей собой архив делопроизводства Посольского стола Новгородской приказной избы XVII века.

---

[15] *Козловский И.П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. С. 53.

[16] Расспросные речи в Новгородской съезжей избе извозчика Митьки Гаврилова сына Хшаринова, приехавшего из Пскова. Без окончания // СПбИИ РАН. Кол. 109. Д. 756.

[17] Дело об отказе в пропуске в Русское государство голландца Самуила Браувера. Отрывок 1629 октября // СПбИИ РАН. Кол. 109. Д. 891.

Нидерландские посланники Альберт Бурх и Иоганн фон Фелдтриль, прибывшие в Москву в 1630 году среди своих просьб к царскому правительству, упоминали о Самуиле Браувере, «который с дозволения Его царского величества жил прежде в Новгороде, занимаясь там торговлею», а ныне «по неосновательным обвинениям, взводимым на него некоторыми завистниками, выслан из этого города; в виду этого их высочества повелели нам просить, не благоугодно ли будет Его царскому величеству выслушать его возражения на эти обвинения и постановить по этому делу справедливое решение»[18]. Однако более сведений о пребывании Браувера в Новгороде или Пскове не имеется.

[18] Донесения посланников республики соединённых Нидерландов при русском дворе. Отчёт Альберта Бурха и Иогана фан Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений Московского государства с республикой соединённых Нидерландов до 1631 г. СПб., 1902. С. 102–103 // Сб. РИО. Т. 116.

Т. ван Стаалдёуне
*(Нидерланды)**

Два языка голландской реформатской церкви в Санкт-Петербурге[1]

ВВЕДЕНИЕ

Голландская Реформатская церковь в Санкт-Петербурге была двуязычной. То есть, люди, разумеется, говорили по-голландски, но половина церковных служб вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 году велась на немецком. На первый взгляд, это двуязычие кажется излишним. В Петербурге было много протестантских церквей, где использовалось несколько языков: несколько немецких лютеранских церквей, шведская и финская лютеранские церкви, англиканская церковь, где говорили по-английски, и две кальвинистских церкви – для франкоязычных и для германоязычных[2]. Запад-

---

* Пер. с англ. **Д.А. Прияткина**.

[1] Эта статья была опубликована на голландском: *Staalduine Th. van.* Duits in een Nederlandse kerkdienst. Een kwestie van integratie in de Hollandse Hervormde kerk van Sint-Petersburg // *Holtrop P., Slechte H., Staalduine Th. van, Woelderink B.* (red.). Twee eeuwen Nederlanders in Sint-Petersburg. De Hollandse kerk als sociaal en religieus middelpunt. Zutphen: Walburg Pers, 2013. P. 235–247. Бóльшая часть информации для статьи почерпнута из источников, опубликованных в: *Holtrop P.N.* and *Th.J.S. van Staalduine*. De Hollandse Hervormde Kerk in Sint-Petersburg. Teksten uit kerkenraadsprotocollen, brieven en andere documenten 1713–1927. Vol. I–III. Kampen, 2003/2004.

[2] Очерк истории иностранных церквей в Санкт-Петербурге см.: Инославные церкви в Санкт-Петербурге, под редакцией Х. Слехте, Я. ван Хаастрехта, П. Холтропа, А. Соколова и Б. Вулдеринка. Доклады Конгресса «Инославные церкви в

ные протестанты, не понимавшие по-голландски, могли без труда примкнуть к тому или другому сообществу. Очевидно, внутри голландской колонии существовала потребность молиться по-немецки. Вероятнее всего, службы на немецком языке воспринимались как признак интеграции небольшой группы голландских протестантов – их число не превышало нескольких сотен – в значительно более крупную колонию германоязычного среднего класса Санкт-Петербурга.

Однако использование немецкого в этом процессе интеграции вызывало сопротивление части голландской колонии. Где, как не в Голландской церкви, должны сохраняться в далёкой России живые язык и культура Голландии? Если так, то немецкий – или какой-либо другой язык – не должен преобладать над голландским. Моя работа призвана ответить на вопрос, какую роль оба языка, голландский и немецкий, играли в Голландской церкви Санкт-Петербурга на протяжении её существования.

НАЧАЛО ЦЕРКВИ

Может показаться удивительным, что языковой вопрос в Голландской церкви касался немецкого языка: разве русский, язык основного населения, не был более очевидной альтернативой? Однако выбор русского языка никогда не рассматривался. Объясняется это тем, что 16 апреля 1702 года царь Пётр Великий предоставил право религиозного выбора только иностранцам[3]. Благодаря этой привилегии царь сумел набрать специалистов для строительства Санкт-Петербурга и кадры для флота. На собственных подданных свобода вероисповедания не распространялась. Все русские без разбора считались православными, и иностранцам было строжайше запрещено обращать местных жителей в свою веру. Если иностранец женился на русской (или иностранка выходила за русского), их дети записывались православными. Согласно этому закону, имевшему силу до 1905 года, протестанты могли становиться православными, но принимать русских в число своих прихожан инославные церкви не могли[4]. Таким образом, русский элемент в Голландской церкви был сведён к минимуму изначально.

Санкт-Петербурге», 8–10 октября 2003 г. СПб., 2004; Holtrop P.N., Slechte H. (ed.). Foreign Churches in St. Petersburg and Their Archives 1703–1917. Leiden, 2007.

[3] Немецкий перевод указа Петра I см.: *Dalton H.* Urkundenbuch der evangelisch-reformirten Kirche in Russland. Gotha, 1889. P. 21–28.

[4] *Amburger E.* Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart, 1961. 107vv. Пример запрета на обращение или причащение русских можно найти в указаниях

В 1704 году, через год после основания города иностранные протестанты образовали в Санкт-Петербурге единое экуменическое и многоязычное сообщество. Вице-адмирал Корнелий Крюйс, норвежский лютеранин, женатый на голландке-кальвинистке, собрал всех своих собратьев по протестантской вере в маленькой церкви на заднем дворе своего дома: лютеран и кальвинистов, голландцев, французов, немцев. Община была маленькой, службы вели лютеранские немецкоязычные пасторы, выписанные из Германии. Однако первые записи велись на голландском языке[5].

В 1717 году это сообщество прекратило своё существование. Начиная с 1713 года, голландские купцы при поддержке голландских дипломатов стремились к отделению, аргументируя его тем, что они лишены благодати кальвинистской религии, поскольку и сами они, и их дети в наставлениях и в причастии полностью зависят от лютеранских пастырей. Это сегодня лютеранская и кальвинистская церкви признают друг друга истинно христианскими, но в XVIII веке, избрав неправильное учение, человек рисковал душой. Другим политическим аргументом служило то, что в то время ещё не кончилась Северная война между Россией и Швецией. Петербург, стоящий на берегах Балтийского моря, был частью оккупированной территории, где коренное население было лютеранским. Следовательно, лютеранских священнослужителей можно было заподозрить в симпатиях к врагу, что и имело место в судебной тяжбе, затеянной Корнелием Крюйсом против лютеранского пастора-шведа Стаакенбека в 1711 году в Петербурге[6]. Уж не хотели ли голландские купцы подчеркнуть свой кальвинизм, чтобы показать, что не имеют никакого отношения к лютеранским заговорам?

ФРАНЦУЗСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ И ГОЛЛАНДСКИЙ

В любом случае, разделение церкви в 1717 году не имело языковой мотивации. Новую Голландскую церковь вместе посещали кальвинисты, говорившие по-французски, немецки и голландски.

правительства России преподобному Г.М. Лампингу из Голландской церкви, датированных 14 января 1803 года.

[5] Описание первых лет Голландской церкви см.: *Holtrop P.* Hollandse Protestanten in Sint-Petersburg in de tijd van Peter de Grote // Holtrop P.N. e.a. (ed.). Twee eeuwen Nederlanders in Sint-Petersburg. P. 41–57.

[6] Письмо Корнелия Крюйса Петру I (без даты) по поводу Стаакенбека хранится в Военно-Морском архиве Санкт-Петербурга. Ф. 233. Оп. 1. Д. 11. Папка 52, 199–204, с аннотацией 1711 г.

Хотя в 1724 году французская община с собственным пастором, преподобным Роббером Дюнаном, отделилась, в 1740 они по финансовым причинам возвратились в Голландскую церковь: группа французских кальвинистов была в это время слишком малочисленна. В результате в 1744 году Голландская церковь упросила преподобного Карпа заняться французским языком с тем, чтобы вести на нём службы. К сожалению, этот служитель Господа оказался слишком ленив. У голландской общины накопилось много жалоб по поводу его служб на голландском, на французском их и вовсе не было. Хотя Карпа и лишили в 1749 году должности, церковь уже была расколота. Вторая конгрегация, состоявшая из франко- и германоязычных прихожан сформировалась в 1747 году[7].

Тем временем Санкт-Петербург перерос статус города первопроходцев, заселённого исключительно пришлыми людьми. В 1732 году он стал столицей империи и стремительно рос, для укрепления государственного аппарата и экономики сюда было призвано немало народа из германских земель. В то время как французский оставался языком элиты, иностранцы, как правило, общались между собой по-немецки. Неудивительно, что укоренившиеся в России голландцы вливались либо в русское общество, либо в немецкую субкультуру. Последние сохраняли связи с Голландской церковью, но их потомки постепенно отошли от голландского языка.

Соответственно, во время инцидента с преподобным Карпом Голландская церковь состояла из двух групп: франкоязычной и растущей по численности и влиянию германоязычной, включавшей в себя самую устойчивую и богатую часть сообщества. В стороне от них была третья группа: голландцы, почти или вовсе не привязанные к Санкт-Петербургу, большинство среди которых составляли голландские моряки и, начиная со второй половины XVIII века, торговцы-коммивояжеры[8]. Хотя эта группа принимала лишь временное участие в делах церкви, она представляла собой важный фактор. С одной стороны, судовой сбор в пять рублей с каждого

[7] Печальная история упадка Голландской церкви в 1745–1761 годах изложена в: *Brinkman G.* Met hoge heren is het kwaad kersen eten. Het conflict-Carp in de Hollandse Hervormde kerk als een sociaal probleem // Holtrop P.N. e.a. (ed.). Twee eeuwen Nederlanders in Sint-Petersburg. P. 113–137.

[8] Главным образом, купцов из Вризенвеена, небольшого города на востоке Голландии. Люди из Вризенвеена составляли важную часть голландской колонии и церкви в Санкт-Петербурге на протяжении более полутора веков. Благодаря их частым перемещениям между российской столицей и родным городом в Голландии они служили гарантами голландского начала в Голландской церкви.

Илл. 1. Невский проспект, 1750.
Слева от моста на углу наб. Мойки здание
Голландской церкви. Государственный Эрмитаж

голландского судна был для церкви существенным источником дохода[9], с другой – моряки и купцы составляли большинство прихожан, во всяком случае, в летний период.

Баталии вокруг преподобного Карпа побудили франко- и германоязычные части паствы вновь открыть Французскую церковь, на сей раз двуязычную. Пока тянулась история с Карпом (до 1760-х годов), Голландская церковь не имела возможности пригласить другого пастора, так что двуязычная церковь служила «запасной площадкой» для прихожан, говоривших по-голландски, особенно с 1760 года, когда во франко-германской церкви начал служить преподобный Дильтэ, прекрасно владевший голландским. В летние месяцы он проводил службы на голландском языке для голландских моряков.

В период пастырского служения Дильтэ франко-германская церковь сгорела дотла вместе с его домом. Помещения голландской церкви, на тот момент неиспользуемые, были предоставлены в распоряжение франко-германской церкви [илл. 1]. Что могло бы быть более логичным, чем полное слияние всех трёх общин в рамках французской церкви, к которой перешло бы имущество голландской? После долгих лет юридических разбирательств с непонятным исходом касательно низложения преподобного Карпа, Голландская

[9] В 1770 г. судовой сбор составлял половину дохода церкви.

церковь, как институт, была на грани смерти. Планы по слиянию продвигались достаточно успешно, но были сорваны из-за мелочности голландцев и ошибочной логики церковного совета. Стоя на позициях раздельности двух церквей, голландцы затребовали арендную плату, тогда как франко-германский церковный совет считал слияние делом решенным. С какой стати им платить аренду? К тому же, преподобный Дильтэ, владевший тремя языками, в 1767 году скончался. Община, в которой преобладали иммигранты, сочла достаточным ограничить требования к кандидатуре нового пастора знанием немецкого и французского языков. А где могли обрести духовный дом голландские путешественники?

ГОЛЛАНДСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ

Без объединяющего влияния преподобного Дильтэ отношения стали настолько запутанными, что голландцы решили полностью обособиться. Но голландский церковный совет мечтал о многоязычной общине. Во-первых, он попробовал найти пастора, говорящего не только на голландском, но и на немецком и французском языках. Когда такого не нашлось, и с 1770 года пришлось довольствоваться преподобным Якобусом Гаргоном, не владевшим ни одним иностранным языком, была предпринята вторая попытка в тот момент, когда франко-германская церковь зашла в тупик и раскололась по языковому признаку. В этих обстоятельствах преподобный Гаргон, даже со своим ломаным немецким, казался немецкой общине подходящим «пастором на замену». А какая могла бы получиться жизнеспособная община, если бы заменить его пастором, хорошо владеющим голландским и немецким языками! Отчасти из-за такой надежды контракт с Гаргоном был в 1774 году аннулирован [10].

Однако сложившаяся «элита» приняла это решение без учёта интересов путешествующих голландцев. О прекращении контракта было объявлено в середине лета, когда в гавани было полно голландских судов. К матросам прибавилась новая категория прихожан: купцы из Вризенвеена (округ Твенте в Нидерландах), которые по суше привозили товар в Санкт-Петербург и, подобно морякам, воз-

[10] Споры вокруг желания иметь многоязычного пастора в Голландской церкви в 1769–1775 годы подробно описаны в: *Staalduine Th. van*. Taalstrijd in de Hollands Hervormde Kerk te Sint-Petersburg (1774–1775). Het vertrek van ds Jacobus Gargon // Koningsbrugge H. van, Waegemans E. (red.). Van de Vierpotige Leeuw en de Tweekoppige Adelaar. Studies over Nederlands-Russische relaties. Groningen, 2002. P. 87–107.

вращались в Голландию до зимы. Они опасались, что церковь утратит свой голландский характер, когда будет назначен пастор в угоду германоязычной пастве, и бурно выражали свой протест. В 1776 году при преподобном Й.Х.Л. Ройтере, преемнике Гаргона, был достигнут компромисс: зимой, для иммигрантов и их потомков, службы будут вестись на немецком языке, летом, для гостей Петербурга – на голландском. Тем временем, Немецкая реформатская церковь привела свои дела в порядок, так что ожидаемый приток прихожан Голландской церкви так и не состоялся.

Вот так через 60 лет после основания Голландская церковь официально стала двуязычной. Двуязычной, но чуждой русскому обществу. Всё могло бы измениться, если бы царю удалось осуществить свой план. После смерти преподобного Ройтера в 1798 году царь запретил приглашать пасторов из-за пределов Российской империи. Очевидно, российские власти стремились заручиться лояльностью церквей и их служителей стране своего пребывания. Для голландских протестантов Санкт-Петербурга такое положение было неприемлемым. Им пришлось бы открыть свою кальвинистскую семинарию, наподобие той, что была у лютеран в Дерпте (ныне Тарту, Эстония). Но количество реформатских, кальвинистских церквей было для этого слишком мало. Голландцы предпочли оставить место пастора вакантным, пока через несколько лет, в 1802 году, его не смог, при изменившихся условиях, занять преподобный Г.М. Лампинг, родившийся и получивший образование в земле Линген, Германия. Он владел обоими языками и, будучи кальвинистом из Рейнской области, вполне подходил для обоих языковых сообществ прихожан. Его преемник, преподобный Д.Й. Янсен, также был немец, из земли Клеве. Понятно, что немецкий пастор был предпочтительней голландского, поскольку к тому времени – это было в 1809 году – число германоязычных прихожан многократно превосходило число голландских.

Эти две группы отличались не только по языку. Однажды преподобный Янсен отметил, что немцы были социнианцами и вольнодумцами, тогда как голландская часть паствы отдавала предпочтение его «евангелическим» проповедям, поскольку любила старых христианские доктрины. В 1817 году его преемник Де Клеру открыто жаловался на церковном совете, что германоязычные прихожане проявляют мало интереса к службам, поскольку при богослужениях на немецком две трети его аудитории составляют всё те же голландцы. Такая ситуация приводит на ум картину церкви, в которой люди, тесно связанные с родиной и представляющие первое поколение

живущих в России, образовывали внутренний круг, тогда как «периферия» была заполнена более космополитичной, германоязычной паствой, представляющими второе и третье поколение иммигрантов. С начала XIX века этой «периферии» отводилось семь месяцев служб на немецком, а голландцам – оставшиеся пять. Начиная с 1819 года реальному присутствию прихожан из обоих групп стало уделяться больше внимания, и время служб было поделено между ними поровну – по шесть месяцев на каждой.

НЕМЕЦКИЙ И ГОЛЛАНДСКИЙ

Илл. 2. Мойка. Фасад Средней школы реформатских церквей Санкт-Петербурга, 1900. ЦГИА СПб. Ф. 499. Оп. 1. Д. 137

Тем временем, разногласия между Французской и Немецкой кальвинистскими церквами были забыты. В 1817 году эти три общины учредили реформатскую среднюю школу, где преподавание велось по-немецки и по-русски [илл. 2]. В 1832 году гармонии стало несколько больше. Из-за переезда Голландской церкви в новое здание, прихожанам пришлось ходить на службу в другие места. Зимой немецкие службы в Голландской церкви удачно совмещались со службами в Немецкой церкви в том же помещении. Они вместе участвовали в Таинстве Святого причастия, что служило чётким символом единства, а спустя несколько десятилетий, в 1857 году, им удалось составить общий сборник церковных песнопений. Но при всём единодушии немецкие прихожане Голландской церкви вовсе не стремились сменить свою зимнюю церковь на Немецкую реформатскую [илл. 3 и 4].

И всё же, в Голландской церкви стал проявляться национализм. В 1837 году был принят на службу органист, в чью обязанности входило также обучение голландскому языку. В 1842 году церковь даже и не думала уступить требованию российских властей о переходе голландского пастора в российское подданство, и ни при каких

Илл. 3. Невский проспект с новым зданием Голландской церкви (справа), около 1836. Государственный Эрмитаж

условиях не желала понуждать своего нового пастора, преподобного В.Л. Вельтера, отказаться от голландского гражданства [илл. 5]. В разбирательстве участвовали монархи России и Голландии, и в результате Голландская церковь попала под прямую юрисдикцию Голландии, как храм при посольстве, тем самым утвердив свою голландскую идентичность[11]. Тем не менее, количество прихожан-немцев постепенно возрастало. На этот процесс почти не влияло большое количество голландских моряков, зимовавших в Петербурге, охотно коротавших долгие зимние вечера на занятиях, готовивших к конфирмации и массово проходивших конфирмацию ближе к Пасхе. Через неделю они отчаливали со своими кораблями и больше не возвращались, никак, таким образом, не способствуя укреплению голландского начала своей Санкт-петербургской церкви!

Во второй половине XIX века меньшинство, отстаивавшее голландскую сущность церкви, было вынуждено занимать оборони-

[11] История паспорта преподобного Вельтера описана в: *Dorp Nel van*. Ds. W.L. Welter. Predikant van een Hollandse gemeente in Sint-Petersburg in het midden van de 19e eeuw // Holtrop P.H. e.a. (ed.). Twee eeuwen Nederlanders in Sint-Petersburg. P. 161–187.

Илл. 4. Интерьер церковного зала Голландской церкви, около 1836. Макет, изготовленный в 2001 в СПб ГАСУ. Собственность Университета Протестантской церкви Нидерландов, Амстердам / Гронинген

тельную позицию. Купцы из Вризенвеена больше не курсировали между Твенте и Балтикой, а осели с жёнами и детьми в России, и некогда постоянный приток вновь прибывающих иссяк. Голландская община стремилась защититься путём введения новых правил. Так, с 1875 года церковный совет должен был состоять из трёх голландцев и трёх германоязычных прихожан. Цель новшества была очевидна – чтобы «голландская» община вкупе с голландским пастором всегда оставалась в большинстве. Правила церковных собраний были изменены в сторону того, чтобы лишать права голоса тех, кто слишком оторвался от голландских корней, что приводило к скандальным разбирательствам по поводу того, кто имеет право голоса, а кто нет. Вопрос о том, на каком языке проводить эти собрания – на голландском или немецком – мог вызвать серьёзные проблемы, получившие разрешение в 1917 году, когда был выбран русский, как язык, который понимает каждый присутствующий!

Тем не менее, германизация церкви продолжалась. Преподобный Гиллот, рукоположенный в 1872 году, был заметной фигурой в кругах петербургских интеллигентов. Он был талантливым проповедником, и во время его служб на немецком языке церковь была полна русских знаменитостей. Службы же на голландском языке посещались плохо[12]. Неудивительно, что Гиллот сократил шесть месяцев служб на голландском языке до трёх. В начале XX века его преемник Пантекёк примкнул к голландскому крылу: его немецкий был настолько плох, что перед утверждением в должности его направили на языковые курсы. В 1902 году ему удалось восстановить

[12] *Engberts E.* Herinneringen aan Rusland. Amsterdam, 2004. P. 72–73.

Илл. 5. Преподобный В.Л. Вельтер (1816–1900), пастор Голландской церкви в Петербурге в 1842–1867 и в 1872–1873. Литография А. Мюнстера, 1859. Государственное бюро художественно-исторических документов, Гаага, Нидерланды

равенство между службами на немецком и голландском языках, хотя теперь их приходилось чередовать еженедельно[13].

Высылали из столицы. Службы на немецком языке были отменены во избежание каких-либо подозрений в сотрудничестве с врагом. Однако их не заменяли службами на голландском языке, а либо отменяли вовсе, либо исполняли концерты из сочинений немецких композиторов – музыка представлялась менее «национальной», чем слово[14].

Всё изменила революция. Те, кто мог связать своё будущее с Голландией, уехали из России. Остались только самые ассимилированные, давно уже ставшие германо- или русскоязычными: около пятидесяти прихожан из двухсот пятидесяти. Ранее эта ассимилированная группа не особо участвовала в церковных делах. Характерно, что мы не нашли никаких сведений о них в записях русскоязычной протестантской церкви, проводившей службы в помещениях Голландской церкви в 1920-е годы[15].

---

[13] Пантекёк был пастором Голландской церкви в 1902–1912 гг.

[14] Программы концертов находятся в архиве Голландской реформатской церкви в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Ф. 40. Оп. 302. Д. 19–25. В эти годы доля голландскоязычных прихожан заметно уменьшилась. В 1916 г. не более 86 из 261 прихожанина церкви говорили по-голландски.

[15] Последние годы церкви подробно описаны в: *Staalduine Th.J.S. van*. The Lost Battle of the Last Chairman: François Schmitt and the Decline of the Dutch Reformed Community in St. Petersburg, 1920–1927 // Holtrop P.N., Slechte H. (eds.). Foreign Churches, 97–109. Папка о Русской церкви Иисуса Христа в Петрограде, в которую объединились лютеране и кальвинисты в 1920-х гг. и службы которой проводились в здании Голландской церкви, находится в ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 52.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что можно сказать в завершение темы языков Голландской церкви в Санкт-Петербурге? Как представляется, в XVIII веке языковой вопрос сам по себе не был причиной раздоров. С учреждением церкви причиной раскола в 1717 году послужили конфессиональные различия между лютеранами и кальвинистами. Позже раскол и «расползание» церкви были обусловлены плохим исполнением обязанностей со стороны пастора и противостоянием иммигрантов и временных гостей. Когда дым рассеялся, Голландская церковь смогла успешно справиться со своим двуязычием, свидетельством чего может служить то, что в 1819 году германоязычное большинство пошло на уступки, когда голландское меньшинство ощутило необходимость в большем количестве служб на родном языке. И лишь национализм, проявившийся во второй половине XIX века, превратил языковой вопрос внутри церкви в предмет ожесточённых баталий. Похоже, к началу XX века национальный, культурный аспект оказался для голландской общины важней, чем религиозная миссия церкви.

Г.Л. Тульчинский
(Санкт-Петербург)

Голландский нравственный опыт и этика деловой активности в России: две волны влияния

МОРАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ И НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ

Философское и моральное влияние одной культуры на другую реализуется отнюдь не только через философию, трактаты философов, их изучение и толкование, трансляцию этих толкований посредством системы образования. Не меньшую, если не большую роль играет непосредственный жизненный опыт: деловые контакты, художественная культура, личное общение.

С этой точки зрения несомненный интерес представляет влияние нидерландской нравственной культуры на нравственную культуру российского общества. В России всегда не очень хорошо знали голландских философов, осмыслявших проблемы морали. Исключение составляли, пожалуй, только Б. Спиноза в Новое время и Й. Хёйзинга – в Новейшее. К этим мыслителям в России относились и относятся весьма уважительно, но за рамки историко-философские этот интерес практически никогда не выходил, и существенного влияния на российскую теоретическую этику эти мыслители не оказали.

Куда более результативным является влияние обыденной культуры Нидерландов на российскую нравственность. Можно выделить две волны такого влияния.

Первая относится к Петровской эпохе. Реформы Петра I (рубеж XVII–XVIII веков, начало XVIII столетия) дали старт коренной ломке традиционных для России форм бытия – как социальных, так индивидуальных. Образцами и в немалой части – акторами этой трансформации выступали носители протестантской культуры, преимущественно немецкие и голландские купцы, промышленники, ученые. Их поведение, образ жизни, внешний облик, манеры, быт перенимались, воспроизводились. Такая прививка носила первоначально довольно искусственный характер. Однако по мере формирования нового облика российской элиты этот стиль жизни всё более закреплялся. Всё большее число молодых аристократов, представителей «третьего сословия» руководствовалось такими базовыми ценностями, как свобода и ответственность, рациональность, исторический прогресс, активная деловая активность, хозяйственная деятельность.

Собственно, именно этот процесс обусловил «расколотость» российской культуры на элитарную – отчётливо западническую – и остававшуюся традиционной культуру низов. В результате либеральные ценности так и не вошли органично в нравственную, правовую и политическую культуру России. Разрыв элитарной и народной культур привёл к феномену и краху декабризма, кризису народнической интеллигенции, слабости отечественного капитализма и среднего класса, неадекватной рецепции марксизма и, как следствие, – катастрофе 1917 года, последовавшей Гражданской войне, торжеству тоталитарного режима.

Вторая волна влияния активизировалась во второй половине XX столетия, особенно начиная с горбачевской «перестройки» и последовавшей трансформации российского общества. От первой она отличается как условиями, так и самим процессом влияния. Речь идёт о вхождении России в глобализированную экономику, широком вовлечении всех социальных групп в формирование демократических институтов власти и новых способов хозяйствования, приватизации, появлении новой отечественной буржуазии, открытости российского общества широким межкультурным контактам как на государственном, так и межличностном уровне. Немаловажную роль играют современные средства связи и массовой информации (телевидение, радио, пресса, интернет, массовое искусство, спорт, реклама).

Голландские товары, фирмы, технологии, молодёжные субкультуры, футбол, эстрада, толерантность и биоэтика – всё это во всё

большей степени открывается российским предпринимателям и менеджерам, политикам и учёным, студентам и туристам. При этом следует подчеркнуть, что вторая волна рецепции протестантских нравственных ценностей носит более органичный характер. Речь идёт не столько об их насаждении, сколько о «впитывании», востребованности. Особую роль при этом играет этика деловой активности – бизнеса и менеджмента.

РОЛЬ БИЗНЕСА И ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Обусловлено это местом бизнеса и менеджмента в современном обществе, их важными функциями.

Прежде всего, это ***экономическая*** функция: вне зависимости от общественного уклада, политического режима, господствующих религиозных взглядов, каждое общество способно существовать и успешно развиваться только при условии хозяйственной деятельности, обеспечивающей, как минимум, хотя бы воспроизводство потенциала общества. А это предполагает эффективную деловую активность, управление ею.

Не менее важна ***политическая*** функция бизнеса и менеджмента. Политическая жизнь любого общества, в конечном счёте, выражает столкновение, борьбу конкретных интересов, прежде всего – экономических. Поэтому деловой мир (крупные предприниматели, топ-менеджеры, средний и мелкий бизнес, объединённый в отраслевые или региональные союзы и ассоциации) оказывает существенное влияние на принятие политических решений, без их активного участия и поддержки не обходится ни одна избирательная кампания, формирование органов власти.

В известной степени деловой мир выполняет по отношению к обществу ***лидерскую*** функцию – в том плане, что его состояние, цели, характер и способы осуществления деловой активности определяют состояние общественной жизни: общие настроения, жизненные цели и т.д. Не случайно бизнесмены и топ-менеджеры, наряду с политиками и известными деятелями культуры – главные «ньюсмейкеры», к которым приковано внимание общественности, средств массовой информации.

В свете сказанного становится очевидным, что в современном обществе бизнес и менеджмент выполняют важнейшую **модернизационную**, а ещё точнее – ***инновационную*** функцию, обеспечивая не только экономические условия выживания и развития социума, но и реализацию новейших достижений мировой технической, науч-

ной и гуманитарной мысли. Нельзя не признать, что переход традиционных обществ и культур к современному производству, достижениям науки, техники, медицины, гражданскому обществу, демократическим свободам, международному сотрудничеству и интеграции осуществляется именно с помощью деловой активности и соответствующего менеджмента.

Деловой мир выступает главным связующим звеном, обеспечивающим полноценную интеграцию общества, существование и развитие ***социального партнёрства***. Не только политика, но и искусство, образование, наука, спорт в любой стране и любом обществе не могут полноценно развиваться без поддержки со стороны делового мира.

Деловая активность (бизнес) – одна из самых динамичных и пластичных форм человеческой деятельности. Этика деловых отношений играет исключительно важную, если не определяющую роль в динамике нравственной культуры общества. В этой связи можно говорить о ***нравственной*** (***этической***) функции бизнеса и менеджмента. Этика деловых отношений оказывает решающее влияние на реальную нравственную культуру.

В отличие от национально-этнических традиций, религиозных ценностей и норм, аккумулирующих и сохраняющих культурные традиции, нравственный опыт, выработанный предыдущими поколениями, этика деловой активности оказывает решающее влияние на формирование реальной нравственной культуры, её динамику, выступая при этом своеобразным практическим ориентиром нравственной культуры, свойственной современности.

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ЭТИКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

У подавляющего большинства людей в России и за рубежом образ отечественного предпринимателя ассоциируется с цинизмом, рвачеством, обманом, пренебрежением к человеческой жизни, а то и с кровью. Бизнес и менеджмент ставятся рядом с преступностью. Общественное мнение, до сих пор убеждённое, что от трудов праведных, не наживешь палат каменных, весьма агрессивно относится к «новым русским».

К сожалению, речь идёт не только об общественном мнении, но и о самооценке самих представителей делового мира, когда разговоры об этике (не этикете!) бизнеса воспринимаются либо как признак слабости и несостоятельности, а то и слабоумия, либо как особо изощрённой хитрости, цинизма и ханжества.

Честно говоря, трудно было ожидать чего-то иного. Апофатичность российского духовного опыта (русское православие, философия, художественная культура, политическая жизнь, обыденный здравый смысл и т.д.) не мобилизуют человека на конструктивную созидательную жизнедеятельность. Сама жизнь в этом опыте не является ценностью. Человек не может сделать лучше свою жизнь и жизнь своих близких. Мир – юдоль страдания, а жизнь – нравственное испытание страданием. И чем больше человек пострадает в этой жизни, тем больше ему воздастся в мире ином, светлом будущем. Это рождает особый российский нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом, эскапизм, доходящий до утопизма и эсхатологизма. В сочетании с особенностями российской политической истории, характером экономики, особой озабоченностью проблемой власти, всё это придало российскому духовному опыту особую нравственную напряжённость амбивалентности кротости и крутости, чреватую метафизическим самозванством.

Главная проблема новейшего российского реформаторства и его организаторов заключается, пожалуй, в том, что они мало отдавали себе отчёт в том, с каким обществом, с какой нравственной культурой они имели дело. Да, собственно и сами они, принадлежа этому обществу, были и есть носители той же нравственной культуры. Приватизация по наименее перспективному пути, чеченская авантюра, общий аморализм правящей элиты и истеблишмента... – этот ряд можно продолжать и продолжать.

Отсутствие нравственных тормозов всё более явно осознается главной угрозой российскому обществу – большей и более существенной, чем экономическая стагнация и даже перспектива распада государственности. Тем острей вопрос – каковы перспективы российской нравственной культуры? И связаны ли они с рецепцией ценностей протестантской нравственной культуры?

ПРОСТЫЕ КРИТЕРИИ

Действительно, имеется ли в российском духовном и историческом опыте нравственный потенциал социально ответственного автономного поведения? Связан ли он с идеей экономической свободы и успеха? Если – да, то тождественен ли он либерализму, и тогда – почему тот оказывается до сих пор столь несостоятельным и невостребованным? Если – нет, то имеются ли в российской культуре иные импульсы и ткани свободы и ответственности?

Главная задача заключается в поиске реального культурно-исторического опыта свободы, сегментов российского общества, в которых реализовывался и реализуется опыт автономного (от государственной власти) существования. И сфера деловой активности в этом плане несомненно представляет особый интерес. В отличие от форм официальной и неофициальной религиозности, диссидентства научной и художественной интеллигенции, субкультуры андеграунда, сфера бизнеса даёт опыт не столько духовного, сколько практического самоопределения, реального самостоятельного жизненного обустройства.

Должны работать простые и ясные критерии. В качестве ростков этики современного отечественного бизнеса могут быть признаны те проявления нравственной культуры, которые имеют конструктивный характер. Вряд ли плодотворно искать некие универсальные содержательные этические принципы. Это чревато повтором результатов «первой волны», т.е. внедрением в социальную жизнь нравственных оснований, не всегда в ней укоренённых. Призывы к общечеловеческим ценностям ничуть не лучше призывов к «соборности». И то и другое – теоретически безупречные основания этики, но в реальной жизни они оборачиваются собственной противоположностью. Более плодотворным представляется вектор анализа от реальной практики к её этическому осмыслению.

Такой подход предполагает выявление своего рода «точек кристаллизации», культивирования реального опыта успешного честного отечественного бизнеса, порождающего реальные ткани конструктивной культуры нравственности.

НОВЫЙ СТАРТ

В этой связи особенно интересны перспективы утилитаристского подхода, кстати, одной из этических основ либерализма. Речь идёт не столько об этической концепции, сколько о «расчётливом гедонизме», «разумном эгоизме» обыденного опыта деловой активности, «калькуляции» практической пользы, «бизнес-плане» максимизации блага. Эта рационалистическая составляющая чрезвычайно характерна для деловой активности и весьма показательна с этической точки зрения.

Один голландский предприниматель, активно занимающийся благотворительной деятельностью в сфере культуры у себя на родине, в личной беседе, отвечая на вопрос, почему он, выйдя на российский рынок, отказывает в поддержке очевидно социально значи-

мым проектам и программам, участие в которых может способствовать продвижению его репутации, имиджа, налаживанию контактов, ответил, что он этим обязательно займётся, но лет через 5–7, а пока ему дешевле дать взятку российскому чиновнику.

Однако утилитаризм проявляется и во все глубже проникающем в сознание людей понимании ответственности за себя и своих близких, необходимости расчёта на свои силы, а значит – ясного осознания собственных интересов и возможностей и как следствие – осознания – с кем и по какому поводу возникает общность интересов. После эйфории 1991–1992 годов очень скоро наступил момент истины – осознание, что бизнес начинается не с денег, не с оборудования. Можно иметь деньги, приличную материально-техническую базу, даже отличную идею товара, но всё пойдет прахом, если не выяснено – какие у кого из участников интересы и мотивы. Важно сначала разобраться, кто чего хочет, сплести реальную общность интересов. Но тогда, рано или поздно, необходимо разобраться с самим собой: а ты сам-то чего хочешь? кто ты такой хотя бы для себя самого? за кого ты держишь самого себя и других людей? Так что индивидуализм и гедонизм утилитаризма далеко не банальны.

Показательны в этом плане события зимы 2011–2012 годов, связанные с выборами в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. За годы «тучных коров» относительной стабильности и роста благосостояния, в России выросло, как минимум, два поколения людей, обладающих не «чувством хозяина», как в советское время, а реальной собственностью. У некоторых появились недвижимость, а то и бизнес. Эти люди осознали свои интересы, границы их свободы (=ответственности) уже вышли за пределы кожно-волосяного покрова. И они хотят, чтобы с их мнением считались, чтобы всё было по правилам, по закону. Они уже поняли, что на дороге все едут только тогда, когда все соблюдают правила, и стоит кому-то нарушить их, как могут встать все. Эти люди уже стоят вечером на пустом перекрёстке и ждут зелёный свет. И им это нравится – стоять и ждать. Эти люди могут простить ложь во время предвыборной кампании – почему бы не приврать в рекламе... Они даже могут понять вброс бюллетеней – почему бы не воспользоваться недоглядом. Но когда взрослые дяденьки и тётеньки-председатели избирательных комиссий сбегают с урной для голосования через окно в туалете, переписывают протоколы... Это значит, что кто-то ворует их голос! В сети висели и висят видеосюжеты, заснятые сравнительно молодыми успешными, состоявшимися людьми на их собственные недешёвые гаджеты. И их протест был не политическим, а сугу-

бо гражданским (во всех языках слово «гражданин» восходит к «горожанин», «бюргер», «буржуа»). Никто из них не боролся за власть – эти люди хотели привести власть в чувство, чтобы она соблюдала свои же правила и законы.

У нас на глазах вызревает новая нравственная культура российского бизнеса и общества в целом: иногда грубо циничная, иногда простовато расчётливая. Но именно она, грубая, но внятная, создаёт предпосылки дальнейшего роста и созревания личности и нравственной культуры: от осознания своих потребностей и интересов к самосознанию, от мотивации успеха-достижения к успеху-преодолению и самосовершенствованию, откуда уже рукой подать до осознания призвания и нравственного долга.

Если модернизации западного мира предшествовала Реформация, то в России у нас на глазах реализуется противоположный сценарий: экономическая модернизация «явочным порядком» формирует новую нравственную, правовую и политическую культуру. Возможно, в этом и состоит реальный смысл «особого русского пути».

Нравственная культура России во всё большей степени открывается для адекватной рецепции ценностей свободы, ответственности, долга. Что, в свою очередь, создаёт предпосылки расширению и углублению деловых, политических, творческих и личных контактов российской и голландской культур.

Г. Фурман
*(Нидерланды)**

«Коммунистическая община» Нидерландов

В 1929 году один член Коммунистической партии Нидерландов писал в газете De Tribune, органе КП страны: «Наша отчизна в России; мы гордимся ею и служим ей»[1]. Члены Коммунистической партии Нидерландов были гражданами Голландии, что не мешало им чувствовать себя частью – возможно, для них это имело куда большее значение – международного сообщества коммунистов, в центре которого пребывал Советский Союз.

В данной статье мы намерены представить картину деятельности коммунистической общины Нидерландов в прошлом столетии, и ту роль, которую Москва, находящаяся в нескольких тысячах километров к востоку от неё, сыграла в её создании и развитии. В центре нашего исследования – период 1920-х годов, когда коммунистическое сообщество находилось на раннем этапе своего развития (точнее было бы сказать, когда оно только возникло) и до первых двух десятилетий после Второй мировой войны, когда культ личности Сталина имел решающее значение для голландского коммунистического сообщества[2].

---

* Пер. с англ. **Д.А. Прияткина**.

[1] De Tribune. 22 January 1929.

[2] Эта статья отчасти основана на: *Voerman G.* De meridiaan van Moskou. De CPN en de Communistische Internationale 1919–1930. Amsterdam; Antwerpen, 2001. P. 453–466.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СООБЩЕСТВА

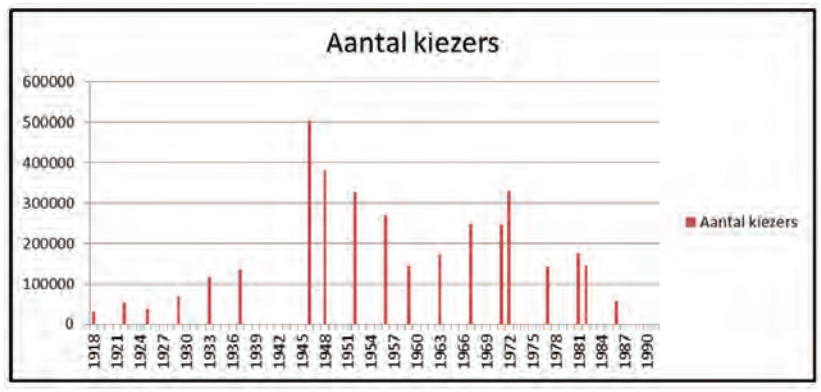
В отличие от многих других стран, коммунистическое сообщество Нидерландов возникло не после Октябрьской революции 1917 года в России, а гораздо раньше, в 1909 году, хотя и называлась тогда иначе. Из-за разногласий группа членов Голландской Социал-демократической партии, придерживавшихся твёрдых принципов марксизма, отделилась и образовала собственную партию. Её руководители поддерживали тесную связь с большевиками-ленинцами. После Октябрьской революции 1917 года в России, партия переименовала себя в Коммунистическую партию Нидерландов и присоединилась к Коминтерну, центр которого находился в Москве. В 1920-е годы, по мере того как Коминтерн становился всё более влиятельной международной организацией, а Советский Союз играл в ней всё более решающую роль, КП Нидерландов, подобно другим дочерним отделениям Коминтерна, постепенно утратила свою независимость. Этот процесс «приручения» других компартий завершился в 1930 году, когда Москва назначала руководителей КП Нидерландов в одностороннем порядке.

Одновременно с процессом абсолютного отождествления КП Нидерландов с членством в Коминтерне и с Советским Союзом создавалась специфическая коммунистическая субкультура, со своими отличительными особенностями, своими философскими, политическими и нравственными убеждениями, своей трактовкой истории и традиций, и даже с собственной лексикой[3]. Сразу после Октябрьской революции 1917 года ничего этого не было. По сути, «коммунистический мир» ещё только предстояло создать. И, разумеется, он не мог быть создан мгновенно – для этого потребовались 1920-е годы. Именно Коминтерн сыграл важнейшую роль в формировании коммунистов и коммунистической общины – он запустил механизм установления общественно-политических отношений. Москва постепенно формировала специфическую коммунистическую культуру, создавая различные организации, увековечивая памятные события, вводя праздничные дни и символику.

[3] «Сейчас трудно представить себе ту колоссальную силу, которую члены партии извлекали из осознания себя солдатами единой интернациональной армии», – писал о коммунистической партии историк Хобсбаум; см.: *Hobsbawm E.J.* Problems of communist history // *Hobsbawm E.J.* Revolutionaries. Contemporary Essays. New York, 1973. P. 3–10, 5; *Rooy P. de.* Een zoekende tijd. De ongemakkelijke democratie 1913–1949 // *Aerts R. e.a.* Land van kleine gebaren. Een politieke geschiedenis van Nederland 1780–1990. Nijmegen, 1999. P. 177–262, 199.

Голландская коммунистическая община, при всей своей сплочённости, отнюдь не была многочисленной. Сейчас трудно утверждать, сколько людей она охватывала, так как число её членов то и дело колебалось. Во всяком случае, она состояла из членов партии и их семей – они составляли стержень общины. Несомненно и то, что многие подписчики партийной газеты также принадлежали к Коммунистической партии. Верхним пределом численности общины можно считать весь электорат КП Нидерландов, хотя, очевидно, далеко не все избиратели считали себя убеждёнными коммунистами [табл. 1]. В 1920 году число членов коммунистической общины насчитывало не менее 10 000 (на 7 миллионов жителей Голландии), а в 1950-х – 50 000 (на 10 миллионов). Можно утверждать, что по сравнению с французской или итальянской компартиями, голландская община была небольшой.

Таблица 1: Электорат КП Нидерландов, 1918–1986 годы

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ГОЛЛАНДСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

Коммунистическая община основывалась на чётких идеологических и организационных предпосылках. Идеологическим основанием служила теория марксизма-ленинизма – не просто научная доктрина, предлагающая своё толкование общественных процессов, а всеохватывающая система взглядов, которая обещала процветание и тем самым придавала смысл человеческой деятельности и служила руководством для своих сподвижников. Проповедуя спасение через бесклассовое общество и категорически отвергая капитализм и «буржуазную» демократию, марксисты-ленинцы немало пре-

успели в том, чтобы изолировать коммунистическую общину от остальной части общества.

Организационной основой этой общины служила Партия, и это слово обычно писалось с заглавной буквы. Это вполне соответствовало учению Ленина о том, что партия должна быть централизованным и построенным на жёсткой дисциплине передовым отрядом, который ведёт за собой пролетариат в деле выполнения его исторической задачи – освобождения трудящихся и всего человечества. А если цель столь высока, не может быть места уклонизму. После трудовой вахты или на выходных члены партии обязаны были посещать собрания, митинги протеста или вечернюю школу, заниматься распространением листовок и выпусков De Tribune, а также «навещать» потенциальных подписчиков и членов партии. От них также требовалась уплата членских взносов из своих скудных заработков – деньги шли в избирательный фонд.

Однако партия не только обязывала, она многое обещала. «Служить партии – значит жить; всё, что было со мной в прошлом, кажется теперь призрачным, ненастоящим, ничтожным»[4]. Эти строки, написанные неизвестным коммунистом в 1929 году в торжественном обращении к партии, звучат как псалом. Коммунистическая партия Нидерландов и её община позволяли её членам участвовать в политической жизни общества, организовывали досуг, наделяли чувством уверенности, давали смысл и цель в жизни, ощущение принадлежности к огромному всемирному сообществу единомышленников. Это ощущение сквозит в слове «товарищ» (*kameraad*), которое пришло из Советского Союза и стало привычным обращением друг к другу, заменив прежнее – «товарищ по партии» (*partijgenoot*).

Община подразделялась на различные «пролетарские» товарищества и организации, обычно учреждаемые для оказания взаимопомощи, культурного развития и продвижения её членов.

Москва играла ключевую роль в этой институционализации. Помимо Коминтерна, в начале 1920-х годов были созданы всевозможные международные и национальные организации, в том числе профсоюзы, женские организации, союзы молодёжи, сельских тружеников, товарищества помощи бастующим рабочим и «жертвам капитализма» [табл. 2].

[4] De Tribune. 22 January 1929.

Таблица 2: Международные коммунистические организации

Международные коммунистические организации	**Сокращение**
Коммунистический Интернационал	Коминтерн
Красный Интернационал профсоюзов	Профинтерн
Коммунистический Интернационал молодёжи	КИМ
Красный крестьянский Интернационал	Крестинтерн
Красный спортивный Интернационал	Спортинтерн
Международная организация помощи рабочим	Межрабпом
Международная организация помощи борцам революции	МОПР
Лига борьбы против империализма	

СОЗДАНИЕ ТРАДИЦИЙ

Параллельно с институционализацией полным ходом шёл процесс, который историк Эрик Хобсбаум назвал «созданием традиций»[5] – он также был инициирован Москвой. Коминтерн ввёл ряд церемоний, традиций и символов, которые способствовали формированию специфического коммунистического сознания. Некоторые из них были абсолютно новыми, другие были заимствованы из революционно-социалистического прошлого. Они укрепляли сплочённость голландской коммунистической общины и узаконивали авторитет Москвы как руководителя международного рабочего движения.

Главным символом в коммунистическом мире был красный флаг, давний излюбленный символ социалистов, нередко его украшали звезда или серп и молот, символы Советского Союза [илл. 1 и 2]. Коммунисты также выражали свою солидарность с трудящимися других стран, исполняя «Интернационал», ставший государственным гимном Советского Союза после Октябрьской революции. Эту песню нередко можно было услышать на демонстрациях и партийных собраниях.

Помимо этих символов существовало огромное множество ежегодных коммунистических праздников, в результате чего образовался новый, коммунистический календарь [табл. 3]. Все эти годовщины были поводом выразить интернациональную солидарность и

[5] *Hobsbawm E.J.* Introduction: Inventing Traditions // Idem en T. Ranger (red.). The Invention of Tradition. Cambridge, 1993. P. 1–14.

Илл. 1. Плакат Коммунистической партии Нидерландов на государственных выборах в 1946 году. Центр документов политических партий, Нидерланды

Илл. 2. Обложка программы Коммунистической партии Нидерландов 1952 года. Центр документов политических партий, Нидерланды

верность Москве. Праздники были предназначены не только для того, чтобы заявить о себе некоммунистическому миру; они были очень важны и для «своих», так как благодаря им коммунистические общины обретали исторические корни, они укрепляли чувство солидарности – особенно те, что были связаны со смертью Ленина и годовщиной Октябрьской революции.

Таблица 3: Календарь коммунистических событий

Дата	**Событие**
21 января	Годовщина смерти Ленина
6 марта	День солидарности с безработными
8 марта	Международный женский день
18 марта	День МОПР
7 июля	Международный Кооперативный день
1 августа	День поддержки Советского Союза
Начало сентября	Международный День молодёжи
7 ноября	Годовщина Октябрьской революции

Илл. 3. Объявление о собрании, посвящённом годовщине смерти Ленина в 1920-х годах. Центр документов политический партий, Нидерланды

По настоящему героизация Ленина началась после его смерти в 1924 году, когда его личность стали наделять вымышленными чертами. Приписываемые Ленину бесстрашие, щедрость и гениальнсть превращали его в наставника, чуть ли не святого, которому следовало подражать. Это мифотворчество вполне вписывалось в процесс формирования коммунистического сообщества. Покойного большевистского лидера прославляли как образец для всех коммунистов, старых и молодых. Так, в 1927 году, на митинге, посвящённом годовщине смерти Ленина, известная голландская коммунистка, поэтесса Генриетта Роланд Хольст, выступавшая перед собравшимися в Концертном зале в Амстердаме детьми, обратилась к ним с вопросом, хотят ли они стать такими же образцовыми коммунистами, как товарищ Ленин. «Вы клянётесь?» – спросила она. И дети ответили: «Да!»[6] Некоторые члены компартии Нидерландов проникались таким пиететом перед личностью Ленина, что называли своих сыновей Владимирами.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК «ОТЧИЗНА ТРУДЯЩИХСЯ»

Торжества, устраиваемые в честь Октябрьской революции и ленинских дат, отвечали тому чувству восхищения, которое коммунисты испытывали к Советскому Союзу, «отчизне трудящихся»[7]. И так как большинство членов партии могли только мечтать о том, чтобы побывать на земле обетованной, КП Нидерландов делала всё

[6] De Tribune. 24 January 1927.
[7] Idem. 11 October 1927.

возможное, чтобы сократить географическое расстояние между странами и так или иначе утолить любопытство и желание выразить свою солидарность со страной Советов.

Во-первых, в её арсенале имелись очевидцы исторических событий. Представители партии, побывавшие на первых конгрессах Коминтерна, рассказывали на огромных многолюдных митингах в Амстердаме о своих впечатлениях – разумеется, в хвалебном тоне. Те члены партии, которым довелось поработать в Советском Союзе, писали заметки в De Tribune, в которых делились впечатлениями о жизни в этой стране.

Посланники отделений КП Нидерландов наносили визиты морякам советских судов, стоящих на причалах в Роттердаме, Амстердаме и Заандаме. В таких случаях над процессией обычно развивался красный флаг, и после встречи голландские коммунисты вместе с командой советских моряков исполняли «Интернационал».

Земля обетованная становилась всё ближе благодаря новым средствам массовой информации. Коммунистическое Общество народной культуры Нидерландов показывало советские фильмы, которые нередко пользовались популярностью. Другим средством наведения мостов было радио. В распоряжении Коминтерна было собственная радиостанция, которое De Tribune называла «оазисом в пустыне». Когда это радио транслировало «Интернационал», сердца коммунистов бились в унисон с мелодией, потому что «только тогда вы ощущали, насколько важно для коммунистов знать, что в Восточной Европе есть государство, которым управляет пролетариат и которое служит пролетариату»[8].

Чувство солидарности голландских коммунистов с Советским Союзом поддерживалось самыми разными средствами. И поэтому многие воспринимали государство рабочих и крестьян как политическую родину, ощущая свою связь с Москвой на эмоциональном уровне.

СТАЛИНСКАЯ ЭПОХА

В этом порыве солидарности с Советским Союзом всё более важное место занимал Сталин. «Наша политика – политика Сталина, поэтому мы по праву можем называть себя сталинистами», – заявил лидер партии Пауль де Гроот в 1946 году[9]. После Второй мировой войны культ личности перешагнул все границы. Так, в манифесте КП Нидерландов 1952 года Сталин назывался «величай-

[8] Idem. 21 January 1929.

[9] *Stam A.* De CPN en haar buitenlandse kameraden. Soesterberg, 2004. P. 23.

Илл. 4. Демонстрация Коммунистической партии Нидерландов в Амстердаме в 1952 году. Центр документов политических партий, Нидерланды

шим преобразователем общества, учёным и государственным деятелем, который стоит во главе поднимающегося к вершинам человечества»[10]. Коммунисты хором пели «Сталинскую кантату»:

От края до края, по горным вершинам,
Где горный орёл совершает полёт,
О Сталине мудром, родном и любимом,
Прекрасную песню слагает народ.

Хотя Сталина возвеличивали словно полубога, парящего над простыми смертными, компартия Нидерландов старалась подчеркнуть в нём те черты, которые делали его человеком из плоти и крови. Помимо множества положительных качеств, которыми обладал Сталин, он был для коммунистов «любимым товарищем, другом и отцом». Это сближало прославленного вождя страны Советов с рядовыми членами партии. Празднование его семидесятилетия в 1949 году позволило компартии Нидерландов воспеть не только сверхчеловеческие, но и человеческие стороны его личности. Партийная газета De Waarheid («Правда», так стала называться бывшая De

[10] De weg naar socialistisch Nederland. Amsterdam, 1952. P. 24.

Илл. 5. Траурная церемония в Амстердаме 9 марта 1953 года в связи со смертью Сталина. Международный институт общественной истории, Нидерланды

Tribune) посвящала целые страницы поздравлениям советскому вождю от рядовых членов партии и от отделений КП Нидерландов. Партия объявила также о сборе подарков (зачастую собственноручно сделанных) от членов партии.

Смерть Сталина в 1953 году потрясла КП Нидерландов. В штаб-квартире партии в Амстердаме приспустили красный флаг. De Waarheid, до того публиковавшая поздравления от членов партии и отделений КП, теперь печатала написанные ими некрологи [илл. 4]. Одна семья из Роттердама, например, выразила «свои сердечные соболезнования в связи со смертью товарища Сталина»[11]. Везде, в том числе, в Амстердаме проводились траурные митинги. «Портрет любимого вождя в окружении красных знамён, на которых красовались серп и молот, развевался над строгой платформой. В знак траура знамёна окаймлены чёрными лентами». После торжественно-траурной церемонии, раздались громкие аплодисменты. По словам репортёра De Waarheid, таким образом присутствующие «выразили переполнявшие их в ту минуту чувства»[12] [илл. 5].

[11] De Waarheid. 14 March 1953.
[12] Idem. 10 March 1953.

УПАДОК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

Упадок коммунистической общины Нидерландов начался ещё в 1960-х годах[13]. Во многом этому способствовало смещение акцента на отдельную личность, процесс, разъедавший жёсткую идеологическую и религиозную сегментацию общества в Голландии. Другой причиной стал конец «холодной войны», сопровождавшийся уменьшением давления извне – т.е., того враждебного коммунизму мира, борьба с которым способствовала сплочению общины.

Но главной причиной конца коммунистической общины оказалась сама Компартия Нидерландов, руководство которой было против разоблачения культа личности Сталина, начатого Хрущёвым в 1956 году. Вожди КП Нидерландов не хотели иметь ничего общего с теми, кто дискредитировал Сталина, и в 1960-е годы они разорвали свои отношения с Москвой. Партийным функционерам запрещалось посещать торжественные приёмы в посольствах социалистических стран в Гааге, они больше не проводили свой отпуск в Советском Союзе. Корреспондент De Waarheid был отозван из Москвы, а в 1967 году, когда праздновалось пятидесятилетие Октябрьской революции, КП Нидерландов отклонила приглашение КПСС принять в нём участие. В 1968 году КП Нидерландов выступила с заявлением, резко осуждающим вторжение войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Отчуждение от Москвы ударило по самым истовым членам коммунистической общины Нидерландов, потому что ещё с 1920-х годов преданность Советскому Союзу и восхищение «отчизной социализма» составляли сердцевину коммунистической общины. Теперь, когда чувство абсолютного отождествления исчезло, община стала распадаться. Этот процесс был ускорен притоком в партию студентов в 1970-х годах. Новички, как правило, не разделяли восхищения Советским Союзом – а именно оно в прошлом подталкивало людей к тому, чтобы вступить в ряды компартии. Новые члены партии поначалу были согласны со сталинской партийной платформой, но в 1980-х годах они резко изменили свои взгляды, что, в свою очередь, в корне поменяло всю политику партии. Сначала КП Нидерландов отреклась от сталинизма, а позже – и от ленинизма.

[13] See: *Voerman G.* Premature *Perestroika*: The Dutch Communist Party and Gorbachev // David S. Bell, ed. Western European Communism and the Collapse of Communism Oxford: Berg, 1993. P. 157–171.

Теперь, когда распался СССР, когда Ленина уже не воспринимают как вождя, не с чем стало солидаризироваться. Эти перемены привели к тому, что КП Нидерландов присоединилась к пост-материалистической, феминистской по духу, партии борцов за сохранение окружающей среды – партии «Левых-зелёных». КП Нидерландов объявила о своём роспуске в июне 1991 года, за шесть месяцев до распада Советского Союза. К этому времени коммунистическая община Нидерландов уже прекратила своё существование.

М.В. Шкаровский
(Санкт-Петербург)

Голландская церковь в Санкт-Петербурге

Благодаря симпатиям Петра I к Нидерландам, выходцы из этой страны играли видную роль в ранней истории Петербурга. В основном это были корабельных дел мастера, морские офицеры, купцы, врачи и строители. Ещё до Петербурга — во второй половине XVII века голландские церковные реформатские (кальвинистские) общины возникали на территории России: в Москве, Архангельске и других городах, но через некоторое время распадались. После возникновения новой столицы голландские торговцы начали переносить свою деятельность из бывшего главного торгового порта Архангельска в Петербург, кроме того расширились и другие связи России с Нидерландами. Образование голландской реформатской общины в Петербурге принято связывать с последствиями длительного пребывания Петра I в Нидерландах. Уже через год после основания города — в 1704 году норвежский голландец вице-адмирал Корнелиус Крюйс (1657–1727) привёз из Нидерландов первого пастора — В. Толле (немца по национальности), который отличался высокой образованностью. С 1708 года петербургские голландцы молились в небольшой деревянной лютеранской кирхе, возведённой на подворье вице-адмирала Крюйса на Неве. В этой церкви сосуществовали реформаты и лютеране, проповеди читались на голландском и немецком языках[1].

[1] *Шишигина Ю.В.* Кальвинизм в современном Санкт-Петербурге. Материалы по исследованию религиозной ситуации на северо-западе России и в странах Балтии: Вып. V. СПб., 2009. С. 116.

В 1709 году, когда В. Толле узнал, что серьёзно болен и не сможет продолжать служение, он обратился в известный пиитический центр в немецкий город Галле к лютеранскому пастору А.Х. Франке, который уже посылал священников в Москву. Последний не сразу смог найти желающих, но, в конце концов, появились два кандидата: Х.Г. Нациус и И.Г. Соргер, оба были рукоположены самим Франке на Вербное воскресенье 1710 года. В. Толле умер ещё до их приезда в Санкт-Петербург, и поэтому сразу после прибытия Нациус был назначен пастором общины, а Соргер — придворным проповедником К. Крюйса. 11 января 1711 года оба пастора были утверждены в своих должностях.

Так как Нациус не был знаком с голландскими обрядами богослужения, он попросил инструкций у Франке: «Могу ли я надеяться получить от Вашего Благородия письменное подробное отеческое наставление, особенно о том, как я должен вести себя по отношению к тем, кто принадлежит не к нашей, а к Реформатской и английской Церкви. Буду Вам сердечно признателен. Вкратце я сообщаю, что блаженной памяти Толле исполнял обряды на голландский манер. В здешней церкви не крестятся, не собирают взносов. Здесь нет алтаря, а лишь стол. Прошу Вас вкратце просветить меня, как объяснить людям, что всё это никакого отношения к Папе не имеет. У них также нет в церкви образов и т.д. Не могло бы Ваше Благородие прислать мне книжечку, которая обстоятельно объяснила бы подобные внешние символы. Буду Вам очень благодарен. В остальном, я оставляю всё так, как ввёл в обычай блаженной памяти Толле»[2].

Самостоятельная голландская церковная реформатская община в Санкт-Петербурге была основана 6 сентября 1717 года. Незадолго до этого события посол Нидерландов при дворе Петра I Якоб де Би, а также некоторые проживавшие в российской столице купцы, готовые гарантировать жильё и содержание, обратились с ходатайством в классис Амстердама, ответственный за церковь в Санкт-Петербурге, послать на службу в город голландского пастора. Осенью того же года в новую российскую столицу был выписан из Нидерландов пастор Херманус Герардус Грубе. В момент основания в общине состояло 36 человек, в их числе посол Якоб де Би и вице-адмирал К. Крюйс. Первые два года она не имела собственного молитвенного помещения, и богослужения по-прежнему совершались в лютеранской кирхе. Уже в начале XVIII века была заложена

[2] См.: Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). СПб., 2001.

традиция, во многом определившая дальнейшее развитие общины: все её пасторы вплоть до 1920-х годов являлись приезжавшими из Нидерландов или Германии иностранцами.

В 1717–1721 годах по повелению императора Петра I для России была напечатана Библия на голландском языке: Новый Завет — в Гааге, а Ветхий Завет — в Амстердаме, причём в обоих изданиях половина каждой страницы была оставлена свободной для допечатания церковнославянского текста. Допечатание Ветхого Завета на церковнославянском языке не было осуществлено, но Новый Завет допечатали в типографии Александро-Невского монастыря. Это способствовало изучению русскими голландского языка[3].

В 1719 году петербургские голландцы купили для себя на Адмиралтейской стороне (на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки) дом Пьера Пуси и устроили в нём молитвенное собрание и школу, здесь же поселился пастор. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранились метрические книги общины с 1717 года, главные и приходно-расходные книги с 1718 года и протоколы заседаний церковного совета, начиная с 1724 года. 6 апреля 1733 года рядом с уже купленным домом был за 1500 рублей приобретён одноэтажный дом, некогда принадлежавший известному французскому архитектору Жану-Батисту Леблону, куда и переехал молитвенный зал. Этот дом, построенный в год приезда Леблона в Санкт-Петербург в 1716 году, был богато украшен пилястрами, наличниками и филенками, современники считали его одним из самых нарядных зданий в столице. Летом 1736 года оба упомянутых дома сгорели.

Лишь пять лет спустя — в 1741 году — голландской общине удалось построить церковное здание на набережной реки Мойке, вблизи Главной полиции. Бóльшая часть денег на это строительство поступила из Нидерландов. Освящённая в доме в том же году церковь вмещала 250 человек. В ней, согласно документам, «деревянная резьба окрашена в лазоревый цвет, растительный орнамент позолочен... Мужчины сидят по правую руку, женщины — по левую»[4]. Заметное место в голландском обществе Санкт-Петербурга и в церкви занимали так называемые «русаки»: бывшие жители города Фри-

[3] *Чистович И.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857. С. 9.

[4] *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 437; *Шульц С.С.* Храмы Санкт-Петербурга (история и современность). Справочное издание. СПб., 1994. С. 260.

зенвейна, которые, занимаясь торговлей, приехали в Санкт-Петербург и остались здесь, заведя семьи. Многие из них в дальнейшем стали преуспевающими купцами. Таким образом, между Санкт-Петербургом и Фризенвейном возникли интенсивные деловые и торговые отношения.

Несмотря на то, что голландская община никогда не была большой, она почти всегда имела священников; некоторые из них были заметными и интересными личностями. Преемником скончавшегося в 1724 году первого пастора голландской церкви Х.Г. Грубе стал Г. Крамер, в течение последующих 20 лет, вплоть до своей смерти в 1744 году, служивший в общине. Любимого прихожанами Г. Крамера сменил в 1745 году пастор Й.Ф.Х. Карп. Его работа на этой должности закончилась в 1749 году ссорой с церковным советом. Конфликт обострился из-за расхождения во мнении о назначении солиста церковного хора и постепенно перешёл в продолжительную судебную тяжбу, потребовавшую значительных денежных расходов. В результате община смогла назначить следующего пастора лишь в 1770 году, а до этого времени была вынуждена пользоваться услугами пасторов французской и немецкой реформатских общин. Одно время рассматривался вопрос об объединении всех трёх кальвинистских общин Петербурга в церковное сообщество, однако этот план реализован не был. Воспротивились голландские моряки, с которых взимался «церковный налог», на этом основании они потребовали совершения богослужений только на родном языке.

Из-за длительного конфликта с пастором Й. Карпом община потеряла большинство своих членов: если в 1748 году она насчитывала 176 членов (мужчин), то в 1770 году их осталось всего 22. Вскоре после назначения в 1770 году нового пастора — голландца Я. Гаргона — число членов вновь существенно выросло. Среди новых прихожан было большое количество германо- и франкоязычных верующих, поэтому появилась необходимость иметь, по крайней мере, двуязычного пастора, ещё в 1769 году такое желание было высказано церковным советом. В результате, преемником Я. Гаргона в 1777 году стал пастор Й.Х.Л. Реутер, немец, который учился в Голландии. Он прослужил в Санкт-Петербурге более 20 лет[5].

В 1771 году молитвенное помещение расширили, в следующем году в нём поставили орган работы мастера Губкрама. В 1778 году голландская община купила соседний каменный дом на углу Невского проспекта и Большой Конюшенной улицы, где поселился

[5] См.: Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927).

староста, а затем пастор. Весь XVIII век община жила активной церковной жизнью. Хотя церковный дом тесным для небольшой колонии не был, после превращения Невского проспекта в главную улицу голландцы почувствовали, что их невзрачное здание не соответствует своему назначению. В 1797 году И. Кребер предложил выстроить новый величественный храм, но его проект реализован не был.

Русско-голландские связи продолжали развиваться и в послепетровскую эпоху, среди прочего оказывая влияние на православное духовное образование в Петербурге. Так, один из учащихся Славяно-греко-латинской семинарии в Александро-Невском монастыре, М. Клевецкий, в 1766 году был послан в голландский город Лейден для получения высшего образования, а после возвращения в Петербург в 1772 год стал преподавателем в родной семинарии[6]. В том же 1766 году москвич В. Багрянский также был отправлен в Лейденский университет, где обучался философии, истории, еврейскому, греческому и французскому языкам. После возвращения в Россию в 1776 году он был пострижен в монашество, а в 1782–1783 годах занимал должность ректора Александро-Невской семинарии в Петербурге в сане архимандрита[7].

В 1802 году пастора голландской общины Й. Реутера сменил пастор Г.М. Лампинг, скончавшийся в 1808 году. Его непосредственные преемники тоже недолго служили в общине: Д.И. Янсен — с 1809 по 1814 годы, Д. де Клерк — с 1815 по 1817 годы. Последующие голландские пасторы служили в Санкт-Петербурге дольше: Э.А.Я. Тамлинг — в 1819–1842 годах, В.Л. Велтер — в 1842–1867, и Я.Х. Кюнст — в 1867–1872 годах.

Между тем, затянувшееся строительство большой голландской реформатской церкви в столице Российской империи, наконец, удалось осуществить во второй четверти XIX века. Правда, разработанный в 1830 году проект итальянского архитектора Р. ди Ригеля остался на бумаге, так как зодчий не согласился внести требуемые изменения. Только 15 июля 1831 года по более дорогому проекту французского архитектора Поля Жако состоялась закладка нового церковного здания, которую произвел пастор Э. Тамлинг. Здание

[6] *Чистович И.* Указ. соч. С. 42.

[7] Там же. С. 36; *Архимандрит Августин (Никитин)*. Вопросы христианского единства в деятельности Петербургской — Ленинградской Духовной школы (1809–1984) // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвящённый 175-летию Ленинградской Духовной Академии. М., 1986. С. 77.

заняло участок двух существовавших до этого домов: старой голландской церкви на берегу Мойки и примыкавшего к ней строения на углу Невского проспекта и Большой Конюшенной улицы. Храм был оформлен по фасаду четырёхколонным портиком, на фронтоне имелась латинская надпись «Deo et servatori sacrum», хотя она и противоречила протестантской традиции. В тимпане фронтона над колоннадой был размещен горельеф с фигурами двух ангелов. Возведение церкви продолжалось три года и было завершено в 1833 году (современный адрес: Невский пр., д. 20).

Круглая в плане, высокая церковь на 370 человек занимала второй этаж и была украшена восемью парными коринфскими колоннами светло-зелёного цвета, которые как бы поддерживали церковный купол с великолепной росписью. Стены были украшены изразцами. На состоявшемся 14 января 1834 году освящении храма, которое провел пастор Э. Тамлинг, присутствовали принц Оранский и его сын — будущие голландские короли Вильгельм II и Вильгельм III, а также представители других протестантских общин. Обошлась постройка в 423 тысячи рублей, деньги были собраны путём пожертвований и взяты в долг. В примыкающих флигелях разместились конторы, магазины и квартиры, которые сдавались за плату.

Освещался интерьер золочёной бронзовой люстрой работы К. Тегельштейна. Лепку исполнил мастер И. Балин, роспись свода — Васильев, кафедру с позолоченным орнаментом изготовил столяр Герфурт. Внизу стены были облицованы красным деревом. Первоначальный орган в 1833 году сделал мастер Г.Л. Фридрих, в 1892 году его заменили новым, немецкой фирмы Валкера, для чего архитектор А.А. Гимпель соорудил хоры. В ризнице хранилось несколько представлявших художественную ценность серебряных предметов XVIII века[8].

С XIX века в храме служили по-голландски лишь летом, когда начиналась навигация, в остальные месяцы службы велись на немецком языке, так как богатая, но небольшая община была сильно онемечена и лишь треть её членов говорила по-голландски. Во главе прихода в 1873–1902 годах стоял известный проповедник пастор Хендрик А. Гиллот, его преемником в 1902–1912 годы был пастор Ф.С.А. Пантекук, последним же голландским пастором с 1914 года служил посольский священник Херман Схим ван дер Луф, оставивший интересные воспоминания.

[8] ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 203; *Антонов В.В., Кобак А.В.* Указ. соч. С. 437; Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927).

Приход с 1867 года содержал приют девочек-сирот, основанный госпожой Розой Шредер, школу и с 1905 года — столовую для бедных и пункт раздачи бесплатного питания голодающим детям, в 1905–1917 годах устраивал бесплатные концерты, а в годы. Первой мировой войны открыл лазарет. Беднякам выдавались денежные пособия (в архиве сохранилась книга выдачи таких пособий за 1819–1919 годы). Кроме того, голландский приход вместе с французской и немецкой реформатскими общинами содержал протестантскую школу. Кальвинистские общины Петербурга тесно сотрудничали: прихожане посещали службы всех трёх церквей, осуществлялся обмен пасторами, проходили общие богослужения[9].

Прихожан церкви сначала хоронили на Сампсониевском, затем на Смоленском и, наконец, на Волковском лютеранском кладбищах. В здании работали Голландский клуб и голландские магазины. Общество поощрения художеств устраивало здесь аукционы и выставки, на одной из которых большой интерес публики вызвала картина И. Репина «Бурлаки на Волге». Покровителем храма выступал посол Нидерландов, сидевший на богослужениях на почётном месте, и сама церковь с 1842 года считалась посольской. В 1910 году в церковном здании были проведены последние предреволюционные ремонтные работы[10].

Накануне Октябрьской революции 1917 года голландская община насчитывала около 300 человек, но правом голоса обладали лишь 124. Община по-прежнему была богатой (в её состав входили в основном иностранные торговцы), и членство в ней считалось почётным, так как означало принадлежность к преуспевающей торговой компании. В связи с этим община с особым вниманием относилась к людям, выражавшим желание вступить в её ряды. Несмотря на то, что среди прихожан в начале XX века было много обрусевших вследствие межнациональных браков, церковь сохраняла голландский характер. Некоторые русские прихожане долгое время оставались членами общины без права голоса[11].

В 1918 году храм на Невском проспекте был национализирован, а его капиталы реквизированы. В 1919 году состоялось последнее общее собрание прихожан-голландцев. Сохранившиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга алфавитные списки членов церковного прихода и книги выдачи посо-

[9] *Шишигина Ю.В.* Указ. соч. С. 117–118.
[10] *Антонов В.В., Кобак А.В.* Указ. соч. С. 437; *Шульц С.С.* Указ. соч. С. 260.
[11] *Шишигина Ю.В.* Указ. соч. С. 117.

бий бедным также завершаются 1919 годом, а главные книги общины — даже 1918. В 1920 году уехал в Нидерланды пастор Херман Схим ван дер Луф[12].

Из-за отъезда большей части голландцев на родину к весне 1920 года в общине оставалось всего 20 верующих, в мае того же года церковь даже временно закрывалась. Последний сохранившийся список старшин прихода датирован 3 сентября 1921 годом. 30 июня 1922 года в храме состоялось изъятие церковных ценностей. С сентября 1923 года в церкви по договору с голландской общиной пребывала русская община Иисуса Христа христиан евангелическо-лютеранского и реформатского вероисповедания, которую сначала окормляли немецкие пасторы Вильгельм Ферман и Гельмут Ганзен, а затем — выдающийся пастор Курт Мусс, погибший в 1930-е годы в Соловецком лагере. Документы этой общины, в том числе протоколы заседаний церковного совета и собраний прихожан за 15 марта 1924 — 31 мая 1926 годы и отчёты общины за 1 января 1924 — 1 июня 1926, сохранились в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга[13].

В июне 1926 года богослужения в храме прекратились, в начале 1927 года он был официально закрыт, 8 февраля того же года здание храма передали кукольному театру, а церковное имущество вывезли. После ремонта в 1935–1936 годах центральную часть дома заняла районная библиотека имени А.А. Блока, которая остается в нём до настоящего времени. Другие помещения заняли торговые организации, книжный магазин и жилые квартиры. Так как в настоящее время голландцев в Санкт-Петербурге очень мало, ходатайств о возвращении церковному зданию его первоначального назначения к городским властям не поступало.

[12] ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1–175.

[13] ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 39. Д. 15, 91, 92; Ф. 3185. Оп. 1. Д. 2704, 2705, 2706, 2707.

П.А. Аваков
(Аксай)

Мастер шлюзного дела Элазар Краффорд на службе России (1698–1716)

Одним из результатов взятия российскими войсками турецкой крепости Азов (Азак) и присоединения Северо-Восточного Приазовья к России в 1696 году явилось образование на южных рубежах страны нового района компактного проживания иностранцев. Местом их расселения стали Азов и основанный в 1699 году на Таган роге город-крепость Троицкий, с прилегающими к ним укреплениями[1]. Подавляющее большинство иностранного населения приазовских крепостей (если не брать в расчёт пленных шведских подданных) составляли военные и строительные специалисты, причем приехавшие из Европы недавно. Эти два обстоятельства сближали Азов и Троицкий с Воронежем, где тогда же образовалась Немецкая слобода, заселённая иностранными моряками и корабелами[2], и отличало

[1] См.: *Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008. С. 79–105, 267–273; [*Пушкаренко А.А.*] Страж морских рубежей // Бодик Л.А., и др. Таганрог: Историко-краеведческий очерк. Ростов н/Д., 1971. С. 17–18.

[2] *Былов М.Н.* Немцы в Воронежском крае: (Историко-статистический очерк) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж, 1894. Отд. 3. С. 112–113 (отд. паг.); *Комолов Н.А.*: 1) Новые документы по истории Воронежа

их как от Москвы, где проживали иноземцы различных профессий, так и от Астрахани, Архангельска и Вологды, притягивавших в основном иностранных купцов[3].

Среди иноземцев, поселившихся в приазовских крепостях, были инженеры, строевые и морские офицеры, артиллеристы и минёры, матросы, медики, виноделы, садовники, и лишь один гидравлик. Представителю этой редкой для России рубежа XVII — начала XVIII веков профессии и посвящён наш доклад.

Мастер шлюзного дела Элазар Краффорд (Eleazar Crafford / Елизарий Давыдович Крафорт) появился в Приазовском крае в результате активной деятельности Великого посольства по привлечению иностранных специалистов на службу в Россию. Следует отметить, что во время этой дипломатическо-разведывательной акции российские дипломаты наняли только двух гидравликов (не считая подмастерья). Первым из них был капитан британского флота Джон Перри (1670–1732)[4], будущий автор знаменитой книги «Состояние России при нынешнем царе»[5]. Первый — потому,

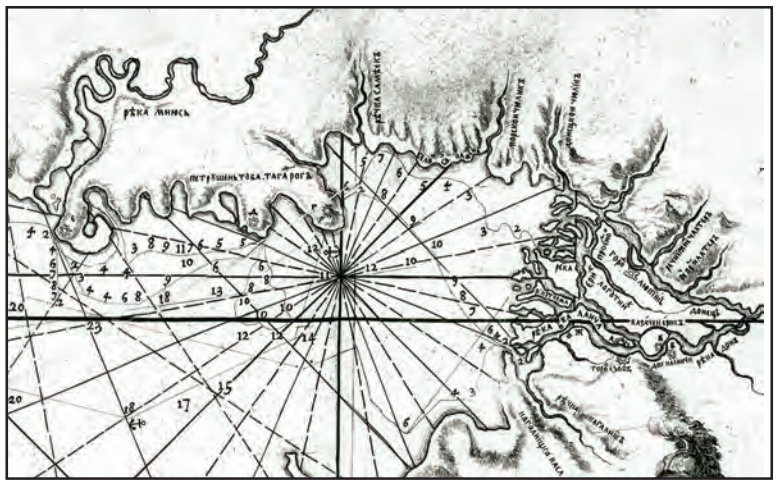

и Павловска в петровскую эпоху // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1998. Вып. 7. С. 176, 184; 2) Немецкая слобода // Воронежская энциклопедия: В 2 т. Воронеж, 2008. Т. 2. С. 18.

[3] См.: *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII–первой четверти XVIII вв. М., 1998; *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII–начала XVIII в. М., 1982. С. 9–10, 13–14, 159–208; *Репин Н.Н.* Голландские купцы в Архангельске во второй половине XVII в.: численность, продолжительность и преемственность связей: (по материалам российских источников) // Нидерланды и Северная Россия: Сб. научных статей СПб., 2003. С. 14–36; *Беспятых Ю.Н.* Голландцы: «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 111–128, 131–180; *Попова Л.Д.* Архангельск: Очерк истории строительства: (конец XVI — начало XX в.). Архангельск, 1994. С. 31, 43–45, 66; *Захаров В.Н., Черкасова М.С.* Иностранные купцы и их дворы в Вологде в XVII–первой четверти XVIII века // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 3. С. 98–99; *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 405–410.

[4] *Богословский М.М.* Пётр I: Материалы для биографии. Л., 1941. Т. 2. С. 381; M[oriart]y G.P. Perry, John // Dictionary of National Biography. London, 1896. Vol. 45. P. 35–36.

[5] *Перри Д.*: 1) Состояние России при нынешнем царе / Пер. О.М. Дондуковой-Корсаковой // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871. Кн. 1. [Отд.] 4. С. VIII, 1–38 (отд. паг.); 2) Другое и более подробное повествование о России / [Пер. О.М. Дондуковой-Корсаковой] // Там же. Кн. 2. [Отд.] 4. С. 39–193 (отд. паг.); *Лабутина Т.Л.* Раннепетровская Россия глазами английского инженера Джона Перри // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сб. материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 193–201.

Илл. 1. Северо-Восточное Приазовье в конце XVII века.
Фрагмент карты А. Шхонебека, 1701

что представители российского правительства заключили с ним контракт раньше.

Имя Элазара Краффорда малоизвестно и встречается в исторической литературе крайне редко. Обнаруженные нами архивные материалы хотя и не дают целостного представления о жизненном пути этого строительного специалиста, но позволяют воссоздать основные эпизоды его деятельности хотя бы в первые годы пребывания в России.

1 мая 1698 года к находящимся в Амстердаме российским великим и полномочным послам обратились четверо голландцев с предложением принять их на «великого государя службу». Это были «мастер слюзных дел» Элазар Краффорд, «тех же дел подмастерье Шарль фон Гоутом, да каменных дел мастер Клас Павлусен Демен, да подмастерье тех же дел Ян Купман». На допросе Э. Краффорд сообщил послам, что по национальности он голландец, «родился в Амстрадаме, учился в Амстрадаме слюзному делу у мастера у Томаса Мунстера два года, а после того, выучась, был подмастерьем и мастером двенатцать лет». Квалификация позволяла мастеру «слюзы делать, полаты строить, и крепости городовые по инженерскому указыванью делать». Э. Краффорд подтвердил свою профпригодность предъявленным «пасом» — письменным свидетельством «здешних амстрадамских мастеров, что он умеет каменного дела». Соис-

катель желал получать месячное жалованье в размере сорока ефимков (талеров)[6]. Вскоре послы подписали с Э. Краффордом договор о его принятии на российскую службу, и 5 мая, вместе с шестью другими нанятыми специалистами, он отправился на корабле в Россию. Его путь в Москву пролегал через Нарву и Новгород[7].

Чем занимался голландский гидравлик в первый год своего пребывания в России — неизвестно, но в июле 1699 года он уже находился в Азове. Его приезд в Северо-Восточное Приазовье следует связывать с намечавшимся строительством на Таган роге новой крепости и первого в истории России военно-морского порта, а также с подготовкой эскадры Азовского флота к Керченскому походу, при личном участии Петра I. Царь прибыл в Азов 24 мая 1699 года. Среди сопровождавших его лиц был воевода большого полка боярин А.С. Шеин[8] — судья Пушкарского приказа, в ведении которого с января 1697 года находилось Северо-Восточное Приазовье[9]. 10 и 11 июля азовский воевода боярин С.И. Салтыков получил из разрядного шатра воеводы А.С. Шеина два указа о незамедлительной высылке «нововыезжаго иноземца слюзного дела мастера Елизаря Крафорта» из Азова на Таган рог[10]. Гидравлик отправился туда 13 июля в сопровождении подьячего азовской приказной палаты Ивана Ключарева[11].

В августе и в начале сентября 1699 года А.С. Шеин тоже находился на Таган роге[12], где 1 сентября был заложен новый город-крепость Троицкий. В записной книге «азовских всяких дел» Пушкарского приказа 7208 года (1 сентября 1699 года — 31 августа 1700 года), сохранился список перевода письма Э. Краффорда, адресатом которого являлся некий «великий превысокий рождённый милостивый боярин» — вероятно, А.С. Шеин. Письмо было написано «на Таган рогу 28-го числа» неизвестного месяца — судя по всему,

---

[6] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 56. Л. 1.

[7] Там же. Л. 4–9, 11.

[8] РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.; Походный журнал 1698–1699 г. (2-е изд.). СПб., 1910. С. 5; Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 104, 289; Богословский М.М. Пётр I: Материалы для биографии. Л., 1948. Т. 4. С. 54, 56.

[9] Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 1034; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об., 6 об.–7; Д. 10. Л. 2.

[10] Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 233. Л. 9, 12.

[11] Там же. Д. 24. Л. 346.

[12] Там же. Д. 32. Л. 156; РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 2, 17, 141, 215 об., 251, 254.

августа[13]. Из довольно коряво выполненного перевода следует, что в то время Э. Краффорд разбирался в деталях порученного ему строительства некоего объекта, который он изобразил на чертеже, отправленном им боярину. Для работы специалист просил прислать себе «в подмогу» двух каменщиков и двух голландских плотников, так как считал невозможным «одному сие дело совладать»[14]. Вероятно, к тому времени на Э. Краффорда уже возложили постройку каменного магазина[15] в береговой части мыса, в соответствии с именным указом Петра I 7207 года (1 сентября 1698 г. — 31 августа 1699 г.). Текст указа не сохранился, но упоминания о нём встречаются в более поздних документах[16]. В этой связи утверждение В.А. Ковригиной о том, что в 1699–1700 годах голландец «работал на сооружении шлюзов на р. Камышенке»[17] следует признать ошибочным. Как мы покажем далее, в течение 1699–1701 годов он находился в Троицком.

В конце 1699 года Э. Краффорд вместе с двумя шведскими фортификаторами (Й.Г. Рекхаусеном и Й.Я. Бреклином) проживал в Троицком на дворе инженера Рейнгольда Трозьена[18], построенном осенью того же года[19]. Двор располагался на территории так называемой Немецкой слободы, существовавшей в Троицком в конце 1699 — начале 1700 годов[20]. Сохранилось подробное описание этого двора. Он был огорожен дощатым забором на столбах и имел геометрически неправильную планировку. Длина двора со стороны моря составляла 26,5 саженей (56,4 м), со стороны улицы — 24 сажени (51 м), ширина в поперечнике с одной стороны составляла 15 саженей (31,9 м), с другой стороны — 19 саженей (40,4 м). За оградой ко

[13] 28 июля 1699 года А.С. Шеин находился в Азове (РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 150 об.).

[14] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 404–404 об.

[15] Магазин, или магазейн (от голл. Magazíjn) — склад (*Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка (3-е изд.). М., 1999. С. 500–501).

[16] См., например, наказ троицкому воеводе Г.С. Титову от 16 июля 1700 года: «В Троецком же велено строить магазейн, а у того строения быть иноземцу слюзного дела мастеру Елизарю Крафорту. И строить ему тот магазин как ему, Елизарью, в прошлом 207-м году по имянному Его, великого государя, указу, приказано...» (РГА ВМФ. Д. 177. Оп. 1. Д. 653 об.).

[17] *Ковригина В.А.* Указ. соч. С. 174–175.

[18] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 96.

[19] Там же. Л. 144 об., 145 об., 146; Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 251, 307.

[20] Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 20 об.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 394.

Илл. 2. Троицкий магазин.
Фрагмент плана Таганрогской гавани П. Бергмана, 1702

двору была пристроена землянка с погребом. На дворе находилось следующее «хоромное строение»: изба с коморкой и сенями и большие хоромы «под одну кровлю в одну связь», а также две светлицы, соединённые сенями. Изба и коморка имели общий чердак («чулан») и двускатную крышу, крытую тёсом (распиленными пополам бревнами). В хоромах имелась горница с комнатой, сени, чулан, поварня и две кладовые («каморы»). Потолок здания был покрыт землёй, а поверх неё — кровлей из тёса. Светлицы тоже были крыты тёсом. Также во дворе располагалась конюшня и четыре «чюлана нужных» (туалета)[21].

Характерно, что ни Пушкарский, ни Разрядный приказ, в ведение которого перешёл Приазовский край в феврале 1700 года[22], не стали привлекать Э. Краффорда к работе по его основной специальности. Указом Разрядного приказа от 22 июня 1700 года гидравлику было предписано строить магазин[23] для хранения «полковых припасов»[24]. Специалисту назначили довольно высокое жалованье: 29 рублей, 30 алтын и 3 деньги в месяц, или 355 рублей, 12 алтын и 4 деньги в год[25]. Для срав-

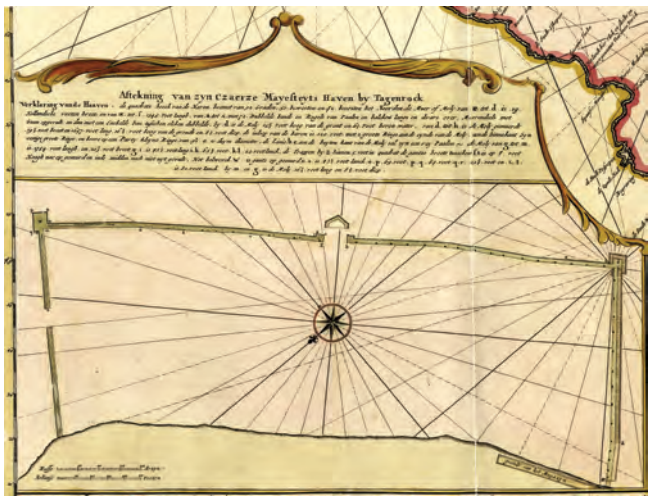
[21] Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 95–95 об.

[22] Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 1118; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–1 об.

[23] Там же. Д. 14. Л. 417 об.

[24] Там же. Д. 16. Л. 441 об.

[25] РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 317 об.; Д. 75. Л. 381 об.; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 850.

Илл. 3. Проектный план Таганрогской гавани.
Троицкий магазин – в правом нижнем углу.
Из атласа р. Дон 1703/1704

нения: с марта 1702 года руководивший строительством Троицкого инженер Йохан Георг Рекхаусен (Яган Регузин) получал годовое жалованье в размере 330 рублей[26]. Утверждение С.И. Елагина и А.А. Пушкаренко о том, что до конца 1702 года Э. Краффорд заведовал доковыми работами на Таган роге[27], источниками не подтверждается. Начало «докового дела» в Троицком относится к 1702 году, когда в этих работах были задействованы 19 плотников. Уже тогда сооружением доков руководил Анисим Якимович Моляр (Маляров) — известный впоследствии механик широкого профиля (поляк по происхождению, если верить свидетельству Ч. Уитворта)[28].

Строительство магазина в Троицком развернулось в 1701 году. Под руководством Э. Краффорда на стройке трудились четверо «на-

[26] РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 75. Л. 380–380 об.

[27] *Елагин С.И.* История русского флота: Период Азовский. Приложения. СПб., 1864. Ч. 2. Прилож. 6. № 15. С. 328. *Пушкаренко А.А.* Новые материалы о жизни и творчестве выдающегося русского зодчего Осипа Старцева // Таганрогский государственный педагогический институт: Доклады VI научно-теоретической конференции. Таганрог, 1962. С. 159.

[28] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 851; Д. 22. Л. 888 об.; *Уитворт Ч.* Россия в начале XVIII века: Сочинение Ч. Уитворта / Пер. Н.Г. Беспятых; ст. и коммент. Ю.Н. Беспятых. М.; Л., 1988. С. 91, 181. Об А.Я. Моляре см.: *Быховский И.А.* Петровские корабелы. Л., 1982. С. 65–67.

Количество работников на строительстве магазина в 1701–1702 годах[30].

Квалификация	*Специальность*	*Количество человек по годам*	
		1701 г.	*1702 г.*
Работные люди		**385**	**862**
Ремесленные люди	Плотники	30	32
	Каменщики	81	401
	Кузнецы	6	57
	Кирпичники	115	68
	Ломщики (камня)	0	3
	Обжигальщики извести	0	31
	Всего	**232**	**592**
Итого		**617**	**1454**

чальных людей»: поручик Вильгельм Линдсей (Wilhelm Lindsy/Вилим Линза), прапорщики Йохан Георг Шпикер (Johan Spieker/Яган Шпикер), Йохан Фок (Johan Fock/Яган Фок), Михал Поль Шрипен (Michal Paul Schripen/Михайло Шрип), а также шесть матросов с кораблей[29]. В работах был задействован многочисленный контингент работных и ремесленных людей, присланных в Троицкий Разрядным приказом по разнарядке азовского воеводы.

За свою тяжёлую работу рядовые строители троицкого магазина получали скромное денежное и скудное продовольственное месячное жалованье: 10 алтынов, пол-осьмины муки, три фунта соли, 1/10 четверика муки и столько же толокна[31].

Наблюдая за ходом строительства Таганрогской гавани, которым с 1699 году руководил венецианский капитан флота Маттиа Милланковидж, известный в России как Матвей Симонт (Симонтов), Э. Краффорд пришёл к выводу, что оно ведётся неправильно. В марте 1701 года Э. Краффорд подал азовскому воеводе думному дворянину С.Б. Ловчикову два письма, в которых утверждал, что М. Милланковидж «зачал строит гавон неудобно, и по такому де строению та гавон в совершенство состроитца не может». Донося об этом в Разряд, воевода послал туда пять чертежей Э. Краффорда и копию показаний венецианского капитана, допрошенного в связи с указанными обстоятельствами. Рассмотрев доводы двух иностранцев,

[29] РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 317 об.–318; Д. 75. Л. 367.
[30] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 850 об.–851.
[31] Там же. Л. 852 об.

Илл. 4. Проектный план и фасад Троицкого магазина.
Из атласа р. Дон 1703/1704

Разряд принял сторону М. Милланковиджа. В грамоте, посланной 24 марта в Азов, в частности, говорится: «Велено в Троецком у строения гавони быть капитану Матвею Симунту по прежнему его великого государя указу, а Елизарю Крафорту у строения той гавони не быть. И впред ему к строению той гавони вступатца и мешкоты чинить не для чего, потому до начинания строения той гавони Матвея Симунта что он, Елизарий, гавони делать умеет и сделает лутче его, Матвея, не сказал, а сказать ему, Елизарю, чтоб он в строении гавони впред не вступался и помешки в том не чинил... А будет он впред учнет в то строение вступатца, и оттого тое в гавони в строении учинитца остановка, и ему быть в наказании... А быть ему, Елизарю, у строения магазейна по-прежнему, и делать с великим радением не оплошно, чтоб одноконечно магазейн сделать и ему нынешним летом в совершенство»[32].

После получения в Азове этой грамоты Э. Краффорд помирился с М. Милланковиджем и обратился к властям с просьбой разрешить ему выехать в Москву, чтобы доложить в Разрядном приказе «словесно о строении магазейна, которой указан ему делать, и к тому магазейному делу о припасах». Специалист неоднократно подавал бывшему азовскому воеводе С.И. Салтыкову сметы необходимых для строительства материалов, но так и не получил их. При воеводе С.Б. Ловикове ему были «иные припасы даны, також и работных людей 50 человек даны». Зодчий уверял, что если ему выделят работных людей «сполна», он «тот магазейн хочет построить вскоре на том

[32] Там же. Д. 14. Л. 643–643 об., 649–650; *Пушкаренко А.А.* Новые материалы о жизни и творчестве выдающегося русского зодчего Осипа Старцева. С. 149–150.

месте, на которое ему указано, где ныне зачал строить»[33]. В декабре 1701 года Э. Краффорд был отпущен из Троицкого в Москву[34].

Следует отметить, что при строительстве магазина Э. Краффордом были допущены серьёзные просчёты. В докладных статьях азовского воеводы, полученных в Разряде 18 апреля 1702 года, сообщалось о наличии следующего дефекта в цокольной части здания: «Магазейн, которой состроен с морскую сторону от земли под дверной нижней уступ, от великие морские погоды и от волн по той стене в пяти местех почал белой бутовой камень с лица и с стен валитца, а иные де каменья от той воды стали быть мяхки, и оттого опасно, чтобы тем стенам не было повреждения. И новозачатому магазейну от такие ж большие погоды будет опасно, потому что тот магазейн построен, и новой зачат строить, и учинен фудамент на самом берегу близ моря с построенным магазейном в ряд». Сам строитель предложил следующий способ предохранения стен магазина «от волны морские, чтоб не размывало в стенах камени»: «от фудамента, которой явен из земли, прикласть к стене доски до тех мест, где бывает вода во время волнения», затем вбить в стену железные петли, а в них вставить верхние концы дубовых свай, укрепленных в грунте, «чтобы теми сваями прижать доски к земле». Это ноу-хау представляется, по меньшей мере, странным, так как Э. Краффорд считал возможным предохранить каменную стену от повреждения водой гораздо менее водостойким строительным материалом — деревом. Тем не менее, голландец был уверен, что «окроме того учинить немочно»[35]. Несмотря на выявленные недостатки, 26 сентября 1701 года Разряд адресовал шлюзному мастеру грамоту «с похвалою» за работу[36].

Во время нахождения Э. Краффорда в Москве Разряд принял решение отстранить его от строительства магазина. Из имеющихся источников неясно, что послужило причиной этому: непрофессионализм, проявленный голландцем, или наоборот — необходимость в применении его навыков на ином поприще. Продолжить возведение магазина и исправить ошибки, допущенные Э. Краффордом, Разряд поручил талантливому русскому зодчему — подмастерью ка-

---

[33] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 769–770; *Пушкаренко А.А.* Новые материалы о жизни и творчестве выдающегося русского зодчего Осипа Старцева. С. 150–151.

[34] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 850.

[35] Там же. Д. 16. Л. 91 об.–92; *Пушкаренко А.А.* Новые материалы о жизни и творчестве выдающегося русского зодчего Осипа Старцева. С. 151.

[36] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 865.

менных дел Осипу Дмитриевичу Старцеву. Он прибыл в Азов 22 июня 1702 года, и 27 июня выехал оттуда в Троицкий, где вскоре приступил к работе[37].

Из показаний О.Д. Старцева на допросе в троицкой приказной палате 12 мая 1704 года известно, что заложенный Э. Краффордом каменный магазин согласно первоначальному проекту должен был иметь три этажа и длину наружной стены 109 саженей (232 м). В соответствии с распоряжением Разряда, подмастерью предстояло осуществить конструктивные изменения в строящемся объекте. Э. Краффорд «зачел делать» магазин с потолочными перекрытиями без сводов, что не устраивало Разряд. Преемнику голландского мастера предписывалось соорудить на первом этаже магазина каменные своды, а также укрепить стены, чтобы их «от морские воды не подмывало». Деревянную крышу здания предполагалось крыть черепицей, произведенной в Калуге[38].

До нас дошли два изображения троицкого магазина. Первое из них имеется на перспективном плане Таганрогской гавани, выполненном в 1702 году офицером российского флота Петером Бергманом[39], второе — в атласе р. Дон, изданном в Амстердаме около 1703–1704 года (магазин изображён не на всех сохранившихся экземплярах атласа, печатавшемся в разное время с разных досок)[40]. Сопос-

---

[37] Там же. Д. 16. Л. 80, 92; Д. 22. Л. 479, 697, 888 об.–889; Д. 36. Ч. 1. Л. 850 об.; *Пушкаренко А.А.* Новые материалы о жизни и творчестве выдающегося русского зодчего Осипа Старцева. С. 145, 152–153. Об О.Д. Старцеве см. также: *Выголов В.П.* Творчество зодчего О.Д. Старцева: Дисс... канд. искусствоведения. М., 1955; Федотова Т.П. Осип Старцев // Зодчие Москвы. М., 1981. Кн. 1. С. 85–89.

[38] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 401–402, 444–444 об.; Д. 16. Л. 90 об.–91, 92; *Пушкаренко А.А.* Новые материалы о жизни и творчестве выдающегося русского зодчего Осипа Старцева. С. 152, 154.

[39] О П. Бергмане см.: Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 45; *Иванов А.В.* Уникальный рисунок первого русского линейного корабля «Гото Предестинация» // Меншиковские чтения-2010: Научный альманах. СПб., 2010. Вып. 1 (8). С. 56–58.

[40] НИОР БАН. Основное собр. рукописных карт. № 27; Новая чертежная книга, содержашая великую реку Дон или Танаис по ея истинному положению разширению и течению из города Воронежа даже до того где оная в море впадает со своими втекушими реками островами, городами, деревнями, монастырями и проч., присем, зело любопытный чертеж Азовского моря или езера Меотского и понта Эуксинского или Черного моря со всеми их глубинами, мелями, приналежащими реками, пристанми городами, присем приложено изображение прокопа во еже бы Илавлу ввести Камышенкою рекою в Волгу или в Астраханскую реку еже б тем илавлинским наводнением в водити из Дону

тавление этих двух изображений с данными, содержащимися в переписке азовской администрации с Разрядом, позволяет определить в общих чертах фронт работ, выполненных Э. Краффордом и продолженных затем О.Д. Старцевым. П. Бергман зафиксировал на своём плане внешний вид магазина в процессе его строительства в 1702 году. Перед нами изображённое в перспективе здание из трёх корпусов, из которых центральный был трёхэтажный, а два боковых — одноэтажные. Из отписки воеводы С.Б. Ловчикова в Разряд известно, что летом 1702 года «по обе стороны прежнего магазейна с обе стороны» О.Д. Старцев начал возводить два здания длиной по 45 саженей и шириной по 5 саженей (95,8 х 10,6 м) каждое. Корпус с западной стороны начинался «от гавонной стены» (т.е. от западного мола Таганрогской гавани) и имел «10 полат и с воротами, а по другую сторону 8 полат зделаны» (корпус с восточной стороны)[41]. Причём в 1702 году О.Д. Старцев успел построить только «нижние житья» — первый этаж здания, имевший сводчатые потолочные перекрытия. Следовательно, до этого Э. Краффордом был построен лишь центральный трёхэтажный корпус магазина, длина которого составляла 64 сажени (136 м). К 1704 году его сооружение было завершено, а работы по достройке боковых корпусов продолжались — следовало возвести ещё два этажа[42]. Изображения плана и фасада троицкого магазина в атласе К.И. Крюйса, судя по всему, являются проектными, так как не соответствуют документальным описаниям этого здания 1702–1704 годов.

Покинув Северо-Восточное Приазовье, Э. Краффорд не остался без дела — Разряд предоставил ему важную роль в реализации более масштабного проекта. Не позднее февраля 1702 года мастера решили задействовать в создании водной системы, известной в историографии под названием Ивановского канала. При помощи каналов и шлюзов Пётр I предполагал соединить верховья Дона с рекой Шатью (Шатом), впадающей в Упу — приток Оки, и тем самым связать волжский и донской речные пути. Прокладка трассы канала в Епифанском уезде близ Иван-озера началась в 1701 году, на следующий год было запланировано сооружение каменных шлюзов, которым и

Илавлою и Камышенкою реками в великую реку Волгу карабли и протчие водные суды все зело прилежно и собственным изобретанием собрано и мерою оловянною водяною вымеренной. Амстердам, [1703/4?]. Карта 1 (экземпляры: РНБ. № К 1-Росс. Е 8/16; НИОР БАН. Собр. Петра I. №68/2; ДГПБ. № Р-429470; ГИМ. № 46025/ГО 2996а).

[41] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 888 об.

[42] Там же. Д. 16. Л. 441 об.

должен был руководить гидравлик. Характерно, что в официальных документах, связанных с командировкой Э. Краффорда «к слюзному делу», он фигурирует уже как инженер. Из этих же источников известно, что за четыре года пребывания в России голландец так и не овладел русским языком — вместе с ним в поездку в качестве толмача отправился капитан Пётр Юрьевич Дреер[43] (они могли познакомиться в 1700–1701, когда капитан командовал солдатским полком полковника Д. Купера, зимовавшим в Азове[44]). Согласно разнарядке, на строительстве канала в феврале-марте 1702 года у Иван-озера должны были собраться 10 000 человек из двадцати двух городов Центральной России[45].

К сожалению, мы не располагаем пока данными о конкретной роли Э. Краффорда в сооружении шлюзов Ивановской водной системы. По свидетельству К. де Бруина, к 1703 году у Иван-озера было построено семь шлюзов. Гидростроительство продолжались с 1702 по 1709 год, затем приостановилось, возобновилось в 1717 году, и окончательно прекратилось в 1720 году[46].

Во втором этапе создания Ивановской водной системы Э. Краффорд скорее всего не участвовал. В 1710 году он уже находился в Москве, где женился на вдове арендатора двух железных заводов англичанина Болдуина Эндрюса (Болдвина Андриуса) Сьюзан (Сусанне Ивановне), разорённой долгами своего покойного мужа и влачившей нищенское существование. Известно, что в конце 1720-х — начале 1730-х годов голландец, подвизавшийся в качестве архитектора, продолжал жить в столице. В то время он владел в Немецкой слободе обширным домом с восемью «покоями»[47].

---

[43] *Юркин И.Н.* 1) Пётр Железный: Пётр Великий и Тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб., 2012. С. 78, 80, 276; 2) Новооткрытый автограф Петра Великого? (Записка от 6 февраля 1702 года с распоряжениями по поводу строительства Ивановского канала) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова: Годичная научная конференция, 2008. М., 2009. С. 216–218.

[44] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 890 об.–891; Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 258. Л. 19, 20, 33; Д. 259. Л. 91, 92, 94.

[45] РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 374–375 об.

[46] *Бруин де К.* Путешествия в Московию / Пер. П.П. Барсова, проверенный О.М. Бодянским // Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подг. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова. Л., 1989. С. 112; *Миловидов А.И.* Ивановский канал, начатый Петром Великим для соединения Волги с Доном: (Историко-географический очерк) // ЧОИДР. М., 1892. Кн. 1. [Отд.] 3. С. 8–22; *Юркин И.Н.* Пётр Железный. С. 78–81, 103–107.

[47] *Ковригина В.А.* Указ. соч. С. 173, 213.

Как мы помним, архитектором гидравлик был неважным: построенный им в Троицком магазин пришлось перестраивать русскому подмастерью, высокий профессионализм которого не вызывал у руководства Разрядного приказа сомнений. Ещё более курьёзный случай с Э. Краффордом произошёл в 1716 году, когда он заключил контракт на строительство каменной церкви в селе Подмоклом Тарусского уезда, принадлежавшем князю Г.Ф. Долгорукому. Позже один из служителей князя Андрей Рыжиков не без сожаления писал в челобитной, поданной в Посольский приказ 4 октября 1716 года, что «иноземец Елизарий Давыдов сын Крафорт назвался архитектом», но затем выяснилось, что он «за морем был каменщиком». Тем не менее, голландец нанялся достроить заложенный в 1714 году храм «с княжескими нанятыми рещиками, каменщиками и кузнецами» по проекту шведского архитектора Лоренца фон Фикина. Запросив за работу 250 рублей, мастер взял аванс в размере 100 рублей — солидную по тем временам сумму. При осмотре уже частично отстроенного к тому времени здания он «разсмотрел разседены» (трещины), но при этом заверил, что «от тех разседин той церкви никакого повреждения не будет». Пробыв у церкви и на Сорокинском железоделательном заводе три дня, «и не начав дело», Э.Краффорд уехал в Москву на княжеских подводах, обещав вскоре вернуться. Однако своё обещание он не сдержал, а церковь, немного простояв, развалилась. При этом мастер возвратил представителю заказчика только половину задатка (50 рублей), что вынудило последнего подать на мошенника иск в Посольский приказ. 9 октября 1716 г. Э. Краффорд был вызван туда на допрос, а 15 октября, не появившись в приказе, он «помирился с исцем», пообещав ему заплатить судебные пошлины. Неуплаченные 50 рублей долга голландец не вернул заказчику и в 1719 году[48].

Дальнейшая судьба Э. Краффорда пока остается неизвестной. Но даже рассмотренных фактов достаточно для того, чтобы охарактеризовать его как непорядочного человека и некомпетентного специалиста. Впрочем, как известно, такой тип людей был весьма распространён среди иностранцев, ехавших искать счастья в Россию в XVII–XVIII веках.

[48] Там же. С. 173–174; *Николаева М.В.* К истории строительства церкви Рождества Богородицы в селе Подмоклово // Архитектурное наследство. М., 1996. Вып. 40. С. 68; Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVIII века. М., 2008. С. 350–351.

И.Д. Гузевич
(Франция)

«Мы добыли из Голландии отличных инженеров и гидравликов», или Вторая голландская волна (1783–1818/36)

Мы все знаем, какую роль сыграли голландские мастера в эпоху Петра I. Значительно менее известна «вторая голландская волна», протянувшаяся от Екатерины II до Николая I, т.е. захватившая четыре царствования.

Её происхождение связано с преждевременной смертью инженер-генерала и генерал-квартирмейстера Фридриха Вильгельма Бауэра (1731–1783)[1]. Этот человек, родившийся в графстве Генау, поступил на российскую службу в 1769 году. Значение его деятельности для России переоценить довольно сложно. Он много сделал для повышения боеспособности русской армии и реформировал всю квартирмейстерскую службу. Войдя в столкновение со всесильным Потёмкиным, Бауэр отошёл от армейской службы и занялся исключительно инженерной деятельностью. К концу своей жизни он оказался руководителем всей инженерно-строительной и военно-инженерной деятельности в стране. После его смерти работы, бывшие под его началом, распределялись по четырнадцати различным ведомствам.

Занимая такое положение, Бауэр как никто другой видел все дефекты организации инженерной деятельности в России и пони-

[1] Бауер (Баур) Фёдор Васильевич // РБС. Т.: Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 592–594.

мал тупиковость идеи перманентного приглашения иностранных специалистов. Не случайно в октябре 1782 года он сделал попытку сформировать отдельный Корпус гидравликов с учебным заведением[2]. Но... слишком поздно. Судьба не отпустила ему времени. Бауэр, прикованный к постели, умер через 3,5 месяца. И законы о формировании корпуса оказались лишь его профессиональным завещанием, которое так никогда и не было исполнено: Корпус гидравликов не был создан, профессиональные школы не появились[3].

Ключ к ответу, почему это не произошло, дают строки из письма Екатерины II от 17 сентября 1785 года барону Гримму: «Мы добыли из Голландии отличных инженеров и гидравликов»[4]. А раз гидравлики уже есть, то о новых пока можно и не заботиться. И потому ограничились лишь открытием низшей технической школы при Вышневолоцкой конторе водяной коммуникации.

Итак, очередная коллизия в российском развитии: приглашение на службу блестящих голландских инженеров и мастеров отодвинуло формирование технических школ и собственного корпуса транспортных строителей . Сам факт «второй голландской волны» означал задержку в собственном развитии и тем кардинально отличался от «волн» петровской эпохи.

Закономерен вопрос: почему именно голландцы? Ответов несколько, начиная с высокого профессионального уровня специалистов, которое, впрочем, сочеталось с отсутствием специального образования в Голландии, хотя у некоторых за плечами был университет. Инженеры обучались в ходе работы в самом Инженерном корпусе. Как пишет голландский исследователь Баккер, «возможно, у них было то преимущество, что они родились в стране, где сооружение плотин и шлюзов всякого рода и борьба с водной стихией в целом в течение веков произвели огромное количество знания, основанного на опыте и практике, которое редко можно было найти в других местах»[5]. С другой стороны, в инженерном корпусе было очень

---

[2] ПСЗ. Т. 21. № 15562 от 27.10.1782. С. 718; № 15563 от 31.10.1782. С. 718–720.

[3] *Гузевич Д., Гузевич И.* «Тайна» корпуса гидравликов // ВИЕТ. 1994. № 2. С. 56–59; Они же. Послесловие к собственной статье // ВИЕТ. 1995. № 4. С. 162–163.

[4] *Ларионов А.М.* История Института Инженеров путей сообщения Императора Александра I за первое столетие его существования: 1810–1910. СПб., 1910. С. 9; [Чаруковский]. Список лиц, окончивших курс наук в Институте Инженеров путей сообщения Императора Александра I с 1811 по 1882 г. СПб., 1883. С. 3/1.

[5] *Bakker M.* À la recherche des ingénieurs disparus: des hydrauliciens néerlandais au XVIII siécle. Nymegen, 1992. P. 6. Рукопись. (Архив Дмитрия и Ирины Гузевичей).

медленное продвижение по службе при невысоком жалованье. Не надо также забывать, что в конце 1780-х годов голландское государство переживало не лучшие годы своей истории: Республика Объединённых Провинций находилась на грани революции, и для тех кто сочувствовал Оранскому дому и стадхаудеру, принцу Гийому V Оранскому, ситуация становилась весьма тяжёлой. «Истинные республиканцы» образовывали небольшие вооружённые отряды и угрожали оранжистам. Именно такие ситуации и питают эмиграцию и космополитизм. И здесь важно вовремя оказаться рядом. Что Россия и сделала.

Первые предложения, по-видимому, ещё в 1782 году, во время болезни Бауэра, а, возможно, и по его инициативе, поступили от русского посла в Гааге, князя Голицына. В начале 1783 года Екатерина II обратилась в Генеральные Штаты, заявив, что имеет нужду во многих «молодых инженерных офицерах, которые с повышением в чине»[6] могут поступить на русскую службу. Глава инженерного корпуса генерал Карел Дидрик Дю Мулен сам от перехода отказался, но предложил своего адъютанта фан Сухтелена и своего старого знакомца, опытного гидротехника, некогда служившего в корпусе, Якова де Витте. Оба предложения были блестящими: и Сухтелен, и де Витте достигли в России высших чинов. Именно с них началась «вторая голландская волна».

Имена лиц, составивших эту волну, никогда не сводились вместе. Нам удалось выявить 26 человек. С одной стороны, список далеко не полон. По-видимому, их было более трёх десятков. С другой стороны, там есть лица, оказавшиеся в рамках этого найма, но которые могут быть немцами из западных областей Германии, близких к Голландии, как например, Трузсон. Против этих фамилий мы поставили знак вопроса.

Итак, из 26 человек: 5 мастеров, 20 инженерных офицеров (от кондуктора до подполковника) и 1 – артиллерийский. В российскую службу они принимались не обязательно с теми же чинами, которые имели в Голландии. Так, капитан Канзер был принят поручиком, а капитан Деволант – майором. Не исключаем, что свою роль играли как их аттестаты, так и то, приглашались ли они на службу или сами предлагали свои услуги. Не менее трёх человек (думаем, что больше) со временем возвратились на родину. Остальные остались в России. По-видимому, двое погибли на поле боя. Из офицеров три человека (т.е. 15% от числа военных инженеров) – Яков де Витте, Сухтелен,

[6] *Bakker M.* Op. cit. P. 2.

Деволант[7] – дослужились до звания инженер-генерала – высшего для этого рода службы. Это 2-й класс по Табели о рангах, выше которого лишь генерал-фельдмаршал. Трузсон достиг чина инженер-генерал-лейтенанта – 3-й класс по Табели о рангах. Чрезвычайно высокий процент, подтверждающий качество специалистов. Более того, на 1802 год, т.е. на начало царствования Александра I, Сухтелен и де Витте были единственными инженер-генералами российской армии.

Баккер считает, что голландцев нанимали группами: первую – в 1783–1784 годах, вторую – в 1787 году и т.д. Наши исследования показывают, что найм происходил непрерывно в течение десятилетия – с конца 1782 по 1792 год, хотя мотивации тех, кто перешёл в российскую службу в начале и в конце периода могут отличаться: с 1787 года всё более даёт о себе знать политическая составляющая.

Всех можно разделить на четыре группы. В первую войдут те, о которых мы очень мало знаем. С другой стороны, это значит, что они не очень проявили себя или недолго служили, а их достижения слабо отразились в документах. Те, кто покинул российскую службу, скорее всего, сделали это при Павле I, когда вынужденно ушли в отставку многие инженерные офицеры, служившие при Екатерине II в Северном Причерноморье. Подавляющее большинство голландских инженеров (исключая де Витте и Сухтелена) подчинялись созданной в 1792 году Экспедиции строения южных крепостей, последним главой которой был генерал-фельдцейхмейстер князь Зубов, а реальным руководителем – Деволант. Павел, вступив на трон, Экспедицию распустил, а инженеров разогнал. Всего в первой группе насчитывается 15–16 человек: Фалиони, Фергюел, Гартинг, Уденс, Дефаллоа, фон Вейде, Крейц, Реми, Еким, Делумиан и др. В этот же список попадают погибшие Крейц и Каспер де Витте. Как считать: много или мало успели эти люди сделать для России, если отдали за неё свои жизни?

Вторая группа объединяет тех, о чьих работах сохранилось достаточно много документов, но это скромные деятели «третьего круга». Впрочем, на таких исполнителях и держится мир. В эту группу мы

[7] Обширные списки источников и публикаций, касающиеся Сухтелена, Деволанта и других голландских инженеров, приведены в наших работах: *Гузевич Д., Гузевич И.* Пётр Корнилович фан Сухтелен // Невский архив. Вып. V. СПб.: Лики России, 2001. С. 344–357; *Они же.* Об одной очень длинной дороге: Франц Деволант // Голландцы и бельгийцы в России: XVIII–XX вв. / Под ред. Э. Вагеманса и Х. ван Конингсбрюгге. СПб.: Алетейя, 2004. С. 321–376. Из-за ограниченного объёма настоящей статьи не будем их повторять, за исключением прямого цитирования.

бы отнесли пять человек. Это Канзер, ван-дер-Шкурфт и Ванрезант, строившие в Одессе в годы её основания, фон дер Плат, работавший в Тирасполе, и ван дер Вейде, служивший в Прибалтике. По мере изучения архивных материалов, эта группа с неизбежностью должна увеличиться за счёт первой и за счёт новых имён.

Следующая группа состоит всего из трёх человек, чьё значение для России далеко выходит за значение представителей двух предыдущих групп, хотя и остаётся в узкопрофессиональных инженерно-строительных рамках. Это не заработавший высоких чинов гидротект Фан дер Флис, инженер-генерал-лейтенант Трузсон и инженер-генерал де Витте. Трузсон родом из Кобленца, но, похоже, имел голландские корни. Фан дер Флис очень много строил в южных портах, особенно в Одессе и Николаеве. В обоих городах его имя помнят до сих пор. Оно занимает почётное место в работах по ранней истории этих городов Новороссии. Делал он и первый проект знаменитых сухих Севастопольских доков. Фан дер Флис не был на военной службе, а потому павловские пертурбации пережил сравнительно спокойно.

Яков Эдуард де Витте начал свою службу в пехоте. В 1764 году перешёл в инженерный корпус, а в мае 1772 года покинул военную службу, чтобы занять пост Главного директора публичных работ Амстердама. Он единолично отвечал за дороги, набережные, шлюзы, морские проходы и каналы, плотины на реках и озёрах, откачивающие насосы, мосты, общественные здания, и опыт получил уникальный, а в 1775 году спас город от наводнения. Однако через год вступил в конфликт с магистратами города, в мае 1777 года был уволен, пробивался случайными заработками, предложение поступить в российскую службу было для него подобно манне небесной. Первоначально работал и в области фортификации, и в области гидротехники, но как гидротехник оказался значительно сильнее. Проектировал и строил в Прибалтике: в Эстляндии, Лифляндии, Курляндии. Так, в Риге построил шлюз и бассейн на Двине при выходе кораблей в море, занимался соединением Двины и Аа, составил карту для канала от Ковно до Митавы. Позднее инспектировал все гидросистемы и порты, находившиеся в западных областях Российской империи. Пожалуй, поэтому он мало известен собственно в России, ибо главные его труды были в Прибалтийских губерниях. В эпоху Павла I де Витте окончательно сменил военно-инженерную деятельность на инженерно-гидротехническую и транспортную, стал членом Департамента водяных коммуникаций и Экспедиции об устроении дорог в государстве, в 1805 году – членом Комитета для поправления портов. В отличие от офицеров, служивших на юге, он не пострадал.

Сходная судьба у Трузсона: ранен под Очаковом, участвовал в Персидском походе. В 1799 году, уже генерал-майором, вышел с военной службы, но остался в гражданской, действительным статским советником. Тоже стал членом Департамента водяных коммуникаций. Вернулся на военную службу. Позднее занимался перестройкой Тульского оружейного завода. В войну 1812 года – начальник инженеров 1-й Западной армии. Портрет кисти Джоржа Доу – в Военной галерее Зимнего дворца.

Интересное описание этих инженеров оставил Деволант: «...члены департамента, в подавляющем большинстве своём старые генералы, опытные в инженерном деле, как в гидротехнике, так и в фортификации; среди них не нашлось бы и одного, кто не отдал бы своему делу меньше 40 лет». И далее: «инспекторами были ветераны, измученные тяготами поездок до такой степени, что почти не могли двигаться, причём генерал Девитте должен был вскоре умереть от последствий этой изнуряющей работы, требовавшей от каждого инспектора ежегодно проезжать от 3 до 4 тысяч, а я преодолевал в инспекционных поездках от 8 до 10 тысяч вёрст»[8].

Впрочем, эта характеристика касается не только трёх голландцев, считая Деволанта, но и двух старых немецких инженеров из семейства Герардов.

И вот здесь, через автора характеристики мы подходим к последней группе инженеров, появившихся в России в ходе второй голландской волны: к Деволанту и Сухтелену. Эти два человека по своему значению для России просто выламываются из рамок профессиональной инженерной деятельности.

Начнём с Франца Деволанта, точнее с его именований. Вот список встретившихся написаний без учёта дефиса (иначе список был бы в 1,5 раза длиннее).

Фамилии: *Деволант, Деволан, Деволянт, Деволанд, Девалянд, Де Волант, Де Волан, Де волан, Сверт или Свертс де Волланm, Свейнтс Де Воллан, Свент де Волант, Сент де Волан, Деволапий и Деволапт, Зеволанг и Зеволат, De (de) Wollant, de Wolland, De-Volant, De-Volan, De-volan, Devolan, Frantz Devolan, Sainte-Lucee de Wollant, Sainte-de-Wollant, Swerts de Wollant, Swert de Wallant.*

Имена, повторяемые в русских источниках, где даже его генеральское звание умудрились превратить в имя: *Франц Павлович, Франц-Павел Павлович, Свейнстс Павлович, Франу, Франсуа, Женераль Франсуа.*

[8] *De Wollant F.* Précis de mes services en Russie, 1787–1811[-1815]. SPb., [1811; aprés 1815]. F. 67a–68. Copie. Библиотека ПУПС. A.VII.32.

Голландские инициалы колеблются между *J.F.* и *J.F.F.* Но и на латинице, и на кириллице верны лишь две формы, каковыми в России пользовался их хозяин: **De Wollant** (версия: «de Wollant») и **Деволант** («де Волант»)

«Деволант» – это ***русское официальное имя нашего героя***. Именно так он подписывался, именно эта форма зафиксирована в *Адрес-Календаре* и в официальных документах с января 1788 года, и в этом смысле она не подлежит никаким изменениям. Большинство остальных вариантов – позднейшие наслоения, в основе которых лежит одна и единственная причина: имя этого брабантца воспринималось как французское, и потому конечное «t» не произносилось (что отразилось в неофициальной переписке). Однако Деволант принадлежал другому народу, говорившему на другом языке, и поэтому в русских официальных документах «т» сохранялось, как сохраняется оно и поныне в текстах, связанных с путейским и военно-инженерным ведомствами. А вот как оно исчезло из фамилии его потомков, рассказал внук Ф. Деволанта, дипломат и публицист Григорий Александрович Де-Воллан: «мой отец, воспитываясь в Лицее, <...> предпочёл французскую фонетику голландской и подписывался Де Воллан»[9].

В результате авторы, не знающие российской историографии, но слышавшие, что во французском языке конечная «t» не читается, путая фламандский язык и французский прононс, упорно именуют инженера «**Деволаном**». Абсурд, к которому приводит подобная безграмотность, демонстрирует история с украинским торговым судном (балкером), названным в честь нашего героя. Фирма-судовладелец «Ukmar» зарегистрирована на Кипре (2002), и, соответственно, имя судна превратилось из «**Деволан**» в «**Devolan**», что к человеку, носившему имя «**De Wollant**», не имеет никакого отношения.

С Деволантом, человеком достаточно экспансивным и независимым, связан ряд анекдотов. Так, в начале своей службы на юге он не сработался с Суворовым и трижды пытался выйти в отставку. Тот его не отпускал, но считал, что голландец «скушен и грозен, избалован». Это – январь 1793 года. Однажды во время спора на каком-то военном совете майор Деволант, исчерпав все аргументы, взбесился и выпрыгнул в окно. Ничтоже сумняшеся, генерал-аншеф Суворов – за ним. Возвращались вместе[10]. Можно представить себе две фигу-

[9] *Де-Воллан Г.А.* Очерки прошлого. [Между 1906–1913]. Л. 1. Машинопись. (Предост. Э. Вагемансом).

[10] *Суворов А.В.* Письма / Изд. подгот. В. Лопатин. М.: Наука, 1986. С. 246, 642.

ры, бредущие в обнимку: огромный Деволант и маленький Суворов. С тех пор помирились и рука об руку разрабатывали стратегические планы войны против Турции и строительства южных укреплений.

Вот итог деятельности Деволанта в этих краях: с 1792 по январь 1797 года в качестве главы *Экспедиции постройки южных крепостей* он руководил всеми работами на юге и юго-западе России (на Днестре, в Северном Причерноморьи, Крыму, Приазовьи, на Таманском полуострове). Управлял строительством крепостей Кинбурнской, Фанагорийской, Перекопской, Тираспольской, Овидиопольской и порта в Ахтиаре (Севастополе); составлял статистические обзоры, проекты заселения и освоения новых земель, снимал топографические планы. Под его руководством и по его проектам основаны города Овидиополь, Тирасполь, Григориополь, Вознесенск. Создал проекты застройки Новочеркасска, Таганрогского порта, Симферополя, укреплений Каменец-Подольска, различных сооружений в Евпатории, Пересыпи, Феодосии и других городах. Жемчужиной деятельности Деволанта стала Одесса, которую он создавал в тесном содружестве с Иосифом Де Рибасом.

С воцарением Павла I был вынужден выйти в отставку и покинул Россию. Поняв значение Деволанта, тот сумел возвратить его уже из Вены. Вернувшись, Деволант отошёл от фортификаций и градостроительства, занявшись гидротехникой и дорогами. Как член Департамента водяных коммуникаций и Экспедиции об устроении дорог в государстве, он ежегодно проезжал по бездорожью с инспекциями многие тысячи вёрст. Главное его достижение – строительство двух гидросистем, соединявших Петербург с Волгой, – Мариинской и Тихвинской, задуманных ещё Петром I.

Первая была построена в 1799–1808 (–1810) годах. Её характеристики: общая длина от Петербурга до Рыбинска – 1124 км, шлюзованной части – 181 км (по другим данным – 1146 км, обходных каналов – 303 км, шлюзованных – 91 км), 38 шлюзов (по другим данным – 31).

Вторая – в 1802–1811 годах: общая длина до Рыбинска – 920 км, шлюзованной части – 187 км., 24 шлюза и 61 полушлюз. Через водораздел – Тихвинской канал длиной около 8 км.

Как мы уже говорили, приглашение голландцев сорвало планы создания Корпуса гидравликов и школы для него. Через два десятилетия двое из них сами приходят к пониманию необходимости формирования технических корпусов со школами. В 1804 году Деволант предлагает проект Главной гидравлической школы, а в 1809 году вместе с Бетанкуром создает проект Корпуса инженеров путей со-

общения и Института корпуса (Ныне – Петербургский университет инженеров путей сообщения). После смерти принца Ольденбургского, в декабре 1812 года Деволант назначается на должность Главного директора путей сообщения России. Годы его правления пришлись на самый тяжёлый, кризисный период войны с Наполеоном и послевоенный. И если в эту безденежную эпоху гидросистемы, связывавшие Петербург с остальной империей, не развалились и работали, то во многом благодаря усилиям Деволанта. Он скончался 30 ноября 1818 года на службе, за своим письменным столом.

И наконец, последний из голландцев, Пётр фан Сухтелен, прослуживший в России 51 год. Занимался фортификационными работами на севере, затем – в Киеве, и потому не пострадал при Павле, как офицеры, служившие в Новороссии. В 1798 году оказался в Департаменте водяных коммуникаций, но числился там, скорее, номинально. В июле 1801 года был поставлен во главе Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части с чином генерал-квартирмейстера. Явные аналогии с Бауэром: тот в 1769 году фактически создал Генеральный штаб и продвинул военно-топографические работы. Штаб был расформирован Павлом I в Свиту и Чертёжную. На реформу павловского изобретения Сухтелену понадобилось 1,5 года. Среди прочего он разработал стратегический план деятельности Свиты как военно-топографического центра страны и создал Школу колонновожатых с двухгодичным сроком обучения. Из этой школы вышли геодезисты и топографы Ф.Ф. Шуберт и К.И. Теннер, военный инженер К.А. Шильдер, изобретатель электромагнитного телеграфа и электрических мин П.Л. Шиллинг.

Следующий этап деятельности Сухтелена – упорядочение инженерной части. Указом от 23 октября 1802 года Инженерная экспедиция была отделена от Артиллерийской. Управляющим Инженерной экспедицией, как и Инспектором всего Инженерного департамента, был назначен сам Сухтелен. По подготовленному им плану, 11 октября 1809 года Инженерный департамент был полностью реформирован. Сухтелен и здесь столкнулся с проблемой острой нехватки образованных кадров. Его рапорт о создании Кондукторской школы на 25 учеников при чертежной Инженерной экспедиции был утвержден 6 апреля 1804 года.

Обеим школам была суждена долгая жизнь. Школа колонновожатых за 30 лет преобразований превратилась в 1832 году в Академию Генерального штаба, а Кондукторская школа, за 15 лет преобразований, в 1819 году – в Главное инженерное училище, позднее – в Николаевскую инженерную академию. Живы они и до сих пор.

Последующие десятилетия Сухтелен был связан со Швецией. В русско-шведской войне 1808–1809 годов, показав себя тонким психологом, сумел после 3-недельной осады и без кровопролития вынудить к сдаче неприступный Свеаборг – важнейший шведский оплот на Финском заливе, который защищал Гельсингфорс (Хельсинки). Капитуляция Свеаборга сыграла решающую роль в судьбе всей кампании. А дальше Сухтелен вёл мирные переговоры, был назначен российским посланником и полномочным министром в Швецию. В марте-апреле 1812 года он заключил между двумя странами союзный договор, выведя Швецию из войны против России, несмотря на то, что шведским королём под именем Карла Юхана стал маршал Наполеона и друг его юности, Ж.Б. Бернадот. В 1813–1814 годах в качестве российского посланника и советника Сухтелен сопровождал Карла Юхана, командовавшего шведскими войсками, высадившимися в Померании уже в качестве союзных России. Обеспечив дипломатическим путём защиту северных границ России в 1812 году, он удостоился высшего отличия: его портрет был помещён в военной галерее Зимнего дворца.

Сухтелен умер в Стокгольме 6/18 января 1836 года на 85-м году жизни. «При похоронах ему были оказаны царские почести. По улицам расставлены были шпалерами гвардейские полки; одна батарея артиллерии и отряд норвежских егерей поставлены по пути <...>. Генералы и полковники несли ордена; члены дипломатического корпуса несли гроб <...>. Двадцать лет тому назад <...> хоронили с такой помпой барона Аделькрейца <...>. Первый защищал Финляндию, второй отнял её у Швеции и, приехав в Стокгольм, имел на гербе, украшавшем дверцы его экипажа, изображение Свеаборгской крепости. Странное стечение обстоятельств, что Швеция почтила обоих одинаковыми почестями»[11].

Как сказал о Сухтелене Ф. Вигель, «этот человек ужасал своим знанием, но был так скромен, что не только пугать, но даже удивлять им никого не думал»[12]. В своё время мы опубликовали меморандум французского инженера Рокура, находившийся в фонде Сухтелена в РГВИА[13]. На последней странице – почти не расшифровы-

[11] Граф П.К. Сухтелен: Его характеристика по шведским источникам / Сообщ. С. Варадель // Русская старина. 1903. Т. 115. № 8. С. 477.

[12] *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 1. М.: Круг, 1928. С. 183.

[13] *Gouzévitch I., Gouzévitch D.* Note de l'ingénieur-colonel Raucourt de Charleville concernant des voies de communication en Russie // Cahiers du monde russe. Т. 37. № 4. 1996. P. 479–504.

ваемые пометки Сухтелена, ибо запись делалась на... четырёх–пяти языках.

Половину своих доходов Сухтелен тратил на книги и коллекции. После смерти генерала его собрания из Швеции были на военном корабле доставлены в Петербург. Часть их, поступившая в Публичную библиотеку, насчитывала около 27 тыс. томов книг и около 40 тыс. автографов и рукописных документов. Мюнцкабинет попал в Академию наук, другая часть коллекций поступила в Эрмитаж, архивы – в Военно-исторический архив, часть осталась у потомков, в т.ч. коллекция картин и предметов прикладного искусства. Об этом персонаже можно говорить много, но давайте остановимся.

ВЫВОДЫ:

Каков сухой остаток «второй голландской волны» для Российской империи? Полтора десятка городов и крепостей в Северном Причерноморье, начиная с Одессы и Севастополя, Тихвинская и Мариинская гидросистемы, три высших учебных заведения; неучастие Швеции в войне 1812 года на стороне Наполеона; Финляндия в составе империи; тысячи книг и рукописей; коллекции картин, медалей, монет, прикладного искусства. А всего-то три десятка нанятых на службу.

Воистину, права была великая императрица: «**Мы добыли из Голландии отличных инженеров и гидравликов**».

Голландские инженеры, принятые на коронную службу
в царствование Екатерины II

№	Имя	Дата приёма или указа	Чин в момент приёма	Примечания
1	Трузсон Христиан Иванович (Trusson Christianus; 15.3.1742 – 8.3.1813, СПб.)	8 декабря 1782	инженер-капитан	Голландец из Кобленца? Инженер-генерал-лейтенант. В России осталась династия Трузсонов
2	Фан Сухтелен Пётр Корнилович (van Suchtelen Johan Peter; 2.8.1751, sur la Meuse, Brabant – 18.1.1836, Стокгольм)	1783, 7.07	инженер-подполковник	Инженер-генерал, генерал-квартирмейстер; российский посол в Швеции. До конца жизни – в российской службе. В России осталась династия фан Сухтеленов
3	Фалиони (Фалькони?) Иван (Falconi J.A.; 1757–1840)	1783, 27.09	инженер-капитан	голландец
4	Фергюел Мориц (Ver Huell Maurits Anne; 1761 – 15/26.11.1799)	1783, 27.09	инженер-капитан	28.10.1794 уволен в чине майора и возвратился в Голландию. По другим данным умер в 1799 в чине генерал-майора в России
5	Гартинг Иван (Harting J.F.; 1768-1831)	1783, 27.09	инженер-прапорщик	голландец?
6	Де Витте Яков Яковлевич (de Witte Jacob Eduard; ок. 1723 (1739? 1744?), г. Бреда – 1809, май)	1783, 9.11 (указ: 22.05.1784)	инженер-майор	Инженер-генерал (3.12.1799). Строил и проектировал в Прибалтике. В России осталась династия де Витте (см. № 9)
7	Уденс (Udens)	1784, 24.1, указ	инж.-прапорщик	голландец?
8	Дефаллоа	1784, 22.05, указ	инженер-майор	8.10.1789 уволился в чине инженер-подполковника и возвратился на родину
9	Де Витте Каспер Яковлевич (de Witte Adriaan Kasper; ок. 1770 – 1???)	1785, 7.08 (патент на чин: 24.09.1787)	[инженер]-кондуктор 1 кл.; аудитор 2 кл.	Сын Я.Я. де Витте (см. № 6). Возможно, был нанят кто-то ещё из рода де Витте, погибший в чине артиллерии полковника при осаде Очакова в 1788
10	Гергард фон Вейде	1786, 28.10, указ	инженер-капитан	голландец?
11	Канзер (Кайзер?)	1786, 15.12	инженер-поручик	В голландской службе был инженер-капитаном. С 1794 строил в Одессе, будучи уже в чине инженер-капитана
12-15	4 «шлюзных, мельничных и протчих художеств мастера»	[1786 – 1791]	мастера	
16	Редели-Кейт Корнелис (Redelijkheid или Reedelijkheid Cornelis; 1728, Рот-тердам? – 28.8.1788, под Очаковым)	1787, 7.09, указ	инженер-подполковник	Умер во время осады Очакова. На момент смерти – инженер-полковник в бригадирском ранге. Автор научных трудов
17	Крейц Йохан Самуэль (Creutz или Krausz Johan Samuel; ок. 1747, Берлин – 1???)	1787, 7.09, указ (выехал в Россию 10.7.1787)	инженер-майор	Голландец; с сентября 1766 – студент философии Лейденского университета

18	Реми Иван	1787, 7.09, указ	инж.-поручик	
19	Еким (Эким)	1787, 7.09, указ (патент на чин – 24.09.1787)	Артиллерии поручик	
20	Дер Плат Иван (фон дер Плант; Vander-Platen)	1787, 10.10 (указ от 8.1.1788)	инженер-капитан	На 1792 – инженер-майор; строил Тирасполь вместе с Деволантом. В дальнейшем возвратился на родину и в 1814 был комендантом г. Бреда
21	Ван-дер-Вейде (Van der Weijde)	1787 (?)		инженер-майор в 1790-е; строил в Прибалтике
22	Деволант Франц Павлович (Swerts de Wollant J.F.; 20.9.1752 (1.10.1755), Брабант – 30.11.1818, СПб.)	1788, 30.10 (указ от 8.01.1788)	инженер-майор	В Голландии был инженер-капитаном. Инженер-генерал (6.9.1810); правящий должность Главного директора путей сообщения России (22.12.1812)
23	Делумиан Прево	1788, 24.06, указ	инженер-подполковник	
24	Ван-дер-Шкурф[т] Андрей	Рубеж 1780-х и 1790-х		инженер-полковник на конец 1790-х; строил в Одессе
25	Ванрезант (Венресонт) В.В.	Рубеж 1780-х и 1790-х		инженер-капитан в 1790-е; строил в Одессе
26	Фан-дер-Флис (Фон-дер-Флис) Борис Васильевич (15.04.1762, Ниппорт, Зап. Фландрия – март 1846, Одесса)	1792		гидротехник; работал в Черноморских портах, в т.ч. много строил в Одессе и в Николаеве

К. Давидс
*(Нидерланды)**

Русско-голландские связи в области техники в XVIII веке: сравнительный анализ

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних нескольких веков мир несколько раз становился свидетелем смены «технологического первенства». В настоящее время во многих областях технологии первенствуют Соединённые Штаты. Ранее аналогичную позицию занимали Великобритания и Германия. В позднее Средневековье и в XVI веке область технологического лидерства охватывала северную Италию, южную Германию и Фландрию, в XVII–XVIII веках лидером в области техники являлись Нидерланды.

Здесь под «технологическим первенством» имеется в виду, что определённая страна, регион, город или группа городов играет роль инициатора развития новых технологий в самых различных сферах деятельности. Показателями технологического первенства могут быть уровни производительности, которые можно выразить как в цифрах, так и через мнения наблюдателей-современников по поводу сравнительных уровней технического развития, а также направления и частоты экспорта технологической информации. Согласно этим показателям Голландия того времени действительно являлась страной технологического первенства и

* Пер. с англ. **Д.А. Прияткина**.

отчётливо воспринималась как таковая, начиная примерно с 1670 года. С этого времени Голландская республика считалась своего рода «техническим раем»[1].

В этой статье я постараюсь показать русско-голландские отношения в контексте технологического первенства Голландской республики. Вначале я коротко расскажу о самой идее Голландской республики как «технического рая», затем об экспорте технологий из Голландии, и наконец – об особых аспектах отношений в области техники между Россией и Нидерландами в XVIII веке.

ИДЕЯ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК ТЕХНИЧЕСКОГО РАЯ

Идея Голландской республики как технического рая впервые возникла около 1670 года[2]. Одним из первых европейских политиков технологический потенциал Нидерландов выявил Жан-Батист Кольбер, влиятельный министр французского короля Людовика XIV. Когда Кольбер задумал преумножить богатства Франции за счёт технологической модернизации, он взял за образец Голландскую республику. Кольбер не только предпринял меры по привлечению во Францию голландских предпринимателей и квалифицированных рабочих в области судостроения и текстильной промышленности, но и, среди прочего, направил в Нидерланды специальную делегацию, чтобы на месте провести всеобъемлющее и подробное исследование каналов и конструкций плотин, шлюзов, мостов, дамб и дренажных сооружений, и вступить в контакт с мастерами на предмет их готовности продать свои навыки зарубежным работодателям.

Идею технологического первенства Голландской республики подхватили и в других странах Европы. Когда такие европейские государства, как Тоскана и Швеция, в конце XVII века начали строить планы по умножению богатств, аналогичные планам французского министра, они тоже приняли за образец Голландию. Например, Великий герцог Тосканы Козимо Третий в конце 1660-х годов, незадолго до своего восшествия на престол, дважды посетил Нидерланды[3]. Когда в

[1] *Davids K.* The Rise and Decline of Dutch Technological Leadership. Technology, Economy and Culture in the Netherlands, 1350–1800 (Взлёт и падение голландского технологического первенства. Технология, экономика, культура Нидерландов, 1350–1888). Boston; Leiden, 2008. P. 3–10.

[2] Следующий раздел основан на: *Davids K.* Rise and Decline... Chapter 2.

[3] *Hoogewerff G.J. (ed.).* De twee reizen van Cosimo de ‘Medici Prins van Toscane door de Nederlanden (1667–1669). Journalen en documenten. Amsterdam, 1919.

1682 году он послал Пьетро Гверини в страны северо-западной Европы для сбора информации о военных и гражданских сооружениях, первую продолжительную остановку Гверини сделал в Голландии. На протяжении нескольких месяцев канцелярия герцога во Флоренции получала подробнейшие описания и чертежи технических объектов Голландской республики.

Примерно в 1660 году шведский посол в Гааге Харальд Аппельбоом составил список из 87 тем, которые подобает изучить гостю, прибывающему в Голландию, и второй, более короткий, список, включавший «особо важные» предметы. В этих двух списках перечислены практически все стороны экономической жизни Голландии и иные аспекты жизни голландского общества; шведская бюрократия демонстрировала возрастающий интерес к получению полной и точной картины состояния страны, в том числе к технике.

Усилия шведской Коммерц-коллегии (*Kommerskollegium*) в 1650-е годы сводились, в основном, к вербовке мастеров из Голландии в Швецию (в особенности текстильщиков и судостроителей), в 1690-х Берг-коллегия (*Bergskollegium*) отправила Самюэля Бушенфельта и Христофера Польхема в поездку по северо-западной Европе для осмотра всевозможных технических устройств, которые могли бы представлять ценность для шведского государства. Подобно Гверини из Тосканы, эти скандинавские путешественники в первую очередь направились в Голландскую республику. Нидерланды обладали статусом главного центра передовых технологий в Европе.

Как долго просуществовала идея технологического первенства Голландии? Представление о голландском превосходстве в технических вопросах, особенно в том, что касается механики, было широко распространено среди европейцев и во второй половине XVIII века. Несмотря на то, что Англия всё больше притягивала «технологических туристов» и промышленных шпионов, а английские изобретения и усовершенствования занимали значительное место в потоке технической литературы на Европейском континенте, Голландская республика по-прежнему привлекала иностранцев, желающих ознакомиться с новейшими техническими достижениями.

Убеждение, что у Нидерландов всё ещё имеется громадный запас уникальных технических знаний, особо разделяли немцы и французы, поэтому французы были чрезвычайно рады наконец-то получить «свободный доступ» к этой сокровищнице знаний, оккупировав в 1795 году Голландию. У немцев максимальный интерес к голландской технике и наибольшее количество публикаций приходится на период между 1780 и 1810 годами. Если точно обозначить

момент, когда Нидерланды утратили свой статус технического рая для иностранцев, вероятнее всего, он приходится на окончание Наполеоновских войн – не раньше.

ЭКСПОРТ ТЕХНОЛОГИИ ИЗ ГОЛЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Идея технологического первенства Голландии сопровождалась колоссальным экспортом технических знаний из Нидерландов в другие страны Европы и за её пределы. Этот экспорт происходил разными способами: «технологический туризм», обучение и практическая подготовка иностранцев, наём голландских квалифицированных работников, передача оборудования, материалов и образцов, распространение технической литературы[4].

С конца XVII века, когда всё больше путешественников устремлялось в Нидерланды с нескрываемыми намерениями увидеть своими глазами новейшие технологические процессы и устройства, Голландская республика надолго стала самым популярным регионом технологического туризма. Французы, итальянцы, шведы, англичане, шотландцы, датчане, пруссаки, русские в массовом порядке прибывали в Голландию от имени правительств, предпринимателей или по собственной инициативе, чтобы постичь тайны технологических успехов голландцев. Мельники Заандама, текстильщики Лейдена, белильщики из-под Харлема, трубочные мастера из Гауды, химики из Амстердама, строители дамб, шлюзов и мостов по всей стране – все они наблюдали нашествие иностранцев, вооружённых карандашами и тетрадями и стремящихся узнать, как работают голландцы, их технические устройства и машины.

Одной из кульминационных точек «технологического тура» в Нидерланды было посещение поместья Якоба ван Моллема «Зийдебален» («Шёлковые тюки», *Zijdebalen*), где с 1681 года находилась ультрасовременная шелкокрутильная фабрика на водяной тяге. Шведам Бушенфельту и Польхему удалось детально исследовать её конструкцию и работу во время своего визита в 1690-х годах, а спустя двадцать лет то же самое сделал посланник царя Петра[5].

Начиная с XVI века, всё более обычным делом для иностранцев становится учёба или стажировка в Голландии. Молодые люди из

[4] Следующий раздел основан на: Davids K. Rise and Decline... Chapter 5.

[5] University Library Uppsala Ms. X 306 S. Buschenfelt, «Berättelse till Bergskollegium», esp. f. 22–24, Rienk Vermij, «Bedrijfsspionage in de achttiende eeuw. Een agent van de tsaar te “Zijdebalen”», Maandblad Oud-Utrecht, 63(1990) 107–110.

Любека, Данцига, Франкфурта и Парижа приезжали в Амстердам учиться ювелирному, слесарному и шляпному ремеслу, изучать искусство навигации в частной мореходной школе, осваивать инженерное дело и практиковаться в математике в армии Генеральных Штатов или в Лейденской инженерной школе.

Технологии перемещались из Голландии в другие страны преимущественно вместе с людьми, однако эмиграция квалифицированных голландских мастеров никогда не носила массового характера. Голландия никогда не переживала таких резких, массовых и длительных квалификационных потерь вследствие миграции населения, как, например, Фландрия и Брабант между 1570 и 1630 годами или Франция после отмены Нантского эдикта. Даже после того как к середине XVIII века голландская промышленность вступила в затяжной период упадка, миграция квалифицированных кадров и близко не доходило до уровня огромных диаспор из Фландрии и Франции.

В XVII–XVIII веках квалифицированные работники в целом не стремились покинуть Голландию. Те, кто это делал, как правило, уезжали по инициативе иностранных работодателей, а не своей собственной. Наём производился либо иностранными предпринимателями (или их агентами), или представителями иностранных правительств.

Деятельность такого рода никоим образом не являлась прерогативой Франции. Так, в 1672 и 1680 годах новообразованная Коммерц-коллегия (*Kommercekollegium*) в Копенгагене определила Нидерланды как страну для привлечения квалифицированных кадров в торговлю и промышленность. Свои вербовщики были у Швеции. Во время англо-голландских войн шведская Коммерц-коллегия (*Kommerskollegium*) всерьёз строила планы, как с выгодой использовать экономический кризис в Объединённых Провинциях, делегируя туда команды вербовщиков, чтобы переманить к себе квалифицированные кадры; ещё большую активность Коллегия проявила после 1740 года, во времена расцвета шведского меркантилизма. Точно так же поступали Англия, Испания, Пруссия и Россия.

Как правило, специалисты уезжали из Голландии по несколько человек, по двое-трое, нередко в одиночку. Обычно мастера оправлялись работать в другие страны на короткий период и не брали с собой семьи. Например, бумажный мастер Диделоф Диркс ван Лойтен (Dideloff Dircksz van Leeuwen) в 1718 году в Амстердаме заключил с агентом царя Петра контракт на работу и обучение местных специалистов в Санкт-Петербурге сроком на три года с возможным

продлением ещё на год. Из жалования в 80 гульденов в месяц ван Лойтену причиталось 30, остальное получала его жена (или другое доверенное лицо), оставшаяся в Голландии[6].

Перемещение людей дополнялось и другими способами передачи технических знаний. Экспорт машин, станков и инвентаря происходил, по меньшей мере, с середины XVII века и значительно возрос в XVIII. Тот факт, что около 1750 года Генеральные Штаты объявили запрет на вывоз мельниц и их частей, инструментов и машин, используемых в текстильном, бумажном, винокуренном производствах, а также в изготовлении свинцовых белил и курительных трубок, заставляет предположить, что к этому времени вывоз оборудования из страны приобрёл массовый характер. Случавшиеся время от времени перехваты нелегальных транспортов, в частности, груза деталей для ветряных мельниц, отправленных из Нидерландов в «Ост-Фрисландию» (Пруссию) в 1769 году, свидетельствуют о том, что эти запреты не могли остановить нелегальные перевозки.

Технические секреты могли передаваться и в виде пересылки семян. Например, в 1730-х годах некий Иоганн Генрих Штифельс вывез первые растения красильной марены из Зеландии в прусские земли Клеве, Минден и Потсдам. В 1750-х иностранный рабочий из Нордена нелегально перевёз «в своей маслёнке» семена марены из Зеландии в Восточную Пруссию[7].

Среди предметов, воплощавших техническое знание, были и уменьшенные модели, которые в XVII веке стали в Нидерландах обычным пособием при обучении технологиям. К концу века эти портативные трёхмерные образцы технических достижений также начали перемещаться за пределы Объединённых Провинций. Например, агент Кольбера Ля Фёй во время поездки в Голландию в 1670 году приобрёл модели глинобитной машины, лесопилки, ворот дамб и шлюзов и переслал их во Францию. В середине XVIII века оживился вывоз моделей голландских ветряных мельниц. В конце 1750-х годов Королевское Общество искусств в Лондоне добавило несколько моделей голландских ветряных мельниц к своей коллекции машин и инструментов. В 1766 году Палата военного и государственного имущества (*Kriegs- und Domänenkammer*) прусской земли Минден послала модель голландской маслобойки своим коллегам в Бреслау, Силезия. В 1770 году Главный строительный департамент

[6] *Davids K.* Rise and Decline... P. 272.
[7] Ibid. P. 324.

(*Oberbaudepartement*) в Берлине получил из Палаты Ауриха (Восточная Пруссия) модель мельницы на польдере (*poldermolen*).

И, наконец, техническая литература. До середины XVII века в Голландии имел место дефицит книг и трактатов по практическим техническим вопросам. Публиковавшаяся техническая литература в основном касалась вопросов топографии, фортификации и навигации. Вскоре эта литература оказалась и за пределами страны. Например, голландские книги по навигации получили широкое распространение в северной и западной Европе. Так, руководства, опубликованные Клайсом Хендриксом Гийтермакером (Claes Hendricksz Gietermaker) в 1659 и 1660 годах, использовались в мореходных школах Шлезвиг-Гольштейна на протяжении почти 130 лет и были широко распространены в Норвегии и Дании. Среди других голландских книг по навигации, циркулировавших среди мореходов Скандинавии, самой популярной была, пожалуй, «Schat-kamer ofte kunst der stuurlieden» Клааса де Вриза (Klaas de Vries), впервые изданная в 1702 году.

Подобно руководствам по навигации, свой путь к иностранным читателям нашли и книги по устройству мельниц, опубликованные, в основном, в 1730-х годах. Такие иностранные путешественники, интересовавшиеся устройством голландских ветряных мельниц, как Леонхардт Штурм (Leonhardt Sturm), Джон Смитон (John Smeaton) и Иоганн Буш (Johann Busch), возили с собой экземпляры руководств по мельницам, которые служили им своего рода путеводителями. Благодаря этим путеводитеоям, иностранные наблюдатели, приезжая в голландский технический рай, знали, на что им надо смотреть.

ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ: РОССИЯ, ПЁТР I И НИДЕРЛАНДЫ

Передача технологий из Голландии в Россию, начавшаяся во времена Петра I и продолжавшаяся на протяжении всего XVIII века, во многих отношениях вписывалась в общую схему экспорта технологий из Нидерландов, хотя здесь есть и свои особенности.

Во-первых, это, конечно, неугасающий личный интерес и упорство царя Петра, придавшего процессу технологического переноса мощный и долговременный импульс. Своей заинтересованностью и упорством царь существенно превосходил других правителей Европы. Даже Козимо III Тосканский не поселялся в Голландии на несколько месяцев, не обучался на корабельного плотника на верфях

Ост-Индской компании в Амстердаме и в доках Заанстрека, и не брал уроков в мореходной школе, как Пётр в школе Яна Альбертса ван Дама, наставника лоцманов в Палате города Хорн[8].

Во-вторых, передача технологий в Россию охватывала очень широкий спектр: от судостроения, мореходства, строительства каналов и рыбоводства до архитектуры и разнообразных ремёсел и производств, включая текстильное, бумажное, кирпичное и оружейное. В этом отношении технологический экспорт в Россию был гораздо шире, чем, допустим, в Швецию, Пруссию или Францию.

В-третьих, передача технологий в Россию, особенно во времена Петра I, достигла беспрецедентных масштабов не только в виде оптовых скупок целых коллекций, но и в виде больших программ обучения и массированных кампаний по найму квалифицированных кадров. Ни одно другое государство или правитель не отправляли десятки своих подданных в Голландскую республику для обучения морскому делу и навигации. Ни одно другое государство или правитель не нанимали в Нидерландах столько квалифицированных специалистов. Кампании по найму, последовавшие за первым визитом царя Петра в Голландию в 1697 году, привели к переезду в Россию около 600 мастеров. Корнелис Крюйс (Cornelis Cruys), мастер по техническому оснащению в амстердамском Адмиралтействе, ставший адмиралом русского флота, в 1698 году нанял в Голландии 231 человек (морских офицеров, унтер-офицеров и рядовых матросов) для работы в России, а в 1703–1704 годах – ещё одну группу из 175 человек, включая 89 голландцев[9].

Никакая другая европейская держава не достигла такого уровня привлечения рабочей силы. Для сравнения, одна из самых крупных кампаний такого рода, проведённая Испанией Бурбонов в 1718 году по привлечению голландцев на королевскую текстильную фабрику в Гвадалахаре, на первом этапе охватила всего лишь пятьдесят рабочих из Лейдена. Общая численность голландской общины в Гвадалахаре не превышала 300 человек[10].

---

[8] *Davids K.* On the diffusion of nautical knowledge from the Netherlands to north-eastern Europe 1550–1850 (О распространении мореходного знания из Голландии в северо-западную Европу) // W.G. Heeres et al. (eds.). From Dunkirk to Danzig. Shipping and trade in the North Sea and the Baltic, 1350–1850. Hilversum, 1988. 217–236. P. 227.

[9] *Davids K.* Rise and Decline... P. 274, 327.

[10] Ibid. P. 330.

Поскольку спектр отраслей был гораздо шире, а масштаб экспорта крупнее, можно предположить, что и влияние голландского технологического экспорта в России на российскую экономику было намного значительней, чем в других европейских странах того времени – интересная тема для дальнейшего исследования. В любом случае важно отметить, что в отличие от технологического экспорта во Францию, Англию, Швецию, Данию, Германию, Испанию и Италию, о русско-голландских связях XVIII века в области техники до сих пор помнят и почитают их.

А.Х. ван дер Зваан
*(Нидерланды)**

Российские каналы и голландские инженеры-гидравлики

В 1698 году царь Пётр I вернулся в Россию после поездки по Голландии и учёбы на корабельного плотника в амстердамских доках Ост-Индской компании.

Голландия – страна, богатая реками, мостами, каналами и шлюзами – и, следовательно, обладающая густой сетью водоотводов и гидросооружений. Это вдохновило Петра на разработку подобного инфраструктурного проекта в родной стране – а именно, всеохватывающую сеть транспортных коммуникаций, в особенности – вдоль водных путей. В разработке этого проекта ему помогал тогдашний мэр Амстердама Николаас Витсен. Этот проект по созданию единой системы небольших каналов получил одобрение сената. Его осуществление продолжалось на протяжении всего XVIII века, т.е. во времена императрицы Екатерины I и императоров Павла и Александра I.

Проект предполагал канализацию рек, строительство мостов и шлюзов. А главное, нужно было выкопать большое количество каналов, чтобы соединить разные реки и дать возможность перевозить товары по всей стране, в первую очередь, с севера на юг – в самом начале века это было особенно актуально. Новый город Петербург надо было снабжать оружием, зерном, пенькой и т.п.

---

* Пер. с англ. **Д.А. Прияткина**.

Верфь голландской Ост-Индской компании в Амстердаме, около 1750

Были приглашены голландские специалисты, имевшие большой опыт в гидротехнике. С ними заключались контракты на геодезическую разведку, конструирование и строительство многих каналов. Как следствие, в течение XVIII века было привлечено три потока голландских специалистов этого профиля.

Главным маршрутом, подлежащим разработке, был путь, соединяющий Каспийское и Балтийское моря. Основной частью этого пути была Волга, протяжённостью в 3500 км. По плану первый канал должен был соединить реку Тверца (приток Волги) с северными реками, в частности, Волховом. Другой канал должен был соединить Каспий с Чёрным морем: он назывался Ивановским и, согласно плану, строился между Доном и Окой, другим притоком Волги.

Первая группа голландских гидроинженеров состояла из десяти человек, нанятых в 1702 году и прибывших в январе 1703. Пятерых из них, под началом Адриана Хутера, направили в Вышний Волочок. Остальные пятеро отправились на уже строившийся Ивановский канал. Но вскоре земляные работы на этом канале прекратили из-за занятия турками Азова с окрестностями. Этот канал так и не достроят! Позже эти мастера присоединились к своим коллегам во главе с «голландским мастером» Хутером в Вышнем Волочке. Под руководством Хутера строительство было завершено в 1708, и в 1709 году началась полномасштабная эксплуатация канала. Сначала канал назвали Голландским, но вскоре переименовали в Тверецкий.

В контрактах перечислены все компаньоны Хутера, равно как и условия оплаты их труда, составляющей восемьдесят гульденов в месяц. Их контракты были заверены амстердамским адвокатом-солиситором в 1702 году. В найме десяти инженеров («голландских

План Тверской губернии.
РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 5

мастеров») важную роль сыграл голландский купец из Архангельска торговец оружием Адольф Хуман.

Водораздел возле Вышнего Волочка, который надо было перекрыть каналом, составлял приблизительно восемь километров в дли-

ну. До того времени это был «волок», место, где судно перетаскивалось по суше (через водораздел), часто на валках, силами лошадей или людей. Здесь нужно было выкопать канал от Тверцы к реке Цна, чтобы можно было продолжить путь по воде. Затем маршрут пролегал через реку Мста, озеро Ильмень, реку Волхов, Ладожское озеро и реку Нева до Санкт-Петербурга.

Адриан Хутер смог завершить работу при помощи 10 000 копателей из крепостных и каторжников, 1000 возчиков при лошадях и телегах и 400 плотников. Истощение, болезни и смерти среди рабочих были обычным явлением, причём в больших масштабах. Работали они только за еду, причём весьма скудную.

Поначалу результат удовлетворил царя: он, судя по всему, посетил место работ в 1708 году. Однако вскоре его ждало разочарование: когда в 1709 году первые суда пошли через канал, тот не оправдал ожиданий.

Дамбы и шлюзы не могли воспрепятствовать тому, что летом Тверецкий канал пересыхал. Судоходство оказалось возможным только весной и осенью. Летом же товары приходилось перегружать на мелкие баржи или на телеги, которые приходилось перемещать посуху на лошадях. Более того, берега возле шлюзов были недостаточно тверды, и вода, пропитав их, начинала обтекать шлюзы. И наконец, движение было возможно только в одном направлении (с юга на север). Так что, пропускная способность канала оказалась крайне ограниченной.

Адриан Хутер к каким-либо попыткам устранить недостатки не привлекался. Говорят, что после этого он работал где-то в Сибири, а также участвовал в прокладке Ладожского канала.

Однако, согласно документу, он получил разрешение вернуться на родину – с царской печатью – в 1709 году.

В последующие годы было предпринято много попыток исправить недочёты системы, но серьёзных результатов они не дали. Возникла необходимость в полной переработке проекта.

В 1708 году случай свёл царя с неким Сердюковым, весьма искусным в предприятиях разного рода. Был он самоучкой, никакого формального образования не получил, владел винокуренным заводиком. На царя он произвёл большое впечатление, и по настоянию Петра сенат уполномочил Сердюкова произвести капитальную перестройку всей вышневолоцкой системы – кстати, на том условии, что в случае неудачи он не получал ни копейки. Зато в случае успеха ему предоставлялась концессия на сбор пошлины со всех проходящих судов и право строить свои фабрики и заводы в окрестностях канала.

Сердюковская реконструкция, завершившаяся в 1723 году, оказалась весьма успешной, и до самой его смерти в 1754 году система каналов оставалась неизменной. В эту систему он привнёс воистину революционные изменения. И дело было не столько в обводном канале между Тверцой и Цной, получившем название Цнинский канал. Главным достижением Сердюкова стало запруживание реки Шлины (притока Цны). Исток этой реки находился значительно выше, чем исток Цны, и в результате образовалось огромное водохранилище, питаемое из озера Шлино, то есть, как уже говорилось, со значительно большей высоты.

Теперь большие водные массы могли течь из озера Шлино на юг и поддерживать достаточный уровень воды в Тверецком канале и в верховьях Тверцы, так что большие суда могли без проблем проходить эти участки и летом.

В последующие годы грузоперевозки росли очень быстро. 27 февраля 1723 года царь даже заехал к Сердюкову в гости и, как говорят документы, «обедал с ним до вечера».

До самой смерти в 1754 году Сердюков весьма эффективно, как с эксплуатационной, так и с финансовой точки зрения управлял всей водной системой Вышнего Волочка.

Однако при всём том сквозной проход оставался весьма трудоёмкой операцией. Требовалось около месяца, и десятки бурлаков и лошадей, чтобы сначала поднять груз вверх по Тверце, а потом провести его через шлюзы Тверецкого канала. Но и сам по себе сквозной путь между Балтийским и Каспийским морями был выдающимся достижением. Этот канал был вторым в мире после Лангедокского канала (Canal du Midi, между Средиземным морем и Атлантическим океаном). Последовавший в результате этого быстрый подъём Вышнего Волочка позволил Екатерине II в 1770 году включить город в список «знатных городов русских».

Вторая когорта голландских инженеров-гидротехников проявила себя в России на протяжении всей первой половины XVIII столетия. В этот период строился Ладожский канал. Но главное – большая часть голландских мастеров участвовала в разработке и строительстве нового города Санкт-Петербурга.

Из них упомянем Хермана ван Болеса, более 50 лет проработавшего в новой столице в разных отраслях. Он – типичный представитель своих коллег-современников, среди которых также выделялись Ван Эрстен, Ван Свийтен и Де Вааль.

Третий период приходится на конец XVIII – начало XIX веков. В это время по всей стране было построено не менее 11 каналов.

Рытьё Ладожского канала

Многие из них были спроектированы и построены под умелым и энергичным руководством, в числе прочих, Франца Де Волланта, Ван Сухтелена и Де Витте. В то или иное время каждый из этих трёх участвовал практически во всех этих проектах, в особенности Франц Де Воллант.

Два из его грандиозных проектов, совместно с Ван Сухтеленом – это Мариинский и Цвинский водные пути. Наряду с Вышневолоцким эти пути составили три альтернативных маршрута с верховий Волги до Петербурга.

До 1787 года Франц Де Воллант был офицером голландской армии, картографом и инженером фортификационных сооружений. В 1787 году его пригласила в Россию императрица Екатерина II. На русской военной службе он сражался со шведами и с Османской империей (на турецкий фронт его отправил Потёмкин). Участвовал в проектировании и строительстве новых городов, таких как Одесса и Тирасполь, строил каналы на Днепре, спроектировал и возглавлял строительство Цвинского и Мариинского водных путей, строил Севастопольский порт. В 1785 году Екатерина отметила: «Замечательных инженеров мы заполучили из Голландии».

Де Воллант продолжил свою карьеру и позже, при императорах Павле и Александре I. В 1812 году он был назначен товарищем министра департамента общественных работ и транспорта, официально именуемым «Министерством путей сообщения». Также он стал членом Совета министров, учредил военную академию и профессиональную ассоциацию гражданских и военных инженеров. Он скончался в 1818 году и похоронен на Волковом кладбище.

Три волны голландских инженеров-гидротехников внесли важнейших вклад в создание всесторонней и сбалансированной системы водных путей сообщения в России на протяжении всего XVIII века.

Мариинская, Тихвинская,
Вышневолоцкая водные системы

А. Кардосу де Матуш,
А. Фиальо Конде
*(Португалия)**

Нидерланды: «поворотный круг» российско-португальских связей[1]

ВСТУПЛЕНИЕ

Хотя Россия и Португалия и расположены на двух противоположных оконечностях Европы, и дипломатические отношения между ними установлены только в 1780 году, более или менее близкие контакты между двумя странами развивались в течение длительного периода.

Среди португальцев, которые побывали в России, можно найти представителей различных профессиональных групп: инженеров, учёных, дипломатов, а также артистов, – таких, как Луиза Тодди, португальская певица, которая в 1785–1787 годах с огромным успехом выступала при дворе Екатерины II[2]. Среди представителей этой популяции имелось множество изгнанников еврейского происхож-

---

* Пер. с франц. **А.Ю. Беляк**.

[1] Благодарим Дмитрия Гузевича и Ирину Гузевич за помощь в написании и редактировании этой статьи.

[2] Она пела для императрицы в Эрмитажном театре в 1784 и 1788 годах; Екатерина II весьма ею восхищалась. Супружеская чета Тодди написала для императрицы оперу «Поллиния». В этой связи уместно также упомянуть о присутствии в России Жулианы Луизы де Овенхаузен (1782–1864), дочери маркизы Алорна, которая в 1828 году вышла замуж за Григория Строганова и жила в одном из самых знаменитых дворцов на Невском проспекте.

дения – как собственно иудеев, так и марранов («новых христиан»). Действительно, после высылки из Испании иудеев (1492), её политике, особенно в области религиозных гонений, последовали другие регионы и страны: Португалия (1497), Наварра (1498), Неаполь (1541). Одновременно имел место и обратный процесс, а именно расселение беженцев в других регионах, таких как Магриб и другие части Османской империи, Италия (Венеция, Ливорно), Лондон, юго-запад Франции, Балканы, Нидерланды, юг Польско-Литовского государства. Но, помимо беженцев с Пиренейского полуострова, туда направлялись и значительно более свободные представители еврейских общин из Оттоманской империи. Они все относятся к еврейскому субэтносту, известному под названием сефардов. Организованные в общины по признаку происхождения и делавшие ставку на семейные связи, они выступали создателями весьма выгодных торговых сетей, особенно в качестве посредников в общении с мусульманским миром. 1593 год ознаменовал поворотную точку в этом процессе, поскольку именно тогда первая группа португальских марранов прибыла в Антверпен, затем в Амстердам[3] (где уже существовала большая группа испанских евреев и марранов, многие из которых вновь вернулись в лоно иудаизма), Гамбург и Руан, дав импульс новому сценарию в европейской и мировой торговле: усиливалось значение Атлантики. Как и в случае средиземноморской торговли, где они осуществляли посредничество между христианской Европой и Оттоманской империей, в следующем экономическом контексте они сыграли ту же роль посредников между Европой католической и Европой протестантской, выполняя тем самым важную геополитическую функцию.

Некоторые отправились из Голландии в Россию и стали частью этого миграционного потока. Но бывали и иные ситуации, касающиеся, в частности, тех португальцев, которые установили связи с российской наукой и культурой через академические круги Санкт-Петербурга.

[3] Год 1585 ознаменовался захватом Антверпена войсками Габсбургов, повлекшим за собой перемещение торговых складов в Амстердам и переезд туда же евреев и новых христиан из Португалии для обеспечения торговли по оси Бразилия-Португалия-Амстердам (заменившей ось Бразилия-Португалия-Антверпен), где ключевую роль в качестве товара играл сахар. См.: *Breda Daniel Oliveira*. Vicus Judaeorum: Os judeus e o espaço urbano do Recife neerlândes (1630–1654): dissertação de mestrado em História / Universidade Federal de Rio Grande do Norte. Natal, 2007.

Пути, по которым осуществлялись эти контакты, были весьма разнообразны:

- европейские путешествия российских монархов и представителей знати, дававшие импульс к приезду в Россию различных выходцев из Португалии;
- дипломатические отношения;
- встречи инженеров двух стран в учебных заведениях Франции;
- найм португальцев на российскую коронную службу;
- академические контакты и обмены.

Все эти возможности взаимодействия существовали в течение довольно длительного периода, даже если количество вовлечённых в них людей осталось довольно ограниченным. Некоторые примеры, которые мы проанализируем в дальнейшем, учитывают эту особенность, но мы хотим более внимательно рассмотреть присутствие в России двух категорий португальцев, которые кажутся нам наиболее представительными: тех, кто поступил на российскую коронную службу между XVII и началом XIX веков, и тех, кто участвовал в деятельности Санкт-Петербургской Академии наук.

ПОРТУГАЛЬЦЫ, ПРИБЫВШИЕ В РОССИЮ ИЗ НИДЕРЛАНДОВ

Начало сколько-нибудь систематических отношений между двумя странами относится соответственно к правлению двух государей: короля Педру II Португальского (1683–1706) и Петра Великого (1672–1725), царя всея Руси, а затем всероссийского императора (1721). Типология лиц, задействованных в этих отношениях в течение всего изучаемого периода, весьма разнообразна.

Антонио Мануэль Луис де Виейра (António Manuel Luís de Vieira; 1682?[4]–1745)

Также известный как Антон (Антуан) Мануилович Девиер, (Дивиер, Девьер, Дивьер), или просто Девьер, этот человек был португальским евреем или марраном, проживавшим в Амстердаме. После смерти отца он поступил юнгой в голландский флот. В 1697

[4] Мнения специалистов относительно даты его рождения колеблются между 1682 и 1683 годом, причём первая дата более вероятна, поскольку к моменту встречи с царём Виейра был ещё очень молод.

году, ещё подростком, был нанят в Голландии Петром I[5] и вывезен в Россию. Там он принял православие и взял русское имя Антон Манuилович Девиер. Начинал денщиком Петра I, в 1708 году был произведён в капитаны, затем в майоры и, наконец, получил чин полковника гренадёрского полка.

В 1718 году он стал первым генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга (1718–1727 и 1744–1745), графом (с 1726), генерал-аншефом (1744). Строительство города началось в 1703 году, и с определённого момента большую ответственность за его планировку и благоустройство нёс генерал-полицмейстер. В указе о назначении Девиера царь обосновывал необходимостью «утвердить наилучший порядок» «дабы никто не оправдывался незнанием законов». С созданием Санкт-Петербурга связывалось у Петра I желание приблизить жителей города к космополитической Европе и произвести впечатление на Запад новой столицей государства, городом масштабного и чётко-геометрического замысла. Девиеру предписывались обязанности: наблюдать за строительством города и гарантировать соблюдение архитектурных и строительных норм для зданий, мостов и плотин, заниматься укреплением берегов многочисленных рукавов дельты Невы; обеспечивать освещение и уборку новой столицы, осуществлять контроль за доставкой продуктов питания и за ценами на них, формировать пожарные расчёты, принимать меры для пресечения беспорядков и тунеядства, которые имели место из-за большого количества казённых подрядов. Он лично и ежедневно инспектировал улицы города и регламентировал социальную и культурную жизнь (игры, танцы...).

В январе 1725 года Пётр I пожаловал Девиера орденом Александра Невского. На следующий год Екатерина I произвела его в сенаторы и возвела в графское достоинство, он стал одним из влиятельнейших людей при петербургском дворе. Считавшийся одним из «птенцов гнезда Петрова», он снискал ненависть другого могущественного царедворца, светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, родного брата собственной супруги, Анны Даниловны. Перед самой смертью Екатерины I, в апреле 1727 года, в резуль-

[5] Место встречи Виейры с русским царём также вызывает расхождения. Российская историография единодушно относит его к Голландии, где Виейра был юнгой, но аббат Томас да Сильва, который лично встречался с Виейрой во время визита в Россию, утверждает, что дело происходило в Англии. Противоречие может быть снято, если выяснится, что Виейра был юнгой на английском корабле, в составе эскадры приехавшей в Голландию, чтобы доставить Петра в Англию.

тате придворных интриг, затеянных его шурином, Девиер был лишён дворянства, титула, имений и чинов и сослан Жиганское зимовье на р. Лене, в 800 верстах от Якутска.

Однако даже в ссылке Девиер не изменил своей деятельной натуре. 13/24 апреля 1739 года императрица Анна Иоанновна назначила его комендантом Охотского порта, одного из самых важных русских портов на Тихом океане, и администратором города. Девиер способствовал развитию Охотска как стратегического порта. Именно на него легла ответственность за организацию на месте второй экспедиции Витуса Беринга (1681–1741), датского исследователя, который, находясь на российской службе, совершил открытие Аляски. Девиеру пришлось исправлять тот вред, который нанёс экспедиции Скорняков-Писарев, назначенный комендантом Охотска в 1737 году. В 1740 году Виейра основал в Охотске при судостроительной верфи первую в Сибири навигационную школу.

Указом от 1/12 декабря 1741 года императрица Елизавета Петровна освободила Девиера из ссылки. Указ был получен в Охотске 26 июня 1742 года (ст.ст.). 11/22 июля Девиер сдал свою должность и выехал в Санкт-Петербург. Дочь Петра Великого вернула ему звание генерал-лейтенанта и графский титул, а также награду – орден Александра Невского, а имение с 1600 крепостных выделила из бывших земель Меншикова (ещё 180 дворов он получил в Ревгунском погосте). Но Девиер был уже очень болен и скончался 24 июня 1745 года (ст.ст.). Его тело было захоронено на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Следы могилы затерялись ещё в XIX веке. Девиер оставил четверых детей: Петра, Александра, Антония и Анну (фрейлину Екатерины II). Все сыновья сделали военную карьеру, а Пётр, который был ближе всего к отцу, стал камер-пажом Петра III. Одному из внуков Антонио Девиера, Борису Петровичу Девиеру (1754–1799) выпала судьба, сходная с судьбой деда: он был сослан в Сибирь.

Антонио Нуньес Рибейро Саншес (Санчес; Санхес; António Nunes Ribeiro Sanches; 1699–1783)

Деятельность Антонио Нуньеса Рибейро Саншеса в XVIII веке получила признание при российском императорском дворе и в значительной степени способствовала подготовке врачей в России, оказав серьёзное влияние в области науки и педагогики. Он изучал юриспруденцию в Коимбре (Португалия), затем перевёлся в университет Саламанки (Испания), где в 1724 году получил диплом по медицине. Вернувшись в Португалию, он занимался врачебной прак-

тикой, затем уехал из страны, чтобы избежать преследований инквизиции как марран, обратно впавший в иудейство, и одновременно желая продолжить образование и удовлетворить своё научное любопытство. Он путешествовал по Франции, Италии, Великобритании[6] и Голландии, по-прежнему занимаясь врачеванием, углублял свои познания в этой области в Лейденском университете в качестве ученика Германа Бургаве[7].

Именно по рекомендации этого знаменитого голландского профессора, данной императрице Анне Иоанновне, Рибейро Саншес поехал в Россию (1731). Его направили врачом в Москву, в ведение Медицинской канцелярии. Он был городским врачом и врачом Московского сената. После перевода в ведение Военной коллегии, он участвовал в многочисленных военных кампаниях и получил известность как один из создателей «полевой медицины». Его следующим назначением был пост главного медика при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в Петербурге. В качестве лейб-медика он лечил Анну Иоанновну (в 1739), Анну Леопольдовну (в 1740), Елизавету Петровну (в 1741) и, наконец, будущую Екатерину II (в 1744) и имел высокий чин действительного статского советника.

Рибейро Саншес был большим знатоком России, а также активным сторонником её изучения. Ему принадлежат статьи «*О парных российских банях, поелику споспешествуют оне укреплению, сохранению и возстановления здравия*», вышедших на русском языке в 1779 и на французском в 1782 годах[8]. По мнению Рибейро Саншеса, российские бани имеют «превосходства ... пред бывшими вдревле у Греков и Римлян и перед находящимися ныне в употреблении у Тур-

---

[6] В Великобритании Саншес изучал геометрию под руководством Джейкоба Стирлинга и знакомился с успехами фармакологии и медицины, которые преподавались в Эдинбурге, затем в Лондоне, наблюдал за работой вакуумного насоса Бойля.

[7] Araújo Ana Cristina. Ilustração, Pedagogia e Ciência em Antonio Nunes Ribeiro Sanches // Revista de História das Ideias. Vol. 5. 1984. P. 377–394.

[8] Второе русское издание вышло в 1799 г. Первая французская версия была опубликована в «Записках Королевского медицинского общества» («Mémoires de la Société Royale de Médecine») в 1782 г. Вторая, под заголовком «Sur les bains de vapeurs de Russie, considérés pour la consérvation de la santé & pour la guérison de plusieurs maladies» («О паровых банях в России, рассматриваемых с точки зрения сохранения здоровья и для лечения многих болезней»), увидела свет в 1784 г. в межакадемическом журнале «Observations sur la physique, sur l'histoire naturelle et sur les arts» (T. 25, pt. 1. P. 141–153). Существует также отрывок, переведённый на латынь, и два немецких перевода. См.: *Willemse David*. António Nunes Ribeiro Sanches élève de Boerhaave et son importance pour la Russie. *Leiden: E.J.* Brill, 1966. P. 47.

ков, как для сохранения здоровья, так и для излечения многих болезней». Он признавался, что предписывал парные бани своим пациентам. По его мнению, это средство способно излечить большое количество болезней: «лихорадку, головную боль, боли в почках и ногах, и в частности, ревматизмы, оспу, ветряную оспу, краснуху, бешенство и венерическую болезнь»[9].

Способствуя обменам между Королевской исторической академией (Португалия) и Россией, Саншес отсылал в Португалию из Петербурга печатные издания, которые вошли в фонды Библиотеки Айюда (Bibliothéque d'Ajuda). Он состоял в научной переписке с Леонардом Эйлером, который провёл большую часть жизни в России и Германии, а также с Йоганном Георгом Гмелином, – натуралистом, ботаником и химиком, возглавлявшим кафедру химии и натуральной истории Петербургской Академии наук. Саншес выступал в качестве посредника в отношениях между этой академией и иезуитами в Пекине, через таких людей, как китаист Готтлиб Зигфрид Байер и географ и астроном Жозеф Никола Делиль.

Несмотря на научное признание, в результате как придворных интриг, так и пошатнувшегося здоровья (болезнь глаз) Саншес был вынужден в 1747 году покинуть Россию после 16 лет службы там. При его отъезде Петербургская Академия наук 1/12 сентября 1747 года избрала Саншеса своим почётным членом с жалованьем в 200 руб. в год. Однако через год, 10 ноября 1748 последовало неожиданное решение императрицы Елизаветы: лишить Саншеса и звания, и оклада. Причина: подозрение в его иудействе. Но через 13 лет на престол вступила Екатерина II, которая хорошо помнила, кто спас ей жизнь в 1744 году, когда она была ещё только невестой наследника престола, великого князя Петра. Саншец был восстановлен в звании почётного члена Петербургской Академии наук и ему была назначена ежегодная пенсия в 1000 рублей, с правом брать у него консультации по вопросам науки и педагогики. Позднее, в 1782 году сын императрицы Екатерины II и наследник престола, будущий Павел I, выразил ему в Париже благодарность и сообщил о пожизненном содержании за счёт российской казны.

Покинув Россию в 1747 году, Саншес отправился в Париж, где общался с виднейшими философами и учёными своего времени, такими, как Жан ле Рон Д'Аламбер, Дени Дидро, Жорж-Луи Лек-

[9] *Kabakova Galina, Stroev Alexandre.* Les voyageurs aux bains russes // Revue des études slaves. Vol. 69, fasc. 4. 1997. P. 517. (Кабакова Галина, Строев Александр. «Путешественники в русских банях»).

лер, граф де Бюффон, Шарль Мессье и Жозеф Николя Делиль. К пребыванию Саншеса в Париже относятся работы по воспитанию молодёжи и народов – теме, близкой философам XVIII века, которые стремились доказать, что прогресс является следствием распространения знаний. В течение этого периода он опубликовал также ряд книг по медицине. Увиденное в России вдохновило его на создание «*Писем о воспитании Молодёжи*» (опубликованы в 1760 году в Кельне), которые посвящены педагогической и научной деятельности Дворянского коллегиума в Лиссабоне и реформе медицинского образования.

Роль и медицинский авторитет Саншеса были настолько велики, что даже в Париже к нему обращались российские вельможи с просьбой приехать или даже дать консультацию на расстоянии. Его связи с очень влиятельными лицами, такими, как вице-канцлер Михаил Воронцов, граф Кирилл Разумовский, Иван Бецкой, Тимофей фон Клингштедт и князь Дмитрий Голицын свидетельствуют о том, что в высших кругах российского общества этого португальского маррана высоко ценили не только как знатока в области образования, медицины, но также и как мыслителя; обменивались с ним научными соображениями, литературными и научными новинками.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОРТУГАЛИЕЙ И РОССИЕЙ

Первые португальские посланники, назначенные в Россию, сначала были посланниками Португалии в Голландии. 17 октября 1778 года, когда король Португалии решил назначить первого португальского посла в Россию, выбор пал на человека, в то время исполнявшего обязанности посла в Гааге, – Франсиско Хосе Хорта Мачадо (Francisco José Horta Machado).

Несколько десятилетий спустя послом при петербургском дворе был назначен Антонио Араужу де Азеведо, граф да Барка (António Araujo de Azevedo, comte da Barca; 1754–1817), который также был переведён туда из Гааги. Назначенный в 1801, он пробыл в столице Российской империи до 1803 года. Антонио Араужу де Азеведо был эрудитом, обучался философии в университете Коимбры и затем посвятил себя изучению истории, математики и естественных наук. Для поощрения прогресса наук и их практического применения он создал в 1779 году *Sociedade Económica dos Amigos do Bem Público* («Экономическое общество друзей общественной пользы») – в своём родном городе Понте да Лима (Ponte de Lima), расположенном

на севере Португалии. Он был членом Лиссабонской академии наук. 22 августа 1791 года, ещё до своего назначения в Россию, он стал иностранным членом Петербургской академии наук, что свидетельствует о признании научных исследований, которые он вёл в течение всей своей жизни, и в частности во время пребывания в Гааге.

После возвращения в Португалию в 1804 году, де Азеведо был назначен статс-секретарём, министром иностранных дел (канцлером) и военным министром, а в 1806 году – министром королевства. В 1808 он отправился в Бразилию, где в 1808–1822 годах находился король Португалии. В Бразилии де Азеведо занимал должность министра и в 1814 году – должность статс-секретаря по Морской части. Он основал в Рио-де-Жанейро Общество поощрения промышленности (Société promotrice de l'industrie, 1808), а в 1816 году создал Королевскую академию Изящных искусств (Académie Royale des Beaux-Arts).

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И КОНТАКТЫ РОССИИ И ПОРТУГАЛИИ

В XIX веке роль Голландии как перекрёстка культур снижается, и одновременно налаживаются прямые культурные связи между Португалией и Россией. Так, среди лиц, связанных с Петербургской академией наук, можно встретить людей, по месту своего рождения или в силу своей профессиональной карьеры связанных с Португалией и установивших связи с российскими учёными и инженерами и ставших затем член-корреспондентами этой академии.

В качестве примера можно привести Родриго Наварро де Андраде (Rodrigo Navarro de Andrade; 1765–1839), португальского дипломата, члена-корреспондента Петербургской академии наук с 19 декабря 1810 года.

Другой интересный пример – барон Вильгельм Людвиг фон Эшвеге (Wilhelm Ludwig, baron d'Eschwege; 1777–1855). Природный немец, он выбрал Португалию своей второй родиной. Эшвеге обучался в Геттингенском университете в 1796–1799 годах. Признанный геолог и минералог, он изучал горное дело в Марбурге и в 1801 году стал консультантом при шахтах Клаушталь и Рихельсдорф.

В 1802 году Эшвеге отправился в Португалию, где оставался до 1810 года, занимая пост директора шахт. В 1810 году, когда принц-регент Д. Жоао (D. João) основал «Королевский кабинет минералогии Рио-де-Жанейро» («Cabinet Royal de Minéralogie de Rio de

Janeiro»), он назначил Эшвеге директором этого учреждения, в рамках которого тот преподавал новейшие методы добывания пород. Эшвеге пробыл в Бразилии до 1821 года и всё это время продолжал поддерживать переписку с рядом европейских учёных, а 22 февраля 1815 года был избран иностранным член-корреспондентом Петербургской академии наук. Это свидетельствовало о признании его деятельности в Португалии и Бразилии[10].

Одновременно, в середине XVIII века (период частых контактов между Петербургской академией наук и Португальской королевской академией истории, особенно в 1735–1741 годах) лиссабонский порт был местом остановки русских кораблей, главным образом на пути из Чёрного моря в Санкт-Петербург. Многие из них оставались на зимовку в Лиссабоне, потому что не успевали прибыть в Россию до появления льдов на Балтийском море. В продолжение этого присутствия, во время франко-испанского нашествия 1801–1814 годов, Португалия заключила военный союз с Россией, и многие русские суда участвовали вместе с португальцами в борьбе против захватчиков.

ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В этой работе была сделана попытка показать, что, несмотря на расстояние, разделяющее две страны, отношения между Россией и Португалией имели довольно большое значение, даже если количество людей, отправлявшихся в Россию, было невелико.

И для португальцев, и для русских Голландия выступала в качестве своеобразного «поворотного круга», способствовавшего формированию и поддерживанию отношений между двумя странами, особенно после бегства португальских евреев, а, затем, и марранов, спасавшихся от суда Инквизиции и находивших в голландских портовых городах возможности для обустройства, а также для отъезда к иным местам.

Эти отношения свидетельствуют также о лёгкости перемещения людей и знаний, столь характерной для XVIII и XIX веков, – тема в современной историографии весьма актуальная.

[10] После возвращения в Португалию он развернул масштабную работу по исследованию и использованию недр страны и в 1836–1840 годах сотрудничал с Фердинандом Саксен-Кобург-Готским (D. Fernando de Saxe-Coburgo-Gota), супругом королевы Португалии Марии II, работая над сооружением Национального дворца Пена (Palácio Nacional da Pena).

Более глубокие исследования этих отношений могут выявить новые связи, особенно на уровне академий наук Санкт-Петербурга и Лиссабона.

ЛИТЕРАТУРА

Araújo Ana Cristina. Ilustração, Pedagogia e Ciência em António Nunes Ribeiro Sanches // Revista de História das Ideias. Vol. 5. 1984. P. 377–394.

Carvalho Rómulo de. Relaçães entre Portugal e a Rússia no século XVIII. Lisboa: Sá da Costa, 1979. viii, 274 p. (Coleção Descobrir Portugal).

Kabakova Galina, Stroev Alexandre. Les voyageurs aux bains russes // Revue des études slaves. Vol. 69, fasc. 4. 1997. P. 505–518.

Rougle William. António Manuel Vieira na Corte Russa no século XVIII. Lisboa: Instituto de Cultura Portuguesa, 1983. 119 p.

Sá Victor de. Ribeiro Sanches: Dificuldades que tem um reino velho para ememdarse. 2ª ed. Lisboa: Livros Horizonte, 1980. 160 p.

Sá Victor de. Duas visões portuguesas da urbanização de S. Petersburgo: 1780–1896 // Revista da Faculdade de Letras (Lisboa). II sér.: História. Vol. 8. 1991. P. 185–190.

Sá Victor de, Pereira Gaspar Martins. Do Porto ao Báltico, 1780: Achegas para a história das relações entre Portugal e a Rússia // Revista da Faculdade de Letras. II sér.: História. Vol. 7. 1990. P. 219–254.

Willemse David. António Nunes Ribeiro Sanches élève de Boerhaave et son importance pour la Russie. Leiden: E.J. Brill, 1966. XIV, 188 p.

Lemos M.A. de Oliveira. Ribeiro Sanches: a sua vida e a sua obra: obra escripta sobre novos documentos, no desempenho de uma commissão do governo portuguez. Porto: E. Tavares Martins, 1911. VII, 369 p.

Н.С. Корепанов,
С.А. Корепанова
(Екатеринбург)

Вклад В.Г. де Геннина в социально-экономическое развитие Урала

В историю России голландец Георг Вильгельм (Вилим Иванович, 1676–1750) де Геннин вошёл как один из крупнейших организаторов горнозаводского (металлургического) производства, выдающийся специалист-металлург своей эпохи, автор первого технологического руководства по горному делу. В промышленном освоении Урала Геннин сыграл ключевую роль, став также одним из основателей столицы горного края – Екатеринбурга.

Его деятельность стала поворотной в социально-экономическом развитии края, повлияла на выбор путей модернизации Урала и России в целом. Недаром в XIX в. историки называли его «основателем российских горных заводов»[1].

На российскую службу Г.В. де Геннин был принят в 1697 году в Амстердаме, во время «Великого посольства» Петра I. Геннин участвовал в Северной войне; в 1712 году командовал постройкой пороховых заводов и пушечного литейного двора в Петербурге и, судя по письмам, был знаком с Доменико Трезини.

В 1713–1722 годах работал на Олонецких железоделательных и литейных заводах ведомства Адмиралтейств-коллегии, где провёл

[1] *Берх В.Н.* Жизнеописание генерала-лейтенанта В.И. Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. I–V; Дополнения к жизнеописанию В.И. де Геннина // Горный журнал. 1828. Кн. II.

реконструкцию, усовершенствовал технологию кричного производства и отливки артиллерии и якорей, ввёл ряд технических усовершенствований. Дважды (в 1716 и 1719–1720 годы) выезжал в Голландию, Саксонию и Пруссию для знакомства с организацией горно-металлургического производства и найма иностранных мастеров в русскую службу. В 1721 году руководил строительством Сестрорецкого оружейного завода.

Таким образом, к началу 1720-х годов это был сложившийся администратор и инженер-специалист. В 1722 году именным указом Петра I Геннин в чине генерал-майора назначен главным командиром сибирских казенных металлургических заводов и направлен на Урал.

Связи Геннина с Уралом начали складываться ещё в период его работы на Олонце. Так, в 1716 году с Петровского завода на Невьянский завод Демидова отправлен подштурман Ф. Казанцев «для доменного дела и пушечного литья». Туда же отправляли и другого специалиста, – «для научения дощатого дела тамошних мастеров»[2]. Долг платежом красен, и уже на Урале Демидовы посылали по просьбе Геннина на строительство Екатеринбурга своего лучшего плотинного мастера Леонтия Злобина.

По данной Геннину 29 апреля 1722 года инструкции за подписью Петра I ему поручалось ехать в Кунгурский, Верхотурский и Тобольский уезды, где «железные заводы во всём исправить... медные заводы также во всём исправить и привесть в доброе состояние и размножение, розыскать между Демидовыми и Татищевым»[3]. Последнее поручение касалось выяснения конфликта между заводчиками Демидовыми с представителем казны В.Н. Татищевым и было делом крайне деликатным. Оно характеризует Геннина как человека принципиального и справедливого: Татищев был оправдан перед государем, Демидовы понесли финансовые убытки, но остались довольны компромиссным выходом из сложной ситуации. Пострадавшей стороной оказался сам генерал-майор, испортивший отношения с покровительствовавшим заводчикам главой Адмиралтейства графом Ф.М. Апраксиным, которого называл своим «вторым отцом».

Двенадцать лет, с 1722 по 1734 годы, Геннин руководил горнозаводской промышленностью Урала и Сибири. Трудно переоценить вклад Вилима Ивановича в различные сферы жизни региона. На

[2] *Злотников М.Ф.* Первое описание уральских и сибирских заводов // *Геннин В.И.* Описание сибирских и уральских заводов. М., 1937. С. 16.

[3] *Берх В.Н.* Жизнеописание... // Горный журнал. 1826. Кн. IV. С. 86–87.

наш взгляд, деятельность Геннина на Урале можно рассматривать в следующих аспектах:

- административная деятельность, кадровая политика,
- вклад в экономическое развитие края в целом,
- введение новых заводских производств (монетного, меднопосудного, жестяного и др.),
- создание и развитие системы управления горнозаводской промышленностью,
- природоохранная деятельность,
- конфессиональная политика (отношения со старообрядцами, отношение к православным и лютеранам),
- социальная политика (формирование новых общественных слоёв, создание школ, госпиталей, аптек, борьба с пьянством),
- организация научной и научно-технической деятельности,
- городское благоустройство.

Переезд Геннина на Урал начался с уточнения административно-полномочных и кадровых вопросов. Являясь талантливым администратором, Геннин подбирал на Урал команду специалистов самого разного профиля с Олонецких заводов и из Петербурга, включая в неё русских и иностранных мастеров и подмастерьев. Самыми заметными фигурами здесь были плавильный мастер М. Циммерман, дощатые мастера Шелехи (на Урале – Шелеховы), доменный подмастерье Максим Орловский. Взятый в команду шпикарный (гвоздильный) подмастерье голландец Барент (на Урале – Берндт Купер) умер в 1724 году. Интересно, что сохранилась опись пожитков этого мастера, характеризующая культуру повседневности иностранных специалистов в первой четверти XVIII века.

Работая методично и с полной отдачей, Геннин «принадлежал к тем редким начальникам, которые, относясь строго и требовательно к низшим подчиненным, входят в их положение и желают добиться исполнительности»[4].

Геннин доверял работавшим с ним специалистам и готов был прислушаться к противоположному мнению. Так, в 1722 году после дополнительного обследования им было подтверждено выбранное Татищевым место на р. Исети, где в 1723 году заложили Екатеринбург; при строительстве плотины Верх-Исетского завода Геннин сначала был не согласен с мнением плотинного мастера Данилы Боярского, однако, выехав на местность, признал свою неправоту и

[4] Русский биографический словарь. М., 1914. С. 417.

правильность выбранного мастером места. Оценка людей по их профессиональным и личным качествам вела к более широкому взгляду на подбор кадров, позволяла избегать конфессиональных, национальных и социальных предубеждений. Так, некоторое время управителем Екатеринбургского завода был ссыльный офицер Ф. Шейнков, земским комиссаром Екатеринбургского ведомства – разжалованный дворянин В. Ближевской.

Рядом с Генниным и под его руководством выросли такие горные специалисты, как Антон Фёдорович Томилов (с 1742 года – президент воссозданной Берг-коллегии), Никифор Клеопин (в 1745–1755 годы главный начальник уральских заводов), Константин Гордеев (с 1732 года – главный казначей местной горной администрации), Андрей Порошин (с 1747 года – на Алтае, с 1753 года – во главе Колывано-Воскресенского завода).

В экономическом плане главная заслуга Вилима Ивановича в период деятельности на Урале (1722–1734) – создание мощного государственного (казённого) горнопромышленного сектора, существующего до наших дней.

Благодаря его усилиям была проведена реконструкция трёх заводов – Алапаевского, Каменского и Уктусского, а также организовано строительство девяти заводов – Екатеринбургского железоделательного и медеплавильного (1723 год, в 2013 году город отмечает свое 290-летие), Лялинского, Пыскорского и Ягошихинского медеплавильных (1723), Полевского железоделательного и медеплавильного (1724), Синячихинского железоделательного (1724), Верхне-Уктусского железоделательного и медеплавильного (1725), Верх-Исетского железоделательного (1726), Сысертского железоделательного (1733).

К 1726 году Геннин чётко определил стратегическую функцию казённых горных заводов: производство на экспорт полосового и баутового (пруткового) железа, на внутренний рынок – готовой железной продукции (артиллерия, сталь, проволока, жесть и т.п.), меди и медной продукции.

Умение видеть перспективу приводило к тому, что Геннин способствовал появлению в крае новых заводских производств. К середине 1720-х годов закончились отпущенные на строительство уральских заводов средства, и Геннин добился сенатского указа о разрешении чеканки медных плат. Долгое время появление этих полновесных денежных знаков не связывалось с именем Геннина; инициаторами чеканки считались Пётр I или В.Н. Татищев. На деле же именно Геннин в 1726–1727 годы ввёл самофинансирование заводов за счёт чеканки в Екатеринбурге плат, номинал которых

соответствовал их реальной стоимости. Интересно, что первые образцовые платы четырёх видов (рубль, полтина, полуполтина, гривна) были отчеканены и нарезаны не в Екатеринбурге, а на Ягошихинском заводе[5]. Чеканка прекратилась после докладной записки В.Н. Татищева о нецелесообразности медных плат в Швеции и по настоянию А.Д. Меншикова. В дальнейшем Геннин постоянно настаивал на возобновлении чеканки.

Не получив положительного ответа, в качестве альтернативы в 1728 году Геннин организовал на Екатеринбургском заводе прибыльное меднопосудное производство как источник стабильных заводских доходов. Возможно, именно этот вид новой заводской продукции был наиболее социально ориентирован, ибо позволял снабжать «товарами народного потребления» самые широкие слои населения Урала через Ирбитскую ярмарку. Вскоре екатеринбургские посудники и котельники помогали налаживать это производство и на частных заводах.

С конца 1720-х годов в Екатеринбурге было налажено колокололитейное производство, обеспечившее колоколами храмы Тобольска, Тюмени, Томска, Иркутска, Самары, Оренбурга, множества заводов, слобод и сёл[6].

При В.И. Геннине с 1726 года появляется камнерезный промысел, начало которому положил законтрактованный Татищевым в Стокгольме камнерез Христиан Реф.

В 1729 году Геннин констатировал, что строительство и реконструкция уральских казённых заводов полностью окупились, чего, по его собственной оценке, не удавалось достичь в Европе за десятилетия.

В рамках развития горнозаводской промышленности края Геннин способствовал организации и активно поддерживал развитие рудного промысла в Пермском крае (малые компании с использованием частного капитала и наёмного труда поставляли медную руду из гнездовых месторождений на казённые и частные заводы).

В 1733 году уральские заводы под руководством Геннина обеспечили пушками и якорями Камчатскую экспедицию Витуса Беринга и способствовали постройке Тамгинского металлургического завода в районе Якутска (на вечной мерзлоте) для дальнейшего обеспечения экспедиции железом[7].

---

[5] *Корепанов Н.С.* Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006. С. 99–100.

[6] Там же. С. 24.

[7] См. подробнее: Тамгинский завод и Камчатская экспедиция. Сборник документов / Под ред. Н.С. Корепанова. Екатеринбург, 1999.

Сферой постоянного внимания В.И. Геннина было качество заводской продукции, для чего с 1732 года на всех казённых уральских заводах вводились должности браковщиков полосового и баутового железа – первый опыт госприёмки, который повторился на Урале через век. За некачественную продукцию заводские управители и молотовые мастера штрафовались.

Сочетая в себе достоинства талантливого администратора и инженера-специалиста, Вилим Иванович фактически явился основателем цветной металлургии в России (введение европейского способа плавки меди в четыре цикла, начало производства латуни на Урале). Он практическим путём лично вырабатывал оптимальный состав шихты при доменных плавках. Начав ещё на Олонце разработку и внедрение технических усовершенствований, на Урале Геннин сконструировал несколько оригинальных вододействующих механизмов (железорезная, железоплющильная и чугуноподъёмная машины, рудобойный молот и рудная толчея, станки для чеканки плат и др.).

С целью самофинансирования казённых заводов за счёт товарной продукции Геннин предполагал вести прямую торговлю непосредственно с импортерами из Западной Европы в Архангельском порту (в связи с массовыми заказами по линии Коммерц-коллегии проект не был реализован).

Форсированное строительство мощных казённых металлургических предприятий на Урале сопровождалось формированием нескольких социальных слоёв (приписное крестьянство, мастеровые и работные люди, горные офицеры), законодательно вовлечённых в производство.

В определённом смысле Вилим Иванович способствовал дальнейшему развитию на Урале приписной системы (приписка государственных слобод к казённым и частным заводам для вспомогательных работ: строительство, углежжение, возка грузов и т.п.). При этом неоднократно обращался к монархам, в Сенат и другие органы управления с просьбой о дозволении приёма на казённые заводы пришлых людей из Европейской России в качестве наёмных работников или с возможностью их закрепления. Привлекая к работе на уральских заводах специалистов и мастеров с Олонецких заводов и из Западной Европы (в основном, из Саксонии), Геннин способствовал массовому профессиональному обучению заводских мастеров из местного населения.

Особый вклад внёс В.И. де Геннин в формирование региональной системы управления горнозаводской промышленностью (с 1723

года горная администрация в Екатеринбурге официально именовалась Сибирским Обер-бергамтом). При Геннине влияние горнозаводской администрации простиралось на огромную территорию, куда на западе страны входили заводы и рудники под Казанью, на востоке – предприятия до Колыванского, Нерчинского и Якутского заводов.

Исходя из анализа ситуации на Урале, Геннин разработал принципы регионального производственного управления и казённого заводского хозяйствования. Организовал первый в России территориально-производственный комплекс – прообраз горных округов XIX века (так называемое Екатеринбургское ведомство). На казённых заводах ввёл элементы планирования производства, продумав систему лесоотведения и лесосбережения. Для выработки древесного угля заводам отводились леса сроком на 60 лет. На этой территории запрещалось строить другие заводы или самовольно вырубать лес. Такая система способствовала восстановлению хвойных лесов и сохранялась до начала XX века.

Мало известно, что создание горнопромышленной базы на Урале сопровождалось конфликтами между Геннины и отраслевой бюрократией. Причиной этого было стремление Берг-коллегии провести приватизацию казённых заводов. Геннин активно противодействовал бюрократии горного ведомства и в 1731 году фактически способствовал ликвидации Берг-коллегии и передаче управления горными заводами в Коммерц-коллегию.

В плане межконфессиональных отношений в литературе отмечается, что Геннин довольно лояльно относился к старообрядцам. Так было на Олонце, так оставалось и на Урале. В качестве примера можно привести следствие 1725 года по делу о переходе в «шарташскую веру» купца Т. Сибирякова, проведённое Сибирским Обер-бергамтом и не отправленное церковным властям в Тобольск[8].

Будучи сам приверженцем «голландской веры», Геннин заботился о строительстве православных храмов при заводах, их снабжении культовыми предметами. Так, при нём была заложена и освящена в 1726 году церковь св. Екатерины, церковная утварь для которой по просьбе Геннина закупалась в Тобольске. Главный командир внёс вклад и во внутреннее убранство храма: «А как алтарь строить, то ему, мастеру, спрашивать от меня, дабы оный построен был по регулам и препорции архитектури цивилис (т.е. гражданской архи-

[8] *Корепанов Н.С.* Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 24.

тектуры). А как надлежит быть иконостасу, то отдаётся в волю прихожанам, однако ж того смотреть, чтоб не весьма богатою рукою было сделано»[9]. По личному обращению императрицы Екатерины I к Геннину ежегодно из общезаводского бюджета отчисляли 40 руб. в Тюменский монастырь на помин души Петра Великого. В период царствования Анны Иоанновны, уже накануне отъезда с Урала, Геннин приказал заложить в Екатеринбурге каменный православный храм во имя св. пророчицы Анны (1733 год).

Иностранец Геннин в некотором смысле становится гарантом соблюдения православной обрядности в Екатеринбурге: в 1732 году он издал указ, который зачитывали с барабанным боем: «Всем управителям своей команды подъячих и мастеровых людей, сбирав во время службы, приводить в церковь к молению, не взирая ни на какие их отговорки»[10].

Для работавших на заводах иноземцев Геннин пригласил из Петербурга лютеранского пастора Фридриха Вейзе: «Для дому моего и прочих здешних и пермских чужестранных горных и заводских служителей, дабы они при пасторе более охоту имели в таких дальних местах от кирхи в здешних службах быть»[11].

В социальном плане политика Геннина в крае была направлена на создание специализированного горнозаводского образования (школы), заводских госпиталей и аптек. Важное внимание Вилим Иванович уделял борьбе с пьянством. Это социальное зло было широко распространено среди горнозаводского населения. В 1724 году указом местной администрации было ограничено время винной торговли (с 8 утра до полудня), указом 1726 года винная торговля разрешалась только по воскресным и праздничным дням. Тяжёлый характер работ при заводах не способствовал трезвости населения, поэтому в 1731 году указом вводится запрет строить кабаки при заводах (только в приписных слободах, не ближе 20 вёрст от заводов и 5 вёрст от рудников).

Неоспорим вклад Геннина в научные исследования и научно-техническое описание заводских производств. Работая на Урале, Вилим Иванович стремился превратить Екатеринбург в центр по организации геологических изысканий (чем Екатеринбург-Свердловск и стал в советский период), в т.ч. – на Крайнем Севере и Даль-

---

[9] Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 110. Л. 93.

[10] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 364. Л. 133; См. также: *Корепанов Н.С.* Первый век Екатеринбурга. С. 27.

[11] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 502. Л. 180.

нем Востоке. Например, в 1728 году на Камчатку был отправлен голландец Симон Гардеболь; в 1731 году на берега Северной Двины и Белого моря командирован гитен-фервальтер Андрей Порошин с командой; в 1733–1734 годы уральские специалисты вошли в состав экспедиции по берегу Северного Ледовитого океана; в 1733 году маркшейдер М. Кутузов свидетельствовал рудные месторождения на Байкале; кадры Екатеринбургского ведомства принимали участие и в экспедиции В. Беринга. Тогда же в Екатеринбурге действовала рудная лаборатория для пробирования минеральных образцов под руководством Ф. Запутряева.

Под руководством В.И. Геннина проходило составление «Описания сибирских и уральских заводов», завершённое в 1735 году с посвящением императрице Анне Иоанновне. Об этом первом историческом и технико-технологическом обзоре горнозаводских производств Урала и Сибири существуют публикации, дающие ему заслуженно высокую оценку. Главное, что эта фундаментальная работа, выполненная под руководством Геннина, была оценена и отобрана временем: в списках она использовалась в XVIII–XIX веках. На наш взгляд, актуальным является её полноценное переиздание вместе с альбомом рисунков. Подходы к этому неоднократно делались, но пока ничем не окончились.

Глубокая личная привязанность Геннина к Петру Великому, его близким и приверженность российскому престолу, которому он присягнул в 1697 году, нашли отражение и в уральской топонимике. Ещё на Олонце вновь построенные заводы были именованы Геннинным Петровскими. В 1723 году построенную на р. Исеть крепость-завод Вилим Иванович именует Екатеринбургом в честь супруги Петра I (ещё до её официального коронования). Возведённые позднее в окрестностях Екатеринбурга Верх-Исетский и Верхне-Уктусский заводы называет в честь дочерей Петра: завод цесаревны Анны и завод цесаревны Елизаветы (последний топоним существует до сих пор). В 1732 году новопостроенный Сысертский завод Геннин назвал в честь императрицы Анны Иоанновны.

Завершая анализ весомого вклада Геннина в создание крупнейшего горнозаводского района, следует отметить, что период пребывания его на Урале сопровождался тяжелейшими личными утратами: умерла дочь, тяжело заболела жена, умерли отец и брат. Всё это он переносил с величайшей стойкостью, продолжая работать и отстаивать государев интерес.

В 1734 году, после неоднократных просьб В.И. Геннин вернулся в Петербург. В 1735 году он стал управителем Сестрорецкого завода.

В 1735–1737 и 1741–1743 работал в руководстве Военной коллегии, генерал-фельдцейхмейстер (начальник Главной канцелярии артиллерии и фортификации). В 1737–1741 управитель Тульского оружейного завода. С 1743 в отставке, умер в 1750 году в Петербурге[12].

Честно говоря, прожив на Урале почти 12 лет и сделав для региона неимоверно много, Геннин так и не полюбил этот суровый край. Но это не помешало ему вложить в порученное когда-то Императором дело все силы, здоровье, душу, создав мощную государственную металлургическую базу на востоке страны. В XVIII–XX веках случались отступления от курса на сильный государственный сектор тяжёлой промышленности Урала. Но всякий раз это вело к экономическому кризису, и, в конечном счёте, государство восстанавливало её лидирующую роль. Образно говоря, это можно назвать сохранением «курса Геннина».

[12] См. напр., В. Геннин. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост. М.О. Акишин. Екатеринбург, 1995. С. 16; Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 115–116.

А.М. Пашков
(Петрозаводск)

Комендант Олонецких Петровских заводов Виллим Геннин в его переписке 1714–1721 годов

Традиционно одним из самых известных голландцев, живших в России в петровскую эпоху, считается Виллим Иванович Геннин (1676–1750). Хотя в последние годы появились работы, авторы которых называют В.И. Геннина саксонцем, можно согласиться с мнением специалиста по истории Урала Н.С. Корепанова о том, что Геннин «имел голландское или смешанное немецко-голандское происхождение»[1].

Анализировать жизнь и деятельность В.И. Геннина в России нельзя без изучения его личности, мировоззрения и психологии. Индивидуальность Геннина хорошо проявляется в его многочисленных письмах. Впервые переписка Геннина была опубликована в приложении к труду историка В.Н. Берха (1781–1834) «Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И. Геннина, основателя российских горных заводов»[2]. Продолжением этого издания служит сборник «В. Геннин. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I»[3].

С конца 1713 по июль 1721 года Геннин был комендантом Олонецкого уезда и начальником находившихся там Олонецких Пет-

[1] *Корепанов Н.С.* Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006. С. 7.

[2] Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 51–168; Кн. 2. С. 113–172; Кн. 3. С. 89–143; Кн. 4. С. 85–132; Кн. 5. С. 87–149; Кн. 6. С. 85–108; 1828. Кн. 2. С. 115–117.

[3] В. Геннин. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост. М.О. Акишин. Екатеринбург, 1995. 481 с.

Виллим Иванович Геннин, начальник Олонецких Петровских заводов в 1713–1721 годах. Гравюра В. Гейтман по рисунку В. Флорова, 1826

ровских заводов. В этой должности он обязан был обеспечить бесперебойную работу заводов по выпуску оружия для русской армии и флота. Все вспомогательные заводские работы (добыча железной и медной руды, заготовка дров, выжиг угля, перевозка грузов и т.д.) должны были выполнять местные крестьяне, переданные государством в собственность заводов, так называемые приписные крестьяне. По данным на 1707 год Олонецким Петровским заводам в Олонецком уезде было приписано 4892 крестьянских двора[4]. Таким образом, помимо руководства заводами, Геннин осуществлял и административное управление Олонецким уездом и проживавшими там крестьянами. И, наконец, на западе Олонецкий уезд граничил со Швецией, и Геннин обязан был заниматься охраной границы и не допускать шведских набегов на пограничные погосты.

В силу этого В.И. Геннин был вынужден решать самые разные проблемы, связанные в местным крестьянским населением. В решении этих проблем он опирался не только на управленческую практику своего времени, но и на собственные представления о способах их решения. В качестве примера, иллюстрирующего, как личные качества Геннина влияли на его управленческую практику, приведём несколько писем, в которых он пишет о своих взаимоотношениях с местными крестьянами.

В самом начале своей деятельности в Олонецком крае (Геннин был назначен начальником Олонецких Петровских заводов «в исходе 1713 года») в письме Ф.М. Апраксину от 22 ноября 1714 года он пишет:

[4] Ведение, сколько в нынешнем 1714 году определено к Петровским заводам погостов // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 90.

«В прошлом году при моей бытности работники, которые бывают при Петровских заводах, многие из заводов бегали, как при прежних комендантах, и за тем в государевом деле, в пушечном литье и в прочих заводских работах чинилась остановка, и припасов угля, руды ничего не было, и пушек было с начала приезду моего вылито мало, понеже они привыкли бегать в прежних годах. И за тот побег им, беглецам, чинил я наказание: биты многие кнутом, и тем их удержать было ни по которой мере невозможно.

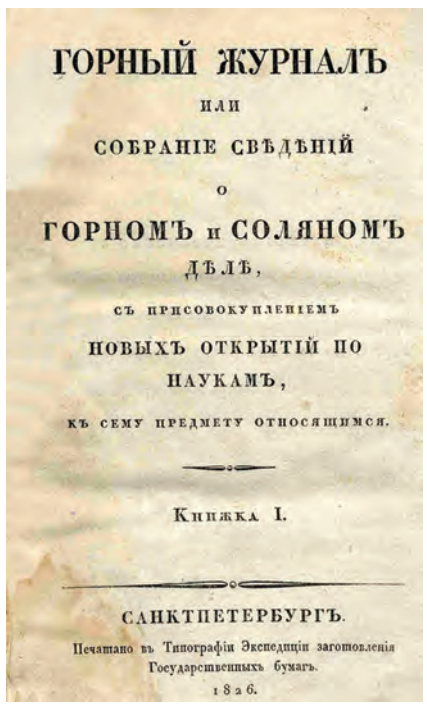
И для лучшей Царскому величеству прибыли в работе, и чтоб кровопролития больше не чинить, положил я на них за неты и за побег штрафу по 2 рубли на месяц; а ныне многие не вывезли по окладу угля руды, и положено на них за то деньгами по настоящий день, понеже и их кнутом содержать было не можно; а вешать грех»[5].

Показательно, что в борьбе с массовым бегством приписных крестьян с заводов Геннин широко применяет наказание кнутом. Но когда оно показало свою бесполезность, Геннин не стал применять к беглецам более жестокое наказание – смертную казнь. Такой отказ нельзя объяснить какой-либо одной причиной. Вероятно, имели место как гуманизм Геннина, так и его стремление не перегнуть палку в борьбе с бегством крестьян с заводских работ.

Тактика Геннина по борьбе с побегами принесла свои плоды. В письме Ф.М. Апраксину от 20 июня 1715 года он сообщает: «Хотя и тягостна заводская работа, однако ж, при моей бытности многое число Олонецкого уезда мужиков пришло жить с иных уездов, которые сошли в прошлых годах, в домы свои по-прежнему ...»

В письме Ф.М. Апраксину от 8 мая 1718 года Геннин сообщил о нападении в апреле «шведских воинских людей» на Лопские погосты (северо-западная Карелия). Для отпора шведам с Петровского завода был выслан отряд солдат по главе с поручиком Брянчаниновым. К тому времени «шведские неприятельские люди», разграбив 29 дворов карельских крестьян, ушли на свою территорию. От вернувшегося на заводы Брянчанинова Геннин узнал, что в нападении на Лопские погосты участвовали не шведские регулярные части, а «оные неприятельские люди собравши были из чухны, да с ними ж беглые русские солдаты».

[5] Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 87.

ГОРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИЛИ
СОБРАНІЕ СВѢДѢНІЙ
О
ГОРНОМЪ и СОЛЯНОМЪ
ДѢЛѢ,
СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ
НОВЫХЪ ОТКРЫТІЙ ПО
НАУКАМЪ,
КЪ СЕМУ ПРЕДМЕТУ ОТНОСЯЩИМСЯ.
Книжка I.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ Типографіи Экспедиціи заготовленія
Государственныхъ бумагъ.
1826.

Обложка «Горного журнала», в котором напечатана работа В.Н. Берха «Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов»

Для борьбы с этими нападениями в Лопские погосты был послан отряд поручика Дубасова, которому было приказано собрать себе в помощь 100 местных крестьян.

От В.И. Геннина Дубасов получил инструкцию: «И велено ему подлинно осведомиться, откуда шведские неприятельские люди приходили и какие они были, воинские люди или чухна, и буде чухна, велено вступить в те места, в которых они были и, сыскав виноватых, ежели кого поимать можно, велеть по розыску посадить тамо на кол, чтоб впредь, на то смотря, другим разорения чинить было неповадно; а иных велено привезть скованных на заводы, а напрасно никого не разорять и обид чинить не велено. А ежели тамо подлинно шведское регулярное войско есть, и ему, поручику, за рубеж вступать не велено; а велеть стоять на рубеже в пристойных местах и отпор чинить, как надлежит против неприятеля»[6].

Тревога Геннина по поводу нападений шведов на пограничные Лопские погосты понятна. Они представляли угрозу самим заводам, а также местам добычи озёрной и болотной руды, и опасность для жизни и здоровья приписанных к заводам крестьян. Не отреагировать на эту угрозу он не мог.

Показательно то, что Геннин придавал большое значение тому, кто нападал на пограничные Лопские погосты – регулярные шведские части или отряды финских крестьян и русских дезертиров. Применительно к отрядам регулярной шведской армии он придерживал-

[6] Горный журнал. 1826. Кн. 2. С. 158.

ся оборонительной тактики, вероятно, по причине высокой боеспособности шведских солдат и нежелания раздувать военный конфликт на землях, близких к заводам.

По-другому он относится к финским крестьянам («чухне») и русским дезертирам. Для их преследования русскому отряду разрешалось вторжение на шведскую территорию, а захваченных в плен противников предписывалось подвергать мучительной казни – сажать на кол или доставить на заводы закованными в кандалы.

Портрет адмирала
Фёдора Матвеевича Апраксина
(1661–1728)

Следует отметить, что в годы Северной войны жестокость по отношению к финскому населению в русской армии поощрялась. На эту тему существует работа финского историка Кустаа Вилкуна «Ненависть. Огромные жертвы, жестокость и рассказы о Великой вражде»[7]. Так что жестокость к финским партизанам была обычной практикой того времени, а не личной особенностью В.И. Геннина.

Если в отношении к финским крестьянам – участникам набегов на пограничные погосты Олонецкого уезда Геннин готов проявить предельную жестокость, то в отношении мирного финского населения его позиция была иной. В мае-июне 1715 года Геннин отправил роту солдат под командованием капитана Уварова в пограничный Ребольский погост. Местные крестьяне сообщили, что ждут набега шведов из крепости Каяна (современный финский город Каяни). Уваров со своими солдатами вышел им навстречу и перешёл шведскую границу.

Дальнейшие события Геннин так описал в письме Ф.М. Апраксину от 28 июня 1715 года: «И, будучи за рубежом, для прокормления солдатов, брал он, капитан Уваров, у тамошних крестьян скот; понеже у них провиант весь изошел; да он же, капитан Уваров, взял тамо у крестьян жен и детей малых 9 душ и прислал их ко мне в

[7] *Vilkuna K.* Viha. Perikato Katkeruus ja Kertomus Isostavihasta. Helsinki, 2005. 623 s.
[8] Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 108.

служебство; и они просили меня слезно, чтоб их отпустить по-прежнему, жен к мужевьям, а детей малых к отцам и к матерям, и я не мог видеть их слез, и по их прошению отпустил в домы по-прежнему; а за такое мое милосердие из Каяна города ко мне комендант писал благодарственное письмо»[8].

В данном случае Геннин показал себя и как гибкий дипломат и как жёсткий администратор.

Таким образом, поступки В.И. Геннина на должности начальника Олонецких горных заводов определялись его главной задачей – обеспечить бесперебойную работу заводов. Он проявлял себя как прагматик, принятие им гуманных или жестоких мер диктовалось интересами дела и обычной управленческой практикой петровского времени. Можно сказать, что на должности начальника Олонецких горных заводов Геннин вжился в образ администратора петровского времени. Но следует отметить, что в случае, когда можно было выбирать между жёстким и гуманным решениями, Геннин часто выбирал гуманное.

Что касается работы В.Н. Берха, содержащей уникальную переписку В.И. Геннина, то она была издана почти 200 лет назад, стала библиографической редкостью и нуждается в переиздании.

Л.Б. Перепечаева
(Азов)

Азов и Приазовье в фокусе интересов моряков, картографов и изографов, прибывших в Россию из Голландии в конце XVII – начале XVIII веков

Ни в какой другой стране Европы тех времён не знали так хорошо Россию, как в Голландии. Голландия, самая передовая страна этого времени, главная морская держава, с юных лет привлекала царя Петра.

Первыми учителями Петра были голландцы. Интерес к морскому делу ему привил бывший моряк, голландец Франц Тиммерман, его наставник. Кроме обычных наук, он обучал Петра артиллерии, основам строительства крепостей и укреплений, простейшей навигации. Это зародило в молодом царе стремление сделать Россию морской державой.

Так в фокусе интересов Петра оказалась турецкая крепость Азов, которая преграждала выход в южные, незамерзающие моря и была пунктом агрессии против России.

В июле 1696 года, в результате 2-го похода, крепость Азов была взята российской армией и флотом. Вдохновлённый победой Пётр I энергично строит в Приазовье крепости и флот с надеждой завоевать выходы в моря. Кадры военно-морских офицеров и моряков в России на 1695–1696 годы практически отсутствуют.

Выход Пётр видел в найме специалистов в передовых морских державах. Наём иноземцев для судов, предназначенных для 2-го Азовского похода, начался ещё в 1695 году. После принятой осенью

1696 года Боярской думой программы постройки Азовского флота, в Россию из Голландии стали прибывать иностранные специалисты. Кроме голландцев среди них были англичане, датчане, норвежцы, немцы и специалисты других государств, обучавшиеся, служившие или проживавшие в Голландии.

В 1697 году в Европу отправилось «Великое посольство» во главе с царём Петром Алексеевичем. Главная цель посольства — наём на службу в Россию специалистов. Набором иностранцев для Азовского флота в Амстердаме занимались думный дьяк Возницын во главе с боярином Ф.А. Головиным и капитан голландских военно-морских сил К.И. Крюйс[1].

По его указанию в Голландии были приняты на службу в российский флот: капитан Рез в чине шаутбенахта, 5 капитанов и 23 командора, 36 поручиков, 17 штурманов, 15 подштурманов, 34 боцмана, 32 боцманмата, 17 констапелей, 354 матроса и 51 лекарь.

С 1696 и до начала 1699 года в Голландии, Англии и других европейских государствах были наняты специалисты — от вице-адмирала до корабельного кока. Первое время эти специалисты составляли основу Российского флота, их набор осуществлялся на основании «Статьи для найма в русскую службу мастеровых людей»[2].

В 1698 году первым в российскую службу был принят Корнелий Крюйс. Корнелий Крюйс (в детстве — Нильс Ольсен) родился 4 июня 1657 года в норвежском городе Ставангер. С юных лет посвятил себя морской службе. Переселившись в Голландию, сделал карьеру в Голландском флоте. За 20-летнюю службу он участвовал в постройке кораблей, крепостей, гаваней. К концу XVII века К. Крюйс отлично зарекомендовал себя не только капитаном Голландского флота, но и обер-экипажмейстером Амстердамского адмиралтейства.

Крюйса, по рекомендации голландского вице-адмирала Схея, нанял лично царь Пётр.

9 мая 1698 года в Амстердаме с Крюйсом был заключён контракт, в котором оговаривались условия службы, взаимные обязательства, льготы, величина жалования. Жалование Крюйса составляло 3600 ефимков (9000 голландских гульденов) и кормовые деньги во время пребывания на берегу (16 алтын 4 деньги), с правом получать три процента из «неприятельской добычи» (кроме судов

[1] *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение Флота в эпоху Петра Великого. Нижний Новгород, 2002. С. 67.

[2] *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 195.

и орудий), с обязательством выкупа в случае плена и отпуска в Амстердам по окончании условленного срока службы[3].

В октябре 1698 года К. Крюйс прибыл в Воронеж и принял наблюдение над верфью и судами. С 1700 года вице-адмирал К. Крюйс уже заведует корабельным флотом и адмиралтейством, галерным — шаутбенахт (контр-адмирал) граф Боцис. Оба подчиняются адмиралу Ф.А. Головину, а после его смерти в 1706 году — адмиралу Ф.М. Апраксину.

Для молодого российского флота вице-адмирал Крюйс ещё в Голландии разработал и представил проект порции морской провизии, где за основу взят паёк нижних чинов голландского флота, содержащий преимущественно мясные и молочные продукты и пиво[4].

В 1709 году работа Карела Алларда (Niewe Hollandse Scheepsbouw... Amsterdam, 1705), где представлен ассортимент продуктов и норма матросской порции, была по личному указанию Петра переведена на русский язык и использована для разработки руководящих документов в строительстве кораблей и норм материально-технического обеспечения российского флота[5]. Установленные Адмиралтейским приказом нормы всё же отличались от голландского образца. Так, в Азовском флоте на 1709 год питание состояло преимущественно из хлебных продуктов, что более соответствовало традиционной пище россиян[6].

Ещё в Голландии Крюйс составил устав «для вступающих в русскую морскую службу». Устав был утверждён царём и обнародован в 1710 году под названием «Инструкции и Артикулы военные Российскому флоту». Ими пользовались до издания «Полного морского устава» в 1720 году. Важнейшей статьёй Устава была та, которая устанавливала размеры денежного довольствия. При назначении кормовых денег учитывались средние розничные цены на продукты питания.

Иностранцев прежде всего привлекали сложившиеся в России низкие цены на продукты питания, т.к. в 1692–1699 годах в странах Западной Европы свирепствовали неурожаи, уносившие многие жизни[7]. Неурожаи повторялись в 1701, 1709, 1710, 1713 годах, что

[3] Там же. С. 99, 100.
[4] *Дуров И.Г.* Указ. соч. С. 38.
[5] Там же. С. 55.
[6] Там же. С. 44.
[7] Там же. С. 75.

в 2–3 раза подняло цены на хлеб во Франции, Англии, Голландии, Дании[8].

В России же цены на продовольствие (выраженные в граммах серебра) были в 6–8 раз ниже, чем европейские[9]. О низких устойчивых ценах на рыбу в Приазовье писал в 1699 году К.И. Крюйс: «... Дон... преизабилует рыбою осетриною, белугою, стерлядью, щукою, лещами, окунями... все великого и изрядного количества и так дешево, что мы покупали сазана в 27 фунтов за копейку»[10].

Гидрографические изыскания и картографические работы впервые стали проводиться в Приазовье иностранными специалистами. Первые гидрографические сведения о Приазовье конца XVII века встречаются в дневнике генерала П.Л. Гордона, где сообщается, что царь и его приближенные на гребных судах отправились к Таганьему рогу, провели осмотр берегов залива и выбрали место на Таганьем роге для строительства крепости и гавани.

После чего Пётр распорядился произвести съёмку берегов по обе стороны от Таганрога. Осенью 1697 года появилась карта инженера Христиана Ругаля, на которой были контуры берегов у Таганрога, глубинные промеры устья реки Еланчик и Миусского лимана, — первая геодезическая и картографическая работа на юге России в царствование Петра I.

В этом же году генерал-майором И.А. Менгденом и графом Я.В. Брюсом была составлена и в 1699 году издана в Амстердаме голландцем Тессингом карта части Великой и Малой России. (Её рукописный экземпляр находится в библиотеке РАН.) Карта Менгдена-Брюса — одна из первых карт, которая с наибольшей точностью изображает контуры Азовского моря и гидрографическую сеть его бассейна.

В октябре 1697 года азовскому воеводе А.Г. Прозоровскому было предписано произвести осмотр и описание рек и местности от Черкасска до Азовского моря. Эту работу выполнил Христиан Ругаль. Уже в конце января 1698 года он представил в Пушкарский приказ письменный отчёт и карту, на которой с большой подробностью и точностью вычерчены главные рукава дельты, протоки, гирла, ери-

[8] *Патлаевский И.* Денежный рынок России от 1700 до 1762 года // Записки Имп. Новороссийского ун-та. 1868. Т. II. С. 106–117.

[9] *Миронов Б.Н.* «Революция» цен в России в XVIII веке // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 60–61.

[10] *Крюйс К.* Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове... // Отечественные записки. 1824. Ч. 20. № 54. С. 52.

ки, острова, луга и дороги, показаны впадающие в Дон и Мёртвый Донец реки Сухой и Мокрый Кагальник, Донецкий и Морской Чулек, Самбек. На карте отмечены косы Таганрогского залива: Чумбурская, Очаковская, Петрушина и мыс Таганрогский.

Голландец Христиан Отто в это время участвовал в промерах глубин Керченского пролива. Он производил измерения в Чёрном море и проливе Босфор, а также сделал зарисовки некоторых участков черноморских берегов. В 1700 году Х. Отто составил навигационную карту Азовского и Чёрного морей с обозначением пути от Азова до Константинополя. Карта голландского штурмана Христиана Отто имеет градусную сетку, на которой меридианы проведены через каждые 10 минут. В том же году Отто составил вторую карту под названием «Изображение показания морских берегов от Азовского моря даже до Константинополя». Она была использована в атласе Крюйсом.

В 1701 году инженер Пётр Бергман составил «Навигационную карту Азовского моря», на которой даны контуры берегов с обозначением устьев рек и населённых пунктов, показаны глубины от Азова до Керченского пролива. В 1702 году Пётр Бергман составил ещё несколько карт.

К. Крюйсом проводились измерительные и съёмочные изыскания на Дону, имевшие своей целью облегчение судоходства по этой реке и Азовскому морю. Устья Дона большую часть года были несудоходны из-за мелководья и баров. Первым решение этой проблемы предложил капитан одной из бомбард Гуморт: для поднятия уровня Дона заградить плотинами рукава в дельте, кроме Кутюрьмы и Каланчи. Гуморт полагал, что таким образом «...природа позволит сей мели в краткое время ... глубину дать и большим кораблям при худой воде можно будет из реки в море ... плавать»[11]. Проект был принят. В инструкции Апраксину, в январе 1702 года Пётр приказывал: «В Азове устья негодные запереть, а кажется, не хуже и все, кроме Кутюрьминского». Работы были немедленно начаты под руководством Ф.М. Апраксина[12].

Гуморт предложил также устроить при разделе Каланчи и Кутюрьмы гавань, которую назвал «Новая Голландия».

В 1699 году Крюйс был одним из организаторов и руководителей похода Петра I по Дону и Азовскому морю в Керчь.

[11] *Белявский П.Е.* Донские гирла. СПб., 1888. С. 267.

[12] Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 267–269.

14 августа 1699 года вице-адмирал Крюйс во главе русской флотилии из десяти боевых кораблей и двух галер вышел из Азовского моря в Чёрное на корабле «Благое начало». Флагманом флотилии был 46-пушечный корабль «Крепость» под командованием капитана Памбурга. Вице-адмиралу была поручена важная миссия — доставить русского посла Е.И. Украинцева в Стамбул для заключения с турками мирного договора. Несмотря на препятствия с турецкой стороны, корабль «Крепость» доставил в Стамбул русское посольство и 3 июля 1700 года с Турцией был заключён мир сроком на 30 лет.

Во время этого похода он изучил и сделал описание реки Дон с 14 картами и составил карту Азовского моря, пользуясь которой можно было проводить российский флот через мелководное устье Дона в Азовское море и далее.

Гидрографические и картографические работы, проведённые в это время при участии и под руководством Крюйса, стали основой для составления атласа, изданного в 1703 году в Амстердаме на русском и голландском языках Генрихом Доньером.

Полное название этой грандиозной работы Крюйса — «Прележное описание реки Дону или Танаиса, Азовского моря или озера Меотского, Понта эксинского или Черного моря; при сем приложено изображение покопа воеже ... вводить из Дону Иловлею и Камышенкою реками в великую реку Волгу корабли и протчие водные суды ... от большей части собственным изобретением ... Корнелия Крюйса над его самодержавнейшего Ц.В. морскими делами вице-адмирал»[13].

В предисловии к атласу Крюйс писал: «В присутствии царя снял ситуацию Дона до Азовского моря, начиная от Воронежа, сделал подробное описание, определил географическую высоту, каждые полчаса производил измерения глубины реки и все вычислил посредством компаса и часов»[14].

20 ноября 1710 года Турция объявила войну России. Главная цель в этой войне — вернуть Азов, с потерей которого Порта не могла примириться. Руководить обороной Приазовья Пётр I поручил Ф.М. Апраксину, командовать Азовской флотилией и обороной крепости на Таганроге — вице-адмиралу К.И. Крюйсу.

Оборона Азова была возложена Петром на гарнизон Азовской крепости численностью 4115 человек под командованием обер-коменданта генерал-майора Келина. Помощь в обороне крепости дол-

[13] Хранится в РНБ. Отд. картографии К-1-россе 8.
[14] Там же.

жно было оказать калмыцкое войско в 20 тысяч, посланное Аюкатайшой к Азову по просьбе Петра[15].

Починкой судов для флотилии, назначенной к обороне Приазовья, в Азове занимался капитан-командор Ян Бекман. В письмах Крюйсу он сообщал, что многие корабли гнилы и не годны к плаванию[16]. Для их починки Бекман просил Крюйса похлопотать о постройке в Азове кузницы «для устроения кораблей»[17].

С большими трудностями корабли в Азове всё же чинили, строили и отправляли на Таганрог. В одном из писем Крюйсу Бекман сообщает о посылке на Таганрог «Русской бригантины» с боцманом Николаем Ларсоном, «...а на нем 30 человек солдат с ружьем и припасы с корабля “Божье Предвидение”, который из-за мелководья позднее на камелях вывели в залив».

Из-за недостатка офицеров командовать стоявшими в Таганроге судами были назначены капитаны Балтийского флота, в том числе Шельтинг, Бредаль и В. Беринг (впоследствии известные адмиралы).

Узнав, что сухопутной армии из Анатолии не будет, галерный капитан Мустафа-паша приказал людям выходить на берег и ночью идти сухим путём «добывать Троицкое» потому, что Мустафа-паша поклялся султану разбить московский флот, взять Троицкое и Азов, «... а буде не возьмет — повинен смерти». На этот крайний случай султан даже послал с флотом под Азов «капычи-башу» (агент по секретным поручениям, палач)[18].

Ввиду неравенства в силах, русская эскадра расположилась в гавани, готовая встретить неприятеля под прикрытием береговых орудий и укреплений.

В одном из писем Ф.М. Апраксин писал царю, что он наблюдал высадку десанта с мелких судов у устья р. Миус и уверял Петра: «... мы в оборону ... во всякой готовности ... будем обороняться до последнего нашего живота»[19].

Крюйс в письме к Петру сообщал об отступлении турецкого флота[20]. При таких нерешительных действиях турок оборона Приазовья могла продлиться до осени. Турецкий флот, избегавший передвижения по Чёрному морю в осенне-зимний период, вероятно,

---

[15] *Мышлаевский А.З.* Война с Турцией 1711 г. СПб., 1898. С. 156. № 158.

[16] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.

[17] Там же. Д. 31. Л. 49.

[18] Там же. Л. 52 об.

[19] *Мышлаевский А.З.* Указ. соч. С. 156. № 158.

[20] Там же. С. 165. № 174.

отложил бы свои действия до следующего года, а при энергичном участии К. Крюйса к весне 1712 года донские верфи могли выставить флот, деятельность которого не ограничилась бы только разведкой и пассивной обороной.

Но отступление турецких кораблей было связано не только с блестяще организованной Крюйсом и Апраксиным обороной побережья и Троицкой крепости ... На это время война фактически закончилась — 12 июля был подписан мир, и турки знали об этом.

Неудача Петра на берегах Прута решила судьбу Азовского флота и Таганрога. По Прутскому мирному договору Россия возвращала Турции Азов, не имела права держать свой флот на Азовском море, а Таганрог подлежал полному разрушению и передаче Османской империи. По этой причине в августе 1711 года вице-адмирал К. Крюйс со своими офицерами перебирается в Санкт-Петербург.

В русскую службу Крюйс был принят в Азовский флот вице-адмиралом на четыре года, но задержался в России до самой смерти. Умер Корнелий Иванович Крюйс в Петербурге, в свой день рождения 4 июня 1727 года. Прожив в России без малого 30 лет, К. Крюйс внёс неоценимый вклад в становление и развитие военно-морских флотов — Балтийского и Азовского, в изучение, освоение и защиту Приазовья.

Одновременно с моряками и корабелами Пётр приглашает в Россию художников. Во время пребывания Петра с «Великим посольством» в Голландии Питером Верфом был написан портрет русского царя, где Пётр изображён на фоне р. Дон и Азовской крепости[21]. Похожий портрет царя написал Ян Веникс, изобразив Петра в латах на фоне сражения.

В Голландии Пётр I оценил культурные достоинства голландского искусства. Пётр не случайно обратился к голландской школе гравирования — она привлекла его мастерством и заманчивой возможностью, как можно правдивее и быстрей запечатлеть события, происходящие в России.

Художников-иностранцев тоже привлекали бурные события и перемены в недавно отсталой России, деятельный, энергичный царь Пётр, который воевал, строил корабли, интересовался всем передовым и привлекал в свою страну новшества. Немаловажным для художников был и личный интерес — деньги и известность.

Взятие в 1696 году Азова армией и флотом Петра I было настоль-

ко значительным событием, что нашло отражение почти во всех

[21] ГЭ. Ж. 1854. Копия в АМЗ.

видах изобразительного искусства, импортированного Петром из Голландии. В это время появляются новые для России жанры: историческая картина и портрет. Одним из первых был Пётр пригласил в Россию Адриана Шхонебека, резцу которого принадлежат несколько работ, связанных с Азовом.

Адриан Шхонебек — известный гравёр и издатель, родился в Роттердаме (Голландия) в 1661 году, умер в Москве осенью 1705 года. Во время пребывания «Великого посольства» в Голландии выполнил для Петра I две гравюры и написал учебник гравирования офортом. Принят на русскую службу в мае 1698 года с обязательством гравировать на медных досках карты и глобусы, а также выучить своей работе 3–4 человек. Шхонебеком была создана школа русских гравёров, работавших в технике офорта.

«Осада Азова 1696 года» или «города Азова описание от взятия...» — первая работа Шхонебека в Москве[22]. На ней даны портреты участников осады Азова: Петра I, Тиммермана, Ф.А. Головина, А. Шеина, П. Гордона, Ф.Я. Лефорта и других. Гравюра выполнена Шхонебеком в жанре исторической картины.

Флагманский корабль Азовской флотилии «Гото Предестинация» изображён был Шхонебеком на трёх листах в трёх ракурсах: с носа, с правого борта и с кормы[23].

Ещё одна графическая работа Шхонебека — «Аллегория на мир с Турцией 1700 года». На гравюре, помимо аллегорических сюжетов и фигур, изображена Триумфальная арка с латинской надписью «Непобедимому Петру, покорившему турок и их подданных (татар)»[24].

Кроме художественных графических работ, Шхонебек в 1701 году выгравировал карту Азовского моря.

Эта первая русская печатная карта выгравирована Шхонебеком с чертежа П. Памбурга, капитана корабля «Крепость», в память первого морского плавания Азовской флотилии в августе 1699 года в Константинополь, куда прибыл думный дворянин посольского приказа Емельян Украинцев и заключил в июле 1700 года мир с турками. По этому миру Россия получила Азов и была намечена её южная граница[25].

---

[22] Хранится в РНБ. Э ПОГЛ ЭГ 766/9-396.

[23] Хранится в РНБ. П — ГИР 250/Ш 988, ЭТР 10847; Фонд Макарова. № 73. С. 148–154.

[24] Хранится в РНБ. ПЭ ГПР 246/Ш 988, К ЭТР 10846. Художественная копия в АМЗ, КВФ 10366.

[25] РНБ. Отдел картографии К 1 чер. /11. Художественная копия в АМЗ, КВФ-99.

В эти же годы гравёр Нахтгласс создал «Триумфальную картину на взятие Азова». На ней Пётр I изображён на престоле, по сторонам которого две колонны с надписями: «Далее и более Российское». Царя окружают 12 аллегорических фигур, по периметру гравюры — медальоны с аллегорическими сюжетами и надписями. На гравюре два имени — рисовальщика и резчика: «И. Нахтгласс содела и аутор: Гурей»[26].

В конце XVII — начале XVIII веков российско-голландские отношения сыграли заметную роль в развитии российского государства. Благодаря импорту в Россию иностранных специалистов из Голландии и других европейских стран, Петру I за 15 лет удалось построить Азовский флот, завоевать Азов, построить в Приазовье крепости передовой бастионной системы, осуществить масштабное гидрографическое и картографическое изучение Дона, Азовского и частично Чёрного морей. Голландские изографы и живописцы сохранили память об этих грандиозных событиях в живописи, графике и пластике.

[26] Материалы для русской иконографии. СПб., 1884. № 23. Художественная копия в АМЗ, КВФ 10139.

Н.Р. Славнитский
(Санкт-Петербург)

Голландские инженеры и артиллеристы на российской службе в царствование Петра I

Как известно, в ходе «Великого посольства» 1697–1698 годов был осуществлён первый набор на русскую службу иноземных офицеров. Среди них было немало голландцев, что не удивительно – именно в ходе этого посольства были заложены основы сотрудничества между Россией и Голландией. Естественно, в России после этого оказались инженеры и артиллеристы — нужда в таких специалистах была большая, к тому же Голландия славилась своими фортификационными укреплениями и хорошей инженерной школой. Помимо инженеров были приглашены «оружейного дела мастеры», артиллеристы, бомбардиры.

Следует сделать оговорку, что не всегда удаётся точно определить национальность того или иного офицера – «голландцами» считались все, кто был приглашён в Россию из голландской службы, хотя не все из них являлись голландцами по национальности (самый известный пример – норвежский моряк К.И. Крюйс), поэтому речь, скорее, пойдёт о представителях голландской школы. Среди материалов Приказа Артиллерии (архив ВИМАИВиВС) сохранились о них сведения.

Первые известия содержатся в «списке выезжающим иноземцам, которые ведомы были в Приказе артиллерии»[1], составленном в

[1] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 208–218.

первые годы Северной войны (ориентировочное время – 1704 год). Всего в нём насчитывается 135 человек, но перечислены здесь и те, кто оставался на русской службе в артиллерии (таковых было 45 человек). Большинство людей, указанных в документах, появились на службе в 1696–1698 годах (не только те, кого наняли в годы Великого посольства, но и кто приехал чуть раньше), при этом указаны также «капралы, принятые в артиллерию в 1700 году».

Естественно, среди них были люди разных национальностей, упоминаются, в частности, иноземцы «цесарских земель», «итальянских земель», «свейской земли», датчане, саксонцы, «бранденбургских земель», «лекари аглинские земли». Мы остановимся, главным образом, на голландцах.

Капитан Ян Пакве — поступил на русскую службу в 1698 году, в начале войны находился в Таганроге.

Понтового и пушечного дела майор Леонард Ван де Стам — на службе с 1697 года, под Нарвой попал в плен к шведам.

Оружейные мастера (все были приняты в 1697 году): Яган Альберт де Кордес (оказался в плену у шведов), Яган Смит (погиб в сражении под Нарвой), Лорен Шмит, Яган Шустер, Лоренц Урван, Карл Кизивлитер (все были отпущены «в свою землю», то есть довольно быстро покинули Россию), Аврам Кенерве (погиб под Нарвой).

Бомбардир Яков Гинтер – в документе отмечено, что он прибыл в Россию в 1699 году[2]. Однако по известным нам документальным данным, он вместе с братом Иоганном приехал в Москву в 1698 году – известно их письмо Ф.Я. Лефорту, в котором они сообщали, что оказались в столице России без средств к существованию, а главнокомандующий А.С. Шеин, которому они вручили письмо от Ф.Я. Лефорта, отказался платить им жалованье по причине того, что тот не указал, какую сумму надлежит платить бомбардирам[3]. Это, скорее всего, стало главной причиной того, что Яков покинул русскую службу и был отпущен в свою землю. А вот брат остался — и сделал блестящую карьеру (ниже мы подробнее остановимся на его судьбе). Отметим, что родился Я. Гинтер не в Голландии, а в Данциге, откуда в 1690-е годы перебрался в Нидерланды, где и заключил соглашение о вступлении на русскую службу. В документах указывается, что он происходил из «голландской земли».

Бомбардиры Дирик Ванганерлин и Гендрик Ван дер Мейн находились на службе с 1699 года, и оба погибли в сражении под Нарвой.

---

[2] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 211.

[3] Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 294.

А Яков Рендрик Герни скончался к тому времени, как и Андреян Ван Деястам, Франц Фемебир и Ян Вилстан, принятые в артиллерию в 1698 году[4].

Также в 1698 году прибыли в Россию Богдан Гивнер, Томас Ломберт, Вилим Лак, Архибалд Крессер (погибли в сражении под Нарвой), Яков Урлих Ван Шларретер, Пётр Дефет, Яков Бус Ветгузен, Вилим Сток (оказались в плену после поражения под Нарвой), а также Лука Кездени — он перешёл в морскую службу («отдан в адмиралтейский приказ») и Томас Данилсен («на Камышенке)[5]. Кроме того, в 1700 году в артиллерию был переведён бомбардир Ян Беркма, принятый на русскую службу в 1698 году (где он был раньше, не указано, после 1700 года находился в Новгороде)[6].

Как видно, больше всего из числа тех, кто был нанят в Голландии, оказалось бомбардиров. Как видно из документов, в Россию в 1697–1698 годах прибыло 18 голландских бомбардиров и 7 мастеров оружейного дела, и только двое закрепились на российской службе. Четверо скончались, четверо вскоре были отпущены в свою землю, для остальных роковым оказалось сражение под Нарвой – 8 человек погибли в бою, ещё 7 оказались в плену.

Хотелось бы отметить один нюанс — все перечисленные бомбардиры принимали участие в осаде Нарвы и, скорее всего, находились на батареях, с которых осуществлялся обстрел укреплений. Получается довольно странная, на первый взгляд, ситуация — осадными работами (и расстановкой батарей) руководил саксонский инженер Л. Алларт. На батареях находились артиллеристы, за плечами которых был опыт войн, где осадное искусство получило новое направление (благодаря идеям французского маршала С. Вобана и нидерландского инженера Кегорна), следовательно хорошо знали новые принципы ведения осады. Между тем, осадные батареи были установлены «по старинке». С другой стороны, именно при осаде Нарвы русские артиллеристы впервые стали применять массовый навесной огонь из мортир (и добились в этом некоторых успехов)[7]. Не исключено, что голландские бомбардиры занимались именно этим (это, естественно, предположение, точными данными мы не располагаем).

---

[4] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 211.

[5] Там же.

[6] Там же. Л. 216.

[7] Подробнее см.: *Славнитский Н.Р.* Тактика осадных операций русских войск в годы Северной войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 1. С. 3–8.

Хотелось бы сказать несколько слов по поводу жалованья. Оно заметно отличалось — Я. Гинтеру было установлено жалованье в 288 рублей (правда, с получением денег у него, как отмечалось выше, возникли сложности), Дирику Ванганерлину полагалось 120 рублей. Остальные получали не так много — часть из них — 92 рубля, часть — 79 рублей[8]. Вероятно, всё зависело это от того, кто сколько смог выторговать при заключении контракта.

Оружейным мастерам полагалось 165 рублей, у майора Л. Вандестама оклад составлял 524 рубля[9].

Кроме того, в 1697 году прибыло 4 пушечных мастера — Андрей Кретер, Томос Шналинг, Яган Гутарт (подмастерье) и Томас Боуман («пушечных станков мастер»)[10].

Те, кто выжил в Нарвском сражении, уже в первые годы Северной войны выдвинулись на ведущие роли. В первую очередь — полковник Иоганн Гошка (принят на службу в 1698 году), майор Иоганн Гинтер (брат упоминавшегося Якова Гинтера), а также капитаны Рычард Гревс и Карел Гаукствортс (оба прибыли в Россию в 1698 году, в то время первый из них находился в Новгороде, второй – во Пскове), поручик-подкопщик Андрей Монс (на службе с 1696 года, в то время был в Москве), поручик Франц Гинтер (скончался в 1703 году) и Георгий Вильгельм Генинг, принятый в артиллерию в 1701 году (находился в Новгороде)[11].

Следующий сохранившийся список относится к 1706 году[12]. Из него мы узнаём, что Иоганн Гинтер стал подполковником, а Леонард Ван де Стам был освобождён из плена и, по-прежнему в чине майора, находился в Киеве. Рычард Гревс и Карел Гаукствортс стали майорами, первого перевели из Новгорода в Дерпт, второго из Пскова в Санкт-Петербург. В документе упомянуты также «огнестрельный мастер» капитан Яков фон Шпаретер (он находился в Москве), бомбардиры Исак Дуган (в Дерпте), Вилим Стоек (там же), Симон Ван де Берк, Корнелиус фон дер Гмеин, Никол Ван дер Старн (все — в полевой армии), Петер Кубиговске (в Смоленске) «жестяной мастер» Э. Фон де Граф (в Смоленске), пушечный мастер Филипп Шпекла (в Москве) и капрал Гензберт Монс (в полевой армии)[13]. Упомяну-

[8] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 211.
[9] Там же.
[10] Там же. Л. 213.
[11] Там же. Л. 218–219.
[12] Там же. Д. 10. Л. 2–6.
[13] Там же.

тые люди также были приняты в 1698 году из голландской службы, но по каким-то причинам не были включены в список в 1704 году. Скорее всего, они находились в других родах войск (и получали жалованье в других ведомствах), а в 1705 году были переведены в артиллерию.

В списке не указан и Иоганн Гошка. Поскольку эта фамилия не встречается в других документах, можно предположить, что он к тому времени покинул российскую службу (последние упоминания о нём — осада Нарвы, когда он командовал артиллерией, а в 1705 году, скорее всего, находился в Нарве[14]).

В первые годы Северной войны на российскую службу было принято ещё несколько голландских офицеров, в том числе подполковник инженер Марко Гинсон. Он был принят в 1705 году и в следующем году находился в полевой армии.

Капитан Томас Шевель на службе находился с 1704 года, в 1706 году – в полевой армии. Вилим Геник в Россию прибыл в 1701 году, получил чин поручика, в 1706 году был капитаном в Шлиссельбурге (не исключено, что это уже упоминавшийся Георгий Вильгельм Генинг). Поручик Кнут Монц — в России с 1704 года, капрал Пётр Дега — с 1703 года (оба служили в полевой армии).

В 1704 году на русскую службу был принят пушечный мастер Михей Арполт (находился в Москве, где был главный центр пушечного литейного дела). Там же с 1703 года работали мастера «колёсного дела» А. Фон де Граф и его сын Э. Фон де Граф. То есть в первые годы Северной войны голландцев продолжали принимать в артиллерию, хоть и не в таком количестве (среди поступивших на российскую службу в те годы большинство составляли «цесарцы» и саксонцы).

Яркая карьера получилась у Иоганна Гинтера. После взятия Нарвы в 1704 году он стал, по сути дела, заместителем руководителя русской артиллерии Я.В. Брюса. В 1706 году его произвели в полковники (в 1706 году он указан полковником в «Списке артиллерии начальным иноземцам и русским людям», а в «Списке офицеров, повышенных чинами или окладом» 5 сентября 1706 года указано — «Яган Гинтер из подполковников в полковники»)[15], и тогда же он был назначен командующим артиллерии в армии Б.П. Шереметева. Правда, в войсках неоднократно появлялся и Я.В. Брюс, поэтому И. Гинтер в тот период не являлся самостоятельным начальником,

[14] Там же. Д. 4. Л. 115.
[15] Там же. Д. 10. Л. 2, 662.

скорее, исполнителем, замещавшим руководителя и выполнявшим его распоряжения. В конце 1708 года его произвели в генерал-майоры от инфантерии, то есть перевели из артиллерии в пехоту, в Полтавском сражении И. Гинтер командовал полками дивизии А.Д. Меншикова: Гренадерским, Лефортовским, Ренцелевым, Ростовским и Апраксиным, оставленными для защиты ретраншемента[16].

В 1710 году он вернулся в артиллерию, принимал участие в осаде Риги, Прутском походе, и в те же годы стал организатором Артиллерийского полка (а позже — Артиллерийской школы). После смерти Петра I и увольнения на покой Я.В. Брюса он стал фактическим руководителем Главной Артиллерии (в чине генерал-лейтенанта), а в 1728 году — главой артиллерийского ведомства (генерал-фельдцейхмейстером). Таким образом, он стал единственным выходцем из голландской службы, прошедшим путь от рядового до полного генерала. Конечно, он очень много сделал для развития артиллерийского дела в России.

Подведём итоги. Из числа принятых на российскую службу из голландской, 35 человек оказались в ведении Приказа Артиллерии (являлись артиллеристами, пушечными мастерами или инженерами). Большинство были младшими офицерами или рядовыми бомбардирами. Не всем удалось проявить себя – кто-то оказался в плену после поражения под Нарвой в 1700 году, кто-то скончался, некоторые покинули Россию. Однако два человека — Иоганн Гинтер и Иоганн Гошка — закрепились на российской службе, быстро стали старшими офицерами и много сделали для развития русской артиллерии (особенно первый из них). Интересно, что ни тот, ни другой не были голландцами, однако прошли нидерландскую школу, и это, несомненно, лучшим образом сказалось на их подготовке и помогло в годы службы в России.

А вот инженеров с голландской службы в России, по сути дела, не оказалось, несмотря на то, что нидерландцы славились своими укреплениями. Возможно, в то время о масштабном строительстве Пётр I ещё не задумывался. Однако, и в период осад Азова, и в первые годы Северной войны иностранные инженеры в России появились – и много занимались строительством и совершенствованием фортификационных укреплений. Но среди них преобладали выходцы из бранденбургской (прусской) и саксонской службы, то

[16] *Таубин И.А.* «Из данцигских гранодир»: Иван Яковлевич Гинтер – третий генерал-фельдцейхмейстер российской артиллерии // Бомбардир. 2002. № 15. С. 134.

есть Пётр I решил использовать представителей германской школы (считавшейся не такой сильной). Вместе с тем, в 1705 году из голландской службы поступил инженер Марко Гинсон, получивший чин подполковника. Он сразу был направлен в полевую армию, и это позволяет предположить, что для развития этого аспекта инженерного искусства Пётр I решил привлечь голландских специалистов (в принципе, это было оправдано — полевая фортификация в России по сравнению с Нидерландами была развита слабо).

В первые годы войны появились ещё артиллеристы голландской школы, и вновь среди них преобладали младшие офицеры (4 человека). Вообще нехватка в артиллерии таких специалистов ощущалась — артиллерийская школа только начинала свою деятельность, и хотя первые её выпускники уже появились в войсках, военная ситуация требовала значительного количества хорошо подготовленных офицеров, так что приглашение их из-за границы было оправдано. В дальнейшем, когда удалось наладить подготовку офицеров-артиллеристов, практика их найма за границей прекратилась (поэтому в дальнейшем голландские артиллеристы не упоминаются).

Появилось также три пушечных мастера, навыки которых были особенно востребованы — в начале XVIII века в России (в первую очередь, в Москве) развернулось масштабное литьё новых артиллерийских орудий, и люди данной специальности были очень необходимы.

В целом можно сказать о том, что в первые годы Северной войны голландские артиллеристы и выходцы из голландской службы сыграли важную роль в развитии российской артиллерии и внесли свою лепту в первые успехи российского оружия.

И.Н. Юркин
(Москва)

А.А. Виниус и Пётр, ещё не Великий

1. Хотя важность западноевропейского культурного опыта для формирования личности Петра I, отмеченная ещё его современниками, вот уже три столетия не подвергается сомнению, очевидно, что вклад в перенос этого опыта отдельных деятелей культуры требует более пристального внимания. Можно надеяться, что исследования в этой области позволят ответить на ряд непростых вопросов, из которых хочу выделить следующий.

Если компания знакомцев Петра из Ново-Немецкой слободы Москвы была многонациональной и, соответственно, национально неоднородными были исходившие от них культурные влияния, почему самым концентрированным выражением европейского начала в культуре стали для Петра Нидерланды? Почему именно они выступили в его представлениях в качестве эталонной системы, которую он сознательно и бессознательно, точно и с вариациями на протяжении жизни копировал? Почему голландский язык (выделяем язык как важнейший носитель культуры) оказался единственным из иностранных, на котором говорил Пётр?

Несомненно, важную роль в такой (именно такой) ориентации его внимания и конденсации предпочтений сыграли «агенты влияния», посредники, среди них — Андрей Андреевич Виниус, ставший таковым относительно рано (вероятно, в конце 1680-х годов) и не прерывавший своей деятельности в этом качестве на протяжении всего периода, пока формировались культурные ориентиры и горизонты Петра.

2. А.А. Виниус представлял собой редкий в окружении царя пример натурализовавшегося в России европейца. Его отец Андриес (Андрис) Дионейсзон или Андрей Денисович, как звали его на русский манер, был нидерландским купцом, успешно торговавшим европейскими товарами в России и российскими (зерном) в Нидерландах. Готовность исполнять поручения московского правительства была должным образом оценена: он получил в России торговые льготы, а некоторое время спустя жалованную грамоту на строительство доменного и железоделательного вододействующего металлургического завода — первого в России предприятия такого типа. Нидерландец в «чистом» виде, он жил в России и, вероятно, освоил русскую грамоту — сохранились челобитные, вероятно, написанные им лично. Разгоревшийся и не затухавший долгие годы конфликт с компаньонами по бизнесу толкал его к сближению с русскими. И такое сближение произошло, причем взаимное. По свидетельству одного из пребывавших в столице современников, «голландец Андрей Денис» был человеком, к мнению которого российские власти прислушивались очень внимательно, поскольку он был «предан более русским, нежели немцам»[1].

Его сын Андрис Андрисзон, по-русски Андрей Андреевич, родившийся, можно предположить, в Нидерландах («родом земли Батавской от людей фризов» — так писал он о себе в одном из писем), рос и воспитывался в окружении русской культуры и не воспринимал её как чужую. В юные годы он вместе с отцом перешёл в православие. В Москве жил не в Немецкой слободе, а, меняя дома, в русских районах столицы. (Нами установлено большинство из шести московских его адресов, соответствующие одни Земляному, другие Белому городу)[2]. Разумеется, владел русским языком, причём прекрасно — об этом свидетельствуют сохранившиеся литературные тексты, в которых он выступал переводчиком. Семейное его окружение также формировалось в основном из русских людей.

Вместе с тем А.А. Виниус не утратил связей и со своей коренной культурой. Круг его общения в равной степени составляли русские и иностранцы. Говорил и писал он не только по-русски — также и на родном языке, и по-немецки[3]. (Кстати, и сына своего стремился на-

[1] Письма одного шведа из Москвы в 1647 году писанныя // Северный архив. СПб., 1822. № 2. С. 151–152.

[2] *Юркин И.Н.* «От первопрестольного града Москвы...» А.А. Виниус в Москве и Подмосковье. М., 2009. С. 65–84.

[3] В частности, на немецком языке он вёл учётную документацию, связанную с функционированием внешних почт.

учить языкам, для чего в 1699 году отправил на учёбу за границу)[4]. Имел прекрасную библиотеку, которую собирал в течение 50 лет[5]. На момент его смерти в ней было 662 экземпляра книг на шести европейских языках[6]. Владел коллекцией европейской графики, одной из первых в России. Имел множество почтовых корреспондентов за границей Российского государства. Сохранилась, в частности, часть его переписки с Н. Витсеном, продолжавшейся вплоть до конца его жизни.

Будучи записан в молодые годы в гостиную сотню, Виниус не пошёл по стопам отца. Он поступил на службу в Посольский приказ — учреждение, работа которого состояла в обеспечении контакта культур (не только по дипломатический линии). Символична должность, которую он здесь многое годы занимал — переводчик с голландского языка. Конечно, в то время связи России и Голландии были не столь тесными и разнообразными, как в Петровскую эпоху. При царе Алексее Михайловиче масштаб контактов, во всяком случае, тех, что регулировались Посольским приказом, был существенно меньше. Характерно, что в 1667 году Виниус в челобитной упомянул, что служит в приказе *единственным* с этого языка переводчиком (специалистом, в отличие от *толмача*, способным выполнять и устный, и письменный перевод) уже четвёртый год[7]. Тем важнее его роль в развитии международных связей. Вдумаемся: именно он был человеком, снова и снова — в речевом контакте, в переводе документов, в составлении для царя и двора переложенных на русский язык выдержек из иностранных газет — разрушавшим языковой барьер между культурами.

После Посольского приказа Виниус перешёл на службу в приказ Аптекарский. Как и в Посольском, он оказался здесь в окружении иностранцев — именно они в значительной степени составляли корпус врачебного персонала, находившегося в его подчинении.

Другая работа Виниуса, которой он занимался около четверти века — руководство почтовой службой России. Регулярные почты были важным каналом, обеспечивавшим контакты со странами Центральной и Западной Европы, — четверть века ими руководил Виниус (что, заметим, открывало лично ему максимально благоприятный режим связи с заграницей).

---

[4] *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М., 2007. С. 334.

[5] Об этом он сообщает в письме Петру от 17 января 1709 г. (ПиБ. Т. 9. Вып. 2. М., 1952. С. 546).

[6] *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус. С. 441.

[7] Там же. С. 85.

Виниус переводчик, Виниус почтальон (в смысле почтовый работник). Вспоминается афоризм В.А. Жуковского (известный благодаря А.С. Пушкину): «Переводчики — почтовые лошади просвещения». Сказанные в другую эпоху и безотносительно к реальной почтовой службе, эти слова поразительно точно и многогранно описывают ситуацию с нашим героем. Будучи почтовой лошадью (переводчиком), в качестве «почтдиректора» он же ею и управлял. И независимо от того, какие частные цели Виниус в этой деятельности преследовал, он неизменно гнал своих посланцев к сияющим миражам идеалов Просвещения.

3. Эта культурная двойственность, причём двойственность не напряжённо противоречивая, а гармонично согласованная, и сыграла определяющую роль при выдвижении Виниуса в окружение Петра. Он, как немногие в России, был способен адаптировать голландский культурный опыт, который жадно впитывал юный царь.

В своё время мы уже отмечали, что бессмысленно задаваться вопросом, когда они познакомились. Занимая заметные должности при дворе, Виниус участвовал во всех положенных по протоколу церемониях и наверняка имел возможность видеть царя с младенческих его лет. Самое раннее известное письмо в их переписке относится к 12 июля 1694 года, но оно не было первым — ему предшествовало как минимум одно несохранившееся послание Виниуса. О личных контактах уверенно говорим с 1693 — летом этого года Виниус сопровождал царя в поездке в Архангельск. Можно, однако, полагать, что личные их отношения начались раньше, на рубеже 1680–1690-х годов. Склоняемся этим объяснять избавление Виниуса от неприятностей в одном крайне опасном для замешанных лиц деле, имевшем место на смене царствований. В 1689 году расследование обнаружило его участие в истории напечатании в Голландии гравюры с портретом царевны Софии Алексеевны. Изображение содержало некоторые «полит*не*корректные» детали, после её отстранения от власти сочтённые победителями крамольными. Участие в этом эпизоде стоило жизни некоторым из участников. Виниус же, хотя и попал в поле зрения, остался в тени. Не потому ли, что у него уже был покровитель в стане сторонников Петра? Судя по серьёзности дела, таким мог вполне быть сам царь.

О содержании ранних их контактов данных в нашем распоряжении нет. Пожалуй, только один факт, о котором много лет спустя упомянул в письме Петру Виниус, — о том, что он учил царя «недерлянскому диалекту» — можно с определённым вероятием отнести

к той ранней поре. Заметим, что переписка 1694 года демонстрирует вполне сложившиеся отношения корреспондентов: она не содержит элементов этикетности, которые свойственны эпистолам только что познакомившихся людей, существенно удалённых друг от друга на социальной лестнице.

Виниус имел определённые страноведческие знания, опиравшиеся не только на книги, но и на опыт жизни — он побывал во Франции, Англии и Испании. Сохранился статейный список его путешествия, содержащий сведения о политической системе этих государств, причём они им сравниваются. В этом смысле он оказался более чем подходящим человеком для ознакомления Петра с культурой большой европейской политики.

Забегая вперёд, отметим роль Виниуса и в другом потоке, определявшем культурный обмен России со странами Западной Европы — в расширении представлений европейцев о России. Виниус на протяжении многих лет поддерживал связи со своим дальним родственником — бургомистром Амстердама, выдающимся нидерландским географом Николаасом Витсеном. Последний в своём монументальном сочинении о России «Северная и Восточная Тартария» избегал называть имена своих информаторов, в связи с чем далеко не все из них к настоящему времени установлены. Не приходится, однако, сомневаться, что обогащавшую страницы этой книги информацию он получал и через Виниуса, служившего в Посольском приказе и возглавлявшего Сибирский приказ. И. Владимиров убедительно показал, что секрет «магии», которая позволила Витсену создать ставшую заметным вкладом в развитие географической науки «Новую карту северной и восточной частей Азии и Европы», является «негласная дружба» с Виниусом[8]. Возможно, не без влияния Витсена Виниус увлекался картографией: ему принадлежит самая ранняя на сегодняшний день сохранившаяся русская карта с координатной сеткой (присутствует под названием «Чертежа Виниуса» в «Служебной чертёжной книге» С.У. Ремезова). Картографические опыты Виниуса были не только известны, но и высоко оценены, в частности, работавшими в России иностранными дипломатами[9] — лицами, по долгу службы знакомыми, несомненно, не только со страной, но и с её отображением в произведениях картографии.

[8] *Wladimiroff I.* De kaart van een verzwegen vriendschap. Nicolaes Witsen en Andrej Winius en de Nederlandse cartografie van Rusland. Groningen. 2008. С. 350.

[9] *Владимиров И.* Андрей Виниус, русский голландец на службе у царя // Россия и Голландия. Пространство взаимодействия. XVI — первая треть XIX века. М., 2013. С. 60.

Возвращаясь к участию Виниуса в формировании личности Петра, укажем теперь на трудности, которые он испытывал среди окружавших царя лиц. Его место было весьма своеобразным. Несомненно, он был образованнее большинства членов этого круга. Обширность познаний привлекала к нему Петра, но это же отталкивало многих, кто не только не обладал обширными знаниями, но и не относил наличие таковых к достоинствам. Кроме того, Виниуса, похоже, не тянуло к разгульным развлечениям, а это шло вразрез со сложившимися в царской компании правилами. Мы не находим его имени среди участников Всепьянейшего собора (во всяком случае, среди тех, кто надёжно идентифицирован). Человек гибкий, он в зрелые годы старался не слишком выделяться и равнодушием к вину не бравировал, даже напротив — достаточно почитать его письма к Петру 1694 года, в которых Виниус многословно и несколько натужно обыгрывает имена и отношения персонажей питейной мифологии[10]. Но утаить подобный недостаток (для многих в этой компании именно недостаток) было трудно. (Стойкая нелюбовь к Виниусу А.Д. Меншикова, во всех отношениях человека ему чужого, нелюбовь, чуть было не погубившая Виниуса, не питалась ли она несовпадением типов их личностей?)

Как следствие, сознательно или неосознанно Виниус постепенно отдалялся от ближнего круга царя, надеясь остаться ему другом, так сказать, личным. Петра это долгое время устраивало. С непохожестью Виниуса на большинство весёлых его друзей он смирился и разрешал ему оставаться собой. Он брал от него то, в чём нуждался, и Виниус щедро и преданно делился всем тем, чем обладал.

Виниус — канал, через который на молодого царя влияла голландская культура, канал широкий и многоводный. Его влияние не исчерпывалось языком, политическими и страноведческими знаниями. Виниус приложил непосредственное участие к установлению личных связей Петра в Нидерландах. Особенно показательна история знакомства царя с Витсеном. Из переписки известно, что через Виниуса молодой царь, будучи в Архангельске, наводил у Витсена, автора напечатанной в Голландии книги о судостроении, справки о размерах отдельных деталей кораблей[11]. Есть и более ранний материал, связанный, например, с передачей царю перевода письма

[10] См., например, ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 497. Это же письмо с восстановлением части утраченного текста см. *Юркин И.Н.* «От первопрестольного...». С. 91.

[11] ПиБ. Т. 1. С. 500–501.

Витсена голландскому резиденту фан Келлеру, — текста, посвящённого вольной торговле и новым землям, в том числе загадочной землей Езо. Можно предположить, что в осмыслении и оценке царём этого сочинения, весьма высокой (Витсену по этому поводу в 1691 году была послана «грамота с похвалою»), определённую роль сыграл Виниус[12].

История первого десятилетия отношений Виниуса с Петром — часть (и важная) истории того, как царь Пётр Алексеевич, молодой и пока ещё не великий, поднимался к зрелости и величию.

4. Личные контакты Петра и Виниуса претерпели значительную эволюцию. В первой половине 1690-х годов их отношения развивались на фоне продолжавшегося отдаления Виниуса от круга ближайших друзей Петра. Побывав летом 1693 в компании царя в Архангельске, он остался в Москве во время второй царской туда поездки в 1694 году.

Не утверждаем, что Виниус не поехал с царём в заграничное путешествие 1687–1688 только потому, что ему претило участвовать в шумных кутежах. Думаем даже, что особое место, которое было ему уготовано в установившихся связях с участниками посольства (через него шла переписка, в том числе секретная), ему льстило. Когда бы не это поручение, он, скорее всего, отправился бы вместе с царём с удовольствием. Но горечь от того, как сложились для него обстоятельства, он тоже ощущал. И то, что, оставаясь в Москве, он был избавлен от необходимости исполнять нелюбимые им ритуалы бытового общения — полагаем, отчасти его утешало.

Личные контакты с царём постепенно перетекали в письменные, благодаря чему возникла ценнейшая переписка[13] (увы, не полностью сохранившаяся). Но изобилие писем и длительность письменных

[12] *Юркин И.Н.* «Сие есть великая тайна...» (письмо Николая Витсена о «вольной» торговле и новых землях) // Архив истории науки и техники. Вып. 4 (13). М., 2010. С. 462, 464.

[13] Значение этой переписки в качестве исторического источника оценили П.П. Пекарский, позднее И.П. Козловский, посвятивший ей значительный по объёму раздел своего исследования о первых почтах и почтмейстерах (*Козловский И.П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Т. 1. Варшава, 1913. С. 246–269). Последнему она послужила преимущественно для выяснения отношений, которые связывали участников переписки. Частота обращений к этим письмам современных и последующих авторов, писавших по истории Петровской эпохи, показывает, что их значение выходит далеко за рамки разработки интересной, но частной темы личных отношений.

контактов не должны создавать иллюзию неизменной теплоты и доверительности отношений. И то, и другое имело место, но, достигнув в период Великого посольства пика, со временем постепенно ослабло. Царская ласка изливались на тех, кто находился рядом.

И всё же царь пока по-прежнему ему доверял. В 1690-е годы он «грузил» Виниуса малыми и большими (Сибирский приказ, аптека, артиллерия) поручениями, надеясь, что умный и дисциплинированный сотрудник исполнит их точно и в срок. Обширность поручений и связанный с возрастом упадок сил в конце концов дали себя знать: в начале 1700-х дело всё чаще буксует. Петру, ввязавшемуся в новую неудачно начавшуюся войну, в подробности входить недосуг — важен результат. Интриги тех, кто стоит к царю ближе, приносят, наконец, плод: царь гневается и его гнев обращается на Виниуса.

Ещё раньше Виниус покинул большую политику. Отошедший от дипломатии, он не в курсе (или не вполне в курсе) планов царя в отношении шведов — ему оставлено только право получать всё более редкие и короткие царские письма и поздравлять его с победами. Не странно, что его имени нет в «Истории Свейской войны» — присматривавший за её текстом царь не нашёл повода упомянуть в книге о главном деле своей военной биографии своего верного слугу.

Далее идут расследование Преображенским приказом очередных упущений Виниуса, навет (наше мнение, что навет) Меншикова, перевод на низкие должности, странные события при отступлении войск от Гродно, в результате которых Виниус оказывается вместо Киева в Амстердаме, потом в Утрехте, обвинения в предательстве, отписка на государя вотчин, болезнь, письма к Петру с просьбой о милости, долгожданное прощение...

Период после возвращения Виниуса в Россию в 1708 году в литературе обычно характеризуется как продолжение опалы. Это верно только отчасти: былая доверительность отношений между Виниусом и царём восстановлена не была. Но можно указать на множество фактов, свидетельствующих, что обещавший прощение Пётр его даровал, а Виниус, обещавший, несмотря на преклонный возраст и болезни, верно служить, именно так и служил. Более того, можно утверждать, что Пётр во многом возвратил Виниусу доверие. Об этом свидетельствует возвращение думного дьяка в политику: он назначается московским представителем при украинском гетмане Скоропадском «для советов о государственных делах» — пост, после измены российской короне предшествующего гетмана Мазепы, далеко не второстепенный[14]. А в следующем жесте Петра — в прикреп-

лении к присмотру за тяжелобольным Виниусом стольника А.И. Калитина (1715)[15] — нет уже никакого практического интереса — только память о былой верности, трудах и заслугах. Такой характер его отношений с царём, становлению которого как властителя он не-когда способствовал, сохранился до конца дней Виниуса.

А.А. Виниус умер, потомков, которые дорожили бы памятью о нём, по себе не оставив. У нас нет даже достоверного его портрета (на рисунке, который длительное время считался его изображением, показан, вероятно, его отец[16]). Полузабытый в старости, позже он был забыт, казалось, полностью и навсегда. Но XIX век о нём вспомнил, XX век эту память сохранил и рядом исследований преумножил. Сейчас всё более отчётливо проясняется своеобразие Андрея Андреевича Виниуса в качестве исторического деятеля и содержание его исторической миссии. Важнейшая её часть состояла в посредничестве в установлении и упрочнении контактов двух культур — русской и западноевропейской (голландской, в частности), в адаптации и передаче европейского культурного опыта важнейшему российскому деятелю эпохи раннего Просвещения царю Петру Алексеевичу. В этом, по нашему мнению, и состоит главный его вклад в колоссальную культурную работу, благодаря которой Российское государство вступило в век Просвещения.

---

[14] Едва ли прав И. Владимиров, который для периода 1710-х гг. усматривает в отношениях царя и Виниуса проявления «возрастающего недоверия со стороны царя Петра и его раздражительности» и видит в них причину постепенного ухудшения этих отношений. (*Владимиров И.* Указ соч. С. 68). С этим можно было бы согласиться, если бы речь шла о начале 1700-х гг., но после возвращения Виниуса из-за границы мы наблюдаем отчётливое восстановление к нему доверия. Назначение Виниуса на дипломатическую работу при гетмане — ясное и вполне очевидное тому доказательство. Имеются и другие.

[15] К концу жизни Виниус лишился близких родственников. В 1712 г. при пожаре погибла его жена (*Владимиров И.* Указ соч. С. 68). Пережил он и достигших взрослых лет детей. Дочь Мария (в замужестве Траурнихт) умерла в 1693 г., Анна (в замужестве Калитина) — около 1704. В конце 1715 г., за 11 месяцев до смерти отца, умер его сын Матвей (*Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус. С. 499).

[16] Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса. Каталог / Сост. Е.А. Савельева. СПб., 2008. С. 236, 393. Это неоднократно публиковавшийся рисунок из «Альбома Андрея Виниуса» с инв. № 7253.

В.В. Брызгалов
(Архангельск)

Строительство судов для голландских купцов на верфях города Архангельска и Архангелогородской губернии в XVIII веке

Первые корабли для голландского купечества начала строить Вавчугская корабельная верфь, принадлежавшая братьям Баженинным — Осипу Андреевичу и Фёдору Андреевичу. Она располагалась в 80 км от города Архангельска, на берегу реки Вавчуги, по которой парусники выводились на глубоководное русло реки Северной Двины.

С конца XVII века на Вавчугской корабельной верфи строятся различные типы транспортных и промысловых судов из сосны — флейты, пинки, галиоты и лихтеры грузоподъёмностью от 50 до 450 ласт (от 100 до 900 тонн). Баженинские парусники славились тщательностью отделки и хорошими мореходными качествами. Кроме того, они обходились заказчикам значительно дешевле, чем те, что строились в Англии или Голландии. Естественно голландские, английские и гамбургские купцы заказывали для своих транспортных нужд суда у братьев Баженинных.

Первое судно, которое нам удалось обнаружить, датируется 1725 годом. Оно построено на Вавчугской корабельной верфи братьев Баженинных для транспортировки товаров для Санкт-Петербургско-

го купца Даниилы Евреинова. Это был галиот, грузоподъёмностью 80 ласт (160 тонн). В 1725 году Д. Евреинов продал его голландскому купцу Ивану Гермезгезену за 800 рублей[1]. Судно вышло в море под голландским флагом (?).

В 1727 году кораблестроителем Никифором Баженинym построено на Вавчугской верфи два корабля, грузоподъёмностью в 200 ласт (400 тонн) для голландского купца Еремея Меэра (Мейера)[2], которые в том же году вышли в море под голландским флагом (?).

В 1728 году, по всей видимости, кораблестроитель Никифор Баженин построил на Вавчугской верфи двухпалубный корабль длиной 137 футов, шириной 31 фут, глубиной интрюма 21 фут, грузоподъёмностью в 167 ласт (334 тонны) для голландского купца Еремея Меэра. Корабль назвали «Де ю фра Сюзана»[3], в том же году он вышел в море под голландским флагом (?).

В 1729 году кораблестроитель Никифор Баженин построил на Вавчугской верфи два корабля для голландского купца Еремея Меэра. Корабли назвали «Де юнге Ян» и «Де юнге Анна»[4], в том же году они вышли в море под голландским флагом (?).

В 1758 году кораблестроители Кирилл и Иван Никифоровичи Баженины построили на Вавчугской верфи корабль «Де ю фрау Магдалена» и в том же году продали его голландскому купцу Якову Пулю. Судно названо в честь супруги Якова Пуля — Магдалены, дочери известного в Архангельске голландского купца Родиона фан Брина (Рутгера фан Бринена)[5]. В навигацию 1758 года судно вышло в море[6] под голландским флагом (?).

В 1777 году на Вавчугской верфи построили два корабля для представителя голландского купеческого рода Родиона фан Брина. Корабли назвали «Аршидюк Леопольдус» и «Принц фон Старемберг», в том же году они вышли в море под Ост-Индским флагом[7]. Родион

---

[1] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152. Л. 8.

[2] Там же. Л. 8 об.

[3] Там же. Д. 545. Л. 182–183, 273–275 об.

[4] Там же. Л. 325–329.

[5] *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 263.

[6] ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5126. Л. 7–8.

[7] *И.П.* Выдержки из прошедшаго и давнопрошедшаго Архангельской губернии. LXIV. Архангельск и его край в конце XVIII столетия, население, естественная производительность, торговля, промышленность, кораблестроение // АГВ. 1876. № 32. С. 4.

фан Брин происходил из Нидерландов, поэтому Я.В. Велувенкамп считает его голландцем. Однако поскольку Р. фан Брин прибыл в Россию из Гамбурга, имеются основания считать его гамбургским купцом[8].

В 1778 году на Вавчугской верфи построили корабль для Родиона фан Брина. Корабль назвали «Аршидюк Максимилиан», в том же году он вышел в море под Ост-Индским флагом[9].

В 1779 году на Вавчугской верфи построили два корабля для Родиона фан Брина «Гольдернис» и «Кепель», в том же году они вышли в море под английским флагом[10].

В 1780 году на Вавчугской верфи построили два корабля для Родиона фан Брина «Де Джор» и «Де Вилиан», в том же году они вышли в море под английским флагом[11]. «Де Джор» был приобретён за 12 000 рублей, а «Де Вилиан» — за 14 000 рублей[12].

В 1780 году на Вавчугской верфи построили два корабля для Родиона фан Брина «Де Минерва» и «Санкт Ян», в том же году они вышли в море под английским флагом[13]. «Де Минерва» была приобретена за 16 000 рублей, а «Санкт Ян» — за 3000 рублей[14].

В 1781 году на Вавчугской верфи построен корабль для Родиона фан Брина «Де фрау Елизабет», в том же году он вышел в море под гамбургским флагом[15]. «Де фрау Елизабет» была приобретена за 12 156 рублей[16].

В 1782 году на Вавчугской верфи построили три корабля для Родиона фан Брина. Корабли назвали «Медний», «Де фаворит» и «Де Мерий», в том же году они вышли в море под английским флагом[17]. «Медний» был приобретён за 15 500 рублей, «Де фаворит» — за 13 500 рублей, а «Де Мерий» — за 17 500 рублей[18].

Хочется отметить следующее. Голландский (или гамбургский) купец Родион фан Брин с 1777 года ежегодно, до 1782 заказывал и

---

[8] *Захаров В.Н.* Указ. соч. С. 258.
[9] АГВ. 1876. №. 32. С. 4.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Там же.

приобретал торговые суда на Вавчугской корабельной верфи, однако в море они выходили под разными флагами. Три корабля вышли в море под Ост-Индскими флагами, девять судов — под английским флагом и один — под гамбургским флагом.

Общая сумма, на которую Родион фан Брин приобрёл торговых купеческих судов, построенных на Вавчугской верфи, составляет 103 656 рублей.

Всего на Вавчугской корабельной верфи было построено 19 судов для голландских купцов.

Следующая верфь, на которой строились транспортные суда для голландцев, была Быковская корабельная верфь, её ещё называли — Крыловской. Она принадлежала Никите Савичу Крылову и была основана им в 1731 году рядом с Быковской деревней, в 10 км от города Архангельска.

Одним из первых судов, которые нам удалось обнаружить, это «Де Фем». Его построили на Быковской верфи в 1781 году и продали купцам Кордесу Кинциусу (Кинсиусу) и Классону за 10 000 рублей. Вышло в море в том же году под английским флагом[19]. Кордес Кинциус (Кинсиус) принадлежал к голландскому купеческому роду Кинсиусов, который давно торговал в России[20].

Для голландских купцов строились транспортные суда и на реке Онеге, в Подпорогской волости, на корабельной верфи Дьякова.

В 1781 году на корабельной верфи Дьякова построили судно «Де Лондон». Оно был продано иностранным купцам Кордесу Кинциусу (Кинсиусу) и Классону за 1935 рублей. В том же году вышло в море под английским флагом[21].

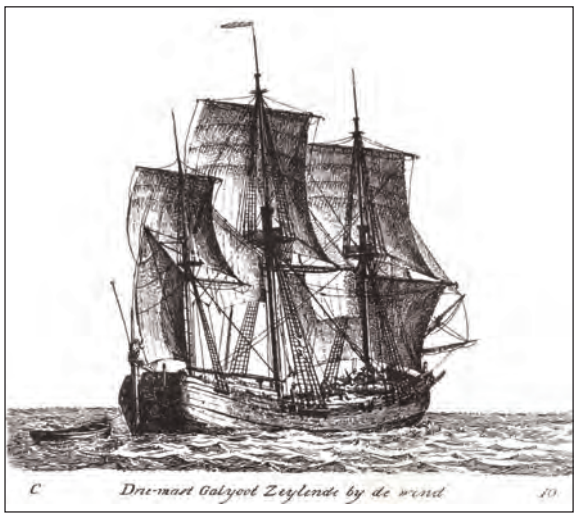
В 1782 году на этой же верфи построили судно «Гренок» Родиону фан Брину за 1575 рублей, в том же году оно вышло в море под английским флагом[22].

Строились транспортные суда для голландских купцов на корабельной верфи Наледина в Пинежском уезде.

В 1782 году на этой верфи построили парусник «Меркуриус». Он был продан Родиону фан Брину за 13 500 рублей, в том же году вышел в море под английским флагом[23].

---

[19] Там же.
[20] *Захаров В.Н.* Указ. соч. С. 52, 257, 265, 267, 334, 549.
[21] АГВ. 1876. № 32. С. 4.
[22] Там же. С. 5.
[23] Там же.

Галиот (Verzameling van Vier tn tachtig Stuks Hollandsche schepen ceteeked en in koper gebragt door G. Groehewegen. 1789. Te Rotterdam, bij J. Van den Brink. Noorblaak, D. 295. P. C 10). Препринт, 1985

Корабль (Verzameling van Vier tn tachtig Stuks Hollandsche schepen ceteeked en in koper gebragt door G. Groehewegen. 1789. Te Rotterdam, bij J. Van den Brink. Noorblaak, D. 295. P. A 5). Препринт, 1985

Строились транспортные суда для голландских купцов на корабельной верфи Митрофанова в Тотемском уезде.

В 1783 году на этой верфи построили парусник «Иоганна». Он был продан Родиону фан Брину за 13 500 рублей, в том же году вышел в море под гамбургским флагом[24].

Транспортные суда для голландских купцов строились на Маймаксанской корабельной верфи, принадлежавшей Алексею Семёновичу Голубину. Эту корабельную верфь А.С. Голубин приобрёл у обанкротившегося владельца — архангелогородского купца Прокопия Фёдоровича Пругавина в 1780 году.

П.Ф. Пругавин основал корабельную верфь в протоке Маймакса. Она начала действовать в 1772 году и находилась в 14 км от Архангельска.

В 1781 году А.С. Голубин спустил на воду два судна, в 1783 — три транспортных парусника, которые продал Родиону фан Брину. Они именовались «Трантон», «Эотер» и «Лангранж» и были приобретены за 15 000, 13 500 и 13 000 рублей соответственно[25].

А.С. Голубин разорился, его верфь был продана на публичном аукционе в июне 1789 году[26].

Таким образом, за период с 1725 по 1783 год нами выявлено 27 купеческих транспортных судов, построенных на шести Архангелогородских верфях для голландских купцов. Из них самым активным заказчиком и покупателем был Родион фан Брин, для которого за этот период было приобретено 5 купеческих парусников и 14 парусных торговых судов, на общую сумму 173 713 рублей. Всего он приобрёл 19 купеческих транспортных судов на пяти корабельных верфях. В море приобретённые Родионом фан Брином суда, уходили под различными флагами: четырнадцать под английским флагом, три — под Ост-Индским и два судна — под гамбургским.

[24] Там же.
[25] Там же.
[26] Архангельск. 1584–1984: Фрагменты истории. Архангельск, 1984. С. 62.

Д.Ю. Гузевич
(Франция)

Корабль «Орёл»: голландские мастера, судьба, мифы, или «Карабль да полукарабелье» в Кутумовой реке (1667/69 – 1679)[1]

Хрестоматийная информация о Дединовской флотилии собрана в таблицах (все даты — по старому стилю)[2]. В статье внимание будет обращено на упорно циркулирующие мифы и на некоторые события, парадоксальным образом находящиеся в тени.

[1] Настоящий доклад под заголовком «Доклад Д. Гузевича на Конгрессе петровских городов» 23 июня 2013 г. появился на сайте «Forum models world» (http://forum.modelsworld.ru/post256055.html). Однако желание понять роль Витсена в издании сочинения Стрюйса и проверка достоверности его рисунков привели к новому исследованию, которое в декабре 2013 — феврале 2014 г. было проведено Д. Гузевичем, Т. Лаптевой и А. Добренко. Вывод оказался поразительным для самих авторов: гравюра, которую в советской и российской историографии было принято считать изображением корабля «Орёл» у Нижнего Новгорода из амстердамского издания 1681 года сочинения Стрюйса, в действительности ни к этому кораблю, ни к этому изданию не имеет никакого отношения. Это не очень точное изображение корабля «Фридерик» 1636 года постройки из сочинения Олеария. Второе судно слева от него, которое можно было бы принять за яхту, является изображением того же корабля в другом ракурсе — приём, характерный для голландских маринистов конца XVII — начала XVIII веков. Таким образом, изображение корабля «Орёл» у Астрахани является его единственным достоверным изображением. Причём достоверность эта достаточно велика, ибо рисунок делал сам Стрюйс, а голландское издание 1676 года, где эта гравюра впервые появилась, готовилось Стрюйсом по выданной ему привиллегии, а значит и под его наблюдением. В этой ситуации гравёр C. Decker был лишён

Для разминки пример — известная картина В.И. Овчинникова «Спуск на воду корабля “Орёл”», которая является ненаучной фантастикой. Её фрагмент был взят для сборника «Дединово — колыбель отечественного флота», но противоречит тексту, опубликованному в книге: «26 мая 1668 года корпус корабля без мачт был спущен для отделки на воде»[3]. Мачты, как следует из архивного дела, были поставлены лишь к концу августа и окончательно закреплены вантами в начале сентября 1668 года. Глядя же на картину Овчинникова, мы понимаем, что художник сказал совершенно новое слово в голландском судостроении XVII века. То же касается флагов на несуществовавших в тот момент мачтах: требование в Сибирский приказ прислать материю для них было отослано лишь в апреле 1668 года. Учитывая скорости выполнения приказов и доставки, в мае никакие флаги просто не могли быть изготовлены. Да и рисунок их фантастичен.

История корабля «Орёл» известна широко, ибо первая публикация о нём в Европе появилась в 1676 году, а в России — в 1720 году. В первом случае это книга Стрейса (Стрюйса), уже в 1701 году в выдержках переведённая на русский язык[4], во втором — «Книга Устав морской...» Петра I. В XIX веке было опубликовано архивное дело по истории строительства «Орла». К кораблю приложились все крупные историки: С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский, не считая собственно историков флота: Ф.Ф. Веселаго, А. Висковатова и др. В советскую эпоху к уже известным документам добавились материалы по восстанию Степана Разина; были переведены на русский язык и опубликованы записки Фабрициуса и информация из европейских газет XVII века. Но, самое главное, переосмыслилась вся история этой флотилии, и, в первую очередь, цель её строительства и авторство. Ну, а в годы перестройки и постсоветский период принялись за переосмысление символики.

права на какую-либо фантазию и должен был выполнять требования автора и заказчика. Никакого более достоверного вида корабля не существует, а чертежей голландское кораблестроение той эпохи не знало. Подробно результаты исследования будут опубликованы в сборнике «Петровское время в лицах — 2014». В настоящую статью автор успел внести лишь необходимые исправления.

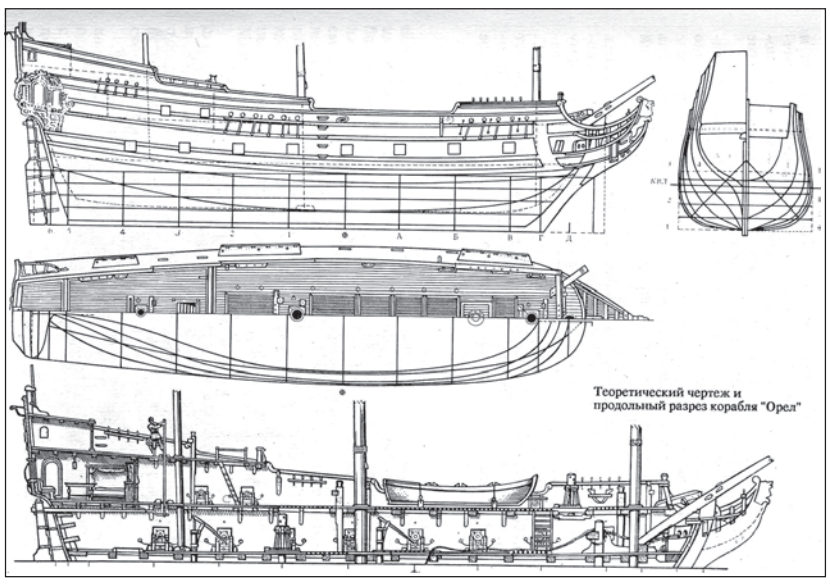
[2] Благодарю С. Сняткова за помощь в получении материалов, и Т.А. Лаптеву за помощь в получении изображений.

[3] *Артамонов В.А.* Дединово и Каспийская доктрина России // Дединовский сборник. Вып. 1. Орёл, 2007. С. 50.

[4] *Лебедева И.Н.* Библиотека Петра I: Описание рукописных книг. СПб.: БАН, 2003. С. 196–197.

В.И. Овчинников. Спуск на воду корабля «Орёл», 1995

Теоретический разрез и продольный разрез корабля «Орёл».
Современная реконструкция

ЦЕЛЬ

В советской историографии корабль вдруг начали сооружать для войны с разинцами. Так, читаем у А. Чернова: «суда предназначались для борьбы с казаками Степана Разина»[5]. А. Маньков: «“Орёл” отбыл в Астрахань для участия в подавлении движения Разина»[6]. Близкие утверждения у Е. Чистяковой, М. Алпатова, Ю. Тушина, продолжавшиеся вплоть до 1980-х годов[7].

Из этих утверждений очевидно глубокое непонимание характера и назначения дединовской флотилии: она была военная, но не боевая, а конвойная или охранная, и предназначалась не для схватки с вражескими или повстанческими армиями, тем более, на реке, а для охраны торговых караванов от пиратов на Каспийском море. Её силы были вполне достаточны для конвоя, но не для ведения войны. Что касается охраны караванов на Волге, то требовались парусно-гребные суда. Бутлер вскоре после приезда подал особое письмо, в котором предлагал в дополнение к новосозданным судам построить для их «остерегания <...> на море» 36-весельную галеру и 20-весельный баркантин. Переводчик Виниус уже в декабре 1668 года развил эту идею не только для моря, где гребные суда полезны при безветрии, но и для охраны караванов на «великой реке» — Волге. Сами караваны должны были идти из Персии в Европу и обратно, о чём, после года переговоров, в мае 1667 года был подписан договор с компанией армянских купцов из Персии. Во главе неё стояли армяне Степан Рамадамский и Григорий Лусиков, а представителем в Москве был англичанин Томас Брейн[8].

---

[5] *Чернов А.В.* Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII в.в.: С образования централизованного государства до реформы при Петре I. М.: Воениздат, 1954. С. 184–185.

[6] *Маньков А.Г.* К вопросу о зарубежных откликах на восстание под предводительством С.Т. Разина // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С. 362.

[7] *Чистякова Е.В.* Астрахань в период восстания Степана Разина // История СССР. 1957. № 5. С. 188–202; *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII — первая четверть XVIII века. М.: Наука, 1976. С. 173; *Тушин Ю.П.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Чёрном морях: XVII век. М.: Наука, 1978. С. 46; *Он же.* К истории военно-морского судостроения // Военно-исторический журнал. 1970. № 8. С. 104.

[8] *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Т. 11–12. М.: Мысль, 1991. С. 544–545. (*Соловьёв С.М.* Сочинения в 18-ти книгах. Кн. 6); *Висковатов А.* Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб., 1864. С. 62–65; и др.

По нашим расчётам, решение о строительстве кораблей зародилось не позже середины июня 1666 года, т.е. почти за год до первого «похода за зипунами» Степана Разина. Более того, из записок Стрейса мы узнаём, что команда флотилии узнала о восстании казаков лишь 11 августа 1669 года (т.е. через два месяца после отплытия из Дединова) у о. Чагры на полпути между Самарой и Саратовом[9]. А Бутлер 6 марта 1671 года писал, что 1 марта 1670 года (т.е. и в разгар разинского восстания, хотя бы и в момент перемирия) был получен приказ из Москвы отправить туда всех моряков[10]. Т.е., русское правительство пыталось их спасти. Если бы корабли были отправлены для подавления восстания, о таком приказе просто не могло бы быть и речи.

АВТОРСТВО

Что касается авторства, то вершиной советской «орловской» историографии является сентенция историка флота вице-адмирала А. Шершова: «Строили корабли русские мастера Яков Полуектов и Степан Петров»[11]. Вслед за ним — Л. Шимкевич, научный сотрудник Центрального военно-морского музея: «<...> работу вели русские корабельные мастера Яков Полуектов и Степан Петров»[12]. Повторяется и до нашего времени, например, в 1995 году: «Непосредственно руководил постройкой первого корабля, наречённого позднее “Орлом”, дворянин Яков Полуектов и подъячий Степан Петров»[13]. Впрочем, в эту фразу дословно вошёл пассаж А. Сукновалова ещё 1946 года[14]. Вариант 1988 года: «не уступая, а порой и превосходя их <иностранцев. — *Д.Г.*> в мастерстве, трудились русские умельцы Яков Полуектов и Степан Петров»[15].

---

[9] *Стрейс Я.Я.* Третье путешествие // *Я.Я. Стрейс.* Три путешествия / Пер. Э. Бородиной; ред. А. Морозова. [М.]: Огиз-Соцэгиз, 1935. С. 190.

[10] *Бутлер Давид.* Копия с письма, писанного в городе Исфагане Давидом Бутлером в Марте 1671 г. // *Я.Я. Стрейс.* Три путешествия... С. 352. См. также: *Веселаго Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875. С. 18.

[11] *Шершов А.П.* К истории военного кораблестроения. М.: Военмориздат, 1952. С. 265.

[12] *Шимкевич Л.А.* «Орёл» поднимает паруса: К 300-летию закладки первого русского военного корабля // Судостроение. 1967. № 9. С. 69.

[13] Под флагом России: История зарождения и развития морского торгового флота / В.П. Пузырёв, В.Д. Скугарев, А.В. Басов и др. М.: Согласие, 1995. С. 41.

[14] *Сукновалов А.Е.* Строительство флота в России во второй половине XVII века // Морской сборник. 1946. № 3. С. 82.

[15] *Раздолгин А.А., Фатеев М.А.* На румбах морской славы. Л.: Судостроение, 1988. С. 20.

Господа, давайте будем честными: уважаемый дворянин Яков Леонтьевич Полуехтов был в реальности интендантом, снабженцем верфи, а также — «отделом кадров», т.е. добытчиком стройматериалов и рабсилы. Из-за отсутствия производственных инфраструктур и очень специфических отношений между приказами той эпохи, роль его была чрезвычайно важна. Можно согласиться с утверждением А. Шаблина, который называет Полуехтова «руководителем верфи»[16]. Но он никак не строитель корабля и, уж тем более, не «корабельный мастер» или «умелец». Что касается Степана Петрова, секретаря и казначея предприятия, то он — подьячий Мытной избы, «крапивное семя», как называли на Руси представителей этой профессии. На роль корабельного мастера также никак не тянет.

Само утверждение, что «Орёл» строили «русские мастера» — нонсенс. Да, там в качестве рабочих участвовали русские плотники и кузнецы, обязанные соблюдать технологии, которые им показывали и которых от них требовали голландцы. И эти требования (в частности, к изготовлению железных деталей) вызывали большие проблемы. К тому же набор русских работников (плотников, кузнецов, канатных и бичевных мастеров, резчиков по дереву, живописца с тёрщиками красок, токаря, гранатного двора мастеровых, пушкарей, затем кормщиков и гребцов) шёл фантастически трудно. По вольному найму не удалось нанять никого, а начальники приказов и воеводы увиливали от этой повинности. Переписка шла между Иноземным, Посольским, Пушкарским, Стрелецким приказами, Новгородской четвертью, Оружейной палатой, заводами Марцелиуса и Акемы, коломенским епископом Мисаилом и воеводой Фёдором Грековым. И, хотя отказам есть объективные причины, но при чтении дела возникает ощущение, что русская администрация и мастеровая система почти инстинктивно отталкивали от себя принципиально новое для них дело — строительство морского флота, чем и затянули работы, как минимум, на год.

Что касается голландцев, то они все зависели от единственного человека — баса, главного мастера, ибо чертежей голландское кораблестроение той эпохи не знало. А значит, нельзя было кому-то из исполнителей дать чертёж отдельных элементов или частей корабля и попросить сделать по нему. Всё было лишь в голове баса, который являлся носителем основной информации. Именно поэтому строи-

[16] *Шаблин А.А.* Первая европейская верфь России // Дединовский сборник... С. 60.

телем мог быть лишь один голландский мастер. Все остальные — его помощниками, подмастерьями, рабочими. Не более того.

Правда, в деле по строительству корабля упоминаются «2 чертежа на пергаменте, 12 на александрейской бумаге: и из того числа один взнесён к великому государю в Верх, 2 взяты в Посолской Приказ»[17]. Однако они были привезены Бутлером из Амстердама, а значит, приехали через год после закладки корабля, когда вся флотилия была уже построена. Осталось только завершить оснастку. Да мы и не знаем, что было на них.

Изображение корабля на запорожском знамени эпохи Екатерины II

Обратим внимание на неосторожные публикации, которые могут провоцировать рождение новых мифов. Так, в 1994 году в «Истории отечественного судостроения» появляется рисунок «Теоретический чертёж и продольный разрез корабля “Орёл”» и в 2007 году повторяется А. Шаблиным[18]. Очевидно, этот чертёж является современной реконструкцией, но он не имеет никаких атрибуций. И потому можно дать гарантию, что через какое-то время он будет представляться в качестве оригинального чертежа. Это не шутка и не преувеличение. Так, на запорожском знамени эпохи Екатерины II[19] есть изображение корабля, повторенное в книге Аркасова «История Україні — Руси» в 1908 году. Это выполненный почти в иконописной манере рисунок двухдечного трёхмачтового 20-пушечного корабля конца XVI — первой половине XVII века. Он ближе всего по типу к галио-

[17] Перечень дела о строении в селе Дедилове корабля Орёл и других мореходных судов, и об отправлении их в Астрахань, 1667 июня 19 – 1670 мая 26 // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5, n° 47. СПб., 1853. С. 275.

[18] История отечественного судостроения: В 5 т. Т. 1: Парусное деревянное судостроение IX–XIX вв. / Под. ред. В.Д. Доценко. СПб.: Судостроение, 1994. С. 35; *Шаблин А.А.* Первая европейская верфь... С. 58.

[19] *Сухарев Ю.* Насады — к бою!: На чём плавали и воевали русские люди до Петра Великого // Родина. 1997. № 9. С. 31.

ну, который тогда ну никак не мог быть построен в Запорожской сечи. И вот, на основании этого рисунка украинский публицист В. Коваленко в 1992 году доказывал, что это казацкий корабль начала XVII века и что Севастополь — город не российской, а украинской славы[20]. Ну, ладно, это хотя бы газетная публикация. А вот специализированное научное издание «Морской сборник» за 1996 год[21]. Историк флота В. Арсеньев на полном серьёзе утверждает, что это «русский корабль середины XIII века», и из контекста можно понять, что речь идёт о новгородском конвойном судне. Ну что ж, следующий логический шаг: если новгородцы в XIII веке знали морскую артиллерию, которую не знал ещё никто в мире, то и рыцарей на Чудском озере они победили с помощью своего военного секрета. Вряд ли стоит удивляться, если что-либо подобное появится со временем в печати, ибо после Фоменко всё возможно, а необузданная фантазия, помноженная на политику, даёт уже клинический бред. Поэтому давайте соблюдать корректность в наших текстах и иллюстрациях.

Однако вернёмся к авторству Дединовской флотилии. Более корректные издания называют хотя бы голландцев. Так, в справочнике «Российский парусный флот» строителем назван К. Буковен[22]. При всём почтении к полковнику Корнилиусу фан Буковену, назначенному для общего руководства строительством 6 июля 1667 года, считать его строителем корабля невозможно в принципе. Даже если в юности он «на море многие пути хаживал на корабли, и морской корабельный бой ему в обычай и корабельное дело и русской извычей знает», то в сухопутной России он служил с 1647 года, т.е. в течение 20 лет до постройки «Орла». Судя по приведённой фразе, он когда-то был военным моряком, но не судостроителем. Да и ту профессию давно сменил.

Второй кандидат — Давид Бутлер. В качестве автора или «вероятного автора» корабля он называется в «Русском биографическом словаре»[23]. Однако Бутлер прибыл в Москву из Амстердама лишь 20 ноября 1668 года, т.е. через год после закладки корабля в Дединово, когда все суда флотилии уже были построены, но ещё не полно-

---

[20] *Коваленко В.* Чьей славы город Севастополь?: К истории российского флота // Независимая газета. 1992, 20.02. С. 5.

[21] *Арсеньев В.* Истоки // Морской сборник. 1996. № 1. С. 81–84.

[22] *Чернышёв А.А.* Российский парусный флот: Справочник в 2 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 12.

[23] Бутлер, Давид / В.Ф. // РБС. Т.: Бетанкур — Бякстер. СПб., 1908. С. 533.

стью оснащены. Ну, а в само Дединово он с тринадцатью «товарыщи» был послан лишь следующей весной, 2 марта 1669 года. Как строитель отпадает и он. Бутлер вошёл в историю как капитан корабля и всей флотилии.

ТАК КТО ЖЕ БЫЛ ГЛАВНЫМ ЕЁ СТРОИТЕЛЕМ?

Приводим таблицу со списком голландских членов команды и строителей (в литературе на эту тему — полная неразбериха).

Первым был нанят, и он же приехал первым, корабельщик Ламберт Гелт с четырьмя «товарыщи». Уже одно то, что он имел четырёх помощников, должно было насторожить исследователей. Но... не насторожило. Перед нами — главный строитель всей флотилии. Он получал в месяц по 80 гульденов (16 рублей) — самое высокое жалованье после капитана корабля Бутлера, которому было положено по 100 гульденов (20 рублей). Ну, а четыре его ближайших помощника: **Виллим фан ден Стрек**, **Вильгельм Бернетс Клоппер**, **Дитрих Петерсон** и **Антон Мейстер**, по всей видимости, не были самостоятельны как корабельные мастера, на что указывает их жалованье (от 30 до 65 гульденов) и факт последовательности в закладке судов флотилии. Корабль был заложен в ноябре 1667 года, яхта — в январе 1668 года, шняки (шлюпы) — в марте 1668 года, бот — в начале лета 1668 года[24]. Если бы это было не так, то при наличии русских рабочих и уже большого числа голландских строителей, суда могли закладываться одновременно каждым из мастеров. Но, скорее всего, их закладывал Гелт, по очереди переходя от одного судна к другому, от более сложных к более простым, чтобы завершить их все одновременно. При отплытии флотилии Гелт командовал яхтой.

Таким образом, имя корабля «Орёл» и его строителя, мастера корабельной архитектуры Ламберта Гелта, должны быть увязаны навсегда. Все остальные — лишь помощники и участники. Это — как Зимний дворец и Растрелли: сколько бы тысяч русских строителей ни работали на площадке и сколько бы ни было архитектурных помощников, создателем дворца является архитектор Растрелли.

Судьба Ламберта Гелта печальна: честно выполняя свой долг, он погиб в бою при обороне Астрахани от войск Стеньки Разина в ночь с 24 на 25 июня 1670 года. На участке обороны, которым он руководил, погибло более тысячи разинцев[25].

---

[24] *Шаблин А.А.* Первая европейская верфь... С. 62.

[25] *Фабрициус Л.* Записки // Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1968. С. 53.

ТАИНСТВЕННАЯ ГАЛЕРА

Вокруг этого, шестого судна флотилии также множество измышлений. В принципе они восходят к упоминавшимся инициативам Бутлера и Виниуса[26]. Галера действительно была построена, но не на Дединовской верфи, как иногда пишут[27], а в самой Астрахани весной 1670 года. Флотилия стояла под городом и 1 марта команда получила царский указ отправиться в Москву, чему вся команда очень обрадовалась и в течение месяца готовилась к походу. В т.ч. за месяц была построена и спущена на воду «большая лодка с восемью пушками и 26 веслами на каждой стороне»[28]. Похоже, что на этой 52-весельной галере команда и собиралась плыть в Москву. Рассказу можно верить, ибо он написан самим Бутлером через год после событий, 6 марта 1671 года.

ФЛАГ КОРАБЛЯ

Вокруг этого объекта уже не ошибки, а чистая спекуляция, которая идет последнюю четверть века. Перед авторами постсоветских текстов стояла сверхзадача, к выяснению реалий отношения не имеющая: доказать древность трёхцветного государственного флага России (что было важно в политических дискуссиях 1990-х годов) и, одновременно, что флаг на «Орле» был поднят исконно русский.

Из документов мы имеем четыре достоверно зафиксированных позиции:

1) Нанимавший голландских судостроителей Яган фан Сведен, вернувшись из Голландии, вместе с поручными записями на «Ламберта Гелта с товарыщи» 19 июня 1667 года подал в приказ Новгородской Чети две росписи. Одна из них содержала список «что еще надобно к карабелному строению, опричь того, что ныне куплено за морем». В ней знаменитые строки:

---

[26] *Виниус А.* Статьи Посольского Приказа переводчика Андрея Виниуса, поданные им в означенный Приказ, о постройке катар, или весельных судов, для плавания по Каспийскому морю, 1668 декабря 5 // Дополнения к Актам историческим... Т. 5, n° 80. С. 404–405, 9/2.

[27] *Артамонов В.А.* Дединово и Каспийская доктрина России... С. 54; и др.

[28] *Бутлер Д.* Копия с письма... С. 352. См. также: *Висковатов А.* Строение военных судов в России при Царях Михаиле Фёдоровиче и Алексее Михайловиче // Морской сборник. Т. 20, nº 1. 1856. Ч. неоф., с. 129; *Сукновалов А.Е.* Строительство флота в России во второй половине XVII века // Морской сборник. 1946. № 3. С. 85.

«63 аршина киндяку на знамя, на середнее болшое дерево.
108 аршин киндяку на знамя, что живет на корме.
30 аршин киндяку на знамя, на переднее лежачее дерево, что на носу.
42 аршина киндяку на долгое узкое знамя; а цветами те все киндяки как великий государь укажет; толко на караблях бывает, которого государства карабль, того государства бывает и знамя.

155 аршин тафт на знамена ж, для украшения карабля; под которое государство бывает караблю пристань, в то время те знамена роспускают; а на тех знаменах писать, что великий государь укажет»[29].

Комментарий единственный: киндяк и тафта — это ткани. Обращаем внимание, что список этот готовил не Бутлер и не в период завершения строительства, как постоянно встречается в литературе[30], а фан Сведен (который, впрочем, являлся дядей Бутлера), и подготовлен текст был до начала строительства.

2) 9 апреля 1668 года «послана память в Сибирской Приказ, велено прислать из меновных товаров триста десять аршин киндяков да сто пятьдесят аршин тафт черчатых белых лазоревых, к карабелному делу на знамена и на яловчики <вымпелы>»[31].

3) Указом царя от 25 апреля 1669 года «караблю <...> велено прозванье дать Орлом; и <...> капитану <...> велено ему поставить на носу и на корме по орлу, и на знамёнах и на еловчиках нашивать орлы же»[32]. Подчёркиваем указанную дату, ибо регулярно встречается дата 24 апреля[33], появившаяся из-за невнимательного чтения опубликованного архивного дела.

---

[29] Выписка из подлинного дела о строении в селе Дедилове корабля Орла и других мореходных судов, 1667 июня 19 — 1667 <8 !> марта 30 // Дополнения к Актам историческим... Т. 5. № 46. С. 219–220.

[30] Например: *Шаблин А.А.* Строительство военных кораблей на Дединовской верфи: 1667–1669 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 8. С. 59; *Смирнова Н.* Бело-сине-красный: Из истории российского национального флага // Русская мысль. № 4091. 1995, 7–13.09. С. 14.

[31] Выписка из подлинного дела ... С. 219–220.

[32] Перечень дела о строении... С. 274.

[33] *Шимкевич Л.А.* «Орёл» поднимает паруса... С. 69; *Тушин Ю.* К истории военно-морского судостроения // Военно-исторический журнал. 1970. № 8. С. 104; *Фёдорова Г.* «Орёл» — первый российский военный корабль // Андреевский флаг: Межрегиональный информационно-историч. вестник. 1992. № 1. С. 1; *Висковатов А.* Строение военных судов... С. 123.

Вид Астрахани.
Гравюра К. Декера по рисунку Я. Стрюйса, 1676

Корабль «Орёл» на Астраханском рейде.
Выкопировка из гравюры Декера, 1676

4) На гравюре Декера (C. Decker) уже в первом издании книги «Странствия Яна Стрейса» 1676 года, имеется изображение корабля «Орёл» справа от него на Астраханском рейде, но значительно более смутное. Судно справа от него может быть как яхтой (что скорее), так и одним из двух шлюпов (одной из шняк) из той же флотилии. На корме и корабля, и яхты или шняка виден трёхполосный флаг с белой полосой по центру и без орла на полотнище. Это первое прижизненное издание книги Стрейса (1630–1694), изданное на его родине по выданной ему в 1675 году привиллегии. К тому же рисунки делал он сам. Все это говорит в пользу достоверности изображения.

Шлюп (шняк) или яхта из Дединовской флотилии на Астраханском рейде. Выкопировка из гравюры Декера, 1676

Более никаких данных по флагам дединовской флотилии не существует. И пока не обнаружены прямые дополнительные аргументы, выйти за эти границы мы не можем. На основе любых косвенных соображений отказаться от прямых доказательств нельзя. Это закон исследовательской работы.

Поэтому, прежде чем придумывать на флаге синий крест, надо было доказать, что изображение Декера не соответствовало реалиям. С этим в книге «На румбах морской славы» обошлись просто. Особой аргументацией авторы себя не утруждали: «Поскольку гравюра исполнялась голландским гравёром, на “Орле” ошибочно поднят трёхполосный голландский флаг»[34]. Авторам и в голову не приходит, что для изображения флага своей страны на чужом корабле требуется серьёзная аргументация. К тому же они перепутали гравюры, и под гравюрой Ван дер Аа (по рисунку Витсена), изображающей голштинский корабль «Фридерик» у Нижнего Новгорода в 1636 году, написали, что это корабль «Орёл» под тем же городом весной 1669 года (хотя «Орёл» там был в июне). Парадоксальным образом голштинский (шлезвиг-голштинский) сине-бело-красный и голландский красно-бело-синий флаги при мелком изображении будут выглядеть одинаково. Ну, а другие исследователи просто обходят эти гравюры вниманием.

Давайте проанализируем гравюру, изображающую корабль «Орёл» у Астрахани. Указ царя об орлах датируется 24 апреля. Ещё

[34] *Раздолгин А.А., Фатеев М.А.* На румбах морской славы. Л.: Судостроение, 1988. С. 21.

два-три дня потребовалось, чтобы он достиг Дединова, где работали знаменщики, украшавшие корабль, и резчики. Орёл на корме был явно нарисован, а не вырезан, ибо резной лев при осмотре сгнившего корабля в сентябре 1676 года упомянут. Был бы упомянут в этом случае и таковой же орёл. 6 мая 1669 года прибыл в Дединово Стрейс с товарищами, который написал, что орёл «был как герб его величества, изображён на корме»[35]. Другими словами, за 10 дней орла на корме намалевали, а не вырезали. А вот нашить на знамёна до отплытия флотилии из Дединово, вряд ли успели: либо надо было получить, что нашивать (но о прислылке орлов для нашивания нигде в документах ни слова), либо вышивать, а это значительно более трудоёмкий процесс. Таким образом, флотилия пошла в путь со знамёнами без орлов. Ну, так гравюра это и показывает. Что касается орла на корме корабля, то слишком мелкие размеры явно не позволяли его изобразить. Хотя при большом увеличении на корме видны тени, которые можно принять за какой-то рисунок, в т.ч. и двуглавого орла (но с большой натяжкой).

Далее вопрос о рисунке флага. В 1990-е годы появилась версия голубого креста с белыми и красными полями. Однако либо её сторонники не приводят никаких прямых аргументов, как А.Я. Дегтярёв в двух изданиях своей «Истории Российского флага», лишь голословно утверждая, что «первый военно-морской флаг восходил к некоторым стрелецким знамёнам»[36], либо эта аргументация основана на смеси какого-то дремучего невежества помноженного на уверенность в собственных открытиях. Так, Н. Семенович и В. Миланов, открыв для себя гравированный «Атлас Кассини», изданный в 1693 году, и обнаружив там московский крестовый сине-бело-красный флаг, разразились следующей сентенцией: альбом «основан на материалах, имевшихся у его автора к 1691–1692 годам. А поскольку у России после “Орла” флота ещё не было, то флаг с прямым крестом никакому другому кораблю, кроме “Орла”, принадлежать не мог»[37]. По всей видимости, о наличии Переславской флотилии, для которой с 1689 по 1692 год было построено не менее 10 военных судов (кораблей, малых фрегатов, яхт, галер), эти чудо-открыватели не ведают. На этих кораблях, среди других, мог быть и крестовый

[35] *Стрейс Я.Я.* Третье путешествие... С. 179.

[36] *Дегтярёв А.Я.* История Российского флага. Париж: Музей российского флага, 1997. С. 46.

[37] *Семенович Н., Миланов В.* Флаги на ветрах истории // В мире книг. 1988. № 11. С. 9.

флаг. К тому же вероятность того, что какой-то француз (каковых почти не было в Московии в ту эпоху) видел флаг дединовской флотилии в 1669/70 годах, настолько им заинтересовался, что зарисовал и, чудом выбравшись из ада разинского бунта, через 20 лет передал этот рисунок для гравирования, мягко говоря, ничтожно мала. А вот с переславской флотилией такое вполне могло быть. Впрочем, и датировка 1691–1692 годов сомнительна, ибо, как показал А. Басов, в альбоме Кассини были изображения, зафиксировавшие флаги 1699 года[38].

Однако этот, рождённый фантазией «государственников» крестовый флаг на «Орле», уже перешёл на множество картин и моделей. Хотя есть и противники трёхцветного флага — они помещают на «Орле» белый флаг с орлом по центру. Впрочем, иногда показывается и русский трёхполосной флаг с орлом — это уже своеобразный апофеоз.

Единственная корректная работа, которая нам встретилась, принадлежит перу Н. Соболевой «Русские знамёна и флаг корабля “Орёл”», где после длительных изысканий автору пришлось признать возможность использования голландского флага[39]. Близок к ней по качеству и упомянутый труд А. Басова.

Мы не стали бы стопроцентно утверждать, что на гравюре Декера изображён голландский флаг (хотя косвенно в его пользу говорит последовательность перечисления цветов материи в русских документах, которую надо было отправить — её могли переписывать с какого-нибудь голландского текста, переданного в качестве справки кем-то из голландцев — фан Сведеном, фан Буковеном или Бутлером). Но мы знаем, что в 1694 году, отправляя в Архангельск фрегат «Святое пророчество», Витсен просто заменил последовательность полос на голландском флаге — в результате возник современный русский «Бесик». Бутлера и Гелта тоже теоретически мог смутить повтор государственного голландского флага, и они могли поменять местами красную и синюю полосы. Гравюра Декера это допускает, но отметает как «Бесик» — будущий русский флаг, так и голубой крест с белыми и красными полями.

Коротко: за последние четверть века история с флагом «Орла» оказалась настолько запутанной, что требует детального исследования и очистки от идеологических наслоений.

---

[38] *Басов А.Н.* История военно-морских флагов. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. С. 43.

[39] *Соболева Н.А.* Русские знамёна и флаг корабля «Орёл» // Дединовский сборник... С. 36–44.

Наш вывод: на «Орле» был поднят либо голландский флаг (красно-бело-синий), либо полосатый флаг с заменённым положением полос (сине-бело-красный). Последнее — вряд ли, ибо тогда расположение цветов оказывалось голштинским, но теоретическая возможность этого сохраняется.

СУДЬБА КОРАБЛЯ

По официальной версии, летом 1670 года суда были сожжены во время захвата Астрахани Степаном Разиным[40]. Её прекрасно знал и описал Вольтер; она была опубликована Устряловым (1858), Погодиным (1875), Костомаровым (1889)[41]. Ну, а в современной беллетристике под пером А. Сахарова превратилась в фантастический

---

[40] Например: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док-в. Т. 4. М.: Наука, 1976. С. 216–217, 238–239. 241, 243–244, 249, 252, 258; *Соловьёв В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. С. 20; *Буганов В.И.* Разин и разинцы. М.: Наука, 1995. С. 310; *Попов А.Н.* О построении корабля Орла в государствование царя Алексея Михайловича // Русская беседа. 1858. № 4 (кн. 12). Смесь, с. 18; *Веселовский В.Г.* Колыбель русского флота: Историч. очерк. Воронеж, 1888. С. 5; Войны России за обладание Балтийским морем, политика Англии в отношении России и вступление Английского флота в Балтийское море. М., 1855. С. 6; *Павленко Н.И.* Пётр Великий. М.: Мысль, 1994. С. 46; *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. СПб., 1882–1883. С. 130. (Репр.: М.: Терра, 1991); *Нольте Г.Г.* Русские «крестьянские войны» как восстание окраин // Вопр. ист. 1994. № 11. С. 35; История русской армии и флота. Вып. 7. М.: Образование, 1912. С. 24; *Зуев Л.П.* Начало военного кораблестроения в России // Судостроение. 1968. № 7. С. 72; *Цветаев Д.* Основание русского флота: Исторический очерк. СПб., 1896. С. 10; *Лучининов С.* Первый корабль первого Адмиралтейства // Моделист-конструктор. 1969. № 10. С. 37; *Залесский В.* Казанские лашманы // Русская старина. Т. 167, кн. 8. 1916. С. 247; *Каллистов Н.Д.* С отвагой — к дальним берегам // Слово. 1996. № 5/6. С. 22; *Кононов И.А.* Русский Императорский флот // Возрождение. Тетр. 75. 1958. С. 6; *Висковатов А.* Краткий исторический обзор... С. 88, 164; *Висковатов А.* Строение военных судов... С. 130; *Маньков А.Г.* О записках Л. Фабрициуса; Комментарии // Записки иностранцев ... С. 7; *Соловьёв С.М.* История России... С. 547; *Шимкевич Л.А.* «Орёл» поднимает паруса... С. 69; и мн. др.

[41] *Voltaire*. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand // Voltaire. Oeuvres historiques. Paris: Gallimard, 1957. P. 405; Пётр I. Рассказ Петра о начале кораблестроения в России: Предисловие к Морскому регламенту // *Н. Устрялов.* История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. С. 398; *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях: Историч. моногр. Изд. 2е. СПб., 1889. С. 126. (*Костомаров Н.* Исторические монографии и исследованния. Т. 20); *Погодин М.П.* Семнадцать первых лет в жизни Императора Петра Великого: 1672–1689. М., 1875. С. 135.

сюжет, согласно которому Бутлер сам сжёг свой корабль[42]. Версия сия восходит к «Уставу морскому» Петра I (1720), где, впрочем, судьба флотилии описывается в более уклончивых выражениях: «Разин <...> суда оные яко противник всякого добра раззорил и Капитана убил»[43]. Заметим, что «раззорил» ≠ «сжёг». Известие о том, что капитан корабля был убит разинцами, восходит к слухам, циркулировавшим среди бежавшей команды, к публикациям в «Nordischer Mercurius» (середина сентября 1670 года; Гамбург), где капитан назван Botteler, затем к самому Петру I и, позднее, к Вольтеру[44]. Но оно не верно. Бутлер и Термонд были схвачены, доставлены в Астрахань, но избежали гибели с помощью Л. Фабрициуса и в конце августа 1670 года бежали снова, на этот раз успешно[45].

Принадлежность текста в «Уставе морском» руке Петра I, который мог знать эту версию событий из устных рассказов современников и, в первую очередь, из уст очевидцев — Карштена Бранта и Иоганна Термонда, безусловно, придаёт ей основательность. Однако сама уклончивость фразы говорит о том, что царь не был удовлетворён имевшейся у него информацией. Не случайно он хотел получить сведения из источников, которые мы ныне называем «независимыми». Во время мирных переговоров со Швецией, он запросил об этом сюжете шведского посланника генерал-аудитора Ларса Далмона. В результате, по королевскому приказу, находившийся на шведской службе дипломат Людвиг Фабрициус, бывший в 1670 году не только свидетелем, но и участником событий, написал 21 февраля 1721 года в Стокгольме специальную записку, в которой изложил всё, что ему было известно о судьбе флотилии, и подтвердил, что она была

---

[42] *Сахаров А.* Степан Разин. М.: Мол. гв., 1987. С. 199. (ЖЗЛ. 2-е изд., доп.).

[43] Устав морской: о всём что касается к доброму управлению в бытности флота на море: Напечатан По указу Государственной Адмиралтейской Коллегии, в типографии морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, третьим тиснением. В Санктпетербурге. 1763 года = Книга Устав морской: о всем что касается доброму управлению в бытности флота на море: Напечатася повелением царского величества в Санктпитербургскои Тїпографїи Лета Господня 1720, Апреля в 13 день. Репр. изд. М.: Новатор, 1993. С. 6.

[44] *Бутлер Д.* Копия с письма... С. 371; Nordischer Mercurius = Северный Меркурий, 1670, Riga, vom 1 sept. = Рига, 1 сентября: Сообщения газет и хроник / Публ. А.Л. Гольдберга // Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1975. С. 93–94, 118–119; Пётр I. Рассказ Петра... С. 398; *Voltaire*. Histoire de l'Empire... С. 409.

[45] *Маньков А.* О записках Л. Фабрициуса...; *Фабрициус Л.* Записки...; Крестьянская война... Т. 3. С. 237–238.

сожжена. Эта записка была передана российскому уполномоченному на Ништадтском конгрессе Я. Брюсу, который и отправил царю 3 мая 1721 года немецкий текст записки с русским переводом[46].

Документ этот впервые был опубликован лишь в 1976 году, и версия о сожжении кораблей получила, вроде бы, неопровержимый аргумент в свою пользу, тем более, что эта информация очевидца шла по дипломатическим каналам, предназначалась для русского царя, и Фабрициус был заинтересован в её максимальной точности.

И тем не менее, версия сия не верна, а сам аргумент не абсолютен, ибо его составлял 73-летний человек через полстолетия после событий. Вполне возможно, что он отдал дань уже бытовавшему мнению о сожжении флотилии — событии, непосредственным свидетелем которого он не был. Укажем также на справедливое замечание Ю. Тушина: «в приговоре Разину, где перечислялись все его “вины”, нет упоминаний о сожжении “Орла”»[47].

Реальная судьба флотилии прослеживается по документу, опубликованному в 1862 году. Тушин, по-видимому, был первым и едва ли не единственным из советских историков флота, кто в 1978 году обратил на него внимание. Впрочем, век пролетает как мгновение, и в 1995 году, т.е. через 133 года после публикации документа, находятся авторы, которые считают её «последними данными»[48].

В целом же, с конца 1980-х годов в литературе, параллельно с утверждениями о гибели флотилии во время восстания[49], наблюдается «учёт» этого документа, хотя очевидно, что большинство авторов его никогда не читало, ибо, с одной стороны, нам нигде не встречались точные даты событий, указанных в документе[50], а с другой, встречаются достаточно странные описания событий, явно противоречащие документу: от «то ли сожжён, то ли <...> сгнил»[51] до: «В 1670 году

---

[46] Крестьянская война... Т. 4. С. 216–217. В примечаниях, на с. 239, утверждается, что о гибели судов упоминает и Стрейс, но без ссылки на страницы его книги. Пётр I знал её. Но нам этого упоминания у Стрейса в доступных нам текстах найти не удалось.

[47] *Тушин Ю.* Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Чёрном морях: XVII век. М.: Наука, 1978. С. 50.

[48] Под флагом России... С. 41.

[49] *Иванов О.* Андреевский флаг строг... // Культура. 1992, 18.07. № 19. С. 3.

[50] *Шаблин А.А.* Строительство военных кораблей... С. 59; *Дыгало В.А.* Парусники мира. М.: Восточный горизонт, 2002. С. 62. Иногда они просто все перепутаны: *Де ла Невилль.* Записки о Московии / Предисл., перев. и коммент. А.С. Орлова. М.; Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1996. С. 237.

[51] *Феклюнин С.* Прадедушка из Дединова // Московский комсомолец. 2006, 18.10. С. 9.

повстанцы сожгли корабль “Орёл”. Остальные суда много лет не использовались и в одном из астраханских затонов пришли в негодность»[52]. Впрочем, имеются и такие пассажи: «В 1672 году он <“Орёл”. — *Д.Г.*> с прогнившим днищем и бортами, но с целыми мачтами и бушпритом ещё покачивался в одной из проток Волги»[53]. Это что: автор нашёл дополнительные свидетельства? Или перепутал даты в тех, которые уже известны? Ссылки отсутствуют.

Итак, опубликованный акт хранился в архиве Астраханского губернского правления и датируется 21 октября 1679 годом. В нём описываются два судна — «карабль да полукарабелье»[54], которые были обнаружены в волжской протоке — «Кутумовой реке» против водяных ворот деревянного города в ходе сплошной ревизии 25 сентября 1676 года. Документ даёт детальную ведомость. В этом 22-пушечном корабле с резным львом на носу[55] мы без труда узнаем «Орёл», а вот в «полукарабелье» — по всей видимости, яхту из Дединовской флотилии. Хотя теоретически, это мог быть и один из шлюпов. «Карабль ветхой, дно и бока сгнило, в ход не годитца». Суда вновь освидетельствовали по царскому указу 20 октября 1679 года. К этому времени они уже полностью сгнили «<...> и обвалились, починить не мочно <...> бока и дны огнили насквозь и многие места опали <...>; а буде того карабля и полукарабелья вскоре не розобьют <...> всё сгниёт и развалятца и ни в какое дело не годятца»[56].

На следующий день, 21 октября 1679 года астраханский воевода окольничий М.С. Пушкин приказал голове делового двора С. Кунину и Т.И. Власьеву «розбити им на деловой двор корабль и полукорабелье на всякие делового двора росходы <...>; а сколко какого лесу и железа выйдет, записать в приходную книгу имянно»[57].

---

[52] *Яковлев И.И.* Корабли и верфи. 2е изд. Л.: Судостроение, 1973. С. 42–43.

[53] *Артамонов В.А.* Дединово и Каспийская доктрина... С. 54.

[54] Акты, относящиеся до отпуска материалов с Астраханского делового двора на разные постройки, а также на починку морских и речных судов, до тамошних кузнецов и молотобойцов, и прочее // Дополнения к Актам историческим... Т. 8. СПб., 1862. С. 250–253.

[55] Там же. С. 250 (ср. с: Перечень дела... С. 257).

[56] Там же. С. 252.

[57] Там же. Несмотря на столь однозначные и опубликованные данные, И.В. Богатырёв и В.Д. Доценко в 1994 г. утверждали, что судьба флотилии неизвестна. (История отечественного судостроения... С. 4, 33).

И где та книга?

Ну, а корабль «Орёл» и яхта, по-всей видимости, на рубеже октября-ноября 1679 года были окончательно разобраны.

Остаётся признать, что самым прозорливым из исследователей оказался... беллетрист Алексей Николаевич Толстой, в романе «Пётр I» утверждавший, что «Орёл» сгнил на Волге, близ Нижнего Новгорода[58]. Указание на Нижний Новгород говорит о том, что документов советский классик не видел, но своим писательским чутьём понял судьбу, которая должна была ожидать столь диковинный и новый объект техники в России.

ВЫВОДЫ

Итак, каков вывод можно сделать из этой группы системных ошибок? История корабля, известная на протяжении почти трёх с половиной столетий и основывающаяся на малом числе источников, постоянно, начиная с эпохи Петра I, оказывалась в центре идеологических споров. Как результат — неизбежные искажения, которые при сотнях публикаций превратили событийный исторический ряд в свою противоположность — поле исторических мифов. Этот процесс особенно усилился в последние десятилетия, и это при том, что каждый реальный факт хоть где-то, да описан. На наш взгляд, требуется фундаментальная и детальная монография с переизданием в качестве приложения всех первоисточников, в которой будут исследованы и изложены реальные факты, освобождённые от идеологической шелухи. А все выявленные ошибки будут выведены и проанализированы с указанием на работы, где они встречаются. Другими словами, требуется новая критическая история Дединовской флотилии.

[58] *Толстой А.* Собрание сочинений. Т. 7: Пётр Первый: роман. М.: Худ. лит., 1959. С. 121.

Приложение 1.

Дединовская флотилия

Флотилия состояла из:

- 22-х пушечного корабля (18 пушек шестифунтовых, 4 пушки — трёхфунтовых; все пушки железные), названного по указу от 25 апреля 1669 года — «Орлом»; был заложен 14 ноября 1667 года и спущен на воду 26 мая 1668 года. Размеры корабля: длина ок. 24 м., ширина ок. 7 м., осадка при средней нагрузке — 1,5 м. Прообразом послужили пинасы — вооружённые корабли Ост-Индской компании;
- 6-ти пушечной яхты (пушки — однофунтовые). Скорее всего, имела одну мачту (хотя могло быть и две). Во всяком случае, при осмотре 1676 года на гниющем «полукарабелье» в «Кутумовой реке» указана одна мачта. Однако изначально была одна или осталась лишь одна, утверждать мы не можем. Также нельзя быть абсолютно уверенным, что это не один из шлюпов, а именно яхта (хотя, скорее всего, так);
- двух шлюпов (шняков);
- бота.

7 мая (по другим данным, 12 мая) 1669 года флотилия пошла к Астрахани и 24 августа 1669 года прибыла к месту назначения.

За март 1670 года под Астраханью была построена и спущена на воду «большая лодка с восемью пушками и 26 вёслами на каждой стороне», т.е. 52-вёсельная галера.

Приложение 2.

Строители и команда флотилии

Наняты фан Сведеном с 29 апреля с 3 мая 1667 года в Амстердаме и представлены в Приказе Новгородской четверти в день выхода указа о строительстве корабля (19 июня 1667 года)

ГЕЛТ, ЛАМБЕРТ Яковлев сын (Lambert Jacobsz Holt; Лемберт Элт; Элт Ламорт; Ламберт Якобзон (Якобс) Гельд), корабельщик, шкипер, строил корабль «Орёл» с «товарыщи», всего 4 человека:

Стрек, Виллим фан ден (van den Streek; Вилим фон Декрет; Денкретк; Вилим Борисов сын фан де Стрек; фан дер Стрик; фан дер Штрек; Виллем Барентс) кормщик и плотник, штурман; **Клоппер, Вильгельм Бернетс** (Вилим Бранц; Willem Berentz Klopper);

Петерсон, Дитрих (Фридрих) (Direk Petersen; Тимофей Петров сын фан ден Стрек или фан дер Стрик; Висковатов утверждает, что Дитрих Петерсен, работный человек, был нанят в самой России, а кормщик Тимофей фан ден Стрек приехал с фан Сведеном), кормщик;

Мейстер, Антон (Онтон) (Минстер; он же работный человек и алмазный гранильщик Антониюс Мунстлер; Antonius Muenster).

Шкрам Яков (Шрам), толмач, приставленный (возможно, позднее, 9 сентября 1667 года) к голландским строителям;

Буковен, Корнилиус фан (Bockhoiven; Boukohoven), полковник (в России с 1647 года), 6 июля 1667 года был назначен для общего руководства строительством;

Старк Яков (обер-лейтенант Stark), полуполковник, приказом от 22 июля 1667 года назначен в помощники Буковену (оба вроде бы знакомы с корабельным делом и морским ходом).

9 сентября 1667 года к ним были добавлены знакомые с корабельным делом и морским ходом

Елма, Индрик фан (Индрик фон Елмен; фан Гелмат; фан Гельмант; умер, по-видимому, в начале 1668 года, после того, как пробыл «у корабельного строения» 5 месяцев), капитан;

Шак Миколай (Николас Скак; хирург Schak), лекарь и поручик;

Вемин Ренгалт, корабельный дозорщик и поручик;

Каспер Христофор, толмач.

Эти 12 человек занимались строительством флотилии: бас Ламберт Гелт, семь строителей, два руководителя всего предприятия и два толмача.

20 ноября 1668 года с Давидом Бутлером из Амстердама в Москву приехало ещё 13 человек команды; участвовали в завершении оснащения уже построенных судов; в Дединово посланы 2 марта 1669 года.

Бутлер Давид, капитан (точнее, «корабельный дозорщик», т.е. шкипер);

Альберт[сон] Ян (Иоан Альбертзон), «корабельный кормщик и писарь» (штурман);

Бартесон Пётр (Бартельс) «начальный бутман» (старший боцман);

Медерст Мейден (Мейндерт Мейндерс; Мейдертен) «товарыщ его» (помощник; он же — канонир и блочный мастер);

Попкер Вигерт (Попкес; Поппес; Попкерс), корабельный мастер и матрос, «спереди от половины корабля над снастьми дозорщик»;

Энсеньструл Ян (Struys; Анструф; Иоан Иоанзон Стрепф; известен под именем Ян Стрейс и Ганс Стрюйс), парусный мастер;

Петерсон Элес (Элм Петерсен; Эльс Питерс), его помощник, матрос, «товарищ парусному мастеру»;
Корнилиюсов Корнилиюс (Корнилиус Корнильсен; Корнелиус де Фриз — Cornelis de Fries), корабельный пушкарь (констапель; канонир);
Брант Карстен (Брант Кастер; Христиан Брак; Karsten Brant; Christian Brand), его помощник («товарищ», ведавший порох и пушечные ядра); матрос и пушкарь;
Вилимсон Вилим, «корабельного деревья и брусяной мастер»;

4 «корабельных сара» (судостроителя)

Пран Корнилиюс (Брак) из Нейндама;
Тримпен Якуб (Якоб Траппен; видимо, он же — Гаврила Петров);
Корнилсен Давыд (Данила; Даниил Корнелис; Даниел Корнильсен), матрос;
Эрентьсон Пётр (Питер Андерсон; Питер Арентс; Петер Арентсен) из Схефенинга.

Всего 26 человек, которые строили и оснащали флотилию и составили основную команду.

Из них наиболее знамениты:
Ян Энсеньструл, он же — **Стрюйс** или **Стрейс**, автор книги о путешествии; **Давид Бутлер**, капитан корабля и автор опубликованного письма, и **Карстен Брант**, который через 20 лет ремонтировал найденный в Измайлове в сараях Никиты Ивановича Романова ботик и затем создавал Переславскую флотилию для Петра I.

Из русских:

Основные: дворянин Яков Полуехтов (с 30 августа 1667 года) и подьячий Степан Петров (с 30 августа 1667 года).

Были ещё: подьячие Савин Яковлев (с 6 июля 1667 года), Борис Анисимов и Фёдор Кишмутин, толмач Фёдор Фёдоров.

Плотники для работы набирались в Коломенском уезде и в Москве; кузнецы — в Переславль-Залесском, Коломне, Нижнем Новгороде.

М.Ю. Данков
(Петрозаводск)

Неистовый голландский корсар государя (О драматической судьбе морского капитана Питера фон Памбурха)

Присутствие в землях Московии выходцев из Генеральных Штатов соединённых нидерландских провинций, на переломе XVII–XVIII столетий, имеет причудливую и богатую историю. Особо выделяются иноземцы, заключившие морской «государев контракт», во время Великого Посольства (1697/1698). Среди пассионарных «флотцев», превратившихся в деятельных и последовательных единомышленников царя Петра, особое место занимает блистательный, но малоизвестный капитан Питер фон Памбурх [?–1702][1].

Жизненные перипетии голландского моряка, очаровавшего государя профессионализмом, авантюрным духом и независимостью, завораживают недосказанностью, интригуют нелепой и безвременной кончиной гордого флибустьера в шпажном поединке в Карелии[2]. Капитан

[1] Питер фон (фан) Памбурх (Памбург; Памбурк; Памберг; Памберх; Панбурх), [Paemburg Piter von]. См.: *Данков М.Ю.* Памбурх Питер фон // Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках: биобиблиографический справочник / Сост. и отв. ред. Попова Л.Д., Велувенкамп Я.В. Архангельск, 2007. С. 240–243; *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 683.

[2] *Веселаго Ф.Ф.* Общий морской список. Ч. I. От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885. С. 298; *Данков М.Ю.* Иноземцы и «Осударева дорога» // Немцы и Русский Север: Сборник статей. М., 2000. С. 32–43; *Данков М., Лапшов С.* Два капитана // Рейтар. Военно-исторический журнал № 37 (4/2007). С. 18–32; *Данков М.Ю.* Памбурх Питер фон // Голландцы на Русском

Памбурх прекрасно сочетал роль безупречного исполнителя державной воли государя с жизнью бесшабашного гуляки и своенравного повесы. Необузданность нрава голландца уживалась с прагматизмом и чувством собственного достоинства. В то же время биография «не зело предосудительного» капитана почти не известна исследователям, за исключением замысловатых событий, связанных с дипломатической миссией посольства Е. Украинцева 1699–1700 годов в Константинополь[3]. Короткая последующая российская судьба баловня фортуны из Генеральных Штатов, оказалась совсем размыта.

В этом смысле в исследовании хочется прикоснуться к фатальной причастности беспокойного иноземца к событию национального масштаба, возведению в 1702 году «Осударевой дороги», пути от Белого моря к Балтике[4]. Между тем, к сожалению, дата и место рождения голландского «флото капитана» до сих пор неизвестны. По-прежнему существует исследовательский вакуум, связанный с предшествующей службой моряка, с достоверными деталями первой встречи П. Памбурха с царём Петром. Скорее всего, знакомство

Севере в XVI–XX века...2007. С. 240–243; Д*анков М.Ю.* Флибустьер Петра Великого. О судьбе голландского капитана Питера фон Памбурха // «Кортик». Флот. История. Люди. СПб., 2009. № 10. С. 4–14; *Данков М.Ю.* Своевольный и неистовый капитан... (таинственная биография голландца Питера фон Памбурха) // Петровское время в лицах-2010. К 300 летию Дворца Меншикова (1710–2010): Материалы научной конференции. Труды ГЭ. LII. СПб. 2010. С. 125–137; *Данков М.Ю.* «На шпагу... насувся прокололся» (К истории первой дуэли петровского времени на мысе Вардегорский в Онежском заливе Белого моря) // «Война и оружие. Новые исследования и материалы». Вторая Международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. Ч. 1. СПб., 2011. С. 187–201; *Данков М.Ю.* Дуэль на берегу Белого моря в 1702 году (О трагической гибели голландца Питера фон Памбурха) // Двинская земля. Материалы седьмых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, посвященных 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. 29–20 марта 2011 года. Вып. 7. Котлас, 2013. С. 66–75.

[3] *Номен Я.К.* Записки Я.К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. / Перевод, введение и примечание В. Корта. Киев, 1904. С. 63.

[4] *Данков М.Ю.* Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Петровское время в лицах-2007: труды ГЭ XXXVIII. СПб., 2007. С. 76–89; *Данков М.Ю.* Тайный марш по «Осударевой дороге» 1702 года и современная дискуссия вокруг неё // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 9–11 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 202–211; *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011.

состоялась в Голландии, в декабре 1697 года, до времени отбытия государя из Амстердама в Лондон. Во всяком случае, начальное упоминание о капитане, находим в «Приёмных списках иноземцев поступивших в русскую морскую службу» в 1698 году[5]. Любопытно, что зачислению в команду «наёмников», содействовал унтер экипажмейстер К. Крюйс[6], о котором Ф. Головин тогда же сообщал: «зело человек... добр, жаль такого пропустить»[7]. Как ни странно, именно с вице-адмиралом у Памбурха через год сложатся «тяжёлые» отношения.

Как бы там не было, «сговоренный» голландец уже 3 июня 1698 года на одном из зафрактованных судов прибывает в Архангельск[8]. «Роспись начальным людям и матросам, которые присланы из Амстердама на 4 кораблях» определяет размер его жалованья, равное «60 ефимков (30 р.)» в месяц[9]. Вскоре с годовой оплатой в 448 рублей, Памбурх командируется в Воронеж для обустройства местного Адмиралтейства[10].

Моряк стремительно ворвался в ближайший круг царя, искренне мечтая «на кораблях... всё время» ради российской славы «верно служить»[11]. Однако карьера «фартового» Памбурха начала складываться лишь в августе 1699 года, когда его определили капитаном 52-пушечного[12] фрегата «Крепость». Голландец стал участником знаменитого похода флотилии под командованием Ф.А. Головина от Паншина

---

[5] *Елагин С.И.* История русского флота: Период Азовский. Ч. 2. Приложения. СПб., 1864. С. 201.

[6] Корнелий Крюйс, норвежец с датским подданством. До подписания контракта и приёма на русскую службу в чине вице-адмирала 11/21 мая 1698 г., работал в Амстердаме унтер-экипажмейстером (underekvipasjemester), иначе экипажмейстером 3-го класса (помощником экипажмейстера). См. Г*узевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое Европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. СПб., 2008. С. 91.

[7] Там же. С. 189.

[8] 5/15 мая П. Памбурх отбыл из Голландии и прибыл в Архангельск 3/13 июня 1698 г. См.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство... С. 286.

[9] Памятники дипломатических сношений. Т. 9. СПб., 1868. 1230 стб.

[10] *Веселаго Ф.Ф.* Общий морской список... С. 298.

[11] *Елагин С.И.* История русского флота: Период Азовский. Ч. 2. Приложения V. Статьи, по которым каждый комендор или капитан в службе Е.Ц.В. поступати будет. СПб., 1864. С. 194.

[12] В исторической литературе существуют разночтения о вооружении корабля «Крепость». Исходя из исследования *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие царя Петра... С. 100, 814, следует, что фрегат имел 52 пушки.

через Азов и Таганрог в Керчь. Осенью дипломатическая миссия Емельяна Украинцева и Ивана Чередеева, на корабле «Крепость» под командой иностранца отбыла в Константинополь. В ходе плавания Памбурх и штурман Христиан Отт[13] составили рукописную карту северо-восточной части Азовского моря, Керченского пролива и Босфора с указанием глубин моря. Впоследствии чертежи профилей побережья гравировал голландский художник А. Шхонебек. Эти картографические листы были отпечатаны Г. Донкером (мл.) в Амстердаме и вошли в «Атлас течения реки Дона», который «редактировал» К. Крюйс[14].

Между тем, на переходе в Порту, грозное судно находилось под конвоем, а капитан Питер фон Памбурх, подвергся профессиональной дискредитации со стороны турецкого представителя Капычибаши. Посол Е. Украинцев 26 августа 1699 года докладывал Петру I о том, что турки настаивают: «капитан... человек молодой и непостоянный, ходу Чёрного моря не знает». Однако дипломат взял капитана под защиту: «приказал я, раб твой, капитану Петру Памбургу... Меотискаго моря глубину и ширину описывать, и он так... и впредь чинить будет»[15]. Появление военного корабля в сентябре 1699 года «против самого султанского дворца», безусловно, продемонстрировало военно-морскую мощь России. В Константинополе фрегат возбудил любопытство турок и европейцев. Самолюбивый Памбурх отмечал: «Не по малу они дивятся, что в русском государстве строятся корабли, чего прежде не бывало и не слыхано»[16]. Даже султан и великий визирь в парадном каюке с 24 гребцами «ездили на корабль и на него смотрели многое время». Турецкую администрацию беспокоил русский многопушечный фрегат, который оказался

[13] Отто Крестьян Григорьевич [Ottoj Chrictian], голландский поручик и гидрограф. По другим данным, шведский подданный, Отто Крестьян Григорьевич являлся лейтенантом. См.: *Багров Л.С.* История русской картографии. М., 2005. С. 353; Отто Крестьян (Christian) Григорьевич // РБС. Т.: Обезьяников-Очкин. СПб., 1905. С. 472–473; *Окхейзен Э.* Нидерландский вклад в собрание карт Петра Великого // Пётр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. СПб., 1997. С. 274, 396.

[14] *Богословский М.М.* Пётр I. Т. 5. Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь. 1699–1700. М., 1948. С. 186; *Okhuizen E.* The Dutch Contribution to the Cartography of Russia during the 16th–18th Centuries // Russians and Dutchmen. Amsterdam, June 1989, P. 71–115.

[15] *Елагин С.И.* История русского флота... С. 504.

[16] РГАДА. Ф. Книга турецкого двора. № 27. Л. 54 об., 56 об.–57; Цит. по кн.: *Богословский М.М.* Пётр I. Посольство Е.И. Украинцева... С. 12.

«близко... салтановых сараев не в указанном месте», поэтому она настаивала «свесть и поставить» судно туда, «где стоят французские, английские и голландские корабли». Имеющий султанский чин и «ведающий тайны»[17] А. Маврокардато через посольство стремился обязать «неистового» Питера Памбурха из пушек «без дела и безвременно не стрелять»[18]. Однако, невзирая на требования прекратить «многую... ночную пушечную пальбу», склонный к независимости и авантюризму капитан, наотрез отказался подчиниться. Разъярённый чиновник утверждал: «капитан-человек порочный, из голландской земли выгнан, для того и поступает так бесчинно, своевольно и неистово»[19]. Согласимся, повод для резких заявлений турецкой администрации, очевидно, существовал. По словам прошедшего европейскую школу А. Маврокардато, голландец «бешенством и своевольством» всех ввёл в «превеликое... страхование и смущение», которое от «капитанов корабельных никогда не бывало». В то же время, попытка интернировать Памбурха, который, якобы, «без разума пребывает в шалости и шатости», туркам не удалась. Вершиной скандала стала «превеликая досада и оскорбление... умножительнейшему их императору», когда после артиллерийских залпов «многие жёны беременные из утроб... безвременно младенцев повывергли»[20]. Капитан же утверждал, что следовал морскому уставу, поэтому стрелял из одной пушки «на вечерней и утренней зорях... по манеру воинскому, как на кораблях ведётся для караулу»[21].

Глава дипломатической миссии Украинцев взял Памбурха под защиту: «капитан принят в царскую службу в голландской земле» как «доброповеренный человек», в службе «непостоянства и шатости... за ним не видали». Он подчёркивал, что голландский моряк «назначен... на корабль везти их в Царьград как наиболее сведущий среди морских капитанов»[22]. Резкий и преданный Питер Памбурх определённо был царю по нраву. Государь, очевидно, мог тайно

---

[17] Исходя из указания консула Франции от 12 марта 1699 г., А. Маврокардато, «православный грек» и константинопольский сановник именовался как «государственный секретарь». См.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство... С. 125.

[18] *Богословский М.М.* Пётр I. Посольство Е.И. Украинцева... С. 16.

[19] РГАДА. Ф. Книга турецкого двора. № 27. Л. 93–98 об.; Цит. по кн.: *Богословский М.М.* Пётр I. Посольство Е.И. Украинцева... С. 19.

[20] Там же. С. 18.

[21] Там же. С. 16.

[22] Там же. С. 19.

брать с голландца пример. Подписав выгодный Константинопольский договор, посольство в июне 1700 года на корабле «Крепость» прибыла в Азов. Любопытно, что осенью 1702 года, перед выходом на «Осудареву дорогу», Пётр I неожиданно вспомнил о «дипломатическом» фрегате и предложил Ф.М. Апраксину: «Только, кажется Памбурха лучше б не трогать»[23]. Заметим, что вопреки традиции корабль упомянут не по названию, а по фамилии набирающего популярность капитана. Вскоре «Крепость» подняли в эллинг для ремонта, а к 1710 году, как сообщает капитан-командор Ян Бекман[24], фрегат «сгнил, стоит на берегу и в починку негоден»[25].

До весны 1702 года Памбурх курсирует между Москвой и Воронежем. Не теряя квалификации, голландец, находится «при морском деле» на виду у государя. Близость капитана к Петру I подтверждает переписка того времени. «Всеподданейший и верный раб» в одной из корреспонденций, выдержки из которой публикуются впервые, обращается к царю с «покорностию и мольбою» и умоляет оградить его от притязаний К. Крюйса, который «неприятель являлся и зла... ищет»[26]. Памбурх решается «под потерянием головы своей» требовать у монарха должность «шаутовнахтову»[27], объясняя это сохранением «его царского величества кораблей» в Архангельске.

Капитан эмоционально сообщает: «Того ради молю, да возрит милостивое око... на... челобитие... и меня тем шаутовнахтовым местом да пожалует, и готов буду пребывати даже до смерти»[28]. В реальности Памбурх не успел получить чин, но документ демонстрирует надежду на «царёву благосклонность» к требованиям моряка из Нидерландских Штатов, признавшего Россию второй родиной. Вес-

---

[23] ПиБ. Т. II, 1702–1703. СПб., 1889. С. 75–77.

[24] Англичанин Ян Бекман [Jonn Becham] прибыл в Архангельск 9 июня 1698 года на яхте «The Transport Royal», которая связана с загадками «Осударевой дороги». См.: *Ryan W.F.* Peter the Great's English yacht // The Mariner's Mirror. Vol. 69. 1983. P. 76; *Данков М.Ю.* Яхта «The Transport Royal» на Северной Двине // Двинская Земля. Вып. 3. Вельск, 2004. С. 87; *Данков М.Ю.* «Корабль Царского Величества: Приключенческая судьба английской яхты «The Transport Royal» в России // «История в подробностях». М., 2011. № 7 (13) июль. С. 46–51.

[25] РГАДА. Ф. Книга турецкого двора. № 27. Л. 947–948 об. Цит. по кн.: *Богословский М.М.* Пётр I. Посольство Е.И. Украинцева. С. 188.

[26] РГАДА. Ф. 161. Оп. 1, 1701–1702 гг. Д. 442. Л. 8, 9.

[27] Шаутбенахт — производный термин на флоте от голландского словосочетания (шау бе нахт — смотри ночью): первый адмиральский чин, соответствующий контр-адмиралу. Чин шаутбенахта имел Пётр I.

[28] РГАДА. Ф. 161. Оп. 1, 1701–1702 гг. Д. 442. Л. 8, 9.

ной 1702 года Памбурх и его давний приятель английский командор Я. Валронт[29] направляются на Северную Двину для контроля над строительством загадочных фрегатов «Сошествие Св. Духа» и «Скорый гонец»[30], заложенных на верфи датчанина И.Э. Избранта[31].

Имена обоих капитанов впервые упоминаются в «Росписи начальным людям и матросам...»[32]. Однако уже через год, Вальронт на судне «Меркурий», а Памбурх на фрегате «Крепость» вместе с государем, который стоял за штурвалом корабля «Отворённые врата», совершают переход в Керчь.

Судьба архангельских фрегатов постройки 1702 года продолжает волновать и захватывать исследователей своей недоговорённостью. По-прежнему бытует ошибочный взгляд о волоке этих судов по «мостовой настилке». Якобы, царь Пётр эти малые фрегаты переместил по гатям «Осударевой дороги» от Белого моря к Онежскому озеру, а далее по р. Свирь доставил к Нотебургу[33]. «Мифологическая выдумка» основана на данных консервативной историографии. Предания о волоке кораблей звучат заманчиво, однако патриотические легенды «прямыми» архивными материалами не подтверждаются[34]. Участие

---

[29] Джон Валронт (Вальронт, Валронд, Волрант, Валърант) [Jan Walrond], английский комендор, затем капитан. См. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. С. 668; *Данков М.Ю.* Загадочный капитан Я. Валронт и Русский Север // Защитники Отечества. Материалы XIII региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2003. С. 15–26; *Данков М.Ю.* Кто Вы комендор Ян Валронт? // «Кортик». Флот. История. Люди. СПб., 2010. № 11. С. 4–14; *Данков М.Ю.* Английский капитан Великого государя // История в подробностях. № 3. Сентябрь. М., 2010. С. 26–33.

[30] В исторической литературе бытует ошибочное наименование судов «Св. Дух» и «Курьер». В действительности, малые фрегаты назывались «Сошествие Святого Духа» [РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1702 г. Д. 74. Л. 1–2] и «Скорый гонец» [РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 21. Л. 140].

[31] *Кротков А.* Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 г. СПб., 1896. С. 112.

[32] *Елагин С.И.* История русского флота... С. 201.

[33] *Данков М.Ю.* «Осударева дорога» в контексте геополитики нового времени // Приневье до Петербурга. СПб., 2006. С. 89; *Данков М.Ю.* Архангельские фрегаты 1702 г. // Выборг и морская археология. Археологические изыскания. Вып. 45. СПб., 1997. С. 80.

[34] Исключение составляет любопытная «Челобитная поморов», обнаруженная историком П. Кротовым в РГАДА. См.: *Кротов П.А.* Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Европы. СПб., 2007. С. 288–303; *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года... 2011.

фрегатов в атаке Нотебурга в октябре 1702 года, их присутствие на Балтике исследователям до сих пор доподлинно не известно[35].

Кстати, о Памбурхе как о капитане одного из этих таинственных кораблей мы узнаём из царской депеши Ф.М. Апраксину от 5 июня 1702 года: «Два малые фрегаты спущены в Троицын день и пойдут скоро на море; имяна: один “Святаго Духа”, на нем Памбурх, другой “Куриер” на нем Вальронт»[36]. Однако, исходя из недавно обнаруженной «Росписи людям, которые шли на корабле царского величества “Сошествия Святаго Духа” под командою Яна Ванларда»[37], можно утверждать об ошибке государя. На самом деле капитан Питер фон Памбурх возглавил команду систершипа «Скорый гонец», розмерения[38] которого содержаться в «Росписи фригат кораблю что при бытности его царьского величества у Архангелского города заложен»[39].

Как бы там не было, летом 1702 года Пётр I в Архангельске решил организовать уникальный марш и транспортировать по землям Карелии пять батальонов Преображенского и Семёновского полков. Сухопутная трасса в Ингрию получила название «Осударева дорога». Путь от мыса Вардегорский на Белом море, до Повенецкого рядка на Онежском озере возводился гвардейцами М. Щепотевым, И. Мухановым, М. Волковым и А. Головкиным[40]. До места старта армейской экспедиции Пётр I добирался от устья Сев. Двины, через Б. Соловецкий остров на английской яхте «The Transport Royal»[41].

---

[35] *Данков М.Ю.* Об организации на «Осударевой дороге», таинственного волока «буяр» полковником М. Бордовиком в 1703 году // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб., 2004. С. 121–133.

[36] ПиБ. Т. II. 1889. С. 65.

[37] РГАДА. Ф. 158. Оп. 1, 1702 г. Д. 74. Л. 1–2.

[38] Длина малых фрегатов «Сошествие Святого Духа» и «Скорый гонец» равнялась 70 английским футам, ширина 18 футам, глубина интрюма 9 футов (21,3 х 5,5 х 2,7 м).

[39] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 12. Л. 611.

[40] РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 70. 1702. Л. 1–9. См. также: *Данков М.Ю.* Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Петровское время в лицах-2007. Труды ГЭ XXXVIII. СПб., 2007. С. 76–89; *Данков М.Ю.* Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Петровское время в лицах-2008. Труды ГЭ XLIII. СПб., 2008. С. 83–87; *Данков М.Ю.* Письма с Осударевой дороги // Чело. № 1. 2008. С. 26–35; *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года... 2011.

[41] *Данков М.Ю.* Карт-бланш царя на карельский поход 1702 года // Петровское время в лицах-2005. Труды ГЭ. СПб., 2005. С. 112–120; *Данков М.Ю.* «The Transport Royal» из Англицкой земли // Изучение памятников морской археологии. Вып. 6. СПб., 2009. С. 153–188; *Данков М.Ю.* «Корабль Царского Величества: Приключенческая судьба английской яхты «The Transport Royal» в России // «История в подробностях». М., 2011. № 7 (13) июль. С. 46–51.

Флотилия К. Крюйса, состоящая из 10 судов[42], включая малые фрегаты «Скорый гонец» с Памбурхом и «Сошествие Св. Духа» с Валронтом, 16 августа 1702 года взяла курс от Соловецкого архипелага к Вардегорскому мысу. Здесь по «Наказной памяти» и «Статьям для ведома» сержант М. Щепотев подготовил временное «корабельное пристанище»[43]. К вечеру этого дня государева эскадра добралась до о. Рислуда в Онежском заливе Белого моря и бросила якоря «в версте от Понаморева у Крестовой луды», что в пяти морских милях от монастырского Нюхоцкого усолья. Сразу же началась широкомасштабная военно-морская десантная операция, в которой приняли участие лейб-гвардейцы и 4000 человек свиты царя. Усталость, суматоха и, очевидно, изрядный алкоголь провоцировали недоразумения и ссоры. Один из скандалов завершился трагически[44]: от шпаги французского генерал-инженера Ламбер де Герэна[45] на карельском берегу погибает человек-скандал Питер фон Памбурх.

Любопытно, что царь и адмирал Ф. Головин могли оказаться невольными очевидцами кровавого поединка «не зело предосуди-

---

[42] *Беспятых Ю.Н.* Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 42; *Елагин С.И.* Утверждение России на Балтийском прибрежье // Морской сборник. 1866. № 1. С. 123. По другим сведениям в эскадру входило 13 судов. См.: ОРК НБРК. Инв. № 45614 р. 1790 гг. // Летописец Соловецкий. Рукопись. Л. 23; *Новиков Н.* О высочайших пришествиях Великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича... М., 1783. С. 96–97.

[43] Досифей. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. М., 1833. С. 98.

[44] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. I. СПб., 1863. С. 187; *Веселаго Ф.Ф.* Общий морской список... С. 299; затем *Беспятых Ю.Н.* Третье «пришествие» Петра I... С. 57, ошибочно указывают, что П. Памбурх погиб в сентябре 1702 года.

[45] Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн [Lambert de Guerin]. См.: *Беспятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005. С. 58, 205; *Данков М.Ю.* Баловень фортуны. О загадочной судьбе Ламбера де Герэна // Петровское время в лицах-2006. Труды ГЭ XXXII. Материалы научной конференции, посвящённой 25-летию открытия экспозиции Эрмитажа «Дворец Меншикова». Культура России первой трети XVIII века. СПб., 2006. С. 113–122; *Данков М.Ю.* Судьба фортификатора Ламбера де Герэна // Архиепископ Афанасий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья (конец XVII–XX вв.). Материалы III Афанасьевских чтений. Под общ. ред. Л.Д. Поповой. Архангельск, 2008. С. 121–135; *Данков М., Лапшов С.* Дуэлянт Осударевой дороги, или взлёт и падение генерал-инженера и кавалера Ламбера де Герэна // Рейтар. Военно-исторический журнал № 33 (9/2006). С. 17–27; *Данков М.Ю.* «Первоклассный офицер, дуэлянт, придворный шут, дезертир» в России // «История в подробностях» М., 2012. № 7 (13) июль. С. 46–51.

тельного» Памбурха, хотя в момент драки, скорее всего, находились на кораблях у о. Рислуда. Во всяком случае, о смертельном бое Пётр I с сарказмом сообщал «с реки Свири, в 10 день сентября 1702 году» Ф.М. Апраксину: «господин Памберх на пристани Нюхчи от генерал инженера Ламбера заколот до смерти, которой он сам был виною (о чем, чаю, Вам не безъизвестно)»[46].

Первая в истории новой России дуэль между иностранцами состоялась, несмотря на именной указ от 14 января 1702 года «О нечинении иноземцам никаких между собою ссор и поединков под смертною казнию»[47]. Закон появился незадолго до «беломорской» дуэли и указывал «Приезжим разных государств служилым иноземцам, как выших так и нижних чинов... под смертным страхом... ни за какие ссоры и недружбы на поединки с саблями и шпагами» не «ходить». Указ запрещал схватки, которые вызывали «напрасные смертные многие убийства» и предписывал, чтобы соперники даже «шпаг не вынимали б и устрастия и похвальбы между собою тем не чинили». В противном случае «кто впредь... учнет какие поединки заводить», или даже «кого чем поранит», то «будет смертная казнь без всякой милости».

Отметим, что царская кара всё-таки обошла стороной соперника Питера фон Памбурха. В начале XIX века историк Д.Н. Бантыш-Каменецкий отмечал: «по свидетельству бывших тогда в той компании почтенных особ» французский генерал, был «признан невинным». Государь, ограничился лишь выговором и «простил его»[48]. Вскоре Ламбер де Герэн возглавил инженерно-строительное обеспечение уникальной экспедиции в Карелии, а при осаде Нотебурга и Ниеншанца провёл шанцевые работы. За чертёж деревоземляной

---

[46] ПиБ. Т. II. 1889. С. 84.

[47] ПСЗ. Т. IV. 1700–1712. 1830. С. 175.

[48] *Бантыш-Каменецкий Д.Н.* Историческое собрание списков кавалерам четырёх российских императорских орденов; Св. апостола Андрея Первозванного, Св. великомученицы Екатерины, Св. благоверного Великого князя Александра Невского и Св. Анны, с самого учреждения оного до установления в 1797 году Орденского капитула; с приложением старых статутов первых двух орденов и ордена Св. Анны; с означением кончины некоторых кавалеров, и с присовокуплением, для удобнейшаго приискания, алфавита фамилиям упоминаемых здесь кавалеров, заимствованное из орденских и церемониальных дел, жалованных на чины и достоинства грамот, министерских реляций, С.-Петербургских и Московских ведомостей, а также и из других бумаг и книг, в Московском Коллегии иностранных дел архиве хранящихся, Дмитрием Бантыш-Каменским. М., 1814. С. 66–67.

Петропавловской крепости француз был удостоен ордена св. Андрея Первозванного[49].

Вместе с тем, ситуация, раскрывающая все обстоятельства дуэли Памбурха, осложнена таинственной утратой из РГАДА дела № 18 «Следствие о заколотом им (Ламбер де Герэном. — *М.Д.*) Голландском капитане Памбурхе»[50]. К сожалению, современное местонахождение подлинных свидетельств, способных раскрыть убийство неординарного «человека моря», нам неизвестно. По чьей инициативе материалы были изъяты сказать трудно[51]. В описи дела уцелела «помета» от 16 октября 1947 года о том, что уникальные листы «отсутствуют по ревизии 1938 года 16 X-47». В этом смысле, скорее всего, интригующий документ во времена Николая I могли передать «по высочайшему повелению» из Московского архива Коллегии иностранных дел в Санкт-Петербург для написания «Истории Петра Великого». Согласно «Реестра выездам старых лет...»[52] от 10 января 1836 года напротив списка отсутствующих «актов и дел» на полях описи имеется приписка карандашом «Представить его Величеству». Скорее всего, материалы шпажной дуэли Памбурха внимательно изучал сам император.

Представления о «беломорском» конфликте существенно расширяет малоизвестный памфлет первой половины XVIII столетия «Разговор между трёх приятелей сошедшихся в одном огороде,

---

[49] *Арнольди К.Н.* Авантюрист начала XVIII века. К истории приема иностранцев на русскую службу (Из семейного архива) // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Т. 167. Кн. VIII. 1916. С. 184; *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 2. СПб., 1861. С. 422, 427; *Данков М.Ю.* Балтийская идея России в начале XVIII столетия (О национальном стратегическом проекте 1702 года) // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб., 2007. С. 304–305.

[50] РГАДА. Ф. 150 (Дела о выезде иностранцев в Россию 1701 года). Оп. 1. Д. 18. Л. 159 об.

[51] Скорее всего, следы документов необходимо искать в РГВИА в бумагах К.В. Нессельроде, с 1816 г. управляющего иностранной коллегией Российской империи (Министерства иностранных дел). Во всяком случае, в РГВИА (Ф. 495. Оп. 1. Д. 86. 17 июля 1705 г. 4 ЛЛ.) обнаружено «Дело о выдаче жалованья инженерам-иностранцам генералу Ламберу и офицерам Брилю и Лагоцкому». Автор благодарит историка П.А. Авакова за предоставленную информацию о пропавшем архивном «Деле № 18».

[52] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 188.

а именно Менарда, Таландра и Варемунда»[53]. Анонимный автор описывает отплытие эскадры Крюйса «от Архангельской пристани» и подчёркивает, что капитан Памбурх с французом был «весьма приятельски и конфидентно трактован». Уже после поединка генерал «с присягою объявил» Памбурха зачинщиком ссоры, «понеже при том никого свидетелей не было». К тому же, якобы, «он Памбурх его нападением своим наглым с обнажённою шпагою принудил против себя обороняться». Утверждалось, что подвыпивший голландец «шпагу свою против... уставил», а затем «насувся прокололся»[54]. Однако, детали поморской трагедии 1702 года по-прежнему остаются затуманенными и не во всём понятными.

Дополнительные исторические сведения о заколотом моряке содержатся в «Записках из семейного архива», которые оформлены в виде сочинения «Авантюрист начала XVIII века»[55]. Материал повествует об офицере инженерных войск Бертране (Bertrand), чей жизненный путь повторяет карьеру его соперника Памбурха. Похоже, что автор, скрывающийся под псевдонимом К. Арнольди, в своём сочинении опирается на ныне «потерянные» документы «Дела № 18». «Записки» детализируют ситуацию 16 августа 1702 года, когда «Царское величество с транспорта перешёл на сухой путь»[56]. Получается, что скандал затеял Памбурх, пристав к Ламберу с вопросом: «Для чего ты с таким гунифотом помирился? Знатно такой же и ты гунифот»[57]. Речь шла о напряжённых отношениях с вице-адмиралом К. Крюйсом. Пререкаясь, «капитан корабля, успевший... хватить изрядную порцию голландской водки», будто бы продолжал метафорически оскорблять француза «Молчи... и рот свой держи! В моей воле, что я тебя в карман мой всуну»[58]. За Ламбера заступился врач Пётр Постников[59], но голландец мгновенно парировал: «Ты меня задираешь! Изволь со мной на шпагах биться»[60]. Вмешавшийся

---

[53] Разговор между трёх приятелей, сошедшихся в одном огороде, а именно: Менарда, Таландра и Варемунда // Русский вестник. 1841. Кн. 11–12. С. 303–360.

[54] Разговор между трёх приятелей, сошедшихся в одном огороде... С. 324.

[55] *Арнольди К.Н.* Указ. соч. С. 175–191.

[56] Там же. С. 180.

[57] Там же. С. 181.

[58] Там же.

[59] П.В. Постников, один из самых образованных людей петровского времени, 16 августа 1702 г. находился в составе царской свиты на Вардегорском мысу. См.: *Шмурло Е.* П.В. Постников. Несколько данных для его биографии // Учёные записки Императорского Юрьевского Университета. 1894. № 1. С. 43.

[60] *Арнольди К.Н.* Указ. соч. С. 181.

саксонский посланник Ф.Э. фон Кёниксек[61] урезонил «расходившегося» капитана: «Друг мой, покинь сие: ты ведаешь повеление нашего Государя... немного себе чести получишь, что с пьяным доктором биться станешь». Вскоре, отдав должное «Ивашке Хмельницкому», Памбурх вновь не выдержал: «Теперь ты за вице-адмирала и за Постникова стой и отведай голландца... вынимай шпагу или я тебя заколю» и через мгновение: «Боронись сколько можешь». Поединок, начавшийся по глупости, завершился мгновенно: «Шпага... пробила кафтан, грудь, сердце Памбурга», и «бедный капитан грянулся на землю, не издав ни звука»[62]. О трагедии Ламбер доложил генерал-майору Семёновского полка И.И. Чамберсу[63] и сдал шпагу. При осмотре места драки голландца «нашли успяща на спине, шпага у него в руке на голо». В свою очередь, И. Чамберс сообщил Ф. Головину: «И ево, Памбурга, погреб, а животы его послал переписать Керхена, да с ним полкового писаря Григория Рубцова»[64].

Между тем, для историков представляет интерес «Подлинная роспись» оставшихся личных вещей Памбурха «за закрепою стольника двинского воеводы Василия Ржевского». На примере имущества капитана можно составить представление о зажиточности иноземцев, вступивших в «государево служение». «Роспись» сообщает о содержании двух сундуков «неистового» голландца. В первом, на французском красном кафтане хранилась «персона Государева золотая», шпага «черен серебряной». А также два французских кафтана, один «дикого цвету» подбитый «чёрным сукном», другой лазоревый «петли золото с серебром». Здесь же были камзол и штаны «атлас белой, травы золотые», камзол подбитый «белою тафтою». В другом сундуке был обнаружен атласный мешок, который «шит золотом и серебром», а в нём «6 золотых двойных, да одинаких 140 золотых, 1/4 ефимка серебряного, 348 рублев». О европейской начитанности и культуре Памбурха свидетельствуют «14 книг морских, 11 тетрадей с листовым золотом», а также «7 скатертей столовых, 20 полотенец ручных столовых, 3 простыни, 5 платков немецкого полотна... 8 пар манжет»[65].

Что касается места захоронения легендарного капитана, то оно по-прежнему неизвестно. Возмодно, его тело покоится на Варде-

---

[61] Фридерик Эрнст фон Кёниксек, саксонский и польский посланник, отличился при взятии Нотебурга. См.: РГАДА. Ф. 158. Ед. хр. 143. 1702.

[62] *Арнольди К.Н.* Указ. соч. С. 182–183.

[63] Чамберс (Чемберс) Иван Иванович (умер после 1713), на русской службе с 1689 г., с 1701 г. генерал-майор Семёновского полка. См.: Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. III. СПб.; Щёлково, 2006. С. 250.

[64] *Арнольди К.Н.* Указ. соч. С. 183–184.

горском мысу. Вспомним, что Чамберс сообщал: «ево, Памбурга, погреб». Участники научно-исследовательского проекта «Осударева дорога» (Петрозаводск) в ходе разведочных археологических работ в 1993/1999 годах безуспешно пытались определить участок возможного захоронения «флото капитана»[66].

Вместе с тем, тело голландца могло быть в августе 1702 года транспортировано в Архангельск его недругом К. Крюйсом. «Двинский летописец» сообщал о возврате «на тех же кораблях» части войск, которые затем «зимовали в Новодвинской крепости»[67]. Тогда же дьяк Посольского приказа М. Родостамов подтвердил благополучное возвращение флотилии Крюйса: «А он... в устье со всеми кораблями пришёл сего августа 26 числа»[68].

Но и в Архангельске последнее пристанище голландского моряка не выявлено, хотя немецкое кладбище вместе с «гамбургским» приходом, где он мог быть погребён, относится к концу XVII столетия[69]. В год основания Санкт-Петербурга вдова капитана Питера фон Памбурха обратилась к адмиралу Ф.А. Головину с просьбой «исходатайствовать у Государя милость делам ее»[70], но обращение осталось без ответа.

Подводя итог завораживающей биографии героя, признаемся, что Россия бездарно потеряла на берегу Белого моря яркого и талантливого «мореходца» петровской эпохи, который, несмотря на несдержанность и авантюризм, стремился ревностно служить России...

---

[65] Там же. С. 183–184.

[66] *Сорокин П.Е.* Отчёт о проведении археологических исследований в районе мыса Вардыгора (так в отчёте. — *М.Д.*) на Белом море в 1999 году // Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–21.

[67] ПСРЛ. Холмогорская летопись. Двинский летописец. М., 1977. Т. 33. С. 201.

[68] *Елагин С.И.* История русского флота... С. 253–254.

[69] *Шумилов Н.А.* Немецкие захоронения на лютеранском кладбище Архангельска // Немцы и Русский Север: Сборник статей. М., 2000. С. 212.

[70] РГАДА. Ф. 161. Оп. 1, 1703 г. Д. 291. Л. 150.

Таблица. *Корабельные ферфи города Архангельска и Архангельской губернии, строившие торговые суда для голландских купцов в XVIII веке*

№ п/п	Фамилия купца	Тип судна	Размерения	Грузоподъ-ёмность	Год постр ойки	Строитель	Продажа судна голландским купцам	Стоимость проданного судна	Флаг, под которым судно вышло в море
Вавчугская корабельная верфь									
1.	Евреинов Даниил	галиот		80 ласт		Осип Баженин	В 1725 продан Гермезгезену	800 руб.	
2.	Меэр (Мейер) Еремей	корабль		200 ласт	1727	Никифор Баженин			1727, голланд.
3.	Меэр Еремей	корабль «Де ю фра Сюзана»	137х31х21 (гол)	167 ласт	1728	Никифор Баженин (?)			1728, голланд.
4.	Меэр Еремей	корабль «Де юнге Ян»			1729	Никифор Баженин			1729, голланд.
5.	Меэр Еремей	корабль «Де юнге Анна»			1729	Никифор Баженин			1729, голланд.
6.		флейт «Де ю фрау Магдалена»	132х35 х13ф.10д. (гол)	300	1758	Кирилл и Иван Никифоровичи Баженины	В 1758 продан Якову Пулю		1758, голланд.
7.	фан Брин Родион	«Аршидюк Леопольдус»			1777				1777, под Ост-Индским флагом
8.	фан Брин Родион	«Принц фон Старемберг»			1777				1777, под Ост-Индским флагом
9.	фан Брин Родион	«Аршидюк Максимилиан»			1778				1778, под Ост-Индским флагом
10.	фан Брин Родион	«Гольдернис»			1779				1779, под англ. флагом
11.	фан Брин Родион	«Кепель»			1779				1778, под англ. флагом
12.		«Де Джор»			1780		куплен Родионом фан Брином	12 000 руб.	1780, под англ. флагом

Таблица (*продолжение*)

13.		«Де Вилиан»			1780		куплен Родионом фан Брином	14 000 руб.	1780, под англ. флагом
14.		«Де Минерва»			1780		куплен Родионом фан Брином	16 000 руб.	1780, под англ. флагом
15.		«Санкт Ян»			1780		куплен Родионом фан Брином	3000 руб.	1780, под англ. флагом
16.		«Де фрау Елизабет»			1781		куплен Родионом фан Брином	12 156 руб.	1781, под гамбург. флагом
17.		«Медний»			1782		куплен Родионом фан Брином	15 500 руб.	1781, под англ. флагом
18.		«Де Фаворит»			1782		куплен Родионом фан Брином	13 500 руб.	1781, под англ. флагом
19.		«Де Мерий»			1782		куплен Родионом фан Брином	17 500 руб.	1781, под англ. флагом
Быковская (Крыловская) корабельная верфь									
1.		«Де Фем»			1781		куплен Кордесом Кинциусом и Классоном	10 000 руб.	1781, под англ. флагом
Корабельная верфь Дьякова, в Подпорогской волости									
1.		«Де Лондон»			1781		куплен Кордесом Кинциусом и Классоном	1935 руб.	1781, под англ. флагом
2.		«Гренок»			1781		куплен Родионом фан Брином	1575 руб.	1781, под англ. флагом

Таблица (*окончание*)

Корабельная верфь Наледина, в Пинежском уезде									
1.		«Меркуриус»			1782		куплен Родионом фан Брином	13 500 руб.	1782, под англ. флагом
Корабельная верфь Митрофанова, в Тотемском уезде									
1.		«Иоганна»			1783		куплен Родионом фан Брином	13 500 руб.	1783, под гамбург. флагом
Маймаксанская корабельная верфь А.С. Голубина									
1.		«Трантон»			1783		куплен Родионом фан Брином	15 000 руб.	1783, под англ. флагом
2.		«Эотер»			1783		куплен Родионом фан Брином	13 500 руб.	1783, под англ. флагом
3.		«Ланграндж»			1783		куплен Родионом фан Брином	13 000 руб.	1783, под англ. флагом

А.В. Крайковский
(Санкт-Петербург)

«Как спущенный корабль» — планы переноса нидерландских технологий морского промысла и идеи европеизации России при Петре I

Статья является частью проекта по изучению истории правительственных планов модернизации и европеизации русской системы эксплуатации морских природных ресурсов в XVIII веке. Работа была поддержана Нидерландским Институтом Высших исследований (NIAS Visiting fellowship 2012) и Национальным Морским музеем Амстердама (Het Scheepvaartmuseum), предоставившем при помощи морского фонда OHR (Mr. Peter Rogaar Fellowship 2013) возможность поиска в своих хранилищах. Без неоценимого участия этих институций проект не мог бы развиваться.

Знаменитая цитата из А.С. Пушкина, вынесенная в заголовок настоящей статьи, очень точно передаёт суть событий, попавших в фокус моего исследования. Процесс модернизации и превращения России в одну из ведущих европейских стран теснейшим образом связан со стремлением к статусу морской державы. Само по себе это соображение никак не является оригинальным, существует значительная литература, анализирующая важное место моря в замыслах и действиях Петра по реформированию России[1]. Однако следует отметить, что эта тема по преимуществу рассматривалась через при-

[1] Обстоятельный анализ темы «Пётр и море» см.: *Беспятых Ю.Н.* Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб., 2010. С. 50–101.

зму строительства военного флота и развития морской торговли. Огромная отрасль деятельности, связывающей человека с морем, а именно сфера эксплуатации морских природных ресурсов, оставалась за пределами внимания исследователей. Между тем есть все основания утверждать, что в этой области замыслы Петра были грандиозны и запланированные мероприятия (как осуществленные, так и оставшиеся на бумаге) должны были в корне изменить всю сложившуюся за предшествующие века систему взаимодействия русских людей с морем[2].

Вкратце описывая эти замыслы и мероприятия, можно сказать, что они в целом сводились к развитию китобойного промысла в северных морях[3], внедрению на территории России европейских, в первую очередь — голландских приёмов засола сельди[4] а также к замене

[2] Допетровская история мореходства и морепользования в настоящее время изучается довольно активно. Можно выделить работы по истории традиционного судостроения, в особенности касающиеся конструкции коча (напр.: *Вершинин Е.В.* Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 87–131; *Наймарк М., Кухтерин С., Филин П.* Реконструкция коча XVII в. // Соловецкое море. 2013. С. 8–22; *Черносвитов П.Ю.* Опыт реконструкции поморского грумантского коча по археологическим материалам Шпицбергена // Архипелаг Шпицберген в исторических исследованиях. М., 2006); Изучается и история рыболовства, до сего момента в значительной мере ждущая своего исследователя (напр., см.: *Дубман Э.Л.* Рыболовецкие промыслы юго-востока европейской России в конце XVI – начале XVIII века // Российская история. № 3. М., 2012. С. 128–138); *Кауфман Ю.Б.* Развитие рыболовного промысла в Кузнецком уезде на рубеже XVII–XVIII вв. // Кузнецкая старина. Вып. 9. Новокузнецк, 2007. С. 32–40; *Куманцов М.И.* Возникновение и развитие рыболовства Северного Причерноморья. Часть 1 (от древности до начала XX в.). М., 2011 («Рыбный промысел казаков Донских, Запорожских, Кубанских в Северном Причерноморье в XV–XVIII вв.». С. 110–127); «Море — наше поле»: Количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей, XVII – начало XX в. / Под общ. ред. Ю.А. Лайус, Д.Л. Лайус // Материалы к экологической истории Русского Севера. Вып. 1. СПб., 2010; *Lajus J., Kraikovski A.* and *Yurchenko A.* Sea Fisheries in the Russian North. C. 1400–1850 // David J Starkey, Jon Th Thor & Ingo Heidbrink (eds.). A History of the North Atlantic Fisheries: Vol. 1. From Early Times to the mid-Nineteenth Century. Bremerhaven: Deutsches Schiffahrtsmuseum 2009: 41–64; *Lajus J., Kraikovski A., Lajus D.* (2013) Coastal Fisheries in the Eastern Baltic Sea (Gulf of Finland) and Its Basin from the 15 to the Early 20th Centuries. PLOS ONE 8(10): e77059. doi:10.1371/journal.pone.0077059.

[3] Мероприятия Петра и его последователей в этой области добросовестно описаны Э. Веберманом ок. 100 лет назад в студенческой работе (см.: *Веберман Э.* Китобойный промысел в России. Известия Московского коммерческого института. Коммерческо-техническое отделение. М., 1914. Кн. 2). Следует признать, однако, что анализ событий в работе весьма поверхностный и в настоящий момент

традиционных русских конструкций судов на европейские, преимущественно голландские[5]. Успех всех трёх начинаний весьма сомнителен, но анализ причин этого не входит в задачи данной статьи. Вместо этого будет сделана попытка рассмотреть, хотя бы гипотетически, как формировались идеи и представления, составившие основу проектов преобразования русской системы морепользования за счёт массированного переноса европейских, в первую очередь нидерландских технологий.

Не опасаясь ошибиться, можно утверждать, что подавляющее большинство представлений Петра о Европе, в том числе и тех, что легли в основу переустройства морского хозяйства России «на европейский лад», восходят к Великому Посольству 1697–1698 годов. Можно только согласиться с тем, что среди целей этого внешнеполитического мероприятия «знакомство царя с Европой, обучение и удовлетворение любопытства первичны по отношению к дипломатическим целям, которые сильно менялись в зависимости от обстановки»[6], и сама поездка превратилась в «информационно-технический силовой прорыв, осуществляемый по дипломатическим каналам под личным руководством царя»[7]. Но для целей настоящей статьи необходимо углубиться в детали, чтобы попытаться выделить среди многочисленных европейских, в первую очередь голландских впечатлений Петра те, что привели его к заинтересовавшим нас решениям. Особое внимание к Нидерландам как источнику заимствований имеет две причины. Одна из них — несомненное технологическое лидерство Голландии на протяжении всего XVII века в сочетании со сравнительной открытостью жителей, привыкших за предшествующее столе-

можно использовать, главным образом, опубликованные в тексте работы документы. См. также: *Kraikovski A.* The governmental projects of the whaling development in the 18th c. Russia. In Ringstad J. E. (ed.) Whaling and History III. Sandefjord 2010.

[4] Коротко об этом см.: Kraikovski A. Lajus J. The adventures of Portuguese salt in Russia from the 17th to the 20th centuries. I Seminario Internacional sobre o sal portugues. Porto: Instituto de Historia Moderna da Universidade do Porto, 2005. P. 278–285.

[5] Лучше всего данная проблематика изучена на материалах Русского Севера (см.: *Брызгалов В.В.* Строительство западноевропейских судов в Поморье (первая половина XVIII в.) // Нидерланды и Северная Россия: Сборник научных статей / Под ред. Ю.Н. Беспятых, Я.В. Велувенкампа, Л.Д. Поповой. СПб., 2003. С. 235–249), хотя проект реализовывался гораздо шире и имел общероссийский размах.

[6] *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое Посольство: Рубеж эпох или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 58.

[7] Там же. С. 334–335.

тие видеть у себя в стране множество приехавших за знаниями иностранцев[8]. Вторая причина заключается в графике путешествия. Великое Посольство прибыло в Голландию в конце лета и застало осень — время прибытия промысловых кораблей с добычей. В Англию же, другую великую морскую державу, царь прибыл зимой и прожил до ранней весны — не лучшее время для знакомства с морскими промыслами, замершими на период межсезонья.

К сожалению, в отличие от П.А. Толстого, чьи записки служат прекрасным источником для изучения эмоций и впечатлений образованного московита при встрече с Европой, в том числе и с европейской системой мореплавания[9], Пётр I ничего о своих ощущениях не записывал, и нам придётся их реконструировать. Рассуждая о специфике восприятия Петром европейских реалий, следует учитывать некоторые особенности его психического склада. Интересный материал для наблюдений предоставляют, в частности, записки голландского купца Я.К. Номена. Описывая действия Петра, он постоянно упоминает ключевые глаголы «смотреть» и «видеть». «Его царское величество **осматривал** с большим вниманием корабельные верфи и лесопильные мельницы и, между прочим, отправился на мельницу под названием De Kok (Повар), чтобы **видеть**, как изготовляется белая бумага... Он **осматривал** всё очень подробно и спрашивал об устройстве отдельных частей»[10]; «Подъезжая к мельнице для шлифовки камней, он спросил: «что это за мельница?» Получив объяснение, он сказал: «это я хочу **видеть**»»[11]; «На Гарлемской дороге он увидел маленькую водяную мельницу, спросил: «что это такое,» и, выслушав объяснение, сказал: “я хочу её **осмотреть**”»[12]; «... они проезжали мимо большого, прекрасно устроенного имения... Он сказал: «я хочу ... **осмотреть**»... Царь **осмотрел** постройки и усадьбу и затем поехали дальше... При спуске на паром коляска получила толчок, вследствие

---

[8] См. об этом подробнее: *Davids K.* The Rise and Decline of Dutch Technological Leadership: Technology, Economy and Culture in the Netherlands, 1350–1800. Leiden: Brill, 2008.

[9] Отметим, например, его нескрываемое изумление тем фактом, что из Местры в Венецию и обратно морем на судах постоянно перемещаются множество не только мужчин, но и «женска полу и девиц» (*Толстой П.А.* Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. М., 1992. С. 50).

[10] *Номен Я.К.* Записки Я.К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. / Перевод, введение и примечание В. Корта. Киев, 1904. С. 24–25.

[11] Там же. С. 51.

[12] Там же. С. 52.

чего он спросил: «это что такое?» Когда ему объяснили, что это переправа, он сказал: “это я хочу **посмотреть**”»[13] (жирный шрифт мой. — *А.К.*). Перед нами предстает человек, воспринимающий мир в первую очередь глазами, опираясь на зрительные впечатления. Отметим, что Пётр был, в общем, склонен к техническому взгляду на мир, а мышление таких людей, по мнению, например, А. Пэйси, по преимуществу визуально[14]. Таким образом, ключом к решению нашей задачи может стать реконструкция зрительных впечатлений Петра во время Великого Посольства. Прежде всего нас интересуют те, которые так или иначе связаны с морскими промыслами и, шире говоря, — с взаимодействием европейского общества с морем. Разумеется, письменных источников для такой работы недостаточно, и нам предстоит привлечь изобразительные материалы. К счастью, в нашем распоряжении их достаточно. Как заметил Майкл Норт, «Голландская республика была уникальна... по миллионам произведенных здесь картин»[15], значительная часть этого живописного и графического богатства непосредственно относится к нашей теме.

Источники содержат сведения только об одном прямом контакте Петра с европейской системой морских промыслов. 18/28 сентября 1697 года «царь ездил на о. Тексель (правильнее Тессель. — *А.К.*) в Северном море у входа в Зёйдер-Зее, где присутствовал при возвращении части китобойного флота с богатейшим уловом (112 судов поймали в том году 1197 китов, давших 39 484 бочки жиру). Обследовал суда, несмотря на обычную для них грязь, расспрашивал подробно про китобойный промысел»[16]. Речь идёт о возвращении китобоев со Шпицбергена. Записки Я.К. Номена содержат яркие детали, которые позволяют лучше представить себе впечатление Петра, испытываемые им эмоции. «28-го числа, когда царь был на о. Тесселе и в Гельдере, **прибыли с Божьей помощью благополучно корабли из Гренландии** (со Шпицбергена. — *А.К.*) **с хорошим уловом**; большая часть из них вошла во Фли, а остальные в Тессель. Дул сильный северо-западный ветер, и, говорят, что с кораблями легко могло бы случиться

[13] Там же. С. 52–53.

[14] См.: *Pacey A.* Meaning in Technology. Cambridge: Mass. MIT Press, 2001. P. 40–57; Следует заметить, что визуальное восприятие вообще играло особую роль в культуре России XVIII в. (см.: *Levitt, Marcus C.* The visual dominant in eighteenth-century Russia. DeKalb. Nothern Illinois University Press, 2011).

[15] *North M.* Art and Commerce in the Dutch Golden Age. Yale University Press, 1997. P. 107.

[16] *Гузевич Д., Гузевич И.* Указ. соч. С. 201.

А. Сторк. Китобойный промысел у берегов Шпицбергена, 1690.
Het Scheepvaartmuseum, Амстердам

На картине видно китобойное судно с открытой верхней палубой, пригодной для разделки туш китов. Правее на берегу видна база китобоев, где в котле топится китовый жир, рядом приготовлены бочонки для ворвани

несчастье, если бы они пришли тремя часами позже, так как тогда прилив как раз уж кончился бы. **Его царское величество наблюдал с удивлением и удовольствием, как корабли в такую бурю входили в Тессель**. Благодаря прибыли воды, многие из этих кораблей пришли, не останавливаясь, из Тесселя и Фли с полным грузом сюда в Керкрак и Форзан, где причалились к верфям и остались зимовать, **к удивлению зандамских жителей, так как никто не запомнил, чтобы это прежде случалось когда-либо**»[17] (жирный шрифт мой. — *А.К.*).

Перед нами чрезвычайно живописная картина, многое объясняющая в дальнейших поступках Петра. Сам он в письме к А. Виниусу от 14 октября 1697 г. сообщал дополнительные подробности, придающие ситуации ещё больший драматизм: «Здесь (в Голландии. — *А.К.*) зело тужат, что Остинский (из Юго-Восточной Азии. — *А.К.*) флот ещё не бывал, также Страцкой (из Девисова пролива. — *А.К.*) и Вестинской (из Карибского моря. — *А.К.*); а из Грунландт (со Шпиц-

[17] *Номен Я.К.* Указ. соч. С. 48.

бергена. — *А.К.*) и из Остзеи (с Балтики. — *А.К.*) пришли в целости. Здеся зело великия бури были, от которых в розна времена шесть воинских кораблей пропало у Тесели и у Фли совсем; да и адмиральского машты все ссекли, и доныне ещё в Тессель не вошёл»[18]. Эффектное появление китобойного флота в такую бурю, его уверенное маневрирование в сложнейших погодных условиях и благополучный вход в гавань должны были произвести на царя сильное впечатление и настроить его на позитивное восприятие всего, что связано с китобоями.

Попытаемся представить себе то, что Пётр увидел на борту и реконструировать его впечатления. Картины А. Сторка «Китобойный промысел у берегов Шпицбергена», написанная ок. 1690 года, и «Китобойный промысел в Северном Ледовитом океане» (ок. 1700 года), ныне хранящиеся в Het Scheepvaartmuseum, позволяют нам судить о зрелище, ожидавшем Петра на Тесселе[19]. Китобойные суда, как видно на картинах, имели значительные размеры, причём это впечатление усиливалось за счёт широких верхних палуб — их главной конструктивной особенности[20]. Мощное парусное вооружение (на картинах А. Сторка каждое китобойное судно имеет по два больших прямых паруса на фок- и грот-мачтах, косую бизань и блинд; в глубине каждой картины корабль, идущий под парусами, даёт возможность представить себе всё оснащение в действии) позволяло трёхмачтовым громадинам уверенно держаться при самых сильных ветрах. Следует учитывать, что манёвры большой группы судов (а гренландский флот был многочисленным и сопровождался конвоем) при сильном ветре чреваты угрозой столкновений в сравнительно узких фарватерах при входе в гавань. Теперь становится понятно «удивление и удовольствие», которое испытал царь — он был впечатлён как уровнем технологий, так и мастерством матросов и шкиперов.

На борту Петра встретили китобои — настоящие морские волки. На картинах А. Сторка они представлены крепкими и плечистыми, в характерной морской одежде, которую и сам Пётр очень любил носить[21]. Что касается грязи на корабле, то вряд ли она могла сильно впечатлить московита, имевшего среди прочего опыт военных походов, чего не

[18] ПиБ. Т. 1. СПб. 1887. С. 203.

[19] Het Scheepvaartmuseum (далее HSM), фонд живописи № 2010.2102. А. 0014.

[20] Подробнее о конструкции китобойных судов см.: *Schokkenbroek Joost C.A.* Trying-out. An Anatomy of Dutch Whaling and Sealing in the Nineteenth century, 1815–1885. Amsterdam, 2008. P. 29–33.

[21] См. напр.: *Гузевич Д., Гузевич И.* Указ. соч. С. 166.

скажешь о запахе. Ворвань пахнет сильно и неприятно, и спуск в трюм наверняка потребовал решимости и большой заинтересованности.

В трюме царю представились ряды огромных 120-литровых бочек. А. Сторк изобразил их на заднем плане одной из своих картин — каждая размером почти в человеческий рост[22]. Если верить сообщениям о размере добычи, то на борту их было ок. 350–400, т.е. речь идёт о десятках тонн пахучего продукта. Ворвань была востребованным товаром, и китобои встретили царя в хорошем настроении. В ближайшую зиму они, вероятно, были избавлены от поисков заработка, позволявшего перебиться до следующего сезона, который начинался в марте. В менее успешные годы им было гораздо труднее[23].

Все источники подчёркивают, что флот вернулся с огромным уловом после на редкость удачного сезона. Это действительно был исключительный результат: китобойный промысел Нидерландов уже миновал лучшие времена и медленно двигался к закату. «Размер добычи колебался от года к году, но в целом явно снижался в период между 1680-ми и 1720-ми годами. Если до 1680-х годов китобои могли рассчитывать на добычу от 200 до 300 бочек ворвани на корабль, после резкого снижения в 1690-х годах добыча могла достигать 200 бочек на судно в 1710-х, а после этого средняя добыча снова заметно падает. В 1720-х и 1730-х годах, и позже, после 1755 года, китобои чувствовали себя счастливчиками, если возвращались домой со 100 бочками ворвани на борту. Результаты, которые в XVII веке рассматривались как плохие, были нормальными и даже хорошими в XVIII»[24]. Но подробные сведения вряд ли интересовали русского царя — ведь он своими глазами видел огромные (и довольно эффектно украшенные) корабли, умелых матросов и капитанов, полные трюмы и богатую добычу. Именно эти визуальные впечатления, вероятнее всего, легли в основу упорного стремления развивать российский китобойный промысел, не считаясь с препятствиями и издержками.

То же упорство и предприимчивость проявлял царь и в стремлении внедрить в России голландский засол сельди. Отметим, что в Республике Соединённых Провинций рыболовство, как морское,

---

[22] HSM. № 2010.2102.

[23] См.: *Schokkenbroek Joost C.A.* Op. cit. P. 35.

[24] *de Vries J., van der Woude A.* The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815. Cambridge Univ. Press, 1997. P. 263.

так и пресноводное, было чрезвычайно развито и являлось «важным сектором региональной экономики, производившим продукцию, которая занимала на протяжении двух веков ведущее место в экспорте Северных Нидерландов»[25], но внимание Петра привлекла именно сельдь. Это не удивительно. С одной стороны, пресноводное рыболовство было ему неплохо знакомо и в родной стране, где самая большая в мире речная сеть поставляла огромное количество лососевых и осетровых, не говоря уже о менее ценной рыбе. Отметим, что и визуально нидерландский рыбный рынок не представлял собой ничего особенно примечательного. Так, на гравюре Питера Бута из собрания Национального Морского музея Амстердама перед нами довольно невзрачные рыбаки, продающие свой улов на пляже в Схевенингене[26]. Вероятно, с поправкой на породы рыб, примерно так же эта картина выглядела и в России, и увлечься Петру тут было решительно нечем.

С другой стороны — в XVII столетии нидерландские промышленники добились «значимости и доминирования»[27] в международном лове сельди на просторах открытого Северного моря, получившем название «Великое рыболовство». Этот промысел «всегда отличали от прибрежного лова менее ценных видов сельди, непригодных для международной торговли»[28]. Он являлся одним из столпов экономического процветания Нидерландов.

Именно продукция «Великого рыболовства» — особым образом засоленная жирная сельдь Северного моря[29] стала одним из любимых блюд Петра[30]. Обращает на себя внимание то, что в своих попытках переноса технологии царь не намеревался заимствовать её целиком. Так, нигде не встречается сведений о попытке строительства в России буссов — судов особой конструкции, специально пред-

---

[25] Ibid. P. 235.

[26] HSM. A.4496(a). См. также, напр.: *Barnes D.R., Spruit R.* Food for Thought. Food and drink in seventeenth-century Dutch art and life. Westfries museum. Peter Sasburg, 2010. P. 59–60.

[27] *Poulsen B.* Dutch herring: An environmental history, c. 1600–1860. Amsterdam: Amsterdam University Press B.V., 2008. P. 40.

[28] *de Vries J., van der Woude A.* Op. cit. P. 243.

[29] Детальное описание технологии см. напр: *Unger R.W.* Dutch Herring, Technology, and International Trade in the Seventeenth Century. The Journal of Economic History. Vol. 40. No. 2 (Jun., 1980). P. 253–280.

[30] В делах Кабинета Петра I сохранились многочисленные письма с требованием прислать сельдей, причём определённого качества. См. напр.: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 109 об.; Д. 4. Л. 63 об., 86; Д. 7. Л. 47.

назначенных для лова сельди и игравших огромную роль в успехах голландских рыбаков[31]. Пётр пытался внедрить в России только гукоры, также применявшиеся в сельдяном промысле, но куда более универсальные суда. Планы царя, собственно, сводились к обучению русских промышленников приёмам разделки и засола рыбы в бочках. Вероятно, эту часть технологии ему довелось **видеть**, в то время как осматривать буссы, а тем более наблюдать за промыслом в открытом море ему не пришлось.

Визуальных материалов, связанных с сельдью, довольно много, поскольку экономическое значение делало её частым объектом внимания голландских живописцев[32]. Не только рыба, но и действия ловцов сельди привлекали немало внимания. Так, изобразительные источники позволяют утверждать, что отход сельдяных буссов на промысел и их возвращение в гавань служили поводом к сбору большой толпы ярко одетых горожан[33].

Гравюра «Лов сельди» работы Й. Плаггера и Й. Номана из коллекции Морского музея Амстердама[34] помогает восстановить зрительные впечатления времён Великого Посольства, которые легли в основу решений царя в области промысла сельди. Изображение состоит из 12 частей, последовательно отражающих различные стадии промысла. Подготовка сетей, лов сельди и её первичная обработка в открытом море, как уже было сказано, вряд ли были предметом наблюдений царя в Нидерландах. Скорее всего, он наблюдал сцены в порту, где рыбаки, прибыв с промысла, перепаковывали сельдь, чтобы гарантировать её качество[35]. На гравюре перед нами оживлённая сцена на набережной, способная заинтересовать жадного до впечатлений царя. Гравюра А. ванн дер Лана, запечатлевшая перепаковку сельди в 1705 году,[36] позволяет рассмотреть больше деталей. На переднем плане рыбаки в рабочей одежде вынимают селедки из открытых бочек, перебирают их, отбраковывая испорченные. Эту стадию обработки сельди, последнюю перед отправкой на рынок, наблюдает хорошо одетый господин, то ли расспрашивающий о

[31] См. *Unger R.W.* Op. cit. P. 259.

[32] Подробнее об этом см.: *Hochstrasser J.B.* Still Life and Trade in the Dutch Golden Age. New Haven, CT: Yale. University Press, 2007. P. 34–50.

[33] См., напр., оживлённую и яркую акварель Йоханнеса Свертнера «Отправка сельдяных буссов на промысел из Флаардингена» (HSM. A.0085(05)01).

[34] HSM. A.6300.

[35] Ibid. См. также: *Poulsen B.* Op. cit. P. 73.

[36] Ibid.

А. Сторк. Потешное морское сражение на Эй в честь визита Царя России Петра Великого, 1700. Het Scheepvaartmuseum, Амстердам.

На переднем плане два небольших судна несут на мачтах голландские вымпелы, но кормовые флаги украшены российским двуглавым орлом. Можно предположить, что больший из кораблей несёт на борту самого царя. Среди публики на берегу отчётливо видны люди в русской одежде, вероятнее всего – члены Великого Посольства

чём-то промысловиков, то ли дающий им указания. Вероятно, именно так ознакомился с процессом производства знаменитой голландской сельди и Пётр.

Зрительные впечатления, лёгшие в основу попыток преобразования промыслового судостроения, требуют ввиду необъятности темы отдельного изучения. Пётр очень много передвигался в Нидерландах по воде как на маленьких лодочках, так и на больших кораблях, по каналам, по реке Рейну и по морским заливам Эй и Зёйдер-Зее. Материал для реконструкции его впечатлений огромен. Только в Морском музее Амстердама сохранилось около 20 работ Адама Сило и около 50 картин и рисунков Абрахама Сторка (если говорить только об этих двух художниках, современниках Петра), позволяющих судить о зрительных впечатлениях от различных типов голландских судов, бороздивших нидерландские воды во времена Великого Посольства.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим только работу А. Сторка, посвящённую потешной морской баталии, устроенной в честь русского царя властями Амстердама 22 августа/1 сентября

1697[37]. В этом показательном сражении участвовали «27 береговых орудий и более 40 яхт, не считая частных судов с более чем сотней добровольцев. Пётр командовал одной из яхт»[38]. Именно её мы и видим на картине А. Сторка чуть левее центра — небольшое судно, украшенное царским штандартом с двуглавым орлом. На заднем плане видны башни Амстердама, следовательно, события разворачиваются у северного берега залива Эй, где собралась пёстрая толпа как голландцев, так и московитов. Сражение происходит при свежем ветре, но волнение умеренное[39]. Перед нами оживлённая свалка судов, опасно маневрирующих на минимальных дистанциях. Шверцы опущены для предотвращения бокового сноса, что говорит о свежем ветре и необходимости резко менять галсы. Зрительно эта картина оставляет впечатление высокой надежности и маневренности голландских судов, даже самых небольших, их способности легко покорять водную стихию, не опасаясь её коварства. Неудивительно, что внедрение в России европейских типов кораблей обосновывалось в указах соображениями безопасности плавания, тогда как перевозка на русских судах рассматривалась, как грозящая «гибелью и страхом»[40].

Подводя итоги, следует отметить, что привлечение изобразительных материалов для реконструкции зрительных впечатлений Петра во время Великого Посольства позволит лучше понять механизмы принятия им решений, касающихся европеизации России. Опираясь на результаты своих наблюдений, он, как кажется, пытался буквально воспроизвести увиденное в Европе, не всегда глубоко вдаваясь в разницу между обликом и сутью явлений. Для него «выглядеть как Европа» в значительной мере и означало быть Европой. При столкновении с реалиями, не подчинявшимися царской воле (как, например, радикальные различия в природных условиях Северного моря и морей, прилегающих к берегам России) подобный подход не мог не вызывать определённых проблем.

[37] HSM. A.0280.

[38] *Гузевич Д., Гузевич И.* Указ. соч. С. 201.

[39] Любопытно, что эти наблюдения подтверждают и другие изображения этого события — напр. картина А. Сило (ГЭ).

[40] ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. № 2841. С. 123.

Т.П. Мазур
(Санкт-Петербург)

Моряки из Нидерландов и их потомки на службе в Российском военно-морском флоте

Обладавшая огромными природными богатствами Россия в конце XVII века на момент вступления на престол великого преобразователя страны царя Пётр I в экономическом развитии значительно отставала от передовых стран Западной Европы, задыхаясь в континентальной блокаде. Оторванность от морей затрудняла торговые и культурные связи с другими странами.

Молодой царь Пётр ставит перед собой цель — превратить Россию в могучее европейское государство, в имеющую выход на просторы мирового океана великую морскую державу. Для осуществления поставленных задач нужен был регулярный военно-морской флот и это стало главнейшей задачей царя Петра. По его настоянию 20 (30) октября 1696 года Боярская дума постановила: «Морским судам быть».

Для России это дело было новым. Специалистов, способных строить военные корабли и особенно знакомых с морской службой, практически не было. Российский монарх решил опереться на опыт ведущих морских держав Европы. В основание «российского корабля» был заложен труд представителей многих государств и, в первую очередь, Нидерландов. Роль специалистов из Нидерландов в конце XVII — начале XVIII века была велика. Среди военно-морских чинов в годы создания флота они составляли большинство. Голландские моряки составили костяк Российского военно-морского флота. В письме Ф.М. Апраксину от 22 августа 1700 года Пётр I замечает: «у

нас все офицеры голланцы». Об этом свидетельствуют изданные на голландском языке предназначенные для офицеров российского флота корабельные сигналы и попытки подготовки в 1717 году к печати русско-голландского словаря.

В 1697 году из России в Европу отправляется Великое Посольство, одной из задач которого был наем морских специалистов, прежде всего в Нидерландах. Как раз в 1697 году закончилась Девятилетняя война между Нидерландами и Францией, и голландские морские офицеры остались без работы. Они охотно пошли на службу к русскому царю и принесли на русскую землю культуру и знания, полученные в Нидерландах.

Участвующий инкогнито в составе Великого Посольства царь Пётр знакомится в Нидерландах с голландским моряком экипаж-мейстером Амстердамского адмиралтейства Корнелиусом Крюйсом и принимает его на русскую службу с чином вице-адмирала, что говорит о том впечатлении, какое он произвёл на царя. Ум и необыкновенная энергия этого человека засверкали в России особыми красками. Корнелиус Крюйс занимает особое место среди иностранных морских специалистов, пришедших на службу к Петру I. Это один из ближайших сподвижников Петра во всех его деяниях на благо России. Под его руководством и при непосредственном участии рождался Российский военно-морской флот и его боевая слава, создавались Адмиралтейства, верфи, гавани, спускались на воду корабли, готовились кадры морских специалистов. Корнелиус Крюйс был первым командующим Балтийским флотом, в июне 1705 года под его руководством была одержана победа над шведским флотом у о. Котлин. Им были заложены основы российского морского законодательств и гидрографии, торговли и пассажирского сообщения со странами Европы. Неоценим его вклад в историю возникшего на берегах Невы города, ставшего морской столицей России. В декабре 1717 года Крюйс стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, а 22 октября 1721 года за заслуги ему присвоили звание адмирала. Весь свой опыт и знания он без остатка отдал России, передавая их россиянам и иностранцам. Именно Крюйс осуществлял первые приёмы морских офицеров для России. В 1697–1698 годы Крюйс провёл первый приём морских специалистов, которые морским путём прибыли вместе с ним в Архангельск. Среди них следует назвать принятого на службу с чином шаутбенахта Яна Реза, которому суждено было прослужить в России до 1705 года и умереть в Санкт-Петербурге, и капитана корабля «Крепость» Питера ван Памбурга, доставившего в 1699 году посольство Е. Украинцева в Константино-

поль, а в сентябре 1702 года трагически погибшего в Нюхче на дуэли с инженер-генералом Ламбертом.

Принятый с чином командора Абрам Рейс, дослужился до капитан-командора (1712 год), но по делу Крюйса, приговорён к ссылке в 1714 году в Тобольск и, вероятно, там закончился его земной путь. В 1702–1704 годы К. Крюйс по заданию Петра I осуществил в Нидерландах следующий приём морских специалистов. Было нанято 69 офицеров, 103 унтер-офицера и 3 нижних чина, среди них А. Остерман, В. Беринг, В. Шельтинга, Ян Фангофт, Фанверден и многие другие моряки, отдавшие свой талант служению в Российском военно-морском флоте.

В 1714 году наём на русскую службу был поручен нашему агенту в Нидерландах Я. Фанденбургу, а общее руководство осуществлялось русским посланником Б.И. Куракиным. Было принято 19 офицеров, 115 унтер-офицеров и 16 лекарей.

В 1715 году для найма специалистов в Нидерланды был послан капитан-командор В. Шельтинга. К этому времени голландское правительство запретило в стране наём на иностранную службу. Но, несмотря на трудности, задание было выполнено. К началу 1716 года было нанято 410 человек, в том числе 200 офицеров.

Кроме того, моряков нанимали российские дипломаты, аккредитованными в зарубежных странах. Так, русским послом в Дании А.П. Измайловым в 1704 году был нанят на русскую службу из датского флота будущий адмирал Питер Сиверс, родившийся в Штаде, в голландской семье. В начале своей карьеры в 1705–1706 годы он служил в эскадре вице-адмирала К. Крюйса и принимал участие в обороне о. Котлин. С 1714 и до 1727 года его судьба была связана с о. Котлин и его обороной. В 1724 году он был назначен главным командиром Кронштадта. Именно П. Сиверсу в 1720 году Пётр I отдал приказ: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело...». В 1728–1732 годы Питер Сиверс являлся президентом Адмиралтейств-коллегии.

После заключения Ништадтского мира (1721) потребность в иностранных моряках сокращается и только отдельные голландцы принимаются на русскую службу. Массовое поступление иностранных специалистов возобновляется в царствование Екатерины II. В 1768 году Россия предложила контракты морским специалистам, среди них и голландцам. Их было значительно меньше, чем во время правления Петра I, и всё же многие из них оставили заметный след в истории Российского военно-морского флота, многим предстояло защищать интересы России на южных морских рубежах.

20 сентября 1771 года на русскую службу из капитанов Голландской республики в капитан-лейтенанты поступает Иоганн Генрих ван Кинсберген — будущий нидерландский адмирал, маршал, граф Доггеребанк. 20 октября 1771 года он произведён в капитаны 2 ранга с назначением состоять при петербургской корабельной команде. В 1772 году проходил службу на Дунае, где командовал галиотом «Перемирieносец». В марте 1773 года командирован в Донскую флотилию. Командуя небольшим отрядом судов и находясь в крейсерстве у Крымского берега, одержал победы над превосходящими силами турецкого флота. 23 июня 1773 года атаковал турецкую эскадру вблизи Балаклавы и принудил её отступить. 30 июля награждён орденом св. Георгия IV степени. 23 августа 1773 года, крейсируя с шестью судами в Чёрном море, встретил у Суджук-Кале (ныне Новороссийск) турецкую эскадру из 18-ти судов и принудил её отступить. Победы были одержаны благодаря новым в то время морским маневрам с применением подвижных сигналов. В 1775 году И. Кинсберген получает орден св. Георгия III степени, а в 1776 году за военные отличия произведён в капитаны 1 ранга. До конца дней наивысшей наградой для себя он считал российские ордена св. Георгия, полученные за сражения против турок на Чёрном море. Проект Кинсбергена о постройке канонерских лодок и поданная им Екатерине II записка о свободном судоходстве на Чёрном море говорят о нём как о толковом дипломате и моряке. В 1777 году его служба в Российском военно-морском флоте заканчивается. По возвращении в Нидерланды Кинсберген продолжал службу в голландском военно-морском флоте, отстаивая честь и независимость страны. Нидерландцы обязаны ему основанием морского корпуса в Амстердаме, училища для глухонемых в Гронингене, академии в Утрехте и Гардервике и многих других благотворительных учреждений. По достоинству оценены его сочинения по морскому делу и морскому боевому искусству.

Многие из поступивших на русскую службу голландских специалистов, намереваясь прослужить несколько лет, не только оставались в России до конца своих дней, но и становились основателями морских династий, флагманами Российского военно-морского флота.

В историю российского флота вошли имена представителей нидерландского рода графов Хейденских. В 1795 году приходит на службу в Россию Людвиг Сигизмунд Винсент Густав граф Хейденский (на русской службе — адмирал Логин Петрович Гейден). С чином капитан-лейтенанта зачислен в Черноморский флот и во время войны с Францией в 1798–1800 годы в составе эскадры под коман-

дованием Ф.Ф. Ушакова участвует в Средиземноморском походе. В 1805–1815 годы командовал кораблями и соединениями Балтийского флота. Активный участник морских сражений периода войны России с Францией (1812–1814). В 1813 году флотилия под его командованием участвовала в блокаде Данцига. Л.П. Гейден внёс свой вклад в борьбе Греции за независимость. В 1827 году в качестве командующего эскадры в Средиземном море принимал участие в Наваринском сражении, имея флаг на корабле «Азов». В годы Русско-турецкой войны (1828–1830) эскадра под его командованием блокировала Дарданеллы. В 1830 году возвратился на Балтику и продолжил свой ратный труд по защите западных рубежей России и безопасности её столицы. С 1834 года на протяжении 16 лет его судьба была связана с Ревелем, где он служил в качестве военного губернатора и главного командира порта до конца жизни. За выдающиеся достижения на военно-морской службе адмирал удостоен многочисленных российских и иностранных наград, в том числе орденов св. Георгия IV и III степени и св. Александра Невского.

Л.П. Гейден стал основателем славной морской династии. Его сын Логин Логинович Гейден, адмирал (1861), кавалер ордена св. Андрея Первозванного (1883) входил в высшую элиту российского общества. Поступив на Балтийский флот волонтёром, он участвовал в кругосветном плавании под руководством О.Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие» (1823–1826). Являлся участником славных побед российского флота в морских сражениях XIX века, в том числе был с отцом в Наваринском сражении. В 1835 году, командуя фрегатом «Беллона», перевозил из Штетина в Петергоф принца Фридриха и принцессу Луизу Нидерландских, а в 1837 году по поручению императора Николая I ездил в Гаагу с выражением соболезнования королю Нидерландов по случаю смерти королевы. В 1836–1838 годы возглавлял Военно-походную по флоту канцелярию, с 1848 года — член Морского учёного комитета.

Его младший брат Александр Логинович также служил в 1826–1833 годах на флоте и принимал участие в военных действиях против Турции, сражаясь под Варной, блокируя Мидию, Месселеврию и Инаду. Внук Л.П. Гейдена вице-адмирал Александр Фёдорович Гейден окончил Императорский Петербургский университет со степенью кандидата историко-филологических наук. В 1884 году поступил служить на Балтийский флот, занимал ответственные должности в морском ведомстве, являлся членом Адмиралтейств-совета (1916). Начавшаяся революция прервала его карьеру — летом 1917 года он был уволен в отставку, а спустя два года умер в Москве.

Трагически сложилась судьба последнего представителя морской династии Гейденов — сына А.Ф. Гейдена Георгия Гейдена. В период Гражданской войны он сражался на стороне белых на севере России, попал в плен к красным и был расстрелян в Холмогорах.

С 70-х годов XVIII века служили в российском императорском, а затем в Советском военно-морском флоте выходцы из Нидерландов — Бодиско, получившие в России дворянское звание. После обучения в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, они несли морскую службу на различных морских театрах, участвовали в научных экспедициях отстаивали честь России в морских сражениях в XVIII — начале XX века. Во время Русско-японской войны на броненосце «Петропавловск» 31 марта 1904 года погиб мичман Сергей Дмитриевич Бодиско. За заслуги перед Отечеством многие из династии Бодиско были награждены российскими орденами.

В 1771 году начал службу в Российском военно-морском флоте Николай Андреевич Бодиско и отдал ему 44 года жизни, дослужившись до контр-адмирала (1808). Окончив корпус, служил на кораблях Балтийского флота, в период Русско-шведской войны (1788–1790) принимал участие в Голландском (1788), Эландском (1789), Ревельском и Выборгском (1790) сражениях. В 1798 году в звании капитана 1 ранга увольняется, но в августе 1801 года возвращается на морскую службу и проходит её на Балтике. В 1808 году являлся начальником сухопутного отряда, высадившегося на о. Гогланд. За отступление под натиском шведов с острова 26 мая 1809 года был уволен и сослан в Вологду, но в 1811 году был прощён и вновь принят на службу. С 1812 года и до конца дней (умер 1 января 1815 года) являлся командиром Свеаборгского порта.

Два представителя рода Бодиско — братья Борис Андреевич и Михаил Андреевич приняли участие в восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 года в составе Гвардейского экипажа, разжалованы в рядовые и сосланы на Кавказ.

Интересна судьба ещё одного представителя династии Бодиско — внука декабриста М.А. Бодиско, Алексея Дмитриевича Бодиско. В 1904 году он окончил Морской корпус, служил в Кронштадте, в составе 2-й Тихоокеанской эскадры участвовал в Русско-японской войне (1904–1905). После возвращения в Санкт-Петербург закончил Артиллерийские классы (1906) и Артиллерийскую академию (1910), с ноября 1910 года служил на Адмиралтейском судостроительном заводе. В 1915 году получил звание капитана 2 ранга. После закрытия завода в июле 1918 года переехал с семьёй в г. Рыльск Курской обл. Гражданская война наложила жестокий отпечаток на

его судьбу. Он пытался работать в городах юга России на заводах морского ведомства. В 1919 году в Севастополе был мобилизован белыми и в этом же году освобождён от службы по болезни. В июне 1920 года переехал в Грузию с целью перебраться в Советскую Россию, но попытка не удалась. После эвакуации белой армии из Севастополя оказался в Константинополе. В 1921 году получил разрешение вернуться в Россию, где работал на различных заводах и фабриках. В 1930 году в Москве арестован органами ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление) и выслан на три года в Вологодскую область. После окончания административной высылки с 1933 по 1937 годы служил в Комиссии по наблюдению за постройкой кораблей и военпредом в городе Николаеве. В июне 1937 года старший военный представитель отдела Управления Морских Сил Рабоче-крестьянской Красной Армии, военный инженер А.Д. Бодиско уволен в запас.

В начале XIX века на российскую службу поступает плотник из Фрисландии Вихер Беркхофф (Василий Берков). Закончив в Санкт-Петербурге Училище корабельной архитектуры, строил корабли на Лодейнопольской и Петербургской верфях, в 1828 году назначен начальником Санкт-Петербургской городской верфи, где значился до 1840 года. Известен переводами иностранных книг по корабельной архитектуре. Его правнук адмирал И.И. Байков служил на Балтийском и Тихоокеанском флотах. Участник Великой Отечественной войны. За заслуги перед Отечеством награждён тринадцатью орденами и медалями. С 1956 по 1971 годы командовал Ленинградской военно-морской базой и в 1956 году встречал на берегах Невы посланцев родины своих предков — корабли Нидерландов.

Особенно следует отметить династию выходцев из Нидерландов Шельтингов. Морские офицеры этого рода верой и правдой служили России 259 лет. Своими истоками летопись этой династии уходит в петровское время. В Российском военно-морском флоте служили восемь морских офицеров, носивших фамилию Шельтинга, шесть из них получили путевку на флот в стенах Морского кадетского корпуса. Все они были боевыми офицерами, отстаивали честь и независимость России. За службу России род Шельтингов получил дворянство. Интересно, что родоначальник династии Вейбрант Шельтинга и последний её представитель Г.В. Шельтинга имели звание контр-адмирала.

Вейбрант Шельтинга начал службу на Балтийском флоте и с первых лет службы принимал участие в боевых действиях молодого российского флота. В 1706–1709 годы командовал кораблями в эс-

кадре вице-адмирала К. Крюйса. Оборонял о. Котлин, участвовал в операциях по взятию Выборга (1710). Осенью 1710 года Шельтинга был послан в Воронеж. В 1711 году управлял Тавровским адмиралтейством, командовал 60-пушечным кораблём «Скорпион» в эскадре Крюйса. После заключения мира с Турцией возвратился на Балтику. В 1712 году, получил чин капитан-командора. Но в 1713 году удача отвернулась от него: за поход в отряде Крюйса по преследованию шведских судов он был привлечён к суду и в январе 1714 года понижен в звании. Однако наказание было кратковременным, и вскоре мы видим его в прежнем чине. Участник Гангутского сражения (1714). В июле 1714 года Пётр I, отправляясь на фрегате «Св. Павел» в Паркалаут, поручает Шельтинге начальствовать над корабельным флотом, в 1715 году он, командуя кораблём «Св. Екатерина», плавает в эскадре под командованием царя. В 1715–1716 годы с блеском выполнил в Нидерландах задание по отправке в Россию купленных за границей кораблей и найму на русскую службу специалистов. 31 октября 1717 года за заслуги произведён царём в шаутбенахты синего флага. Прослужив в российском флоте 15 лет, В. Шельтинга 18 июня 1718 года скончался от паралича на борту корабля «Марльбург» на рейде у о. Котлин. 9 июля 1718 года был похоронен в Кронштадте в присутствии Петра I, флагманов и министров.

Морскую династию Шельтингов продолжили его младший сын Алексей Елизарьевич, сыновья старшего сына Петра и их потомки.

А.Е. Шельтинга в 13-летнем возрасте был принят на службу во флот мичманом сверх комплекта. В 1733 году согласно его желанию был назначен во Вторую Камчатскую экспедицию В. Беринга, провёл в путешествиях двенадцать лет и в 1745 году возвратился в Санкт-Петербург. Прослужил в звании мичмана 21 год. Только 5 сентября 1751 года произведён в лейтенанты, и с этого момента чины следуют один за другим. А.Е. Шельтинга участвовал в Семилетней войне при взятии Кольберга. С 1760 года пять лет плавал в эскадрах адмиралов Г.А. Спиридова и Н.С. Мордвинова, командуя различными кораблями. В 1766 году назначен командиром Архангельского порта и произведён в капитаны генерал-майорского ранга. В 1772 году переименован в контр-адмиралы, назначен главным командиром Ревельского порта и находился в этой должности до 1780 года. Умер в Ревеле 17 февраля 1780 года.

Дети старшего сына Вейбранта Шельтинги Петра — Густав и Роман (Рейнгольд) окончили Морской кадетский корпус, проходили службу на Балтийском флоте, участвовали в сражениях Русско-шведской войны 1788–1790 годы. Р.П. Шельтинга 9 января 1803 года за

18 морских кампаний награждается орденом св. Георгия IV степени и получает звание капитана 1 ранга. В 1806 году, командуя кораблём «Скорый», в составе русской эскадры переходит в Адриатическое море, где участвует в боевых действиях российского флота за освобождение земель Черногории. В период Русско-турецкой войны (1806–1812) в составе эскадры Д.Н. Сенявина участвует в Афонском и Дарданельском сражениях (1807). За Афонское сражение награждён орденом св. Владимира III степени. В 1808 году произведён в капитан-командоры, в 1827 году в генерал-лейтенанты. Был капитаном над Архангельским портом (1814–1823), Свеаборгским военным губернатором и главным командиром Свеаборгского порта (1823–1834). Награждён орденами св. Анны I степени (1819) и св. Владимира II степени. Умер 9 марта 1834 года, похоронен в Гельсингфорсе.

Династию Шельтингов продолжили наследники Р.П. Шельтинга — один из его сыновей, внук и правнуки.

Владимир Романович Шельтинга при крещении получил имя своего прадеда Вейбранта Шельтинги. После окончания Морского шляхетного корпуса служил на Балтийском флоте и до 1858 года плавал на различных судах, совершая вояжи в Архангельск, Копенгаген, Средиземное море. Участник Восточной (Крымской) войны (1853–1856) на Балтике. За безупречную службу награжден орденами св. Станислава III степени (1844) и св. Владимира IV степени (1874). 21 апреля 1875 года произведён в генерал-майоры с увольнением от службы.

Продолжить морскую династию выпало на долю его младшего сына Владимира. В 1884–1890 годах он служил на Балтийском флоте. В 1891 году переведён в Сибирский флотский экипаж, в 1900–1901 годах участвовал в военных походах в Китае. В период Русско-японской войны (1904–1905) участвовал в обороне Порт-Артура, в январе 1905 года попал в японский плен. За участие в военных действиях получает ордена св. Георгия IV степени и св. Станислава II степени. В 1906–1907 годах служил на Чёрном море. С 1907 года возвращается на Балтику, командует различными кораблями. Участвует в операциях Первой мировой войны на Балтике. В октябре 1915 года принял православие. После Октябрьской революции 1917 года остался на службе, был начальником охраны водного района в Кронштадте, затем комендантом Шлиссельбургской крепости и базы. Оборонял Петроград в 1919 году, умело руководил организацией десантных операций на границах Советской Республики с Финляндией и охране этих границ. После мятежа на Красной горке

в 1919 году сослуживцы пытались обвинить В.В. Шельтингу в антисоветских настроениях, но обвинения были сняты. Комиссары Балтийского флота и Шлиссельбургской базы не усомнились в его порядочности. В 1920 году Шельтинга по состоянию здоровья отчислен с флота, но в 1920–1921 годах работает на водном транспорте на Волге. В 1921 году возвращается на Балтику и назначается командиром спасательного судна «Волхов». 9 сентября 1921 года умер в Петрограде от воспаления лёгких.

Сыновья В.В. Шельтинги также связали свою судьбу с Российским военно-морским флотом. В судьбах двух последних представителей этой семьи отразился трагизм страны: два брата оказались по разные стороны баррикад. Борис Владимирович Шельтинга в 1909–1917 годах проходил службу в различных частях и соединениях Балтийского флота. С декабря 1919 года значился на службе в Черноморском флоте белых, и сведений о дальнейшей его судьбе не имеется. Последний представитель династии контр-адмирал Г.В. Шельтинга начал службу на Балтике. В 1912 году окончил Морской корпус, затем проходил службу на кораблях Балтийского флота. Участник Первой мировой войны. После Октябрьской революции 1917 года продолжил службу в Советском военно-морском флоте. Участник Ледового перехода кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт в 1918 году. Один из первых выпускников возрождённой Военно-морской академии (1926). Судьба представителя династии Шельтингов Георгия (Юрия) Владимировича Шельтинги как морского офицера императорского флота не была исключением. Он арестовывался три раза (два раза в 1921 году — Кронштадтский мятеж и фильтрация; в 1931 году увольняется с флота). В 1932 году возвращается на службу и служит на Балтике и на Севере. В 1940 году ему присвоено звание контр-адмирала. В предвоенные годы готовил кадры для флота — преподавал в ВВМУ им. М.В. Фрунзе, на Высших специальных курсах. Участник Великой Отечественной войны. В 1942–1945 годы проходит службу в Главном морском штабе ВМФ, занимается вопросами боевой подготовки и тактики. В 1945–1947 годы командует Отрядом учебных кораблей Северного флота, с 1947 по июль 1950 года служит в Управлении Военно-морских учебных заведений. В июле 1950 года уходит в отставку. За службу награждён орденами и медалями. Умер в 1962 году в Ленинграде. С ним закончилась славная династия Шельтингов.

Имена моряков из Нидерландов и их потомков навечно остались в истории России и её военно-морского флота.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. РГА ВМФ. Ф. 5, 8, 14, 9, 25, 131–132, 161, 166, 170, 176–177, 205, 212, 216, 227, 233–234, 249, 283, 315, 406, 410, 417, 432, Р-92, Р-307, Р-402, Р-365, Р-2192.
2. Материалы для истории русского флота. Ч. I–IV. СПб., 1865–1866.
3. Жизнь и деятельность адмирала Корнелиуса Крюйса (каталог документов РГА ВМФ) / Сост. Т.П. Мазур. СПб., 2008. Groningen, 2009.
4. Общий морской список. Т. I–V. СПб., 1885–1900.
5. *Берх В.* Жизнеописание первых российских адмиралов. Ч. I, III. СПб., 1831.
6. Военная энциклопедия. СПб., 1911–1913.
7. РБС. Т. 1–25. СПб., 1896–1918.
8. Морской энциклопедический словарь. Т. I–III. Л., 1991–1994.
9. «Морская мечта. Пётр I и Российский военно-морской флот». Каталог выставки. Нидерланды, 1997.
10. *Макаров Б.* Голландцы в России в первой половине XVIII в. Лексикон. СПб., 2009.

Н.В. Трошева
(Лодейное Поле)

Фрегат «Штандарт» — первенец Балтийского флота

«Фрегат Штандарт хранить вечно как первенец флота и памятник отечественного кораблестроительного искусства».
(*Из документов Адмиралтейств-коллегии*)

С началом Северной войны (1700–1721) Пётр I приступил к созданию регулярного военного флота на Балтике. За несколько лет до Петербургского, в 1702 году, было основано крупнейшее Адмиралтейство на реке Свирь в среднем её течении, названное Олонецкой судостроительной верфью.

Изысканием места для будущих верфей занялся по указу Петра I от 22 января 1702 года стольник Иван Юрьевич Татищев. Уже 14 февраля 1702 года он писал царю: «По... твоему Высочайшему Государеву Указу я, холоп твой, ... и на реку Сясь, и на Пашу, и на Свирь реки ездил, и тех рек и Ладожского устья места осмотрел и в аршин измерял, и где кораблей делать к спуску на воду ближе, те места осмотря описал...»[1].

В конце августа — начале сентября 1702 года Пётр I возвращался из Архангельска к истоку Невы. Водный путь этого похода, пролегавший по Онежскому и Ладожскому озёрам через реку Свирь, предрешил его выбор. Порожистая в верховьях, река от урочища Лодейное Поле до её устья привлекала спокойствием и достаточной глу-

[1] *Зайцев П.М.* Лодейное Поле. Л., 1964. С. 17.

План Олонецкой судостроительной верфи, 1703

биной: она допускала осадку судов до полутора метров. Вокруг простирались могучие, бескрайние леса — готовый корабельный материал.

Уже зимой 1703 года здесь полным ходом развернулись работы по устройству Адмиралтейства и по заготовке древесины. А.Д. Меньшиков писал царю 18 февраля: «С Олонца для смотрения корабельного заводу был на Каноме. Имя Канома на реке Свире, прозвание урочища Кама, леса зело изрядные, не токмо что на шмаки, и в 50 пушек на корабельное строение книсы годятся, зело изрядные. А вырублено книс по мой отъезд 5000 штук, однако ж вывезены не все, а вывезено 2500, зело трудно копание, снеги выше пояса...»[2] 24 марта на Свирской или Олонецкой верфи, как стала она официально именоваться, были заложены первые суда: корабль «Штандарт», галиот-почт, буер «Вельком», буер «Бир Драгарс», буер «Вейс Драгарс», шмак «Корн Шхерн», шмак «Гут Драгарс»... Строились они в большом количестве и «с великим поспешанием». Только в ноябре месяце 18 корабельных мастеров вели параллельные работы более чем на пятидесяти судах. Среди них были 7 фрегатов, 4 шнявы, 13 скампавей, 13 бригантин, 6 галер и несколько вспомогательных судов. Разрабатывал чертежи главный кораблестроитель верфи Фёдор Степанович Салтыков, по некоторым данным он же закладывал и строил корабли. От начала до конца им был создан 28-пушечный фрегат «Флигель-де-Фам». Вместе с Гаврилой Меншиковым он стро-

[2] «Морской сборник». 1905. № 5. С. 5.

ил «государевы» суда — 18-пушечные шнявы «Диана» и «Наталия». Особенно доволен был Пётр I тем, что Салтыков сумел до окончания кампании 1703 года обеспечить завершение постройки Выбе Геренсом 28-пушечного фрегата «Штандарт», который сам царь повёл в Ладогу. Спуск этого корабля, признанного первенцем военного Балтийского флота, состоялся 22 августа 1703 года.

В «Юрнале или поденной записке Государя Императора Петра Великого» сохранилось свидетельство об этом событии: «Государь поехал на Олонец во урочище Лодейное Поле для дела морских судов, где заложил 6 фрегатов и 9 шняв, а оттоль возвратился с одним фрегатом и с шестью ластовыми судами, которые за несколько месяцев там уже деланы были. Имя первому фрегату было дано «Штандарт», в тот образ тогда четвёртое море присовокуплено». 8 сентября 1703 года фрегат, оснащённый восьми-, шести- и трёхфунтовыми пушками, под командою Петра Михайлова, как называл себя Пётр I, был отправлен в Петербург[3].

Олонецкой верфи на Свири и постройке на ней первых судов для Балтийского флота Пётр I уделял много внимания и часто бывал там, нередко участвуя в строительных работах. Известно, что вместе с корабельным мастером Иваном Немцовым он заложил и строил быстроходную шняву «Мункер», позднее стал строить по собственным чертежам 32-пушечный фрегат «Олифант».

Изначально верфь, на которой трудилось до 10 тысяч крепостного люда, поставляла основную массу судов, из которых в 1704 году была составлена первая эскадра Балтийского флота. В общей сложности в петровскую эпоху здесь было построено 118 кораблей, многие из них прославились в крупнейших сражениях Северной войны. И навсегда остался в истории российского кораблестроения первенец Балтийского флота 28-пушечный фрегат «Штандарт», строенный под руководством мастера из Амстердама Выбе Геренса.

Выбе Геренс — голландский корабельный мастер, с которым Пётр I познакомился в своё первое заграничное путешествие — Великое посольство (1697–1698). Под началом Выбе Геренса Пётр работал над строительством 32-пушечного фрегата «Святой Пётр и Павел» на Ост-Индской верфи во время своего пребывания в Голландии осенью 1697 года. Тогда же Пётр пригласил Геренса на русскую службу корабельным мастером. На приглашение Петра Выбе

[3] РГА ВМФ «Книга корабельного строения на Олонецкой верфи» Подробная ведомость о 10-и судах, построенных на Свири: корабля «Штандарт» и др. 1703. Ф. 177. Д. 33. Л. 1–21.

Геренс охотно согласился и почти сразу же выехал в Россию вместе со своим помощником — сыном Геренса Питером Выбе. Уже в 1697 году оба прибыли в Воронеж. В Воронеже Выбе Геренс до 1703 года построил два казённых корабля и две яхты, затем его направили на Олонецкую верфь, где оба Геренса построили три фрегата и гальот.

В 1706 году на верфи Санкт-Петербургского Адмиралтейства ими же был построен ещё один фрегат («Думкрат»), несколько транспортов и два прама. Когда в 1708 году Пётр Великий для ускорения создания Балтийского флота решил строить для него корабли и фрегаты также и в Архангельском адмиралтействе, туда был направлен Выбе Геренс с сыном и своей рабочей командой. На Архангельское Адмиралтейство Соломбальской верфи они построили семь 52-пушечных кораблей и два 30-пушечных фрегата для Балтийского флота, получивших известность как «архангелогородские». Корабли совершили переход из Архангельска к Ревелю вокруг Скандинавского полуострова и, войдя в состав Балтийского флота, значительно усилили его боевую мощь.

В 1713 году Выбе Геренс простыл, заболел и 3 августа 1713 скончался. Его похоронили на Соломбальском кладбище. Два линейных корабля («Уриил» и «Ягудиил»), начатые кораблестроителем, достраивал его сын Питер Выбе Геренс, который затем построил в Архангельске ещё два таких же корабля для Балтийского флота. Всего Выбе Геренсом и его сыном было построено для отечественного флота до 25 различных судов, включая 11 кораблей и 7 фрегатов[4].

Корабли, построенные Выбе Геренсом:

- Разженное железо (линейный корабль) (1701)
- Святая Екатерина, яхта (1702)
- Святая Наталья, яхта (1702)
- Воронеж (линейный корабль), 62 ор.
- Штандарт (1703), 28 ор.
- Шлиссельбург (фрегат), 24 ор.
- Петербург (фрегат), 24 ор.
- Олифант (фрегат), 26/32 ор.
- Думкрат (фрегат), 26/32 ор.
- Святой Пётр (фрегат), 30 ор.
- Святой Павел (фрегат), 30 ор.
- Гавриил (линейный корабль, 1713), 52 ор.
- Рафаил (линейный корабль, 1713), 52 ор.

[4] *Быховский И.А.* Петровские корабелы. Л., 1982. С. 95–96.

А.А. Тронь. Спуск на воду фрегата «Штандарт», 1996

- Архангел Михаил (линейный корабль, 1713), 52 ор.
- Уриил (линейный корабль, 1715), 52 ор.
- Ягудиил (линейный корабль, 1715), 52 ор.

Фрегат «Штандарт» был заложен 24 марта 1703, спущен на воду 22 августа 1703 года.

Выбе Геренс, как и все голландские мастера того времени был кораблестроителем-практиком, теоретических познаний у него почти не было: корабли и иные суда он строил по готовым чертежам, которые для него разрабатывали сам Пётр I и Федосей Скляев. Голландский корабельный мастер отличался исключительным трудолюбием, исполнительностью и тщательностью отделки всех деталей судов и эти качества сумел передать своему сыну Питеру.

Пётр I принимал активное участие в строительстве «Штандарта». Работа велась весь световой день, что позволило сократить срок строительства до пяти месяцев. За необычно короткое время — всего за две недели — фрегат был оснащён рангоутом, такелажем и парусами. 8 сентября 1703 года он отправился в Петербург, неся на борту партию пушек с Олонецких заводов. Капитаном пошёл сам царь — «бомбардир Пётр Михайлов». В качестве флагмана флотилии из семи вновь построенных небольших судов, «Штандарт» под командованием капитана Петра Михайлова (этот псевдоним Пётр I выбрал себе для командования флотом) перешёл по реке Свирь в Ладожское озеро и встал на рейд крепости Шлиссельбург. Во время шторма на Ладоге фрегат сел на мель и получил некоторые повреждения. В истории осталось упоминание о «Государевой» или «Царской» мели. Сейчас она нанесена на гидрографические карты озера как банка Торпакова возле посёлка Сторожно. Успешно снявшись с мели, «Штандарт» и другие корабли дошли до Шлиссельбурга. Фло-

тилия прибыла в Петербург в середине октября и с весны 1704 года участвовала в подготовке обороны строящегося города, выполняя промеры глубин, связанные с укреплением Кронштадта. Первое боевое крещение «Штандарт» получил в 1705 году, отражая попытки шведского флота прорваться мимо острова Котлин к Санкт-Петербургу.

В течение шестнадцати лет корабль был в боевом строю, принял активное участие в северной войне со Швецией. «Штандарт», даже на то время весьма скромный по размерам корабль, являлся сильнейшей боевой единицей Балтийского флота: только у него имелись на вооружении восьми- и шестифунтовые орудия (все остальные корабли несли трёхфунтовые).

За 16 лет боевой службы на «Штандарте» сменилось несколько капитанов. Их фамилии дают представление об интернациональном составе флота: Пётр Михайлов, Россия — 1703, П. Грей, Англия — 1704, Ян Деланг, Голландия — 1705, Ф. Вилимовский, Россия — 1706–1707, Шонвик, Голландия — 1708–1709, Генрих Вессель, Норвегия — 1712, Б. Эдварт, Англия — 1713.

6 и 10 июня 1705 года в составе эскадры вице-адмирала Корнелиуса Крюйса под командованием капитана Якоба де Ланга фрегат сражался со шведским флотом у острова Котлин.

В 1711 году «Штандарт» был тимберован (капитально отремонтирован) в Санкт-Петербурге. Кораблю заменили часть обшивки и укрепили остов, поменяли изношенные детали.

В 1719 году по указу Петра он был поставлен в Кронверкскую протоку Петропавловской крепости на вечное хранение, как первенец Балтийского флота.

В 1727 году по распоряжению Екатерины I было решено поднять корабль на берег и отремонтировать. Однако корпус его настолько прогнил, что развалился при подъёме, и в результате в 1728 году фрегат был разобран «за гнилостию» с передачей вооружения на вновь строящиеся корабли. В дальнейшем Екатерина намеревалась восстановить «Штандарт» в первозданном виде, но этот замысел так и остался неосуществлённым.

В конструкции фрегата заметно смешение двух кораблестроительных школ — голландской и английской.

Голландским кораблейям была присуща способность плавать по мелководью — в Голландии корабли часто строились в районах с неглубокими каналами. Отсюда широкая, почти прямоугольная форма шпангоутов, практически плоское днище, большая относительная ширина и малая осадка. Английский флот чаще выходил в

открытое море, где важнее умение корабля лавировать в зависимости от направления ветра. Чтобы достичь этого, англичане делали шпангоуты более заострёнными и оснащали корабли развитым парусным вооружением. Пётр проектировал «Штандарт», совмещая лучшие стороны обеих школ: необходимую для плаваний в Финском заливе малую осадку и высокий стройный такелаж английского образца.

Артиллерийское вооружение:

Главная батарейная палуба — открытая часть, включая пространство под палубой бака — 14 восьмифунтовых пушек, закрытый дек (кормовая часть) — 8 шестифунтовых пушек, квартердек — открытая палуба между грот- и бизань-мачтами — 6 лёгких трёхфунтовых пушек

Технические характеристики:

— Длина наибольшая — 34,5 м, по палубе — 25 м
— Ширина — 6,9 м
— Высота мачт — 33 м
— Осадка — 3,3 м
— Водоизмещение — 220 т
— Площадь парусности — 620 кв. м
— Скорость хода — рекордная скорость под парусами — 13,1 узел, на 4-х вёслах — 2 узла.

Экипаж:

В обыкновенном регулярном плавании для работы с парусами достаточно команды в 10 матросов. Однако для полноценного маневрирования и ведения огня во время боя численность экипажа составляла 120 человек.

Парусное вооружение:

Парусное вооружение фрегата в «штатном режиме» плавания предполагает наличие двух парусов на каждой мачте. Однако на некоторых исторических изображениях фок- и грот-мачты «Штандарта» имеют по три паруса — в дополнение к нижним парусам поднимали ещё и небольшие верхние паруса — брамсели. Это было возможно благодаря английскому типу рангоута — более высокому и стройному по сравнению с голландским.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ФРЕГАТА «ШТАНДАРТ»

В 1994 году выпускник Ленинградского кораблестроительного института Владимир Мартусь с инициативной компанией взялся за строительство мало отличающейся от оригинала копии корабля. Планировка «Штандарта», разработанная Мартусем, предполагает разделение корабля на две зоны: историческую и современную. Выше пушечной палубы историческая достоверность сохранена: штурвал и рулевое устройство, всё декоративное убранство, мачты, шпили, пушки, трапы и люки сделаны с максимально возможным приближением к историческим. 4 сентября 1999 года «Штандарт» был торжественно спущен на воду на верфи «Петровское Адмиралтейство».

Копия фрегата «Штандарт». Фото 2000

Экспозиция Лодейнопольского историко-краеведческого музея. В витрине справа модель фрегата «Штандарт»

Автор модели фрегата «Штандарт»
Александр Францевич Тучс
Фото 2011

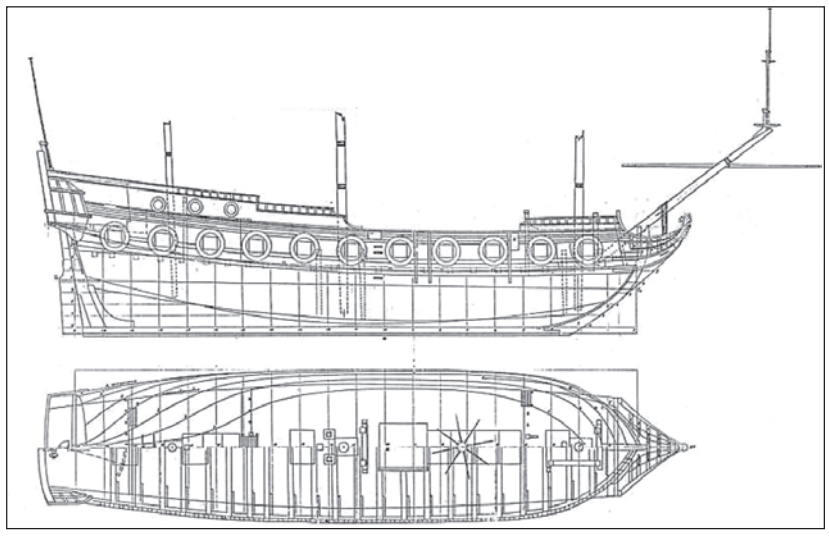
В июне 2000 года «Штандарт» отправился в первое плавание по маршруту Великого посольства — тем городам и странам, которые посетил Пётр I, обучаясь корабельному ремеслу. На начало 2012 года фрегат «Штандарт» побывал в двенадцати плаваниях по Европе, посетил 54 порта в 12 странах Европы. В 2009 году «Штандарт» прошёл от Санкт-Петербурга до норвежского порта Киркенес, обогнув мыс Норд-Кап.

Экипаж «Штандарта» составляют волонтёры, обученные и подготовленные перед началом каждого плавания.

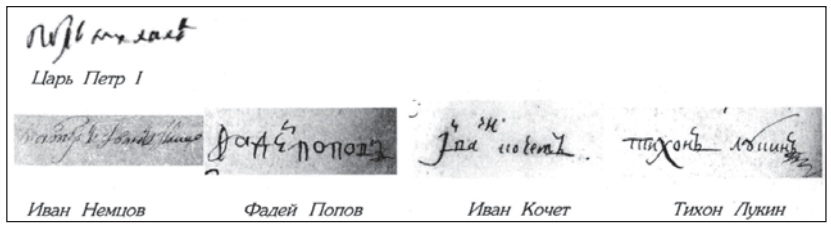
«Штандарт» активно принимает участие в международных морских регатах, фестивалях, киносъёмках. С 2004 года «Штандарт» участвовал в съёмках фильмов «Слуга государев», «Записки экспедитора Тайной канцелярии», «Новая Земля» и др. С 2005 года фрегат «Штандарт» — один из главных участников праздника выпускников «Алые паруса» в Санкт-Петербурге.

С 2009 года «Штандарт» осуществляет учебно-тренировочные плавания в водах европейских стран.

С 2002 года экспозицию Лодейнопольского историко-краеведческого музея украшает модель фрегата «Штандарт» (М 1: 42), изготовленная нашим земляком Александром Францевичем Тучсом. Эта модель участвовала в нескольких российских соревнованиях по стендовому судомоделированию.

«Конструктивно-теоретический чертёж 28-пушечного фрегата «Штандарт», лично разработанный Петром I для постройки фрегата корабельным мастером Выбе Геренсом. (Архивная реконструкция первоначального проекта работы историка Виктора Крайнюкова) На современной реконструкции фрегата отсутствуют показанные на чертеже релинги и баллюстрады на фальшборте квартердека и юта»[5].

Подписи мастеров, участвовавших в строительстве фрегата «Штандарт»[6]

[5] *Крайнюков В.Г., Мартусь В.В.* Штандарт 28-пушечный фрегат 1703. СПб., 1998. С. 65.

[6] Там же.

А. Ховинг
*(Нидерланды)**

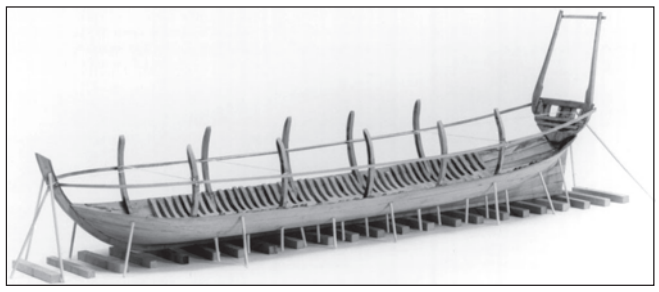
В поисках формы: как Пётр I изучал голландские кораблестроительные методы

Когда царь Пётр прибыл в Голландию, он намеревался изучить технику судостроения. Он хотел привезти домой систему конструирования кораблей, чтобы ввести её в своей стране и на её основе создать флот.

Однако в Голландии эта система не включала в себя предварительные чертежи на бумаге, но представляла собой часть кораблестроительного процесса, осуществлявшегося на верфях. Единственным письменным документом было соглашение между заказчиком и судостроителем — письменный контракт, составленный нотариусом, в котором фиксировались основные параметры судна и многих его частей как гарантия того, что покупатель получит то, что он заказывал, а судосборщик — деньги.

Строительство корабля происходило с соблюдением традиционного набора практических правил под руководством опытного мастера. Система базировалась на пропорциях, размеры каждой части рассчитывались сообразно общей длине судна. Примечательна была последовательность строительства: после закладки киля и сооружения форштевня и кормы строилось днище, состоящее из наружного слоя корабельной обшивки. Как правило, его ширина и высота были прописаны в контракте. Все последующие контуры определялись судосборщиком преимущественно на глазок. Когда днище было готово, выкладывался один флортимберс с футоксом на каждом кон-

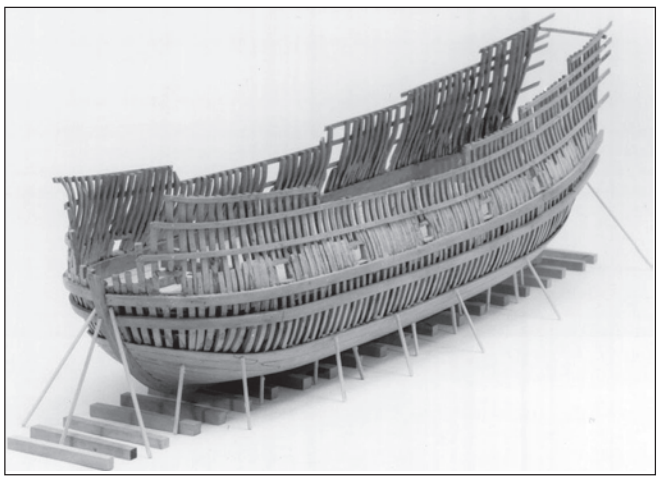
* Пер. с англ. **Д.А. Прияткина** под ред. **А.В. Крайковского**.

Илл. 1. Обшивка судна велась до верха бортовой скулы. Для поддержки ширстрека (главного риббанда), обозначавшего максимальную ширину судна и высоту нижней палубы, устанавливалось несколько футоксов

це. Бортовая скула делалась таким же образом как и днище, тоже без шпангоута, а обшивные доски крепились друг с другом посредством временных зажимов, тогда как растущая «ракушка» поддерживалась снизу короткими подпорками. Когда бортовая скула достигала желаемой величины (одной трети от высоты трюма, обозначенной в контракте), судосборщик начинал заполнять раковину элементами шпангоута: флортимберсами, закреплёнными сверху на киле и снабженными скуловыми футоксами на каждом конце, усиливающими закруглённую форму скулы. Затем, когда раковина была усилена элементами шпангоута, устанавливалась деталь, которую голландцы называли «Scheergang», присоединённая к нескольким вертикальным футоксам. Это временная толстая доска, перекинутая на высоте палубы от носа до кормы, служащая указателем как седловатости, так и ширины судна, как то указано в контракте [илл. 1]. После установления Scheergang или «главного риббанда» можно было монтировать все оставшиеся футоксы. Судно обшивалось изнутри, ставился палубный крепёж для удержания веса палубных бимсов. Далее, последней фазой строительства корабля было возведение топтимберсов [илл. 2], соединённых между собой буртиком или «рейкой» (rahout). После оформления общего контура судно доводилось до рабочего состояния и спускалось на воду.

Такая система строительства судов была быстрой, дешёвой и очень успешной. Даже когда позднее другие страны всё больше переходили к строительству по предварительным чертежам, голландские судостроители держались за свою систему. Зачем менять успешный метод? Только жесточайшее давление со стороны учреждений наподобие адмиралтейств и Ост-Индской компании обусловило в XVIII

Илл. 2. Установлены топ-тимберсы, форма которых контролируется несколькими риббандами. Для такой дешёвой, быстрой и надёжной системы судостроения не нужно никаких чертежей

веке постепенный переход к тому разделению проектирования судов и их строительства, которое существует и поныне.

Очевидно, что при такой системе никаких чертежей не требовалось. И то, что ни одного из них не сохранилось, не есть совпадение — их попросту не делали. И хотя такой предмет, как рисунки или эскизы кораблей был голландцам в общем-то знаком, технически пригодные планы из этих рисунков не получались. Можно было нарисовать на бумаге то, что говорилось в контракте по поводу того или иного судна, но никто не мог бы утверждать, что такого рисунка достаточно в техническом отношении, чтобы на его основе построить корабль. Примечательно, что кое-где в других странах люди примерно понимали, как изобразить параметры корабля, но в Голландии никаких изображений такого рода обнаружено не было. Рисунки просто-напросто делались для царственных особ, желающих постичь принципы судостроения. Иногда рисовали уже существующие корабли, имеются эскизы, показывающие устройство основного шпангоута — но ничего похожего на чертежи, которые можно использовать при строительстве судна на верфи. Даже в тех случаях, когда заказчик был в своих требованиях весьма конкретен, как на верфях Голландской Ост-Индской компании (VOC — Verenigde

Oostindische Compagnie), рисунков контура корабля попросту не существовало. В 1697 году — в тот самый год, когда Пётр I посетил судоверфь Ост-Индской компании в Амстердаме — «семнадцать господ» (Heeren XVII, владельцы компании) определили нужную им форму корпуса судов в виде списка с измерениями, а не рисунка. По этим «Постановлениям» (Resoluties) возможно сделать эскиз судна, но нет ни малейших свидетельств, чтобы кто-то в то время делал подобные эскизы. Это было бы совершенно бесполезным упражнением, поскольку никак не встраивалось в существовавшую систему судостроения.

И всё же Пётр проанализировал приёмы, используемые судосборщиками при конструировании кораблей и пришёл к выводу, что в первую очередь необходимо усвоить форму днища (vlak), бортовой скулы (boeisel), главного риббанда (scheergang) и буртика (rahout). И он постарался запечатлеть эти формы весьма «современным» образом: с помощью трёхмерного чертежа, начав с бокового вида или вертикальной проекции, затем сделав чертёж палубы и наконец сведя контуры этих чертежей в «корпус», содержащий формы плоскостей в заранее заданных местах на килевой балке.

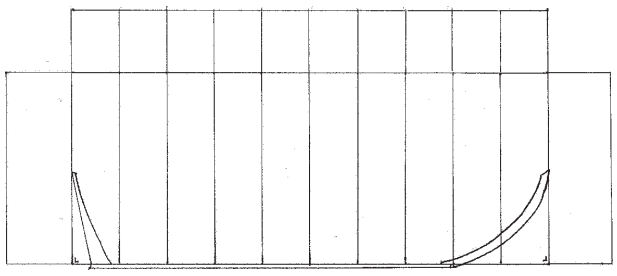
Пётр I составил записку о том, что узнал в Голландии. Оригинальный текст был написан по-русски с вкраплениями фонетически воспроизведённых голландских судостроительных терминов. Перевод с русского на английский язык осуществил Алексей Крайковский, голландские термины перевёл автор этих строк. Теперь становится понятно, к чему стремился Пётр во время своего пребывания в Голландии. Подлинник конспекта опубликован в Письмах и бумагах Петра Великого, Т. 1. 1896.

Если вы хотите построить боевой корабль или какое-либо другое судно, сначала надо взять длину от носа до кормы и провести перпендикуляры на обоих концах, затем под этой линией провести киль, поделить длину между перпендикулярами на десять частей и нанести все линии на лист диагонально (имеется в виду не диагонально, а вертикально, но через весь лист. Потом на этих линиях строятся другие проекции корабля). Затем провести прямую, идентичную нижней, над боковым видом (или вертикальной проекцией) судна, поделённой таким же образом одного конца до другого. Затем взять ширину главного шпангоута согласно главного риббанда (ширстрека) и провести над ней прямую на расстоянии половины ширины главного шпангоута и такую же сзади для кормового транца и спереди для носовой части судна.

Затем начертите нос и корму, а потом — днище (vlak); поле днища начертите боковую скулу (boeisel), причём скула не должна быть слишком широкой, в любом случае меньше главного риббанда и (если у судна две палубы) буртик, затем — подкильный конец; скула (а на военных кораблях и ширина днища на главном шпангоуте) равна длине транца (буртик на пинасах приблизительно равен марсовым леерам), далее измерьте где десять линий пересекают основные и начертите шесть плоскостей вида сзади и три между главным шпангоутом и кормой.

И в соответствии с этим методом, если вы хотите создать новый чертёж, сначала сделайте боковой вид судна со всеми спецификациями, далее начертите главный шпангоут как указано снизу, главный риббанд и т.д. тем же образом начертите половину судна (вид сверху), на котором также обозначены линии днища, ширстрека, буртика и т.д. Затем возьмите ширину плоскости теоретического шпангоута. Что касается концов этих линий, проекцию можно сделать следующим образом: для кормовой части берётся вид сзади, где проходят все линии, и спереди, где все линии проходят прямо до форштевня, доведите эти линии до конца на верхней грани, а поскольку общая форма получится квадратной, посредством компаса проведите линии к концам линий на виде спереди и обозначьте их концы, как показано на образце. А когда боковой вид и вид сверху готовы, постройте плоскости теоретического шпангоута: высоту всего берите с бокового вида, в ширину с вида сверху, и получите желаемый результат.

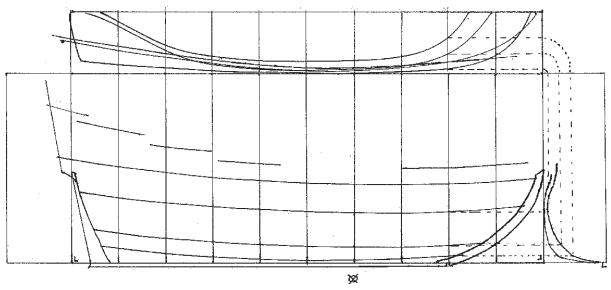
Кажется, это идеальный способ изготовления плана судна. Однако, без математической системы начертания линий, нет никакой гарантии, что линии, нанесенные Петром, дадут правильную форму, необходимую для чертежа корпуса, как можно видеть на этой конструкции кормового шпангоута. То, что здесь предлагает Пётр I, не было в его дни чем-то абсолютно новым. Общее понимание возможности трёхмерного чертежа судна определенно существовало, что во втором десятилетии XVIII века продемонстрировали судостроители амстердамского Адмиралтейства ван Реенен и Кардинал эн Слехт, но существующая система судостроения не требовала сложного процесса прорисовки всех контуров на бумаге, когда судно на верфи обретало свои формы под руками судостроителя и на основе его практических методов. Только в 1757 году роттердамский судостроитель Лендерт ван Цвюндрегт впервые опубликовал исполненный на бумаге чертёж голландского судна.

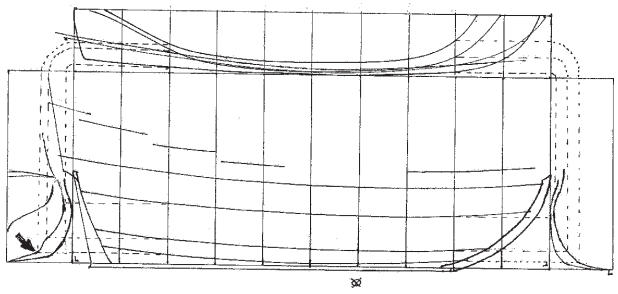
В своём тексте Пётр I даёт указание прочертить сетку, образованную верхушкой киля и перпендикулярами носа и кормы. Сверху и на носовой и кормовой половинах указана ширина судна

Длина делится на десять равных частей, обозначающих точки пересечений линий шпангоута с основной линией. В вертикальной проекции проведены линии днища (vlak), боковой скулы (kim), главного риббанда (scheergang), буртика (rahout) и марсовых лееров

В горизонтальной проекции обозначены линии днища, скулы, главного риббанда, буртика и марсовых лееров. Посредством проекции некоторые локации в горизонтальных и вертикальных проекций перенесены в «корпус», изображённый справа. При соединении локаций становится видна форма шпангоута

Поскольку Пётр I не оставил никаких пояснений как именно проведены линии в вертикальной и горизонтальной проекциях, очевидно что в «корпусе» правильные линии никоим образом не гарантированы, что видно на чертеже «корпуса» слева

Рядом с Петром I часто упоминают Адама Сило. Считается, что он обучил Петра, как рисовать корабли. Сило действительно был судостроителем. Но при этом он был и достаточно успешным художником. Между этими двумя джентльменами определённо существовало непонимание: Пётр хотел научиться делать чертежи кораблей, Сило же пытался научить его делать эскизы. Собственные теоретические работы Сило не дают нам оснований надеяться, что он мог чему-то научить государя по части конструирования кораблей. В 1757 году Сило опубликовал небольшую книгу об этом, но умер прежде, чем успел объяснить в отдельном сочинении, в чём же заключалась его система.

В своей записке Пётр I демонстрирует отменное понимание технических проблем. Однако, если ему и удалось передать параметры судна в линиях, нанесённых на бумагу, какое именно судно он начертил? Ему нужны были чертежи всех видов судов, в которых он испытывал потребность. Но, что же он хотел получить? Боевые корабли или грузовые суда? Быстрые корабли с тяжёлым вооружением или суда с повышенной грузовместимостью? Он не мог не понимать, что его попытки преобразовать голландскую систему в универсальный метод проектирования судов на бумаге окажутся бесполезными без опыта судостроителей, которые на уровне инстинкта понимали все формы и размеры, необходимые для создания судна с конкретными заданными качествами. Он не мог не понимать, что изготовить эскизный чертёж — вовсе не то же самое, что проектировать судно с конкретными характеристиками.

Так что он отправился в Англию, где действительно нашёл систему, основанную на предварительных планах и отвечающую его запросам. Однако его последующие попытки внедрить в России голландские методы заставляют предположить, что даже английские методы проектирования соответствовали его требованиям не в полной мере.

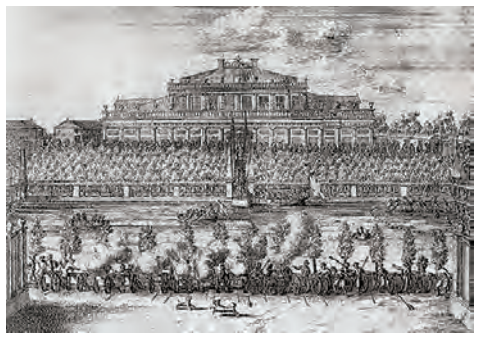
Г.А. Айдашева
(Москва)

Роль Ф.А. Головина и Н. Бидлоо в создании дворцовой усадьбы Петра I в Москве

Дворцово-парковый ансамбль Лефортово – единственная императорская резиденция в Москве, во многом сохранившая первоначальную планировку петровских времён и предвосхитившая дворцовые комплексы Санкт-Петербурга. В 2005 году Лефортовский парк («Головинский сад») как неотъемлемая составная часть дворцово-паркового ансамбля Лефортово вошёл в состав Московского государственного объединенного музея-заповедника.

В начале XVIII века здесь, на левом берегу реки Яузы располагалась усадьба ближайшего сподвижника Петра I – графа, верховного канцлера, генерал-фельдмаршала и адмирала Фёдора Алексеевича Головина. По его фамилии усадьба долгое время называлась Головинским садом.

После покупки её в 1722 году в казну Петром I это название сохранилось вплоть до вступления на престол Анны Иоанновны и было возобновлено при императрице Елизавете Петровне. Существующему ныне названию Лефортовский парк обязан наименованию местности в районе современной Солдатской улицы.

Вид Головинского дворца
с прилегающей
к нему местностью.
Гравюра Шхонебека, 1705

В 1700–1702 годах Ф.А. Головин, будучи прогрессивным государственным деятелем, пожелал построить для себя усадьбу. Усадьба отвечала новейшим европейским тенденциям в архитектуре и организации парка. Великое посольство 1697–1698 годов несомненно способствовало его приобщению к передовым европейским идеям и в области паркостроения. Общий замысел усадьбы определялся также вкусами и наклонностями Петра I, которые существенно изменились после его первой поездки в Европу.

Детально усадьба Головина показана на известном офорте Адриана Шхонебека 1704–1706 годов, где в наиболее характерном виде изображены садовые постройки и планировка владения. В соответствии с художественными вкусами XVIII века Шхонебек оживил изображения архитектуры ближнего и дальнего планов сценой выезда Петра I из усадьбы. Согласно записям в «Походном журнале» Петра, царь 5 мая 1705 года проживал в усадьбе перед отъездом в Польшу, так что, вероятно, этот выезд и запечатлён Шхонебеком.

Территория усадьбы делилась на три функциональные зоны:

— центральную жилую,
— парадно-увеселительную северную,
— подсобно-хозяйственную южную.

Все три зоны соединяла друг с другом продольная ось – главная внутренняя дорога, связывающая усадьбу с внешним миром, сейчас это главная аллея Лефортовского парка.

Известно, что проектированием усадьбы Головина занимался голландец Николаас Бидлоо.

Николай Ламбертович Бидлоо – так звали его в России – родился в Амстердаме. Он изучал медицину в Лейденском университете под руководством своего отца, фармацевта и ботаника Ламберта Бидлоо, и дяди, крупного анатома и хирурга Готфрида Бидлоо, бывшего одно время лейб-медиком английского короля Вильяма III.

В 1697 году Бидлоо защитил диссертацию и стал доктором медицины. В 1701 году его пригласил в Россию по личному распоряжению Петра I посланник России в Голландии Андрей Матвеев. Контракт заключили на шесть лет. В документе 1702 года говорилось: «Въехал в Россию голландец Николай Бидлоо, в народе прозванный Быдловым, а по бумагам Быдло». Ничего оскорбительного в этой записи не было: ругательным слово «быдло» (от польского «bydlo» – скот), стало в России гораздо позже. Н. Бидлоо заступал на должность «ближнего доктора его царского величества» (то есть придворного врача) с годовым жалованьем 500 рублей. Когда же он стал управлять созданным при его непосредственном участии Госпиталем с лекарской школой, Пётр утроил эту сумму, и она достигла колоссальной по тем временам цифры. Н. Бидлоо, будучи разносторонне творчески одарённым человеком, занимался в России не только врачебной практикой, но и садовой архитектурой.

Портрет Н. Бидлоо
(ок. 1674–1735)

В России, ставшей его второй родиной, Николай Ламбертович Бидлоо прожил 34 года. Он умер 23 марта 1735 года в возрасте около 60 лет и был похоронен близ Госпиталя на Немецком, ныне Введенском, кладбище. Сейчас могила этого замечательного человека утрачена, место его захоронения неизвестно. К 300-летнему юбилею Главного военного клинического госпиталя имени Н.Н. Бурденко скульптором Л. Барановым был создан памятник Н. Бидлоо и Петру I, установленный на берегу Яузы, там, где в далеком 1706 году всё начиналось.

Судя по характеру построек усадьбы Головина, изображённых на гравюре, видно, что Н. Бидлоо был знаком с творчеством таких крупных архитекторов Голландии XVII века, как Я. ван Кампен, П. Пост и Ф. Вингсбонс; это особенно заметно в архитектуре Головинского дворца на офорте-панораме. Воспроизведение в усадьбе архитектурных образов и мотивов голландских садов и парков свидетельствует об авторстве иностранного мастера, обладавшего серьёзными познаниями в данной области.

Лефортово. Памятник Петру I и Н. Бидлоо на территории Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко. Скульптор Л.М. Баранов. Современное фото

Архитектурные решения в усадьбе Головина совершенно не похожи на деревенские постройки, свойственные русским загородным усадьбам второй половины XVII века. Уникальность проекта заключается в том, что застройка представлена как фрагмент урбанизированной среды, расположенной вдоль Яузы.

Голландия XVII столетия – самая урбанизированная страна Европы, и потому плотность там усадебной застройки даже вне городов была высокой. Гравюра Шхонебека, запечатлевшая вид усадьбы Головина, демонстрирует таким образом и вид застройки Голландии. Виды, сходные с этим, Пётр I и участники Великого посольства могли наблюдать, проходя по голландским рекам: Амстелу, Вехту, Маасу и Спарне.

Анализируя гравюру Шхонебека, можно обнаружить, что усадьба Головина во многом состоит из архитектурных реплик голландского паркостроения. Большим открытым пространством усадьбы являлась акватория прямоугольного пруда, к которому северным (садовым) фасадом был обращён Головинский дворец. Хорошо видно, что он был поставлен на высоком террасированном склоне, а поперечная ось дома имела развитие в виде лестницы к пруду с промежуточной площадкой для выхода на аллею на склоне. Данный

приём во многом повторял идею террасного сада в резиденции представителей дома Оранских И.М. фон Нассау-Зигена в Принсенхофе близ Клеве, осуществленную по проекту архитектора П. Поста, в 1663–1666 годах.

Самым голландским сооружением усадьбы, изображённым на гравюре, является ветряная мельница, использовавшаяся как водоподъёмная для работы фонтанов. Такие мельницы широко использовались в парках, где не было верховых водоёмов-накопителей, начиная с эпохи Возрождения.

Центром двора с садом, где размещалась ветряная мельница, была трельяжная беседка. Эта легкая постройка представляла собой беседку-дерево, крона которого как бы накрывала собой купольную часть. Подобные парковые затеи широко практиковались в Голландии в XVI веке.

Усадебный прямоугольный пруд имел продольную ось в направлении запад – восток. Она проходила через канал сброса воды в Яузу под мостиком набережной реки, мостом-плотиной голландского типа к протоке с голландским же мостиком у восточной границы усадьбы. Симметрию композиции должна была подчеркивать опоясывающая пруд балюстрада.

Руководствуясь офортом-панорамой, можно заключить, что третью поперечную ось усадьбы Головина формировали два сада-кабинета, находившиеся южнее парадного двора. Композиция садов-кабинетов почти целиком заимствована из парка Лоо при резиденции штатгальтера Республики Соединённых провинций Вильгельма III Оранского, которую во время Великого посольства посещал Пётр I и его свита.

В 1706 году Ф.А. Головин умер, и его усадьба в дальнейшем выкупается в императорскую собственность. В 1721–1722 годах Пётр I планирует возрождение полюбившейся ему Головинской усадьбы. К этому времени возрос авторитет Н. Бидлоо не только как медика, но и как садоустроителя и архитектора. Вдохнуть новую жизнь в работы, начатые при Ф.А. Головине, император поручил именно ему. Вероятно, толчком к этому послужил визит царя в личную усадьбу Бидлоо, находившуюся рядом с Госпиталем и обустроенную в лучших традициях голландского паркостроения.

Усадьба Бидлоо, построенная примерно в 1710 году севернее усадьбы Головина, представляла собой небольшие в архитектурном отношении постройки, которые предназначались в основном для летнего отдыха. Представление об этой усадьбе даёт нам коллекция рисунков, собственноручно выполненных Н. Бидлоо и сопровож-

Лефортово. Головинский (Прямоугольный) пруд.
Современное фото

дённых им же написанным «Очерком, поясняющим рисунки моим детям и семье». Рисунки и очерк Бидлоо были опубликованы в 1975 году сотрудником Лейденского университета Д. Виллимзе.

Виды своей усадьбы Бидлоо изобразил уверенной рукой пером с тонировкой кистью, что свидетельствует о явном навыке автора в рисовании пейзажа, архитектуры и жанровых сцен. Бидлоо умел строить перспективу с различных точек зрения, владел воздушной перспективой и обладал хорошим чувством композиции. Сам Бидлоо относился к своим творческим способностям серьёзно, считая их не менее существенной стороной своей жизни. «Мою жизнь и честь я посвятил практической медицине, – написал Бидлоо в “Очерке”, – а для удовольствия и отвлечения я обращался к различным искусствам и наукам, таким как живопись, рисование, музыка, математическая геометрия, архитектура и т.д., а также некоторым умозрительным философским интересам, но среди всего этого я, со времён моей юности, не желаю ничего большего, чем удовольствия и радости деревенской жизни».

Начав переустройство усадьбы Головина, Бидлоо проектировал новое садовое пространство близ Яузы, руководствуясь рисунками Петра I. На берегу реки, ниже Головинской усадьбы, предполагалось рытьё каналов и прудов, строительство плотины с гротами, а также устройство менажерей.

В 1723 году императором присылались инструкции относительно работ в строящемся «водном» саду, предусматривавшие устройство беседок и люстгаузов (больших садовых павильонов с пышной архитектурной отделкой) на двух островах Большого пруда и на

Лефортово. Восьмигранный остров и Восьмигранный пруд.
Современное фото

Лефортово. Плотина Венеры.
Современное фото

Восьмигранном острове, строительство поворотных мостов на голландский манер через будущие каналы.

Продольную ось усадьбы Бидлоо условно развил к реке, устроив ниже Главной аллеи Восьмигранный остров с огибающим его каналом. На Восьмигранном острове была поставлена тёсовая беседка с проволочными стенами – менажерия для мелких птиц с вазоном на крыше. Для спуска к каналу использовались старинные каменные лестницы с чугунными ступенями и площадка из чугунных плит.

Нижние водоёмы должны были стать ядром «водного» сада Петра I в новом Головинском ансамбле. Система нижних каналов и прудов получала единый уровень воды с Яузой, а планировочная структура Головинского ансамбля Петра I должна была присоединиться к структуре Лефортовского (Меншиковского) дворца, находящегося на правом берегу Яузы. С северного торца Большого нижнего пруда Бидлоо проектировал прямоугольный остров «место для посадки леса», что делало территорию Лефортовского (Меншиковского) дворца зрительно обособленной от проектируемого «водного сада» Петра I.

К 1724 году, к моменту коронования Екатерины I, Н. Бидлоо возвёл плотину, которая отделила Прямоугольный (Головинский) пруд от Восьмигранного острова. Через плотину вода поступала в нижние каналы и пруды. Полуциркулярный фронтон плотины был украшен барельефом, на котором был изображён Пётр I с символами Истины и Мудрости, а по сторонам – галерея подвигов Геркулеса. В центральной нише плотины, на полукруглой белокаменной площадке, была установлена статуя Геркулеса с поверженным и окованным цепями Цербером, из трёх глав которого фонтанировала вода. По бокам Цербера лежали два каменных золоченых сфинкса, из сосцов которых также текла вода.

В 1730-е годы плотина была кардинально перестроена, предположительно архитектором Ф.Б. Растрелли. Её облицевали белым камнем, а в центральной части поместили портик с четырьмя колоннами и большой нишей, в которой находилась фонтанная статуя Венеры с двумя голубями у ног богини. Венера стояла на раковине, поддерживаемой спинами двух китов, из пастей и ноздрей которых била вода. Статуя богини Венеры, расположенная в нише плотины и дала ей название – плотина Венеры, сохранившееся до наших дней.

Плотина Венеры неоднократно перестраивалась с применением различных архитектурных решений, но до сегодняшнего дня богатое скульптурное убранство не сохранилось.

Параллельно с плотиной в 1724 году, у Крестового пруда, Н. Бидлоо был сооружён грот. Скульптурное убранство грота прославляло военные победы России. В 1731 году архитектор Ф.Б. Растрелли перестроил грот. Впоследствии грот был переделан дважды: в 1770–1780-е годах в связи со строительством Екатерининского дворца и в первой половине XIX века.

В начале 1900-х годов обветшавшее архитектурное оформление грота вновь было изменено. Сегодняшнее оформление грота представляет собой соединение природного (булыжник) и культурного (кирпич) камня, что символизирует победу человека над силами природы.

В 1724 году Головинский ансамбль при Петре I стал крупнейшей дворцовой усадьбой Москвы, обращённой к Яузе и Ново-Немецкой слободе. Главной постройкой продолжали оставаться Головинские палаты, а также вновь устроенный «водный» сад с системой каналов и прудов. Пётр I мечтал когда-нибудь соединить водную систему Санкт-Петербурга с московской посредством Ладожского канала.

Смерть Петра I в начале 1725 года не позволила осуществить в Головинской усадьбе все его намерения, а Екатерина I после смерти мужа не проявляла к ней интереса.

В 1805 году в Головинском саду, на берегу Крестового пруда был построен храм-ротонда, в память о дворцовой усадьбе Петра I. Храм стал первым памятником императору Петру I в Москве. Автором проекта являлся архитектор М.Ф. Казаков. Место для храма было выбрано не случайно, именно здесь по преданию любил отдыхать Пётр I. До этого здесь находилась небольшая каменная площадка с четырьмя ступенями по обеим сторонам. Каменные ступени были украшены пьедесталами с сидящими на них двумя золочёными орлами, сделанными из камня. В могучих лапах орлы держали щиты, на одном из которых был изображён вензель Петра I, на другом – орден Андрея Первозванного.

Накануне Отечественной войны 1812 года, в мае была составлена очередная опись Головинского сада, в которой были перечислены и описаны все находящиеся в нём строения и деревья. Храм-ротонда описан следующим образом: «Храм, сделанной весь из белого камня на 8 колоннах с лепными капителями, равно и карниз внутри оного то ж лепной работы, внутри купол написан живописной работы мозаик. Над оным карнизом аттик, украшенной работой и посредине оного сделана с надписью мраморная доска. Купол покрыт чёрным листовым железом и выкрашен чёрной краской. Перед оным

Лефортово. Грот Растрелли у Крестового пруда. Современное фото

Лефортово. Беседка с памятником Петру I. Современное фото

площадка и крыльцо о 4 ступенях выслана чугунными плитами. По сторонам площадки на тумбах сидящих каменных выкрашенных краскою с держащими щитами два орла».

Во время сильнейшего московского урагана 1904 года храм был полностью разрушен и в том же году восстановлен как беседка в классическом стиле. Восемь колонн беседки держат купол, а внутри находится гранитная стела с выбитым изречением Петра I: «Труды моего Миниха сделали меня здоровым. Я надеюсь некогда ехать вместе с ним водою из Петербурга в Москву и выйти на берег в Головинском саду».

ЛИТЕРАТУРА

Аронова А.А. Архитектурные связи России с Северной Европой в последней четверти XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1993.

Аронова А.А. Усадьба Николая Бидлоо: первый голландский сад в Москве. М., 2008.

Бахтина И.К., Чернявская Е.Н. Загородные усадьбы в Лефортове (иллюстрированный каталог). М., 2002.

Бидлоо Н. Очерк, поясняющий рисунки моим детям и семье. — См.: Willimse David. The unknown Drawings of Nicholas Bidloo, Director of the First Hospital in Russia. Voorburg, 1975.

Дворцово-парковые ансамбли Москвы в первой половине XVIII века. М., 1969.

Дубяго Е.Б. Регулярные сады и парки. Л., 1963.

Евангулова О.С. Архитектурный ансамбль Лефортова в первой половине XVIII века // Вестник МГУ. № 5. 1962.

Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М., 1969.

Лефортово вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-исторической конференции. М., 1999.

Лефортово далёкое и близкое / Под ред. Е.П. Миклашевской, М.С. Цепляевой. М., 1996.

Лефортово – Немецкая слобода / Под ред. Е.П. Миклашевской, М.С. Цепляевой. М., 1999.

Миклашевская Е.П. Влияние Немецкой слободы на жизнь Москвы и русского общества в XVII–XVIII вв. М., 1996.

Работкевич И.А. История Лефортова в документах Центрального исторического архива Москвы // Вестник архивиста: июль–октябрь. № 4–5. М., 2000.

Работкевич И.А. Лефортово как объект культурного наследия: особенности становления и развития: Конец XVII в. – 1917 г.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2005.

Малафеева С.Л., Работкевич И.А. Фёдор Головин и Яузская Москва. М., 2002.

Холманских Г.Н. Лефортовский дворцово-парковый ансамбль: современное состояние и перспективы реставрации // Русская усадьба. Выпуск 3 (19). М., 1997.

Яйленко В.П. Очерки по истории и архитектуре Лефортово XVII–XVIII веков. М., 2004.

Е.А. Андреева
(Санкт-Петербург)

Голландское влияние на раннюю петербургскую архитектуру на примере дворца Меншикова

После знаменитой Полтавской победы, переломивший ход Великой Северной войны[1], царь в ноябре 1709 года издает указ строить царские каменные дома «изрядною архитектурною работою», а «господам министрам и генералам и знатным дворянам... строить каменные полаты»[2]. И в мае следующего года на Петербургском острове (нынешняя Петроградская сторона) началось возведение каменного дома государственного канцлера графа Г.И. Головкина. Спустя три месяца, в августе 1710 года, стали сооружать: на Васильевском острове дворец А.Д. Меншикова, рядом с ним каменный дом его управляющего Ф.А. Соловьёва, а на противоположном берегу Невы, в царском Летнем саду – каменные двухэтажные людские покои. Из всех этих самых первых каменных зданий Петербурга сохранился только дворец Меншикова. Таким образом, этот дворец является самым ранним из сохранившихся каменных зданий Петербурга[3].

[1] Stora nordiska kriget (*шв.*).

[2] Журнал, или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г., даже до заключения Нейштатскаго мира. СПб., 1770. Ч. 1. С. 251–252; Последняя редакция. 1708–1711 гг. // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Под общ. ред. А.А. Преображенского; сост. Т.С. Майкова. В 2-х вып. М., 2004. Вып. 1. С. 325.

[3] РГИА. Ф. 467 (Канцелярия от строений). Оп. 2. Кн. 35а. Л. 36 об., 38; *Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф.* Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1988.С. 63, 68–69;

Итак, дворец был заложен в августе 1710 года. К октябрю следующего года была в основном отделана центральная часть дворца. Дворец насчитывал четыре этажа, включая первый погребной (цокольный), и имел высокую с переломом крышу. С 1712 года здание постоянно достраивалось и перестраивалось. Так, на выходящем на Неву фасаде, появились симметричные боковые ризалиты, ещё один ризалит был сделан по центру противоположной северной стороны. Он был сделан, по всей видимости, в 1716–1717 годах, что было связано с устройством новой для России архитектурной формы – внутренней межэтажной парадной лестницы[4].

Первым архитектором в 1710–1712 был Франческо Фонтана, вероятно швейцарец итальянского происхождения. С 1713 года и до ссылки Меншикова в сентябре 1727 во дворце работал нанятый лично Меншиковым немецкий «каменных дел» мастер Иоганн Готфрид Шедель. С 1722 года за работы во дворце отвечал Доминико Трезини[5].

О том, какие образцы могли послужить прообразами дворца А.Д.Меншикова, рассуждает С.Б. Горбатенко и приходит к выводу, с которым я вполне согласна, что это мог быть Ораниенбург – расположенный под Берлином замок в голландском стиле, являвшийся резиденцией прусской королевы Луизы Генриетты Нассау-Оран-

---

Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: Справочник. СПб., 2000. № 331. С. 78.

[4] *Калязина Н.В.* Архитекторы ансамбля дворца Меншикова на Васильевском острове // Русская культура первой четверти XVIII века. Дворец Меншикова / Сб. научных трудов. СПб., 1992. С. 10–15; *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 61–74; *Калязина Н.В., Калязин Е.В.* Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2006. Ч. II: Строитель России. С. 315–324.

5 РГАДА. Ф. 198 (Походная и домовая канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Ед. хр. 969. Л. 4, 12–15, 25–27 об. (Документы опубликованы: *Андреева Е.А.* Петербургская резиденция А.Д. Меншикова в первой трети XVIII века: Описания палат, хором и сада. Приложение I. № 3–5); *Малиновский К.В.* 1) Архитектор А.Д. Меншикова Франческо Фонтана // Петровское время в лицах-2003: Краткое содержание докладов научной конференции, посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 76–77; 2) Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 63–68; *Андреева Е.А.* И.Г. Шедель – трагическая судьба иностранца в России // Труды ГЭ. Т. XXXVIII: Петровское время в лицах – 2007: Мат-лы научн. конф. СПб., 2007. С. 14–16.

Об И.Г. Шеделе и его брате Иоганне Христофоре см. подробнее: *Горбатенко С.Б.* Формирование ансамбля Большого дворца в Ораниенбауме в первой четверти XVIII в. // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология / Ежегодник. 1993. М., 1994. С. 416.

ской. Луиза Генриетта была внучкой первого статхаудера Нидерландов Вильгельма I Оранского Молчаливого и дочерью Фредерика-Генриха Оранского, также ставшего в свою очередь статхаудером Нидерландов. Дворец в Ораниенбурге был построен в середине XVII века и реконструирован уже после смерти его первой хозяйки – в начале 1690-х годов в «итальянском стиле».

Общие черты обоих дворцов: высокая мансардная кровля, пришедшая в Германию из Франции, массивные аттики со скульптурой, замкнутые дворы с угловыми башнями; увенчанные барочными фронтонами боковые ризалиты. «Итальянизм» обоим дворцам придаёт поэтажный ордер. Во дворце А.Д. Меншикова, вполне отчётливо присутствует нидерландское влияние: это – тонкие стены и одинарные подъёмные переплёты; фронтоны боковых ризалитов, повторяющие очертания фронтонов на голландских жилых домах второй половины XVII века; и «голландская» расстекловка окон[6].

Голландское влияние нашло своё отражение и во внутреннем убранстве дворца А.Д. Меншикова. В первую очередь это знаменитые интерьеры, отделанные расписной голландской фаянсовой плиткой[7]. Первые «плитковые» появились во дворце в 1717 году, основная часть интерьеров была декорирована в 1719–1720, несколько отделывались и позднее. Всего насчитывалось 13 интерьеров, в отделке которых присутствовала голландская плитка. Все «плитковые» находились на втором этаже, в восточной части дворца. Четыре из них относились к личным покоям светлейшего князя (сохранилось три: «Спальня Меншикова», «Предспальня» и «Кабинет из прихожей»). Плитками была выложена также спальня свояченицы светлейшего князя В.М. Арсеньевой, которая тоже сохранилась под историческим названием «Варварин покой». Ещё в четырёх были детские (утрачены). Нидерландские плитки также использовались в отделке кухни, располагавшейся между покоями В.М. Арсеньевой и детскими (тоже утрачена). Назначение ещё трёх несохранившихся помещений не определено: одна из них находи-

[6] *Горбатенко С.Б.* Новый Амстердам: Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов = New Amsterdam: St Petersburg and architectural images of the Netherlands. СПб., 2003. С. 168–173.

[7] Подробнее об отделке голландскими плитками интерьеров в Петербурге см.: *Андреева Е.А.* Голландская расписная фаянсовая плитка в интерьерах дворца Меншикова в Санкт-Петербурге // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 126–128.

лась между спальней В.М. Арсеньевой, кухней и детскими, ещё две – на детской половине за детским залом[8].

«Плитковые» интерьеры выглядели по-разному. Так, в шести из них плитками были отделаны и все стены, и потолки (в их число входят четыре сохранившихся подлинных «плитковых» интерьера). В остальных – плитками были облицованы только стены. В трёх помещениях отделка стен плитками сочеталась с литьём.

Расположенная на втором этаже между парадными помещениями и детскими кухня, в одном из документов названная «Кухня, что чай варят»[9], имела следующее убранство: стены были облицованы плитками, здесь находились кирпичный очаг и кирпичная печь на железных ножках, и шкаф, выполненный из сосны и ореха. В кухню вели две двери, одна из которых, как в большинстве интерьеров, была обита красным сукном, а вторая – дубовая со стеклянными вставками.

Ещё в одной «плитковой» отделка плитками сочеталась с панелями, а потолок украшала живопись по холсту (подобное отделочное решение потолка присутствует в ещё одном сохранившимся подлинном интерьере меншиковского дворца – знаменитой «Ореховой»). Вероятно, это утраченная Парадная приёмная князя, входившая в число личных покоев А.Д. Меншикова и находившаяся между Большим залом и «Ореховой». Этот интерьер был утрачен ещё в 1743–1744 годах, когда помещение вошло в объём созданной в Большом зале церкви Кадетского корпуса и стало её алтарной частью. Во времена первого хозяина это помещение было на два окна, отапливалось изразцовой «гамбургской» печью, в нём имелась створная дубовая дверь, по стенам висело четыре зеркала[10]. В «Повседневных записках» А.Д. Меншикова это помещение называется «Плитковой» или «передней Плитковой»[11]. Из письма подьячего Ивана Борисова дворецкому А.Д. Меншикова Ф.А. Соловьёву от 8 октября 1717 года устанавливается, как и когда отделывалось это помещение: «...панелли, которые были заготовлены, все роставлены, точию

---

[8] См. об этом: *Андреева Е.А.* Голландская расписная фаянсовая плитка... С. 125–135.

[9] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 1630. Л. 39 об. (опубликовано: *Андреева Е.А.* Петербургская резиденция А.Д. Меншикова... Публикация. № IIб).

[10] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1727. Л. 70 (опубликовано: *Андреева Е.А.* Петербургская резиденция А.Д. Меншикова... Публикация. № IV.)

[11] Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова: 1716–1720, 1726–1727 гг. / Сост. С.Р. Долгова, Т.А. Лаптева // Российский архив. М., 2000. С. 561, 562–564.

остались одна короткая стена от прихожих дверей, на которую столярий делают с великим поспешением и, хотя денно и ношно работают, однакож говорят, что ещё того им дела будет дней на пять. К тому недостало было плиток, которых пожаловал отпустил Пётр Иванович Мошков два ящика <...> Панелли поволит ли его светлость ныне покрывать краскою и бромзом, или до времени укажет отложить, о том прошу милостивого от вас известия»[12].

Представляет интерес устройство ещё одной «плитковой»: «28. Полата, а в ней комель убран плитками галанскими, в середине одно зеркало болшое попорчено в трёх местах, по сторонам четыре малые длинные. Стены и потолок убраны галанскими плитками. А в ней канторка деревянная: стены обиты полотном, а потолок подкрашен живописною работою, а в ней комель штукатурной работы. Во оной полате и канторке четыре окошка с окончинами в замаске, в том числе одна окончина полированная, а в канторке двои двери дубовые на петлях и крючьях железных с стеклами. Пол шахматной дубовой и березовой, во оной каморке шкап з двумя дверми у верхних дверей замок медной без ключа, у дверей при канторке медной замок, у верхних дверей замок медной бес ключа, а у нижних дверей замок оторван, у третьих дверей замок медной бес ключа попорчен, а задвижки длинные незадвигаются, во дверех одно стекло выбито»[13].

Анализ плиток дворца Меншикова показал, что здесь использовалась квадратная плитка, со стороной 5 дюймов (128–130 мм), толщиной – 7–8 мм. Это был самый распространённый размер и форма плитки со второй половины XVII до 1830-х годов[14]. Плитки выполнены в технике подглазурной росписи, которая наносилась вручную оксидом кобальта (оттенки синего цвета), реже – оксидом марганца (пурпурные оттенки) по необожжённой оловянной глазури. После чего плитка проходила второй обжиг при температуре около 1000 °С, в результате которого краска полностью соединялась с глазурью, а глазурь стекленела и становилась прочным, не пропускающим влагу материалом[15]. Роспись каждой плитки имеет законченный сюжет.

---

[12] Архив СПбИИ РАН. Ф. 84 . Ед. хр. 30. Л. 61 об.–62; опубликовано: *Андреева Е.А.* Петербургская резиденция А.Д. Меншикова... Приложение I. № 1.

[13] РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 1727. Л. 69–69 об.; опубликовано: *Андреева Е.А.* Петербургская резиденция А.Д. Меншикова... Публикация. № V.

[14] *Pluis Jan.* De Nederlandse Tegel decors en benamingen 1570–1930 / The Dutch Tile Designs and Names 1570–1930. Leiden, Nederlands Tegelmuseum, 1998. P. 57, 73–74; *Broeke ten J., Sabben van A., Woudenberg R.* Antieke tegels / Antique tiles / Carreaux anciens. Ooststraat. 2000. P. 36.

[15] *Lemmen H. van.* Delftware tiles. Oxford, 2010. P. 9.

Плитки на стенах и на плафонах каждого из помещений подобраны по композиционным типам заполнения плитки росписью, что превращает каждый интерьер в завершенную композицию. Таким образом, каждая плитка является художественным произведением, а каждый «плитковый» интерьер дворца Меншикова представляет собой уникальный художественный ансамбль.

Во многих случаях на основании изучения плитки можно установить время и место её производства. Два основных критерия – анализ материала и росписи. Материал различается по: размеру, толщине и составу фаянсовой основы; структуре и качеству глазуровочного слоя. В росписи плиток присутствует пять основных моментов: 1) угловой мотив; 2) форма рамки, в которую включено изображение (или отсутствие рамки); 3) заполнение плитки изображением; 4) сюжет; 5) качество росписи. На основании этого анализа установлено, что сохранившиеся в интерьерах дворца Меншикова плитки были сделаны в Нидерландах в 1710–1720-х годах, большинство – в Утрехте и во Фрисландии (Харлингене и Маккумах), а также в Роттердаме и Амстердаме[16].

Помимо «плитковых» интерьеров голландское влияние прослеживается в повсеместной установке в помещениях новых для России отопительных приборов – каминов. Согласно выявленной описи 1735 года, во дворце А.Д. Меншикова насчитывалось 33 камина[17]. В основном камины устанавливались в помещениях, где уже была печь, иногда, видимо в небольших по размеру помещениях, делался только камин. Несколько каминов упоминаются «при печи», то есть, вероятно, являются единым целым с печью (подобную конструкцию можно увидеть в сохранившихся интерьерах Летнего дворца

[16] Автор благодарит за консультации, прежде всего главного специалиста по нидерландской фаянсовой плитке, автора ряда основополагающих монографий господина Яна Плёйса (Jan Pluis); кроме того, доктора Яапа Йонгстра (Jaap Jongstra), куратора Keramiekmuseum Princessehof в Леувардене; доктора Йохана Камерманса (Johan A. Kamermans), куратора Нидерландского музея плиток в Оттерлоо; доктора Хуго тер Авест (Hugo P. ter Avest), директора музея Hannema Huis в Харлингене; доктора Лута Схледорна (Loet Schledorn), главу музейного дела в Алкмаарe и специалиста по делфтскому фаянсу; а также немецкого специалиста по плитке, сделанной в Роттердаме, автора нескольких книг Вильгельма Джойлета (Wilhelm Joliet).

[17] Подробнее об описи дворца Меншикова 1735 г. см.: *Андреева Е.А.* Петербургская резиденция А.Д. Меншикова... Ни один камин не сохранился, поскольку они были разобраны и заменены печами ещё в середине XVIII века **(***Петров А.Н.* Материалы к научному обоснованию реставрационных работ по Меншиковскому дворцу. Л., 1962. С. 25 (Рукопись))**.**

Петра I). В основном камины были просто сложены из кирпича, иногда – оштукатурены. Например, «1 полата, а в ней имеется: комель штукотурной работы обложен маленкими плитками, в нём доска железная, наверху оного комля боран железной же»[18].

Наибольший интерес представляет отделка каминов в парадных помещениях: ряд комнат обогревались каминами, обложенными голландскими плитками; отделка четырёх каминов в «плитковых» интерьерах выполнена литьём; один камин отделан и плитками и литьём; в Ореховой камин выложен мрамором. Необычна отделка камина в одной из «плитковых», судя по расположению (северо-восточный угол, выходящий к церкви Воскресения Христова, и к каналу, прорытому к деревянному дворцу А.Д. Меншикова) — это личный покой светлейшего князя А.Д. Меншикова: «Полата от церкви наугольная а в ней комел убран плитками галанскими в средине имя медное позолоченое листовым золотом князя Меншикова и с шапкою...»[19]. Необычно сочетание отделки камина в другой «плитковой»: здесь между голландскими плитками вставлено по центру большое зеркало и ещё четыре узких длинных зеркала по бокам[20].

Нидерландское влияние можно было увидеть и в отделке Большого зала, который отапливался двумя каминами, отделанными стёклами со вставленными позолоченными элементами. Каждый камин завершали две статуи, держащие короны. Короны были отделаны медью и украшены вставками из мрамора[21].

Таким образом, одно из первых каменных зданий Петербурга, и самое раннее из сохранившихся – дворец ближайшего сподвижника Петра I Александра Меншикова – имеет отчётливое голландское влияние как во внешнем облике, так и в отделке интерьеров.

[18] РГВИА. Ф. 314 (Первый Кадетский корпус). Оп. 1. Ед. хр. 1727. Л. 61 об.
[19] Там же. Л. 67 об.
[20] Там же. Л. 69–69 об.
[21] Там же. Л. 70 об.–71.

В.В. Аристов
(Кингисепп)

Образ Голландии в истории и архитектуре Нарвы

Известно, что Пётр I строил свой «парадиз» на Неве по образцу Амстердама, и в первые десятилетия своей истории Петербург выглядел как голландский город. Но образ любимой Петром Голландии угадывался не только в петровском Петербурге. Ещё до его строительства он присутствовал в Нарве — в городе, с осады которого в 1700 году для России началась Северная война.

Вид Ивангорода и Нарвы.
Гравюра В. Ставенхагена, 1866–1867

В 1704 году Пётр взял Нарву, и до 1918 года она находилась в составе России, представляя собой типично западноевропейский город, в котором сохранялось немало голландского. Так было вплоть до уничтожения исторической Старой Нарвы в период Второй мировой войны.

Голландский след в Нарве был предопределён его историей портового города, в котором со средних веков осуществлялась международная торговля. Первый большой приток голландских кораблей наблюдался в период расцвета нарвской торговли в 1558–1581 годах, когда этот ливонский город оказался в составе Московского царства Ивана Грозного. Захватив в мае 1558 года Нарву, русский царь сохранил за её жителями права городского самоуправления и даровал городу торговые привилегии, сделав его доступным для всех иностранных торговых судов. Голландцы, потеснившие к тому времени на Балтике Ганзу, устремились в Нарву за русскими мехами, мёдом, воском, пенькой, салом, льном, доставляя в нарвский порт соль, сельдь и различные товары европейской промышленности. Ежегодно в Нарву приходило от 200 до 300 торговых кораблей из Голландии[1] (не считая судов других стран). «Стечение иностранных “гостей” (купцов) в Нарве бывало громадное, — писал дореволюционный историк А. Петров, — туда свозилось такое обильное количество товаров, что, по словам летописи Ниенштедта, цена на них падала, и они продавались здесь дешевле, чем в самой Германии»[2].

После захвата в 1581 году Нарвы шведами и поражения России в Ливонской войне в нарвской торговле наступил длительный спад.

Новый подъём в международной торговле на реке Нарове и в развитии города Нарвы начался в 1660-х годах, после окончания русско-шведской войны, завершившейся Кардисским миром (1661). И хотя таких льготных условий, как во времена Ивана Грозного, в Нарве больше не было, голландские купцы продолжали сохранять интерес к этому торговому городу. Если в 1661 году сюда пришло только 3 судна из Голландии, то в 1699 году из 213 кораблей, посетивших Нарву, 80 были голландскими[3] (37,5 % от общего количества судов). При этом нужно учитывать, что это были значительно более

[1] *Канн П.* Нарва. Страницы истории города. Таллинн, 1979. С. 43.

[2] *Петров А.В.* Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901. С. 96.

[3] См.: *Кюнг Э.* Нюен — центр транзитной торговли в устье Невы (1632–1703) // TUNA. Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Тарту–Таллинн, 2006. С. 33.

крупные корабли, чем те, которые приходили сюда во времена Ивана Грозного.

Среди многих языков, звучавших во второй половине XVII — начале XVIII века в Нарве, присутствовал и голландский — не только язык моряков. В период нового подъёма Нарвы голландские купцы и промышленники стали селиться здесь на постоянной основе и открывать предприятия, построенные по голландскому образцу. Ставший нарвским жителем голландец Якоб Портеус построил на острове Кампергольм (Камперсгольм) вблизи Нарвы ветряную пильную мельницу — современное лесопильное предприятие, оборудованное шестнадцатью пилами голландского образца. Продукция этой лесопильни «отличалась большой степенью обработки». Здесь же Портеус оборудовал верфь и начал строить на Нарове корабли[4], которые создавались под руководством голландских мастеров[5].

Вряд ли случайно в 1700 году, во время первой осады Нарвы, Пётр I сделал свою ставку на острове Кампергольм, рядом с голландской верфью и ветряной лесопильней. Во-первых, они напоминали ему полюбившуюся Голландию. Во-вторых, именно о таких предприятиях Пётр мечтал. Возьми он Нарву в 1700 году, без сомнения, здесь, а не на Неве, царь-мореход попытался бы закрепиться в первую очередь. Именно здесь он начал бы строительство русского Балтийского флота и создание морской столицы России с привлечением имевшихся в Нарве голландских мастеров и технологий[6].

Известно, что к началу XVIII века «Нарва была одним из самых красивых городов не только Швеции, но и Европы»[7]. Голландцу Портеусу в Нарве принадлежал один из самых больших жилых каменных домов. Он был построен в 1667 году и стоял в исторической части города, на пересечении улиц Рююtли (Рыцарской) и Койду (Остерской). Дом Якоба Портеуса имел новый для Нарвы архитектурный эле-

---

[4] *Коченовский О.* Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллин, 1991. С. 58.

[5] Река Нарва. Реки с заповедными территориями в уезде Вирумаа. 2. Куру–Тарту. 2010. С. 132.

[6] Мою статью о том, что в 1700 году Пётр I пришёл на реку Нарову для того, чтобы начать строить здесь Балтийский флот, развивать русскую морскую торговлю и создавать морскую столицу России, опираясь на Нарву и Ивангород, см. в сборнике докладов IV Конгресса петровских городов.

[7] Narva. Muutes tuleviku minevikku. Нарва. Изменяя прошлое будущего. Narva, 2005. С. 41.

Дом Германа Поортена.
Фото начала XX века

мент — расположенные по углам здания многогранные эркеры — и напоминал дом бюргермейстера Нарвы Йоханна Шварца[8].

Самый большой жилой дом города (ул. Суур, 1/ Мяэ, 2), принадлежавший нарвскому бургграфу Кристофферу фон Кохену, который проживал ранее в Москве в качестве торгового представителя Шведского королевства, был построен в 1688–1693 годах в стиле голландского классицизма. Как писал, ссылаясь на шведского исследователя Стена Карлинга, историк градостроительства Нарвы Олег Коченовский, использование в архитектуре этого дома элементов ионического ордера «было характерным для архитектора Амстердама Даниеля Сталборна и его соотечественника Юстуса Вингбоонса»[9]. Искусствоведы утверждают, что здания данного направления «отличает тяготение к классицистическим мотивам в декоре фасадов домов»[10].

В том же стиле голландского классицизма был возведён дом купца Германа Поортена на Рыцарской улице (Рюютли, 24), считав-

[8] *Коченовский О.* Указ. соч. С. 76–77.

[9] Там же. С. 79–80.

[10] *Кравчунас М.* Основные стилевые тенденции в голландской архитектуре конца XVI–XVII вв. (на примере жилой застройки Амстердама). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. СПб., 2011. С. 15.

шийся самым красивым в Нарве. Этот дом строился в 1695–1704 годах и был завершён к моменту завоевании Нарвы Петром I. Фасады дома Поортена «были полихромно раскрашены — стены имели красноватый цвет, пилястры с постаментами и капителями были серыми, под мрамор, оконные рамы — красными и белыми, а ставни и двери украшала роспись»[11].

Портал главного входа здания был выполнен работавшим в Нарве голландским скульптором Якобом ван дер Капелле. «В противовес представительной торжественности центрального фрагмента фасада, решённого в стиле голландского классицизма, портал был лёгким и грациозным, — пишет историк Коченовский. — <...> Дом в целом имел вид небольшого дворца, однако арочные проёмы с дверями, имевшими кованые железные детали и ведущими с улицы в высокий цокольный этаж, служивший складом товаров, напоминали, что это купеческий дом»[12].

Якоб ван дер Капелле создал порталы для нескольких крупных зданий Нарвы. Они появились здесь в последнем десятилетии XVII века и отличались от строгих и скупых порталов предыдущих десятилетий богатым изящным декором и скульптурными деталями[13]. «Нарва — это город порталов в стиле барокко, постепенно открывать которые — это великое удовольствие», — сообщало в 1939 году издание «Живописная Эстония»[14].

Вообще же, издания по истории Нарвы отмечают, что дома горожан здесь во второй половине XVII века строились «в голландском стиле»[15].

Как правило, подчёркивается, что Старая Нарва в целом была построена в стиле барокко. Однако из книг искусствоведов следует, что самые значимые здания города во второй половине XVII — начале XVIII вв. были возведены в стиле голландского классицизма. Это относится к сохранившейся нарвской ратуше, построенной в 1661–1671 годах. Первоначальный проект, подготовленный строительным мастером из Любека Георгом Тейффелем[16], был выполнен

[11] *Коченовский О.* Указ. соч. С. 84.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 85.

[14] Цит. по: Narva. Muutes tuleviku minevikku. Нарва. Изменяя прошлое будущего. С. 31.

[15] Река Нарва. С. 133.

[16] После отъезда из Нарвы Г. Тейффель работал в Риге на сооружении башни церкви св. Петра.

Порталы домов Нарвы.
Фото начала XX века

Ратушная площадь.
Здание биржи
с двухъярусной башней, 1746

в основном в стиле барокко. Но по принятому в конечном итоге проекту архитектура главного общественного здания Нарвы соответствовала голландскому классицизму, который с 1650-х годов стал официальным архитектурным стилем Швеции. Досконально изучавший архитектуру Старой Нарвы шведский искусствовед Стен Карлинг считал, что немец Тейффель, будучи в Голландии, соприкоснулся с творчеством таких ведущих архитекторов, как Якоб ван Кампен, Питер Пости, Филипп Вингбоенис[17].

Ратуша имела черты, характерные для манеры работавшего в Стокгольме Никодима Тессина-старшего, и напоминала старую ратушу шведской столицы. У ратуши в Нарве — высокий цокольный этаж, полуэтаж под крышей, портал с рустикой. Как писал Стен Карлинг, расположение нарвской ратуши, главный фасад которой был обращён к городскому рынку, а также наличие наружной лестницы и высокой башни со шпилем на крыше — соответствовали типу ратуши нидерландских городов[18]. При этом если ратуша Нарвы в целом решалась в стиле голландского классицизма, то «архитектурный акцент центральной части фасада — скульптурный портал — был выполнен в стиле сдержанного

[17] См.: Narva. Muutes tuleviku minevikku. Нарва. Изменяя прошлое будущего. С. 41.

[18] См.: *Коченовский О.* Указ. соч. С. 96.

и несколько холодноватого, элегантного нидерландского барокко»[19]. Портал был привезён из Стокгольма и, как предполагают, выполнен Николаем Миллихом из Антверпена, работавшим в Швеции (где он, в частности, создавал статуи для королевского дворца Дроттнингхольм).

Нарвская биржа с одногалерейной башней. Гравюра, 1856

Голландский облик носила и биржа на Ратушной площади, автор проекта которой саксонский скульптор Йоханн Георг Херольд вносил в свои работы, по выражению Стена Карлинга, черты «дисциплинированного барокко голландского образца»[20]. Как верно замечает эстонский историк Энн Кюнг, «биржа должна была стать символом, который призван был отражать тенденции и уровень развития Нарвы в последние десятилетия XVII века»[21]. Но, конечно, в первую очередь биржа в Нарве строилась из чисто практических целей. Активное развитие торговых связей Нарвы с морскими державами и городами Западной Европы требовало развития в городе современной торговой инфраструктуры. «Для этого лучше всего подошло бы здание биржи с необходимыми складскими и торговыми площадями, вроде виденного в Амстердаме»[22].

Как и башня ратуши, башня биржи первоначально имела две галереи, была двухэтажной. В начале XIX века её перестроили, оставив одну галерею. Здание биржи до настоящего времени не сохранилось. В 2011 году на её месте было возведено здание Нарвского колледжа Тартуского университета. Его фасад условно стилизован под фасад биржи, утраченной в ходе Второй мировой войны.

[19] Там же.

[20] Цит по: *Коченовский О.* Указ. соч. С. 73.

[21] *Кюнг Э.* Нарвская биржа как символ своей эпохи // Narva muuseum.Toimetised. 6. 2006. С. 125.

[22] Там же.

Ворота в ограде городской церкви (так называемые Ворота смерти). Скульптор Й.Г. Херольдт, 1692–1694

Приверженец «дисциплинированного барокко голландского образца» Й.Г. Херольд построил в Нарве и знаменитые ворота кладбища городской церкви (так называемые «Ворота смерти»). Достраивал их голландец Якоб ван дер Капелле, создававший изящные барочные порталы к жилым домам богатых нарвитян.

Говоря о голландском следе в архитектуры Старой Нарвы, стоить обратить внимание на построенный в середине XVII века первый стационарный деревянный мост через реку Нарову. В его западной части была крыша, что придавало этому месту вид беседки. В восточной части, ближе к Ивангороду, имелось подъёмное устройство, напоминающее разводные мосты в Голландии. Возможно, нарвский мост был оборудован этим устройством в XVII веке, хотя не исключено и то, что его установили тогда, когда Нарва стала русским владением и когда разводные мосты голландского образца активно строились в раннем Петербурге[23].

Как и в период «голландского детства» Петербурга, образ Голландии в Нарве конца XVII — начала XVIII вв. создавали башни и шпицы ратуши, биржи и лютеранских церквей. К этому добавлялись высокие ступенчатые щипцы жилых домов и стоявшие близ города ветряные мельницы — мукомольные и лесопильные, построенные по голландским образцам. Голландские черты Нарвы прослеживались в самом абрисе города последних лет шведского правления и периода Северной войны.

Говоря об интерьерах нарвских зданий времён Петра I, следует заметить, что во многих из них имелись облицованные кафелем голландские печи. Большое количество кафеля найдено в последнее время на территории Старой Нарвы при археологических раскопках. Из описания находок следует, что «сине-белые фрагменты кафеля с обойным узором ... украшены орнаментом из гвоздик и винограда»[24].

[23] См.: *Анисимов Е.* Петербург времён Петра Великого. М.; СПб., 2010. С. 178–179.

[24] *Вунк А.* Печные изразцы и кафель XVI–XVIII вв. с участков 22–26 по ул. Суур в Нарве // Narva muuseum.Toimetised. 6. 2006. С. 89.

Мост через Нарову. Построен в 1698 году. Чертёж, 1728

Так называемые голландские печи с центральным дымоходом распространились в Эстонии на рубеже XVII–XVIII веков. В XVIII столетии «местные раскрасчики кафеля создали даже особую нарвскую школу. Кафель раскрашивался в стиле барочном или рококо». Помимо сине-белой цветовой гаммы появились и другие цвета. На найденных «кафельных фрагментах сохранились виды города: дома и башни»[25].

Как сообщала в начале 1914 года газета «Нарвский листок», в Нарве «в некоторых домах сохранились характерные изразцовые печи, расписанные в старинном духе с картинами из библейской истории. Кое-где на потолках комнат сохранились плафоны, любимое украшение жилищ прежних жителей Нарвы»[26].

Хотя и не с таким размахом, как в петербургском дворце Меншикова, в домах Нарвы «в отдельных случаях голландскими рисунчатыми кафельными плитками облицовывались и стены помещений»[27]. Впрочем, «отдельные случаи» тоже впечатляли. Например, стены зала жилого дома на углу улиц Раху и Кооли «были облицованы голландским кафелем от пола до потолка». При этом «следует отметить, что отделка помещений расписными кафельными плитами являлась художественной особенностью многих интерьеров нарвских жилых домов XVII в.». Эта «голландская особенность» сохранялась до XX века. Уже в 1920-х годах, когда Нарва оказалась в составе суверенной Эстонской Республики, «голландские изразцы из Дельфта, украшенные рисунками на библейские темы и находящиеся в комнате дома по. ул. Суур, были проданы владельцами в Америку»[28].

Позже «около 750 голландских изразцов из одного нарвского дома были перенесены в лютеранскую церковь, построенную в 1939 г. в

[25] Там же.
[26] Нарвский листок. № 14 от 4 февраля 1914 г.
[27] *Коченовский О.* Указ. соч. С. 85.
[28] Там же. С. 199.

Жилые дома по улице Раху
и Спасо-Преображенский собор на ул. Виру. Фото 1939

сельском посёлке Тудулинна. Собранные в панели изразцы установили в межоконных простенках». К началу 1990-х годов около 120 изразцов было утрачено[29].

Дореволюционный историк А. Петров высказывал мнение, что работой голландских мастеров в Нарве могли быть иконы, установленные в средневековой церкви Иоанна Иерусалимского, которая при Петре I была перестроена в православный Спасо-Преображенский собор[30]. Пётр мог заказать такие иконы во время поездки в Голландию[31]. К сожалению, эти иконы подробно не исследовались и в 1944 году были утрачены.

Что касается Спасо-Преображенского собора, ставшего при Петре главным православным храмом Нарвы, то его перестройкой предположительно занимался Доменико Трезини, находившийся в этом городе в 1704 году. Построенный им в Петербурге Петропавловский собор по своей архитектуре и композиционному решению аналогичен нарвскому Спасо-Преображенскому собору — трёхнефному храму зального типа, башня-колокольня которого вырастает из его западной стены.

[29] Там же. С. 214.
[30] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 410.
[31] *Коченовский О.* Указ. соч. С. 93.

Говоря об археологических находках в Нарве последних лет, следует упомянуть многочисленные глиняные курительные трубки, изготовленных в основном в Голландии, в городе Гауда[32]. Курение в Нарве распространилось с первой половины XVII века. Начиная с середины столетия «табак стал одной из центральных торговых статей» в нарвской торговле, «его удельный вес постоянно увеличивался». Основная часть табака привозилась из Любека, на втором месте стоял Амстердам. С 1677 года преобладал английский табак, выращенный в Вирджинии. Однако весь XVII век в торговле курительными трубками господствовали Нидерланды[33]. В XVIII веке торговля в Нарве табаком и трубками утратила международный масштаб. Первенство в торговых делах в Финском заливе перешло к Петербургу.

Дворец Петра I в Нарве.
Открытка 1930-х годов

Возвращаясь к специфике нарвской архитектуры XVII–XVIII веков, следует заметить, что окна многих городских домов имели мелкую голландскую расстекловку. Авторы книги «Живописная Нарва» о последних годах её Старого города писали: «В основном слаженный характер стиля... презентабельных домов нарвских граждан определяют гладкие поверхности стен, с которыми окна по голландской традиции составляют одну поверхность, ступеньки, фронтоны и эркеры, столбообразно поднимающиеся с земли до карнизов и имеющие крышу, какие мы видим на зданиях Старой аптеки и музея Петра...»[34].

[32] См.: *Крийска А.* Глиняные курительные трубки // Narva muuseum.Toimetised. 8. 2008. С. 108–109.

[33] *Крийска А., Кюнг Э.* Табачная торговля и глиняные трубки в Нарве в 17–18 вв. // Narva muuseum.Toimetised. 8. 2008. С. 133.

[34] Цит. по: Narva. Muutes tuleviku minevikku. Нарва. Изменяя прошлое будущего. С. 31.

Нарвский дворец Петра, ставший впоследствии музеем, по своей архитектуре и внутреннему убранству тоже был голландским. Он был перестроен в 1708 году специально для Петра из двух соседних каменных домов, стоявших на высокой набережной Наровы. Высказывается мнение, что в создании этого дворца принимал участие Доменико Трезини[35]. Описывая предметы обстановки, находившиеся в начале XX века во второй комнате дворца, историк Нарвы А. Петров сообщал: «4 больших голландских ландшафта в чёрных рамах с золочёными украшениями. В числе голландских ландшафтов, в изобилии встречаемых во дворце Петра Великого, заслуживает упоминания один небольшой, писанный на доске гусиным пером известным голландским художником Ван дер Вельде в 1654 году, изображающий голландский флот под парусами. По преданию, этот вид привёз в Нарву сам царь из Голландии. <...>

Комната № 3:

<...>

2 больших голландских ландшафта в черных рамах с золочеными украшениями.

<...>

Комната № 6:

1) голландский ландшафт в черной раме с золочеными украшениями»[36].

Как видим, «безмерная любовь Петра к Голландии»[37] в разных её видах проявлялась не только в Петербурге, но и в Нарве.

Нарва была ближайшим к Петербургу образцом голландского города. Пётр любил Нарву. Он часто бывал здесь, останавливаясь поначалу в разных домах, а затем в своём дворце. Свои дома, причём раньше царя, имели в Нарве многие сподвижники Петра, включая Александра Меншикова. Возможно, именно в Нарве, а не в Голландии, у Меншикова или у строителей его дворца в Петербурге возникла идея покрыть голландской плиткой не только стены, но и потолок, чтобы превзойти увиденные нарвские интерьеры с плиткой из Дельфта.

Исследователь и знаток истории петровского Петербурга Евгений Анисимов в одной из своих книг пишет: «Впоследствии, когда столица расширилась и перестраивалась под влиянием других архитектурных стилей, «голландский Петербург» как бы утонул, раство-

[35] *Коченовский О.* Указ. соч. С. 97.
[36] *Петров А В.* Указ. соч. С. 347–348.
[37] *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 181.

Проект Эрика Дальберга, по которому
создавалась бастионная система Нарвы, 1685

рился, ушёл в фундаменты, скрылся за фасадами нового растреллиевского, а потом — классического Петербурга»[38]. Говоря же о Нарве, можно утверждать, что вплоть до Второй мировой войны она продолжала сохранять яркие черты голландского города[39].

Не только многие здания, но и мощные каменные бастионы, возведённые вокруг Нарвы в конце XVII века, придавали ей нидерландский облик. Они были построены с элементами, которые были присущи в первую очередь голландским укреплениям. Нарвские бастионы, спроектированные шведским фортификатором Эриком Дальбергом (1625–1703), отличались от бастионов французского инженера Себастьена Вобана (1633–1707) меньшей длиной куртин, укороченными бастионными флангами и удлинёнными фасами. На нарвских бастионах были возведены террасы, что позволяло вести артиллерийский огонь с нескольких уровней, — приём, характерный для укреплений Голландии[40].

[38] Там же. С 183.

[39] При этом, конечно, следует помнить, что в последние годы существования Старой Нарвы голландские черты в её архитектуре переплетались с немецкими, шведскими, русскими и эстонскими, отражавшими сложную многовековую историю города.

[40] *Коченовский О.* Указ. соч. С. 62.

Дом № 3 по ул. Койдула.
Современное фото

Дом № 6 по ул. Койдула.
Современное фото

Несмотря на активное промышленное развитие Нарвы во второй половине XIX — начале XX веков, исторический центр города в значительной степени оставался голландским. Так было до 1944 года, когда вся Старая Нарва была разрушена во время военных действий. После окончания войны стены домов старого города стояли ещё 15 лет, после чего было принято решение об их сносе и застройке территории современными многоквартирными домами.

Сохранена была только ратуша и три жилых дома, один из которых построен на рубеже XIX–XX веков. От Старого Города сохранились два дома, возведённые во второй половине XVII века в «голландском стиле», в историческом центре, окружённом бастионами. Один из домов расположен по адресу улица Л. Койдулы, 3. Его построили при шведах как здание школы. Первоначально его фасад выходил на улицу, которая в настоящее время не существует. Здание имеет черты, характерные для нарвского дома XVII века — «компактный объём, высокая кровля, сравнительно крупные окна с мелкочленёнными переплётами. Плоскости окон не западают за плоскость стены, что имело место и в голландской архитектуре своего времени, и было обусловлено климатическими условиями — при частых дождях такой приём оберегает стены у окон от переувлажнения»[41]. Вход в дом, отреставрированный в 1978 году, подчёркивает обрамление тёсаным плитняком в виде простого портала.

[41] Там же. С. 234–235.

Второй отреставрированный дом XVII века расположен на той же ул. Л. Койдулы, 6. Он был построен как жилой. Его фасад обращён на реку Нарову и хорошо просматривается с шоссейного моста. Дом имеет голландские окна и сохраняет в себе черты старых зданий Голландии. Он перестроен под гостиницу на 50 мест с названием «Ваналинна» («Старый город»).

К настоящему времени «голландская Нарва» ушла в прошлое, но образ Голландии в современной Нарве продолжает присутствовать. Он наглядно виден в двух указанных домах XVII столетия, в сохранившихся каменных бастионах и, конечно, в здании ратуши. Наряду со знаменитым замком Германа, возведённым во времена Ливонского ордена, нарвская ратуша эпохи шведского правления считается одним из символов города.

Сама же Нарва по составу своего населения является сегодня самым русским историческим городом Европейского Союза, расположенным всего в 130 километрах от Санкт-Петербурга.

Б. Бенц
*(Франция)**

Экспорт голландских изразцов (1670–1730) из замков французских королей во дворцы российских императоров

Производство изразцов – старинная и очень важная голландская традиция. В XVII и XVIII веках голландские изразцы экспортировались во многие европейские страны, включая Португалию, Англию, Францию и Россию[1]. Использование голландских изразцов в дворцовых интерьерах Санкт-Петербурга (в Петергофе, Зимнем и Меншиковском дворцах) началось примерно в 1720 году после второй поездки Петра Великого в Голландию и Францию.

Экспорт голландских изразцов во Францию возник во второй половине XVII века, после первого специального заказа в 1627 году для замка Борегар возле Шамбора в долине Луары. Первым большим заказом стал заказ для первого замка Трианон (называемого Фарфоровым Трианоном) в садах Версаля в начала царствования Людовика XIV в 1670 году. Замок был разрушен в 1686, но в 1688 были сделаны новые заказы на декоративные изразцы для Версаля и Марли, главным образом, для Купален[2]. Возможно, Пётр I видел

---

* Пер. с англ. **Д.А. Прияткина**.

[1] Самая полная и новая книга на эту тему: *Pluis J.* De Nederlandse Tegel, decors en benamingen (Голландская керамическая плитка, образцы и названия), 1570–1930. Leiden, 2013. 3rd edition.

[2] Об изразцах во французских замках см.: *Bentz B.* (dir.) Châteaux de faïence, XIVe–XVIIIe siécle (Каталог выставки. Marly-le-Roi), 1993.

некоторые из этих композиций, например, во время своего визита в Марли[3] в июне 1717 года.

ИЗРАЗЦЫ В ЗАМКАХ

Иконографии по изразцам для Фарфорового Трианона не существует[4]. Однако счета за королевские здания и краткие описания позволяют предположить, что плитки в этом павильоне клались в трёх центральных комнатах, выходящих в сад. Аутентичных изображений плиток не сохранилось, так что реконструкция декора невозможна. Известно лишь, что в 1670 году в замок было доставлено двадцать тысяч голландских изразцовых плиток. После демонтажа павильона многие изразцы были сняты и проданы, кому и куда – неизвестно.

Вскоре, в 1682–1683 годах, в садах Трианона были построены два небольших водопада с использованием 3500 голландских плиток, но из-за погоды и контакта с водой сооружения быстро разрушались. Есть упоминания о нескольких крупных ремонтах, однако до 1700 водопады из Трианона исчезли. Некоторые плитки, время от времени обнаруживающиеся в Трианоне при озеленении и других садовых работах вполне могли остаться от этих водопадов.

Через несколько лет, начиная с 1693 года, в версальский дворец были доставлены ещё голландские плитки, а затем, в 1698, и в новый замок Трианон (названный Мраморным Трианоном и построенный в 1688). Их точное назначение неизвестно.

Намного больше мы знаем о голландских изразцах, доставленных в Марли[5] для купальни. Согласно архивным записям, в 1688 году была оплачена доставка 8000 плиток. За последующие сто с лишним лет проводились неоднократные ремонты, в начале XIX века эти плитки, оказавшиеся в очень плохом состоянии, были уничтожены при сносе здания. Плитки, украшавшие купальню, были обнаружены во время проведённых мною в 1988 и 1990 годах археологических раскопок. Находки дают довольно точное представление об изразцах, но, к сожалению, остаётся неизвестным, как они были расположены. Мы знаем, что эти плитки украшали стены по-

[3] *Bentz B.* Pierre le Grand et Marly: une visite impérieuse // Marly, art et patrimoine. n° 7, 2013. P. 65–72.

[4] *Heitzmann Annick*. Trianon: la place de la faïence dans le château de porcelaine // Versalia. n° 8, 2005. P. 60–65.

[5] *Bentz B., Linden M. van der*. Marly – L'appartement des bains // Châteaux de faïence, op. cit., 1993. P. 85–94.

мещения, где располагались ванны. В те времена такая укладка изразцов была внове. Ванная комната находилась на первом этаже пятого гостевого домика Людовика XIV с западной стороны. Во время визита Пётр занимал первый гостевой домик неподалеку: возможно, царь посещал и даже пользовался купальней с двумя медными ваннами. Ванны заполнялись горячей и холодной водой, подаваемой из позолоченных кранов, в соседнем помещении имелись две кровати.

Недавно удалось установить и другие французские замки, украшенные голландскими изразцами в тот же период: замок Рошешуар возле Лиможа[6] и маленький замок Лабвиль под Парижем[7]. В обоих декорах имеется около двухсот плиток, рисунок которых напоминает рисунок на плитках из Марли. Химический анализ подтверждает, что плитки произведены в одном и том же месте. Эти примеры свидетельствуют о распространении голландских плиток, экспортируемых во Францию в конце XVII века.

Судя по всему, при украшении французских замков голландская плитка преимущественно использовалась для ванных помещений. Эта практика продолжалась и в начале XVIII века. Мы до сих пор находим новые плитки образца примерно 1730 года в Версале для купален Людовика XV[8] (1728) и королевы Марии Лещинской (1730). Сами декоры исчезли, рисунков у нас нет.

Существует ещё одна купальня, сооружённая графом Тулузским в Рамбуйе, в тридцати километрах от Версаля. (Граф Тулузский был сыном короля Людовика XIV и его фаворитки мадам де Монтеспань). Она представляет собой небольшую комнату в десять квадратных метров, расположенную на первом этаже со стороны сада. Её стены полностью покрыты голландскими изразцами, полы выложены валенсийской плиткой из Испании. Декор состоит из двух панелей с изображениями ваз с полихромными цветами и двух с изображениями морских пейзажей и кораблей. Одна из панелей подписана художником Корнелисом Боумеестром (Cornelis Boumeester), художником по фаянсу, работавшим в Роттердаме. Отдельные плитки выполнены в традиции голландских изразцов 1670 года, обнаруженных нами во Франции: маленькие картинки, написанные синим в лиловой рамке.

---

[6] *Bentz B., Linden M. van der.* De Nederlandse tegels van het «Château de Rochechouart» (France) // Tegel, 23 (1995). P. 47–51.

[7] *Bentz B., Linden M. van der.* Dutch Tiles in the Château de Labbeville // Glazed Expressions, 35 (autumn 1997). P. 8–10.

[8] *Guillou Jean-Claude Le.* Versailles // Châteaux de faïence, op. cit., 1993. P. 107–116.

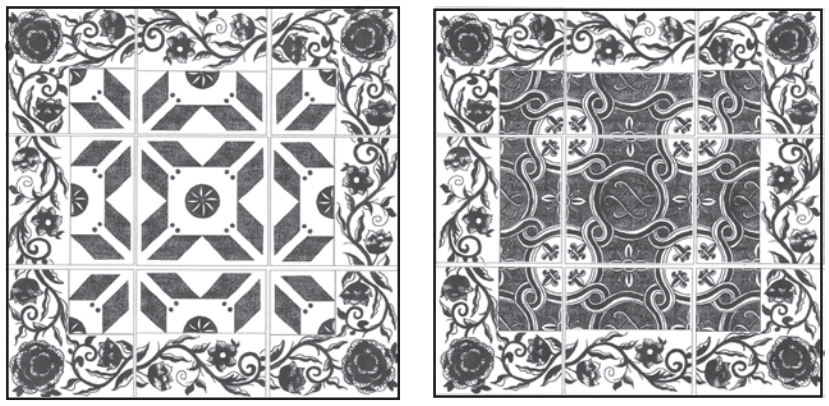
Единственные широко известные голландские изразцы во Франции были обнаружены в купальне Марли [илл. 1–6]. Архивов голландских фабрик сохранилось немного, но благодаря альбому с образцами удалось определить, что плитки были изготовлены на роттердамской фабрике «Де Дельфтсеваарт» (De Delftsevaart)[9]. Эта мастерская в то время была, вероятно, главным производителем изразцов на экспорт во Францию, Англию и Португалию.

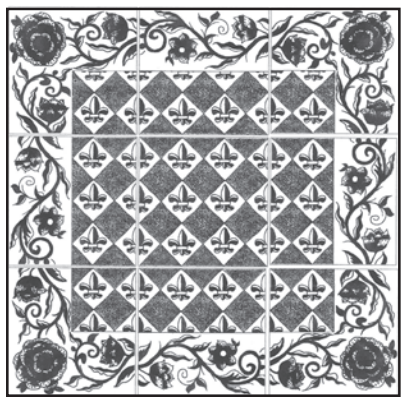
Во время археологических раскопок в Марли мы нашли около четырёх тысяч осколков плитки (семьдесят килограммов!), находившихся в весьма фрагментарном состоянии. После продолжительной реконструкции удалось идентифицировать 443 плитки. Сначала их классифицировали по шаблонам, т.е. по цвету картинки, рамки и мотивов в углах, независимо от изображений в центре плитки. Мы обнаружили плитки тридцати пяти шаблонов, размеры каждой из них составляли 20,8 см в длину и ширину. Учитывая толщину и возраст, мы выявили два типа плиток: первый, вероятно, соответствовал изначальным плиткам, выложенным в 1688, второй – установленным в ходе ремонтов. Ремонты неоднократно упоминаются в архивах, есть также упоминания о второй поставке голландских изразцов в 1700 году. Очевидно, плитки, найденные в ходе наших раскопок, соответствуют окончательному дизайну конца XVIII века, что и объясняет такое многообразие параметров.

Первая группа: шесть шаблонов с рисунками, предназначенными для сборки в панели, на некоторых плитках рисунок поделён надвое бордюром рамки. Иногда бордюр занимает три четверти плитки, лишь четверть остаётся на рисунок. Такие плитки располагались в углах панелей, окаймлённых бордюром. Рисунки иногда геометрические, не содержащие изображений, на других имеется двойное L (монограмма Людовика XIV) или композиция из лилий: эти были явно изготовлены по особому распоряжению короля Франции. Плитки с пейзажами или персонажами выполнены в синем, с синей рамкой (например, кругом или восьмиугольником) и лиловым бордюром.

Вторая группа: двадцать девять шаблонов с геометрическими фигурами, выполненными, как правило, в лиловом, синие картинки с лиловой рамкой и разнообразными угловыми рисунками, синие картинки с простой синей рамкой и синими угловыми рисунка-

[9] *Jaeger I. de, Schadee N.* Tegels uit Rotterdam, 1609–1866. Rotterdam, 2009. P. 58–61.

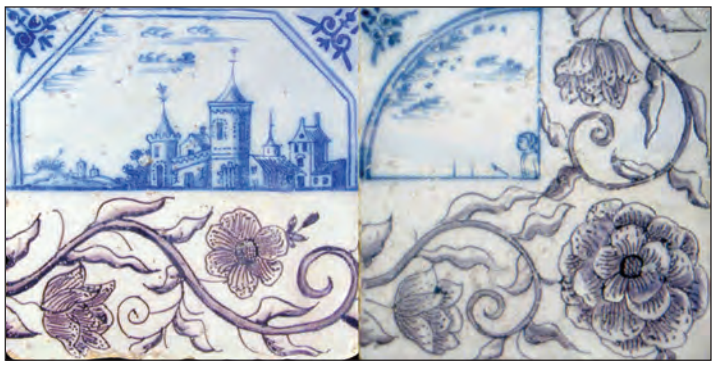

Илл. 1–3. Реконструкция трёх изразцовых панелей. Купальня, Марли, Франция. Изразцы, Нидерланды, Роттердам, до 1688 года. Рисунки автора

ми, у некоторых плиток синяя картинка без рамки, но с синим угловым рисунком, некоторые картинки выполнены в лиловом с лиловыми же рамками и уголками, несколько картинок выдержано в синем с обрамлением фиолетовой линией (большая редкость для голландских произведений). Это обильное многообразие шаблонов любопытно, поскольку число повторяющихся плиток каждой модели нередко очень мало. Возможно, плитки второй группы представляли собой образцы, нечто вроде каталога изразцов, производимых в данной мастерской.

Наконец, о расположении плиток можно лишь сказать, что плитки первой группы собирались в панели шесть на шесть плиток. Поскольку определённости здесь нет, я предпочёл бы показать бо-

Илл. 4–6. Предметы, найденные при археологических раскопках в 1990 году. Купальня Марли, Франция. Изразцы, Нидерланды, Роттердам, до 1688 года. Выставлены в музее «Променад де Марли-лё-Руа (Musée-Promenade de Marly-le-Roi), Лувесьен, Франция. Фото автора

лее простые композиции. Эти панели, обрамлённые бордюром, имитируют деревянные наборные панели. Известно, что в 1688 году плитки прикреплялись гвоздями на деревянные доски. По этому случаю заготовили 5400 железных гвоздей, работу выполнял мастер по сооружению гротов (rocailleur) Николя Друар. Для красоты декора гвозди были позолочены. Для того времени эта технология была необычна, её повторили много лет спустя, после 1730 года, в Рамбуйе и Версале. В купальне Марли этот метод изменили довольно быстро: примерно в 1700 году ремонт производили исключительно каменщики. При раскопках мы не обнаружили ни одного гвоздя, более того, на многих плитках сохранились следы строительного раствора[10].

Подводя итоги, можно сказать, что изразцы в купальне Марли – лучший образец применения голландских изразцов во Франции Людовика XIV, представляющий собой тот тип изразцов, которые мог видеть Пётр I, находясь во Франции. Предположительно, Пётр вспомнил фасон этих плиток, когда несколько лет спустя решил украсить свой дворец голландскими изразцами.

[10] *Bentz B.* Archéologie du domaine de Marly, contribution des fouilles effectuées depuis 1985. Докторская диссертация по археологии, научный руководитель – профессор Филипп Брюно (Philippe Bruneau), Paris IV-Sorbonne University, 1994.

М. Кейперс
(Нидерланды)[*]

Садоводческое наследие Бидлоо в Москве

АННОТАЦИЯ

Парк Лефортово в Москве имеет давнюю историю, уходящую корнями в эпоху Петра I. По поручению русского государя Николай Бидлоо (Nicolaas Bidloo), голландец, личный врач Петра, обладавший множеством талантов помимо своей основной профессии, занимался проектировкой приватного «голландского» сада в 1722–1724 годах. Сад был разбит на берегах реки Яузы, на месте бывших владений покойных сановников Франца Лефорта и Фёдора Головина. По замыслу Бидлоо это должен был быть необычайный «аквапарк». Как видно из Культурно-исторического атласа (выпущенного в 2013 году совместно H+N+S и RCE), в основе своей планировка сада — с прудами и каналами — сохранилась до нашего времени, хотя местность вокруг подверглась изменениям. Этот атлас является экспериментальным методом анализа культурно-исторической ценности парка в его нынешнем состоянии. Основой этого анализа служат исторический обзор и исследование проекта планировки сада.

ВСТУПЛЕНИЕ

Начиная с 2010 года, Московский Парк в Лефортово был включён в Программу Изучения Общего культурного наследия, проводимого под эгидой голландских министерств иностранных дел и образования, культуры и науки с одной стороны, и их российских коллег, с другой, для обмена исследовательским опытом в вопросах

[*] Пер. с англ. Д.А. Прияткина

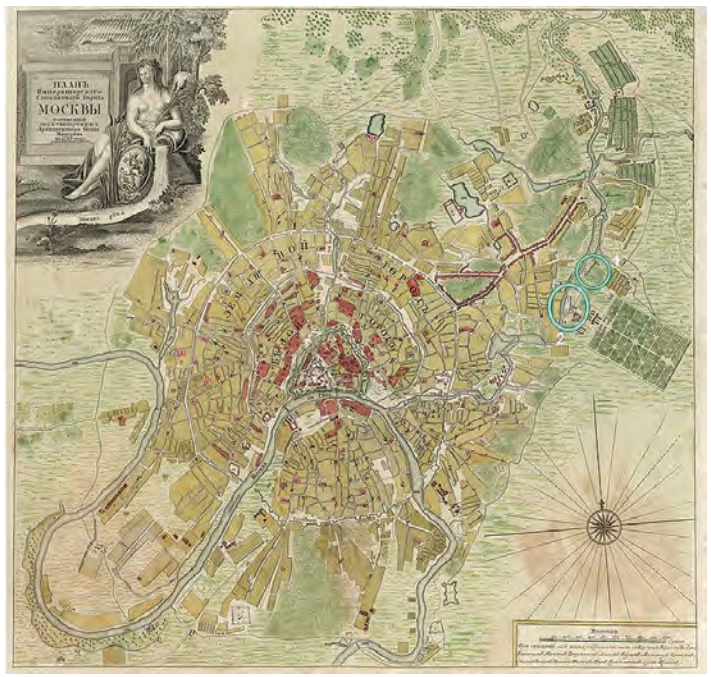
Илл. 1. Информация о жизни Николааса Бидлоо и его усадьбе для посетителей парка в Лефортово

сохранения и восстановления исторических памятников[1]. Благодаря Николаю Бидлоо (1673?–1735), приехавшему в Москву в 1703 году по приглашению царя Петра I (1672–1725) для работы в качестве личного лекаря государя, стародавний «аквапарк» в Лефортово, в котором тесно переплетены черты голландского и западноевропейского садоводства, тесно связывает историю России и Нидерландов. И хотя окрестности реки Яузы теперь выглядят иначе — в XX веке были сооружены каналы, городские автострады, а ещё в XIX веке вокруг парка выросли во множестве жилые городские кварталы, гуманистический посыл представлений Бидлоо о правильной и здоровой жизни, по-прежнему ощущается здесь [илл. 1]. Но прежде, чем сосредоточиться на конкретных сторонах этого «зелёного наследия» и экспериментальной методике специального «Культурно-исторического атласа», заключающейся в анализе этих сторон, необходимо вкратце осветить биографию Николая Бидлоо и связь его проекта с голландской манерой садоводства. Цель данной статьи — по-новому взглянуть как на садовое наследие Бидлоо, так и на существующие голландские теорию и практику сохранения исторических парков и, наконец, на то отношение, которое эта теория может иметь к сохранению московского парка в Лефортово в будущем.

[1] Автор выражает искреннюю благодарность посольству Нидерландов в Москве, сыгравшему определяющую роль в подготовке к включению Лефортовского парка в список «Российско-голландского наследия», а также за существенную поддержку в обмене знаниями между экспертами в области наследия в ходе различных семинаров в Москве и международной проектной мастерской для аспирантов в Московском архитектурном институте.

БИОГРАФИЯ БИДЛОО

Сегодня Николас (Николай) Бидлоо в России гораздо более известен, чем в Голландии [илл. 2]. Родился он в Амстердаме в 1773 году (хотя точная дата его рождения неизвестна). Родители его были высокообразованными менонитами. В 1697 году Николас закончил факультет медицины Лейденского университета со степенью доктора. Отец Бидлоо, Ламберт Бидлоо (Lambertus Bidloo, 1638–1724), был известным фармацевтом, ботаником, автором труда «Исследование растений» (Dissertatio de re herbaria), который послужил вступлением к «Каталогу растений, произрастающих в Голландии» (Catalogus plantarum indigenarum Hollandiae), составленному известным ботаником Яном Комлином (1626–1692), первому сочинению, посвящённому растительному миру этой страны и опубликованному в 1683 году. Оба исследования касались споров о местных и экзотических видах растений, которые тогда в Голландии велись

Илл. 2. Расположение усадьбы Николааса Бидлоо (1) и дворца Петра (2) в Лефортово на плане Москвы 1739 года

очень оживлённо и имели отношение к медицине[2]. По иронии судьбы в том же 1683 году Комлин был назначен директором новой Медицинской школы (Hortus Medicus) в Амстердаме, собрание которой пополнилось многими видами растений, привезёнными и присланными из других стран, а сын Ламберта, Николас, всего несколькими десятилетиями позже, стал выращивать множество «экзотических» растений в России[3]. Помимо знаний ботаники, полученных из первых уст, Николас был, по-видимому, знаком с такими книгами по садоводству, как «Голландский садовод» (1670) Яна Ван Дер Грёна и «Королевский садовник» (1676) Хендрика Кауза — обе книги были снабжены подробными иллюстрациями и содержали практические рекомендации[4].

Дядя Николаса, Гуверт (1649–1713), хирург, был автором нового, усовершенствованного анатомического атласа «Анатомия человеческого тела», для которого Джерард де Ларес создал около 105 иллюстраций — они были сделаны в реалистической манере и основывались отчасти на исследованиях, проведённых с помощью микроскопа[5]. Гуверт Бидлоо занимал в разное время высокие должности в больницах и медицинской академии, как в Голландии, так и в Англии, и даже при королевском дворе. Он служил при Вильгельме III, голландском правителе и короле Англии, в качестве его личного лекаря с 1695 года до самой смерти монарха в марте 1702 года. Приблизительно тогда же Николас поступил на службу при дворе государя Петра I, подписав контракт на 6 лет с жалованьем в 2500 флоринов в год. Причины, побудившие его покинуть Голландию ради работы в такой неведомой стране как Россия, неизвестны — скорее всего, на родине возможностей сделать карьеру в медицине было меньше[6]. Какова бы ни была причина, Бидлоо отправился морем в Архангельск, а оттуда на санях — в Москву, куда он и его жена Клозина прибыли в январе 1703 года. Своё путешествие он потом живо описал в подробном письме отцу Ламберту и тестю, хирургу Дирку Клёсу[7].

---

[2] *Cooper A.* (2007). P. 21–50.

[3] Комлин также начал работу над иллюстрированным изданием «Horti Medici Amstelodamensis Rariorum», которая после его смерти была продолжена и завершена его племянником Каспаром Комлином. Книга была опубликована в Амстердаме в 1697 году.

[4] Cf. *Kistemaker R., Kopaneva N., Overbeek A.* (1997). P. 232–245.

[5] *Willemse D.* (1975). P. 17–18.

[6] *Vein A.A.* (2007). P. 2910; *Willemse D.* (1975). P. 25.

[7] *Bidloo N.* (1703). P. 1.

Как и другие иностранцы, Бидлоо с семьёй поселился в Немецкой Слободе за каменной оградой вокруг Москвы, у реки Яузы, где ему выделили деревянной постройки дом — имя владельца дома неизвестно. При этом Бидлоо приходилось много путешествовать: он сопровождал государя во время его инспекционной поездки — Пётр I хотел лично удостовериться в том, что работы по строительству новых шлюзов идут по плану — а также в военных походах русского самодержца. Пётр I отличался отменным здоровьем (равно как и любовью к еде и выпивке), но его лекарь был не столь крепок, да и по складу ума больше тяготел к мирному течению жизни, нежели к военным баталиям, поэтому ему трудно было смириться с тем образом жизни, который был принят при дворе русского царя. Через несколько лет Бидлоо попросил соизволения государя уехать на родину. Однако вместо этого Пётр I назначил его директором и проектировщиком первого в России военного госпиталя, который располагался на холме над Яузой. Вероятно, тогда Николасу пригодился организационный опыт его дяди Гуверта, служившего комендантом военно-медицинских ведомств в Голландии и Англии. Так или иначе, в России Бидлоо сумел не только написать свой первый учебник (на латыни), но и внедрить новые методы преподавания с демонстрацией наглядных пособий (*ad vivum* при обследовании лежачих пациентов, а также *post mortem* при патологоанатомическом осмотре в «анатомичке») при лечении пациентов из самых разных сословий[8]. Благодаря непосредственному знанию аналогичных садов Амстердама и Лейдена, он также сумел спроектировать регулярный ботанический сад, в котором на постоянной основе выращивали лекарственные растения[9]. Помимо всего перечисленного выше многогранный Бидлоо внёс свой вклад в самые разные области знаний, делясь методикой и навыками таких ремёсел как искусство проектирования триумфальных арок и проведение фейерверков, театр, гидравлика, выращивание растений в оранжереях и применение пожарных шлангов, а также в традицию проведения опытов и обмена знаниями. Его «академические» ботанические сады были открыты для публики, там люди могли встречаться, изучать мир природы и дивиться его чудесам.

[8] Трактат по анатомии и хирургии был также переведён на русский в 1710 году; *Vein A.A.* (2007). P. 2910–2911.

[9] Ibid. P. 2911; *Driessen-van het Reve J.J.* (2011).

САДЫ БИДЛОО

Садоводство было излюбленным занятием Бидлоо, и в 1708 году, когда срок контракта истек, Бидлоо решил остаться в Москве и продолжить свою работу в качестве директора Военного госпиталя. Он подал прошение царю Петру I — и получил согласие последнего на разработку бесхозного участка на восточном берегу Яузы. Это место неподалёку от Военного госпиталя он украсил фонтанами и аллегорическими статуями, назвав его «приютом отшельника», или своим «малым эрмитажем». Здесь, среди сосен и лип он отдыхал летом и, несмотря на суровый российский климат, выращивал многие виды цветов, фруктов, лекарственных и прочих растений, а также деревьев. Он по-прежнему виделся с государем и тот часто бывал в этом «рае в духе Вергилия», во время своих приездов в Москву[10].

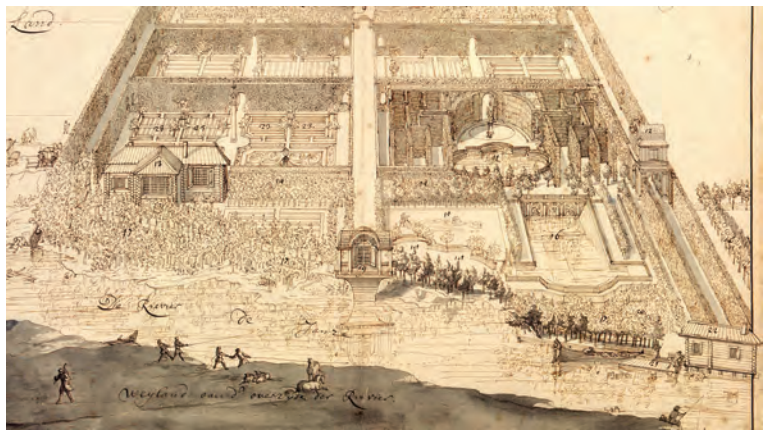
К сожалению, сад Бидлоо не сохранился из-за того, что Москва разрослась, но мы можем составить довольно полное представление о нём по подробным рисункам, сделанным сепией, и тому описанию сада, которое Бидлоо оставил своим детям примерно в 1730 году[11]. Судя по этому описанию, с высоты птичьего полёта сад был регулярной планировки, разбитый на разной формы сектора, окружённые живой изгородью. Он также был украшен триумфальной аркой, которая прежде стояла перед фронтоном его дома в Слободе (Немецкой). Все важные элементы сада, как, например статуя Дианы напротив бревенчатого домика Бидлоо, круглая беседка, купальня и пруд в форме креста, тщательно пронумерованы и снабжены комментариями на голландском языке [илл. 3].

Несмотря на то, что у Петра I уже была договорённость о создании Летнего сада в созданном им новом городе — Санкт-Петербурге, с голландским проектировщиком парков Яном Роозеном (?–1725), государь хотел устроить «голландский сад» также и в Москве[12]. Поэтому он заказал Бидлоо проект нового сада на месте бывших владений его приближённых Франца Лефорта (1655–1699) и Фёдора Головина (1650–1706) по обе стороны реки Яузы после того, как оба имения могли быть объединены в 1721 году. К тому моменту, когда Бидлоо мог приступить к замыслу и осуществлению проекта, на этом месте уже высились постройки и был разбит большой рыбный водоём (так

[10] *Jong E.A. de* (1981).

[11] *Willemse D.* (1975). Оригинальные рисунки хранятся в отделе специальных собраний Университетской библиотеки Лейдена.

[12] Cf. *Gorbatenko S.* (2003).

Илл. 3. Фрагмент усадьбы Николая Бидлоо на реке Яузе.
Лейденский университет, специальные коллекции

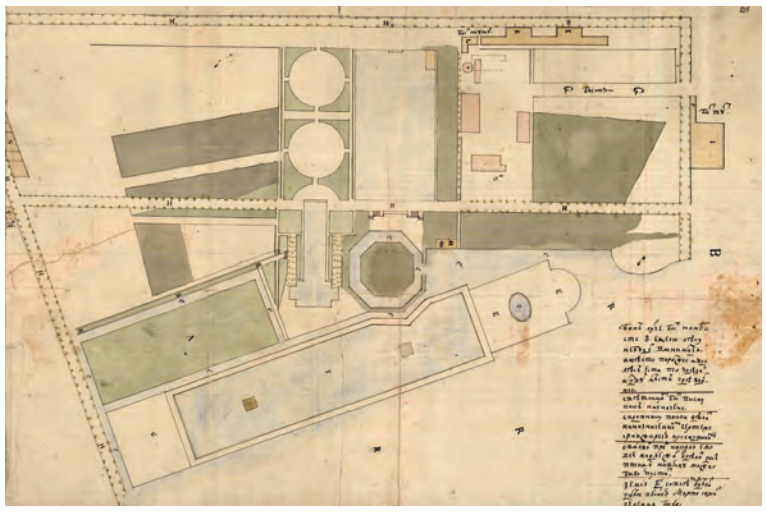
называемый Головинский пруд, прямоугольной формы). Бидлоо предложил устроить вместо них пять водоёмов и две запруды — с искусственным гротом и скульптурами двух героев римской мифологии Венеры и Геркулеса — а также систему каналов, каскадов и фонтанов: всё это определило невиданный облик «аквапарка». Была там и длинная аллея с клёнами, а перед скромным деревянным домиком были разбиты два цветника[13].

Примечательно, что Пётр I, как это явствует из записки, датированной декабрём 1723 года, написанной им собственноручно и свидетельствующей о его доверии к Бидлоо, дал подробные пояснения к этому заказу: «Вам надлежит построить летние домики у большого пруда на двух круглых и одном восьмиугольном островах, а также голубятни и птичники у леса. Кроме того, там должны быть разные украшения, соответствующие парку, а каналы должны соединяться мостами — маленькими, горбатыми, с перилами с одной стороны, узкие настолько, чтоб по ним мог пройти лишь один пешеход (такие же, как в Голландии); я также хотел бы получить рисунок и план обеих частей парка и схему самого сада.»[14]

Рисунок, сделанный Бидлоо цветными карандашами в 1723 году, полностью соответствует указаниям Петра I, из него видно, каков

[13] *Hayden P.* (2005). P. 56–57.

[14] Цит. по: *Hughes L.* (2000). P. 387. (Оригинальный текст записки Петра не обнаружен. — *Пер.*)

Илл. 4. План Николааса Бидлоо нового парка
при дворце Петра Великого в Лефортово, 1723. РГАДА

был первоначальный замысел «аквапарка», в котором должны были доминировать пруды, длинная стрела — аллея деревьев и два кружка — цветники. Помимо описаний в документах того времени, никаких рисунков резиденций Петра I в Москве не сохранилось, возможно потому, что Пётр I умер в 1725 году, вскоре после того как сад был спроектирован и создан. Чтобы осуществить этот грандиозный проект потребовалась тысяча солдат.

После смерти Петра сад был во владении его наследников, и в 1730 году здесь была коронована племянница государя Анна Иоанновна (1693–1740). Почти тогда же Анна I поручила Бидлоо внести изменения в планировку сада, расширив его за счёт нового дворца деревянной постройки, который она хотела видеть выше на холме. Однако, неизвестно, выполнил ли он её указания[15]. Более того, Анна Иоанновна пригласила отца и сына Растрелли: Карла (1675) и Франческо Бартоломео (1700–1771), попросив их значительно расширить её летний сад (Анненгоф) за счёт барочных пристроек. Этот грандиозный проект, предполагалось, должен был включить и проект Бидлоо, хотя он в то же время менял его — а именно схему расположения аллей. Этим грандиозным планам не суждено было осуществиться до конца

[15] *Nevzgodin I.* (2013). P. 6.

из-за смерти Анны Иоанновны в 1740 году, то есть через пять лет после кончины Бидлоо, наступившей в 1735 году[16].

Британский писатель и путешественник Вильям Кокс (1747–1828), после своего посещения Москвы в 1772 году, писал, что «парки, которые были разбиты возле старого дворца, построенного по указу Елизаветы неподалёку от того места, где нынче возвышается другое здание (каменный дворец Екатерины. — *М.К.*), сохранились; они теперь там, где начинаются пригороды, внутри окружности внешнего кольца, окаймляющего весь город»[17]. Кокс предвидел, что новые правители и новые вкусы, а также расширение границ городов повлекут за собой перемены. Парки и в самом деле изменились, по воле людей и по воле природных катаклизмов: так, в 1904 году ураган вырвал с корнем почти все старые деревья, и вместо них посадили новые. И всё же основные черты того сада, который заложил Бидлоо — длинные стрелы аллей идущие почти параллельно реке, пруды и круглые цветники — по-прежнему можно увидеть в парке в Лефортово, хотя местность вокруг приобрела урбанистический вид.

ТОПОГРАФИЯ САДА. ЦЕННОСТЬ САДОВО-ПАРКОВОГО НАСЛЕДИЯ

Исторические парки и сады в современной Голландии принято называть «зелёным наследием»; считается, что этот вид наследия больше нежели какой-либо другой по праву может считаться «живым наследием», так как значение его с годами и меняется, и растёт, как всякий живой организм. Тем не менее, новый интерес к проектам исторических садов привёл к тому, что в 1977–1984 годах впервые восстановлен, отчасти на основании археологических исследований, Королевский сад Вильгельма III и Марии, созданный в стиле барокко, вокруг бывшего дворца Хетт Лоо в Апелдорне. Эта реконструкция вызвала шквал критических замечаний со стороны общественных деятелей, которые увидели в ней шаг назад в сфере сохранения культурного наследия, однако, потрясающая красота этого места вывала наплыв туристов и дала новую информацию об исторических памятниках садово-парковой культуры[18].

[16] *Tilborg H. van, Kok M.A., Kuipers M.C.* (2013). P. 44–63.

[17] *Coxe W.* (1802). P. 289–290.

[18] *Groen B., Bierens de Haan J.C.* (2008); *Bierens de Haan J.C., Groen L.E., Lagendijk S.A., Ummels H.A.M., Wispelwey M.H., Zieleman W.K.* (2009).

Когда парк в Лефортово вошёл в список «Общего Российско-Голландского наследия», было признано, что о полной реконструкции всерьёз говорить нельзя — по многим причинам (из-за рельефа, местной специфики, инфраструктуры), но сами археологические и исторические исследования дали нам много новых сведений об истории этого памятника[19]. В соответствии с принятой в Голландии политикой охраны памятников, которая заключается в «сохранении путём развития», дополнительный анализ, который имел целью наглядно показать особенности проекта сада в трёхмерной развёртке, оказался полезным для лучшего понимания эволюции и ценности этого парка с точки зрения исторической садово-парковой архитектуры.

Для этой цели Управление Культурным Наследием Нидерландов (RCE) устроило необычный эксперимент — был создан Культурно-исторический атлас, который должен был убедительно продемонстрировать историческую и ландшафтную ценность этого памятника «зелёного наследия». Парк в Лефортово был выбран в качестве первого опытного образца действенности этой методологии. Составление этого атласа, под руководством Управления Культурного Наследия Нидерландов, было поручено частному дизайнеру садов и парков Ганку ван Тилбургу (директору фирмы H+N+S).

По замыслу составителей атласа, изображение предполагаемого вида парка во времена Бидлоо должно быть выполнено в современной манере [илл. 5]. Прежде всего, потому, что, за исключением уже упомянутой нами карты 1723 года, не сохранилось почти никаких исторически достоверных изображений памятников XVIII столетия — в отличие от прижизненных рисунков Бидлоо его собственного поместья. Другой причиной этого было то, что атлас должен был, по замыслу составителей, представлять собой в общих чертах воспроизведение того, что мы назвали бы «духом Бидлоо», то есть таких характерных черт пейзажа как расположение частей, изменение ландшафта, игра света и тени, открывающийся в конце аллеи вид, каналы, каскады и пруды.

Следуя уже существующим принципам исследований и оценки памятников садово-паркового искусства, авторы Культурно-Исторического атласа ввели новую методологию топографии и воплощения в зрительном образе фактических данных географического характера, различных исторических сведений, а также критического отбора опорных изображений того времени. Среди последних были

[19] *Veksler A.G., Voronin K.V., Pirogov V.U.* (2004).

Илл. 5. Имение Петра Великого в Лефортово
во времена Н. Бидлоо. Реконструкция 2013

не только рисунки, сделанные самим Бидлоо, но и другие наброски этих мест, а также иллюстрации из книг, о которых Бидлоо и Пётр I могли знать во время своих посещений, из библиотек — тем более, что отчасти эти сведения подтверждаются документами. Источниками вдохновения художников служили знаменитые поместья на реке Вехт, или беседки в поместье Хемстеде, а также многие другие. Например, система двух кругов аналогична той, которую можно увидеть в парке князя Маврикия начала XVII века в Гааге — и здесь, и там круги являются символами двух полушарий земли. Общее сходство островов с прудами, имеющими чёткую геометрическую форму, может быть обнаружено и при сравнении Лефортово с планом «французского» сада Энгиен в Эдингене (сейчас это территория Бельгии)[20].

С помощью ряда хронологически следующих друг за другом исторических карт — новых карт и перспективных изображений — был проведён критический анализ ландшафта. Объектами исследования послужили пять периодов. В результате были каждый раз воссозданы по существу одни и те же параметры ландшафтного дизайна: растительность, водные пути, конкретные объекты), а также их применение (по степени важности), общая планировка и пейзажное окружение (основные принципы проектирования). Было проведено сравнительное исследование параметров ландшафтного дизайна в каждый исторический отрезок, при этом манера изобра-

[20] *Tilborg H. van, Kok M.A., Kuipers M.C.* (2013). P. 24–39.

Илл. 6. Четыре этапа развития Лефортовского парка. Реконструкция 2013

жения была одинаковой во всех случаях, а основой исследования служила цифровая карта нынешнего местоположения сада [илл. 6]. В итоге, карты и рисунки зелёных/голубых мест, хотя и не отличаются исторической точностью деталей, дают представление о духовной составляющей этого наследия, а также об истории садово-паркового искусства в целом. Главной ценностью этих набросков являются не жёсткие формы, но целенаправленный, исследовательский анализ. В конечном счёте, наследие Бидлоо характеризуется пятью основополагающими чертами: «голубым золотом» паркового пруда, тремя уровнями террас сада, разнообразием растительного оформления застеклённого сада, культурным подражанием и созданием впечатления сада чудес, и, наконец, воздействием на вкусы публики соблюдением принципа «здорового духа в здоровом теле»[21].

В заключение следует отметить, что, как показала международная конференция, проводимая во время выставки «Денкмал-2013» в Москве, Культурно-Исторический Атлас обозначил ту пространственную и культурно-историческую роль, которую современные технологии играют в изучении садово-паркового наследия — что, как оказалось, нашло отклик и у экспертов, и политических деяте-

[21] Ibid. P. 102–105.

лей, и заинтересованных представителей общественности. Назначение атласа состояло в том, чтобы он служил многофункциональном документом комплекса сведений из самых разных областей, документом, призванным восполнить пробел между историей и садово-парковой архитектурой, стать основой плодотворного диалога между нашими странами в вопросе о будущем развитии парка и его окрестностей в Лефортово. И в этом плане Культурно-Исторический атлас по праву может занимать достойное место в традициях картографии не только наследия Бидлоо, но и всех голландских исследователей-путешественников того времени, исследователей, искусно сочетавших особенности ландшафта с зрелищностью, чтобы дать новую славу неведомым землям.

ЛИТЕРАТУРА

Bidloo N. (1703). «Togt van Moscow naar Waaronitz», unpublished manuscript in the Cremer-archive // National Archive, The Hague, 2.21.043, inv. nr. 161. (Неизданная рукопись в архиве Кремера // Национальный Архив, Гаага, 2.21.043, инв. № 161).

Bierens de Haan J.C., Groen L.E., Lagendijk S.A., Ummels H.A.M., Wispelwey M.H. and Zieleman W.K. (2009). Reposoirs. De Rustplaatsen van paleis Het loo. Sluitstuk van de restauratie. Apeldoorn: Stichting Paleis Het Loo Nationaal Museum. (Апелдорн: Фонд Национального Музея Дворца Хет Лоо).

Cooper A. (2007). Inventing the Indegenous. Knowledge and Natural History in Eraly Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press. (Купер А. (2007). Изобретение Исконного. Знание и естественная история начального периода современной Европы. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2007).

Coxe W. (1802). Travels in Poland, Russia, Sweden, and Denmark. Vol. I. New York: Cadell and Davis (fifth ed.). **(***Кокс У.* (1802). Записки о путешествиях по Польше, России, Швеции и Дании. Том. I. Нью-Йорк: изд. Кэделл и Дэвис (5-е издание)**)**.

Driessen-van het Reve J.J. (2011). Hoe Nicolaas Bidloo (1673/4–1735) de medische cultuur van Amsterdam naar Moskou bracht // Mededelingen van de Stichting Jacob Campo Weyerman. 34–1. P. 5–33. **(***Дриссен ван хет Рив Й.Й.* (2011)**)**.

Gorbatenko S. (2003). New Amsterdam: St. Petersburg and Architectural Images in the Netherlands. Groningen: Netherlands-Russian Archive Centre. (*Горбатенко С.* (2003). Новый Амстердам: Санкт-Петербург и архитектурные памятники в Голландии).

Groen B. and Bierens de Haan J.C. (2008). Zwierig binnen de perken. De herstelde boventuin van paleis Het Loo in vogelvlucht 1692–2008. Apeldoorn: Stichting Paleis Het Loo Nationaal Museum.

Hayden P. (2005). Russian parks and gardens. Londen: Frances Lincoln Ltd. (*Хейден П.* (2005). Русские парки и сады).

Hughes L. (2000). Russia in the Age of Peter the Great. New Haven: Yale University Press. **(***Хьюз Л.* (2000). Россия во времена Петра Великого**).**

Jong E.A. de (1981). Virgilian Paradise: a Dutch Garden near Moscow in de Early 18th Century // Journal of Garden History 1–4. P. 305–344. **(***Йонг Э.А. де* (1981). Рай по Вергилию: голландский сад под Москвой в начале XVIII века**)**.

Jong E.A. de (1997). «Paradisus Batavus», Peter de Grote en de Nederlandse tuinarchitectuur // *Kistemaker R., Kopaneva N., Overbeek A.* (eds.). Peter de Grote en Holland, Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland. Bussum: Toth. P. 115–123.

Kistemaker R., Kopaneva N., Overbeek A. (eds.). Peter de Grote en Holland, Culturele en wetenschappelijke betrekkingen tussen Rusland en Nederland. Bussum: Toth.

Nevzgodin I. (2013). Verslag van het archief- en museumonderzoek ten behoeve van een Cultuurhistorische Atlas (CHA)van het Lefortovo park in Moskou in het kader van het Gemeenschappelijk Cultureel Erfgoed (GCE) onderzoeksproject, d.d. 31 januari 2013. Delft (typoscript research report Delft University of Technology, Delft).

Tilborg H. van, Kok M.A., Kuipers M.C. (2013). Cultuurhistorische Atlas Lefortovo Park, einddocument 9 september 2013. Amersfoort (unpublished report H+N+S Landschapsarchitecten in collaboration with the Netherlands Agency for Cultural Heritage).

Vein A.A. (2007). Nicolaas Bidloo, de Nederlandse directeur van het eerste ziekenhuis in Rusland; een 300-jarig jubileum // Nederlands Tijdschrift voor de Geneeskunde 151. P. 2909–2912.

Veksler A.G., Voronin K.V., Pirogov V.U. (2004). Lefortovo Park in Moscow — historical overview and material of architectural and archaeological research 1999–2003. Moscow (unplished report by the State Archeaological Department). (*Векслер А.Г., Воронин К.В., Пирогов В.Ю.* (2004). Лефортовский парк в Москве: исторический обзор и материалы архитектурных и археологических исследований 1999–2003. (Неопубликованный доклад Государственного археологического комитета).

Willemse D. (1975). The unknown drawings of Nicholas Bidloo, director of the first hospital in Russia. Voorburg: D.W.; including also Bidloo, N. Schetz bij de tekeningen tot een aandenken voor mijn kinderen en familje. Moscow, s.a. **(***Вилемзе Д.* (1975) Неизвестные рисунки Николаса Бидлоо, директора первого госпиталя в России, с текстом самого Бидлоо**)**.

С.В. Клименко
(Москва)

Фламандский скульптор и архитектор Ян Петер ван Баурсшейт-старший и его русские архитектурные ученики петровского времени

Имя скульптора и архитектора Яна Петера ван Баурсшейта-старшего (Jan Peter van Baurscheit I, 1669–1728) в России мало известно, хотя в истории фламандского искусства и архитектуры конца XVII – первой четверти XVIII века этот мастер занимает одно из центральных мест. В России его имя впервые упоминается в документах 1720-х годов, когда архитектурные ученики – петровские пенсионеры И. Мордвинов, И. Коробов и И. Мичурин, обучавшиеся в Нидерландах, представляли отзывы о своём обучении, подписанные «скульптором, архитектором и инженером Иоганом Бауршетом». Сведения об этом, впервые опубликованные в начале XX века И.Э. Грабарём[1], впоследствии были дополнены новыми документами, обнаруженными другими исследователями[2], но кроме факта обучения у этого мастера почти никаких сведений о характере занятий в его мастерской до

[1] *Грабарь И.Э.* История русского искусства. Т. 3. М., [1912]. С. 165–172. См. также поздние работы автора: *Грабарь И.Э.* Обучение русских мастеров за границей // Русская архитектура первой половины XVIII века: Исследования и материалы / Под ред. акад. И.Э. Грабаря. М., 1954. С. 167–180; *Он же*. Обучение русских зодчих // История русского искусства. Т. V. М., 1960. С. 115–121.

[2] *Пилявский В.И.* Иван Кузьмич Коробов (материалы к изучению творчества) // Архитектурное наследство. Вып. 4. Л.; М., 1953. С. 42–62.

недавнего времени известно не было. Однако благодаря исследованиям и публикациям голландских и бельгийских учёных, в частности, Ван де В. Дирка[3] и Э. Вагеманса[4], за последнее десятилетие удалось установить новые факты, более конкретно раскрывающие характер этих занятий. Обнаружение новых материалов, а также сделанные в ходе нашего исследования атрибуции некоторых учебных работ, выполненных учениками в Нидерландах, говорят о необходимости исследования института пенсионерства Петровского времени как целостного явления, в котором важнейшее место занимало архитектурное образование.

Практика обучения в Европе – один из конкретных механизмов русско-европейских архитектурных связей в Петровское время. Правда, выбор стран ограничивался Италией и Нидерландами, что определялось указами Петра I. В Нидерландах обучение проходило на севере, в Голландии, а также в южных Нидерландах, принадлежавших с 1713 года Австрии, в частности, в герцогстве Брабант (входящем в состав современной Бельгии).

В ряде указов Петра I отчётливо просматривается его интерес к Голландии, охватывающий разные стороны жизни этой страны, в частности, к техническим аспектам строительства на низменных территориях и приёмам устройства садов, изучение которых было приоритетным в образовании архитектурных учеников. В публикациях, затрагивающих обучение русских учеников в Европе, из анализа этих требований делался, казалось бы, логический вывод о том, что в представлениях царя пребывание учеников в южных провинциях не отвечало характеру тех знаний, которые на его взгляд были им необходимы. Но то, что пенсионеры несколько лет обучались в Брабанте, с его барочной традицией в искусстве и архитектуре, заставляет скорректировать установившиеся представления. В этой связи необходимо подчеркнуть, что естественные различия в особенностях строительной техники между имеющими разное географическое положение Голландией и Брабантом, а также соседней с ним Фландрией вряд ли справедливо переносить на развитие этих территорий в первой четверти XVIII века с точки зрения формирования архитектурного стиля. Во всяком случае по сравнению с XVII столе-

[3] Изучению характера обучения русских учеников в Брабанте и Голландии в 1718–1727 годах посвящена работа: *Dirk Van de Vijver*. L'Otude de la science architecturale. Formation d'un gentilhomme architecte russe en Brabant et en Hollande (1718–1727) // Cahiers du monde russe. 2006/3. Vol. 47. P. 515–550.

[4] *Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. М., 2007. С. 115–118.

тием, когда различия между классицистической протестантской Голландией и барочными традициями католических Брабанта и Фландрии были сильны, в рассматриваемый период в архитектуре южных и северных Нидерландов возникает более сложная картина, отражающая их сближение в искусстве и архитектуре.

Особо заметным этот процесс становится после перехода южных провинций Нидерландов от Испании к Австрии. Эти земли начинают испытывать влияние барочной архитектуры Австрии, в частности, проектов и построек придворного архитектора И.Б. Фишера фон Эрлаха (*Johann Bernhard Fischer von Erlach*), около пятнадцати лет жившего в Риме и воспринявшего принципы архитектуры итальянского барокко. Вместе с тем, уже в последней четверти XVII века заметным было влияние французской архитектуры эпохи Людовика XIV на архитектуру Нидерландов, в первую очередь работ архитектора, декоратора и гравера Даниеля Маро (*Daniel Marot*).

На фоне этих взаимосвязей в архитектуре Нидерландов в первой четверти XVIII века становится более понятным распоряжение Петра I в 1725 году о переезде архитектурного ученика Ивана Мичурина, направленного в 1718 году в Амстердам, где он изучал основы гидростроительства, в Антверпен. Это, скорее всего, свидетельствует о том, что для русского царя к началу 1720-х годов мало было перенять приёмы строительства только в Голландии, имевшей сходные с Петербургом географические условия. Видимо, формировавшийся архитектурный облик Петербурга к этому времени не соответствовал представлениям царя о новой российской столице и Пётр мог обратить внимание на южные Нидерланды с их выразительной барочной архитектурой, направив сюда для обучения И. Мичурина.

В этой связи творчество фламандского скульптора и архитектора Я.П. ван Баурсшейта-старшего становится ключевым для понимания особенностей архитектурно-художественного образования, которое получили у него русские ученики, а также для выяснения характера влияния, оказанного Баурсшейтом-старшим на его учеников после их возвращения в Россию. Его произведения в духе фламандского барокко, испытавшего влияние австрийской и французской разновидностей этого стиля, наряду с работами некоторых других мастеров, отражают особенности формирования местной архитектурной традиции Нидерландов в первой четверти XVIII века.

Особенно важным представляется обращение к творчеству Я.П. ван Баурсшейта на фоне отсутствия у русских учеников возможности заниматься архитектурой в протестантской Голландии, где они преимущественно изучали основы гидростроительства. Да и найти мас-

теров для обучения строительному искусству, в частности, шлюзов, как этого настоятельно требовал царь, оказалось непросто. Тем не менее, усилиями агента русского царя в Амстердаме И. ван ден Бурга[5] ученики направлялись непосредственно на строительство шлюзов, возводившихся в окрестностях Амстердама, наблюдали за ведением работ, выполняли чертежи и деревянные модели. Известно, что в 1725 году они находились при строительстве шлюза в деревне Бойкслот (*Buiksloot*), недалеко от Амстердама. При этом архитектура голландского классицизма была воспринята русскими учениками далеко не в той степени, в какой это случилось бы при обучении у кого-либо из архитекторов, поэтому их голландский опыт сводился к самостоятельному освоению архитектурного языка. Напротив, при обучении в Антверпене у Баурсшейта-старшего восприятие архитектуры барокко католического юга страны имело для учеников гораздо более целостный и последовательный характер.

Бельгийским исследователем Э. Вагемансом в 2007 году были опубликованы обнаруженные им сведения об обучении в Королевской академии изящных искусств в Антверпене живописца А. Матвеева и архитектурных учеников И. Мичурина, И. Мордвинова и И. Коробова[6]. В записке, составленной секретарем Академии с 1757 по 1794 (или 1795) Якобюсом Ван дер Санденом (*Jacobus Van der Sanden*) и хранящейся в архиве Академии, прямо указано, что у русских архитектурных учеников «*учителем был Жан Пьер Ван Баурсшайт* (*Jean Pierre van Baurscheit*), *ваятель Его Императорского и Католического Величества Карла VI. Сын его, которого зовут точно так же, тоже был их учителем, будучи, в свою очередь, ваятелем, архитектором, а затем директором и профессором сей Академии*»[7]. Эта важнейшая находка фактически определила направление дальнейших исследований периода обучения в Нидерландах петровских пенсионеров.

Королевская академия в Антверпене, основанная в 1663 году[8] как один из крупных центров художественной жизни Европы второй половины XVII столетия, сохранила свое значение и в XVIII

---

[5] *Jos Boonstra*. De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh. 1719–1725 (Scriptie Geschiedenis Rijksuniversiteit Groningen 4 augustus 1997) [электронный ресурс]: Scriptie Geschiedenishttp://www.nrac.nl/pdf/scripties/vdburgh.pdf.

[6] Resolutien, Acten ende Archiven Concernerende de Opcomste, Voortganck ende Vernieuwinge der Vermaerde Coninсklijcke Academie... 1749–1808 (Рукопись хранится в архиве Королевской академии изящных искусств в Антверпене) – см.: *Вагеманс Э.* Указ. соч. С. 200.

[7] *Вагеманс Э.* Указ. соч. С. 117.

[8] Там же. С. 115–118.

веке, оставаясь популярной не только в Нидерландах, но и у иностранных художников[9]. Выбор этой Академии и соответственно мастера для обучения рисованию и занятий архитектурой кажется вполне оправданным, учитывая то, что сам Пётр I побывал в Антверпене в 1717 году. Здесь он посетил ряд примечательных мест, в том числе и Королевскую академию, размещавшуюся в здании биржи[10]. Здесь был устроен своего рода музей, в котором каждый антверпенский живописец или скульптор мог выставить по одной своей работе. Были среди них, вероятно, и произведения Баурсшейта-старшего, названного в русских источниках как «И. Иоган Бауршет».

Баурсшейт-старший более известен как скульптор, в меньшей степени — как архитектор. В качестве архитектора преимущественно работал его сын – Я.П. ван Баурсшейт-младший (1699–1768), с творчеством которого связано развитие фламандской архитектуры середины XVIII века, когда развивалась местная школа стиля рококо[11].

В ранний период творчества Баурсшейт-старший немало занимался созданием надгробных памятников, подобных каменному надгробию барона Питера Фердинанда Роуза (*Pieter Ferdinand Roose*) в церкви свв. Михаила и Гудулы в Брюсселе (1706). В ходе изучения корпуса этих произведений Баурсшейта удалось атрибуировать один из известных рисунков его русского ученика Ивана Коробова, представляющий, видимо, копию с подготовительного рисунка фигуры Титана, включенной в композицию упомянутого памятника барона Роуза. Баурсшейт известен также работами, выполненными по заказам различных религиозных орденов. Это созданные по его чертежам и рисункам, преимущественно для храмов Антверпена, алтари, кафедры, органы и другие предметы церковного интерьера. Но более всего мастерская Баурсшейта-старшего была популярна в Антверпене и за его пределами благодаря своей многочисленной садовой скульптуре.

Эти работы Баурсшейта как скульптора изучены довольно подробно, тогда как его архитектурная деятельность и обучение петровских архитектурных учеников исследованы недостаточно. Не известны его какие-либо крупные постройки, созданные им целиком, вместе с тем, ряд работ, в основном в интерьерах церквей, позволяют составить некоторое представление о характере его архитектурной деятельности.

---

[9] *Ильина Т.В., Римская-Корсакова Т.В.* Андрей Матвеев. М., 1984. С. 17–18.

[10] *Вагеманс Э.* Указ. соч. С. 107.

[11] Значительная роль в изучении творчества обоих мастеров принадлежит Ф. Бодуану (F. Baudouin) и И.М. Бредвельдт Боер (I.M. Breedveldt Boer).

Я.П. ван Баурсшейт-старший. Надгробие барона Питера Фердинанда Роуза (Pieter Ferdinand Roose) в церкви свв. Михаила и Гудулы в Брюсселе. 1706. Фрагмент. Фото автора, 2012

И. Коробов. Рисунок фигуры Титана. Начало 1720-х. НИОР БАН

Одной из ранних работ, по-видимому, следует считать реконструкцию в 1713–1714 годах Большого рынка в Антверпене, о которой, впрочем, мало что известно,[12] а первый значительный проект относится к 1717 году, когда мастер выполнил архитектурное оформление торжеств по случаю вступления австрийского императора Карла VI в Брюссель, столицу герцогов провинции Брабант. Для встречи Карла VI, прибывшего в этот город в качестве четвёртого герцога Брабантского, была разработана целая архитектурная программа, – возведено несколько временных сооружений, оформлявших церемонии празднования въезда императора в Брюссель, перед дворцом построен Амфитеатр, в других частях города возведены триумфальные ворота.

[12] *Breedveldt Boer I.M.* Tekenen en vasseren: Het bedrijf van Jan Peter van Baurscheit (1699–1768) en de architectuur in het tweede kwart van de achttiende eeuw ... P. 33.

Я.П. ван Баурсшейт-старший. Подготовительный рисунок детских фигур для садовой скульптуры. Collectie van Herck (Fondation Roi Baudouin, Bruxelles)

Одни из таких ворот можно видеть на гравюре, хранящейся в Королевском институте культурного наследия в Брюсселе[13]. Это сооружение, спроектированное Баурсшейтом, возможно, при участии сына, могли увидеть петровские пенсионеры в Антверпене или познакомиться с его проектными чертежами. Такое предположение возникает при сравнении этой постройки с известными проектами триумфальных ворот в Москве, созданными к коронации императрицы Елизаветы Петровны в 1742 году, в том числе петровскими пенсионерами И. Коробовым и И. Мичуриным. Сопоставление этих ворот с триумфальными сооружениями, возведёнными в Брюсселе, а также с композициями многочисленных алтарей в церквях Антверпена, создававшимися Баурсшейтом-старшим и другими мастерами, даёт основания предположить их влияние на работы учеников, впоследствии осуществлённые в России. В числе мастеров, чьё творчество могло оказать на них влияние – семья скульпторов Вербрюгген, сыгравших немалую роль в сложении форм зрелого фламандского барокко. Они создали определённый тип алтаря, с эллиптических очертаний планом, с развитой трёхмерной композицией, позволявшей включать в неё объёмную скульптуру вместо живописи.

Работа по архитектурному оформлению вступления Карла VI в Брюссель не только принесла Баурсшейту известность – после неё он занял особое положение, получив должность «скульптора, архитектора и директора работ Его Императорского величества и Като-

[13] Royal Institute for Cultural Heritage (IRPA/KIK). Чертёж триумфальных ворот опубликован: *Breedveldt Boer I.M.* Op. cit. P. 293.

И. Коробов. Проект Триумфальных ворот на Тверской улице, построенных к коронации императрицы Елизаветы Петровны. 1742

лической церкви»[14]. Вероятно, такое высокое положение Баурсшейта сыграло важную роль при выборе его в качестве наставника архитектурных учеников из России.

После 1717 года Баурсшейт стал получать значительные заказы, например, на проектирование интерьеров церквей. Одной из самых известных его работ стало новое убранство интерьера, а также скульптуры и портал главного фасада восстановленной после пожара 1718 года иезуитской церкви св. Карла Борромея в Антверпене, построенной в 1614–1621 архитекторами П. Хейсенсом и Ф. Агиллоном (росписи интерьера выполнены П. Рубенсом; погибли в пожаре 1718 года). Здесь отчётливо проявились изменения, произошедшие во фламандской архитектуре на рубеже XVII–XVIII веков. В решении интерьера, созданного Баурсшейтом, ощущается влияние работ французских

[14] *Thieme U., Becker F.* Allgemeines lexicon der bildenden künstler. Von der antike bis zur gegenwart. B.3, Leipzig, 1909. P. 92–93; *Dirk Van de Vijver*. Op. cit. P. 518.

И. Коробов. Рисунок фигуры ангела в боковом нефе церкви св. Карла Борромея

Церковь св. Карла Борромея в Брюсселе. Деревянные статуи в композиции стеновых панелей боковых нефов

мастеров эпохи Людовика XIV. Многочисленные рисунки архитектора и декоратора Ж.-М. Оппенора (*Gilles-Marie Oppenordt*) и работы королевского скульптора П. Лепотра (*Pierre Lepautre*), выполненные для крупнейших церковных построек Франции, оказали влияние на развитие декоративного искусства и в североевропейских художественных школах начала XVIII столетия.

Реконструкция церкви св. Карла Борромея явилась, скорее всего, первой работой Баурсшейта, с которой познакомились И. Коробов и И. Мордвинов в 1718 году, как только приехали в Антверпен. Изучение выполненных Баурсшейтом деревянных панелей и включённой в их композицию объёмной скульптуры в боковых нефах позволило атрибутировать часть ученических рисунков И. Коробова (работы других пенсионеров нам неизвестны). Очевидное сходство фигур ангелов, изображённых на этих рисунках, с деревянными статуями в антверпенской церкви, даёт основание для достаточно убедительной атрибуции этих рисунков.

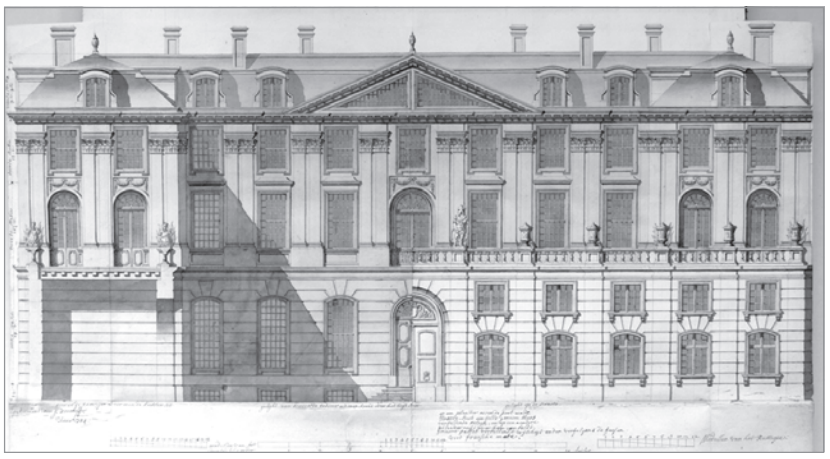
Одним из главных методов обучения в мастерской Баурсшейта являлось копирование рисунков и чертежей, что оказывается близким к практике обучения архитектурных учеников в «командах»

архитекторов, сложившейся в Петербурге Петровского времени. Отсутствие систематических занятий практикой строительства, а также то обстоятельство, что Баурсшейту, видимо, не часто приходилось выполнять крупные архитектурные проекты, подобно упоминавшейся выше работе по оформлению торжественного вступления в Брюссель Карла VI (в отличие от своего сына, который впоследствии стал автором многочисленных проектов и построек) заставляет обратить особое внимание на два архитектурных проекта, выполненных в антверпенской мастерской Баурсшейта и подписанных И. Коробовым. Их атрибуция ещё не может считаться установленной, поскольку не удалось установить, являются ли они собственными проектами Коробова или копиями неизвестных нам проектов.

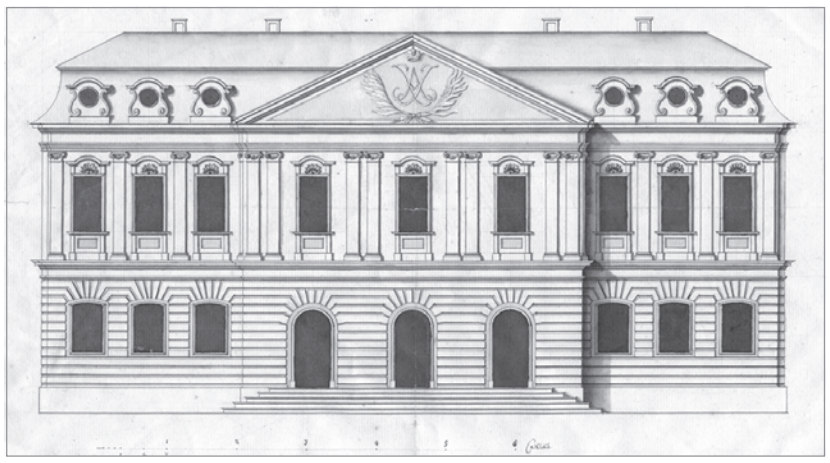
Первый проект 1722 года включает планы этажей и фасад жилого дома[15]. Широко развёрнутый фронт главного фасада характерен для архитектуры крупных фламандских городов с конца XVII столетия, когда появляются постройки, подобные дворцу герцогов Брабантских в Брюсселе (1698, арх. Г. де Брейн), заметно отличающемуся своим протяжённым фасадом от построек более раннего времени, – домов, как правило, с узкими фасадами, завершёнными традиционным щипцом.

Другой проект, датируемый 1724 годом, представляет собой замысел более масштабного сооружения[16]. Он включает планы этажей и два фасада крупного городского особняка. Чертежи фасадов несколько раз были опубликованы, но анализа архитектуры изображённого на них особняка не предпринималось. Вместе с тем, голландский исследователь Дирк ван де Вивьер, анализируя этот проект, высказал о нём убедительное предположение – назвал его абсолютно французским и трактовал как трансформацию известного проекта французского архитектора Огюстина-Шарля Д'Авиле (*Augustin-Charles d'Aviler*)[17]. Обнаруживающаяся связь между этими проектами позволяет предположить, что чертежи Коробова – результат его собственного творчества. В этом случае, взяв за основу модель французского особняка Д'Авиле, И. Коробов преобразовал его масштаб на более значительный и привнёс ряд дополнений, позволяющих говорить о его творческом подходе к заданной схеме. В любом случае, рассмотренные архитектурные проекты позволяют увидеть те архитектур-

[15] НИОР БАН. Собрание иностранных рукописей. Альбом F 266. Л. 35–38.
[16] Там же. Л. 39–43.
[17] *Dirk Van de Vijver*. Op. cit. P. 537.

И. Коробов. Фасад городского особняка.
Чертёж, 1724. НИОР БАН

И. Мичурин. Проект здания Воеводской канцелярии в Твери.
Чертёж И. Мергасова, 1739. РГАДА

ные предпочтения, которые существовали у Баурсшейта и были восприняты его учеником, а также проследить их возможное влияние на творчество И. Коробова после возвращения в Россию.

Пребывание русских учеников в мастерской Я.П. ван Баурсшейта-старшего требует дальнейших исследований, прежде всего в архивах Бельгии, тем не менее, даже на основании имеющихся сведений его следует рассматривать как столь же важный этап их архитектурного образования, как обучение в Голландии, где главным было изучение строительного искусства. Напротив, для характеристики стиля их произведений, созданных впоследствии в России, пожалуй, большее значение имеют занятия в Антверпене. Оказавшись в Нидерландах в первой трети XVIII века, петровские пенсионеры стали свидетелями формирования многополюсной картины архитектуры. В архитектурной и художественной школе Баурсшейта, в работах других фламандских мастеров следует искать один из главных источников стиля архитектурных произведений петровских пенсионеров в России 1720–1740-х годов – времени формирования стиля барокко в русской архитектуре, предшествующего расцвету творчества архитектора Франческо Бартоломео Растрелли.

И.В. Кувшинская
(Москва)

Корнелий де Бруин: петровская Москва глазами художника

В конце XVII века придворный живописец Вильгельма Оранского Готфрид Кнеллер выполнил два портрета. Один из них – парадный портрет Петра I, написанный в 1698 году, во время заграничного путешествия русского царя. На портрете из Кенсингтонского дворца за спиной облачённого в доспехи Петра-полководца изображена флотилия кораблей – великая мечта молодого царя. На другом портрете Кнеллера, находящемся в Рейксмюзеуме в Амстердаме, представлен Корнелий де Бруин (1652–1727), голландский художник, писатель и путешественник, дважды посетивший Россию в первом десятилетии XVIII века. Герои портретов Кнеллера встретились в Москве в Немецкой слободе 6 января 1702 года, когда Корнелий де Бруин был представлен Петру I в доме голландского резидента ван Гульста. В книге де Бруина сохранились воспоминания об этой встрече: «Государь, казалось, удивился и спросил меня по-голландски: «Почему признаёте вы, кто я? И почему вы меня знаете?» Я отвечал, что видел изображение его величества в Лондоне, у кавалера Годфрида Кнеллера, и что оно очень сильно врезалось в мою память»[1]. В беседе царь проявил большой интерес к недавнему путешествию, совершённому де Бруином в Левант. Царь «расспрашивал меня в особенности о Египте, о реке Ниле, также о городе Каире, его

[1] В настоящей статье текст сочинения де Бруина цитируется по изданию: *Бруин К. де.* Путешествие через Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 52.

Портрет Корнелия де Бруина. Гравюра из книги «Путешествие Корнелия де Бруина в основные части Малой Азии», 1698

величине, как он построен, в каком состоянии находятся части, отделённые от древнего Каира, об Александрии и о многих других местах... Он передал сопровождавшим его русским вельможам всё, что я говорил ему, с такой точностью, которая удивила резидента и прочих господ голландцев»[2].

Описание этой встречи находится в труде Корнелия де Бруина «Путешествие через Московию в Персию и Индию», опубликованном в Амстердаме в 1711 году[3]. Поскольку в отечественной исторической литературе де Бруин известен, прежде всего, благодаря тем главам книги, которые посвящены его пребыванию в Московии, уместно кратко остановиться на биографии художника, а также истории его первого путешествия в Левант.

Корнелий де Бруин родился в Гааге в 1652 году. Голландец вспоминал, что с юношеских лет мечтал о путешествиях и стал художником, чтобы во время будущих странствий иметь возможность зарисовывать всё увиденное[4]. В октябре 1674 года де Бруин покинул Республику Соединённых Провинций и направился в Рим, где присоединился к содружеству художников, которое носило название

[2] Там же.

[3] *Cornelis de Bruyn*. Reizen over Moskovie, door Persie en Indie. Amsterdam, 1711. В 1873 году первые 18 глав сочинения Корнелия де Бруина были переведены П.П. Барсовым, однако перевод был выполнен не с голландского, а с французского издания книги: «Путешествие через Московию Корнилия де Бруина». Перевод с французского П.П. Барсова, проверенный по голландскому подлиннику О.М. Бодянским. М., 1873.

[4] Биография: *Hond, Jan de*. Cornelis de Bruijn. A Dutch Painter in the East / *Eastward Bound*. Dutch Ventures and Adventures in the Middle East. London-Atlanta, 1994. P. 51–81.

«Bentvueghels» («Перелётные птицы»). В разное время к этому объединению принадлежали Корнелис ван Поленбурх, Самюэл ван Хогстратен, Каспер ван Виттель и другие голландские художники, а также великий французский живописец Клод Лоррен. В 1677 году де Бруин, движимый мечтой увидеть страны Леванта, через Ливорно отправился в Смирну, затем прибыл в Константинополь и провёл в нём полтора года. В 1680 году он задумал совершить паломничество на Святую Землю, но неблагоприятные ветра помешали плаванию, и художник направился в Египет. Он жил в Каире и посетил Гизу, где сделал зарисовки пирамид и Великого сфинкса. В Иерусалиме де Бруин оказался только в октябре 1681 года и пробыл там месяц. Художнику удалось зарисовать панораму города, что было категорически запрещено делать иностранцам. Рисунки де Бруина с изображением храма Гроба Господня имеют большую ценность, поскольку после пожара 1808 года храм был перестроен. На Святой Земле де Бруин посетил Вифлеем, Назарет и поднялся на гору Фавор. Он путешествовал в горы Ливана, увидел Триполи, Алеппо, остров Кипр. В ноябре 1684 года де Бруин прибыл в Венецию, где оставался до 1692 года, работая в мастерской немецкого художника Карла Лотта.

В 1698, после возвращения в Гаагу де Бруин издал книгу «Путешествие Корнелия де Бруина в основные части Малой Азии», имевшую невероятный успех[5]. Книга содержала 200 иллюстраций, благодаря которым читатель мог представить, как выглядят города и архитектурные памятники стран Леванта. Сочинение де Бруина стало одним из первых «подписных изданий» в Голландии: известно, что одним из 630 предварительных подписчиков стал Вильгельм Оранский. К этому периоду относится выполненный Кнеллером портрет Корнелия де Бруина, неоднократно повторенный в гравюре. В книге портрет автора по традиции сопровождало латинское четверостишие:

Гость прославленный жарких Каноп и земель Идумеев,
Как Апеллес, он явил чудо нелёгких трудов.
Брунсос перед тобой: и век наш свидетель, портрет сей
Не передаст никогда блеск дарованья его.

Успех первой книги принёс художнику дружбу и покровительство видных голландских вельмож. Де Бруин познакомился с бурго-

[5] Reizen van Cornelis de Bruyn door de vermaardste Deelen van Klein Asia. Delft, 1698. В 1700 году книга была переведена на французский язык, в 1702 — на английский язык. При оформлении французского издания использована техника цветной печати, в то время редкая и дорогостоящая.

Корнелий де Бруин. Панорама Архангельска. Гравюра из книги «Путешествие через Московию в Персию и Индию», 1711

мистром Амстердама Николаасом Витсеном, который в 1664–1665 годах посетил Московское государство в составе голландского посольства[6]. Под влиянием Витсена родилась идея второго путешествия, маршрут которого должен был пройти через Архангельск и земли Московского государства, и далее – через Армению, Персию и Индию. Конечной целью пути должны являлись голландские колонии в Юго-Восточной Азии. Кроме познавательного интереса, поездка имела очевидные практические задачи, связанные с поисками наилучших путей проникновения голландской торговли на Восток. Корнелий де Бруин надеялся представить вниманию читателя новые известия об экзотических землях и пополнить свою коллекцию: «Я старательно обозрел несколько кабинетов редкостей и научился приготовлять и хранить в спирту всякого рода птиц, животных и рыб, чтобы в целости перевозить их. Главная же цель моя была осмотреть уцелевшие древности, обращать внимание на одежду, нравы, богослужение, политику, управление, образ жизни, свойства народов, наконец, исследовать и обозреть земли и города со всевозможною точностию»[7].

Путь в страны Востока на этот раз лежал через Московию. 30 сентября 1701 года голландский корабль «Иоанн Креститель» вошёл в воды Белого моря и через несколько дней прибыл в Архангельск. Продолжить путешествие через Московию можно было только с наступлением морозов, когда открывался санный путь. Де Бруин пробыл в Архангельске четыре месяца, выполнив многочисленные рисунки города, которые он впоследствии опубликовал в книге.

[6] *Кирпичников А.Н.* Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. Спб., 1995.

[7] *Бруин К. де.* Путешествие через Московию. С. 20.

Корнелий де Бруин. Жилище самоедов. Гравюра из книги «Путешествие через Московию в Персию и Индию», 1711

Корнелий де Бруин. Портрет самоедской женщины. Гравюра из книги «Путешествие через Московию в Персию и Индию», 1711

Большой интерес представляют описания жизни местных племён, представителей которых де Бруин называет *самоедами.* Его рассказ проиллюстрирован замечательными рисунками: «Одежда мужчин и женщин одинакова, изготовляемая из оленьих шкур. Верхнее платье простирается от шеи до колен, и сшито оно шерстью наружу, у женщин разных цветов, которые украшают они кусочками сукна, красными и синими. Волосы их, совершенно чёрные, спускаются с головы, как у дикарей. Женщины заплетают часть своих волос и привязывают к плетёнкам небольшие круглые медные кусочки с перевязками из красного сукна для придания себе красы»[8]. Де Бруин с большим удовольствием вспоминает зимний Архангельск: «Я проводил время в обществе господ Христофора Брантса и Ивана Лупа, мы забавлялись игрой, пляской, питьём и едою, часто далеко

[8] Там же. С. 27.

за полночь. Г-н Брантс немало предавался этим развлечениям, будучи великим любителем музыки и превосходно играя на клавесине»[9].

В «Путешествии через Московию» Корнелию де Бруину удалось передать причудливое соединение традиционных черт жизни огромного государства, поразившего художника своим величием, и примет нового, европейского стиля жизни. Де Бруин обладал даром зримо и ярко рассказывать о, казалось бы, самых заурядных предметах и событиях. Его словесные описания напоминают картины «малых голландцев»: предметы, пейзажи, портреты людей, запечатлённые на страницах книги, превращаются в драгоценное произведение искусства. Художника поражают удивительные дары суровой северной земли: «Во время нашего пребывания в этом доме нам принесли утром несколько видов репы (или брюквы) различных цветов, удивительной красоты. Были тут фиолетовые, как наши сливы, серые, белые и желтоватые, все исписанные жилками красноватыми, похожими на киноварь или на самую лучшую красную камедь (лак китайский), на вид так же приятными, как и цвет гвоздики. Я списал несколько этих плодов на бумаге водяными красками...»[10] Примечательно, что один из спутников художника не поверил в реальность изображённого, и де Бруин с грустью отметил, что люди часто не замечают красоты и неповторимости того, что их окружает.

Мы остановились на этом эпизоде столь подробно, поскольку он позволяет судить об особенностях стиля книги Корнелия де Бруина. В XVII веке донесения и записки о Московии составляли дипломаты, купцы, путешественники, миссионеры. Сочинение де Бруина во многом отличается от этих текстов. Благодаря долгим странствиям и богатому жизненному опыту, Корнелий де Бруин обладал значительно большей широтой взглядов, чем многих из его современников. Замечания художника очень точны, он не судит век, понимая, что мир велик, и обычаи других стран отличаются от принятых в Европе. Благожелательность и внимание – главные черты де Бруина, писателя, художника, человека. Ему интересно всё – природа, люди, их быт и костюмы, праздники и будни, он отмечает неповторимость каждого проведённого в Московии дня. Одно из оставленных им описаний Немецкой слободы, мимолётное и хрупкое, вызывает в памяти зимние пейзажи голландских мастеров: «В средине ноября река Яуза замёрзла позади нашей слободы, и многие немцы,

[9] Там же. С. 44.
[10] Там же. С. 29.

а также некоторые русские, катались по ней на коньках, так как снегу ещё не было. Я приказал сделать ручные санки, какие употребляются при этом у нас в Голландии, и воспользовался случаем провезти с ними на коньках одну госпожу, что представляло зрелище, до тех пор здесь невиданное. Но удовольствие это продолжалось недолго, ибо на другой же день стал падать снег...»[11] Краткие словесные зарисовки де Бруина, сохранившие подробности повседневной жизни петровского времени, просты и поэтичны: «Никогда не забуду одной прогулки моей с несколькими голландками в деревню г-на Стрешнева, богатого человека, жившего в Факелове, в пятнадцати верстах от Москвы, где приняли нас с обязательнейшею любезностью. Супруга этого господина, красивая и приветливая женщина, делала со своей стороны всё возможное, чтобы доставить нам удовольствие. Мы нашли прекрасно построенный дом, со многими отличными комнатами. После обеда пригласили нас в другую комнату, где висело на перекладинах несколько верёвок для качелей, и предложили нам покачаться: приятное препровождение времени, весьма обыкновенное здесь. В свою очередь, хозяйка дома сама велела двум молоденьким и миловидным девицам покачать и её. Качаясь, она взяла к себе на колени своего малого ребенка и начала петь вместе со сказанными служанками чрезвычайно приятно и способом очаровательным, прося нас в то же время извинить её и уверяя, что она непременно пригласила бы из Москвы музыку, если б только дозволило время»[12].

Корнелий де Бруин был благосклонно принят русским царём, который поразил художника демократичностью, незаурядными знаниями и деятельным вниманием ко всему окружающему. «Я не думаю, чтобы на свете был другой такой двор, как этот, в котором бы с частным человеком обращались с такой благосклонностью, о которой на всю жизнь мою сохраню я глубокую признательность»[13], – вспоминал художник. Находясь в общении с Петром I, Корнелий де Бруин делал краткие заметки о встречах с государем. Из разрозненных описаний сложился портрет молодого Петра I, несомненно, один из самых глубоких и психологически тонких среди тех, что были созданы в литературе петровского времени.

Пётр I поручил художнику исполнить несколько портретов великих княжон, дочерей покойного царя Ивана Алексеевича, предпо-

[11] Там же. С. 95.
[12] Там же. С. 75.
[13] Там же. С. 68.

Корнелий де Бруин. Портрет девушки в русском платье. Гравюра из книги «Путешествие через Московию в Персию и Индию», 1711

лагая отослать портреты за границу, где он надеялся найти достойных женихов для своих племянниц. Де Бруин отметил, что Пётр I часто посещал Измайлово, резиденцию вдовствующей царицы Прасковьи Фёдоровны, и подчеркнуто уважительно относился к вдове брата как к первой даме государства. Царственные особы приняли художника по-дружески, его же восхитили величественный облик и приветливость царицы, а также обаяние и красота юных царевен, «из коих старшая, Екатерина Ивановна, – двенадцати лет, вторая, Анна Ивановна, – десяти и младшая, Прасковья Ивановна, – восьми лет. Средняя белокура, имеет цвет лица чрезвычайно нежный и белый, остальные две – красивые смуглянки»[14]. Де Бруин попросил разрешения изобразить девочек причёсанными по европейской моде, *à la grecque*. Одновременно художник сожалел, что живописный русский костюм в Московии постепенно вытесняется европейским платьем. Он сделал ряд зарисовок, в которых постарался передать все детали старинного русского костюма.

Портреты царственных особ кисти де Бруина не известны исследователям. Самым значительным произведением голландского художника стала большая панорама Москвы, составленная из трёх листов общим форматом 196 х 32 см. Пётр I сам выбрал место, откуда вид города мог быть охвачен с наибольшей широтой. Художник получил разрешение работать во дворце царевны Натальи Алексеевны, из окон которого открывался прекрасный вид на Москву.

[14] Там же.

Корнелий де Бруин. Новодевичий монастырь.
Фрагмент панорамы «Вид Москвы с Воробьёвых гор», 1702

Панорама начинается от Новодевичьего монастыря, далее изображены Кремль, многочисленные церкви и монастыри центральной части города, и, наконец, постройки Данилова монастыря. Корнелий де Бруин сопроводил панораму подробным описанием достопримечательностей города, которое занимает в книге отдельную главу. Несмотря на то, что впоследствии гравёр несколько исказил пропорции архитектурных сооружений, панорама «Вид Москвы с Воробьёвых гор» является замечательным источником по истории сложения архитектурного ансамбля Москвы.

Рассказы де Бруина иллюстрируют многочисленные гравюры. Следует отметить, что главы о Московии составляют только часть обширного сочинения, повествование в котором строится по определённому плану. Подобным же образом иллюстрации, посвящённые отдельным землям, обязательно включали пейзажные зарисовки, жанровые сцены, примеры национальных костюмов и этнографических типов, а также ботанические рисунки, исполненные с профессиональной точностью. Детальные повествования де Бруина об увиденном в Москве часто фиксировали то, что художник не успел или не смог зарисовать. Рассказы голландского путешественника подобны отдельным картинам, имеющим свою композицию и сюжет.

Одно из описаний торжественного выезда Петра I вызывает в памяти западноевропейские гравюры XVI–XVII веков с излюбленными в эпоху барокко сценами триумфов: «Царь впереди всех ехал на величавом чёрном коне. Платье на нём было из золотой парчи, самой великолепной: верхний кафтан испещрён был множеством узоров различного цвета, а на голове у него была высокая красная шапка, на ногах жёлтые сапоги. Конь его, в богатейшей упряжи, покрыт был прекрасным золотым чепраком, а на передних ногах его блестели серебряные кольца шириною в четыре пальца. Величавый вид государя, чрезвычайно красиво сидевшего на лошади, составлял немалое украшение всего зрелища: всадник поистине был царственный»[15].

Художник рассказал о малой флотилии, на которой царь и его приближённые в апреле 1702 года проплыли от Воробьёвых гор вниз по течению Москвы-реки. Плавание московской флотилии как бы предвосхищает подобные путешествия по Неве, изображения которых сохранились на гравюрах XVIII века: «Гребцы на шлюпке его величества, равно как и княжны, сёстры его, одеты были в белые рубахи, по-голландски, с оборками спереди. Все иностранные купцы накануне ещё получили приказание заготовить к плаванию по две рубахи от каждого купца. На каждой шлюпке было по две небольшие мачты, для того чтобы можно было плыть на парусах, в случае, если ветер будет благоприятный»[16].

Во время пребывания в Москве Корнелий де Бруин стал свидетелем первых побед русского оружия в Северной войне. Сохранился рассказ о фейерверке, устроенном 11 февраля 1702 года в честь победы при Эрестфере в Лифляндии. Художник отметил необычность аллегорических фигур и девизов, составленных на русском языке: «Посередине, с правой стороны, было изображено Время, вдвое более натурального росту человека; в правой руке оно держало песочные часы, а в левой – пальмовую ветвь, которую также держала и Фортуна, изображённая с другой стороны, со следующей надписью на русском языке: “Напред поблагодарим Бог!”. На левой стороне, к ложе его величества, представлено было изображение бобра, грызущего древесный пень, с надписью: “Грызя постоянно, он искоренит пень!” Кроме того, посреди этой площади представлен был огромный Нептун, сидящий на дельфине, и около него множество разных родов потешных огней на земле, окружённых колышками

[15] Там же. С. 59–60.
[16] Там же. С. 70.

с ракетами, которые производили прекрасное зрелище, частию рассыпаясь золотым дождём, частию взлетая вверх яркими искрами. На третьем станке представлен был древесный ствол, из которого выходит молодая ветвь, а подле этого изображения – совершенно спокойное море и над ним полу-солнце, которое, будучи освещено, казалось красноватым, и было со следующей надписью: “Надежда возрождается”»[17].

Корнелий де Бруин покинул Москву 22 апреля 1703 года. Он проплыл по рекам Москве, Оке и Волге, зарисовал виды Коломны, Нижнего Новгорода, Казани, Самары и достиг Астрахани, откуда продолжил своё путешествие в страны Центральной и Юго-Восточной Азии. На обратном пути, на рубеже 1707–1708 годов он вновь оказался в России, проведя в стране в общей сложности более полутора лет. Голландский художник стал свидетелем первых Петровских преобразований: личность Петра I, его энергия и демократизм поразили де Бруина. Главы книги, посвящённые путешествию через Московию, наполнены энергией петровского времени и уверенностью в великое будущее страны, которую голландец узнал и искренне полюбил.

[17] Там же. С. 56–57.

М.Г. Талалай
(Италия)

Царь-плотник «поёт»: музыкальная фортуна саардамской легенды

В XIX веке Европа увидела, точнее услышала, целых три оперы (все — в жанре комической, *opera buffa*) на тему «Царь-плотник». Хронологически это были Англия, Италия, Германия, причём появлялись эти музыкальные произведения самостоятельно, вне какой-либо непосредственной между ними связи или «переклички»[1].

Все они, впрочем, имели один общий источник — популярный французский водевиль «Le bourgmestre de Sardam, ou Les deux Pierres» (Саардамский бургомистр, или два Петра), написанный в 1818 году сразу в «шесть рук», т.е. тремя авторами: это были Мелесвиль (Mélésville, наст. имя Анн-Оноре-Жозеф Дюверье), Жан-Туссен Мерль (Merle) и Жан-Бернар-Эжен Кантиран де Буари (Boirie). Их текст, в свою очередь, восходил к «Истории Петра» Вольтера, к которой, однако, новые авторы добавили ещё одного Петра — некоего дезертира из России, убежавшего на Запад (в современности его назвали бы невозвращенцем). Из-за присутствия на голландской верфи двух странных русских людей и происходит водевильная путаница. До бургомистра доходит слух, что в Саардаме[2] трудится инкогнито русский царь, но он делает ошибочный выбор в пользу

[1] Выражаю признательность своим коллегам — Дмитрию Гузевичу, Энтони Кроссу и Эммануэлю Вагемансу, за просмотр рукописи моей статьи и за ряд ценных замечаний.

[2] Мы будем придерживаться традиционного русского написания, *Саардам*, хотя в современной фламандской огласовке это *Зандам*.

Петра-дезертира. Нельзя было обойтись и без любовной интриги — у того же бургомистра есть дочь-красавица, в которую влюбляется Пётр-дезертир... С разными вариациями эта фабула и была принята для трёх последующих опер.

Сэр Генри Роули Бишоп. Портрет работы Джорджа Генри Харлоу. Конец 1810-х. Национальная Портретная галерея, Лондон

Первыми откликнулись в Англии: сюжет о царе-плотнике переложил на музыку композитор и дирижер Генри Роули Бишоп (Henry Rowley Bishop; 1786–1855), некогда популярный, а ныне почти забытый персонаж. Расскажем о нём чуть подробнее. Получив первоначальное образование у жившего в Лондоне итальянца Франческо Бианки, за свою долгую карьеру Бишоп написал более 80 опер, а также множество произведений малых форм. Он дирижировал музыкальными спектаклями театра «Ковент-Гарден» и концертами Лондонского филармонического общества. Обладая развитым литературным вкусом, Бишоп охотно брал в основу своих опер произведения таких авторов, как Шекспир, Бомарше, Гёте. У него же существовал редкий для англичан творческий интерес к русским сюжетам — из-под его пера вышло целых три связанных с Россией оперы: «Черкесская невеста» (1809), «Саардамский бургомистр» (1818) и «Эльва, русская сирота» (1829). Подчеркнём, что «Черкесская невеста» стала вообще дебютом композитора (к сожалению, на следующий день после премьеры оперы театр сгорел, и её партитура не сохранилась).

Название и сюжет английского «Бургомистра» — «The Burgomaster of Saardam or The Two Peters» — целиком следует французскому оригиналу, изданному в тот же 1818 год. Судя по всему, опера не пользовалась особым успехом, и её поныне не включают в списки

Гаэтано Доницетти. Гравюра неизвестного автора, 1840-е годы. Частная коллекция

основных произведений композитора[3]. И в целом оперы Бишопа, следовавшие английской балладной традиции, мало соответствовали общепринятым канонам жанра и остались неизвестными на континенте. Что касается дальнейшей судьбы Бишопа, то в 1842 году за заслуги в области искусства он получил рыцарский титул, став первым «сэром» из британских композиторов. Однако последние годы его жизни были отмечены творческим бесплодием в результате семейной драмы: Бишопа бросила молодая жена, сбежав в Австралию с любовником, и композитор скончался в полной нищете и забвении.

Следующим для «Царя-плотника» пришёл черёд Италии. В числе блестящих, но тоже забытых, и неизвестных вовсе в России, произведений знаменитого итальянского композитора Гаэтано Доницетти (1797–1848) — комическая опера «Il borgomastro di Saardam». Её литературным источником также послужил одноимённый французский водевиль, переработанный для Доницетти в либретто неаполитанцем Доменико Джилардони (Gilardoni). Согласно этому либретто, русский царь анонимно работает плотником в Саардаме вместе с другим русским мастеровым — беглым солдатом Петром, по фамилии Флиманн[4]. Бургомистр Саардама, думающий, что Флиманн и есть переодетый царь, поощряет его увлечение своей дочерью Мариейтой. Между тем настоящий царь вынужден покинуть Саардам, дабы вернуться в Россию на усмирение очередного бунта. Перед отъездом Пётр Первый раскрывает бургомистру своё инкогнито, а испуганному Петру Флиманну жалует дворянское достоинство с тем, чтобы тот смог жениться на Мариетте, бургомистровой дочке. Премьера оперы — 25-ой для автора — с огромным

[3] См., к примеру, статью в английской Википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/Henry_Bishop_(composer).

[4] Фамилия персонажа настолько далека от русской ономастической традиции, что позволяет подумать о некой игре слов: to flee (*англ.*) — бежать.

успехом состоялась 19 августа 1827 года в Неаполе в театре дель Фондо (совр. театр Меркаданте): она выдержала там 35 представлений[5].

Поставленная в миланской Ла Скала в следующем году, опера Доницетти там, к сожалению, «провалилась». Фиаско в Милане предопределило дальнейшую злосчастную судьбу этого произведения композитора. Комическая опера «Саардамский бургомистр» более не попадала в репертуары в Италии и других странах; в России она вообще никогда не ставилась, несмотря на прекрасную музыку и русский сюжет. В 1973 году оперу, однако, вспомнили в Голландии, поставив её в самом Саардаме (Зандаме). Тогда же была осуществлена и её концертная запись.

Последним местом музыкального воплощения саардамской легенды стала в 1837 году Германия. Сценическая судьба оперы «Zar und Zimmerman» («Царь и плотник») немецкого композитора Альберта Лорцинга (Albert Lortzing; 1801–1851) оказалась по сравнению с двумя предыдущими операми более удачной: она многократно ставилась в Европе. В России опера была дана — из-за цензурных осложнений[6] — только в 1907 году (Петербург, Народный дом, дирижёр В. Зелёный) и потом несколько раз возобновлялась. Последняя её постановка — Москва, Камерный музыкальный театр им. Б. Покровского, 2011 год.

Если знаменитый уроженец Бергамо Гаэтано Доницетти в представлении русскому читателю не нуждается, то биография Лорцинга (как и Бишопа), хотя бы кратко, того требует. Он родился в семье странствующих актёров и впервые вышел на сцену в возрасте 12 лет; учился в Берлинской музыкальной академии, в хоре которой также выступал как тенор. Основатель немецкой оперы-буффа [Spieloper], Лорцинг дебютировал как композитор в 1837 году — именно оперой «Царь и плотник», где исполнял партию «второго» Петра. В 1839 году опера была поставлена в Берлине и имела оглушительный успех. В последующие годы Лорцинг служил капельмейстером лейпцигского Городского театра, затем в венском театре Theater an der Wien, а с 1850 года в новом берлинском Немецком театре. На похоронах гроб Лорцинга был покрыт крамольным чёрно-красно-золо-

[5] В том же 1827 г. и в том же неаполитанском театре была поставлена ещё одна опера Г. Доницетти на русский сюжет — «Восемь месяцев за два часа, или Ссыльные в Сибири», основанный на реальном событии, подвиге дочерней любви Параши Луполовой, которая в 1803–1804 гг. пешком добралась из сибирского поселения Ишима до Петербурга ради ходатайства перед царём о помиловании осуждённого отца.

[6] Русской цензуре не нравился комический жанр произведения.

Статуя Альберта Лорцинга
работы скульптора
Густава Эберлайна (1890-е годы)
в берлинском саду Тиргартен

тым флагом Германской революции 1848 года, которую он решительно поддерживал[7].

Либретто оперы «Царь и плотник» было написано самим композитором. Первое её представление состоялось 22 декабря 1837 года в Лейпциге. У немецкого автора «второй» Пётр не дезертир, а простой мастеровой, и имеет более подходящую для русского человека фамилию — Иванов, а не Флиманн; Мариетта стала Марией, она не дочь бургомистра, а его племянница. Появились новые персонажи — послы России, Англии, Франции[8].

Перескажем сюжет либретто, написанного Лорцингом. Царь в Саардаме, скрывшись под именем Петра Михайлова, работает плотником на судостроительной верфи, где подружился с русским мастеровым Петром Ивановым, также плотничающим на голландской верфи. Не подозревая, что новый его друг — царь, Пётр Иванов делится с ним своим несчастьем: юноша полюбил Марию, племянницу саардамского бургомистра Ван-Бетта, но тот и слышать не хочет об этом союзе. В Саардаме тем временем распространяются слухи, что на судостроительной верфи работает сам царь: английский и французский послы желают с ним встретиться. На верфь прибывает и бургомистр, однако он, как и английский посол, принимает за царя Петра Иванова, тогда, как хитроумный французский посол разгадывает ситуацию. Одновременно бургомистр входит в конфликт с истинным монархом.

[7] О немецком композиторе написан ряд монографий; укажем последнюю: *Lodemann J.* Lortzing. Leben und Werk des dichtenden, komponierenden und singenden Publikumslieblings, Familienvaters und komisch tragischen Spielopernweltmeisters aus Berlin. Göttingen: Steidl, 2000.

[8] Об опере и либретто Альберта Лорцинга, её изданиях и постановках см. также: *Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. СПб., 2008. С. 218, 244, 254, 294–295, 299, 651.

Вернувшись в ратушу, бургомистр велит сочинить кантату в честь царя и встречает её торжественным исполнением Петра Иванова, продолжая перебранку с Петром Первым. Племянница бургомистра находит минуту и жалуется Петру Первому, ещё не зная о его царском титуле, о препятствиях к браку с любимым человеком. Государь обещает ей помочь. Срочные дела требуют его отъезда в Россию, но он вручает Петру Иванову важный запечатанный пакет с наказом вскрыть его позднее. Во время торжеств в ратуше низкое положение Петра Иванова обнаруживается, но гнев бургомистра смиряется при знакомстве с содержимым пакета — Пётр Иванов назначается царским представителем в Саардаме: свадьбе быть. В финале оперы уплывает русский корабль, на его борту — Пётр Первый, сняв платье мастерового и облачённый в военный мундир, добродушно прощается с Голландией.

Обложка диска с записью оперы Г. Доницетти «Саардамский бургомистр», поставленной в Голландии в 1973

Т.Ю. Токарева
(Сергиев Посад)

Строительство по прототипам в Троице-Сергиевом монастыре в раннюю петровскую эпоху: Уточья башня

Каменное ожерелье Троице-Сергиева монастыря возводилось древнерусскими зодчими и мастерами нового времени в несколько этапов. Особое место среди башен цитадели занимает Уточья, расположенная на северо-восточном углу крепости. Она именовалась по-разному: *«Житничная»*, *«Красная»*, лишь с конца XIX века — Уточья[1]. Последнее название прочно связано с именем царя Петра Алексеевича: согласно преданию, Пётр I стрелял с неё по уткам в соседнем пруду.

Башня представляет собой оригинальное сооружение, отражающее два строительных периода[2]. Первый относится к 1650 году, когда она была сложена заново[3]. Второй — к концу XVII века, когда

[1] *Зубов В.П.* Крепостные стены Троице-Сергиева монастыря. Архив СПМЗ. Рукопись. НА-59. См. также: *Холодкова Н.В.* К вопросу истории крепостных стен и башен Троице-Сергиева монастыря // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы VI Международной конференции 29–31 октября 2008. Сергиев посад; М., 2010. С. 36–59.

[2] *Балдин В.И., Устинов А.Г.* Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры. Комплексный проект реставрации. ЦНРМ. М., 1963. Т. IV. СПМЗ. НА-1839/4.

[3] *Азарьин Симон.* Книга о новоявленных чудесах преподобного Сергия // *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I. Житие Преподобного Сергия Радонежского. М., 1998.

была возведена каменная надстройка над основанием 1650 года. Новое завершение причудливой формы вознеслось над древней башней. При этом первоначальный объём сохранён на всю высоту, за исключением боевого парапета с вертикальными зубцами — его сменила сквозная аркада с острыми пинаклями и шарами. Чёткие, продуманные пропорции надстройки органически увязаны с нижней частью здания. Крупные, отлично прорисованные, читающиеся на большом расстоянии детали и лёгкий, убегающий вверх силуэт в сочетании с красно-белой расцветкой делают башню одним из выдающихся сооружений [илл. 1].

Илл. 1. Уточья башня.
Вид с северо-востока
после реставрации. Фото 2012

В России аналогов Уточьей башне нет. Но её надстройка, на что в 1925 году впервые обратил внимание директор Сергиевского музея А.Н. Свирин, имеет голландское происхождение[4] — она повторяет башню Ратуши г. Маастрихта. Последняя построена по проекту голландского архитектора Питера Поста (ратуша в 1664 году, часовая башня-колокольня над ней в 1684 году)[5] [илл. 2].

На квадратном основании Ратуши расположена восьмигранная четырёхъярусная, ажурная башня-колокольня с полусферическим куполом. Высота башни почти совпадает с надстройкой подмосков-

[4] *Свирин А.Н.* Сергиевский историко-художественный музей. Б. Троицкая лавра. М.; Л., 1925. С. 18. Отметим, что А.Н. Свирин в качестве образца для Уточьей башни называет башню ратуши города Гарлема, что представляется не ошибкой, а опиской, поэтому нами не рассматривается.

[5] *Некрасов А.И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. М., 1936. С. 371–372; *Виппер Б.Р.* Архитектура русского барокко. М., 1978. С. 22, 97, 137; *Балдин В.И.* Загорск; М., 1984. С. 273; Gebouwd in de jaren 1659–1664 onder bouwmeester Pieter Post. De toren dateert van 1684 en bevat een carillon met 49 klokken // forum.mestreechonline.n и др.

Илл. 2. Башня ратуши г. Маастрихта
и верхняя часть Уточьей башни. ТСЛ

ной и достигает 25 м. Но в противоположность троицкой, голландская постройка срублена из дерева, как это и планировалось автором. Об этом свидетельствуют чертежи, разрез башни, изданный в книге гражданская архитектура (Данкерса) 1670 года[6]. Тем не менее, очевидно, что архитектурные формы колокольни имитируют каменную постройку. Её «деревянная» конструкция скрыта отделкой. В этом смысле надстройка Уточьей башни является более цельным и органичным произведением, архитектурная «природа» которой, лучше увязанная с основанием, выразительно обнажена. В ней «работа» всех конструкций выявлена материалом: кирпичом и белым камнем — белый, но не нейтральный, массив надёжного старого основания переходит в яркую надстройку, рвущуюся в небо из «тела» здания.

Исследователи установили, что источником строительства башни послужили альбомы гравюр Питера Поста, ученика Якоба ван Кампена, впервые изданные в 1664 году. Лишь реставратор башни В.И. Балдин в 1978 году высказал обратное предположение, считая монастырскую башню прототипом голландской, от чего, впрочем, впоследствии отказался[7].

[6] Чертежи башни опубликованы на официальном сайте города Маастрихта // MestreechOnline — Forum Stad Maastricht.

[7] *Балдин В.И.* Исследование и реставрация архитектурного ансамбля ТСЛ в городе Загорске. Диссертация на соискание учёной степени кандидата архитектуры. М.,

М.Н. Микишатьев в 1983 году в своём ярком исследовании по Уточьей башне доказал, что в личной библиотеке Петра была книга гравюр с проектов Питера Поста, по которой и была построена троицкая башня[8]. Ленинградский исследователь предположил также, что надстройка Уточьей башни была возведена по указанному царём образцу в конце XVII века, что представляется единственно верным.

В голландской литературе называется более поздняя дата строительства надстройки Уточьей башни. Она опирается на известия о приезде Петра I в г. Маастрихт в 1717 году. Согласно легенде, на царя башня Ратуши произвела столь сильное впечатление, что он решил завести такую же в России[9]. Однако эта легенда не подтверждается документально. Напротив, выявленные нами источники свидетельствуют, что в начале XVIII века на территории монастыря не велось капитального строительства, о чём ниже.

Вопрос о том, кто является автором надстройки Уточьей башни, кем и когда она была возведена — остается открытым. Обратимся к известным и вновь привлекаемым документам, чтобы попытаться ответить на него, обратив внимание и на то, какое место она занимала в архитектурном ансамбле Троице-Сергиевой лавры.

Для этого необходимо кратко остановиться на вопросах истории строительной деятельности обители в петровскую эпоху. Забегая вперед, отметим, что она оказала влияние на монастырское крепостное зодчество. На него и земляные «фортеции» цитадели было направлено внимание молодого царя. Чертоги, Трапезная (1686–1692), храм Рождества Иоанна Предтечи (1693–1699), Надкладезная и Пятницкая часовни относятся к предшествующему периоду и являются образцами «*нарышкинского*» барокко. В отличие от храмов, даты строительства остальных зданий этого времени неизвестны. Уточья башня также относится к недатированным сооружениям.

1972. Архив СПМЗ. С. 102–105. В 1978 году В.И. Балдин обращался к профессору Высшей технической школы г. Делфта Терену (Terwen M.) с просьбой прислать её чертежи, которые и были ему любезно отправлены и опубликованы В.И. Балдиным в книге: *В.И. Балдин*. Указ. соч. С. 202, 273.

[8] *Микишатьев М.Н.* Ранний памятник петровской эпохи // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Тематический сборник научных трудов Академии художеств СССР. Под редакцией И.И. Фомина. Вып. XIV. Л., 1983. С. 18–24.

[9] *Вагеманс Э.* Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды 1716–1717 гг. СПб., 2013. С. 171.; http://www.maastrichtaktueel.nl/tag/cultuur/ Дата обращения 6 марта 2013.

Ранее было установлено, что Уточья башня — не единственная постройка Троице-Сергиева монастыря петровского времени, на что впервые обратил внимание Г.И. Вздорнов в связи с изучением несохранившихся памятников монастыря[10]. К сожалению, его точка зрения в литературе не закрепилась, что вызвано, очевидно, тем, что другие здания, построенные в монастыре в петровскую эпоху, не сохранились. Этот период ныне представлен единственным памятником — Уточьей башней. Между тем, он представлял собой самостоятельный этап строительной деятельности обители, что становится очевидным при обращении к изучению изображений Лавры на гравюрах и чертежах XVIII века. К концу первой четверти XVIII века в монастыре имелись здания, которые по гравюрам Ивана Зубова 1725 года и 1730-х годов можно уверенно относить к петровскому времени: Каличья, Часовая и, возможно, новая Гульбищная (ныне Луковая) башни [илл. 3–4]. По гравюрам и чертежам из Архитектурного альбома ТСЛ (1745–1789) видно, что они, как и Уточья, поставлены по прототипам.

Конюшенная (или Каличья) башня была украшена новой надстройкой, возведённой, как и Уточья, на старом основании[11]. Она повторяет Троицкую башню Московского Кремля, сооруженную в 1685 году, которая, в свою очередь, поставлена по образцу Спасской[12]. Другая монастырская башня — Часозвоня — также поставлена по образцу: здесь прототипом могла быть московская Сухарева башня[13]. Небольшая Гульбищная башня (ныне Луковая), изображённая без кровли на гравюре 1734 года, напоминает перестроенные при Софье Алексеевне завершения башен Новодевичьего монастыря[14].

---

[10] *Вздорнов Г.И.* Несохранившиеся памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры XVI–XVII вв. Рукопись. 1960. СПМЗ. НА-283. С. 18, 24.

[11] *Вздорнов Г.И.* Архитектурный альбом Троице-Сергиевой лавры 1745–1789 гг. Исследование собрания чертежей с историей строительных и реставрационных работ в Лавре в середине и второй половине XVIII в. 1961. Архив СПМЗ. НА-310. С. 49–50.

[12] *Бартенев С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912. Т. 2. С. 121–150, 154.

[13] *Вздорнов Г.И.* Архитектурный альбом Троице-Сергиевой лавры... С. 49.

[14] На гравюре И. Зубова 1725 года эта башня не отражена. За зданием монастырской Трапезной на ней видны только кровли с завершениями от скрытых ею зданий: за стеной, выглядывают, по-видимому, относящиеся к двум приходским церквям, стоявшим за Лаврой, две главки на шатрах, а ближе, более крупно показана шатровая кровля со смотрильней одной из башен монастыря. Это изображение, на мой взгляд, относится не к небольшой Гульбищной (Луковой), а к угловой Водяной башне. Ср. с: *Холодкова Н.В.* Указ. соч. С. 42 и прим. 68. С. 56.

Илл. 3. *И.Ф. Зубов.* Троице-Сергиев монастырь.
Гравюра, 1725. Фрагмент

Илл. 4. *И.Ф. Зубов.* Троице-Сергиев монастырь.
Гравюра, 1730-е годы

Таким образом, несколько выдающихся построек представляли в ансамбле монастыря новый строительный период — раннепетровскую эпоху. Надстройки башен придали облику цитадели новое художественное выражение. Бросается в глаза их главная особенность, а именно — что они возведены по образцам. В этом смысле лишь

Уточья башня является полным подобием прототипа. Она единственная напрямую, а не опосредованно копирует образец.

Обращают на себя внимание причины, по которым сохранилась только она. Каличья башня, выстроенная без учёта давления новой надстройки, во второй половине XVIII века была заменена другой. Часозвоня, также обветшавшая, была разобрана в 1826 году[15]. Уточья башня оказалась самой прочной и, несмотря на все разрушения, которым она подвергалась, в том числе на протяжении XIX века, дошла до наших дней. Ныне на территории Троице-Сергиевой лавры только надстройка Уточьей башни несёт на себе черты архитектуры петровского времени[16]. Здание башни, воплощающее своим обликом «северное» или «голландское» возрождение[17], яркой вспышкой вклинилось между *нарышкинским* барокко и новым русским искусством.

Важно учитывать, как вписывались новые сооружения в монастырский ансамбль и какая роль им отводилась. На мой взгляд, именно в связи с необходимостью усилить ансамблевое звучание всего комплекса, в конце XVII века происходят изменения в облике тех башен, которым отводилась градообразующая роль — Каличьей, Уточьей и Часозвони. Эти три башни, стоявшие на особо значимых точках, после масштабного «нарышкинского» строительства 1680–1690-хх годов, уже не «держали» силуэт ансамбля, поэтому их необходимо было выделить. Отметим и то, что только эти три башни и после перестроек ансамбля в XVIII веке по-прежнему имеют сильно отличающиеся от остальных пропорции и силуэт[18].

Обратимся к источникам, чтобы на основе документальных материалов подкрепить высказанные предположения и показать об-

---

[15] Верхние ярусы открытой Часозвони были разобраны, её сменила в ансамбле Красная башня, получившая выразительное завершение в XIX веке, уже после разборки Часозвони. Считается, что русским зодчим не очень удавались открытые гульбища, крыльца, галереи и лестницы, которые вскоре после возведения почти всегда или закрывались навесами или перестраивались, так как требовали постоянных ремонтов.

[16] Бывшая открытой на гравюре И. Зубова Гульбищная башня получила новую кровлю в XVIII в., когда сменили покрытия большинство троицких башен.

[17] Понятие так называемого «северного» возрождения, оригинального стиля, процветавшего в Генеральных Штатах, условно: под ним подразумевается сложное художественное явление, впитавшее в себя как черты северной готики предшествующего периода, так и элементы барокко.

[18] Особенно хорошо это видно по чертежам из Архитектурного альбома ТСЛ 1745–1789 гг. СПМЗ. Инв. № 5562-ИХО (Историко-художественный отдел).

щую ситуацию в обители в данный период, без знакомства с которой любые гипотезы выглядят спорно.

Троицкий архив «устрашающе велик»[19]. В его разнообразных кодексах находим сведения о строительной истории обители, её финансового положения, хозяйственной деятельности в конце XVII — начале XVIII века, влиявшие на интересующую нас тему.

Прежде чем перейти к ним, напомним, что Пётр Великий в период своего правления неоднократно бывал в обители. Приезды царя не могли проходить без личного общения с властями монастыря. Пётр был в Троице-Сергиевом монастыре после победы под Азовом в 1696 году[20] и после путешествия в Европу в 1698 году. На последний визит прежде внимания не обращалось. Именно в монастыре царь два дня ждал прибытия адмирала Крюйса и других иностранных специалистов, нанятых, в том числе и в Голландии, и двигавшихся в Москву из Архангельска[21]. В этот приезд, по нашему мнению, он и мог заказать постройку башни. В дальнейшем это представляется маловероятным по следующим причинам.

Из записок путешественников известно, что нарядные и высокие башни украшали обитель уже в самом начале XVIII века. В 1702 году посетивший монастырь Корнелий де Бруин, отмечал, что монастырь украшают великолепные и высокие башни[22]. Ими, как мы показали, могли быть только три из них, занимавшие в ансамбле особое положение. Возведены они могли быть в те годы только на средства монастыря.

Остановимся на финансовом положении монастыря. Введение новых налогов во всей стране, усиленное ограничением финансовых прав церкви, оказало существенное влияние на монастырское зодчество. С наступлением нового века строительная деятельность

---

[19] *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков. М., 2004.

[20] *Желябужский И.А.* Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., вст. ст., коммент. и указ. А.П. Богданов. М., 1990. С. 249.

[21] История посещений Петром Троице-Сергиева монастыря после его воцарения в 1689–1725 гг. специально не изучалась. Существующие точки зрения, например, о том, что царь не приезжал в монастырь после 1696 г. в течение 29 лет, не соответствуют, как мы показали, действительности. *Богословский М.М.* Пётр I. Материалы для биографии. Т. III. Стрелецкий розыск. Воронежское кораблестроение. Городская реформа 1699 г. Карловицкий конгресс. 1698–1699 гг. М., 1946. С. 76–77.

[22] *Бруин К. де* Путешествия через Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев / Подг. текстов, вст. ст. и комм. Ю.А. Лимонова. Л., 1989. С. 50.

в монастыре была свернута, тогда как в самом конце XVII века она процветала.

Об этом говорят следующие факты. С 1697 года вводится запрет на расходование монастырями средств без ведения государства, в том числе на строительство[23]. Позднее последовал запрет возводить часовни, а с 1714 года каменное строительство было запрещено везде, кроме Петербурга[24].

Начиная с 1695–1722 годов из монастыря изымались на государственные нужды огромные суммы, причём, все, «остававшиеся за расходом». Это подкрепляется данными по бюджету Троицы по Приходо-расходной книге 1703 года[25]. Лишь дважды часть денег была возвращена: в июле и ноябре 1696 года, а в 1697–1698 годы средства не изымались[26]. Таким образом, только в этот период в распоряжении властей могли остаться свободные средства, без которых серьёзное строительство было невозможно.

Причиной такого благоволения царя в эти годы была не только радость азовской победы. В 1698 году во время стрелецкого бунта обитель стала убежищем для царевича Алексея Петровича. Возможно, поэтому царь после возвращения из заграничного путешествия сделал обители несколько доходных пожалований. В конце 1699 года — начале 1700 года Пётр дал Троице три монастыря: Астраханский, Белопесоцкий на Кашире и Николо-Песношский в Дмитровском уезде с людьми, землями и промыслами[27].

После 1701 года возможностей вести капитальное строительство у Троицы долгие годы не было, на что прежде не обращалось внимания. Рост налогов, которые зависимое население обители не успевало вносить вовремя, вынуждал власти монастыря, дабы не быть перед государем в опале, платить деньги за своих людей из собственной казны. Так, во время строительства кораблей на Воронеже, начальство обители полностью внесло необходимую сумму, которую пришлось собирать несколько лет[28]. Остававшиеся за расходом

---

[23] ПСЗ. СПб., 1830. Т. III. № 1613. С. 425.

[24] *Виппер Б.Р.* Указ. соч. С. 35.

[25] Приходо-расходная книга ТСМ 1703 г. // РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 911.

[26] Опись казны ТСМ 1734 г. СПМЗ. Инв. № 61-рук.

[27] *Токарева Т.Ю.* Малоизвестная указная грамота Петра I о привлечении Троице-Сергиева монастыря к созданию «воронежского» флота из собрания Сергиево-Посадского государственного музея-заповедника // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 8–10 июня 2011 г. СПб., 2012. С. 244.

[28] Там же. С. 245.

деньги «добровольно» подносились властями «*Преображенскому государю*»[29]. Это продолжалось до последних лет царствования Петра Великого[30].

Усиление финансового давления государства привело к резкому сокращению многих прежде процветавших промыслов и даже к свертыванию отдельных направлений. Капитальное строительство на территории монастыря было надолго приостановлено[31].

Об остроте сложившейся ситуации свидетельствуют документы. В челобитной 1708 года от жителей подмонастырских слобод сообщается, что из-за долгов перед государством посадские люди «*стоят на правеже другую неделю*», в том числе и за взятых по указам царя людей[32]. Жителей Сергиева Посада забирали «*по вся годы*» в драгуны, солдаты, плотники, токари, лопатники, кузнецы, каменщики[33]. За один только 1703 год разных чинов и специальностей троицкие люди направлялись в войска к боярам Б.П. Шереметьеву, Н.П. Прозоровскому, к кн. М.Н. Львову, а также на разные работы в Воронеж, «*новозавоёванный*» Шлиссельбург, Олонец, Псков, Новгород, Тихвин, Ладогу и Петербург[34].

---

[29] Типичная ситуация с поднесением оставшихся за расходом монастырских собранных с зависимого населения денег отражена в приходо-расходной книге монастыря 1703 г. Об этом сказано так: «10 000 рублев Преображенскому великому государю объявили власти и поднесли из сборных остаточных (денег), которые остались у октября в ноябрь» 1703 г. Приходо-расходная книга ТСМ 1703 г. // РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 911. Л. 232.

[30] «Табель, что в прошлых годех по указу императорского величества от Троицкого Сергиева монастыря отписано сборов денежных и хлебных повсягодно...» с 1704 по 1722 гг. Всего с 1703 г. по 1724 гг. было отписано от монастыря людей, лошадей, хлеба и дворов на сумму 332.971 р. 24 алт. 5 д..., людей 1850 чел. и 800 лошадей // РГАДА. Ф. 9. Ч. 2. Оп. 4. Ч. 2 № 73. Л. 28–29.

[31] Лишь в 1707–1711 гг. из-за угрозы шведского нашествия возводились вокруг крепости дерево-земляные укрепления — «когорновы фортеции», как и у Московского Кремля, Можайска и Серпухова // ПСЗ. Т. IV. № 2149. С. 380–381; № 2184. С. 401; ПиБ. Т. VIII (июль–декабрь 1708 г.) М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 379. № 2939; *Бартенев С.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 66–68.

[32] *Горчаков М.* Монастырский приказ. (1649–1725) Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. Приложения. С. 10–11, 16–18, 24–25.

[33] За взятых каменщиков, например, налоги были сняты с 1712 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. № 2508. С. 821.

[34] Приходо-расходная книга ТСМ 1703 г. // РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 911. Любопытно отметить, что уже в этом источнике упоминается «Петербурх», без точной даты. (За период с 1 января 1703 г. по 1 января 1704 г. он упоминается в связи с отправлением в Новгород, Псков и Петербург монастырских слуг и конюхов, сопровождавших «государевых драгунских лошадей».

Так кто же строил Уточью башню и другие здания в монастыре в петровскую эпоху? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо взглянуть на Писцовые и Переписные книги обители на предмет выявления и анализа данных по троицким строителям. В.В. Кавельмахер впервые предпринял такую попытку относительно первой четверти XVII века[35] и пришёл к важному выводу, что троицкий «каменных дел подмастерье Елисей Степанов», упоминаемый в документах первой четверти XVII века, является основателем троицкой архитектурной школы, её архитектором[36]. Исследователь вскользь упоминает о подмастерье конца XVII века Луке Степанове, считая его потомком мастера Елисея. По мнению Кавельмахера, монастырь обязан своим обликом династии троицких архитекторов Степановых. Продолжая начатое В.В. Кавельмахером исследование, автором настоящего сообщения была впервые предпринята попытка рассмотреть сведения документов по мастерам строительных специальностей монастыря в петровскую эпоху. Проанализировав динамику их состава, обращая внимание на служебные перемещения и возраст, можно сделать интересные наблюдения.

В Писцовых книгах ТСМ 1678 года[37], 1685 года[38], Переписной 1701 года[39] и Ландратской 1715 года[40] значатся каменщики, кирпичники, деревщики и нагорные плотники. Все они жили непосредственно под стенами Троице-Сергиева монастыря в его слободах. Ответ на вопрос, кто является строителем Троицкой Уточьей башни, следует искать именно в них.

Проведя тщательный анализ содержания рукописей, удалось установить, что в монастыре в это время, как и прежде, существовали собственные строительные бригады, которыми у каменщиков руководили «каменных дел подмастерья»[41]. На рубеже веков ими были

---

[35] *Кавельмахер В.В.* Никоновская церковь Троице-Сергиева монастыря: автор и дата постройки // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 2000. С. 40–95.

[36] Там же. С. 91.

[37] Писцовая книга земель Московского уезда стольника Владимира Ивановича Волконского и подьячего Моисея Глухова ЗРПS декабря 13 дня (1678 г.) // НИОР РГБ. Ф. 303. (1). 581. Л. 43–44.

[38] Выпись с книг Московского уезду письма и меры и межеванья стольника Ивана Ивановича Верхдеревского и подьячего Алексея Юрьева ЗРЧГ году... // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 25466. Л. 85–137 об.

[39] Переписная книга ТСМ 1701 г. // РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 501 об.

[40] Ландратская книга Московского уезда ландрата Александра Петровича Шетнева 1715 г. // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 257.

[41] К такому же выводу в 2001 г. пришёл и В.В. Кавельмахер применительно ко второй четверти — середине XVII в.

разные лица, «выраставшие», тем не менее, не из рядовых работников, а у каменщиков — из «каменных дел резца». Подмастерье каменных дел был главным ответственным лицом среди них, так как в ранних Писцовых книгах эта должность открывала поимённый перечень рядовых каменщиков. И хотя вряд ли подмастерья всегда были авторами сооружений обители, тем не менее, они являлись непосредственными руководителями строителей, а значит, влияли на процесс и несли ответственность за него.

В интересующую нас эпоху состав каменщиков, кирпичников и плотников прослеживается по документам. По ним видно, как неуклонно сокращался их состав, куда их направляли по указам властей и государя, до какого возраста они несли службу. Сведения по вдовам каменщиков и кирпичников также были учтены.

По Писцовой книге к 1678 году было 9 каменщиков и 19 кирпичников. В 1685 году по 14 тех и других[42]. К 1701 году их число меняется — каменщиков числится 15 человек, кирпичников только 7[43]. Всего в 1701 году было 56 строителей. К 1715 году кирпичников почти нет, штатных каменщиков остаётся в два раза меньше, причём большинство — пожилые (60–75 лет)[44]. Молодых работников осталось два человека. Любопытно отметить, что старших по должности, а именно каменных дел подмастерьев, обитель не отправила, потому что после работ в Петербурге возвращались не все. И это не случайно, — именно эти лица были наиболее ценными в рассматриваемое время зодчими, принадлежавшими Троице-Сергиеву монастырю.

Назовём их имена. Первый — каменных дел подмастерье Лука Степанов, названный так и по книге 1678 года, и по 1685 году и в 1701 году. Однако в Описи 1685 года (её В.В. Кавельмахер не привлекал), он назван полным именем — Лука *Степанов сын* Кропивин. Нет никаких сомнений, что это тот же человек, что и названный в Описях 1678 и 1701 года, судя по составу его семьи (он имел двух сыновей, Андрея и Семёна)[45]. Поэтому утверждать, что в монастыре

[42] РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 25466. Л. 85–137 об.

[43] Там же. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 501 об.

[44] Там же. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 257. Л. 56, 58, 77, 81–84, 90, 98, 112, 114, 118 об., 127, 130, 134 об., 178, 179 об. и др.

[45] В Писцовой книге 1685 года «каменного дела подмастерье Лучка Степанов сын Кропивин» также имел двух несовершеннолетних детей — Андрея и Семёна // РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 25466. Л. 130 об. Взрослые дети, проживавшие отдельно от родителей, не вносились в Писцовые книги. Подмастерье Лука Степанов сын Крапивин имел по книге 1685 г., как и по 1678 г. двоих сыновей. Имена их совпадают — Андрей и Семён, однако не совпадает возраст, если только он не скрыт и указан верно в последней из книг.

на протяжении почти всего XVII века была династия архитекторов Степановых без привлечения дополнительных материалов не представляется возможным, необходимы дальнейшие поиски. Согласно Переписной книге 1701 года подмастерью Луке Степанову было уже много лет, так как не указаны его несовершеннолетние дети, а в 1715 году его нет. Следовательно, он занимал эту должность более 20 лет. В 1715 году подмастерьем числился названный в 1701 году каменных дел резчиком Никита Володимеров, которому было в 1715 году 60 лет. Следовательно, он стал мастером после 1701 года, возможно, сменив Луку Степановича Крапивина.

Таким образом, установленные нами имена руководителей бригады троицких каменщиков за последнюю четверть XVII — начало XVIII века, позволяют говорить о существовании стабильной, отлаженной традицией системе организации монастырских строителей. Личный состав остальных каменщиков также весьма постоянен.

«Каменных дел подмастерье» можно считать и архитектором. В литературе часто встречается утверждение, что таковые являлись и авторами зданий. Например, архитектором церкви Иоасафа Царевича (1687–1688) в царской усадьбе Измайлово назван каменных дел подмастерье Терентий Макаров. Каменных дел подмастерьем числился Яков Бухвостов, построивший церковь Троицы в Троицком–Лыкове в 1703 году.

Итак, указанные в Писцовых книгах конца XVII — начала XVIII века мастера и возводили монастырские постройки в исследуемый период. Свою службу они несли при Петре Великом до 70–75 лет. В отставные попадали только скорбные и старые, при царе Петре — от 70 лет[46].

Всего к 1715 году в каменщиках состояли только 8 человек, и лишь два из них были молодыми — Григорий Андреев 23-х, и Алексей Андреев 38 лет, и один относительно молодой — 50 лет — Иван Фёдорович Волков. Все остальные каменщики были старше 60 лет: Алексей Гаврилович Пролубщик, Михаил Ульянович Яганов, Прокофий Васильевич Бочкин, Иван Пахомов (по 60 лет), Яков Васильевич Куклин (65 лет).

Многие из них, как и начальные люди, числились в монастыре в каменщиках и по описям предшествующего времени, поэтому можно уверенно говорить о том, что они, всю жизнь занимаясь строительными работами, обладали большим опытом и навыками, что

[46] Отставными были в 1715 году Семён Карпович Подсосенский, Кузьма Григорьев и Исайя Корнилов, все около 1640 года рождения.

позволяло им играть более заметную роль в монастырском строительстве, чем в новое время. В этой связи возведение зданий по прототипам на территории монастыря в раннюю петровскую эпоху представляется не случайным. Многочисленной бригаде опытных строителей это было по силам. А то, что очень высокая Каличья башня была в середине XVIII века разобрана из-за относительно быстро возникших повреждений, говорит в пользу предположения, что она предшествовала Уточьей.

Троицкие каменщики внесли свой вклад и в строительство Петербурга, где они работали попеременно. Нам, однако, неизвестно, где именно они трудились. Отметим лишь, что монастырь, как и другие вотчинники, старался не направлять в строящуюся столицу своих лучших мастеров. Царю даже пришлось издавать по этому поводу указ, но его старались обойти. Троице-Сергиев монастырь, например, вместо профессиональных каменщиков, иногда посылал тех, кто записывался в «*государевы каменщики*» из числа лиц, не имевших специальности[47].

Но как ни старались обходить государевы законы сильные и крупные вотчинники, даже им не удалось сохранить многие из своих ремёсел и промыслов. Всего за 1700–1713 годы (сведения более позднего времени нуждаются в дополнительном исследовании) в Петербург были направлены практически все полноценные каменщики.

Должность каменных дел подмастерья в дальнейшем уже не встречается. «*Подмастерья*» к концу первой четверти XVIII века были переименованы на иностранный манер — гезель. Гезели работали и в Лавре со второй трети XVIII века по найму. В штате же Лавры появится стоявшая ниже по значению должность «*архитектурного ученика*». После возобновления строительных работ на территории монастыря, начиная с 30-х годов XVIII века, организационная структура лаврских строителей изменится, но это тема другого сообщения.

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам. Строительная деятельность при Петре I на территории обители велась только до конца XVII века. Сооружения этого периода возведены по западноевропейским прототипам. К ним относят-

[47] «Записной государев каменщик Кузьма Григорьев, 70 лет... явился в монастыре скорбен в 1712 году, а вместо его отдан в каменщики села Клементьева бобыльский сын Григорий Максимов... Нищей Игнатий Власов 70 лет... сын ево Володимер взят в каменщики в прошлом 1703 году в Санкт-Петербург» // РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 257. Л. 178–179.

ся не дошедшие до наших дней Каличья, Часовая, возможно Гульбищная и единственная сохранившаяся Уточья башни. Последняя могла быть построена только после возвращения царя из заграничного путешествия в 1698 году.

Предполагаемыми зодчими Уточьей башни и других зданий этого времени была бригада троицких строителей: каменщиков, кирпичников и плотников, состоявшая к 1701 году из нескольких десятков человек, под руководством каменных дел подмастерья Луки Степанова сына Крапивина. Именно он мог быть автором всех сооружений монастыря этого периода, поставленных по западноевропейским образцам.

А.Е. Ухналёв
(Санкт-Петербург)

«Голландская манера» в архитектуре петровского Санкт-Петербурга

«Альгаротти где-то сказал...» — так начинается известное примечание Пушкина к «Медному всаднику», благодаря которому сравнение Петербурга с окном в Европу сделалось «крылатым выражением». Начиная разговор о Голландии и Петербурге, можно повторить пушкинскую фразу. Итак, Альгаротти «где-то» сказал о стиле петербургских зданий: «Тут господствует какой-то выморочный архитектурный стиль, средний между итальянским, французским и голландским, но с преобладанием голландского...»[1].

Историки доверяют суждениям наблюдательного итальянца, основанным на личных впечатлениях. Действительно, многостилье или стилевой плюрализм ранней петербургской архитектуры — факт известный. Ясно различимы и его слагаемые, имеющие происхождение в актуальной итальянской барочной архитектуре и классицистическом зодчестве Франции. Известна и любовь Петра I к Голландии, интерес к её строительной культуре. Можно было бы, не сомневаясь, приобщить фразу Альгаротти к характеристике архитектуры раннего Петербурга.

Но есть нечто, отвращающее от поспешности и призывающее к внимательному отношению к заявлению путешественника. Характеризуя архитектуру Петербурга, Альгаротти говорит о национальных школах или традициях. Нам кажется, что мы понимаем его. Мы ведь

[1] *Альгаротти Ф.* Из книги «Путешествие в Россию» (перевод Ю.Н. Ильина) // Звезда. 2003. № 5. С. 75–87.

знаем эти школы. Но насколько совпадает наше современное представление с тем содержанием, которое вкладывали в понятие национальной манеры люди первой половины XVIII столетия? Тогда принято было характеризовать архитектуру зданий через понятие «манера». В бумагах Петра, в документах, в записках путешественников встречаются определения: «итальянская манера», «французская манера», «на голландский манер (или манир)». Не следует ли задаться вопросом: что такое «манера» для современников Петра или Альгаротти?

Есть и другой аспект проблемы. Масштаб деятельности архитекторов-голландцев, работавших в Петербурге, и уровень их мастерства несопоставим с размахом трудов и значительностью созданного выходцами из других архитектурных традиций. Неужели постройки природных голландцев так сильно впечатлили Альгаротти, что он заметил в них нечто более важное для характеристики города в целом, чем в зданиях, построенных итальянцами, французами, немцами?

Исследуем прежде содержание понятия «манера». Современная наука об искусстве различает понятия манера и стиль. Если стиль понимается как обобщающая категория, пронизывающая все сферы культуры, глубоко связанная с исторической эпохой, особенностями её социальной психологии, присущему ей образу видения и методологии формообразования, то манера трактуется как нечто более конкретное, характеризующее индивидуальное творчество художника.

В те времена, когда суждения об искусстве ещё не облекались в форму научного знания, специфика предмета всё же требовала выработки определённой терминологии для понятного выражения мысли. Одним из кардинальных понятий протоискусствознания начала XVIII столетия была «манера». Современные исследователи это сознают, но большинство из них считает, что манера в то время служила заменителем «стиля» новейшего искусствоведения[2].

Однако исследование употребления термина «манера» в документах эпохи, анализ его толкования в иностранных и русских словарях требуют уточнения его интерпретации. Манера, как оказывается, не является, в отличие от стиля, систематическим понятием, но отражает, главным образом, внешнюю сторону художественной

[2] *Евангулова О.С.* Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII века. Проблемы становления художественных принципов Нового времени. М., 1987.

формы, часто не связанную с внутренними формообразовательными тенденциями. Используя биологическую аналогию, манеру можно назвать понятием фенологии искусства, в то время как стиль — термином его генетики[3].

Говоря о манере, в XVIII веке всегда подразумевали нечто конкретное — набор ясно различимых признаков, выделенных из хрестоматийных архитектурных образцов. Например, если о здании говорили, что оно «итальянской манеры», то мы сейчас, даже не зная его изображений, можем вполне уверенно сказать, что его фасад был украшен пилястровым ордером — большим или поэтажным, увенчан балюстрадой или аттиком со статуями и вазами и не имел высокой кровли. Эти признаки манеры экстрагированы из многих известных итальянских памятников ренессанса и классицизирующего барокко, в первую очередь, из барокко круга Бернини, например, палаццо Одескальки, проектов Лувра, из Дворца Консерваторов Микеланджело на площади Капитолия, возможно даже из дворцов Тиене и Вальмарана Палладио, из французских построек Серлио. Всё это — произведения, хорошо известные по всей Европе XVII века именно как «итальянские» по гравюрам, по деятельности архитекторов — выходцев из Италии и по собственным впечатлениям архитекторов и любителей искусства из других стран. В этой оценке нет никакой аналитической глубины, доискивающейся тонкой систематизации памятников и нацеленной на выявление фундаментальных различий их художественной природы. Ведь очевидно, что Бернини, Микеланджело и Браманте принадлежат разным эпохам жизни искусства — разным общностям, определяемым как стили.

Признаки французской манеры менее определённы, но всё же чаще всего это — фасад с ясной организацией по вертикали, предполагающей обработанный дощатым рустом цоколь и оформленный ордером верх, узость межоконных простенков, преобладание повер-

[3] Важность понятия манеры для верного понимания архитектуры петровского времени и её отличие от понятия стиля подчеркивают в своих работах М.А. Павлова, А. Спащанский и автор статьи. См.: *Павлова М.А.* Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII — середины XIX века. СПб., 2006. С. 34–35; *Она же.* «Новое» и «старое» в интерьере петровского времени. (На примере интерьера дворца А.Д. Меншикова в Ораниенбауме) // Пётр Великий и его время: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 290-летию Полтавской битвы. СПб., 1999. С. 97–101; *Спащанский А.* Проблема «вкуса» в архитектуре XVIII века // Искусствознание. 2010. № 3–4. С. 271–291; *Ухналёв А.Е.* Метаморфозы «петровского барокко». Судьба «больших» стилей в архитектуре первоначального Петербурга // Искусствознание. 2011. № 1–2. С. 228–247. Однако объектом специального исследования манера не становилась.

хностей остекления над площадью глухой стены, характерная кровля с изломом. Французская манера, по сравнению с итальянской, в большей степени соотносится с классицизирующим стилем французской архитектуры второй половины XVII века, но отнюдь не тождественна ему, оставаясь набором формальных признаков[4].

Если итальянскую манеру можно описать без труда, а французская более туманна, но в целом понятна, то реконструировать по источникам признаки голландской манеры труднее. Мы имеем, например, упоминания об оконных рамах «на голландский манер». Но это — признак, вторичный для архитектуры. Один только характерный крещатый рисунок подъёмных рам не делает архитектуру здания голландской. Говорится ещё об оформлении интерьеров плиткой по-голландски или лестнице «по-голландски, как шкаф» (в Летнем дворце). Но ясно, что и эти частности не решают манеру в целом.

Важнее оставленное путешественником в 1710 году замечание о первоначальном деревянном Летнем дворце, малое время спустя перенесённом в Екатерингоф. Автор описания говорит о нём как о «небольшом домике в саду голландского фасада, пёстро раскрашенном с золочёными оконными рамами и свинцовыми орнаментами»[5]. Вид этого здания известен по изображениям Екатерингофа. С.Б. Горбатенко находит ему прямую архитектурную аналогию в доме усадьбы Дримонд в Голландии постройки Ф. Вингбонса[6]. Архитектуру деревянного Летнего дворца, действительно, с полными основаниями можно назвать «голландской».

В середине XVII века в Голландии на пике расцвета национальной культуры развился особый вариант палладианства. Не углубляясь в подробности генезиса и эволюции палладианства, ставшего всеевропейским художественным явлением, отметим, по примеру людей начала XVIII века, внешние, бросающиеся в глаза черты его голландских памятников. Ордер — основа их архитектурного строя.

---

[4] Следует отметить, что классицизм Людовика XIV в большинстве своих проявлений не является «чистым» стилем, что хорошо видно при сравнении его произведений с памятниками неоклассицизма второй половины XVIII века. В сущности, французский «большой стиль» облекает в формы универсального языка классицизма барочные по своей природе идеи.

[5] «Описание Санктпетербурга и Кронштлота в 1710-м и 1711-м годах». СПб., 1860. С. 22. Описание Летнего дома намеренно приведено в переводе А.Ф. Быч-кова, так как современный перевод (*Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 52.) неясен.

[6] *Горбатенко С.Б.* Новый Амстердам. Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов. СПб., 2003. С. 234–235.

Для этих домов характерно сочетание неоштукатуренных кирпичных поверхностей стен с выполненными в белом камне элементами ордера и декором, обычно — в виде сочных гирлянд. Употребляется плоский пилястровый ордер, на фасадах часто делаются слабо выступающие ризалиты, увенчанные треугольными фронтонами. Важным «голландизмом» является форма кровли — высокая и крутая с переломом к более пологому у карниза. Такая кровля визуально очень активна и в общем силуэте здания играет существенную роль.

Как сказано, в 1710 году «голландский» деревянный Летний дворец был перемещён в Екатерингоф, а на его месте началось строительство каменного здания. Проект дворца, составленный, по-видимому, Д. Трезини, по архитектуре также палладианский. Исследователи отмечают его сходство с дворцом Маурицхюйс в Гааге[7]. Здесь видны многие из перечисленных признаков: ризалит с треугольным фронтоном, пилястровый ордер, характерные декоративные детали, высокая кровля. Но судьба дворца сложилась так, что по ходу строительства и в результате последовавшей в 1714 году перестройки его облик изменился, и «родовые» голландские черты были в значительной мере редуцированы[8].

Монплезир в Петергофе дает другой пример здания, признанного современниками как постройка «голландской манеры». Здесь, несомненно, определяющими признаками стали кирпичные стены в сочетании с гладкими белеными оштукатуренными вставками и большие окна до пола с опускными рамами. Но по другим значимым признакам здание не соответствует «канону» манеры. Например, общее объёмное и планировочное решение Монплезира, как оказывается, заимствовано у дворца Монбижу в пригороде Берлина[9]. Архитектура же последнего носит иной характер, не соотносимый с голландскими образцами и, скорее, отвечающий критериям «итальянской» манеры. Волей Петра прототип был интерпретирован таким образом, что его объёмно-планировочная основа была «переоблачена» в формы голландской архитектуры. Получилась оригинальная

[7] *Гунич А.Е.* Забытый дворец. История строительства кронштадтского дома А.Д. Меншикова // Петровское время в лицах–2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 66–88.

[8] *Ухналёв А.Е.* История строительства Летнего дворца Петра I // Архитектурное наследство. М., 2010. Вып. 53. С. 88–100.

[9] *Горбатенко С.Б.* Петергофский Монплезир — плод немецких ассоциаций Петра I // Россия – Германия. Пространство общения: Материалы X Царскосельской научной конференции. СПб., 2004. С. 131–146.

постройка, которая лишь отчасти может быть названа голландской, если подходить строго к применению эталонных критериев манеры.

Следует заметить, что отдельно стоящие усадебные дома наподобие Монплезира или Екатерингофа (Летний дворец, включённый в обширный комплекс построек, уже не может быть сюда причтён), действительно, соответствуют образу голландской усадьбы в чертах её отличия от усадеб других стран. В силу обобщенности и расплывчатости понятия манеры это обстоятельство уже было достаточным для того, чтобы назвать царские дворцы голландскими, даже если их архитектура не во всём отвечала «чистым» образцам.

Пристальное знакомство с европейской архитектурой XVII–XVIII века убеждает в том, что проблема различения «манер» или, говоря современным языком, национальных школ не имеет простого решения с опорой на однозначные признаки и требует тонкого избирательного подхода. Если говорить о центрах архитектурного роста, то следует признать, что тенденция интернационализма оказывается значимее регионализма. Дело не только в том, что новации, исходящие из признанных центров искусства, прежде всего Рима, были повсеместно востребованы и с большой скоростью распространялись повсюду, но и в том, что представители любой сильной архитектурной традиции могли рассчитывать на свободное осуществление своих замыслов в «чужих» регионах.

Таким образом, даже в тех странах, где архитектура могла бы замкнуться в самодостаточности, появляются и дают новые точки роста произведения, проникнутые духом иных традиций. Можно указать, например, на дворец французского короля Марли, который вполне соотносим с «голландской» манерой или дом архитектора Ф. Ювары в Турине, который можно было бы принять за проект Питера Поста. Последний пример особенно выразителен, поскольку проявление классицистических мотивов в этом проекте принимает неожиданный для Ювары образ.

В Польше и германских землях активно работают итальянцы, французы и голландцы. Причём, в Польше «лицо» архитектуры XVII века во многом определяется деятельностью очень плодовитого и востребованного голландца Тильмана ван Гамерена, сумевшего голландский вариант палладианства соединить с потребностями и специфическими представлениями польских заказчиков. Получившийся барочный классицизм имеет родство с несколькими традициями и, как особенная манера, оказывается в чём-то близок венской дворцовой архитектуре. Но назвать его «польской манерой» нельзя, это всё же эклектический синтез нескольких манер, в котором ясно

видны его слагаемые. То, что можно назвать национально польским, в XVII веке вылилось в несколько иные формы.

В ситуации европейского глобализма проблема идентификации манер, которую вынуждены были решать для себя люди начала XVIII века, оказывается неожиданно сложной. Когда повсюду можно встретить полный архитектурный спектр, различить манеры можно либо путём утончённого анализа, к чему любители архитектуры были тогда не склонны, либо глядя на проблему откровенно субъективно.

Несколько утрируя ситуацию, можно сказать, что мы, читая замечание Альгаротти о преобладании голландизмов в архитектуре Петербурга, невольно представляем себе «Новый Амстердам» со всеми чертами его своеобразия, обретшими на Неве новую, но узнаваемо голландскую форму. Альгаротти же видел это иначе. Для него «голландский» характер петербургской архитектуры был заключён, по-видимому, в каких-то субъективных, возможно, случайных мотивах сходства, о которых мы можем и не догадываться, которые можно, скорее, угадать, чем определить аналитически.

Но всё же, за представлением Альгаротти о Петербурге должно стоять и что-то объективное и конкретное. Таковым можно считать некоторые «фоновые» характеристики городской застройки. Например, глядя на панорамы Петербурга Зубова и Марселиуса и некоторые образцы проектной графики, можно отметить значительное количество крутых высоких кровель, ассоциирующихся главным образом с голландской традицией. Вопрос о высоких кровлях предполагает множество оговорок. Эти кровли, например, традиционны и для архитектуры Франции, правда, для более раннего времени — для ренессанса. Можно найти пример такой крыши даже в Эскориале — в Испании, климат которой, казалось бы, не требует устройства подобного покрытия. Да и в Голландии эти крыши находят применение в отдельно стоящих домах, а в рядовой уличной застройке высокие кровли скрыты щипцами, которые и формируют столь характерный именно для Голландии зубчатый силуэт фронта застройки. И всё же, несмотря на оговорки, вид кровель, по-видимому, следует соотносить именно с голландской традицией, прививаемой в Петербурге.

Интересным примером этого служит метаморфоза одного проектного решения, представленного на чертеже неизвестного автора из собрания БАН[10]. На чертеже дан фасад одноэтажного дома. Его сличение с известным образцовым проектом, изданным в виде гра-

[10] НИОР БАН. F 266. Т. 6. Л. 123.

вюры с чертежа Д. Трезини, показывает сходство их архитектуры. Существенно различаются только кровли. Если на чертеже крыша над крыльями здания низкая и завершается балюстрадой, то на образцовом проекте показана высокая кровля с крутыми скатами. Она совершенно задавила низкое здание, придав ему вид казармы, тогда как домик на исходном проекте из БАН не лишён изящества. Но для того, кто распорядился об изменении проекта и определил характер переделки, архитектурные достоинства были, по-видимому, менее важны, чем сходство с голландским жилищем. Таким образом, исходный дом неопределённой манеры путём трансформации его части получает вид «голландского».

В собрании БАН есть и другой чертёж — пример интродукции «голландской манеры» в городскую среду Петербурга. На проект одноэтажного дома с ризалитом по центру и мезонином указал С.Б. Горбатенко[11]. Он полагает, что это — образцовый дом для усадеб Петергофской дороги. Здесь мы видим очередное подтверждение желания Петра видеть застройку южного берега Финского залива подобной голландской. Однако дом на чертеже не имеет даже того скромного декора, который есть на предыдущем из упомянутых проектов из БАН. Строго говоря, черты его архитектуры почти лишены такой характерности, на основании которой можно было бы однозначно определить его как голландский дом. Обывательские дома такой немудрящей архитектуры можно было встретить повсеместно в Северной Европе, вплоть до Прибалтики на Востоке. И даже такая деталь как крестообразно разделённые рамы с мелкой расстекловкой едва ли может служить надёжным индикатором голландского характера архитектуры, так как, за исключением редких примеров богатых домов Франции, всюду делались именно такие рамы — с массивным импостом и мелкими стёклами заполнения.

И всё же, зная о любви Петра к Голландии и всему голландскому и о значительности и силе голландской культуры, активно проявляющей себя во всех сферах жизни и искусства, следует согласиться с тем, что рассмотренные проекты могут быть соотнесены именно с Голландией, её образцами.

Если обратиться к изображениям раннего Петербурга, можно увидеть такие скромные дома во множестве даже на «парадном фасаде» города — берегах Невы. Ясно, что на следующих линиях застройки их было ещё больше. Эти постройки придавали, конечно, панораме города до некоторой степени голландский характер. Но,

[11] *Горбатенко С.Б.* Новый Амстердам... С. 188–189.

представляя собой массовую рядовую застройку, дома такой архитектуры не могли полностью определить образ города. Всё же этот образ формируется зданиями, обладающими архитектурной индивидуальностью и производящими яркое впечатление. Таковых в Петербурге, по мере его строительства, становилось всё больше, и концентрировались они именно по берегам Невы. Если сравнить панораму Зубова 1717 года с видами Марселиуса — Эллигера середины 1720-х годов, можно увидеть, как вырос город, как он пополнился зданиями значительной архитектуры. Альгаротти же видел Петербург через полтора десятилетия после смерти Петра ещё более пышным и благоустроенным.

Если, говоря о голландских чертах архитектуры Петербурга, Альгаротти действительно имел в виду рядовую застройку, его позиция представляется зыбкой. В этом случае обобщение он выстраивал, исходя из чего-то заведомо временного, обречённого вскоре исчезнуть и быть замененным на капитальное и более выразительное в архитектурном отношении. Ведь образцовые мазанки строились на время. Город, утвердившийся, благодаря этим зданиям, на пространстве России и в жизни страны, должен был ещё при Петре, безвременно ушедшем из жизни, «перешагнуть» через них, получив застройку, достойную столицы империи.

Иногда как на голландизм указывают на острые шпили петербургских архитектурных доминант — колоколен и башен. Однако, как указывает А.Л. Пунин, их возведение голландским мастером Х. ван Болесом ещё не свидетельствует о голландском архитектурном характере шпилей. В действительности по строю архитектуры они соотносятся с образцами из Прибалтики и церковными постройками К. Рена в Лондоне[12].

Изучение архитектуры раннего Петербурга приводит к выводу о том, что заказчики проектов тогда, по-видимому, не разделяли таких принципиально различных художественных явлений как голландская барочно-маньеристическая архитектура и палладианство, соединяя их в едином представлении о голландской манере. Мы могли убедиться в том, что в рамках этой манеры создавались вполне современные палладианские проекты (деревянный и каменный

[12] *Пунин А.Л.* К вопросу о «голландизмах» в архитектуре петровского барокко // Петербургские чтения: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 291-летию Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 40–44; *Он же.* Пётр I и Кристофер Рен. К вопросу о стилевых истоках петровского барокко // Искусство архитектуры: Сборник научных трудов СПбГАИЖСА им. И.Е. Репина. СПб., 1995. С. 34–42.

Летние дворцы), но существуют не менее выразительные примеры, основанные на традиции, выходящей из XVI века. Например, дом М.П. Гагарина на невском берегу Городового острова, каким он запечатлён на панораме А. Зубова. В нём современное членение фасада посредством трёх ризалитов, используемое в Петербурге повсеместно, неожиданно сочетается с декором в духе произведений голландской архитектуры XVI столетия. На изображении хорошо видны высокие украшенные волютами фигурные щипцы, замысловатый декор.

Конечно, развитие в Голландии в первой половине XVII века классицистической архитектуры было явлением выдающимся, но ясно, что традиционную архитектуру палладианство заместить полностью не могло. Для любой страны Европы того времени характерна ситуация, когда новая мода долгое время сосуществует с привычной манерой и лишь со временем отодвигает её в провинцию, вообще, на периферию вкусов — в употребление старшему поколению, неблагородным сословиям и заказчикам со скромными средствами. И всё же в Голландии начала XVIII века появление такого здания в столичном городе было бы, наверное, сочтено неуместным.

В собрании БАН привлекает внимание чертёж фасада трёхэтажного здания[13]. А.Е. Гуничем убедительно показано, что это — проект так называемых «губернских домов», возводившихся в Кронштадте на средства губерний начиная с 1717 года. Автором проекта и исполнителем чертежа, по-видимому, был И.Ф. Брауншейн[14].

На чертеже бросаются в глаза вазы над карнизом, которые представляются непомерно большими. Да и весь декор аттикового этажа имеет какой-то гротескный характер. Все формы даны здесь крупно, в гипертрофированном масштабе по отношению к спокойно разработанным формам фасадного декора. Аттиковые вазы и окна, как своим общим характером, так и деталировкой созвучны образцам ренессансно-маньеристической архитектуры Северной Европы XVI века.

Причина появления таких архитектурных странностей в самом молодом городе Европы, возможно, объясняется тем, что высшее русское общество ещё не обладало пониманием архитектуры европейского типа, достаточным для того, чтобы исполнять роль просвещённого заказчика в отношениях с иностранными зодчими. В Петербурге у русского вельможи, привычного к произволу и недоста-

[13] НИОР БАН. F 266. Т. 5. Л. 29.

[14] *Горбатенко С.Б.* Новый Амстердам... С. 223, илл. 328 и с. 359, примечание 494.

точно сведущего в модных тенденциях, экстравагантность вкуса могла проявить себя в полную силу.

Архитектурный вкус русских того времени, представления о красоте зодчества были сформированы памятниками Москвы конца XVII столетия. Россия активно ассимилировала тогда оказавшийся ей особенно близким опыт искусства Северной Европы конца XVI — начала XVII века. В Москве маньеристические и барочные архитектурные формы налагаются на самобытную основу, в Петербурге европейская архитектура реализуется прямо, её непосредственными носителями. Но выбор всё равно остается за русским заказчиком.

Диктатура русского вкуса, в московский период выбиравшего северный маньеризм, продолжает действовать и в новой столице. Эти формы хотели видеть, поскольку их знали и ценили. Но здесь они включаются в родственную им в целом архитектурную композицию, а потому производимый ими эффект иной, чем в московской архитектуре конца XVII столетия. Но для русских это — тоже часть «голландской манеры».

Возможно, немалое количество зданий экстравагантной архитектуры, вычурный, грубоватый, укрупнённый декор тоже способствовали оценке Альгаротти. В самом деле, всё необычное и чрезмерное производит сильное впечатление и нередко выдвигается на передний план сознания, затмевая собой более характерное, но менее притягательное.

В петровское время, когда архитектурная деятельность почти полностью была сосредоточена в руках иностранцев, число архитекторов голландцев в Петербурге было невелико. Нам известно о Стефане Ван Звитене и Франсуа де Ваале, фламандце, из которых первый был архитектором, а второй — палатным мастером, но умел выполнять чертежи в своеобразной, несколько наивной, но выразительной манере. Оба работали вместе. Например, по документам проект Подзорного дворца разрабатывал С. Ван Звитен, но сохранившиеся чертежи здания выполнены Ф. де Ваалем. Так что установить, кто же реально был автором архитектурного замысла и как разделялись обязанности, затруднительно.

В 1722 году Стефану Ван Звитену было поручено проектирование дома архитектора Д. Трезини на современной Университетской набережной. Он должен был стать компенсацией за взятый прежде в казну дом архитектора. Зданию назначалось стать «образцовым домом на голландский манер». Возможно, поэтому Трезини не разрешили самому составить его проект, но поручили это дело природному голландцу С. Ван Звитену. Проекта дома и его изображений не

сохранилось. Здание дошло до настоящего времени сильно перестроенным, без следов первоначальной наружной отделки. Н.В. Якимова, автор оставшегося не опубликованным исследования, посвящённого дому Трезини, делает попытку рассмотреть его именно как эталон голландской манеры, важный для понимания этого архитектурного феномена раннего Петербурга[15].

Н. Якимова подробно анализирует планировочную структуру здания, выделяя в ней прагматические моменты, которые, должны были бы подтвердить её соответствие принципам и приёмам голландской архитектуры. Однако зал, отвечающий ризалиту на фасаде, сквозная лестница, внутренние коридоры и т.п. не составляют специфических особенностей голландской архитектуры. Всё это повторяется и в других жилых домах Петербурга, например, доме У. Сенявина на Первой линии Васильевского острова, в царском Втором Зимнем доме. Если второй из указанных домов, построенный Трезини, можно рассматривать в контексте голландского палладианства, то дом Сенявина — образец архитектуры иного рода.

Но как бы ни важна была планировка здания, при анализе соответствия его архитектуры той или иной манере решающую роль играет всё же внешний вид сооружения. Здесь выясняется, что состояние дома не позволяет реконструировать первоначальный вид его фасада. Все заключения останавливаются на общих моментах композиционного решения: слегка выступающий ризалит в три оси, балкон на ширину ризалита, трёхосный мезонин. Но по этим характеристикам здание мало отличается от тех домов, которые строились в Петербурге по проектам Трезини, Леблона, Маттарнови. Одно лишь только заключение о том, что первоначально здание не было оштукатурено, указывает на его родство с голландскими прототипами.

Итак, исследование бесспорно «голландского» петербургского дома, с одной стороны, не дало исчерпывающей информации о признаках манеры, а с другой, привело к выводу о том, что для идентификации манеры малопригодны такие характеристики как композиционное решение фасада, являющиеся общими для разных манер.

Архитекторы-голландцы проектировали в Петербурге дворцы для царя, то есть были облечены его доверием, но по архитектурным достоинствам их проекты не сравниваются с результатами творче-

[15] *Якимова Н.В.* Историко-методическая записка к проекту реставрации и приспособления дома № 21 по Университетской набережной. Л., 1980. Рукопись. Архив КГИОП СПб.

ства их коллег, работавших в одно с ними время в Петербурге: Микетти, Швертфегера, Киавери, Земцова. Сохранившиеся проекты Подзорного дворца, дворцов в Ближних и Дальних Дубках, а также изображения Новых палат в Летнем саду демонстрируют скромную голландскую барочную архитектуру. С. Горбатенко находит им аналогии в архитектуре Голландии[16]. Конечно, эти здания были в Петербурге образцами голландской манеры, но не стали объектами подражания. Что же касается Альгаротти, то трёх неоконченных постройкой загородных дворцов он не видел, а скромное здание в Летнем саду рядом с пристроенным к нему вплотную растреллиевским Летним дворцом императрицы Анны Иоанновны могло восприниматься разве что служебным корпусом.

Поиски голландизмов в петровском Петербурге дают противоречивую картину. Бесспорные следы голландской культуры, такие как постройки С. Ван Звитена и Ф. де Вааля, оказываются немногочисленными. Зато в городской застройке присутствует немало черт, которые можно было бы соотнести с Голландией, если бы они не встречались в других странах северной Европы, например, крутые кровли, высокие «распашные» крыльца, расписанные под кирпич фасады, грубовато трактованный маньеристический декор. Но даже если эти черты действительно были взяты в Голландии, а не в северной Европе «вообще», они всё же выглядят фрагментами в пёстрой ткани петербургской архитектуры. Об этой фрагментарности пишет и А.Л. Пунин, завершая свою работу о голландизмах петровского Петербурга выразительным заключением о том, что наиболее ярким их проявлением стала не архитектурно-строительная деятельность, а прокладка каналов[17].

Собственно, Альгаротти и подмечает пёстрый, неустоявшийся характер архитектуры города, когда пишет о её «выморочности» и множественности слагающих её манер. Вопрос в другом: почему он выделил как ведущую именно голландскую манеру? С одной стороны мы имеем оценку Альгаротти, с другой стороны ей противостоит объективный анализ петербургской архитектуры, не выявляющий таких голландизмов, которые вынуждали бы признать голландский характер архитектуры города как нечто явное и бесспорное. В этой ситуации мы вынуждены предположить, что оценка Альгаротти исходила из каких-то личных впечатлений, недоступных реконструкции, исходящей из рациональных посылок.

---

[16] *Горбатенко С.Б.* Новый Амстердам... С. 274–283.
[17] *Пунин А.Л.* К вопросу о «голландизмах»... С. 40–44.

Возможно, итальянец вывел свою оценку из чего-то «атмосферного», из общего впечатления от городского ландшафта, перенеся его на архитектурную конкретику. Недаром один из самых выразительных фрагментов его писем — описание приближения путешественников по Финскому заливу и Неве к городу, внезапно открывающемуся изумлённым зрителям за поворотом реки. В описании равнинного ландшафта, свода небес видится что-то глубоко родственное пейзажам Голландии и тому специфическому видению голландских художников, благодаря которому скучные равнины их родины обретали дыхание жизни на живописных полотнах.

Возможно, Альгаротти назвал в архитектуре Петербурга «голландским» что-то северное вообще, не различая в нём специфически голландского. Это «северное», присущее культуре огромного региона — от Швеции до Прибалтики, — всё могло быть для итальянца «голландским», поскольку, именно голландская культура была наиболее сильной, яркой, влиятельной, активно распространяющей себя. Она выразила это «северное» в формах искусства и быта, подходящих для менее пассионарных культур, которые эти формы охотно ассимилировали.

И. Шварц
(Австрия)

Собирался ли Пётр I привлекать в Россию специалистов из Австрии для производства «голландской» керамики?

Несколько лет тому назад, на открытии выставки «Между видимым и невидимым» в Этнографическом музее в Китзее (Бургенланд / Австрия)[1] мне довелось посмотреть постоянную экспозицию музея, и неожиданно в одной витрине я увидела белую фаянсовую кружку с двуглавым орлом. В аннотации к экспонатам сообщалось, что кружка специально изготовлена в подарок Петру I, который в 1698 году, во время Великого посольства был в гостях у графа Эстергази в Китзее. Очень странная, вызывающая интерес кружка! У нас нет сведений о том, что в своё заграничное путешествие Пётр I приобрёл в подарок или интересовался и покупал фаянсовые и керамические изделия[2]. Известны только два упоминания того времени: первое – о покупке в Ост-Индской компании у торговца Бартеля фон Гагена «фарфоровые сосуды» и «персонку глиняную остинской работы» для государевой коллекции, т.е. для будущей коллекций Кунсткамеры[3], второе – за-

[1] Zwischen dem Sichtbaren und dem Unsichtbaren: Historische Kalenderbräuche aus Bulgarien. Jahresausstellung 1999 im Ethnographischen Museum Schloss Kittsee vom 20. Juni bis 1. November 1999.

[2] См., например: Каталог выставки к 300-летию Великого посольства, где нет ни одного примера (Пётр I и Голландия: К 300-летию Великого посольства. Каталог выставки. ГЭ. СПб., 1996).

[3] *Неверов О.Я.* История основных коллекций Кунсткамеры Петра I // Пётр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / Под ред. Н. Копанева, Р. Кистемакер, А. Офербек. СПб., 1998. С. 10.

пись в Приходо-расходных книгах о приобретении фарфоровой посуды вторым послом Фёдором Головиным, который славился своей любовью к хорошей столовой посуде[4].

Как известно, в петровское время, после подписания Нерчинского договора (1689) и установления торговых отношений с Китаем фарфор поступал в Россию непосредственно из Китая. Раз в три года «казённые» торговые караваны отправлялись через Сибирь в Пекин и привозили оттуда чай, ткани и фарфор[5]. В начале XVIII века правительство Петра стремилось организовать и наладить своё производство стеклянной, фаянсовой и фарфоровой посуды в России. Так, в 1724 году была основана фабрика А.К. Гребенщикова, работавшая на гжельских глинах и изготовлявшая печные изразцы, посуду из толстостенного фаянса, покрытого непрозрачной глазурью и расписанного кобальтом и другими красками[6]. Пётр I мечтал о создании отечественного фарфора и пытался узнать секрет его изготовления через своих агентов за границей, но предпринятые попытки были неудачными. Лишь в 40-е годы XVIII века производство фарфора в России наладилось.

Цель настоящей статьи – показать, как на практике действовало Великое посольство при подборе материалов и найме специалистов на русскую службу – кого выбирали, по каким соображениям это делалось и почему иногда не получалось. Взгляд, так сказать, на лабораторию Великого посольства. Об этом есть чудесная книга Дмитрия и Ирины Гузевич[7], и эта статья – маленький штрих к большой проблеме переноса знаний.

О пребывании во время Великого посольства Петра I в городе Братиславе и пограничном посёлке Китзее мало что известно. В русских источниках поездка упоминается только в походном журнале, в «Юрнале», где говорится, что «десятник» был в Прешпурге и 7 июля (по юлианскому календарю) «вернулись» в Вену[8], т.е. Пётр I прибыл в Вену 17 июля 1698 года. Источник указывает на то, что в дороге он

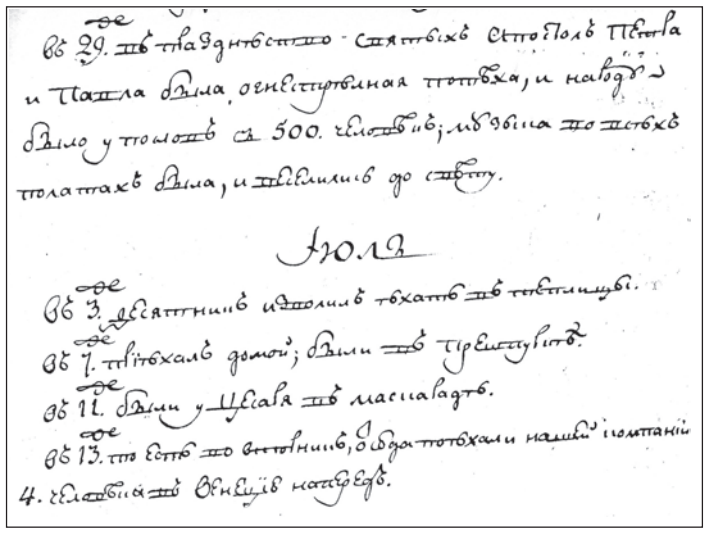
[4] *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Пётр Великий / под ред. А.И. Андреева. Том I. М.; Л., 1947. С. 34–35.

[5] *Никифорова Л.Р.* Стекло и керамика // Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Эрмитажа. Каталог. Л.; М., 1966. С. 205–206.

[6] *Калязина Н.В., Комелова Г.Н.* Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990. С. 209.

[7] *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.

[8] Описание пути Великого посольства. РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 155. Л. 17 об.

Описание пути Великого посольства.
РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 155. Л. 17 об.

был не один. Вероятно, с ним ехали Франц Лефорт, Фёдор Головин и известный иезуит патер Вольф, т.е. те люди, которые до этого были с ним в австрийском курорте Бадене.

Поездка в Братиславу (по-венгерски Пожонь, по-немецки Пресбург) упоминается в публикации М. Богословского и работе словацкого историка Андрея Шаша[9]. Она была связана с желанием Петра I увидеть верфь, где строились галеры для императорского дунайского флота. Эти корабли имели небольшие размеры, на них располагалось всего 12 пушек и 40 гребцов, благодаря чему они могли лучше маневрировать в узком русле Дуная. Дело в том, что в Голландии и Англии у Петра не было возможности познакомиться со строительством речного флота, а для продолжения войны с турками это было необходимо. Вполне возможно, что Пётр собирался нанять моряков для своих будущих галер на Дунае – люди из братиславского братства «Св. Николая» (Sankt Nicolaus Brüderschaft) славились как мореходы, но поехал ли кто-нибудь из них в Россию, сказать трудно.

[9] *Богословский М.М.* Пётр I. Том II. Первое заграничное путешествие. Часть I, II (9 марта 1697 – 25 августа 1698) М., 1941. С. 504–505; *Sas A.* Návšteva cára Petra Vel'kého v Bratislave // Slovanská Bratislava I. Bratislava, 1948. S. 230–252.

Город Братислава расположен на левом берегу Дуная в 60-ти вёрстах ниже Вены. Андрей Шаш предполагает, что из Вены до Братиславы царь добрался на корабле, а обратно ехал сухим путём через Китзее по так называемой Венской дороге[10] – прямой дороге из Венгрии в Вену. Стратегическое расположение посёлка с древних времён определяло политическое значение этого района. В римские времена здесь проходила дорога Карнунтум-Герулата (Carnuntum-Gerulata). Китзее очень рано получил статус административного и торгового центра – маркт (Markt), и в грамотах начала XV века (1416) назывался Oppidum Kwkche, т.е. Маркт Китзее[11]. По сведениям источников в 1659 году население посёлка имело многонациональный характер – преобладали немцы и хорваты, но имелись также словенцы, венгры и евреи[12]. Немецкоязычное население исповедовало преимущественно протестантизм, хорваты были в основном католиками.

До 1662 года территория находилась под управлением графа Ласло Листи (László Listy), в 1676 году Маркт Китзее перешёл в руки семьи Эстергази. Граф Пауль Эстергази был палатином Венгрии. Адольф Майс предполагает, что Пётр I мог познакомиться с графом ещё в Вене, во время одного из частных приёмов, например, у графа Штаремберга[13]. Так как Пётр пребывал в Братиславе инкогнито и поездка имела неофициальный характер, то, по всей вероятности, Эстергази принял царя не в Братиславе, а в своём имении, во дворце в Китзее, в 5 километрах от Братиславы. Дворец был построен в середине XVII века, современный его облик и сохранившийся барочный фасад – результат реконструкции в XVIII веке.

Нам не известны подробности пребывания царя в Китзее и то, как встречал его граф Эстергази, чем они занимались, о чём беседовали и много ли выпили вина. Всё осталось бы незначительным эпизодом Великого посольства, если бы в 1970-е годы дворец не был передан австрийскому Этнографическому музею. Во время ремонта в 1973 году в подвале было обнаружено заброшенное подсобное помещение размером 6,40 х 2,40 м и 3,40 м высотой. Музейные работники по сохранившимся архитектурным планам дворца сумели выяснить, что оно было построено в 1668 году, но в начале XVIII века им перестали пользоваться и доступ туда был закрыт. Основное

[10] Ibid. S. 239–240.
[11] http://www.kittsee.at/geschichte/geschichte/ (06.02.2014).
[12] Ibid.
[13] *Mais A.* Der Kellerfund von Kittsee. Kittsee, 1981. S. 26–27.

содержание этого помещения – отходы, куски дерева, костей животных и осколки кухонной и столовой посуды, керамические, фаянсовые, фарфоровые и стеклянные. Можно себе представить разочарование рабочих и всех присутствующих, ожидавших обнаружить в запертой комнате сказочные сокровища, а нашедших всего-навсего две монеты конца XVII века и центнер битой посуды.

После тщательной обработки керамических фрагментов Адольфу Майсу удалось восстановить около 70 тарелок, кружек и мисок. Точное описание предметов приводится в публикации этнографического музея[14]. Часть экспонатов была выставлена в экспозиции музея, где в 1999 году мне удалось их увидеть и сфотографировать. Среди них находилась и белая фаянсовая кружка, высотой в 25 см с наивным изображением двуглавого русского орла, надписью «1698» и инвентарным номером 1.110, относящаяся к так называемой «хабанской керамике». Это европейский фаянс, производившийся гуттерами в XVI–XVIII веках в Моравии, Словакии и Трансильвании, который по технике изготовления и качеству напоминает голландскую майолику. Название «хабанская керамика» происходит от слова «хабаны» (нем. *Habaner*, словац. *habáni*, венгер. *habánerek*, *habánusok*, русск. *хабаны*, *габаны*, англ. *habans*, франц. *les habans*).[15] Считается, что этот термин происходит от еврейского слова *ha-banum*, «*дети Бога*» (*die Kinder Gottes*); «хабаны» – название радикального религиозного движения времён Реформации в Германии, Австрии, Швейцарии и Нидерландах. Появившиеся тогда анабаптисты предпочитали называть себя «крещёными» (Täufer) или «вновь крёщеными» (Wiedertäufer), подчеркивая тем самым крещение как сознательный выбор человека. В отличие от последователей Лютера их ключевым словом была не «вера», а «следование», «следованием за Христом» (Nachfolge Christi). Воспринимали они себя как «дети Бога» (Kinder Gottes)[16]. Быстрое распространение движения привело к появлению местных религиозных общин, связанных друг с другом, но не образующих организованного единства. Членам одной из ветвей движения пришлось покинуть свои первоначальные поселения и в середине XVI века обосноваться в Моравии и западной Словакии, где они получили прозвище «гуттеры». По имени одного из руководителей движения Якова Гуттера (ум. в 1535) и его учения эти общины называли также «гуттерскими братьями», «гуттеритами»[17]. Самые извест-

[14] Ibid. S. 10–16.
[15] Habaner // http://de.wikipedia.org/wiki/Habaner (8.11.2013).
[16] Там же.
[17] *Radváni D., Réti L.* Ceramic Art of the Habans. Kiselbach, 2011. S. 15.

Экспозиция Этнографического музея в Китзее. Австрия

ные из них – общины в Микулове/Николсбурге и в посёлке Модра, возле Братиславы.

Хабаны были искусными ремесленниками в самых разных отраслях, что обеспечивало им экономическую независимость, но в историю вошли прежде всего как изготовители фаянсовой посуды. В XVI–XVIII веках «хабанер фаянс» был известен во всей Европе. Возможно, в становлении хабанского керамического производства приняли участие беженцы из Фаэнцы и окрестностей Венеции, у которых хабанские гончары могли перенять основы технологии и художественные приёмы, характерные для ренессансной итальянской майолики. Изготовленное на гончарном круге из высококачественной глины изделие подвергалось обжигу, после чего его поверхность покрывали слоем глазури. Поверх необожжённой глазури специальными красками наносился рисунок. После второго высокотемпературного обжига стеклообразная глазурь сплавлялась с красками рисунка. Глубокие тона рисунка, контрастно выделявшиеся на фоне белой непрозрачной глазури, придавали изделиям высокие декоративные качества[18].

Во второй половине XVII века хабанская керамика испытала влияние голландского фаянса из Дельфта и китайской керамики, с которой хабаны познакомились через «голландских братьев». В рисунке их изделий теперь преобладали сине-голубые тона, декор стал более насыщенным, а композиции из стилизованных цветов и плодов дополнились пейзажными, архитектурными и животными мотивами и орнаментами в дальневосточном стиле[19]. Распространён-

[18] *Васильева М.В.* Хабанская керамика http://www.rusdeutsch-panorama.ru/jencik_statja.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=3358. Ср.: *Васильева М.В.* Постхабанская керамика на территории Российской империи в конце XVIII – начале XX века. Вологда, 2010.

[19] Там же.

Фаянсовая кружка
с русским двуглавым орлом,
1698

Фаянсовая тарелка
с двуглавым орлом, 1719

Фаянсовая кружка
с двуглавым орлом, 1677

ными были изображения двуглавого орла, как на кружке 1677 года и тарелке 1719 года из собрания Этнографического музея Вены.

Так как хабанские общины располагались в окрестностях таких крупных городов, как Вена и Братислава, существовал рынок и хорошо налаженная продажа изделий. Во второй половине XVII века увеличивается производство керамики на заказ, о чём свидетельствуют имена и гербы заказчиков на кружках, мисках и тарелках. Иногда указан год – либо год изготовления, либо важная для заказчика дата. В качестве примера упомянем сохранившуюся в музее в Нижней Австрии тарелку с датой «1691» и гербом графа Франца Антона Коллалто (Collalto), советника императора Леопольда I и высшего судьи Моравии (Oberstlandrichter von Mären)[20]. Не каждый аристократ мог себе позволить керамику из Дельфта, но заказать «хабанскую керамику» многим было по карману. В случае нашего экспоната из Китзее мы, вероятно, имеем дело с таким заказом. Как палатин Венгрии граф Эстергази нёс ответственность за организацию и финансирование путешествия Великого посольства из Праги в Вену: среди «венгерских земел» питание, ночлег, смена лошадей и т.д. обеспечивалось за счёт венгерской казны. Ещё в мае 1698 года велись переговоры о том, во сколько всё это обойдётся, и палатина Венгрии поставили в известность, что в составе посольства «инкогнито» находится русский царь[21]. Можно предположить, что заранее были заказаны в подарок одна или несколько кружек с двуглавым орлом с указанием года «1698», по всей вероятности, одна из них разбилась и попала в подвал дворца. Имелись ли другие кружки, и какова их судьба – нам не известно.

Теперь о вопросе: «Собирались ли нанимать в Россию специалистов по производству керамики»? Вполне возможно. Пётр I и представители посольства во время путешествия нанимали на русскую службу специалистов со всей Европы, если считали, что они будут полезны. Убедить ремесленников из Дельфта бросить свою мастерскую и отправиться работать в Россию было не так-то просто, но из входящей в состав Австрийской империи Венгрии – совсем другое дело. О набегах тюрков и ужасах войны в этом пограничном районе ещё не забыли. Многие жители Китзее, бежавшие в 1683 году в крепость города Хаймбурга от османских войск, попали под сабли зако-

---

[20] *Habaner Keramik* // http://geschichte.landesmuseum.net/index.asp?contenturl=http://geschichte.landesmuseum.net/kunst/kunstdetail.asp___ID=2147111099.

[21] Материалы сохранились в Государственном финансовом архиве в Вене.

евателей. Жизнь стала неспокойной, религиозная терпимость уступила место конфликтам, – достаточное основание для того, чтобы покинуть эти места, но отправились ли какие-то гуттерские общины в Россию – мы не знаем. Известно только, что в царствование дочери Петра Елизаветы Петровны отдельные представители гуттерских общин переехали под Чернигов, где занялись производством «хабанской керамики», но это тема для другого исследования.

Перед отъездом Великого посольства из Австрии близко сошедшийся с царём патер Вольф получил в подарок «сорок соболей в 260 рублей, сорок – в 200 рублей и четыре косяка камок», едва ли не самый щедрый подарок за время пребывания Великого посольства за границей – косвенное свидетельство того, насколько поездка в Братиславу и Китзее была для Петра I важна[22].

[22] *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 17.

Э. Вагеманс
(Бельгия)

Знакомство с русской литературой в Нидерландах (1800–1900)

ИЗМЕНИВШАЯСЯ РОССИЯ

Вольтер в своей *Истории Российской империи при Петре Великом*, оказавшей немалое влияние на современников, утверждает, что до Петра в России культуры не было и обновлённая страна всем обязана ему одному. Так родился миф о том, что царь-реформатор всё начал с нуля, на девственной почве, где ещё всё было возможно. «Tout était à faire en Russie (Всё в России только предстояло сделать)». Это карикатурное видение просуществовало вплоть до XX века. Считалось общепринятым, что русская литература в современном смысле слова возникла в первой четверти XIX века, благодаря Пушкину, а до этого ничего заслуживающего внимания не было. Примечательно, однако, что в Нидерландах появление в России интересных книг заметили уже на рубеже XVIII–XIX веков.

Первым русским литератором, который удостоился чести быть переведённым на нидерландский язык, оказалась сама матушка Екатерина. Сочинённую императрицей комедию *Расстроенная семья* опубликовали по-нидерландски в Амстердаме в 1788 году. Год спустя там же вышла книга под заглавием *Рассказы и беседы Её Величества Императрицы Всероссийской*. Рецензенту эти произведения рус-

ской государыни показались, правда, затянутыми, однако написанными «с превосходной целью наставления и внушения детям добродетели»[1].

Голландцы старались не упускать ничего сто́ящего, что выходило из-под пера иностранных писателей. Об этом свидетельствует раннее, уже в 1804–1808 годах, издание на нидерландском языке *Писем русского путешественника* Карамзина. Книгу выпустили под заголовком *Путешествия по России, Германии, Швейцарии, Франции и Англии*. О Карамзине отзывались с похвалами. Понравилось «его горячее чувство истины и блага, подлинной красоты и благородства»[2].

Растущий интерес к России и русской культуре в XIX века был, безусловно, связан с той решающей ролью, которую эта страна сыграла в освобождении Нидерландов от наполеоновского ига. А после того как наследник престола принц Виллем Оранский женился в 1816 году на великой княжне Анне Павловне, сестре «героя Европы» Александра I, этот интерес, естественно, только усилился.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА – ЕСТЬ!

Первое подробное знакомство голландцев с российской словесностью относится к 1838 году, когда в Нидерландах вышел перевод книги *Литературные картины из России* Хайнриха Кёнига, напечатанной за год до этого в Германии[3]. В книге впервые представлен немецким читателям Пушкин, в деталях и со знанием дела рассматривается его творчество. Впрочем, особой славы Александру Сергеевичу среди голландцев похвалы Кёнига не принесли. В 1841 году в Нидерландах перевели знаменитое стихотворение Пушкина *Клеветникам России* – страстная отповедь Западу, поддержавшему восставших против русского царя поляков. Но перевод получился слабый, задушив, по мнению рецензента, «страстный порыв» поэта «под покрывалом ортодоксального старонидерландского благонравия»[4]. С прозой Пушкина голландцы впервые познакомились в 1853 году, с выходом перевода *Капитанской дочки*. Выполнен он не с русского оригинала, а с его немецкого перевода, причём от более

[1] Nieuwe Algemeene Vaderlandsche Letter-Oefeningen. Amsterdam, 1791. T. I. C. 92.
[2] Vaderlandsche Letter Oefeningen. 1807. T. I. C. 261.
[3] [*Koenig*]. Blik op Ruslands letterkunde, of overzigt der voornaamste oudere en nieuwere schrijvers, in proza en poëzij, welke Rusland heeft opgeleverd. Haarlem, 1838.
[4] «De gevangene op den Kaukasus» // De Gids. 1841. C. 641–645.

или менее точного немецкого текста голландский переводчик во многих случаях сознательно отступал, пытаясь сделать повествование ещё более благопристойным. Российские реалии при этом систематически искажались. О языковых и стилистических достоинствах повести нидерландский перевод не давал ни малейшего представления[5].

ПРОРЫВ

Своим настоящим прорывом к зарубежным читателям русская литература обязана Тургеневу. Подолгу живя во Франции, лично знакомый едва ли не со всеми французскими писателями и критиками, он стал миссионером молодой российской словесности на Западе. Через Францию она пробила себе дорогу и в Нидерланды. Один за другим там увидели свет переводные книги Дым (1869), *Отцы и дети* (1870), *Накануне* (1872) и *Молодая Россия* [перевод романа Новь] (1878). Романы Тургенева, по мнению некоторых, самого западного из русских литераторов, были встречены в Нидерландах с большой симпатией. Критики отмечали превосходное описание тогдашнего русского общества, подробное, тщательное изображение «самых разных типажей и фаз русской жизни» и вообще социологическую направленность русской литературы.

Голландский критик Гортер назвал перевод *Отцов и детей* «одной из важнейших и самых увлекательных книг, вышедших за последние годы в нашем отечестве», ибо она представляет «целый ряд сцен и типажей русской национальной жизни нашего времени». В лирическом воодушевлении критик задал вопрос без ответа: «Россия! Необыкновенная страна. Кто постигнет твою тайну?»[6]

РУСОМАНИЯ: ДОСТОЕВСКИЙ И ТОЛСТОЙ

Выдающимся пропагандистом русской литературы в Нидерландах был критик Бюскен Хюэт. Прожив долгие годы в Париже, он заразился там литературной русоманией, которая выплеснулась в его восторженном эссе, в котором Хюэт знакомит голландцев с Достоевским и Львом Толстым. В этом эссе мы читаем: «Подъём Рос-

[5] Об этом подробно в моей статье: *E. Waegemans.*Vertaalpraktijken in de 19e eeuw. Капитанская дочка van Puškin in Nederlandse vertaling // Языки и культуры. Материалы конференции: Россия, Бельгия, Нидерланды / Taal en cultuur conferentie: Rusland en de Nederlanden. M., 1995. С. 209–222.

[6] De Gids. 1870. С. 540–543.

сии, или, если угодно, славянской расы, – один из капитальнейших фактов новейшей истории». «Предсказание Наполеона, сделанное на острове Святой Елены, что через полвека после него Европа будет или республиканской, или казачьей, сбывается совершенно иным образом, чем все думали». Русская литература захватила голландского критика «своим великолепием, подлинностью, свежестью». В эссе Хюэта рассматриваются лишь два романа: *Преступление и наказание* и *Война и мир*. Он писал: «Четыре года сибирской ссылки, а затем четыре года воинской службы простым солдатом! Для Достоевского эта ужасная школа жизни <...> стала очистительным горнилом таланта и характера». Критик вполне сознавал необычное воздействие романа: «Сводя вместе публичную женщину и убийцу, писатель, судя по всему, стремится произвести впечатление на испорченное воображение недостойных читателей». Толстой же, со своей стороны, «сделался настоящим славянским мистиком»[7].

Не только во Франции, но и в Великобритании, Германии, Нидерландах повлияли на умы работы о Пушкине, Гоголе, Тургеневе, Толстом и Достоевском, написанные в 80-е годы XIX века французским дипломатом Эженом-Мельхиором де Вогюэ. Основанные на прекрасном знании предмета, хорошо аргументированные, они были в 1886 году сведены воедино в его книге *Русский роман*. Неотразимую привлекательность русских писателей автор видел в том, что они показывают «русский гений» и «тайну этого загадочного существа – России». Де Вогюэ противопоставлял русскую литературу французским реалистам Стендалю, Бальзаку, Флоберу, которым, по мнению автора, не хватало глубины. Так что именно русская литература должна вдохнуть во французскую словесность новую жизнь. Глава о Достоевском («Религия страдания») открывается словами почти провокационными: «Вот идёт скиф, настоящий скиф, который опрокинет все наши умственные привычки»[8].

Открытое французами, творчество русских писателей со второй половины 80-х годов XIX века захлестнуло книжный рынок Нидерландов. Хорошо представлен был в переводах Гоголь: за *Записками сумасшедшего* (1887) последовали в 1888-м *Мёртвые души* и *Тарас Бульба*. Переведена и поставлена была комедия *Ревизор*. Помимо Гоголя, Тургенева, Толстого и Достоевского, читателям предлагали и менее известных им авторов. В одном лишь 1887 году появились в

---

[7] *Busken Huet*. Nieuwe Russische letteren // Nederland. 1885. C. 240–260.
[8] *Vogüé E.-M. de*. Le roman russe. Paris, 1897. C. 203.

нидерландском переводе 14 русских книг. В тот год вышел *Обломов* Гончарова, в 1889 – *Гроза* Островского, а также рассказы Короленко под заглавием *Сибирские рассказы*, в 1893 – *Что делать?* Чернышевского. Ещё год спустя – *Жизнь нигилиста* Степняка-Кравчинского. Не обошли вниманием переводчики даже авторов, так сказать, третьего эшелона: давно позабытых Николая Каразина и Алексея Потехина.

ПЕРВЫЙ «СЛАВИСТ»

Примерно тогда же появился в Нидерландах тот, кого хотя бы условно можно назвать первым славистом: Хендрик Вольфганг ван дер Мей (1842–1914). Этот голландский офицер самоучкой освоил русский язык и написал множество критических статей и рецензий. Любопытно, что писал он о Пушкине, Гоголе, разумеется – о Толстом и Достоевском, но не о Тургеневе. Возможно, тот казался голландцу недостаточно русским литератором, недостаточно самобытным. Типичные нападки на натурализм и некоторые другие традиции западной словесности мы находим в высказывании критика о *Преступлении и наказании*: «Нашим сердцам, уже пресыщенным эротикой, нашему уму, которому стали противны и наивный романтизм, и грубый натурализм, русский писатель даёт новую пищу, позволяя всмотреться в болезненно раздражённую психическую жизнь большого народа, экспансивная натура которого, с её бездонными глубинами то низости, то душевного благородства, не перестаёт нас поражать»[9].

Несмотря на все попытки переводчиков сделать картину мира и человека в романах Достоевского более благопристойной, несмотря на искажение сюжетов и приспособление его исполненных дикой мощи текстов к благонравным вкусам тогдашней голландской публики, русская литература на книжном рынке Нидерландов переживала в 1885–1895 годах бурный расцвет и неизменно привлекала к себе внимание читателей.

Одновременно с носителем дионисийского начала в русской литературе голландцы открыли для себя – и высоко оценили – носителя начала аполлонического. Уже в 80-е годы XIX века в Нидерландах увидели свет ни много ни мало девять переводов произведений Льва Толстого, включая автобиографическую трилогию, кавказские рассказы и романы *Анна Каренина* и *Война и мир*. Как и Достоевско-

---

[9] De vermetelheid der wanhoop // De Portefeuille 1886–1887. T. VIII. C. 357. Под псевдонимом «Правда-Матка».

го, его переводили в то время на нидерландский не с оригинала, а с немецких или французских переводов. Переводы непосредственно с русского языка появились только в 20-е годы XX века и особенно после Второй мировой войны.

Толстой приобрёл в Нидерландах такую известность, что в уже в 1890 году вышла из печати его биография. Автора книги *Граф Лев Толстой* Виллема Якоба Манссена в его герое особенно привлекало глубокое сочувствие к бедным крестьянам и заступничество за них. Правда, в том же 1890 году, после публикации перевода *Крейцеровой сонаты* интерес голландского общества к творчеству Льва Николаевича начал ослабевать. Повесть стала камнем преткновения как для поборников нравственности, так и для приверженцев «искусства для искусства». Некоторые критики признавали художественные достоинства книги, но отвергали строгую моральную проповедь автора-аскета, считая ее болезненным преувеличением. Впрочем, других этот нравоучительный аспект деятельности Толстого как раз и привлекал. Были изданы сборники его рассказов для народа, для детей. Они получили в переводе такие заглавия, как *Иван-дурак и другие рассказы* и *За чайным столом. Рассказы для молодёжи*. Если увлечение литературным гением Толстого к середине 90-х годов XIX века в основном прошло, то как мистик, обличитель современного ему общества, проповедник и анархист он оставался в Нидерландах весьма популярен.

ПОСЛЕ ВЕЛИКИХ

В тот самый момент, когда русомания во Франции и Нидерландах достигла пика (1886–1887), эпоха великих классических русских романов завершилась. Достоевский умер (1881), а Толстой перешёл к сочинениям дидактическим и морализаторским. Наступила пора малых жанров, прежде всего рассказов. На рубеже XIX–XX столетий в русской литературе господствовали трое: Короленко, Горький и Чехов.

К 1900 году голландской публике также стало очевидным, что эпоха великих романистов прошла – вместе с эпохой дворянских гнёзд, как их описывали Тургенев и Толстой. Россия вступила в период капитализма, и её литературу захлестнули новые социальные типажи: крестьяне-бедняки, переселенцы, бездомные бродяги, революционные рабочие. Благодаря переводам российский XX век сделался духовным достоянием и читателей в Нидерландах.

В своей книге *Идеалы и действительность в русской литературе* (1905), первом подробном исследовании на эту тему, знаменитый

анархист князь Кропоткин указывает на то, что для западных читателей было и остается самым привлекательным в творчестве русских писателей: «Русская литература представляет такие богатейшие сокровища оригинального поэтического вдохновения; в ней чувствуются свежесть и юность, которые отсутствуют в более старых литературах; ей присущи искренность и простота выражения, делающие её ещё особенно привлекательной для тех, кому приелась уже литературная искусственность. Наконец, она имеет ещё одну отличительную черту: русская изящная литература – в поэме, повести и драме – касается почти всех тех социальных и политических вопросов, которые в Западной Европе и Америке – по крайней мере в наше время – трактуются, главным образом, в политико-социальной журналистике и редко находят себе выражение в области искусства». Кропоткин продолжает: «А потому всякому, желающему ознакомиться с политическими, экономическими и социальными идеалами России, с надеждами той части русского общества, которая созидает историю, – приходится обращаться не к официальным изданиям и не к передовым статьям газет, а к произведениям русского искусства»[10]. Одним словом, литература как зеркало общества.

[10] Цитируется по интернетовскому изданию: http://coollib.com/b/217036/read#t9.

И.А. Иванчук
(Санкт-Петербург)

Принципы языковой политики Петра I в отношении иноязычных заимствований и ассимиляция голландской лексики в системе русского литературного языка

Отношение Петра I и его сподвижников к проблеме иноязычных заимствований неоднозначно.

С одной стороны, Пётр I ведёт активную последовательную борьбу с неоправданными заимствованиями, которую поддерживают представители дворянства, сподвижники Петра I – Феофан Прокопович, В.Н. Татищев. Так, Татищев пишет, что знание иностранных языков «полезно тогда токмо, когда правильно употребляемо; безрассудное употребление, т.е. примешивание иноязычных слов в свой язык вредительно, как то видим многих наибольшею частию неразумных и неучёных от хвастовства и неразсудности не токмо в разговорах, но и письмах весьма нужных странные слова употребляют, да к тому не в той силе и разуме, или неправильно, а для чего, того сами сказать не умеют, кроме хвастанья, что уметь чужое слово выговорить, а что из того вреда *происходит, того они рассудить не могут*»[1].

Увлечение иноязычной лексикой в языке петровского времени проявляется и в обычае использовать не только заимствованное слово, но рядом и его русский эквивалент (что лишь подчёркивает ненужность европеизма, имеющего русский аналог).

[1] *Татищев В.Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 80.

Пётр I строго предписывает даже высокопоставленным чиновникам, например, послу И. Рудаковскому, не злоупотреблять иностранными словами, внушает всем переводчикам необходимость «нашим», «Российским слогом», добиваться ясности и простоты в выражения.

С другой стороны, в эпоху петровских преобразований – период бурных социальных, культурных и научно-технических изменений (так же, как и в период татаро-монгольского ига, христианизации Руси) – языковые процессы ярко отражают перемены, происходящие в обществе.

Изменения в стилистике ораторского текста возможно рассматривать *как новый этап преобразование русского литературного языка*.

Так в *«Слове похвальном о флоте российском» Ф. Прокоповича* единичны старославянизмы и широко употребимы слова и выражения разговорной речи. Иноязычные заимствования ещё редки.

«Не сыщем ни единой в свете деревни, которая над рекою или езером положена и не имела бы лодок, а толь славной и сильной монархии полуденная и полунощная моря обдержащей, не имети бы кораблей, хотя бы ни единой к тому не было бы нужды, однако же было бы то бесчестно и укорительно. Стоим над водою и смотрим, как гости к нам приходят и отходят, а сами того не умеем. Слово в слово так, как в стихотворских фабулах некий Тантал стоит в воде да жаждет. И по тому и наше море не наше». (Ср.: славянизмы – «езеро»; «обдержащей», «жаждет»; разговорная лексика – «не было бы нужды», «Слово в слово»; *«фабула – иноязычное (лат.) – повествование»*[2].

Соседство в одном панегирическом произведении иноязычной терминологии, традиционное употребление старославянизмов и разговорной лексики создавали гармонию контекста, воспринимавшегося как естественное вкрапление в военное красноречие заимствованной лексики.

Речь Феофана Прокоповича полностью соответствовала законам риторического жанра и, вместе с тем, усиливала эмоциональную функцию воздействия на слушателя.

Изменения в общественно-бытовой и обиходной речи высших слоев общества, связанные с нововведениями Петра I, несомненно, находили отражение и *в судьбе литературного языка*.

Важнейшим процессом, решающим новые задачи, становится пополнение русского языка *европеизмами*, отражающими новые понятия из области воспитания, отношений, светского поведения.

[2] *Горшков А.И.* Теория и история русского литературного языка. М., 1984. С. 171.

В XVII веке их источником являлся польский язык; постепенно появляются и прямые заимствования из европейских языков: например, из французского: пассаж, пардон, бал, экипаж, приз, политес и др. (позднее французский язык становится самым авторитетным источником пополнения русского словаря этикетной лексикой и выражениями). Его изучение входит в систему дворянского воспитания. Во второй половине XVIII века французский язык превращается в «язык европейской образованности» (П.А. Вяземский).

Из немецкого приходят слова: позумент, галстук, шлафрок и др.

В сфере прямых заимствований наблюдается объективное вхождение в язык скандинавских слов и терминов – шведских, норвежских, французских, голландских. (Заимствования из западноевропейских языков образуют одну из многочисленных групп.)

Можно отметить следующие основные направления в развитии русского литературного языка первой четверти XVIII века:

- *Универсализация лексического и фразеологического состава литературного языка;*
- *Обновление словарного состава литературного языка*
  - а. *пополнение состава литературного языка за счёт заимствований из немецкого (административная лексика);*
  - б. *заимствования из голландского (морская терминология);*
- *Расширение пласта военной лексики и лексики светского этикета (заимствования из французского)*[3].
- *Особый интерес представляет судьба голландских заимствований (общественно-политическая, производственная лексика, морская терминология).*

Пребывание Петра I в Голландии и, как результат, – отправка в Голландию на обучение русских мастеров Петра (детальное знакомство с кораблестроением), приглашение в Россию голландцев для обучения корабельному ремеслу россиян также приводит к расширению языковых контактов и к появлению в русском языке новых заимствований из голландского.

Заимствования из голландского коснулись различных сфер жизни:

- *общественно-политической*: диктат, сфальсифицировать, приоритет, агрессор, дискриминация, дезориентировать, лозунг;
- *производственной*: верстак, стамеска, рубанок, фуганок, домкрат, шайба, кран, штатив, шпала, шахта, филенка, шифер,

[3] *Биржакова Е.Э.* Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII века: Русско-голландский лексикон Якова Брюса // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 23–37.

матрица, шрифт, штукатурить, формат, слесарь, шаблон, рентабельный;

- *торговой*: вексель, бухгалтер, фрахт, штемпель, кассир.

Преобразование армии, флота и кораблестроения вызвало закономерное проникновение в русский язык многочисленных заимствований, *связанных с морским промыслом*.

В эпоху бурных петровских преобразований – социальных, производственных и научных – активно развивалась морская терминологическая лексика. (См. *Морские термины голландского или нижненемецкого источника*):

	Голландский или нижненемецкий источник	Родственные английские слова
адмирал	admiraal	admiral
балласт	ballast	ballast, bare load .
Бот боцман	boot bootsman	boat, man
борт (корабля)	boord	board, border
брамсель	bramzeil	sail
буксир	boegseren «буксировать»	push, pulse
верфь	werf	wharf

Задача настоящего исследования – определить способы вхождения голландских заимствований в русский язык, степень их функционирования в различных сферах литературной речи. Анализ проводится на основе фиксации лексики словарями и справочниками второй половины XVIII–XIX веков (Словарь Академии российской, 1847 года, Словарь Живого великоросского языка В.И. Даля; толковых словарей XX–XXI веков, этимологических и профессиональных словарей XIX–XXI веков).

Сопоставляются словарные статьи и комментарии. Судьбы слов (голландских заимствований петровской эпохи) прослеживаются в анализе контекстов художественной литературы XIX века.

Рассмотрим судьбу слова «верфь».

Слово *верфь* появляется уже в Словаре Академии российской 1783–1789 годов. Слово (по понятным причинам) отсутствует в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков»[4].

[4] Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 2 (В – ВОПЬ). СПб., 2008. С. 110.

Словарь Академии Российской 1847 года также фиксирует значение слова.

Толковый словарь живого великоросского языка Владимира Даля приводит определение:

ВЕРФЬ [жен. род] голланд., место и устройство для постройки морских или речных судов. Верфный, верфяный, относящийся до верфи[5].

Интересно отметить расширение значения слова (по материалам Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза А.И. Эфрона), где слово ВЕРФЬ разъясняется уже с использованием других голландских заимствований – *эллинг*, *мачта*, *доки*[6].

«... В больших портовых городах, равно как и в местах постоянной стоянки военного флота, устраиваются всегда приспособления для постройки и починки судов. Совокупность всех сооружений, служащих для этой цели, носит название корабельной верфи. Главные сооружения, возводимые на *верфи*: судостроительные эллинги, мортоновы *эллинги*, или *сухие доки* для починки судов; этой же цели служат иногда плавучие доки, сараи и навесы для склада строительных и ремонтных материалов; склады для тросов и парусов; кузницы и мастерские; *мачтовый* кран для установки на судах *мачт*. На военных *верфях* имеются, кроме того, склады боевых припасов, арсеналы для оружия, склады угля и казармы для матросов...».

Ср. другие определения:

ВЕРФЬ – гол. Werf – место для постройки и починки судов: завод, на котором строят суда[7].

ВЕРФЬ – гол. Werf – производственное предприятие для постройки и ремонта судов. Корабельная верфь[8].

Необычна судьба слова *верфь* в повести Пушкина «Арап Петра Великого».

Раскрывая одну за другой перед читателем картины «Железной волею Петра преображённой России» (Н.Я. Языков), картины жизни самого Петра, в динамичном повествовании Пушкин пользуется различной стилистической палитрой. Слово верфь появляется в кон-

---

[5] Толковый словарь живого великоросского языка Владимира Даля. Том 1 (А–З). СПб.; М., 1716. С. 450.

[6] Энциклопедический словарь. Т. 6 (Венцано – Винона) / Издатели Ф.А. Брокгауз и А.И. Эфрон. СПб., 1892. С. 60.

[7] Словарь иностранных слов. М., 1937. С. 112.

[8] Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 1 (А–И) / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1986. С. 153.

тексте как элемент общелитературного языка, служащий характеристике стремительных кораблестроительных преобразований.

«... Как я рад, продолжал Корсаков (парижский знакомый Ибрагима), – что ты ещё не умер от скуки в этом варварском Петербурге. ...Ибрагим в рассеянности отвечал, что государь, вероятно, работает теперь на корабельной верфи». (Голландское заимствование успешно соседствует с разговорной лексикой)[9].

Следующее появление голландского заимствования – картина Зимнего дворца, в который приезжают Корсаков и Ибрагим. Ирония контекста создаётся неожиданным сочетанием возвышенных иноязычных слов и разговорных (в отличии от макаронического слога в контекстах Пушкина все группы лексики используются со стилистической заданностью).

«За одним из сих столов Пётр играл в шашки с одним широкоплечим английским шкипером, они усердно салютовали друг друга залпами табачного дыма, и государь так был озадачен нечаянным ходом своего противника, что не заметил Корсакова, как он за ним не вертелся»[10].

Таким образом, два голландских заимствования – *«верфь и шкипер»* – создают атмосферу новорождённой России, которая «...поднималась из болота по манию самодержавия». *«... Во всём городе не было ещё ничего великолепнее, кроме Невы, не украшенной ещё гранитною рамой, но уже покрытой военными и торговыми судами»*[11].

Также примечательна судьба слова «киль».

Для детализации анализа сопоставим словарные статьи различных лексикографических источников.

Определение, приводимое в словаре Даля, выделяет компонент значения «исподний основной брус судна (днища, стояка, ребра, опруги), выдающийся в виде полоза». Преобладает детальное описание функций[12].

«..Кили служат для уменьшения размахов качки и укрепляются в средней части корабля. У небольших парусных шлюпок – яхточек – делаются иногда выдвижные небольшие кили, убираемые внутрь на легководье»[13].

---

[9] *Пушкин А.С.* Арап Петра Великого // Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Проза. М., 2005. С. 665.

[10] Там же. С. 668.

[11] Там же. С. 661.

[12] Толковый словарь живого великоросского языка Владимира Даля. Т. 1. С. 269.

[13] Энциклопедический словарь. Т. 15. С. 59.

Этимологический словарь Фасмера приводит определение – («Киль» впервые у Петра I, 1703 г. Из гол. Kiel или нижненемецкого Kiel)[14].

Ср. также в других словарях:

КИЛЬ – (Keel) 1. Продольная связь, устраиваемая в диаметральной плоскости при днище судна и простирающаяся до штевней. Служит для обеспечения продольной прочности судна. 2. Мера веса, применяемая в Англии обычно в отношении каменного угля («Морской словарь»).

КИЛЬ, я, м. Грудь. Бей под киль (в живот), киль пробить – сильно избить ... («Словарь русского арго»).

Киль –

1. Балка. Служащая продольным креплением и связью днища судна.
2. Авиа. Недвижная вертикальная плоскость с прикрепленными к ней поворотными рулями в хвостовой части самолета или дирижабля.
3. Зоол. Костный продольный гребень на груди большинства птиц и некоторых млекопитающих15.

КИЛЬ – (carina), вырост грудины позвоночных животных, служащий для ... прикрепления сильно развитых грудных мышц. Обычно хорошо развит у летающих животных (летающие ящеры, большинство птиц, летучие мыши), реже у роющих (крот). (Биологический энциклопедический).

Слово КИЛЬ отмечаем в «Письмах и бумагах Петра Великого» в «Заметках корабельных мастеров о переделке ступинских кораблей (1701, июня дня 12)».

«...Понеже от самого киля доски есть в пазах зело широки и конопать держится»[16].

Тема документа – строительство кораблей, удобных для гребли. (Пётр выехал из Ступина на пути в Москву в ночь на 11 июня 1701 г.)

Следует отметить соседство в тексте документа *«Заметок...»* различных пластов лексики (разговорной и иноязычной), но в отличие от макаронического слога здесь они сосуществуют в полной гармонии:

«...также фордеки обнизать и штоками загородить, также от верхнего края верхнего бархоута снаружи а изнутри от нижнего конца... также бархоут верхний отломать и борты выгнуть»[17].

---

[14] *Фасмер М.Р.* Энциклопедический словарь русского языка в 4-х т. М., 1967. С. 233.

[15] Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 2 (К–О) // Под ред. А.П. Евгеньевой. С. 48.

[16] ПиБ. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887. С. 451.

[17] Там же. С. 452.

(Борхоут – утолщённый пояс наружной обшивки деревянного судна.)

Процесс вхождения и функционирования в русском языке слова КИЛЬ связан со значительной трансформацией компонентов его значения (о чём свидетельствуют данные различных словарей).

1. Слово развивает значение на основе омонимии (мера веса, применяемая в Англии обычно в отношении каменного угля).
2. Слово развивает переносное значение и меняет стилистическую окрашенность с научно-технической на разговорную («киль» в зн. «ГРУДЬ». «Бей под киль») (данные словаря современного арго).
3. Развиваются дополнительные значения технической сферы («киль» – вертикальная часть хвостового оперения летательного аппарата – самолёта, дирижабля (перенос на основе сходства функций).
4. Развивается фразеологизация, вхождение в устойчивые оценочные обороты русской речи (*Семь футов под килем*) – во флоте пожелание благополучного плавания (Биологический энциклопедический словарь).
5. Проведенный *лексикографический анализ* истории слова *КИЛЬ* свидетельствует о быстром освоении русским языком голландской терминологической лексики и развитии дополнительных значений в разговорном и фразеологическом пласте русского литературного языка.

Другая сторона иноязычной политики Петра I – активная и последовательная борьба с неоправданными заимствованиями.

Европеизация приводит к тому, что распространяется мода на иностранные слова, проявляющаяся в использовании европеизмов без всякой необходимости.

Таково стилистическое написание *дневника князя Б.И. Куракина*: *«В ту свою бытность был инаморат славную хорошеством одною читадинку, называлася Signora Franceska Rota и так был инаморато, что не мог ни часу без неё бытьи, и расстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот amor не может выдти, и, чаю, не выдет, и взял на меморию её персону и обещал к ней опять возвратиться»*[18].

Создается пёстрый, *макаронический* слог, авторы которого несколько позднее получат от Сумарокова сатирическое наименование *«петиметры»*.

[18] *Куракин Б.И.* Жизнь князя Б.И. Куракина им самим описанная // Архив князя Ф.А. Куракина. В 10 т. Т. 1. СПб., 1890. С. 278.

В Петровскую эпоху русский литературный язык приходит в непосредственное соприкосновение с языками Западной Европы.

Можно отметить три основных пути, по которым осуществляются словарные заимствования.

Это, во-первых, переводы с тех или иных языков книг научного или этикетного содержания.

Во-вторых, проникновение иноязычных слов в русскую лексику из речи специалистов-иностранцев.

В-третьих, разнообразная переводческая деятельность[19].

Проведённый анализ позволяет сделать некоторые выводы о лексикографической деятельности самого Петра I.

K. Кох справедливо пишет, что *«перевод представлял особый интерес в эпоху Петра I, так как это был быстрый и эффективный способ распространения знаний по всем отраслям»*[20].

Известно, что Пётр создаёт все условия для квалифицированных переводчиков открывается школа иностранных языков в Москве, Пётр предупреждает всех переводчиков строго контролировать правильность переводов (особенно с голландского и с немецкого), в которых принимает личное участие.

Открыв Морскую школу в Москве, где начали преподавание иностранные учителя, Пётр I явно ощущает, что везде серьёзным барьером является незнание иностранных языков.

Интенсивность контактов требовала от переводчиков широты лингвистических познаний, лексикографических навыков, знания синонимической системы русского литературного языка, адаптации и усвоения иноязычной лексики.

Из направлений лексикографической деятельности Петра представляет несомненный интерес анализ *следующих документов*:

1. *«Названия корабельных частей 1697–1698 г.»* (всего 58 слов), приведённых списками в двух столбцах (голландский и английский варианты). Звучание слов передано кириллическим алфавитом.
2. 8 гравированных изображений разных судов, с печатными подписями *на голландском* (каждое изображение на отдельном листе и под каждым помещено русское название судна, написанное собственноручно Петром Великим[21].

---

[19] *Биржакова Е.Э.* Указ. соч. С. 23–37.

[20] *Koch K.* Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Berlin; New York, 2002.

[21] См.: ПиБ. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887. С. 680.

3. Материалы фрагментов словаря (также написанные кириллицей) под названием: «*Русские фразы и слова с переводом на голландский язык. (1679–1698)*»[22].

(Собственноручный подлинник Петра I хранится в кабинете Петра Великого).

Примерный словник документа следующий:

«Што – ват»

«Подай сюды – эф гирь»

«Што это по-голландски – ватысь дат он голанс»

(Транскрибирование производится кириллицей.)

Словник представлен *бытовой и временной* лексикой (это, ужо, утро, теперь, будет, в ту пору, как, и др.)

Однако личная деятельность по освоению голландской лексики не представляется Петру I достаточной.

С целью расширения знаний голландского лексикона в России Пётр I обращается с указанием к Якову Брюсу по делу особой важности – *переводу голландской грамматики В. Севела* на русский язык. Параллельно с переводом грамматики Брюс создаёт и второе оригинальное и очень важное для Петра произведение – *Русско-голландский лексикон*, который и выходит в Санкт-Петербурге в апреле 1717 года, ранее перевода самой грамматики, вышедшей лишь в ноябре 1717[23].

«Русско-голландский лексикон» Якова Брюса давно обратил на себя внимание исследователей (Е.Э. Биржакова, Б.А. Дюбо), между тем лишь в немногих работах он подвергался детальному рассмотрению.

Интересна, в частности, позиция проф. Б.А. Дюбо.

Б.А. Дюбо в статье «Перевод на русский язык Я. Брюсом (J. Bruce) «Nederduytsche Spraakkonst» В. Севела (W. Sewel)»[24] рассматривает историю создания перевода грамматики В. Севела на русский язык, выполненного Яковом Брюсом по указанию царя Петра I в 1717 году. Перевод сочинения «Nederduytsche Spraakkonst» явился одной из первых грамматик иностранного языка, изданных на русском языке. Устанавливаются отклонения от оригинала при переводе и

[22] Там же. С. 682–683.

[23] *Brjus J.V.* Leksikon gollandsko-russkij. SPb., 1717; *Брюс Я.В.* Книга лексикон или собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык. СПб., 1717; *Brjus J.V.* Vilima sevela iskusstvo nederlandskogo jazyka. SPb., 1717.

[24] *Djubo B.* Jakov Bruces Übersetzung von William Sewels Nederduytsche spraakkonst ins Russische // Voortgang, jaarboek voor de neerlandistiek 22. Amsterdam; Münster, 2004. P. 113–128.

делается попытка их объяснения, отмечаются возможные источники грамматической терминологии, использованные переводчиком. Выявленные при переводе нидерландской грамматики морфологические особенности русской падежной парадигмы способствовали закреплению и русификации голландских грамматических форм. Материалы перевода Якова Брюса использовались впоследствии М.В. Ломоносовым при создании Российской грамматики.

Проведённый анализ позволяет судить о гармоничном вхождении в русский язык значительного числа голландских заимствований.

Вместе с тем, представляется необходимым дифференцировать функции указанной лексики в русском языке (вхождение в русскую речь в связи с заимствованием нового понятия (напр., корабельная лексика, функция уточнения и конкретизации); функция стилистической характеристики (в контексте художественного произведения).

Анализируемый материал позволяет сделать и более общие выводы *о роли государственной политики Петра I в области иностранных заимствований* как серьезного этапа, предваряющего напряженную борьбу двух лагерей литературной, культурной и социальной жизни общества России середины XIX столетия – полемику А.С. Шишкова и Н.М. Карамзина. (Н.М. Карамзин, глава нового литературного направления – сентиментализма – призывал «писать так, как говорят», при этом ориентируясь на идеал сторонников этого направления – салонную речь, свободную от старославянских архаизмов.)

Впоследствии А.С. Пушкин неоднократно с иронией отмечал категоричность позиции яростного оппонента Н.М. Карамзина – А.С. Шишкова – противника использования иноязычных слов в русской речи:

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет.
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.
(о Татьяне Лариной, «Евгений Онегин»)
(А.С. Пушкин)[25]

[25] *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Драмы. Т. 3. Л., 1949. С. 24.

Она казалась верный снимок
Du comme il faut: (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести).
(А.С. Пушкин)[26]

Проведённое нами исследование позволяет поддержать точку зрения *В.Г. Белинского* о том, что европеизация русской лексики, особо остро проявившаяся *в петровскую эпоху*, несомненно пошла на пользу русскому литературному *языку, сделав его богаче, полнее и выразительнее*.

Уточним некоторые положения обобщающих выводов:

1. Важнейшим процессом, решающим новые задачи лингвистических преобразований петровской эпохи, становится *пополнение русского языка европеизмами*, отражающими новые явления жизни и быта России.
2. Большая часть заимствованной лексики прочно утверждается в общественно-бытовом узусе высшего света и скоро входит в состав нормы русского литературного языка (лексика из области воспитания, отношений, светского поведения).
3. *Мода на иностранные слова* проявляется также в использовании европеизмов без всякой необходимости (даже в случаях, когда в русском языке есть полные эквиваленты заимствованных слов).
4. Пётр I ведёт активную последовательную борьбу с неоправданными заимствованиями, которую поддерживают представители дворянства – Феофан Прокопович, Татищев.
5. В формировании русского литературного языка преобладала тенденция освобождения от старины, усвоения европеизированного словаря.
6. *Анализ истории и судеб голландских слов в русском языке позволяет сделать отдельные выводы о судьбе этой многочисленной лексической группы*:
   - Голландская лексика входит в состав литературного языка путём фонетического заимствования и оформляется кириллическим написанием.
   - По семантическому составу голландская лексика представляет собой тематические пласты (корабельное, строительное дело, названия товаров и др.)
   - Судьба голландских заимствований неоднородна (напр., сохранение первоначального значения и по сей день слов

[26] Там же. С. 193.

шкипер, штурвал, борт); расширение значения и развитие переносности (слово киль).

- Происходят существенные изменения в сфере функционирования (слово *вымпел*, например, переходит *из неологизмов в историзмы*).
- Процессы, которым подвергалась голландские заимствования в истории их освоения русским языком, свидетельствуют о стабилизации их в общеупотребительном пласте русской лексики (соседство в художественных контекстах с разговорной и экспрессивной лексикой, фразеологизация, жаргонизация).
- Отсутствие голландской лексики в *макароронических жанрах* связано с формированием в русском литературном языке прочного терминологического пласта (корабельная лексика).

Вместе с тем, анализ значений голландских слов в терминологических словарях (*Морской словарь, энциклопедический словарь*) свидетельствует о *наращении значений терминов*, что говорит об активном развитии и расцвете в России корабельного и морского дела, начатого Петром I.

Не случайно на печати Петра I была надпись: «Я ученик и ищу себе учителей!».

Он писал, имея в виду корабельное дело:

«...И аки бы устыдился монарх отстать от подданных своих в оном искусстве и сам воспринял марш в Голландию !...»[27]

И потому (используя вдохновенные слова Феофана Прокоповича) «...И наше море...» стало «нашим»!

[27] Пётр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. К 300-летию Великого Посольства. СПб., 1998. С. 13.

С.А. Мезин
(Саратов)

Голландский публицист Жан Руссе де Мисси как биограф Петра I

Происходивший из французских протестантов голландский публицист Жан Руссе де Мисси уже привлекал внимание зарубежных и отечественных исследователей. Его имя довольно часто встречается во франкоязычной справочной литературе[1]. В качестве историка Петра Великого он упоминался в работе Е.Ф. Шмурло[2], более подробно этой темы касались Р.И. Минцлов[3], Д. Мореншильдт[4] и автор этих строк[5]. В зарубежной историографии имеются публикации, освещающие журналистскую деятельность Руссе де Мисси[6], в новейшей российской литературе ему посвящена статья Г.А. Шатохиной[7],

[1] *Haag E. et E.* La France protestante ou vies des protestants français qui se sont fait un nom dans l'histoire. Paris, 1859. T. 9. P. 55–57; Grand dictionnaire universel du XIX sicle. Paris, s.d. T. 13. P. 1468; Dictionnaire des journalistes. 1600–1789 / Sous la direction de Jean Sgard. Oxford, 1999. T. 2. P. 882–884.

[2] *Шмурло Е.Ф.* Пётр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 51.

[3] *Минцлов Р.И.* Пётр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. С. 40–43 (на франц. яз.).

[4] *Mohrenshildt D. S., von.* Russia in the intellectual life of eighteenth century France. New York, 1936. P. 206–208.

[5] *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 187–195.

[6] Библиографию см.: Dictionnaire des journalistes. T. 2. P. 884.

[7] *Шатохина Г.А.* Голландский публицист Жан Руссе де Мисси и его связи с Россией // Russia and the Low Coutries in the Eighteenth Century / Россия и Нидерланды в XVIII веке / ed. E. Waegemans. Groningen, 1998. С. 111–123.

в которой изучены контакты голландского публициста с русским правительством. Однако в этой единственной специальной работе на русском языке деятельность Руссе де Мисси в качестве биографа Петра Великого не рассматривается. Между тем «Записки о царствовании Петра Великого, императора России, Отца Отечества...» (Амстердам; Гаага, 1725–1726, т. 1–4), опубликованные под «русским» псевдонимом «Иван Нестесураной», являются едва ли не первой в Европе попыткой создать полное жизнеописание русского царя. Они, несомненно, заслуживают внимания как в плане изучения европейского образа Петра Великого в XVIII веке, так и в контексте истории русско-голландско-французских научных связей.

Жан Руссе де Мисси (Jean Rousset de Missy) родился 26 августа 1686 года во французском городе Лан (Laon) к северо-востоку от Парижа (Пикардия). Его родители Жан Руссе и Рашель Котэн были протестантами, подвергавшимися гонениям после отмены Нантского эдикта. Он рано потерял мать, отказавшуюся перед смертью от католического причастия и осужденную на публичное поношение. Отец хотел бежать из Франции, но был задержан. Ребёнка отобрали у родителей и поместили в коллеж дю Плесси при Сорбонне. Семейные несчастья внушили молодому Руссе де Мисси враждебное отношение к французскому правительству, которое он сохранил на всю жизнь.

В восемнадцать лет (1704) он бежал в Голландию, где вступил в гвардию Генеральных штатов, которая сражалась против французов в войне за испанское наследство. После кровопролитной битвы при Мальплаке (11 сентября 1709 года) Руссе де Мисси вышел в отставку и открыл в Гааге пансион для дворянских детей. В 1710 году он женился на Марии Пион, с которой имел троих детей. По некоторым сведениям, после заключения Утрехтского мира (1713) под угрозой выдачи французским властям он вынужден был бежать в Брюссель. Лишь после смерти Людовика XIV (1715) он смог вернуться в Гаагу, где продолжил свою просветительскую деятельность. С 1724 года он полностью отдается литературному труду, встав во главе газеты «Mercure historique et politique» (1724–1750)[8], где его сотрудником до 1729 года был Антуан Лабарр де Бомарше (Antoine La Barre de Beaumarchais) — беглый французский каноник-расстрига, ставший затем злейшим врагом своего бывшего шефа.

Руссе де Мисси присутствовал на конгрессе в Камбре 1722 года, который привёл к заключению мира между Испанией и Австрией.

[8] Dictionnaire des journaux. 1600–1789 / Sous la direction de J. Sgard. Paris, 1991. T. 2. № 940. P. 870–878.

Его интерес к дипломатии нашел выражение в многочисленных трудах и публикациях: «Записки о положении и старшинстве монархов Европы и их министров» (Амстердам, 1727), «Историческое собрание актов, переговоров, меморандумов и договоров от Утрехтского мира до второго конгресса в Камбре» (Гаага, 1728–1755, 22 т.), «Нынешние интересы и притязания держав Европы» (Гаага, 1733–1735, 4 т.), «Дополнение к Дипломатическому корпусу международного права (Ж. Дюмона), включая дипломатический церемониал» (Амстердам; Гаага, 1739, 5 т.)[9]. Публикаторская деятельность характеризует Жана Руссе как неутомимого компилятора и знатока европейской внешней политики и делает его имя известным в Европе. Ему также принадлежали труды по истории Сардинии, Испании, «История войн между Австрией и Францией», история военной деятельности принца Евгения Савойского и герцога Мальборо, биография испанского государственного деятеля кардинала Альберони[10] и др. В 1732 году Руссе де Мисси становится членом Берлинской Академии наук, но в 1745 году был исключён из неё «за отсутствием научных работ»[11].

В то же время редактор «Меркурия» пытался играть политическую роль, предоставив своё публицистическое перо на службу статхаудеру Оранскому, за что поплатился арестами и тюрьмой. Правда, в 1748 году Вильгельм IV Оранский вознаградил его и назначил своим советником и историографом. Однако и на этом поприще его ожидала скорая немилость правителя, вследствие которой он вновь

---

[9] Mémoires sur le rang et la préséance des souverains de l'Europe et de leurs ministres. Amsterdam, 1727; Receuil historique d'actes, négotiations, memoires et traits depius la paix d'Utrecht jusqu'au second congrés de Caimbray. La Haye, 1728–1755. T. 1–22; Les intérêts présens et les prétansions des puissances de l'Europe. La Haye, 1733–1735. T. 1–4; Supplément au Corps universel diplomatique du droit des gens (par J. Dumont), où est compris le cérémonial diplomatique. Amsterdam et La Haye, 1739. T. 1–5.

[10] Description géographique, historique et politique du royome de Sardaigne. Cologne, 1718; Histoire du cardinal Albéroni. La Haye, 1719; Les bataille et histoire militaire du prince Eugéne, du duc de Marlborough et du prince Nassau-Frise. La Haye, 1725–1729. T. 1–3; Histoire des guerres entre les maison de France et d'Autriche. S. l, 1742.

[11] О разносторонних научных интересах Руссе де Мисси свидетельствует тот факт, что в 1730-е годы он занимался описанием второго естественнонаучного собрания амстердамского коллекционера Альберта Зебы. Эта коллекция создавалась на деньги Петра I, который в 1716 году купил первое собрание курьёзов Зебы. Вместе с Руссе работу по описанию выполнял Луи де Жокур — будущий автор статей о России и Петре I в Энциклопедии Дидро. См.: *Morris M.F.* Le chevalier de Jaucourt. Un ami de la terre (1704–1780). Genéve, 1979. P. 59.

подвергался аресту и вынужден был бежать в 1749 году в Брюссель, где продолжал заниматься литературным трудом, находясь на службе правительства Австрийских Нидерландов.

Некоторые авторы утверждали, что Руссе де Мисси побывал в России, где пользовался милостями императрицы Елизаветы Петровны. На самом деле, как выяснила Г.А. Шатохина, голландский публицист уже в 1720–1730-е годы публиковал в своей газете «Mercure historique et politique» статьи, которые в выгодном свете представляли внешнюю политику России. Эта же тенденция заметна и в документальных публикациях Руссе[12]. Он был хорошо знаком с русским послом в Гааге графом А.Г. Головкиным и по его рекомендации был избран 14 марта 1737 года почётным членом Петербургской Академии наук[13]. Подвергаясь политическим преследованиям, он в 1748 году обратился с письмом к русской императрице с просьбой о покровительстве и просил пожаловать ему какой-нибудь чин, «который бы его защищал и способствовал бы ещё более ревностному распространению славы Вашего величества». Руссе де Мисси был пожалован чин коллежского советника, который вскоре был заменён более высоким чином канцелярии советника в ранге полковника[14].

Руссе де Мисси был известным масоном, «мастером амстердамской ложи». Как считает современный исследователь, раннее масонство казалось особенно привлекательным людям «без корней», космополитам, поскольку масонство легко подстраивалось под вкусы разных людей и распространяло свою заботу на каждого из братьев[15].

Голландский публицист имел множество литературных врагов, среди которых самый известный — Вольтер. О своём предшественнике в деле написания биографии русского царя знаменитый француз писал в предисловии к «Истории России при Петре Великом». По его словам, так называемая история Петра Великого, вышедшая в Амстердаме в четырёх томах под именем боярина Нестесураноя, — «это одно из слишком распространённых литературных мошенничеств. ...Таким образом прекрасное издательское искусство застав-

---

[12] См.: Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe et entre leurs ministres répresentans suivant leurs différens caractéres. Par Mr. Rousset. Amsterdam, 1746. P. 45–57.

[13] *Шатохина Г.А.* Указ. соч. С. 117; Протоколы заседаний конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803 годы. Т. 1: 1725–1743. СПб., 1897. С. 269–370 (на нем. яз.).

[14] *Шатохина Г.А.* Указ. соч. С. 120.

[15] Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша / Пер. с итал. Н.Ю. Плавинской под ред. С.Я. Карпа. М., 2003. С. 278.

ляют служить самой презренной коммерции. Голландский издатель заказывает книги словно фабрикант, производящий ткани; и находятся, к сожалению, писатели, которые как поденщики вынуждены продавать свой труд этим торговцам. Отсюда все эти пошлые панегирики и эти клеветнические памфлеты, которыми завалена публика. Это один из самых постыдных пороков нашего века»[16].

Последние годы жизни (с 1752 года) Жан Руссе де Мисси провел в Голландии, в местечке Маарссен (Maarssen) близ Утрехта, где руководил типографией французского эмигранта Жоли (Joly). Умер он после тяжёлой и продолжительной болезни 13 августа 1762 года в городке Эйтхорн близ Амстердама.

Враждебность к Франции и к просветителям, преданность протестантизму, а также веротерпимость были постоянными чертами воззрений Руссе де Мисси. Вместе с тем он часто менял свои политические симпатии и цинично признавался в своём «хамелеонстве». «Для Жана Руссе де Мисси Нидерланды стали второй родиной», — пишет Г.А. Шатохина. Однако едва ли этот журналист отличался стойким патриотизмом, хотя и издавал газету «Истинный голландский патриот» («Le vrai patriote hollandais»[17]). Скорее он являл распространённый тип космополита XVIII века, готового продать своё перо тому, кто больше заплатит. Он получал постоянные или временные субсидии от австрийского, английского и русского правительств. Однако приверженность его к Голландии, конечно, не случайна. Как отмечал Рене Помо, республиканская власть, федеративная структура, толерантное сосуществование протестантского большинства с католиками, жизненная необходимость вести оживлённую международную торговлю, — всё это делало Соединённые провинции Нидерландов самыми свободными землями в Европе. В многочисленных амстердамских кафе французы и немцы имели полную свободу выступать против своих монархов. Везде господствовала свобода совести. Евреи чувствовали себя здесь в полной безопасности. Интеллектуальная свобода рано утвердилась в торговых городах Соединённых провинций. В гостеприимную страну стекались всякого рода беженцы. Голландию называли «общей родиной всех честных несчастных людей». Но в этом же потоке в страну проникали авантюристы всех мастей: обыкновенные преступники, смелые мыслители, расстриги...[18]

---

[16] *Voltaire*. Oeuvres complètes. Oxford, 1999. T. 46. P. 386–387.

[17] Dictionnaire des journaux. 1600–1789. T. 2. № 1267. P. 1129–1130.

[18] *Pomeau R.* L'Europe des Lumières. Cosmopolitisme et unité européenne au dix-huitième siècle. Paris, 1966. P. 147–148.

Среди «полезных и нужных услуг», оказанных русскому правительству Жаном Руссе де Мисси, важная роль несомненно принадлежала публикации биографий русских монархов. В 1726 году в Голландии увидели свет «Записки о царствовании Петра Великого, Российского императора, Отца отечества» в 4-х томах[19]. Они переиздавались в 1728–1730, 1739, 1740 годах. В 1740 году издание было дополнено «Записками о царствовании Екатерины, Императрицы и Самодержицы Всероссийской» того же автора, которые выходили и отдельными изданиями в 1728–1742 годах. «Записки» о Петре Великом дважды переиздавались на голландском языке, выходили в переводе на немецкий, английский, итальянский и польский языки[20].

На титульном листе издания стоит фамилия барона Ивана Нестесураноя, всё повествование ведётся от лица русского автора. Однако уже первые рецензенты заметили, что это сочинение «француза, который скрыл свою фамилию, не обременяя себя тем, чтобы скрыть манеру мышления и письма»[21]. Нелепая фамилия Нестесураной, будучи анаграммой Жана Руссе, очевидно, казалась звучащей по-русски. Баронский титул, добавленный к псевдониму, как считал Минцлов, намекал на сотрудничество с находившимся на русской службе бароном Генрихом Гюйссеном. В так называемых «Записках Вильбуа» автор, близкий к французским дипломатическим кругам, прямо утверждал, что первое издание «Записок» составлено Гюйссеном, которого «следует отнести к историкам недостоверным и находящимся на содержании». И лишь второе издание, считал Псевдовильбуа, было исправлено французом, нашедшим убежище в Голландии[22]. Однако Руссе де Мисси несомненно был основным автором первого издания, составленного в большой спешке. В новом издании он оправдывался, отвечая на замечания критиков: «первое издание публиковалось с такой поспешностью, что мы

---

[19] *Nestesuranoi I.* Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la patrie etc. Amsterdam; La Haye, 1725–1726. T. 1–4.

[20] См.: *Минцлов Р.И.* Пётр Великий в иностранной литературе. С. 40–42; *Mohrenshildt D.S.* Russia in the intellectual life of eighteenth century France. P. 206; *Гольдберг А.Л.* Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Гос. публ. библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1966. Вып. 2. С. 11.

[21] Journal des savants. 1726, janvier. P. 25.

[22] *Вильбуа.* Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 201–202. В публикации, повторяющей неисправность рукописного текста (РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. № 124. Л. 24 об.), до неузнаваемости искажена фамилия барона Г. Гюйссена. Ср.: Mémoires pour l'histoire de Russie par Voltaire. Tom II. Bibliothèque de Voltaire, arm. 5, № 242. F. 30–31.

вполне могли пропустить некоторые подробности, некоторые факты, некоторые интересные переговоры. Кроме того, положение дел при живой царице и могущественном Меншикове сдерживало свободу пера, не привыкшего притворяться». Таким образом, автор признавал свою зависимость от русского правительства. В новом издании, заявлял он, «мы не будем скрывать ничего из того, что мы установили в результате самых усердных и точных исследований»[23]. Здесь же Руссе де Мисси вновь утверждал, что «Иван Иванович Нестесураной может рассматриваться как автор этих записок. Издатель лишь привёл их в порядок и снабдил некоторыми необходимыми размышлениями, чтобы сделать текст связным, кроме того, он выверил факты, которые интересуют иностранцев, чтобы не сообщать то, что может быть разоблачено очевидцами»[24].

Нельзя отрицать участия Г. Гюйссена в подготовке издания. Он мог снабдить автора некоторыми официальными русскими источниками. Однако «Записки» о Петре Великом не имеют ничего общего с сочинениями самого Гюйссена, в частности, с его «Журналом государя Петра I»[25]. Именно труд Руссе де Мисси был оплачен русским двором. С его помощью Екатерина I пыталась реализовать декларированное намерение напечатать «жизнеописание покойного государя».

Будучи страстным публицистом, автор не стеснялся рекламировать свой труд перед читателями как первый, единственный в своём роде и отвечающий самым высоким научным требованиям. Однако его критики заметили отсутствие ссылок на источники в биографии царя. На что Руссе де Мисси отвечал, что не нашёл ссылок у Тита Ливия, Тацита, Плутарха, Аммиана Марцеллина и Светония, притом что они следовали писаниям своих предшественников. Себя автор считал первым историком Петра Великого: «пусть те, кто идёт за мной, меня цитируют»[26]. Тем не менее, во втором издании автор сделал необходимые разъяснения по поводу источников. Он признавался, что первый том («Краткую историю царей») он составил, полагаясь на труды шведских, польских и ливонских историков.

---

[23] На деле последующие издания почти не отличались по содержанию от первого.

[24] *Nestesuranoi I.* Mémoires du règne de Pierre le Grand. 2-e éd. Amsterdam, 1728. T. 1. Avertissement. S. p.

[25] См.: Mémoires de Trévoux. 1725, septembre; Journal des savants. 1726, janvier. P. 25–31; octobre. P. 592–600; 1727, janvier. P. 37–42.

[26] *Nestesuranoi I.* Op. cit. Amsterdam, 1729. T. 2. Avertissement. S. p.

«Мы старались выбрать авторов наиболее достойных доверия, мы извлекали из них только то, что согласовывалось с исторической истиной; наша цель была сократить до одного тома то, что рассеяно в многочисленных томах, посвящённых истории царя»[27]. Что же касается собственно истории Петра I, то, чтобы отвести прозвучавшие в рецензиях упрёки в плагиате[28], Руссе де Мисси всё-таки называл во втором издании некоторые источники своего труда. Это «Преображенная Россия» Ф.Х. Вебера[29], «История Швеции в царствование Карла XII» А.-Ф. Лимье[30] и труд Ж.-Л. Гримаре «Кампании Карла XII, шведского короля»[31]. Автор почему-то не упомянул среди своих источников книгу Д. Перри «Состояние России при нынешнем царе»[32], из которой он почерпнул не только многие факты, но и ошибки английского автора.

Хотя Руссе де Мисси уверял читателей, что он не будет излагать материал по газетным публикациям, он постоянно поступал именно так. Большинство официальных документов — манифестов, договоров, реляций, дипломатических писем — взято из голландских газет, которые постоянно печатали известия о России под рубрикой «Северные дела и Германия». Не были обойдены вниманием и французские газеты. Так, визит Петра I во Францию 1717 года был описан Руссе де Мисси по газете Ф. Бюше «Le Nouveau Mercure». Правда, автору остались неизвестными сообщения за май, выходившие отдельной книгой[33] (поэтому первая часть визита была описана очень кратко и приблизительно), но всю июньскую хронику визита он перенёс в свою книгу слово в слово[34]. Рецензенты обвиняли автора в том, что он копировал газетные тексты целиком, не меняя в изложе-

---

[27] Ibid.

[28] См.: Mémoires de Trévoux. 1725, septembre; Journal des savants. 1726, janvier. P. 25–31; octobre. P. 592–600;1727, janvier. P. 37–42.

[29] Mémoires pour servir à l'histoire de l'Empire Russien sous le règne de Pierre le Grand... Par ministre étranger. La Haye, 1725. Среди прочего Руссе де Мисси цитировал известную речь Петра I о «коловращении» наук. См.: *Nestesuranoi I.* Op. cit. Amsterdam, 1730. T. 3. P. 547–550.

[30] *Limiers H. Ph. de.* Histoire de Suède sous le règne de Charles XII. Amsterdam, 1721. T. 1–6.

[31] *Grimarest J.* L. Les Campagnes de Charles XII, roi de Suède. Paris, 1706–1711. T. 1–4.

[32] *Perry J.* Etat présent de la Grande Russie ou Moscovie... Paris, 1717.

[33] (*Buchet P.-F.*) Abregé le l'histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l'état presént de la Moscovie, et de ce qui s'est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour. Paris, 1717.

[34] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 3. P. 659–682.

нии настоящего времени на прошедшее. Конечно, у Вольтера были некоторые основания называть труд своего предшественника «компиляцией из газетных сплетен». Но именно широкое цитирование официальных документов придавало книге Руссе определённую источниковую ценность. И сам Вольтер, внимательно проштудировавший труд Руссе, пользовался этими текстами[35].

В вопросе об интерпретации имевшихся в его распоряжении материалов автор был непоследовательным. В рекламном предисловии он писал о своём намерении выяснять причины, «раскрывать пружины» большинства событий. Но на деле он чаще всего ограничивался простым описанием фактов, лишь иногда сопровождая их очень скромными «размышлениями». В третьем томе своего сочинения он так сформулировал свою позицию: «Историк должен довольствоваться сообщением фактов со всеми обстоятельствами и оставлять читателю удовольствие о них размышлять. Мы строго следовали этому правилу до сих пор...»[36]

«Нельзя судить о преимуществах, которые Россия извлекла из царствования Петра Великого, не зная, кто были его предшественники и что они делали, каково было положение дел, когда он взошёл на престол. Поэтому историю царя следует предварить “Точным сокращённым описанием истории всех царей”, которое составит первый том»[37], — резонно заявлял автор. Руссе де Мисси, конечно, ещё не думал о том, чтобы выявить какие-то связи между древней и новой, преобразованной Россией. Само появление реформатора характеризуется им как «чудесное». Тем не менее, первый том «Записок о царствовании Петра Великого» представляется любопытным явлением в европейской историографии России. Он содержит обзор истории России IX–XVII веков под названием «Краткий очерк истории царей» («Abregé de l’histoire des czars»). Даже строгие рецензенты отметили, что здесь автор постарался устранить «смешные нелепости», которые сообщали о Московии путешественники[38]. Нельзя не признать, что события древнерусской истории изложены довольно ясно. Однако те же рецензенты полагали, что знающий

[35] *Voltaire.* Correspondance. T. 1. № 235; *Альбина Л.Л.* Источники «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера в его библиотеке // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1980. Вып. 2. С. 162–163.

[36] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 3. P. 271.

[37] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 1. Avertissement. S. p.

[38] Journal des savants. 1726, janvier. P. 25.

читатель найдет здесь «мало удовлетворения». Работая над этой частью своего труда, голландский автор имел перед глазами «Краткий хронологический очерк истории царей и императоров Московии», которым французский издатель дополнил записки Д. Перри[39]. Впрочем, материал в книге Руссе де Мисси был значительно расширен за счёт сочинений европейской россики XVI–XVII веков. В обоих случаях события IX – начала XVI веков изложены по «Запискам о Московии» С. Герберштейна[40]. Правда, некоторые положения источника автор сопровождает своими (?) комментариями. Например, к мысли Герберштейна о том, что варяги происходили из Прибалтики, возможно, из области в районе современной Голштинии, где когда-то существовала «область вандалов со знаменитым городом Вагрия», автор добавляет догадку, что варяги-вагрии были теми, кого сегодня называют жителями Ингрии, то есть ижорцы, которых русские именуют водь (Wotsch)[41]. Далее следует интересное дополнение о новгородских пятинах. А в рассказе о мести княгини Ольги древлянам «уточняется», что древляне — это донские казаки (*sic!*). Обширный рассказ о царствовании Ивана Грозного основан на отредактированном в благожелательном к России духе пересказе сочинений Александра Гваньини «Описание Московии» (1587) и Павла Одерборна «Жизнь великого князя московского Ивана Васильевича» (1585)[42]. Довольно подробно изложены события русской истории XVII века, особенно царствование Алексея Михайловича, который как человек и как государственный деятель удостоен самой высокой оценки автора[43].

Уже в предисловии к первому тому Руссе де Мисси дал готовую характеристику царю-реформатору Петру I. При этом он разделял распространённую точку зрения, что царь цивилизовал свою страну по европейским образцам. По его словам, именно благодаря своим личным качествам: здравому смыслу, просвещённости, проницательности, любви к подданным, — царь сумел разглядеть пороки русского общества, которые решил исправить. Царь не побоялся всё реформировать, несмотря на бунты и привязанность русских к своим обычаям. Пётр покидал своё государство в поисках мудрых зако-

[39] (*Perry J.*) Etat présent de la Grande Russie ou Moscovie... Paris, 1717. P. 1–83.

[40] См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988. С. 59–72.

[41] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 1. P. 8.

[42] Ibid. P. 76.

[43] Ibid. P. 469–472.

нов, полезных изобретений и знаний в навигации, воинском деле, финансах. «Он скрывался под обычной одеждой, смешивался с толпой рабочих, трудился с ними, становился учеником, чтобы стать мастером и примером для своих подданных»[44]. Он действовал не так, как его предшественники на троне, которые боялись проникновения иностранных обычаев, запрещали подданным путешествовать, опасались нарушить чистоту своей веры и вообще «засыпали в изнеженности».

Весьма содержательной частью «Записок» Руссе можно назвать раздел, посвященный началу царствования Петра (регентство царевны Софьи, стрелецкие бунты, борьба за власть и первые самостоятельные шаги юного Петра до начала Северной войны). Главное достоинство этой части видится в том, что автор здесь не испытывал недостатка в фактическом материале, положив в основу своего повествования насыщенные фактическим материалом сочинения Д. Перри «Состояние России при нынешнем царе», а также «Записки о Московии» Ф. де ла Невилля[45], а возможно, и другие повествовательные источники. От Перри, например, исходит версия о том, что царь Фёдор Алексеевич завещал престол царевичу Петру в обход старшего Ивана. Автор спорил с Невиллем (не называя его), оставившим единственный словесный портрет царевны Софьи: «эта царевна была далека от того ужасного чудовища, каким её нарисовали некоторые писатели»[46]. Руссе повторял некоторые сообщения (например, о желании Софьи искать убежище в Польше), которые встречаются только у Невилля[47]. А в истории знакомства юного Александра Меншикова с Лефортом, «который любил пирожки», и с царём легко узнается текст романизованной биографии царского фаворита «Князь Кушимен», опубликованной в 1710 году во Франции и в Голландии. Её авторство приписывается Ж.-Г. Ламберу де Герену[48].

При описании начала царствования Петра соблюдена правильная последовательность главных событий, некоторые из них изложены с любопытными подробностями (Крымские походы В.В. Голицына и связанные с ними международные дела, планы Шакловитого погубить Петра и Нарышкиных, Великое посольство, начало петров-

---

[44] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 1. Preface. S. p.

[45] *Де ла Невилль.* Записки о Московии. М., 1996.

[46] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 2. P. 3–4. Ср.: *Де ла Невилль.* Указ. соч. С. 159.

[47] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 2. P. 99.

[48] Ibid. P. 171–175. Ср.: История князя Меншикова / Перевод с фр. и предисловие Л.Л. Альбиной. Литературная ред. перевода, комментарии и статья А.М. Шарымова. СПб., 2003. С. 21–23.

ских реформ и др.) Можно отметить даже некоторые оригинальные для того времени суждения и оценки. Так, автор говорит о «больших планах», задуманных царём Алексеем Михайловичем, которые начал выполнять Фёдор, а затем продолжил Пётр. Царевна Софья и Голицын вопреки официальной русской традиции рисуются не одной только черной краской. Но с самого начала изложения истории петровского времени бросается в глаза большое количество фактических ошибок, начиная с того, что автор неправильно назвал дату рождения Петра, а во втором издании, «исправляя» эту неточность, ошибся ещё больше. Описывая Крымские и Азовские военные походы, автор приводит фантастические данные о численности русских войск, заимствованные у Невилля, и т. д.

В «Записках» заметно пристрастие автора к дипломатическим сюжетам. Когда же дело доходит до периода Северной войны, внешнеполитическая проблематика становится безраздельно господствующей. В отличие от русских современников, Руссе де Мисси не увлекался исследованием исторических причин, побудивших Петра I начать войну со Швецией, хотя упоминал об исторических правах России на Ливонию, об обидах, нанесенных царю в Риге, о необходимости для России иметь порт на Балтике[49]. Автор с некоторым смущением описывал обстоятельства вступления России в войну: ложные заверения о мире русского посольства в Стокгольме, неуклюжий манифест царя о начале военных действий. Основную ответственность за развязывание Северной войны автор возлагал на датского и польского королей, которые решили удовлетворить свои политические амбиции, пользуясь молодостью и неопытностью Карла XII. Главный интерес Петра I, обусловивший его участие в войне, автор сформулировал так: «помешать Ливонии, провинции когда-то принадлежавшей России, попасть в руки Польши»[50].

Автор не скрывал тяжести поражения русских под Нарвой, признавая ошибочными некоторые действия царя. Взятие русскими войсками Нотебурга и Ниеншанца, по словам автора, приблизило царя к желаемой цели обладания Ингрией: основав Петербург, царь получил возможность торговать на Балтике и строить здесь корабли. Создание Петербургской крепости по плану, начертанному самим царём, и последовавшее затем строительство большого города оценивалось автором как выдающееся, почти чудесное деяние[51].

[49] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 2. P. 334–335, 379, 383.
[50] Ibid. P. 383.
[51] Ibid.

Третий и особенно четвёртый тома «Записок» почти сплошь состоят из публикаций военно-дипломатических источников (манифестов, реляций, договоров, писем), лишь слегка разбавленных авторскими замечаниями и связками. Подчас Руссе де Мисси так увлекался близкими ему по другим работам вопросами европейской политики, что читатель может забыть, что перед ним труд по истории России. Рецензенты с иронией писали, что почти все факты автор извлекал из голландских газет и иногда забывал указывать, в каком году происходило описываемое событие[52]. Использование официальных реляций и пространных дипломатических документов не позволяло автору сколько-нибудь живо и связно изображать ход военных действий. Тем не менее, Руссе де Мисси вполне адекватно оценивал значение основных сражений Северной войны (Калиш, Головчино, Лесная, Полтава и др.) Не очень выразительно представлена Полтавская битва. Автор пытался размышлять о её значении и делать широкое историческое обобщение, указывал на «суд Небес, суд Бога». Впрочем, — рассуждал автор в духе протестантизма, — Бог бывает на стороне тех, кто подобно Петру I своими делами обеспечивает победу. По его словам, «Полтава была не просто свидетельством успеха, не полупобедой, но триумфом, какого не видели многие века»[53].

Неудачу русских войск на Пруте Руссе объяснял «фатальной необходимостью, которой никто не мог противиться», при этом он утверждал, что исход дела был решён тем, что русские подкупили турецкого визиря[54]. Автор превозносил «героизм» царицы Екатерины, которая посоветовала царю пойти на переговоры и пожертвовала всеми своими драгоценностями. Подробно представлены в опубликованных автором документах последние годы Северной войны: ухудшение отношений Петра I с союзниками, планы Герца, Аландский конгресс, русский десант на побережье Швеции, заключение мира.

Среди других проблем истории петровского времени большое место в работе Руссе де Мисси отведено измене Мазепы, путешествию царя во Францию, делу царевича Алексея. Излагая официальную версию суда и смерти несчастного царевича, автор признавал, что ходят всякие слухи о его смерти. Многие верят тому, что его отравили. Автор отрицает эту версию, но добавляет: «если предположить, что царевичу дали яд, не было ли это актом милосердия со

[52] Journal des savants. 1726, octobre. P. 600.
[53] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 3. P. 271–275.
[54] Ibid. P. 413.

стороны царя, который хотел избавить осуждённого преступника от насильственной смерти»[55].

Что же касается событий внутренней жизни страны, то в книге мы имеем лишь случайный перечень некоторых из них. Сообщаются некоторые подробности строительства Петербурга[56], но они лишь повторяют детали, имеющиеся в сочинениях немецких авторов — Геркенса и Вебера[57]. «Начало этого нового города стоило жизни более чем 200 тыс. этих несчастных («работников, согнанных со всех концов страны». — *С.М.*), которые были вынуждены работать без отдыха, не имели пропитания, не имели даже ни палаток, ни хижин, где бы могли расположиться», — писал Руссе де Мисси. В этой цитате примечательно число жертв строительства новой столицы. У Геркенса названо «свыше ста тысяч человек», у Вебера — «едва ли не сто тысяч человек». Руссе де Мисси пустил в оборот цифру 200 тыс., и она перешла в труды А. Катифоро, Вольтера и других авторов.

Собственно реформы Петра I освещены в книге французского автора поверхностно. Он ограничился лишь беглыми упоминаниями о «полезных установлениях». Отмечал он и трудности проведения реформ в России: «Все эти перемены не совершались ни сразу, ни с такой легкостью, как мы об этом рассказали. Поскольку мы называем себя рабами своих монархов, мы ещё больше являемся рабами наших обычаев и предрассудков: только страх принудил большинство русских после долгого сопротивления отказаться от своих бород, от своих высоких шапок и платья, чтобы стать похожими на другие народы. Реформы в области полиции и управления встретили другие препятствия. Как трудно было знати видеть себя лишенной права управления финансами, которыми она распоряжалась по своему желанию. Между тем царь всё доводил до конца своим постоянством и твёрдостью, своим выбором министров и фаворитов»[58].

Автор утверждал, что государственное управление царь перестраивал по французским образцам. «Находя, что он извлечёт большие преимущества из учреждения коллегий («conseilles») по образцу тех, что ввёл герцог Орлеанский во Франции в начале Регентства, царь, следуя этому плану, учредил Берг-коллегию, состоящую из способных людей...»[59]. Отрывочные известия об учреждении полиции в

---

[55] *Nestesuranoi I.* Op. cit. Amsterdam, 1730. T. 4. P. 234.

[56] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 2. P. 557–558.

[57] См.: *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 49, 103–104.

[58] *Nestesuranoi I.* Op. cit. T. 2. P. 262.

[59] Ibid. T. 4. P. 394–395.

Петербурге, о порче монеты и реформе монетного дела, о переводе торговли из Архангельска в Петербург, о строительстве Ладожского канала, о добыче металлов в Сибири и другие теряются в море военно-дипломатических материалов.

Голландский историк, хотя и стремился угодить своим трудом русскому правительству, всё-таки вскользь отмечал вслед за иностранцами-очевидцами тяжёлое положение простого народа в России, дурное обхождение с иностранными офицерами, расстройство финансов. «Вообще весь народ был недоволен этой слишком долгой войной, все роптали, со всех сторон надвигались признаки восстания»[60], — констатировал автор, характеризуя положение страны в 1708 году. Он упоминал восстание в Астрахани и движение «Кондрашки Булавина».

Автор «Записок», видимо, понимал, что его труд не даёт сколько-нибудь полной картины жизни России при Петре I. Поэтому он обещал своим читателям сообщить дополнительные материалы: географическое описание «этой обширной империи», «описание провинций и правительств», историю Петра I в медалях, а также обещал показать «гений» и характер русского народа, дать «полную историю религии русских». Но эти обещания так и остались невыполненными.

Несмотря на все недостатки, в целом труд Руссе де Мисси достиг своей цели — прославить Петра I, не впадая в крайний панегиризм, дать некоторую позитивную сумму сведений, характеризующих его военно-государственную деятельность.

«Русский» псевдоним был взят автором «Записок», по-видимому, для того, чтобы вселить в читателей доверие к сведениям о «своём» монархе, о «наших войсках» и «нашем народе». Автор отмечал, что европейская публика «проявляет с некоторого времени большое рвение ко всему, что касается великой и могучей империи русских». По его словам, европейцы до сих пор знали Россию лишь по ложным и неполным свидетельствам иностранцев. «Мы должны избавить публику от ложных представлений»[61]. «Эта история, напротив, происходит от русского, которому близки дела России, а его путешествия в разные части Европы разрушили слепые предубеждения, которые мы обычно имеем в пользу отечества»[62]. Такая «патриотическая» позиция помогала автору защищать и прославлять Петра перед лицом европейского общественного мнения. Она должна была отвести подозрения в корыстных целях издания. Примеча-

[60] Ibid. T. 3. P. 97.
[61] Ibid. T. 1. Preface. S. p
[62] Ibid.

тельно, что автор нигде не называл русских «московитами», а пользовался искусственным названием «Russiens», которое, однако, не прижилось в литературе[63]. Может быть, европейский читатель и мог поверить мистификации автора, поскольку в Европе очень плохо знали Россию. Но для русского читателя мистификация раскрывается с первых страниц. В книге были до неузнаваемости искажены многие русские имена и фамилии; все сведения Руссе де Мисси были «книжными», он был явно не знаком с реалиями жизни далекой страны. При всей благожелательности к Петру I, автор смотрел на Россию и русских из Европы. Подобно другим европейцам, симпатизировавшим Петру, Руссе де Мисси резко разделял царя-реформатора и народ. Протестуя против того, что царя называют варваром, автор «Записок» оправдывал жестокость Петра, ибо «нельзя вести себя с русскими так, как управляют французами, англичанами или немцами». Царь «должен быть жестоким для блага своих подданных». Говоря о «безграничной распущенности» нравов русских, критикуя религиозные обычаи народа, «погруженного из-за ошибки духовенства или, скорее, наших древних законов в самое крайнее невежество в религиозных вопросах и, как следствие, в опасное суеверие», «Иван Иванович Нестесураной» повторял старые европейские стереотипы и тем выдавал в себе протестанта, свысока осуждавшего «варварство» русских.

«Записки о царствовании Петра Великого» Руссе де Мисси были сочинением «сырым», громоздким, составленным из плохо согласованных между собой источников, не лишенным фактических ошибок. Из четырёхтомного труда мало можно было узнать о личности русского царя. В «Записках» лишь эскизно намечен образ необыкновенного царя — реформатора, цивилизатора, победителя, создателя империи. Автор не преуспел по части «философских» обобщений, в то время как его современники — Фонтенель, Вольтер — уже «отливали» мифологизированный образ героя — творца новой России и новой нации, российского Прометея. Тем не менее, это была первая в Европе (наряду с немецкой работой Ю.Г. Рабенера) законченная история России эпохи Петра Великого, сыгравшая заметную роль в распространении знаний о России и её знаменитом преобразователе. В самой России сочинение подобного рода (правда, гораздо более содержательное) появится намного позже — это будут «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова, вышедшие лишь в конце XVIII века.

---

[63] См.: *Десне Р.* Московия, Россия, московиты, россияне и русские в текстах Вольтера // Вольтер и Россия. М., 1999.

Г.И. Борисов
(Москва)

Контакты Древней Руси и Нидерландов в раннее Средневековье: Материалы коллекций российских музеев

Настоящая работа основывается на археологических материалах, хранящихся в российских музеях, и это определяет её специфику. В силу слабой исследованности проблемы и особенностей источниковой базы многие вопросы остаются нерешёнными, однако само наличие артефактов в музейных коллекциях и их особенности заставляют присмотреться к заявленной теме внимательнее. Мне показалось полезным, в рамках года Нидерландов в России и России в Нидерландах, систематизировать эти данные. Имеются ли в Нидерландах древние артефакты из Восточной Европы, ещё предстоит выяснить, но в настоящем исследовании делается первый шаг в изучении проблемы.

Как известно, в раннее Средневековье почти вся территория современных Нидерландов была занята германским племенем фризов, потомки которых до сих пор составляют большинство населения в северной части страны — провинциях Фрисландии, Гронингене и Дренте. С VII века они появляются в Англии, Германии,

Франции и даже Скандинавии. Известны фризы были в первую очередь благодаря своим знаниям в морском деле — в Средние века их считали лучшими специалистами по каботажному мореходству в Северном море и прилегающих регионах. Имеются достоверные сведения о дальних плаваниях фризских моряков и торговцев — к примеру, на фризских кораблях в конце XI–XII веков крестоносцы из Северной Европы плыли в Святую Землю. Археологические источники играют большую роль в исследовании их торговой деятельности, что показал ещё в начале 1980-х годов французский исследователь С. Лебёк[1], однако тема дальней торговли в Северной Европе продолжает оставаться слабо исследованной[2], хотя определённые шаги в этом направлении делались[3]. При этом археологический материал Балтийского региона, относящийся к VIII–XI векам свидетельствует о несомненных связях южной Балтики и Швеции с северо-германскими землями[4]. В данном контексте вопрос о связях северо-восточной Европы с Фрисландией, поставленный во второй половине прошлого века на нумизматическом материале В.Л. Яниным и В.М. Потиным приобретает особое значение[5]. Естественно, возможности исследователя при современном состоянии источников ограничены — древнейшие письменные свидетельства о внешних контактах Древней Руси, которые могли бы указать на наличие прямых контактов с Фрисландией, фрагментарны и отражают поздние реалии XII века, однако пренебрегать тем, что мы имеем, было бы неверно. Таким образом, проблема формулируется в хронологических рамках домонгольского периода истории Древней Руси, а объектом исследования станут все находки на её территории, имеющих непосредственное отношение к торговой деятельности фризов — монеты, оружие, предметы быта. Такого рода комплексный анализ памятников, позволяющий выдвинуть гипотезу о культурных контактах

[1] *Lebecq S.* Marchands et navigateurs frisons du haut moyen age. Vol. 1. Lille, 1983.

[2] *Назаренко А.В.* Русь на «пути из немец в хазары» // Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 78.

[3] Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. T. 3 Der Handel des frühen Mittelalters; T. IV Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit / Hrsg. von K. Düwel, H. Jankuhn, H. Siems, D. Timpe. Göttingen, 1985–1987 (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse, 150, 156).

[4] Славяне и скандинавы / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 58.

[5] *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси. М., 2009 (1956); Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968.

между двумя регионами ещё не проводился и потому представляет известный интерес в качестве первого шага в исследовании проблемы связей фризов и Древней Руси в рамках проводящегося года России в Нидерландах и Нидерландов в России.

Одним из самых важных доказательств связей Древней Руси и северной Германии являются предметы вооружения — клинки мечей и наконечники копий, сделанные мастерами на нижнем и среднем Рейне, из материалов Эрмитажа и Государственного Исторического музея в Москве. Их западноевропейское происхождение доказывают как клейма каролингских мастерских, так и металлографический анализ. Они могли попасть на Балтику и при военных контактах, но торговые связи также были распространены. Об этом, в частности, говорят каролингские капитулярии, запрещающие вывоз оружия в славянские земли. Главными торговыми путями, связывавшими Балтийское и Северное моря были: морской — вдоль побережья Дании, с перевалочными пунктами в Рибе и Бирке — и сухопутные — вдоль перешейка через Хедебю и более южный через Магдебург и Гнезно. Все они начинались на Нижнем Рейне и тяготели к Дорестаду, одному из главных торговых поселений во Фрисландии до середины IX века.

Однако более значимым маркером присутствия торговцев из нижнего Рейна на Балтике служат предметы гончарного и косторезного производства. Самые яркие из них — это так называемые «фризские» или «татингские» кувшины, тщательно изготовленные чернолощёные сосуды, декорированные инкрустацией из оловянной фольги. На территории Древней Руси они известны по находкам фрагментов этих сосудов в Поволховье, в частности, в кургане № 7 могильника в урочище Плакун у деревни Чернавино на правом берегу Волхова, напротив Староладожской каменной крепости и на Земляном городище Старой Ладоги, хранящимся в коллекциях Государственного Эрмитажа[6]. По последним исследованиям российских археологов, в т.ч. с использованием естественнонаучных методов, «фризская» керамика из Старой Ладоги производилась в разных (как минимум, в двух) мастерских на территории от Мааса до верхнего Рейна[7] и да-

[6] *Плахов А.В., Кулькова М.А.* Новые данные о «фризских» кувшинах нижнего Поволховья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010. С. 516–529.

[7] *Плахов А.В., Френкель Я.В.* «Фризские» кувшины Нижнего Поволховья (к вопросу о датировке и происхождении) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2012. С. 274–293.

тируется 865–930-ми годами[8], что служит доказательством неэпизодичности такого рода контактов. Ещё одним маркером фризского присутствия служит уникальная находка на Рюриковом Городище: резной костяной гребень так называемого «фризского» типа, широко распространённого на Балтике в VII–XI веках. Высказывалось мнение, что он был сделан фризскими ремесленниками, осевшими в Старой Ладоге[9], однако для подтверждения этой гипотезы на сегодняшний день не хватает доказательств.

Самый интересный материал предоставляют нам монеты фрисландской чеканки XI–XII веков из кладов русского Северо-Запада. Достаточно сказать, что наибольшее количество таких монет в Европе встречается в двух местах — в раннесредневековой Фрисландии (территория современных Голландии и Бельгии — Брюгге, Брюссель, Утрехт, Гронинген, Фрисландия, Гамаланд) и на территории Древней Руси. Отсутствие монет в промежуточных областях может свидетельствовать о непосредственном завозе их на Русь из Фрисландии[10]. Общее число превышает 10 688 монет (примерная цифра обусловлена плохой сохранностью кладов, найденных в XIX и начале XX веков, часть которых была переплавлена, а часть не поддаё тся идентификации из-за износа)[11]. Ранние образцы монет отчеканены в X веке, период самой активной чеканки приходится на первую половину XI века (более 5 тысяч экземпляров). По времени захоронения клады фиксируются с первой половины XI века, наибольшее число кладов с монетами Фрисландии на Руси зарегистрировано во второй половине столетия. По местам чеканки на территории Восточной Европы в наибольшем количестве представлены изделия монетных дворов Доккюма, Гронингена, Леувардена, Эмдена и Утрехта, тогда как в кладах Поморья, Скандинавии и Финляндии преобладают монеты, чеканенные в Девентере и Тиле[12]. В подавляющем большинстве это серебряные денарии диаметром 18 мм и весом 0,6–0,7 г.

---

[8] *Френкель Я.В.* Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010. С. 570.

[9] Славяне и скандинавы... С. 119.

[10] *Янин В.Л.* Указ. соч. С. 177. Для сравнения: в Бирке монеты фрисландской чеканки уступают в количестве монетам других регионов Германии, в Поморье по данным М.В. Потина на 1968 г. было найдено всего 507 фрисландских монет, в кладах Финляндии — 642.

[11] *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. С. 160.

[12] Там же. С.167.

Данные клады (их насчитывается более 40) находятся в коллекциях Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея в Москве, коллекции Н.П. Лихачева, Новгородском историческом музее и других музеях России. Главная трудность заключается в том, что в странах западной Европы они известны только коллекционерам, а в отечественной нумизматике последние публикации по данной теме относятся к 50–60 годам XX века. При этом фризские монеты часто интерпретировали как немецкие, и по имеющимся описаниям кладов невозможно определить удельный вес монет, отчеканенных во Фрисландии, для каждого клада в отдельности. По печатным материалам можно обозначить только основные данные о кладах, многие из которых устарели. Так или иначе, необходимо выделить Демшинский, Лодейнопольский, Вихмязьский, Скадинский, Второй Нагищенский (около 700 монет из Фризии), Колголемский (более 2500 монет из Фрисландии), Новгородский клады[13], а также находки из Старого Дедина, Молодей и других. Помимо общей численности отметим присутствие фрисландских монет в большом числе кладов и их географическую разбросанность по территории Северо-Запада. Эти наблюдения позволяют заключить, что приток фрисландских монет на Русь был не только массовым, но и часто осуществлялся напрямую, что видно по интенсивности поступления фрисландских денариев в Восточную Европу, особенно во второй половине XI века.

Распространённость и неслучайность нахождения фризских монет в древнерусских землях подтверждается характером кладов. Монеты, отчеканенные во Фрисландии, встречаются как в составе больших монетных кладов, таких как Вихмязьский (1821 монета при общем числе монет в кладе 13 398)[14] или Лодейнопольский[15], так и в совсем небольших, состоящих из нескольких экземпляров, например, клад из деревни Верхоляны и клад из деревни Забельское. Есть и отдельные находки фрисландских денариев, чаще всего они встречаются в захоронениях — курганах или относятся к случайным находкам. В последних часто находят фрисландские денарии использованные в качестве подвески (с ушком)[16], но преобладают всё-таки

[13] *Янин В.Л.* Указ. соч. С. 269.

[14] *Potin V.M.* Vichmjaz' // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde (RGA). Bd. 32. S. 336–337.

[15] *Potin V.M.* Lodejnoe Pole // RGA. Bd. 18. S. 544.

[16] *Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды ГЭ. Т. IX. Л., 1967. С. 130, 133.

групповые находки. По составу кладов фрисландские монеты чаще всего встречаются с северо-германскими и английскими денариями.

Топография находок довольно широка, но не выходит за пределы древнерусского Северо-Запада. Наибольшее количество монет, найденных на территории Древней Руси, отчеканено в первой половине XI века, хотя их число не сильно превосходит количество монет, относящихся ко второй половине столетия или к началу XII века. Время зарытия кладов, т.е. тот период, когда они попали в землю, почти всегда определяется концом XI – началом XII века. По местам чеканки преобладают денарии из Утрехта, Девентера, Гронингена, Тиля и Доккюма. Часто встречаются монеты отчеканенные в Леувардене, Ставорене, Болсварде и Эмсе. Число монетных сеньоров также невелико — это епископы Утрехтские Бернольд (1027–1054) и Вильгельм (1054–1076), графы Фрисландии Бруно III (1038–1057), Экберт I (1057–1068) и Экберт II (1068–1090). Довольно часто встречаются монеты германских императоров Оттона III (996–1002), Генриха II (1002–1024), Конрада II (1024–1039) и Генриха III (1039–1056).

Особо следует сказать об одной, довольно показательной находке. О присутствии фризов на русском Северо-Западе с довольно большой уверенностью можно говорить по материалу клада найденного у д. Устье недалеко от Пскова. В 1925 году здесь были обнаружены в составе клада 35 денариев графа Фрисландии Экберта II (1068–1090), зарытые около 1080 года[17]. Однородный характер находки, состоящей из большого числа монет, с большой степенью вероятности служить доказательством прямых торговых контактов.

Таким образом, собранные нами материалы свидетельствуют для раннего периода IX–X веков о возможности культурных контактов населения Древней Руси и фризских торговцев, а для позднего периода второй половины XI–XII веков о большой вероятности установления постоянных торговых контактов. Далее интенсивность поступления фризского серебра на Русь постепенно спадает и с наступлением в Восточной Европе безмонетного периода во второй половине XII века прекращается. Эти данные, бесспорно требующие дополнений и уточнений представляют интерес в свете дальнейших исследований с привлечением материалов из музейных коллекций Нидерландов, что позволит установить более точную картину ранних контактов жителей двух стран.

[17] Там же. С. 133.

Д.Д. Гальцин
(Санкт-Петербург)

Нидерландские печатные издания XVI–XVIII веков мемориальной библиотеки Феофилакта Лопатинского из фонда редкой книги БАН

Основу мемориальной библиотеки Феофилакта Лопатинского составляют книги архиепископа Тверского и Кашинского Феофилакта Лопатинского (1670-е–1741). Личная библиотека Лопатинского содержала более 1400 томов. В 1743 году, после его смерти около 950 книг из его коллекции легли в основу библиотеки тверской семинарии. В XVIII–XX веках тверское собрание пополнялось ценными изданиями XVI–XVIII веков. Семинария была закрыта после революции 1917 года, а её книги отданы Калининскому педагогическому институту. В 1959 году редкие книги из библиотеки института были переданы в Библиотеку Академии наук. Хотя книги Лопатинского составляют лишь часть собрания, в котором более 1850 томов, оно было названо в честь тверского архиепископа[1].

Книги, напечатанные на территории современных Нидерландов, встречаются как в личной библиотеке Лопатинского, так и в «боль-

[1] О библиотеке Лопатинского см.: *Лавровский А.Н.* Феофилакт Лопатинский и его библиотека // Учёные записки Калининского государственного педагогического института. Т. 15. Вып. 1. Калинин, 1947. С. 197–210; *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время. Л., 1976. С. 266–274; *Питулько Г.Н.* К вопросу об изучении и научном описании книг из собрания Феофилакта Лопатинского // Книга в России. М., 2006. Сб. 1. С. 234–240.

шом» тверском собрании НИОРК БАН. Всего таких изданий в мемориальной библиотеке более ста. В составе личной библиотеки Феофилакта мне удалось выявить 71 экземпляр нидерландских изданий.

Почти все эти книги — на латинском языке (за исключением греко-латинских билингв). Нидерландский, язык европейских технологий, военного и морского дела, был Лопатинскому неизвестен. В настоящей статье я обращусь именно к книгам из личной библиотеки тверского архиепископа.

Нидерландские книги Лопатинского в основном происходят из трёх центров книгопечатания Соединённых Провинций — Амстердама, Лейдена и Утрехта, однако встречаются издания, напечатанные в Леувардене, Гронингене, Франекере, Дордрехте, Гааге. В коллекции более 20 изданий лейденской фирмы Эльзевиров; в составе тверской семинарской библиотеки также находилась одна (как минимум) книга лейденской мастерской Христофора Плантена (*De re militari*. Венеция, 1585).

Нидерландские книги Лопатинского можно разделить на четыре тематические группы. Во-первых, это справочные издания (словари и энциклопедии) и компендиумы по различным отраслям знаний (богословие, история, естественные науки). В петровской России, осваивавшей наследие западной культуры, существовал высокий спрос на ресурсы, способные просто растолковать сложную систему барочного мировидения, в которой огромную роль играли символы и аллегории. Лопатинский обладал роскошным изданием *Lexicon Universale* Якоба Гоффмана (Lugd. Bat., Apud Jacob. Hackium et al., 1698) — попыткой кодифицировать, по заявлению автора в заглавии, «историю священную и профанную, всякой эпохи и всякого рода; хронологию вплоть до сегодняшнего дня; географию Старого и Нового Света; правителей во всех концах земли генеалогию; мифологию, обряды, церемонии и всё, относящееся к античности...; о мужах достославных... славнейшие рассказы... а кроме того, животных, растений, металлов, камней, драгоценных камней имена, природу и свойства объяснить». К этой же категории можно отнести «Символы и емблемата» (Амстердам, 1705), которая тоже есть в собрании Лопатинского[2]. Во-вторых, Лопатинского привлекали кни-

[2] Вероятнее всего, Лопатинский приобрёл эту книгу в Москве после 1718 года (когда это издание стало массово распространяться через книготорговцев) и ранее 1723 года, когда он был назначен на тверскую кафедру (О распространении «Символов и емблемата» см.: *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 125–126).

ги по современной истории и политической географии (как правило, посвящённые описанию политического устройства европейских стран, в т.ч. Соединённых Провинций), а также истории географических открытий и морских путешествий. Яркими примерами таких книг можно считать «Описание Африки», изданное Эльзевирами (*Africanus Leo, J.* ...Africae Descriptio... Lugd. Batav., Apud Elzevir, 1632) и мемуары Йохана Ниухофа о его посольстве в Китай (*Nieuhovius J.* Legatio Batavica ad Magnum Tartariae Chamum Sungteium, Modernum Sinae Imperatorem... Amstelodami, Apud Jacobum Meursium, 1668). В-третьих, в библиотеке можно обнаружить нидерландские издания античной классики (Аммиана Марцеллина, Юлия Цезаря, Тацита, Марциала, Полибия) и творений отцов церкви и древних церковных писателей. Наконец, голландские издания представлены работами по богословию и философии XVI–XVII веков, причём католические и протестантские авторы представлены практически в равной степени. В этой категории особенно примечательно эльзевировское издание «Разговоров запросто» Эразма (*Erasmus Desiderius Roterodami*. Colloquia... Lugduni Batavorum, Ex officina Elzeviriana, 1636). Отдельно отметим экземпляр эльзевировского издания «Начал философии» Декарта (Амстердам, 1672), который, прежде чем попасть в библиотеку Лопатинского, принадлежал его духовному отцу Стефану Яворскому. Яворский в свойственной ему манере оставил на титульном листе этого издания владельческую надпись и эпиграмму (очевидно, обращённую к автору книги): «Barbara Pyramidum sileat Miracula Memphis / Tu Orbis Prodigium quem saecula nulla tacebunt» («Да молчит Мемфис о варварском диве [своих] пирамид, / Ты чудо света, которое никогда не умолкнет в веках»)[3]. Несмотря на скептическое отношение Яворского к новоевропейской учёности, авторитет Декарта, по-видимому, был привит как ему, так и его младшему современнику Лопатинскому в Киево-Могилянской академии, где французский философ был известен прежде всего своей рациональной аргументацией в пользу бытия Бога[4].

Особый интерес представляют пометы, оставленные на изданиях владельцами. Лопатинскому принадлежал конволют, составленный из латинских изданий о сохранении здоровья с дарственной надписью:

[3] *Descartes René*. Principia Philosophiae... Amstelodami, Apud Danielem Elzevirum, 1672. Экз. НИОРК БАН. Библиотека Феофилакта Лопатинского. 913–918-л., тит. л. Алл. 1: «Ex Libris Stephani Jaworski Indignissimi Metropolitae Riazanensis et Muromiensis». Первая строка эпиграммы — цитата из Марциала (De spectaculis, I, 1).

[4] См.: *Панибратцев А.В.* Философия в Московской славяно-греко-латинской академии (первая четверть XVIII века). М., 1997. С. 49–50.

«Plurimum Reverendo & Clarissimo Viro, Domino Joanni Christophoro Radowiskj, Ecclesiastae Legationis Muscoviticae pro tempore Hagae Comitis meritissimo Fautorique meo aetatem honoratissimo, cum omnigenae prosperitatis voto, in novi Anni auspicium, huncce librum 1701 dono dat Joan[n]es Aegidius Eúth Med. Dr»[5]. Автор надписи — известный немецкий врач Иоганн Эгидий Ойт (ум. после 1714), практиковавший в Гааге[6].

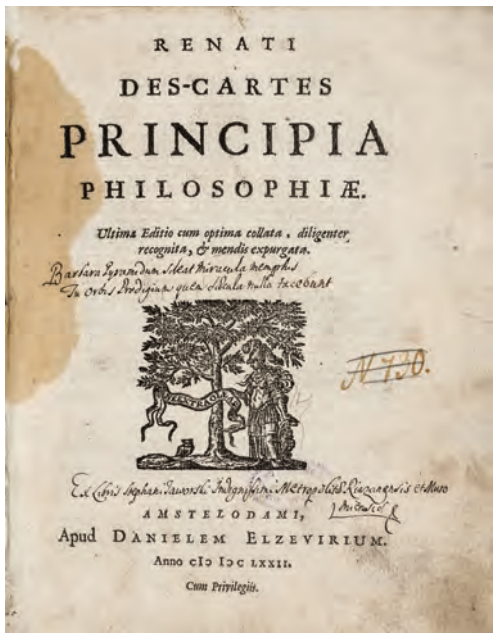
На экземпляре изданных во Франекере «Увещеваниий» епископа Нила Синайского на древнегреческом и латинском языках есть владельческая запись по-гречески:
«Ἐκ βιβλιοθήκης τοῦ γραμματοδιδασκαλίου τῆς Τβερίας»
(«из библиотеки грамматического училища Твери»)[7]. То, что надпись сделана по-гречески, и то, что тверское учебное заведение обозначено как «грамматическое училище»[8], указывает на автора надписи — учителя тверской школы Ивана Евдокимова (ум. после 1757), который безуспешно стремился организовать в Твери преподавание греческого языка. Евдокимов, учившийся в Новгороде в школе Лихудов, называл себя «грамматистом». Поскольку речь идёт о библиотеке школы, а не о библиотеке архиерея, можно утверждать, что она сделана после 1743 года, когда библиотека покойного

[5] Arnold de Villeneuve, Curio J. Medicina Salernitana: Id est, conservandae bonae valetudinis praecepta, cum luculenta et succincta a Arnoldi Villanovani in singula capita Exegesi, per Iohannem Curionem recognita & repurgata... Francofurti: J. Saurius, 1612. Экз. НИОРК БАН. Библиотека Феофилакта Лопатинского. 586–588-л., (алл. 1), надп. на об. тит. л. («Почтенному и знаменитейшему мужу господину Иоанну Христофору Радовицкому [?], духовнику [?] московитского посольства, когда оно находилось в Гааге, моему достойнейшему благодетелю навеки, с пожеланием всяческого процветания, в ознаменование нового года сию книгу 1701 дарит Иоанн Эгидий Ойт, доктор медицины»).

[6] О нём: Niew Nederlandsch Biografisch Woordenboek. Red. P.C. Molhuysen et al. Leiden: A.W. Sijthoff's Uitgevers-Maatschappij, 1911. Deel 1. P. 835. Ср. автограф Ойта в альбоме Ференца Парис-Папай: «Sic ad latus veteris sui Amici DN. PHILOTHECARIO hunc sinceri amoris cippum, cum omnigenae prosperitatis voto erigere debuit, voluit Hagae Comitis die 2. Decembr. 1714». The Album Amicorum of the European Peregrination of Franciscus Páriz Pápay 1711–1726 / ed. M. Roszondai. P. 192. URL: http://ppf.mtak.hu/en/042a.htm

[7] *Νειλος*. Νειλου επισκοπου Παραινεσεις Nili Episcopi Admonitiones In Latinam linguam traductae... Operâ et labore Stephani Schoning. Franekerae: A. Radaeus, 1608. Экз. НИОРК БАН. Библиотека Феофилакта Лопатинского. 52-л., надп. на заднем форзаце.

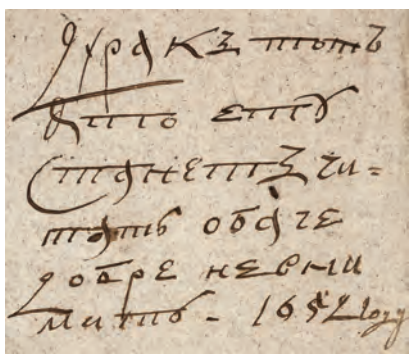
[8] В пометах XIX века (латинских и русских), оставленных на книгах тверского собрания, учебное заведение именуется не иначе, как «семинария».

RENATI
DES-CARTES
PRINCIPIA
PHILOSOPHIÆ.
Ultima Editio cum optima collata, diligenter recognita, & mendis expurgata.
AMSTELODAMI,
Apud DANIELEM ELZEVIRIUM.
Anno cIↃ IↃC LXXII.
Cum Privilegio.

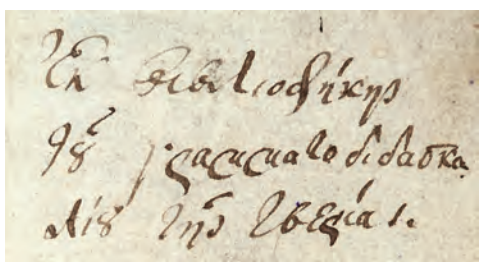
Владельческая надпись и эпиграмма, оставленные Стефаном Яворским на титульном листе «Начал философии» Р. Декарта. Амстердам, 1672

DANIELIS HEINSII
ORATIONVM
EDITIO NOVA;
Tertia parte auctior; cæteris sic recensitis, vt alia videri possit.
LVGDVNI BATAVORVM,
Ex Officinâ BONAVENTVRÆ & ABRAHAMI ELZEVIR. Acad. Typogr.
cIↃ IↃC XXVII.

Титульный лист «Речей» Даниэля Хейнсия. Лейден, 1627. Видна характерная для библиотеки Лопатинского владельческая помета: «Ex Cathedrali Bibliotheca Episcopi Tferensis»

Помета 1652 года на крышке переплёта экземпляра «Речей» Даниэля Хейнсия. Лейден, 1627

Греческая помета на сборнике «Увещеваний» епископа Нила (Франекер, 1608), предположительно выполненная учителем тверского духовного училища Иваном Евдокимовым

Дарственная надпись, выполненная Иоганном Эгидием Ойтом (Гаага) в 1701 году на обороте титульного листа «Medicina Salernitana» Арнольда из Виллановы (Франкфурт, 1612)

Титульный лист «Разговоров запросто» Эразма Роттердамского, издания Эльзевиров. Лейден, 1636

Лопатинского указом синода была отправлена в Тверь на нужды учащихся. Известно, что архиепископ Митрофан Слотвинский в ноябре 1745 года постановил в целях проверки квалификации Евдокимова как учителя греческого «велеть ему переводить с учениками» греческие книги духовного содержания. Сначала Евдокимов и его воспитанники переводили сочинения Афанасия Александрийского, но уже зимой 1746 года архиепископ, недовольный переводом и подозревая, что Евдокимов делает всю работу сам, стал давать для перевода другие книги. «Увещевания» Нила вполне могли быть одним из томов, предназначавшихся для учебного перевода. Об этом свидетельствуют и многочисленные пометы в тексте книги — перевод греческих слов на латинский, значки, свидетельствующие о сличении параллельных греческой и латинской версий текста. Владельческая надпись вряд ли была сделана позже 1753 года, когда преподавание греческого в тверской семинарии было на длительное время прекращено[9].

Экземпляр эльзевировского издания речей голландского гуманиста Даниэля Хейнсия (1580–1655) интересен пометой, оставленной на крышке переплёта русским владельцем: «дуракъ тотъ кто ету станетъ читать обаче добре невнимить. 1652 году»[10]. Датировка записи указывает на то, что книга, возможно, принадлежала кому-то из представителей кружка Фёдора Ртищева, стремившихся овладеть греческим и латинским языками[11]. В любом случае, примечательна положительная оценка книги протестантского автора, высказанная русским читателем середины XVII века.

Нидерландские издания из библиотеки Феофилакта Лопатинского дают нам представление о том, как «голландское» течение петровской эпохи, которое у нас ассоциируется с преобразованиями, воспринималось одним из главных сторонников «старины», духовным сыном Стефана Яворского. Можно заключить, что ни-

[9] *Колосов В.* История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. О Евдокимове: 14–43; об учебных переводах: 33–34; Nili Episcopi Admonitiones, пометы на с. 5, 67, 68, 86, л. сигн. B5.

[10] *Heinsius D.* Danielis Heinsii Orationum editio nova... Lugduni Batavorum: ex officina Bonaventurae & Abrahami Elzevir, 1627. Экз. НИОРК БАН, Библиотека Феофилакта Лопатинского, 325-л., надп. на старой крышке переплёта.

[11] Такое предположение высказала Елена Алексеевна Савельева, ведущий научный сотрудник НИОРК БАН. Ртищев, воспитатель царевича Алексея Алексеевича, подбирал его библиотеку, в которой имелось 86 книг на иностранных языках (*Луппов С.П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 114).

дерландские издания в первую очередь служили Феофилакту Лопатинскому в качестве справочной литературы преимущественно в светских областях. Трудно сказать, каким образом Лопатинский приобретал эти книги; на примере вышеприведённых владельческих записей, видно, что они приобретались у прежних частных владельцев[12].

[12] Как замечает С.П. Луппов: «Необходимые иностранные книги обычно пытались найти в Прибалтике или выписывали из-за границы через иностранных купцов, а также русских людей, отправлявшихся в зарубежные страны». В начале XVIII века иностранными книгами неохотно торговали в торговых рядах; легче было их купить у живших в России иностранцев (*Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 128).

В.П. Леонов,
Е.А. Савельева
(Санкт-Петербург)

Русско-нидерландские книжные связи XVII–XVIII веков по фондам БАН

Россия и Нидерланды –представляющая огромный интерес тема, к которой на протяжении трёх столетий обращаются учёные разных стран. Русско-голландские или русско-нидерландские связи не только являются предметом самостоятельного исследования учёными, занимающимися историей России XVII–XVIII веков. Этой теме посвящена огромная литература, как на русском, так и на других европейских языках, в том числе и на нидерландском. Она приобрела особое значение связи с юбилейными датами в жизни России и Нидерландов, во-первых, в связи с празднованием трёхсотлетия Великого Посольства 1697–1698[1], во-вторых, в связи с приближающимся трёхсотлетием открытия в Петербурге Библиотеки и Кабинета редкостей (Кунсткамеры), первого в России учреждения западноевропейского образца[2]. Эта дата будет отмечаться в 2014 году, и особую роль в подготовке к юбилею начинают играть исторические фонды Библиотеки Академии наук, которая хранит уникальные материалы, относящиеся к русско-голландским и голландско-русским книжным связям XVI–XX веков. Основанная по распоряжению Петра I Библиотека, получившая в дальнейшем название Биб-

[1] Подробно библиография, посвящённая этому событию, изложена в книге: *Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. СПб., 2008.

[2] *Бакмейстер И.В.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетебургской императорской Академии наук изданной Жаном Бакмейстером подбиблиотекарем Академии наук. СПб., 1779. С. 32.

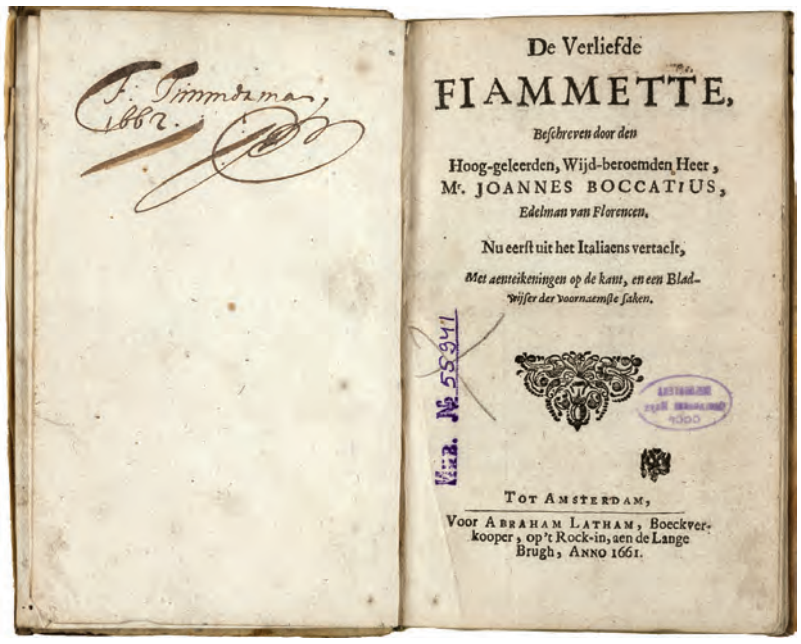
лиотеки Академии наук (БАН), хранит в своих фондах уникальные памятники голландской книжной культуры (рукописные и печатные), свидетельствующие о многочисленных контактах русских и голландцев. Хранящиеся здесь книги часто сохраняют сведения как об исторических событиях, так и отдельных личностях — купцах, шкиперах, судостроителях, военных и многих других, приезжавших в восточное государство в поисках удачной карьеры. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что при своём посещении Амстердама Пётр I особое внимание уделял не только судостроению, которое и явилось первым стимулом заставившим его посетить Голландию или Соединённые Нидерландские штаты — официальное название Нидерландов в XVII — начале XVIII века, когда это государство становится крупной морской державой.

В это время Голландия также играет роль общеевропейского центра по производству и распространению печатной продукции в Западной Европе. С середины XVI века голландские книги, гравюры, карты и атласы начинают проникать в Россию, прежде всего благодаря укреплению торговых и военных связей между обоими государствами. Во второй половине XVII века книжные связи с Голландией укрепляются. В это же время, когда в России появляются зачатки промышленности, была сделана попытка судостроения — знаменитый корабль «Орёл» строился голландцами при царе Алексее Михайловиче.

В XVII — начале XVIII века средоточием европейской культуры в Москве выступала Немецкая слобода, жителями которой являлись люди разных национальностей, включая голландцев[3]. В их среде книги, которые они привозили с собой, а возможно, и небольшие библиотеки, были обычным явлением. Примером могут служить такие известные голландцы, как купец и промышленник, основатель Тульского железоделательного завода А.Д. Виниус и купец и общественный деятель Франц Тиммерман, который первым приохотил Петра I к морскому делу[4]. Рассказы Тиммермана о голландском мореплавании послужили одним из стимулов, заставивших Петра предпринять первое путешествие русского царя в Западную Европу. И семейство Виниусов, и Тиммерман были образованными

[3] *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998.

[4] В библиотеке Я.В. Брюса находилась книга: «Boccaccio Giovanni. De verliefde Fiammetta» с автографом Тиммермана. *Савельева Е.А.* Библиотека Я.В. Брюса. Л., 1989. С. 275–276. № 681. 6415.f./31942.R.

Илл. 1. Автограф Франца Тиммерманна на голландском издании новеллы Дж. Боккаччо «Влюблённая Фиаметта»

людьми, имевшими собственные книжные собрания, о чём свидетельствуют их автографы на хранящихся в БАН книгах. Одна из книг, принадлежавших Тиммерману с его автографом — роман Д. Боккаччо «Влюблённая Фиамметта», попала в библиотеку генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса [илл. 1].

Огромную роль в укреплении русско-голландских, в том числе книжных, связей сыграло Великое Посольство, участие в котором позволило Петру I увидеть на месте известное ему по рассказам очевидцев. Знакомство не только с судостроителями, но и с голландскими учёными и владельцами библиотек, при которых обычным для Европы явлением были кабинеты редкостей, стало тем толчком, который привёл впоследствии к открытию в Петербурге общедоступной библиотеки и кабинета редкостей, а затем и первого в истории России научного учреждения — Академии наук. Описания библиотек и кабинетов редкостей, печатавшиеся в Амстердаме, были не только известны Петру. Описания коллекций Якоби Вильде, О. Ворма и пр. вместе с другими книгами, которые по заданию царя в Амстердаме подобрал для библиотеки Петра I Ю. Кологривцев (Кологривов), в 1717

Илл. 2. Переплёт книги Афанасия Кирхнера «Ars Magna» (Амстердам, 1669) с суперэкслибрисом царя Фёдора Алексеевича

году были привезены в Петербург купцом Б. Лебедниковым, о чём свидетельствуют записи на самих книгах.

В России голландская книга на голландском языке начинает распространяться при Петре I. К середине XVII века при царе Алексее Михайловиче издания нидерландских типографов и издателей, в основном на латинском языке, начинают появляться в небольших по европейским меркам книжных собраниях таких москвичей, как Ф.М. Ртищев и Б.И. Морозов.

Голландская книга нашла почитателей и среди царских детей — Алексея Алексеевича, Фёдора Алексеевича, а затем и самого Петра Алексеевича. Это издания чаще всего по географии и картографии, такие как атласы известных голландских книготорговых фирм Блау и Яна Янссония[5]. В собрании царя Фёдора Алексеевича наряду с другими хранился атлас Я. Янссония «Описание всех городов Верхней Германии», опубликованный фирмой Блау в характерном для неё переплёте. Именно этот атлас по косвенным признакам позволил определить владельца первого в истории книжного дела в России суперэкслибриса — царского герба, как царя Фёдора Алексеевича. Суперэкслибрисы уже в Москве были нанесены на готовые переплёты в конце 70-х – начале 80-х годов XVII века [илл. 2].

[5] В собрании книг царя Фёдора Алексеевича с его суперэкслибрисами имелись атласы: *Sanderus A.* Flandria illustrata. (Colonia Agrippina, 1641) (Фландрия иллюстрата) и многотомный атлас И. Янсония: Описание всех городов Верхней Германии (*Janssonius.* Urbium totius Germania Superiorum Illustrissimorum clarimorumque Tabula antiqua et novae accuratissimo elaboratae. Amsterdam, 1657). См. *Савельева Е.А.* Книги Аптекарского приказа. СПб., 2006. № 96 и 60.

Таким образом, предпосылки для обращения Петра к голландцам как к книжным людям закладывались уже в XVII веке. Стремление поставить Россию в один ряд с европейскими государствами заставило русского царя обратиться к голландским издателям с предложением об издании книг для России. Однако он предпочёл обратиться с этим предложением не к знаменитым типографам, а к человеку, который согласился бы с его предложением печатать книги для России.

Среди посещавших Россию в конце XVII века иностранцев были многочисленные голландские купцы, в большинстве своём люди образованные и книжные. С одним из них, Яном Тессингом Пётр находился в дружеских отношениях. Тессинг неоднократно приезжал в Архангельск, где и встретился с Петром I. Во время Великого посольства их знакомство продолжилось в Амстердаме. Пётр счёл Тессинга подходящей кандидатурой на роль издателя книг для России и поручил ему основание первой типографии для печатания книг на русском языке. В обязанности Тессинга входило также распространение этих изданий в России. Поручение было подкреплено жалованной грамотой, важным пунктом которой являлось следующее: Тессинг должен был печатать «земные и морские картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математические, и архитектурные, и градостроительные, и всякие ратные и художественные книги на славянском и латинском языках вместе, тако и славянским и голландским языком по особне, от чего б русские подданные много службы и прибытка могли получити и обучатися во всяких художествах и ведениях»[6].

Исключение было сделано для церковных книг, потому что «книги церковные, славянские и греческие, со исправление православного устава восточныя церкве, печатаются в нашем царствующем граде Москве»[7]. Первая книга из типографии Я. Тессинга «Введение краткое во всякую историю» вышла в свет в 1699 году. Типография Я. Тессинга–И. Копиевского, просуществовавшая до 1701 года, напечатала всего 15 книг.

Очень скоро стало ясно, что даже упрощенный кириллический шрифт не приспособлен к изданию научной и учебной книги, как и кириллические буквенный цифры, которые в рукописных документах, связанных с подсчётами, уже с середины XVII века пытались заменить арабскими цифрами. Первым опытом печатной книги с та-

[6] *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1762. С. 12.
[7] Там же. С. 11.

Илл. 3. Карандашный портрет амстердамского бургомистра Никлааса Витсена из «Альбома Виниуса». НИОР БАН

кими цифрами было «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (Москва, 1647). Но для этого издания цифры, так же как и латинские буквы, употреблённые в гравюрах, напечатанных в Голландии, были изготовлены в виде отдельных штампов и впечатывались в готовый набор. Таким образом, назревала шрифтовая реформа, инициатором которой выступал непосредственно Пётр I[8].

При посещении Голландии у Петра нашлось там множество помощников среди учёных и образованных людей. Он возобновил своё знакомство с бургомистром Амстердама Никлаасом Витсеном [илл. 3], интерес которого к России, особенно к Сибири, был чрезвычайно велик. Витсен известен как издатель большой карты Сибири, а также обстоятельным её описанием, впервые вышедшим в 1692 году. Оба издания составлены по русским материалам, предоставляемым Витсену информаторами из России. Среди них был дьяк Посольского приказа А.А. Виниус, долгое время стоявший во

[8] По подготовленным в Москве рисункам в Амстердаме была отлита первая гарнитура, впоследствии названная гражданским шрифтом. См.: *Берков П.Н.* Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII в. // Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1755. С. 11–39.

HOLLANDTSE
MERCURIUS;
Vervatende
De gedenckwaerdigſte Voorvallen
In EUROPA.
In 't Iaer 1660.
ELFDE DEEL.
Si præteritarum memineris, & de futuris rectius conſtituis.
TOT HAERLEM,
Gedruckt by PIETER CASTELEYN, Boeck-drucker op de Marckt, in de Croon. Anno 1661.

Илл. 4. Титульный лист «Голландского Меркурия на 1660 год» с автографом А.А. Виниуса

главе Сибирского приказа, близкий друг амстердамского бургомистра. Семейство Виниусов поддерживало постоянные контакты с Амстердамом, о чём свидетельствует то обстоятельство, что издававшиеся в этом городе книги почти сразу же попадали в их библиотеку. Виниусы получали и популярный в Голландии иллюстрированный журнал «Голландский Меркурий», включавший в себя сведения обо всех важнейших европейских событиях [илл. 4].

Большую библиотеку с кабинетом редкостей Пётр I увидел у амстердамского учёного и библиофила Якоба де Вильде, который впоследствии опубликовал книгу своей дочери, гравюра на фронтисписе которой изображала владельца библиотеки вместе с русским царём[9].

В Амстердаме русский царь свёл знакомство со многими учёными, коллекции которых ныне составляют часть Петровской Кунсткамеры, и прежде всего, с Ф. Рюйшем и А. Себой.

Пётр I настолько заинтересовался рисунками цветов и насекомых художницы Марии Сибиллы Мериан, что приобрёл несколько её живописных листов. В настоящее время эти рисунки пользуются большой популярностью, если судить по числу альбомов, которые появились во многих европейских странах, включая Россию. Менее известен её альбом гравюр, изданный в Амстердаме около 1717 года, к которому приложен последний портрет Марии Сибиллы Мериан [илл. 5].

Одним из самых популярных видов изданий в европейских странах с начала книгопечатания, были описания путешествий в экзо-

[9] *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус: 1641–1716. М., 2007. С. 389–405.

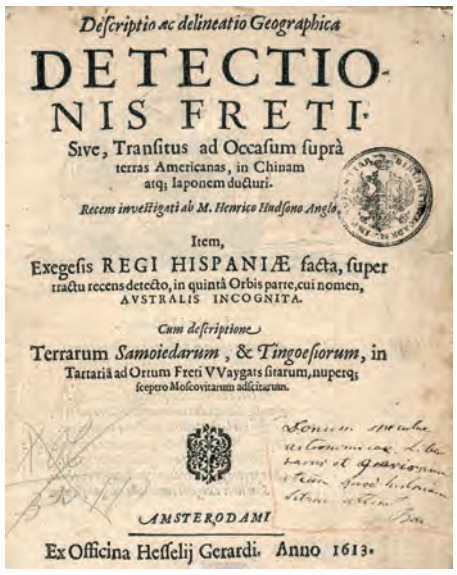

Илл. 5. Портрет Марии Сибиллы Мериан из издания гравюр по её рисункам

тические страны, включая Россию, которые нередко составлялись по личным впечатлениям. Путешествия по России привлекали внимание и русских собирателей. Голландские путешественники не были исключением. Их сочинения довольно часто встречались в русских библиотеках, начиная с XVII века.

Первым сообщением о сибирских народах, появившимся в Западной Европе, были отрывки из описания путешествия на Восток голландского торговца шелком Исаака Массы, который прибыл в Московию в 1601 году, а вернулся в Голландию в 1609. Он был свидетелем событий начала XVII века, получивших в истории названия смуты. Масса знал русский язык, что помогло ему в работе над описанием событий, свидетелем которых он оказался. С 1610 года Масса начал работать над записками о Московии «Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 г.», которые увидели свет только в XIX веке. Однако его описание сибирских народов привлекло внимание известного издателя Гесселя Герритса, который в 1613 году в Амстердаме в своём иллюстрированном сборнике опубликовал две статьи Массы «Описание земли самоедов в Татарии», к которым прилагалась карта побережья Северного Ледовитого океана с островами и полуостровами. Экземпляр этой книги на титульном листе имеет автограф И.В. Бакмейстера, автора «Опыта о библиотеке и Кунсткамере [илл. 6].

В русских собраниях начала XVIII века часто встречалась книга Корнелиса де Брюина, включавшая описание пути через Московию в Персию, как на голландском, так и в переводах на европейские языки. Голландское издание этой книги имелось у А. Виниуса

Descriptio ac delineatio Geographica
DETECTIO-
NIS FRETI·
Sive, Transitus ad Occasum suprà
terras Americanas, in Chinam
atq; Iaponem ducturi.
Recens investigati ab M. Henrico Hudsono Anglo.
Item,
Exegesis REGI HISPANIÆ facta, super
tractu recens detecto, in quintâ Orbis parte, cui nomen,
AVSTRALIS INCOGNITA.
Cum descriptione
Terrarum Samoiedarum, & Tingoesiorum, in
Tartariâ ad Ortum Freti VVaygats sitarum, nuperq;
sceptro Moscovitarum adjectarum.
AMSTERODAMI
Ex Officina Hesselij Gerardi. Anno 1613.

Илл. 6. Титульный лист книги Гесселя Герритса с автографом И.В. Бакмейстера

и у Я.В. Брюса. Корнелис Брюин был не только путешественником и писателем. Талант художника позволил ему приложить к своей книге множество изображений городов, бытовых сцен, портретов и т.п. В сентябре 1701 года он прибыл в Архангельск, затем через Вологду и Ярославль отправился в Москву. Он имел при себе рекомендательные письма Никлааса Витсена к Петру I, вместе с которым посетил Воронежскую корабельную верфь. В 1703 году Брюин выехал из Москвы и по рекам Москве, Оке, Волге взял путь на Астрахань, описание и изображение которой имеются в его книге. Затем отправился в Персию. Маршрут де Брюина в общем повторяет маршрут Адама Олеария 40-х годов XVII века. По пути он делал зарисовки, которые, награвированные Б. Пикартом, были включены в его книгу.

В правление Петра I культурные связи России с Голландией не прерывались. Известно, что из всех европейских языков русский царь предпочитал голландский и хотел, чтобы всё русское общество обучилось этому языку. С этой целью он задумал издать полную Библию на голландском и русском языках. Первым опытом подобного издания был Новый Завет с параллельными текстами, причём голландский текст печатался в Амстердаме в 1711 году, а русский собирались допечатать в Петербурге в Санктпетербургской типографии в 1712 году. Опыт оказался неудачным: русский и голландский тексты не совпали. Как видно, печатанье русского текста было прекращено, и поэтому в библиотеках обыно встречаются экземпляры с голландским текстом в левом столбце и с пустым правым столбцом[10].

[10] Книга Евангелие напечатася языком российским. Повелением царского величества. [Т. 1–2]. [СПб.], 1718–1719.

Долгое время в России Петровского времени работал голландский гравёр Адриан Шхонебек, известный своими многочисленными работами в Москве и Петербурге. Меньше известны его издания, появившиеся в Голландии до его переезда в Россию. Одна из таких небольших книжечек о кавалерах мальтийского ордена любопытна не столько своим содержанием и иллюстрациями, сколько тем, что на её форзаце один из представителей амстердамской книготорговой династии Ветстейн оставил характеристику этого издания. Он обращался к герцогу Радзивиллу со следующим сообщением: «Что касается *Военного ордена* Шхонебека, то мне удалось отыскать лишь один переплетённый экземпляр, причём не очень новый, поскольку за него запросили только 7 франков 10 сантимов. Смотрите, устроит ли вас эта цена. У меня эта книга не вызывает особого уважения, поскольку это перевод из “Истории Кавалеров всех орденов” Джустиниани, напечатанной в Венеции со всеми гербами и девизами. Шхонебек только добавил изображения кавалеров в одеяниях, заимствованных у своей собственной невероятной фантазии. — Ветстейн».

В Амстердаме уже позднее, в 20-х годах XVIII века завязались контакты с известным голландским книгопродавцем и переплётчиком Везенбергом, которому заказывали переплёты для отправлявшихся в Россию изданий, сначала, видимо, по распоряжению начальника над Библиотекой и Кунсткамерой лейб-медика Петра I Р.К. Арескина, а позже, после основания в Петербурге Академии наук, по распоряжению Академической канцелярии[11].

Известные в России в петровское и послепетровское время владельцы библиотек (Я.В. Брюс, А.А. Виниус, меньше Р.К. Арескин и др.), чьи собрания позже влились в основанную Петром I в 1714 году первую общедоступную библиотеку западноевропейского образца (ныне БАН), также собирали книги на голландском языке, причём не только научную и справочную литературу, но и художественную. Примером могут служить библиотека Виниусов, вкючавшая полное собрание сочинений известного голландского поэта и переводчика И. Вондела[12] и отчасти Я.В. Брюса, в библиотеке которого имелась новелла Д. Боккаччо «Влюбленная Фиаметта»[13].

[11] Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 458.

[12] *Vondel J.* PoëzyofverscheideGedichten. Franeckerk, D. 1–2. Franekerk, 1682.

[13] Boccaccio Giovanni (1313–1375). De verliefde Fiammette, beschreven door den Hoog-geleerden, weijd-beroemden Heer, Mr. Johannes Boccatius. Amsterdam, 1661.

Библиотеки Виниуса и Арескина вошли в состав «Библиотеки его Величества» соответственно в 1718 и 1719 годах. Библиотека Брюса поступила в «Библиотеку её императорского величества» в 1736–1737, когда это учреждение уже было присоединено к Петербургской Академии наук.

Голландские книги в большом количестве были и в собрании императора Петра I, который отдавал предпочтение научным и архитектурным изданиям. В начале XVIII века, когда на берегах Невы началось строительство новой столицы, архитектурные увражи пользовались спросом у многих русских собирателей того времени. Не обошёл русский царь и популярную в Голландии богато иллюстрированную раскрашенными от руки гравюрами книгу Карела Алларта «Новое голландское корабельное строение», напечатанную автором в Амстердаме в 1705 году. В том же году два экземпляра этой книги были присланы из Гааги в Москву А.А. Матвеевым; в 1709 году книга была переведена на русский язык и напечатана в Москве гражданским шрифтом с сохранением всех иллюстраций (гравюры П. Пикарта), также раскрашенных от руки.

Интересно отметить, что в частных собраниях, ведущих своё происхождение с начала XVIII века, кроме атласов и иллюстрированных изданий, почти не было, трудов таких знаменитых голландских издателей и типографов, как антверпенская фирма Плантена (нынешняя Бельгия в XVI–XVIII веках являлась частью Нидерландов), или знаменитые Эльзевиры, например, серия «Республики» и др., которые в позднейшее время стали предметом коллекционирования.

Практика комплектования фондов Библиотеки Академии наук из частных и общественных книжных собраний сохранилась, вплоть до настоящего времени. Она позволила сосредоточить в фондах БАН произведения знаменитых голландских учёных и графиков в оригинальных голландских изданиях. В XVIII–XX веках сюда попали издания антверпенского типографа и издателя Х. Плантена, основателя известной фирмы «Дом Плантена», просуществовавшей до середины XVIII века. Издания голландской фирмы Эльзевиров поступили в БАН по преимуществу из частных собраний, хотя некоторые тома из серии «Республики» были заказаны для БАН в Голландии ещё до 1736-го года[14]. Большая часть изданий на голландском языке поступала в БАН на протяжении XIX–XX веков.

Ещё одна область — владельческие пометы и следы чтения на книгах — является бесценным материалом по истории бытования книг в России, иногда в них содержатся материалы к биографии авторов и собирателей. Всё это позволяет говорить о БАН как о хранительнице бесценных сокровищ, в том числе голландских, всё ещё ожидающих своих исследователей.

[14] Эти тома из серии «Республики» были включены в первый печатный каталог Библиотеки её имп. Величества (БАН), получившего название Камерный каталог. Известно, что в него вошли описания книг, поступивших до 1736 года.

Е.А. Савельева
(Санкт-Петербург)

Голландская книга в собрании А.А. Виниуса

Герб Виниусов (зеркало)

В 1718 году в Библиотеку его Величества (ныне БАН) поступило собрание сподвижника Петра Великого, занимавшего множество ответственных должностей, в том числе первого начальника над почтами в России, переводчика, основателя Тульских заводов и т.д., А.А. Виниуса (1641–1716)[1]. Известно, как важно было для Петра организовать изучение голландского языка в России. Непосредственную помощь в этом могли оказать нидерландские связи и книги Виниуса. Поэтому его собрание не сразу было отдано в открытую в Петербурге для всеобщего пользования в 1714 году Библиотеку его Величества. Именно под подобным названием, в котором менялась только при-

[1] Точная дата смерти А.А. Виниуса — 8 ноября 1716 г. — была установлена И.Н. Юркиным по архивным материалам. См.: *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус: 1641–1716. М., 2007. С. 476.

надлежность, и добавлялось прилагательное «императорская». Скорее всего, Пётр I хотел познакомиться с собранием Виниуса подробнее, поэтому его передача в Петербургскую библиотеку было отложено до 1718 года.

В настоящее время известно 313 изданий, входивших в его собрание, что составляет ту часть библиотеки, которая хранится в центральном здании Библиотеки Академии наук. Из этого числа более 200 экземпляров напечатаны либо в Голландии, либо на голландском языке в основном в XVII веке. Известно, что в это время Нидерланды печатали книги не только для себя, но и для многих стран и частных лиц всей Европы.

Об особом интересе к библиотеке Виниусов свидетельствует наличие нескольких описей этого собрания. Самой полной является опись, хранящаяся в РГАДА, составленная вскоре после смерти А.А. Виниуса. Вторая, известная в настоящее время опись находится в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук. Она представляет собой копию 50-х годов XVIII века с несохранившегося оригинала, составлявшегося в стенах этого учреждения в начале 30-х годов по распоряжению Сената. Опись не была закончена, поскольку примерно в то же время началась работа над полным каталогом Библиотеки её имп. Величества, оконченная в 1744 году[2].

Поступившее в Петербург книжное собрание Виниусов не предполагалось хранить как единое целое. В крупных библиотеках в то время книги чаще всего расставлялись по «материям», т.е. в систематическом порядке. С самого своего начала Библиотека его Величества дублетов не хранила, видимо, из-за отсутствия места. Вторая причина распыления многих частных собраний, входящих в настоящее время в БАН, заключается в том, что в течение долгого времени её фонды использовались для организации библиотек вновь открываемых институтов Академии наук, таких как Зоологический и Ботанический институты, Азиатский музей и т.д., БАН должна была также выделять свои фонды, не всегда дублетные, для восполнения или организации таких университетских библиотек, как библиотека Московского университета, сгоревшая во время пожара Москвы в 1812 году, или библиотека (1829 год) Хельсинского университета[3]. В университет попали и книги по теологии и юриспруденции из собрания Виниусов.

---

[2] *Юркин И.Н.* Указ. соч.

[3] Collection donated by the Academy of Sciences of St. Petersburg to the Alexander University of Finland in 1729. An Annotated Catalogue Compiled by Sirkka Havu and Irina Lebedeva. Helsinki University Library, 1997. P. 141–151.

Хотя в «Альбоме Виниуса» имеется изображение герба голландских Виниусов, этот герб ни разу не был использован в качестве экслибриса. Свидетельством о принадлежности книг Виниусам служат разновременные записи. Часть из них — автографы отца Андрея Андреевича Андрея Денисовича Виниуса, самого Андрея Андреевича и его сына Матвея Андреевича. Другая часть — в частности, инициалы «A.W.», появились при составлении описи в стенах Библиотеки его Величества. Однако номера при этих инициалах не совпадают с описью, хранящейся в СПФ АРАН, что свидетельствует об их более раннем происхождении.

Анализ книг из собрания Виниусов подтверждает предположение, что собрание было фамильным и ведёт своё начало с приезда А.Д. Виниуса в Москву, т.е. с первой половины XVII века.

Наличие постоянных связей Виниусов с Голландией, главным образом с Амстердамом, подтверждает и знаменитый «Альбом Виниуса», большая часть которого, разнообразные карандашные и иные наброски и гравированные листы, связаны с Голландией. Возникновение этого памятника можно связать с тем, что А.А. Виниус известен также как распространитель голландской гравюры в Москве.

Большая часть голландских книг была прислана в Москву из Амстердама от близкого друга семейства Виниусов амстердамского губернатора Н. Витсена, с которым поддерживал тесные связи и Пётр I. Будучи начальником Сибирского приказа, А.А. Виниус разделял интерес Витсена к истории и картографии Сибири и помогал ему в сборе материалов. Все известные труды С.У. Ремизова об этом крае были подготовлены по распоряжению Виниуса[4].

Библиотека Виниусов в Немецкой слободе не была единственной, хотя, скорее всего, книжные собрания были невелики и сведения о них, как правило, сохранились в воспоминаниях и записках обитателей слободы. Книжное собрание Виниусов привлекло внимание Петра I своей исключительностью. Оно не было стихийно сложившимся, о планомерном наполнении свидетельствует, прежде всего, его состав. У Виниусов в отличие от их современников находились многочисленные издания документов, посвящённых истории Нидерландов и их колоний, описания путешествий и даже история пиратства в Атлантическом океане.

[4] *Wladimiroff I.* Andries Winius and Nicolaas Witsen, Tsar Peter's Dutch Connection // Around Peter the Great: Three Centuries of Russian-Dutch Relations. Groningen, 1997. C. 8–9.

Грамматика Ричарда Дафорне (Амстердам, 1627)
с разновременными записями

Хранилась в библиотеке Виниусов 12-томная подборка документов о нестроениях в Голландии в 1621–1632 годы, опубликованная в Гааге в 1669–1699 годы со многими иллюстрациями, планами и картами.

О времени поступления многих книг в библиотеку Виниусов можно только предполагать, но некоторые записи в них содержат прямые или косвенные указания на время поступления в библиотеку. В грамматике Дафорне[5] есть несколько записей на русском языке. Первая, полууставом, является переводом заглавия: «Книга глаголемая Грамматика», и не идентифицирована. Вторая сделана почерком А.А. Виниуса: «Книга Посолского приказу переводчика Андрея Виниюса». Книга могла попасть к нему около 1664–1665 годов, когда он служил переводчиком Посольского приказа. Видимо, в то же время попали к Виниусу и экземпляры «Голландского Меркурия», переплетённые в Посольском приказе.

[5] *Dafforne R.* Grammatica ofte Leez-leersings Steunse. Amsterdam, 1627.

Запись А.А. Виниуса на немецко-латинском словаре Килиана содержит точную дату его поступления в библиотеку: «Книга глаголемая посолского приказу переводчика Андрея Виниюса лексикон на галанском и латинском языке дал их В.М. Господ Статов генерала и посла их Якоба Борелла парстор (!) Енгельбертус Слоот В РОГ (173=1665)-м году мая в Е (5) день». Запись свидетельствует о том, что книгу подарил пастор того самого посольства Я. Борелла, в составе которого находился Н. Витсен. А.А. Виниус был переводчиком при этом посольстве, тогда и упрочились дружеские отношения Витсена и Виниуса. Словарём Килиана Виниус пользовался постоянно, о чём свидетельствует его состояние, а также отсутствие титульного листа.

Книга Петра Мейи (Мессии) имеет три записи. Автограф первого владельца книги графа де Грахама: «Ex libris Comitis De Graham Anno 1681», свидетельствует о том, что книга не могла попасть к А. Виниусу раньше этого года. Две записи принадлежат А. Виниусу: «Книга учителя Петра Мессина о всяких науках» и латинским шрифтом: «Andr: Winius»[6].

Большая часть голландских книг в библиотеку Виниусов попала из Амстердама, около пятидесяти томов получены от Н. Витсена. На трёх книгах сохранились сведения о связях с семейством Витсенов. Прежде всего, это «Священная Библия» форматом в 8-ую долю листа, изданная в Амстердаме в 1632 году известным типографом и издателем атласов Яном Янссонием. На вклеенном листе есть автограф: «Kor. Witzen in Arnem 16(1/15)61», свидетельствующий о том, что книга до этого года попасть к Виниусам не могла. На фронтисписе и титульном листе автографы «A. Winius» и «Книга Матвея Виниюса». Второй автограф говорит о передаче книги в собственность Матвею Виниусу[7].

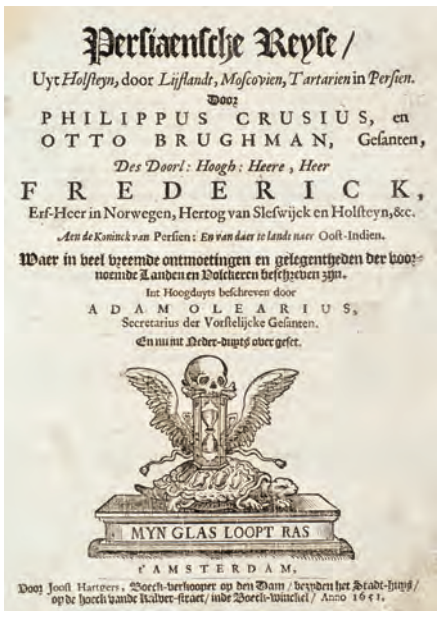
Другой отличительной чертой библиотеки Виниусов было то, что в ней находились главным образом иллюстрированные книги с описями путешествий, в том числе в Россию и Америку.

Из описаний путешествий по России у Витсена было популярное в XVII — начале XVIII века сочинение голштинского посла Адама Олеария о его поездке через Россию в Персию в переводе на голландский язык. Традиционным для изданий труда Олеария является

---

[6] *Mejia Petrus*. De seuen verscheyden t'samensprekingen Petri Messiae. De eeste: Van de Sonne. Leyden, 1595.

[7] Biblia Sacra sive Testamentum Vetus, ab Im.Tremellio et Fr. Junio ex Hebraeo Latiné redditum. Amsterdam, 1732.

Persiaensche Reyse /
Uyt Holsteyn, door Lijflandt, Moscovien, Tartarien in Persien.
Door
PHILIPPUS CRUSIUS, en
OTTO BRUGHMAN, Gesanten,
Des Doorl: Hoogh: Heere, Heer
FREDERICK,
Erf-Heer in Norwegen, Hertog van Slesswijck en Holsteyn, &c.
Aen de Koninck van Persien: En van daer te lande naer Oost-Indien.
Waer in veel vreemde ontmoetingen en gelegentheden der voor-
noemde Landen en Volckeren beschreven zyn.
Int Hoogduyts beschreven door
ADAM OLEARIUS,
Secretarius der Voorstelijcke Gesanten.
En nu int Neder-duyts over geset.
MYN GLAS LOOPT RAS
t' AMSTERDAM,
Door Joost Hartgers, Boeck-verkooper op den Dam / beyden het Stadt-huys /
op de hoeck vande Kalver-straet / inde Boeck-winckel / Anno 1651.

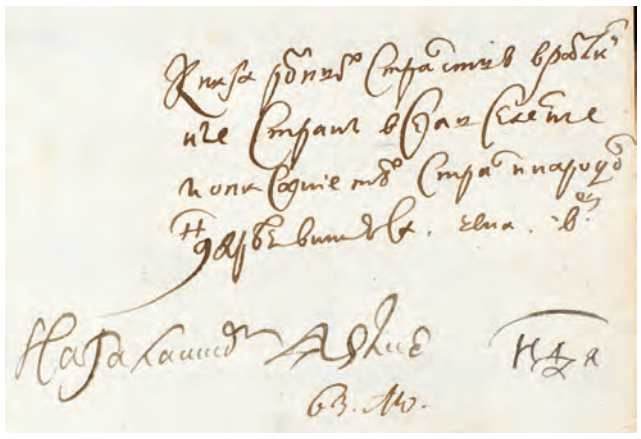
Титульный лист книги А. Олеария «Путешествие через Россию в Персию» на голландском языке. Амстердам, 1651

присоединение к его сочинению «Описания Персии» Иоганна Альбрехта Мандельсло[8]. Интересно, что в книге отсутствуют иллюстрации, упомянутые на титульном листе. В данном случае они утрачены не безвозвратно — многие из них вклеены в «Альбом Виниуса». Необычно для собрания Виниусов то, что книга была приобретена скорее всего в Москве после 1669 года, о чём свидетельствует запись: «Сия книга Володимера Иванова Лета ЗРКЗ (=7167 = 1669)-го году апреля Л (=20) день». Скорее всего книга попала к Виниусу не от В. Иванова, а от барона Г. Гюйссена, о чём свидетельствует его автограф: «C. Huyssen». Последняя запись на форзаце — перевод заглавия книги на русский язык: «О Голстеинских послах, что были в Московской и Персидской царствах».

В собрании Виниуса имелась также книга Корнелия ван Брюина, описывающая его путешествие по тем же местам, где бывал Олеарий, на голландском языке с многочисленными иллюстрациями, напечатанная в Амстердаме в 1701 году. Об этом экземпляре Виниуса приходится судить только по описи, хранящейся в Архиве Академии наук, в БАН он не сохранился.

Интересна подборка из пяти описаний путешествий в Европу, Азию и Америку. Конволют открывается описанием Виргинии, но большая его часть посвящена описанию тех стран, с которыми торговали Нидерланды в XVII — начале XVIII века. Несколько аллигатов посвящено Вест-Индии, т.е. странам Южной Америки. В кон-

[8] *Olearius A.* Persiaensche Reyse. Uyt Holsteyn, door Lijflandt, Moscovien, Tartatien in Persien. Amsterdam, 1651.

Разновременные записи, в том числе А.А. Виниуса на конволюте, составленном преимущественно из описаний южноамериканских стран (конволют из 5 аллигатов)

волют включено сочинение Ексквемелина, посвящённое знаменитым морским пиратам с портретами. Заканчивается он сочинением Эдварда Броуна о его путешествиях по европейским странам, напечатанное в Амстердаме у Яна Горна в 1682 году. На форзаце запись следующего содержания: «Книга розных Странств в розличные страны всеа вселенные и описание тех стран и народов Андрея Виниюса. Чтена В (=2) р.», свидетельствующая об особом внимании к этой книге. Не все аллигаты имеют иллюстрации, но 3–5 их них снабжены превосходными гравюрами на меди. Есть в сочинении Э. Броуна гравюра с изображением Венской Императорской библиотеки и кабинета редкостей, из которой видно, что не только в Голландии было принято объединять библиотеку и кунсткамеру. На первом плане изображён владелец библиотеки император Леопольд[9].

Ещё одна книга в собрании Виниуса — сочинение Роберта Бекера «Хроника о жизни и делах английских королей от Римлян до Карла I», переведённая с английского языка на голландский и напечатанная в Амстердаме в 1749 году. На гравированном на меди фронтисписе два автографа разными почерками: «A. Vinius» и «Ex libris

[9] *Brown Edward*. Naukeurige Reysen Van Edward Brown, M. Dr. Afgesonden vam ‘t Collegie tot Londen; Lid van ‘t Kon. Soc. En Medicijn van Sijn Kon. Maj. In Engelandt: Door Nederland, Duytsland, Hongaryen, Servien, Bulgarien, Macedonien, Thessalien, Oostenrijk, Stiermark, Carinthien, Carniole, en Friuli, enz. Amsterdam, 1682.

Два автографа
А.Д. Виниуса (лат. яз.),
и А.А. Виниуса (рус. яз.)
на латинской Библии.
Амстердам, 1632

Титульный лист книги «Хроника
о жизни и делах английских королей,
начиная с Карла I», автор Ричард Бекер;
на голландском языке. Амстердам, 1649

Andreas Winius». На форзаце запись на русском языке: «Книга описание аглинских королей и всего жития их и окончании», здесь же приписка: «Чтена AJAI (=1711) в нобре (!)», видимо, автограф Матвея Виниуса, в это время прочитавшего книгу.

Не обошёл Виниус вниманием и архитектуру, интересовавшую многих сподвижников Петра. Проблемам архитектуры и перспективного искусства посвящена книга Генриха Хондия, в записи названная: «Книга Науки перспективной изображение. Со описанием на галанском языке. Андрея Виниюса. РЧА (=191 = 1683)-го. Цена под В (=2) рубли». Книга свидетельствует, что не все свои книги он получал из Голландии или в качестве дара. Эта книга скорее всего была куплена в Москве, но её продавец остался неизвестным.

Наличие в библиотеке Виниуса многочисленных языковых словарей объясняется его первой серьёзной должностью — переводчи-

ка Посольского приказа и дальнейшей работой над переводом книг по распоряжению Петра I.

Серьёзное отличие библиотеки Виниуса от книжных собраний его современников в России — присутствие в ней большого количества произведений художественной литературы, в том числе известных голландских писателей и поэтов. В частности, он был единственным обладателем собрания сочинений голландского писателя и поэта Йоста Вондела. У Виниуса были все прижизненные издания Вондела, которые до настоящего времени в России почти не известны.

По библиотеке Виниуса можно судить и о его естественно-научных пристрастиях. Издания о флоре и фауне разных стран, главным образом на голландском языке, также поступали в его библиотеку из Голландии.

Таким образом, небольшое книжное собрание Виниусов, хранящееся в Библиотеке Академии наук, позволяет восстановить книжные связи России и Голландии в XVII — начале XVIII века.

Н.В. Слепкова
(Санкт-Петербург)

Ранние голландские материалы в коллекции Зоологического института РАН — проблемы идентификации

В 2014 году исполнится 300 лет коллекциям нескольких подразделений Академии наук, происходящих от основанной в 1714 году Петром I Кунсткамеры. К их числу относится и Зоологический институт Российской академии наук (ЗИН РАН). Старейший пласт зоологического собрания института составляют материалы конца XVII — начала XVIII веков, часть которых происходит от знаменитых голландских коллекционеров. Коллекции Альберта Себы (1665–1736) и Фредерика Рюйша (1638–1731) привлекают внимание не только российских[1] и голландских[2] исследователей истории науки и музейного дела, но представляют интерес и для систематиков всего мира. История развития зоологической коллекции института на ранних этапах нашла отражение в ряде исследований[3].

[1] *Baird O.A.* I want the people to observe and to learn! The St Petersburg Kunstkamera in the eighteenth century // History of Education. 2008. Т. 37. № 4. С. 531–547.

[2] *Driessen-Van het Reve J.J.* De Kunstkamera van Peter de Grote. De Hollandse inbreng, gereconstrueerd uit brieven van Albert Seba en Johann Daniel Schumacher uit de jaren 1711–1752. Heliversum Verloren, 2006. 350 blz.: il. — (Amsterdamse Historische Reeks: grote Serie; deel 34).

[3] *Серебряков А.Э.* Зоологический кабинет кунсткамеры // Архив истории науки и техники. 1936. Вып. 9. С. 70–128; *Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 239; *Новиков П.А.* Зоологический

Если о Кунсткамере и формировании её собрания писали неоднократно[4], весьма пространно характеризовалась анатомическая коллекция Рюйша[5], то о сохранившихся предметах из голландских коллекций по зоологии известно гораздо меньше. Их выявление и атрибуция в коллекции ЗИН РАН представляет собой труднейшую задачу. Во-первых, коллекция института систематическая, и материалы голландских собирателей причудливым образом разбросаны по значительному собранию института, насчитывающему 60 миллионов единиц хранения. Но главная причина в том, что материалы XVIII века за редчайшими исключениями не сохранили привязки к индивидуальным собраниям, и в период создания Зоологического музея на базе Кунсткамеры были обозначены просто словом «Кунсткамера».

ПОСТУПЛЕНИЯ И ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЗООЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ ГОЛЛАНДИИ

Первую голландскую коллекцию Пётр лично купил в Амстердаме в 1697–1698 годах. Она состояла из нескольких сотен предметов[6]. В основном это были птицы, рыбы и рептилии в спирту[7]. В 1714 году естественноисторические коллекции, хранившиеся при Аптекарском приказе, были перевезены из Москвы в Петербург и размещены в Летнем дворце, составив придворный музей редкостей.

Вскоре были приобретены знаменитые коллекции Альберта Себы и Фредерика Рюйша. История их приобретения неоднократно становилась предметом изучения[8]. Себа состоял в деловых связях с

отдел Петербургской кунсткамеры в его историческом развитии // Труды Института истории естеств. и техники. М., 1957. Т. 14. С. 302–352; *Юрьев К.Б.* Альберт Себа и его роль в развитии герпетологии // Труды Зоол. ин-та. 1981. Вып. 101. С. 109–120; *Штраух А.А.* Зоологический музей Императорской Академии наук // Зап. имп. Акад. Наук. 1889. Т. 61. Прил. 3. 372 с.

[4] *Станюкович Т.В.* Указ. соч. С. 16–17; *Driessen-Van het Reve J.J.* Op. cit.

[5] Материалы отсняты и доступны к просмотру через Интернет (http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?c=RUYSH20 мая, 2013 г.).

[6] *Дриссен Й.* Царь Пётр и его голландские друзья. СПб., 1996. С. 84.

[7] *Станюкович Т.В.* Указ. соч. С. 16–17; *Койманс Л.* Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша. СПб., 2008. С. 269.

[8] *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 578; *Юрьев К.Б.* Альберт Себа... С. 109–120; Пётр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи. К 300-летию Великого посольства. СПб., 1997; *Дриссен Й.* Указ. соч. СПб., 1996. С. 176; *Койманс Л.* Указ. соч. С. 448.

лейб-медиком Петра I Робертом Арескиным и его помощником Иоганном Даниилом Шумахером и первоначально посылал им вместе с лекарственными травами небольшие подарки из своей коллекции. В начале октября 1715 года по просьбе Шумахера он выслал в Петербург каталог своего собрания, и в январе 1716 года Пётр принял решение о его покупке. Он предложил Себе 13 000 гульденов. 20 марта 1716 года Себа подтвердил, что сделка состоялась, и в начале июля 1716 года экспонаты уже были на пути в Россию. Принимал коллекцию Иоганн Даниил Шумахер. Рукописная опись предметов из этой коллекции на голландском языке имеется в БАН в отделе рукописей. В посвящённой Кунсткамере книге Йозин Дриссен эта опись на голландском языке приведена полностью[9]. В её же книге «Царь Пётр и его голландские друзья» часть списка приводится в переводе на русский. Из него видно, сколь трудна задача человека, пытающегося выяснить видовой состав этой коллекции[10]. Однако в ряде случаев даже такая опись дает информацию для поиска конкретных видов.

Коллекцию Рюйша Пётр видел, но при её покупке посредничал Себа. Для примера Себа отослал в Петербург несколько препаратов и каталог коллекции. В 1716 году Пётр виделся с Рюйшем в Амстердаме, навестил и Альберта Себу, купил рисунки Марии Сибиллы Мериан. Покупка коллекции Рюйша была поручена Себе, уполномоченному действовать от имени первого лейб-медика царя Арескина, а также придворному лекарю царя Лаврентию Блюментросту. 8 апреля 1717 года контракт между Рюйшем с одной стороны и Блюментростом и полномочным представителем Арескина Себой с другой был подписан. За коллекцию уплатили 30 000 гульденов. Отправка задержалась до летней навигации 1718 года. Первое судно прибыло в Петербург в начале июля 1718 года, второе — в начале августа 1718.

Для размещения Музея был избран поступивший в казну дом опального боярина А.В. Кикина, и в 1719 году в Кикиных палатах сокровища себовской и рюйшевской коллекций были предъявлены публике. В 1724 году Кунсткамера с библиотекой вошли в состав Академии наук. В распоряжение Академии был передан дворец царицы Прасковьи Фёдоровны на Васильевском острове, завершённый лишь в 1734 году[11]. Рядом было начато строительство здания, в котором разместились Кунсткамера, библиотека и обсерватория.

[9] *Driessen-Van het Reve J.J.* Op. cit. С. 290–304.
[10] *Дриссен Й.* Указ. соч. С. 89–90.
[11] *Столпянский П.Н.* Палаты Академии наук. Л., 1925. С. 38.

Вместе с остальными коллекциями голландские приобретения Петра переместились на Васильевский остров.

В 1742 году был издан первый печатный каталог[12] и альбом гравюр с изображениями внешнего вида здания и планами помещений[13]. К сожалению, уже тогда в каталоге принадлежность предметов к той или иной коллекции не регистрировалось, однако ссылки на каталоги Себы и Рюйша в первом каталоге Кунсткамеры имеются[14].

5 декабря 1747 года в Кунсткамере возник пожар. Среди утраченных предметов были и приобретённые у Себы и Рюйша, о чём, например, пишет И. Тауберт в рапорте от 15 апреля 1752 года, составленном по поводу покупки второй коллекции. Характеризуя присланный каталог на голландском языке, он сообщает, что «в оном находятся многие такие звери и птицы, которые прежде сего были и в здешней кунсткамере, но при случившемся в Академических палатах нещастливом пожаре згорели»[15].

Уцелевшая часть собрания, включая сохранившиеся голландские зоологические предметы, была временно переведена в дом Демидова (с 1747 по 1766 годы), тоже на Стрелке Васильевского острова. Для пополнения пострадавших коллекций были сделаны многочисленные покупки. В том числе в 1752 году с аукциона были приобретены некоторые материалы из второго собрания А. Себы, умершего в 1736 году, К.Б. Юрьев, изучавший дело о покупке[16], указывал, что всего в счёте-фактуре числится 37 оплаченных экспонатов. Список этих экземпляров по-голландски опубликован у Йозин Дриссен[17], которая не только приводит названия купленных животных и цены, но и

[12] Musei Imperialis Petropolitani. V. I. Pars prima quae continentur res naturales exregno animali. Petropoli, 1742. P. 755. (В Зоологическом институте есть ксерокопия этого уникального издания, хранящегося в СПФ АРАН.)

[13] Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили. СПб., 1741. [3] л., 12 л. ил., [1] л. фронт; Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей, сочинённое для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб., [1744]. [2], 26 с., 12 л. ил., пл., [1] л. фронт.

[14] *Дунаева Ю.А.* Голландские печатные каталоги кабинетов редкостей XVIII века в библиотеке Зоологического института РАН и их использование при составлении первого печатного каталога Кунсткамеры // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках: социально-политический и научный контекст / Ред.-сост. Н.В. Слепкова. СПб., 2012. С. 271–289.

[15] СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 164. Л. 301.

[16] Там же. Л. 300–330.

[17] *Driessen-Van het Reve J.J.* Op. cit. Bl. 306–307.

ссылается на картинки из первого тома себовского каталога[18]. В том же деле можно обнаружить «Перевод с фактуры, присланной из Амстердама от материалиста Дитриха Шмидта о купленных им для императорской Кунсткамеры зверех и птицах», который цитирует Юрьев в отношении земноводных и пресмыкающихся[19].

Приведём этот список полностью. Дитрих Шмидт, посредничавший в приобретении коллекций, пишет: «По определению Академии наук куплены мною из Себова натурального Кабинета с публичнаго торга нижеследующие звери и птицы и отправлены в Санкт-Петербург с шкипером Элертом Бодекером, а именно:

№ Себова каталога

Лист 1

2. Щенок тигровой	[Tab. 48, No. 2][20]
3. Американская лесная кошка	[Tab. 30, No. 2]
6. Тамандуа американская белая	
8. Филандер американский самка с щенятами	[Tab. 36, No. 2]
12. Таманда мексиканская называемая эксквипатель или лисёнок	[Tab. 42, No. 2]
13. Американская лесная собака с долгими ушами	[Tab. 30, No. 1]
14. Горная кошка американская	
18. Игневмон или лисица цейланская по Галански квассіе	
26. Мышь полевая виргинская белая	
31. Армодил чешуйчатой или диавол Таіованский с острова Формозы	[Tab. 53, No. 5]
34. Тамандуа американская белая	[Tab. 37, No.3]
39. Мышь американская лесная со щенятами	[Tab. 31, No.2]
42. Тайованской діавол или муравейник из Гишпанской Остиндии	
44. Крайний конец хвоста дикобраза остиндийского	[Tab. 52, No. 2]
45. Собака летучая Тернатская	[Tab. 57, No.1]
46. Кошка летучая Тернатская	[Tab. 57, No.3]

[18] *Seba A.* Locupletissimi rerum naturalium thesauri... T. I. Amstelaedami [Amsterdam], 1734. С. 178. 114 л. ил.

[19] СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 164. Л. 329–330 об.

[20] Цены в гульденах и штиверах нами опущены, но приводятся ссылки на рисунки, отсутствующие в архивном документе, но указанные у *Driessen-Van het Reve J.J.* Op. cit. С. 306–307.

47. Жаба американская с спины
щенят выпускающая [Tab. 77, No.1]
56. Тату или армодил американской
57 Ящерица цейланская с белыми крапинами и полосками
58. Норка белая с черным хвостом
61. Нетопырь американский с кошечью головою [Tab. 55, No. 2]
62. Такой же [Tab. 55, No. 1]
65. Крот виргинский
66. Такие же два
82. Обезьяна цейланская [Tab. 47, No.l]
85. Червь морской с зелёными и голубыми
радужными волосами
86. Ленивой американской по Галански Лигулиарт
96. Армодил африканской лесной
105. Щенок лениваго [Tab. 33, No. 4]
106. Белка с черною спиною и белыми полосами
из новой Гишпании [Tab. 47, No. 2]
115. Собака летучая из новой Гишпании [Tab. 56, No. 1]
116. Нетопырь американский с цветиком на носу
117. Ящерица индийская легван называемая.

Лист 30 Себова каталога

Засушенныя
39. Армодил чешуйчатый цейланской
40. Дикообраз остиндийской
3. Две птицы райския цейланския краснобурыя
или каштанового цвету».

Однако И. Бакмейстер и О. Беляев[21], много лет прослужившие смотрителями Кунсткамеры, свидетельствовали о множестве животных из собрания Себы, купленных с аукциона. М. Боеземан[22], прослеживавший судьбу экспонатов проданной себовской коллекции, пишет, что многие из них были приобретены коллекционером Т. Слютером, чей музей в конце 1780-х годов был также распродан на аукционе. Через посредство комиссионеров Балгри и Дюлонга значительная часть экспонатов была приобретена Академией наук в Санкт-Петербурге. Точ-

[21] *Бакмейстер И.* Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-петербургской императорской Академии наук. СПб., 1779. С. 191; *Беляев О.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Т. 1. С. 215. Т. 2. С. 287. Т. 3. С. 278.

[22] *Boeseman M.* The vicissitudes and dispersal of Albertus Seba's zoological specimens // Zool. Med. Rijksmus Leiden, 1970. Т. 44. № 13. С. 177–206.

ную дату Боеземану установить не удалось, не нашёл этих материалов и Юрьев. Поэтому, что поступило в Кунсткамеру из второй коллекции Себы, помимо перечисленного в реестре, точно установить невозможно. В 1766 году коллекции вернулись в отремонтированное здание Кунсткамеры.

В конце 20-х годов XIX века было принято решение о выделении из состава Кунсткамеры специализированных музеев. 4 июля 1832 года Ф.Ф. Брандт доложил Конференции о готовности к открытию трёх залов нового Зоологического музея в здании Музейного флигеля Академии, расположенном позади главного здания Академии наук. Этот день принят первым историком Зоологического музея А.А. Штраухом (1832–1893) за дату основания Зоологического музея. Все голландские предметы последовали за коллекцией в это здание, где и находились всю оставшуюся часть XIX столетия. В 1896 году началось перемещение Зоологического музея в здание у Дворцового моста, завершившееся открытием музея в 190123. Зоологические коллекции ещё раз переехали. Наконец, в ходе реформы Академии наук в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Зоологический музей был переименован в ЗИН АН СССР.

Итак, зоологические коллекции от голландских собирателей поступали в течение XVIII века несколько раз. Первые покупки в 1697–1698 делал сам Пётр I. Материалы от Себы поступали дважды или, возможно, трижды — в 1716 и 1752 и в 1780-х опосредовано, через собрание Слюттера. Коллекция Рюйша приобретена в 1717 году. Возможно, какие-то зоологические коллекции из Голландии были у Арескина и Брюса, чьи собрания также влились в состав Кунсткамеры в 1726 и в 1736 году соответственно. Все эти приобретения следовали за перемещениями коллекции, располагаясь сначала в Аптекарском приказе Москвы, потом в Летнем дворце Петра, в Кикиных палатах, в здании с башенкой на берегу Большой Невы, в доме Демидова, снова в здании Кунсткамеры, в Музейном флигеле Академии, в здании бывшего таможенного пакгауза. Коллекция была сначала собственностью царя, потом вошла в состав Кунсткамеры, Зоологического музея и, наконец, Зоологического института.

ГДЕ ИСКАТЬ СЛЕДЫ ГОЛЛАНДСКИХ ЗООЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ, ПОСТУПИВШИХ В XVIII ВЕКЕ?

В течение некоторого времени, прошедшего с момента создания Зоологического музея, весь (или почти весь) наличный зоологический материал был каталогизирован. Однако для большинства ранних материалов из Кунсткамеры в графе «сборщик» было напи-

сано «Кунсткамера», а в графе «дата поступления» — знак вопроса. Для коллекций XVIII века известны лишь единичные исключения из этого правила.

Задача поиска и изучения сохранившихся голландских коллекций распадается на несколько этапов:

1. Анализ имеющейся литературы и архивных материалов, посвящённых описанию поступлений от голландских собирателей.
2. Выявление круга источников, в которых может содержаться информация о конкретных экземплярах, перенесенных в Зоологический музей из Кунсткамеры.
3. Составление списка экземпляров, имеющих в инвентарях пометку «Кунсткамера» в графе «сборщик»[24]. Поиск и описание самих коллекционных предметов.
4. Выявление возможных соответствий предметов из описей поступлений от голландских коллекционеров с наличными предметами из Кунсткамеры.

Рассмотрим, по каким источникам можно установить голландские (кунсткамерские) материалы по разным группам животных в той последовательности, в которой коллекцию описал в 1889 году Штраух[25].

Млекопитающие. Три каталога по млекопитающим обнаружены в СПФ АРАН. Самая ранняя опись, составлена Эдуардом Менетрие в 1829 году (159 + 37 записей)[26]. Систематический каталог млекопитающих, озаглавленный по-немецки «Verzichniss von....<*нрзбр*> zoologisher Museen Kizerlichen Akademien von Wissenshaften fon Jahren 1831»[27] с пронумерованными от № 1 до 334 экземплярами, датируется 15 ноября 1831 года. Среди них есть 117 предметов с пометкой «Кунсткамера». Следующий по времени каталог млекопитающих, озаглавленный

---

[23] *Слепкова Н.В.* На Васильевском острову у Дворцового моста. СПб., 2001. С. 84.

[24] В данном случае мы будем искать только записи с пометой «Кунсткамера». Из музея, который так назывался, поступили в Зоологический музей также предметы, не утратившие фамилии сборщика. Таковы собрания Лангсдорфа, Мертенса, Китлица, Егера, Менетрие и некоторых других.

[25] Проблеме поиска самих каталогов, которые содержат описи перешедших в музей из Кунсткамеры предметов, посвящена отдельная статья (*Слепкова Н.В.* Каталоги Зоологического музея в личном фонде академика Ф.Ф. Брандта в материалах Миллеровских чтений-2013 — в печати).

[26] СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 48. Л. 12–13.

[27] Там же. Д. 50. Л. 278–287.

«Enumeratio mammalium quae in Museo Zoologico Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Anno MDCCCXXXV inveniebantur»[28], представляет собой писанный Ф.Ф. Брандтом каталог млекопитающих, доложенный Конференции 17 июля 1835 года[29]. В нём уже 67 экземпляров помечены словом «Кунсткамера»[30].

В Лаборатории териологии также имеются каталоги с записями экземпляров с пометкой «Кунсткамера». Старых каталогов с актуальной нумерацией, начинающейся с № 1, в лаборатории два[31]. Первый доведён до № 8534 и содержит 20 упоминаний предметов с пометой «Кунсткамера». Второй каталог, имеющий пропорции альбома, представляет собой инвентарную книгу, в которую сдублирована с некоторыми пробелами информация первого каталога, которая продолжается в последующих таких же книгах.

Есть опись кунсткамерных предметов, составленая куратором отдела млекопитающих А.Г. Бубличенко, для экспонатов, выставленных в Музее по этикеткам на экземплярах. В этой описи 13 предметов.

Хотя сопоставлению млекопитающих из этого списка с известными приобретениями от Себы следует посвятить отдельную работу, кое-какие предположения можно высказать уже сейчас. Так, очень осторожно можно утверждать, что Жёлтый опоссум (Caluromys philander Linnaeus, 1758) из Бразилии (Инв. № 1009) — это себовский «Филандер американский самка с щенятами [Tab. 36, No. 2]» [илл. 1]. Возможно, при тщательном анализе, найдутся и другие примеры.

Птицы. Птиц из Кунсткамеры в современной коллекции нет. В 1889 году Штраух пишет, что состояние птичьей коллекции ещё более плачевное, чем коллекции млекопитающих, и что Брандт принял решение заменить все попорченные экземпляры: «Отсюда совершенно понятно, почему в настоящее время в Музее нет ни одного экземпляра из птиц, украшавших некогда кунсткамеру»[32].

Герпетологическая коллекция. В описях 1829 года в СПФ АРАН, сделанных Менетрие, были обнаружены три группы, образующие

---

[28] Там же. Л. 266–277.

[29] *Штраух А.А.* Указ. соч. С. 121.

[30] Ряд предметов плохой сохранности был уничтожен в 1833 году. Список см.: СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 3. Л. 1–2.

[31] Есть ещё один самый первый «Старый каталог», прямо так и подписанный, нумерация которого в научных публикациях отделения не используется.

[32] *Штраух А.А.* Указ. соч. С. 174.

№	Русское название	Латинское название	Происхождение	Инвент. №
1	Водяной опоссум	*Chironectes minimus* Zimmermann, 1780	Гвиана, Кунсткамера	998
2	Трёхполосый опоссум	*Monodelphis americana* Muller, 1776	Бразилия, Кунсткамера	999
3	Детёныш кенгуру (спирт)	*Thylogale* sp. Gray, 1837	Patria, Кунсткамера	138
4	Жёлтый опоссум	*Caluromys philander* Linnaeus, 1758	Бразилия, Кунсткамера	1009
5	Египетская летучая собака	*Rousettus aegyptiacus* E.Geoffroy, 1810	Africa, 1839, Kunstk.	845
6	Индийский панголин	*Manis crassicaudata* Gray, 1827	Индостан, Кунсткамера	332
7	Индийский панголин	*Manis crassicaudata* Gray, 1827	Кунсткамера	1140
8	Бразильская кавия	*Cavia aperea* Erxleben, 1777	Museum, Кунсткамера	59
9	Пака	*Cuniculus paca* Linnaeus, 1758	Кунсткамера	49
10	Конга (?)	*Capromys* sp. Smith, 1842	Amerique, Kunstkamera	42
11	Индийский дикообраз	*Hystrix indica* Kerr, 1792	Prof.Verneje, Kunstkamera	1124
12	Краснорукий тамарин	*Saguinus midas* Linnaeus, 1758	Brasilia, Кунсткамера	736
13	Азиатский слон	*Elephas maximus* Linnaeus, 1758	Persia, Кунсткамера	7940

Илл. 1. Жёлтый опоссум *Caluromys philander* Linnaeus, 1758
из Бразилии (инв. № 1009) и «филандер американский самка с щенятами»
(Seba, 1734; Tab. 36, No. 2)

Илл. 2. Чернополосый геррозавр (*Gerrhosaurus nigrolineatus* Hallowell) из Южной Африки, с датой на этикетке «3 июня 1699 г.» из коллекции ЗИН РАН

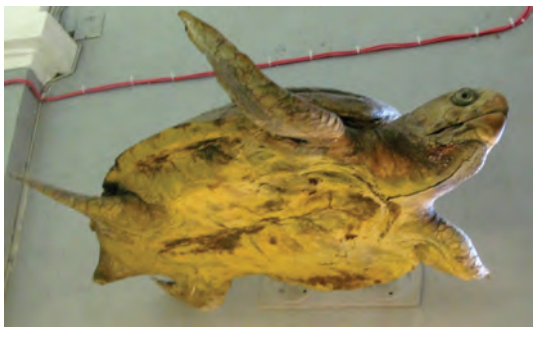
коллекции герпетологического отделения: черепахи и земноводные[33], змеи[34], ящерицы[35] — всего 171 запись. Герпетологическое отделение Лаборатории орнитологии и герпетологии имеет Каталог земноводных и пресмыкающихся с отдельной нумерацией. По подсчётам К.Б. Юрьева, в герпетологической книге зарегистрирован 231 экспонат с пометкой «Кунсткамера»[36]. В книге земноводных записано 55 таких экземпляров, причём в одном случае на экземпляре проставлена дата. Это чернополосый геррозавр (*Gerrhosaurus nigrolineatus* Hallowell) из Южной Африки (3 июня 1699 года) [илл. 2]. Эта дата вплотную примыкает к дате первой покупки Петра в Голландии[37], попавшей ещё в Аптекарский приказ в Москве. Скорее всего — это голландский экземпляр.

Некоторые указания, связанные с именем Себы, есть в работе А.А. Штрауха 1889 года. Он пишет: «В противоположность млекопитающим и птицам, которых только самая малая часть перешла из Кунсткамеры в новый Музей, старые экземпляры пресмыкающихся и земноводных доставили главный контингент для эрпетологической его коллекции. Эти экземпляры, подвешенные на волосках или прикреплённые деревянными штифтами к кускам Aloë, принадлежали, вероятно, большею частью ещё к коллекции Себы, купленной Петром Великим, и сохранялись в очень своеобразных, обыкновенно узкогорлых склянках, закупоренных пробкой или чаще слюдяной пластинкой и, сверх того, завязанных пузырём»[38]. Среди сухих экземпляров пресмыкающихся и амфибий из Кунсткамеры Штраух выделяет «громадный, но, к сожалению, пло-

[33] СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 48. Л. 31–31 об.
[34] Там же. Л. 32.
[35] Там же. Л. 33.
[36] *Юрьев К.Б.* Альберт Себа... С. 109–120.
[37] *Новиков П.А.* Указ. соч. С. 303.
[38] *Штраух А.А.* Указ. соч. С. 193–194.

Илл. 3. Чучело анаконды *Eunectes murinus* (Linnaeus, 1758) из собрания А. Себы в экспозиции музея

Илл. 4. Крупный экземпляр зелёной черепахи *Chelone viridis* Strauch, 1862 из собрания А. Себы в экспозиции музея

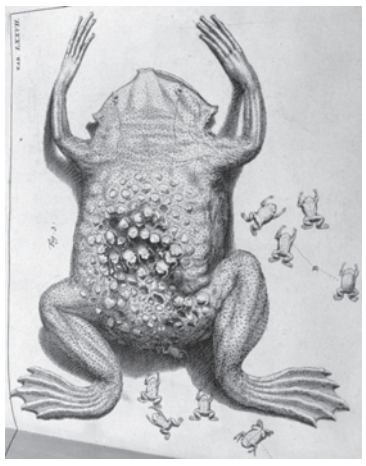
хо набитый экземпляр удава (Eunectes murinus), несколько щитов черепах и очень большой, набитый экземпляр морской черепахи (Chelone viridis), с просто засушенными конечностями; кроме того, несколько шкур больших крокодилов и удавов, расправленных и развешанных по стенам, а может быть и на потолке»[39]. К.Б. Юрьев вслед за Штраухом относит к этому собранию упомянутое Штраухом огромное чучело анаконды (Eunectes murinus) [илл. 3], крупный экземпляр зелёной черепахи (Chelone viridis) [илл. 4] и ряд других[40].

[39] Там же.

[40] *Юрьев К.Б.* О первой герпетологической коллекции в России // Вопросы герпетологии. Третья Всесоюзная герпетологическая конференция. Авторефераты докладов, Л., 1973. С. 226–227; *Юрьев К.Б.* Альберт Себа... (эта работа К.Б. Юрьева недавно переведена на немецкий язык и доступна в Интернете).

Илл. 5. Пипа обыкновенная *Pipa pipa* (Linnaeus, 1758) из экспозиции музея

Илл. 6. «Жаба американская с спины щенят выпускающая» (Seba, 1734; Tab. 77, No. 1)

К.Д. Мильто и А.В. Барабанов[41] в аннотированном списке типовых экземпляров амфибий в коллекции ЗИН РАН упоминают 31 амфибию (10 видов) с пометкой «Кунсткамера», относя их к «Типовым экземплярам амфибий из второй коллекции Себы, описанных на основе Тезауруса Себы»[42], однако в пользу отнесения этих сборов к коллекции Себы в работе не приводится никаких аргументов. Как указывает Юрьев, достоверно перечислить мы можем только то, что написано в упоминавшейся фактуре, то есть «Жабу американскую с спины щенят выпускающую» [Tab. 77, No.1]. Это пипа обыкновенная — *Pipa pipa* (Linnaeus, 1758), каковых в коллекции института имеется две самки и пять самцов [илл. 5 и 6]. Вероятность того, что в списке Мильто и Барабанова есть материалы от Себы, имеется, и остаётся надеяться, что их работа по аргументации принадлежности материалов к коллекциям голландского собирателей будет продолжена.

Ихтиологическая коллекция. Относительно кунскамерской коллекции рыб имеется опись Менетрие 1829 года (174 записи)»[43] в СПФ АРАН. В Лаборатории ихтиологии есть упомянутый А.А. Штраухом

[41] *Milto Konstantin D., Barabanov Andrei V.* An annotated catalogue of the amphibian types in the collection of the Zoological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. Russian Journal of Herpetology. 2011.18 (2): 137–153.

[42] *Seba A.* Op. cit.

[43] СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 48. Л. 34–35.

каталог рыб. Материалов с пометкой «Кунсткамера» в первой книге каталога 218. Поиски голландских материалов не велись.

Ракообразные, тысяченогие, паукообразные. В каталоге Отделения ракообразных и планктона выявлено десять экземпляров ракообразных с пометкой «Кунсткамера». Благодаря любезности Ю.А. Дунаевой, указавшей на статью С.И. Головача и Ричарда Л. Хоффмана (Dr. Richard L. Hoffman, 1927–2012)[44], стало известно о нескольких экземплярах двупарноногих из коллекции Себы, которых описал Брандт [илл. 7]. Один вид Брандт даже назвал в честь Себы. Указанные авторы пишут: «Некоторые Diplopoda входили в состав коллекций “Кунсткамеры”, в частности несколько juliformians неизвестного происхождения, приобретённые просто из-за необычно большого размера от голландского купца Альберта Себы (1665–1736) царём Петром I во время его второго путешествия по Западной Европе в 1716–1717 и, позднее, в 1752, через Иоганна Бакмейстера, который был отправлен Российской Академией наук купить побольше материалов из кабинета Себы на аукционе». Самым интересным является крупный кивсяк, названный Брандтом в честь Себы: «Этот великолепный вид (*Spirostreptus sebae* Брандт, 1833)[45] был впервые изображён размером 1:1 Себой (1734)[46]... Не удивительно, что он был приобретён для Кунсткамеры вскоре после смерти Себы и, почти столетие спустя, описан Брандтом»[47]. Авторы приводят ещё два вида («Spirostreptus» audouini Брандт, 1833 и *Spiropoeus fischeri* Brandt, 1833), которые были «также приобретены для Кунсткамеры и, намного позже описаны Брандтом».

Малакозоологическая коллекция. В СПФ АРАН есть опись моллюсков, составленная Менетрие в 1829 году[48]. Инвентарная книга для записи моллюсков в ЗИН РАН поздняя, начинается с № 24662. Номера до 24662 есть в карточках систематического каталога, однако обнаружение их при значительности коллекции моллюсков весьма затруднительно. Впрочем, некоторые голландские предметы в коллекции выявлены. В 2002 году, в фондовой коллекции и в экспозиции Музея были обнаружены три резных наутилуса (Nautilus

[44] *Golovatch Sergei I., Hoffman Richard L.* On the diplopod taxa and type material of I.F. Brandt, with some new descriptions and identities (Diplopoda) // Fragmenta faunistica, 2000. 43. Supplement. P. 229–249.

[45] Современное принятое название Julus sebae [(Brandt, 1833)].

[46] *Seba A.* Op. cit. Tab. 81. No. 5.

[47] *Golovatch S.I., Hoffman R.L.* Op.cit. P. 240.

[48] СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 48. Л. 38–41.

Илл. 7. Крупный кивсяк *Spirostreptus sebae* Брандт, 1833 из коллекции Себы, названный в его честь (в центре)

pompilius L.)[49] [илл. 8], о которых было сделано предположение, что они попали в коллекцию ЗИН РАН из Кунсткамеры до 1742 года. Наутилусы были атрибутированы как голландские работы середины — конца XVII века. К сожалению, несколько моллюсков, переданные на выставку к 300-летию Великого Посольства и попавшие в каталог[50], на который в своей работе ссылается Йозин Дриссен[51], хоть и представляют сборы XVIII века, но к собранию Себы отнесены ошибочно[52].

[49] *Slepkova N.V., Martynov A.V., Dolgolenko M.A.* On a possible origin of three engraved nautiluses from the early collections of the Peter's the Great Kunstkammer in St. Petersburg // Proc. Zool. Inst. RAS. 2003. Vol. 299. P. 131–140.

[50] Пётр I и Голландия... С. 158.

[51] *Driessen-Van het Reve J.J.* Op. cit. C. 287.

[52] Это коллекция Хемница, см.: *Martynov A.V.* The shell collection of J.H. Chemnitz in the Zoological Institute. St.-Petersburg // Ruthenica. 2000. Vol. 12. № 1. P. 1–18.

Илл. 8. Три резных наутилуса *Nautilus pompilius* Linnaeus, 1758 (1–3, 6, 7), предположительно из ранних поступлений Кунсткамеры. (*Slepkova N.V., Martynov A.V., Dolgolenko M.A.* 2003. P. 113) (№ 5 Seba, 1758. T. III)

Коллекция иглокожих, кишечнополостных, насекомых, остеологическое отделение. Вероятность найти представителей этих групп очень мала. В СПФ АРАН есть опись иглокожих, составленная Менетрие в 1829 году[53]. Каталог кораллов, хранящийся в Отделении губок и кишечнополостных, имеет 331 запись экземпляров из «Кунсткамеры». В СПФ АРАН есть также опись «слизняков», составленная Менетрие в 1829 году. Судя по родовым названиям, здесь вперемешку упомянуты представители разных типов беспозвоночных: осьминоги, гребневики и альционарии[54]. Определять их научились очень поздно. Первоначальная опись насекомых не сохранилась. Самая старая инвентарная книга отделения остеологии Лаборатории териологии имеет 114 записей с пометой «Кунсткамера». Здесь материалы XVIII века имеются.

Несмотря на все трудности, которые сопровождают поиск голландских коллекций XVIII века в составе собрания ЗИН РАН, этот поиск имеет ясную перспективу, помимо приведённых в статье примеров, возможно, найдутся и другие. Голландские коллекции следует искать среди материалов музея, помеченных словом «Кунсткамера», для которых найдутся более или менее убедительные соответствия в источниках, описывающих конкретные поступления от голландских собирателей, в особенности те, которые изображены на рисунках Себы или упомянуты в каталоге 1742 года.

[53] СПФ АРАН. Ф. 51. Оп. 3. Д. 48. Л. 24–26.
[54] Там же. Л. 42.

Й. Схоккенбрук
*(Нидерланды)**

Материализация культурного наследия. Петровская Россия, Нидерланды и собрание Военно-морского музея

ВСТУПЛЕНИЕ

На протяжении всей своей истории (1697–1699), Великое Посольство Петра I в Нидерландах вдохновляло разных исследователей (в России и Нидерландах) на изучение характера его поездки, людей, с которыми он встречался, мест, в которых он побывал, а также значения посольства русского государя для развития двусторонних отношений между нашими странами и геополитической ситуации в Европе в конце XVII века. В настоящий момент можно утверждать, что голландская историография занималась главным образом приёмом, оказанным посольству Петра, и общественным впечатлением, произведённым русской миссией[1].

В данной статье рассматривается та роль, которую военно-морские музеи Голландии, хранящие свидетельства культурного наследия и материальной культуры, сыгравших свою роль в развитии отношений между Россией и Голландией в эпоху Петра Великого. Мы намерены проанализировать и дать оценку собраниям несколь-

* Пер. с англ. **Д.А. Прияткина**.

[1] См.: *Raptischinsky B.* Peter de Groote in Holland in 1697–1698. Een historische schets (Zutphen n.d. [1925]), и более современное: Harry de Bles and Graddy Boven (eds.). Een maritieme droom. Tsaar Peter de Grote en de Russische Marine. Amsterdam, 1997; *Driesen J.* Tsaar Peter de Grote en zijn Amsterdamse vrienden. Utrecht; Antwerpen, 1996.

ких военно-морских музеев. Отправной точкой послужит довольно пёстрое собрание музея, который я имею честь возглавлять — Национального Военно-морского музея Амстердама. Среди его экспонатов есть модели кораблей, живописные полотна, эстампы, печатные работы и неопубликованные документы. Тема моего сообщения — важность этих артефактов для понимания взаимного культурного и технического сотрудничества между нашими странами.

ЦИФРОВАЯ КОДИФИКАЦИЯ ЭКСПОНАТОВ В ВОЕННО-МОРСКИХ МУЗЕЯХ

Чтобы подойти вплотную к интерпретации разнообразия, объёма и значимости нашего музейного собрания, необходимо оценить качество и количество артефактов, связанных с Россией, в собраниях других голландских музеев. 10–15 лет тому назад в системе доступных для исследований экспонатов военно-морских музеев Голландии произошли коренные перемены. Примерно в 2000 году музеи Роттердама и Амстердама ввели цифровую кодификацию Maritiem Digitaal — поисковый механизм, представляющий собой систему данных, с описанием разделов музейного собрания. В настоящее время часть собраний, по крайней мере, четырнадцати военно-морских музеев (двенадцати в Нидерландах, одного в Бельгии и одного в Великобритании) поддерживают связь друг с другом благодаря этой общей системе цифровой кодификации[2]. В общей сложности можно найти информацию и изображение приблизительно 850 000 артефактов. При этом следует учитывать, что объём собрания только Национального Военно-морского музея в Амстердаме насчитывает около полумиллиона экспонатов. Таким образом, картинка, которую даёт нам цифровая кодификация артефактов военно-морского дела, представляет собой пресловутую верхушку айсберга.

Попробуем ввести в компьютер несколько главных понятий, связанных с отношениями между Россией и Нидерландами. Можно набрать Россию и получить 191 справку под названием Russia, или 250 справок под именем Rusland, найти 29 справок под именем Peter the Great и 59 под именем Peter de Grote, 14 по Sint Petersburg, 2 по Saint Petersburg и 83 по St. Petersburg. Многие из этих справок вовсе не о материальной культуре XVII или XVIII веков; большинство артефактов, сведения о которых даёт нам компьютер, представляют

[2] См.: www.maritiemdigitaal.nl; this search machine is organized bi-lingually (Dutch or English).

собой фотографии времён Второй мировой войны. В целом, эти цифры не так уж впечатляющи, поскольку составляют лишь ничтожный процент общего числа данных базы Цифровой кодификации Военно-морского дела.

ТОЛКОВАНИЕ

Однако, каковы бы ни были эти цифры, они не отражают важности этих собраний. Работая над статьёй, я исследовал артефакты, которые можно найти по ключевым словам Rusland (250) и Peter de Grote (59), сосредоточив главное внимание на материальной культуре Петровской эпохи. Я могу с полным правом утверждать, что военно-морские музеи Нидерландов располагают огромным количеством фотографий, касающихся отношений между офицерами военно-морского флота Голландии и России. Большинство справок, полученных под словом Rusland, оказались связанными с совместными учениями русских и голландских моряков. Мне удалось также обнаружить несколько интересных артефактов, имеющих отношение к жизни моряков в целом, и к сувенирам, которые голландские моряки привозили с собой из России.

Рассмотрим обнаруженные нами артефакты подробнее. Что именно они представляют собой и что могут поведать нам о Петровской России и голландских собраниях военно-морских музеев? Начнём с моих поисков под ключевым словом Peter de Grote (59 справок): они дали 19 предметов, касающихся Петра Великого и его эпохи, хотя эти рисуночные изображения относятся к более позднему времени — они были сделаны много лет спустя, и фон, на котором представлен царь Пётр, относится скорее к XIX веку.

Из 250 справок, полученных по ключевому слову Rusland, только 34 касались Петровской и допетровской эпох. К счастью, располагая богатой базой данных, собранной в нашем музее и непосредственно связанных с коллекцией памятников в нём, я сумел добавить к этому списку несколько примечательных артефактов, в основном, живописные полотна и модели кораблей.

КАТЕГОРИИ И МЕСТА

Какие категории изображений можно выделить?

1. Картографические материалы. Голландская картография XVII века, касающаяся России до эпохи Петра Великого, в изобилии представлена в собраниях музея. Самые ранние картографичес-

кие документы, связанные с Россией, относятся к середине XVI века, но большая часть морских и прочих карт — к периоду царствования Петра I, приблизительно с 1660-х годов до первой половины XVII века.

Илл. 1. Портрет Петра I работы Луи Каравака, 1685–1752. Национальный военно-морской музей в Амстердаме

2. Графические изображения. Прежде всего, портреты самого государя, большинство из них — гравюры, скорее всего исполненные позже. В собрании Национального Военно-морского музея есть несколько полотен, имеющих прямое отношение к Петру Великому [илл. 1]. Портрет, который считается работой Луи Каравака (1685–1752), французского художника, в 1715 году приглашённого от имени Петра Великого в Россию для работы придворным портретистом. Каравак прожил в Петербурге бóльшую часть своей жизни вплоть до смерти в 1752 году.

Две другие картины имеют отношение к морскому делу, обе написаны Абрахамом Сторком [илл. 2, 3]. Они изображают голландское торговое судно Ост-Индской компании, на котором, как считалось, плотником работал государь Пётр I, когда учился на голландских верфях в Амстердаме — примечательно, что судно называлось «Пётр и Павел (Peter and Paul). Кроме этих полотен, Сторк написал также картину Показательного боя, устроенного в честь посещения Петром I Голландии в 1697 году.

Если не считать этих произведений, написанных при жизни Петра, большинство других графических изображений относятся к гораздо более позднему периоду — к XIX веку и позже, и, как правило, посвящены пребыванию Петра I в Амстердаме и Заандаме. В Амстердаме государь встречался с высокопоставленными лицами — в том числе, с Николаасом Витсеном, бургомистром Амстердама с 1682 по 1706 год [илл. 4] Витсен вероятно, и познакомил царя Петра с кораблестроителями верфи Ост-Индской компании, нахо-

Илл. 2. Судно Ост-Индской компании «Пётр и Павел» во время посещения его Петром I на одномачтовом судне.
Картина работы Абрахама Сторка, ок. 1700.
Национальный военно-морской музей в Амстердаме

Илл. 3. Показательный бой, устроенный в честь посещения Петром I Голландии, 1697. Картина работы А. Сторка, ок. 1700.
Национальный военно-морской музей в Амстердаме

Илл. 4. Посещение Петром I
Николааса Витсена.
Гравюра Иакова Эрнста Маркуса, 1814.
Военно-морской музей в Роттердаме

дившейся буквально в нескольких сотнях метров от Военно-морского музея [илл. 5]. Судя по всему, корабли больше всего интересовали государя во время его посещения Голландии!

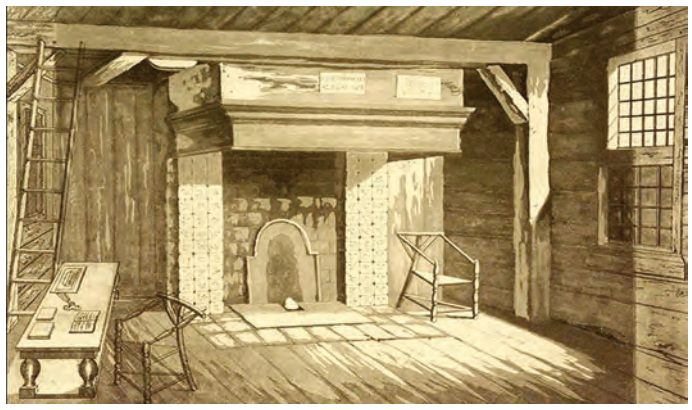
Изображения посещения Петром I Заандама отличаются романтическим характером. В этом городке, в нескольких километрах к северу от Амстердама, государь поселился в небольшом домике у моря. Целая плеяда художников — в основном офортистов — наперебой стремилась запечатлеть госу-

Илл. 5. Копия голландского торгового судна Ост-Индской компании (1748).
На заднем фоне Национальный военно-морской музей в Амстердаме.
Здание построено в 1656 примерно в 500 метрах от верфи
Ост-Индской компании, где работал Пётр Великий

Илл. 6. Домик Петра I в Заандаме. Эстамп Вилема ван Сенуса. Национальный военно-морской музейя в Амстердаме

Илл. 7. Интерьер домика Петра I в Заандаме. Эстамп В. Ванн Сенуса. Национальный военно-морской музей в Амстердаме

даря в разной обстановке. Кажется, им особенно нравилось рисовать так называемую хижину царя Петра в Заандаме [илл. 6 и 7]. Поразителен контраст между скромностью жилища с величием их временного обитателя! Есть также гравюра, изображающая царя усердным подмастерьем, осваивающим науку судостроения, плотницкого дела и мореходства.

3. Другие материалы. Есть изображения флагов XVIII века, в том числе флага России. Есть гравюры, на которых представлены голландцы, сыгравшие важную роль в российской истории: морской врач и писатель Ван Венсел, русский адмирал голландского происхождения Логин Петрович Гейден, который командовал русскими кораблями в знаменитом Наваринском сражении, граф ван Гейден, русский вице-адмирал Российского Военно-Морского флота Корнелий Иванович Крюйс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В очень сжатом виде я попытался представить картину — далеко неполную — различных артефактов, связанных с русско-голландскими отношениями в эпоху Петра I и хранящихся в военно-морских музеях Нидерландов. Вероятно, обширное собрание этих военно-морских музеев выглядит несколько бледно в том, что касается памятников, связанных с эпохой Петра I. Мой беглый обзор объектов материальной культуры включает лишь несколько артефактов, относящихся непосредственно к Петру I и его эпохе. Значение их, тем не менее велико, они дают информацию из первых уст, являются свидетельствами людей, встречавших царя Петра и принадлежавших к его двору. К сожалению, большинство артефактов из нашего собрания датируется более поздним периодом, и следовательно, на них можно ссылаться с известной оговоркой, поскольку они романтизируют и факт посещения Петром I Голландии, и его работу в качестве подмастерья у плотников, а позже у кораблестроителей, и его жизнь в знаменитой хижине в Заандаме. Эти документы дают скорее представление о личности Петра, нежели о морских связях обеих держав, и никакого отношения не имеют к социальным, экономическим и военным контактам России и Голландии.

В целом, если исходить из главной темы моей статьи, обозначенной во вступительной части (в чём состоит важность собраний военно-морских музеев для понимания взаимного культурного и технического сотрудничества между нашими странами), актуальность обнаруженных в них артефактов невелика. Исследования моих русских коллег в области голландских памятников Петровских времён могут пролить дополнительный свет на природу и суть двусторонних связей между нашими странами, которые развиваются уже в течение четырёх столетий, очередной юбилей которых мы празднуем в этом году — что само по себе примечательно!

Г.А. Фафурин
(Санкт-Петербург)

Книжное собрание голландских типографов Эльзевиров (XVI – начало XVIII века) в отделе редких книг РНБ

Илл. 1. Экслибрис П.К. Сухтелена

В Отделе редких книг Российской национальной библиотеки хранится коллекция изданий знаменитых голландских типографов Эльзевиров [илл. 2] выпускавших книги с конца XVI до начала XVIII века[1]. Это собрание, насчитывающее около 3,5 тысяч экземпляров книг и почти 2 тысячи экземпляров диссертаций, входило составной частью в Отделение инкунабулов, Альдов и Эльзевиров, созданное в Император-

[1] Единственная монография на русском языке, посвящённая Эльзевирам: *Аронов В.Р.* Эльзевиры: история книжного искусства. М., 1975.

Илл. 2. Ряд книг из коллекции Эльзевиров. ОРК РНБ

ской Публичной библиотеке в 1851 году уже через десять лет вышел из печати её первый каталог[2].

Значительная часть экземпляров коллекции происходит из библиофильских собраний и, следовательно, несет на себе те или иные следы книжных пристрастий своих владельцев — роскошные переплёты, владельческие пометы, экслибрисы, маргиналии и т.п. Свыше 220 томов имеют экслибрис Петра Корнилиевича Сухтелена (1751–1836), голландца по происхождению, поступившего на русскую службу в 1783 году [илл. 1]. Сын голландского дворянина Корнелиуса ван Сухтелена (1713–1768), он учился на математическом отделении Гронингенского университета, затем служил в голландских инженерных войсках и участвовал в англо-голландских войнах 1773–1774 и 1778–1779 годов. 4 июля 1783 года из подполковников голландских инженерных войск был принят тем же чином в инженерную службу русской армии и определён в Экспедицию водных коммуникаций для осмотра и строительства каналов и шлюзов Вышневолоцкой системы. По поручению Екатерины II составил проект о соединении каналами Каспийского моря с Белым. К 1786 году составил типовой проект Старо-Калинкина моста через реку Фон-

[2] *Minzloff R.* Les Elzevir de la Bibliotheèque impeériale publique de St.-Pétersbourg. SPb., 1862.

Илл. 3. Экслибрис Шарля Питерса.

танку в Санкт-Петербурге[3]. Более трёх десятков книг принадлежали жившему в Генте (Бельгия) голландскому библиографу, собирателю и знатоку эльзевиров Шарлю Питерсу (Charles Pieters, 1782–1863) [илл. 3]. Некоторые книги происходят из собраний князя Сергея Михайловича Голицына (1774–1859), князя Ивана Давыдовича Орлова (1870–1918), профессора Бориса Владимировича Никольского (1870–1919). Многие экземпляры, судя по ярлыкам и наклейкам, номерам и другим надписям, сменили владельцев, часть книг сохранила светло-жёлтый пергаментный переплёт XVII века. Мне уже приходилось рассказывать об одном из редчайших эльзевировских изданий на латинском языке — книге Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей» (Амстердам, типография Даниэля Эльзевира, 1671). Дарственная надпись и один из экслибрисов на этом экземпляре свидетельствуют о том, что книги голландских типографов Эльзевиров имели хождение в России в начале XVIII века и читались людьми из окружения царя Петра[4]. Одна из самых ранних в данном собрании книг, к изданию которых был причастен основатель династии знаменитых печатников Лодевейк Эльзевир Старший (1546?–1617), — книга голландского купца, путешественника и историка

[3] См. о нём: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Пётр Корнилович фан Сухтелен // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. V. СПб., 2001. С. 344–357; *Сапожников А.И.* Библиотека и коллекции графа П.К. Сухтелена // Книга. Вып. 78. М., 2001. С. 280–300. Надо сказать, что в Императорской Публичной библиотеке в 1806–1816 гг. работал брат П.К. Сухтелена — Руфь Корнилиевич Сухтелен (174?–1819), где заведовал инкунабулами, а также всеми книгами на голландском языке, т.е. эльзевирами тоже. См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 1: 1795–1917. СПб., 1995. С. 516–517.

[4] Подробнее см. об этом: *Фафурин Г.А.* Уникальный экземпляр эльзевиров из собрания Отдела редких книг Российской национальной библиотеки // Труды ГЭ. Т. 64: Материалы науч. конф. «Петровское время в лицах — 2012». Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2012 г. / Ред. колл. Г.В. Вилинбахов, И.В. Саверкина и др. СПб., 2012. С. 295–303.

Ян Гюйгена ван Линсхотена (1563–1611) «Navigatio ac itinerarium Johannis Hugonis Linscotani in Orientalem sive Lusitanorum Indiam» [илл. 4 и 5], вышедшей в Гааге в 1599 году на латинском языке[5],

Илл. 4. Боевой слон из Кохинхины.
Иллюстрация из книги Яна Гюйгена ван Линсхотена «Navigatio ac itinerarium Johannis Hugonis Linscotani in Orientalem sive Lusitanorum Indiam». Le Haye, 1599

Илл. 5. Восточные типы: купец, писарь, брамины.
Иллюстрация из книги Яна Гюйгена ван Линсхотена «Navigatio ac itinerarium Johannis Hugonis Linscotani in Orientalem sive Lusitanorum Indiam». Le Haye, 1599

Илл. 6. Карта Святых мест на Ближнем Востоке.
Илл. из «La Sainte Bible». Amsterdam, 1669

описание морского путешествия в Ост-Индию, в португальскую колонию Гоа в 1583 году, а затем в Батавию для смены тамошнего архиепископа. Книга содержит множество карт и иллюстраций, сделанных во время этого плавания, этнографических зарисовок, описаний обычаев, верований и костюмов народов Юго-Восточной Азии[6]. Линсхотену приписывают также копирование секретных португальских морских карт, что в дальнейшем позволило голландской и английской Ост-Индским компаниям нарушить португальскую монополию на знание проливов, течений и кратчайших морских путей в этом обширном регионе.

Среди жемчужин коллекции — роскошное издание Библии в двух томах, предпринятое Лодевейком и Даниэлем Эльзевирами в Амстердаме в 1669 году[7]. Это издание с многочисленными гравюрами и

[5] Полное описание издания см. в самом авторитетном каталоге эльзевировских изданий: *Willems Alphonse*. Les Elzevier: histoire et annales typographiques. Bruxelles: G.-A. van Trigt, éditeur; Paris: Adolphe Labitte; La Haye: Martinus Nijhoff, 1880. № 950.

[6] Интересующихся подробностями отсылаю к изданию: *Linschoten J.H., Burnell A.C., Tiele P.A.* The Voyage of John Huyghen van Linschoten to the East Indies: from the Old English Translation of 1598: the First Book, Containing his Description of the East. London: Printed for the Hakluyt Society, 1885. 2 vol.

[7] *Willems A.* Op. cit. № 1402.

Илл. 7. Лот с дочерьми. Иллюстрация к книге Бытия из «La Sainte Bible». Amsterdam, 1669

картами [илл. 6], несколько раз перепечатывалось (например, в Женеве в 1700 году), в Амстердаме в 1714 году вышло восьмое издание, напечатанное типографом Якобом Линденбергом. Один из этих экземпляров, переплетённый в роскошный сафьяновый переплёт начала XVIII века с суперэкслибрисом на верхней крышке переплёта и раскрашенными от руки картами и иллюстрациями к Священному писанию [илл. 7], предназначался, по-видимому, бургомистру Амстердама и директору Ост-Индской компании Яну Трипу ван Беркенроде (1664–1732). Том открывается списком подписчиков и лиц, участвовавших в расходах по переизданию эльзевировской Библии, среди них — представители семейств, так или иначе связанных с историей России, в частности, Николаас Витсен. Далее следует обращение издателя к бургомистру с благодарностью за содействие в перепечатке. Помещённый здесь же портрет Яна Трипа поражает художественными достоинствами и тщательностью проработки [илл. 8]. Экземпляр этой Библии поступил в 1920-х годах из библиотеки Санкт-Петербургской Духовной академии.

Особое внимание обращает на себя «Французский кондитер» («Le Patissier françois», Amsterdam, L. et D. Elzevier, 1655 год)[8], долгое

[8] *Willems A.* Op. cit. № 1187.

Илл. 8. Портрет управляющего Ост-Индской компанией Яна Трипа ван Беркенроде.
Иллюстрация из «La Sainte Bible». Amsterdam, 1669

временя считавшийся одним из самых редких эльзевировских изданий. Почти все экземпляры этого сборника кулинарных рецептов использовались по назначению и по этой причине были закапаны маслом и залиты соусом, поиски его библиофилами были обременительными и часто безрезультатными. Библиограф Шарль Питерс в 1843 году насчитывал всего-навсего пять уцелевших экземпляров. Когда был приобретён экземпляр в Императорскую Публичную библиотеку, заведующий Отделением инкунабул, Альдов и Эльзевиров Р.И. Минцлов заказал для него роскошный футляр у модного парижского переплётчика Нидре (Nidrée), о чём на самом футляре имеется выгравированная золотом надпись [илл. 9].

Непреходящее значение для истории науки и специального образования в Европе XVII века имеет собрание диссертаций, издаваемых Эльзевирами в типографии при Лейденском университете, своеобразные отчёты о диспутах, происходивших в присутствии ректора или деканов на трёх факультетах Лейденского университета — богословском, юридическом и медицинском. На титульном листе помимо имени защищающегося студента указывался город, откуда он прибыл на учёбу или название его родной местности. Общее

Илл. 9. Футляр в виде книги для «Le Patissier françois». Amsterdam, L. et D. Elzevier, 1655

число диссертаций — 1950, на них в XIX веке составлен каталог библиографом Фёдором Андреевичем (Христианом Фридрихом) Вальтером[9].

Коллекция Отдела редких книг РНБ, разумеется, не исчерпывает всех эльзевировских изданий, однако по её составу вполне можно изучать типографское наследие Эльзевиров в разные периоды. Достаточно сказать, что в коллекции представлено 77% лейденских изданий, вышедших с 1583 по 1712 год, 88% изданий за время существования амстердамского филиала фирмы (1638–1683), 67% книг, вышедших в Гааге (1590–1636), и полностью те 10 изданий, что были выпущены Эльзевирами в Утрехте с 1667 по 1675 год[10].

Французский философ и математик Рене Декарт тесно сотрудничал с Эльзевирами, издавая у них свои труды. Его «Geometria» (1659), «Les Passions de l'âme» (1659), «Specimina philosophiae seu dissertatio de methodo recte regende rationis» (1644) и другие произведения представлены в коллекции первыми и более поздними изданиями. Тем не менее, в 1658 году амстердамский филиал фирмы выпустил «Les Caractères des passions» Ла Шамбра, известного противника идей Декарта. Это издание также имеется в коллекции,

[9] *Walther Chr. Fr.* Catalogue méthodique des dissertations ou théses académiques imprimées par les Elzevir de 1616 à 1712. Bruxelles, 1864. О Вальтере см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки... С. 128.

[10] Сведения приводятся по: *Басов Н.П.* Книжные коллекции Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Отдел архивных документов РНБ. Ф. 12. Д. 1527. Машинопись). Благодарю Ирину Сергеевну Звереву за предоставление этих сведений.

Эльзевиры скрыли в нём своё имя под псевдонимом «? Amsterdam, chez Antoine Michel»[11].

Этот же приём используется и тогда, когда дело касается интересов самой Голландии. В коллекции несколько изданий (первое — 1609 год, 1618 год лейденские, и два амстердамских издания 1633 года) знаменитого трактата Гуго Гроция «Mare liberum» («О свободе морей») в защиту права Голландии на торговлю с Вест-Индией.

В 1636 году в Лейдене, без указания фирмы, Эльзевиры выпустили трактат Джона Селдена «Mare clausum» против Гроция, впервые вышедший в Лондоне и отстаивавший исключительное право Англии на вест-индскую торговлю. В коллекции представлено несколько сочинений (например, Bentivoglio, Strada), также без имени Эльзевиров, в которых излагается борьба Нидерландов против испанского владычества с враждебной Нидерландам позиции. Возможно, подобный подход к выпускаемой литературе был вызван стремлением использовать сенсацию для лучшего сбыта изданий[12]. Выпускались также книги по фехтованию, инженерному искусству, военному делу, фортификации. Трактат о строительстве крепостей Маттиаса Дёгена под названием «Architectura militaris moderna» (1-e ed. Amsterdam, 1647) («Krieges-Baukunst», Amsterdam, 1648) выдержал несколько изданий на латинском и немецком языках[13] [илл. 10].

После смерти крупного гебраиста, переводчика священных текстов, основателя типографии в Лейдене Томаса Эрпения (Erpenius, Thomas, 1584–1624) Эльзевиры приобрели его восточные шрифты и стали издавать книги на восточных языках. Они выпустили грамматику еврейского, халдейского и сирийского языков Людовика де Дьё, введение в изучение арабского языка Т. Эрпения (Rudimenta lingvae arabicae)[14] (оба издания вышли в Лейдене в 1628 году) и в 1634 году напечатанную там же книгу «Clavis talmudica» с параллельным латинским и еврейским текстом[15]. В коллекции есть также «Historia saracenica»[16] напечатанная в Лейдене в 1625 году с параллельным текстом на арабском и латинском языках, в сафьяновом переплёте тёмно-лилового

[11] [*Варбанец Н.В.*] Коллекция эльзевиров // Путеводитель по фондам Отдела редких книг // ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1961. С. 124–125 (рота-принтное изд.).

[12] Там же. С. 125.

[13] *Willems A.* Op. cit. № 1047.

[14] Ibid. № 295.

[15] Ibid. № 398.

[16] Ibid. № 232.

Илл. 10. Гравированный титульный лист книги Маттиаса Дёгена «Krieges-Baukunst», Amsterdam, 1648

цвета работы Мариуса Мишеля (Marius Michel). Кстати сказать, если уж мы упомянули этого модного переплётчика середины XIX века, следует назвать и других, благодаря которым коллекция выглядит так эффектно: Бозериан-Младший (Bozerian le Jeune), Дюрвиль (Durville), Тибарон-Жоли (Thibaron-Joly), Нидре (Nidrée), Жюль Мейер (Jules Meyer), Дюрю (Duru).

Преобладание гуманитарной тематики в эльзевировских изданиях объясняется, по-видимому, не только тем, что с ними сотрудничал Даниэль Гейнзиус (Heinsius, Daniel (1580–1655), за свои учёные занятия прозванный Феокритом из Гента, но и тем, что на неё у публики был более высокий спрос. Тем не менее, Эльзевиры издавали также книги по математике, философии, медицине, географии, и другим естественнонаучным дисциплинам. Отметим, что эти книги были в читательском обороте в России в XVIII–XIX веках. Одна из книг по началам философии хранит экслибрис новгородского епископа Феофана Прокоповича, том Р. Декарта «Meditationes de prima philosophia» (Amsterdam, 1670)[17] принадлежал архиепископу Антонию, в миру Николаю Михайловичу Знаменскому (1765–1824)[18], на титульном листе книги есть его владельческая надпись на латинском языке. Хорошо сохранившийся французско-немецко-латинский словарь Натана Дуэза (Амстердам, 1664)[19] находился когда-то в биб-

[17] Ibid. № 1430.

[18] См. о нём: Заметки из биографии архиепископа Антония Знаменского / Сообщил о. Макарий // Странник. 1868. Т. 4. № 12. Отд. 1. С. 108–114.

[19] Dictionarium gallico-germanico-latinum. Par Nathanael Duez. À Amsterdam, chez Louys et Daniel Elzevier, 1664; *Willems A.* Op. cit. № 1326.

Илл. 11. Титульный лист книги «Russia seu Moscovia». Lugduni Batavorum, 1630

лиотеке библиографа и издателя «Библиографических записок» Михаила Петровича Полуденского (1830–1868)[20] и украшен его экслибрисом[21].

Свои малоформатные «карманные книги» Эльзевиры стремились издавать и продавать как можно дешевле. Оформление их, как правило, было скромным, без иллюстраций, если не считать гравированного титульного листа или фронтисписа, а если не гравированного, а наборного, то непременно с одной из эльзевировских эмблем — типографской маркой — «Минервы», «Отшельника», «Сферы» или «Орла»[22]. Следует сказать несколько слов о серии малоформатных книг, каждая из которых посвящалась отдельному государству. Книги серии «Малые республики» содержат описания разных стран или рассказы о них путешественников. Изданные с большим вкусом томики печатались в 12° или 24° долю листа. В посвящённой России книге «Russia seu Moscovia» (Lugduni Batavorum, 1630)[23] [илл. 11] собраны рассказы иностранцев, посещавших Россию или бывших в ней на службе. На титуле изображены бородатые «московиты» в высоких шапках. Второе, несколько расширенное издание появилось на свет в том же году. В 1672 году Эльзевиры издали «Реляцию о трёх посольствах графа Карлейля, посла Карла II, короля Великобритании, к Алек-

[20] О нём см.: Книга: Эциклопедия / Гл. ред. В.М. Жарков. М., 1999. С. 502.

[21] *Богомолов С.И.* Российский книжный знак. 1700–1918. М., 2010. С. 657–658.

[22] *Немировский Е.Л.* Очерки по истории издательской марки: издательско-полиграфические марки Эльзевиров // Мир этикетки. 2004. № 2. С. 54–56.

[23] *Willems A.* Op. cit. № 336.

сею Михайловичу, царю и великому князю Московии»[24], однако этой книги в коллекции РНБ нет.

Молодой российский царь Пётр, будучи в Голландии, несомненно, знакомился с книжной продукцией голландских издателей, в том числе Эльзевиров. Вполне вероятно, что ясный, чёткий и вместе с тем простой и радующий глаз своими прекрасными пропорциями шрифт эльзевировских изданий подвигнул самодержца-реформатора на введение гражданского шрифта в России. Несколько книг, напечатанных позднее в России, были переведены по указанию Петра I с эльзевировских изданий. В частности, речь идёт о «Geographia generalis» Бернгарда Варениуса. Впервые эта книга была издана Эльзевирами в 1650 году[25] и перепечатывалась ими в 1664 году[26] и 1671 году[27]. По распоряжению Петра I она была переведена на русский язык и в 1718 году напечатана гражданским шрифтом[28]. Переводчик с латинского оригинала Фёдор Поликарпов (?–1731) при работе с текстом столкнулся с проблемой отсутствия в русском языке специальной терминологии, поэтому нередко передавал латинские слова буквами русской азбуки — отсюда вместо слова «поверхность» у него «суперфикция», вместо «дуги» — «аркус», вместо «угла» — «ангул» и т.п., за что Пётр на него гневался и призывал переводить ясными славянскими словами не букву, а смысл[29].

Эльзевировские издания рано стали предметом библиофильских предпочтений и коллекционирования, они служили ценным подарком в кругах образованного сословия, составляли ценное ядро личных библиотек как известных деятелей, оставивших заметный след в истории, так и обычных людей, многочисленных собирателей и любителей книги. Это обстоятельство лишний раз убеждает исследователей в том, что изучение старой книги может многое рассказать о её прежних владельцах и напомнить о событиях далекого прошлого. Коллекция эльзевировских изданий, собранная и хранящаяся в Отделе редких книг РНБ, составляет её жемчужину и представляет собой непреходящую ценность.

---

[24] Ibid. № 1829.

[25] Ibid. № 1120.

[26] Ibid. № 1330.

[27] Ibid. № 1463.

[28] Описание изданий гражданской печати 1708 — январь 1725 года / Сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1955. № 306.

[29] Об этом см.: *Брайловский С.Н.* Ф.П. Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // Журнал Министерства народного просвещения. 1894, сентябрь–ноябрь.

Т. де Грааф
*(Нидерланды)**

Некоторые российско-голландские проекты по изучению языков и культур малых народов России

ВВЕДЕНИЕ

Научно-исследовательская программа «Голоса из тундры и тайги» (Voices from Tundra and Taiga) была разработана для изучения языков и культур Российской Федерации, находящихся под угрозой исчезновения и нуждающихся в скорейшем описании до того, как они исчезнут. Этому исследованию повезло в том отношении, что в архивах Санкт-Петербурга была обнаружена работа по реконструкции старых звукозаписей, позволившая сравнить языки, на которых в настоящее время говорят в ареале исследования, с языками, на которых говорили там более полувека назад.

В настоящее время многие старые записи по-прежнему хранятся в архивах и в местах, где качество сохранности не гарантировано. В рамках нашей исследовательской программы по сохранению архивов, находящихся под угрозой исчезновения, мы получили доступ к части записей и добавили их в базу данных, разработанную

* Пер. с англ. **Д.А. Прияткина**.

в Санкт-Петербурге. Задача программы — перезаписать материал на современные носители и сохранить их в надёжном месте, снабдив метаданными. Способ хранения, обеспеченный программой, поможет модернизировать архивную работу в Российской Федерации и привести её в соответствие с современными мировыми стандартами. В этой статье мы также рассмотрим сведения о вымирающих языках и некоторые результаты аналогичных проектов по работе с архивами. Телевизионный фильм о совместных российско-голландских проектах в Санкт-Петербурге можно найти на вебсайте: http://www.mercator-research.eu/research-projects/endangered-languages/the-last-strains-of-a-language/

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В ЗВУКОВЫХ АРХИВАХ

Во второй половине XIX века великое изобретение Томаса Эдисона фонограф, с 1880 года используемый для записи звуков, — радикально изменило возможности лингвистических исследований (De Graaf 1997, 2002c). Впервые в истории люди смогли хранить и прослушивать акустические данные и воспроизводить их на других носителях. Вскоре этнологи, фольклористы, лингвисты, композиторы и просто любители стали использовать это новое устройство для сбора информации по устному материалу и музыке различных культурных групп.

Для воспроизведения звука со старых восковых цилиндров были созданы современные воспроизводящие устройства цилиндрической формы, использующие лёгкие головки звукоснимателя для механического извлечения сигнала. Для минимизации порчи цилиндра повторным проигрыванием, а также для извлечения содержания из повреждённых цилиндров разработано несколько оптических методов бесконтактного, безвредного проигрывания. Первый из них представлен японской группой разработчиков (Асакура и др., 1986). В 1988 году меня пригласили поработать несколько месяцев с этой группой в Саппоро (Япония), где я смог применить этот метод и перенять опыт японских коллег.

С 1902 по 1905 год польский антрополог Бронислав Пилсидский записал с помощью фонографа речь и песни айнов (айну) с островов Сахалин и Хоккайдо для изучения их культуры. Восковые цилиндры с записями были обнаружены в Польше и переданы Японии, где исследовательская группа профессора Асакура помогла восстановить этот ценный материал. Во время моего пребывания в Японии профессор Киоко Марусаки познакомил меня с последними носи-

телями языка сахалинских айнов, проживающими на Хоккайдо (Марусаки, 2001), и предложил совместную поездку на Сахалин для проведения полевых исследований. В 1988 году Сахалин был отрезан от внешнего мира, но в 1990 году стало возможно организовать первую этнолингвистическую экспедицию на остров, и я присоединился к этой экспедиции (De Graaf 1992). Айнов мы там не обнаружили, зато сумели посетить различные районы Сахалина, где проживают нивхи. Следующие разделы этой статьи посвящены проектам, связанным с использованием звуковых архивов для изучения языка меньшинств, в частности, айнов и нивхов.

НЕКОТОРЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОЕКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВЫМИРАЮЩИМИ ЯЗЫКАМИ И ЗВУКОВЫМИ АРХИВАМИ

В этом разделе мы опишем несколько проектов, предпринятых нашей исследовательской группой для изучения малых народов России и описания соответствующих вымирающих языков. Для этого использовались данные из архивов в сочетании с результатами современных полевых исследований в нескольких районах Российской Федерации. С 1992 года эти проекты получают финансовую поддержку от Научно-исследовательской организации Нидерландов (NWO), Международной ассоциации по содействию сотрудничеству с учёными новых независимых государств бывшего Советского Союза (INTAS) при Европейском Союзе и ООО «Сахалинская энергетическая инвестиционная компания».

Когда делались записи, стало очевидно, что для сохранения собранных данных потребуется централизованная площадка. В начале XX века для этого были созданы звуковые архивы, самые ранние из которых находились в Вене, Берлине и Санкт-Петербурге. Звуковые архивы Российской Академии наук в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге содержат около 7000 восковых цилиндров для фонографа Эдисона и более 500 восковых дисков. История российской этнографии представлена также обширным фондом граммофонных пластинок и богатейшей коллекцией магнитофонных записей русского фольклора. Материалы собрания весьма разнообразны (De Graaf 2001, 2002a). Многие записи из основных фондов использовались в наших совместных проектах с Санкт-Петербургом.

Первый из них, «Использование акустических баз данных и исследование языковых изменений» (1995–1998), получил финансовую поддержку организации INTAS при Евросоюзе в Брюсселе. Мы смог-

ли реконструировать некоторые записи из Пушкинского дома и сделать их доступными для дальнейших исследований, что важно не только по культурно-историческим причинам, но и для описания языка и изучения прямых свидетельств языковых изменений. Во втором проекте INTAS, «Звуковые архивы Санкт-Петербурга в мировой сети» (1998–2001), некоторые звукозаписи были выложены в Интернет и теперь доступны для дальнейшего изучения (De Graaf 2004a). В обоих проектах партнёром, ответственным за технические вопросы выступил Архив фонограмм (Phonogrammarchiv) Австрийской Академии наук. Для этих проектов мы, в первую очередь, завершили реконструкцию материалов звукового архива из собрания Жирмунского. Знаменитый лингвист В.М. Жирмунский записал в 1927–1930 годах немало устного материала, в частности, песни немецких поселенцев, на вощёные картонные диски. В рамках проекта INTAS эта коллекция была скопирована на магнитофонную ленту и теперь хранится в специальной базе данных. Для нашего третьего проекта INTAS, «Создание полнотекстовой базы данных по финно-балтийским языкам и русским диалектам Северо-запада России» (2000–2003), мы подготовили опись языков малых финно-угорских народов вокруг Санкт-Петербурга и в Карелии. Она даёт специфическую лингвистическую картину региона, где на вымирающих языках, наподобие вепсского, ижорского, вотяцкого, ижорско-финского и карельского, и различных русских архаических диалектах говорят близкие соседи.

В Санкт-Петербургских звуковых архивах содержатся важные данные по идиш, языку евреев Восточной Европы, на котором в начале XX века говорили миллионы жителей Российской империи. В архивах мы обнаружили неопубликованную рукопись «Баллада в еврейском фольклоре», дополненную звуковым материалом на восковых цилиндрах. Вместе со специалистами из Петербурга мы провели исследование акустического материала звуковых архивов в рамках проекта «Голоса из штетла: прошлое и настоящее языка идиш в России» (1998–2001), финансовую поддержку которого мы получили из научно-исследовательских фондов NWO (De Graaf, Kleiner and Svetozarova 2004).

Во время экспедиций в северную Якутию, в район Алтая и на Сахалин мы исследовали процессы языковых сдвигов и языковой смерти у некоторых коренных народов России. Как было сказано, наша первая международная экспедиция состоялась в 1990 году на остров Сахалин, где мы искали представителей айнов, нивхов и уйльта (орочи) и делали записи их языков. В следующих разделах мы рассмотрим айнов и нивхов, их историю и положение.

ЯЗЫКИ САХАЛИНА

Остров Сахалин принадлежит Сахалинской области, одной из самых восточных регионов Российской Федерации. С 1905 по 1945 год, после русско-японской войны, южная часть острова (Карафуто) принадлежала Японии, за это время там поселилось около полумиллиона японских иммигрантов. Коренное население Сахалина состояло из палео-сибирских и тунгусских племён, в частности, нивхов (гиляков) и уйльта (орочей) на севере и в центре, и айнов на юге. Количественно они были невелики и в процессе русской (с севера) и японской (с юга) колонизации, стали численно уступать этим более сильным народам. Изолированная жизнь вдали от политических центров позволила им долгое время сохранять язык и культуру, но с начала XX столетия процесс ассимиляции постепенно усилился.

Летом 1990 года я принял участие в первой экспедиции на Сахалин для исследования языковой и этнографической ситуации населяющих его малых народов. Замысел состоял в том, чтобы найти айнов и представителей других меньшинств. К сожалению, айнов обнаружить не удалось, единственным человеком, представлявшим язык и культуру сахалинских айнов был Асаи Таке-сан, нформант с Хоккайдо, (De Graaf 1992, Murasaki 2001).

Язык айнов — единственный исчезающий язык Японии, язык нивхов — представитель множества малых языков России. Из имеющихся демографических данных мы смогли заключить, что в 1989 году местные северные народы образовывали крайне незначительное меньшинство в общем населении Сахалина: этническая группа нивхов составляла лишь 0,3% (De Graaf 1992). Среди малых народов Российской Федерации народам Севера принадлежит особая роль. Всего насчитывается около тридцати различных групп, все они живут в северных районах страны, граничащих с Северным Ледовитым океаном, от Скандинавии до Берингова моря и Тихого океана. Эти народы позже других испытали на себе действие Советской власти: в начале 1930-х годов советский режим пытался полностью подчинить себе эти народы и внедрить в их среду русский язык и культуру.

Язык нивхов относится к палео-сибирским, на нём говорят племена, населяющие низовья Амура на Дальнем Востоке и в северных и центральных частях острова Сахалин (Gruzdeva 1998). В 1989 году насчитывалось около 4400 нивхов, из них родным языком владело не более 15%. Переход сахалинских нивхов с родного языка на русский можно объяснить усилением их контактов с другими жителями острова, прежде всего русскими переселенцами, прибывшими с

материка на остров для эксплуатации его богатых природных ресурсов (нефть, уголь, лес, рыба). До этого нивхи занимались охотой и рыболовством в своих изолированных от мира деревнях, но всё больше вступали в контакт с переселенцами, которые проводили активную политику обучения и влияния на аборигенов восточных краёв России.

В последнее время предпринимаются шаги по сохранению языков и культур малых народов Российской Федерации, в частности, нивхов (De Graaf and Shiraishi 2004), в некоторых школах вводятся уроки нивхского языка. Эта учебная программа была введена в специальных интернатах для детей этнических меньшинств в Ногликах, Чир-Унвде и Некрасовке. Мы посетили эти школы и узнали о методике преподавания нивхского языка в начальных классах. В 2003 году мы организовали специальный семинар для учителей нивхского языка в Южно-Сахалинске.

В ходе полевых работ на Сахалине был собран значительный лингвистический материал о языках малых народов. Большинство респондентов были пожилыми людьми с сильной мотивацией к использованию родного языка, например, в качестве членов фольклорных групп. Практически все молодые люди, с которыми мы беседовали, своим родным языком активно не владели и с родителями общались исключительно по-русски. В интервью с информантами-нивхами, они высказывались в пользу сохранения своей культуры и соглашались с тем, что русский язык и культура играют огромную роль в их жизни, но им хотелось бы, чтобы их родной язык и культура сохранились.

ГОЛОСА ИЗ ТУНДРЫ И ТАЙГИ

Важная работа, связанная с лингвистическими базами данных в Санкт-Петербурге, касается записей языков таких малых народов Российской Федерации, как нивхи, тунгусы, якуты и др. (De Graaf 2004a). Одна из наших целей — использовать эти записи для создания фонетической базы данных языков России, что найдёт широкое применение в науке, культуре и технике. В рамках исследовательской программы «Голоса из тундры и тайги», начатой в 2002 году, мы соединили данные старых звукозаписей с результатами современных полевых изысканий, чтобы получить полное описание языков и культур этнических групп России. Звукозаписи из Санкт-Петербурга состоят из речи, народных песен, сказок и т.д., в том числе на сибирских языках (Бурыкин и др. 2005, De Graaf 2004a).

Спонтанная речь и чтение подготовленных текстов собраны для (этно)лингвистического, антропологического, фольклористического и этно-музыковедческого анализа. Эти данные записаны (в том числе на видео) и проанализированы, они наглядно иллюстрируют искусство рассказчиков и их владение языком. Вышеописанные тексты будут опубликованы в научных журналах и книгах с аудиовизуальными иллюстрациями на CD-ROM и/или в Интернете, а значит будут доступны для анализа учёными, занимающимися фонетикой, лингвистикой, антропологией, историей, этно-музыковедением и фольклором.

Мой аспирант, японский учёный Хидетоси Сирариси и его нивхская коллега Галина Лок опубликовали серию книг с нивхскими рассказами, псенями и разговорами, в которых соответствующие тексты впервые записаны на CD. Первые выпуски серии «Звуковые материалы нивхского языка» (Sound Materials of the Nivkh Language, Shiraishi and Lok 2002, 2003, 2004) увидели свет благодаря исследовательской программе «Голоса из тундры и тайги». Этот уникальный материал полезен не только лингвистам, но и самим носителям языка — в их среде его можно применять для обучения. В сентябре 2006 года Сирариси защитил в Гронингенском университете диссертацию «Аспекты нивхской фонологии» (Shiraishi 2006).

АРХИВЫ, НАХОДЯЩИЕСЯ ПОД УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Летом 2005 года мы выступили с докладом по проекту «Голоса из тундры и тайги» и опубликовали каталог существующих записей рассказов, фольклора, пения и устных преданий народов Сибири (Бурыкин и др. 2005). Таким образом этот материал стал доступен для анализа исследователями в области фонетики, лингвистики, антропологии, истории, этно-музыковедения и фольклора. Информация очень важна также для разработки методов обучения представителей соответствующих этнических групп, сохранения и возрождения их языков и культур.

Санкт-Петербургский институт языкознания — важнейший российский центр изучения малых и региональных языков Российской Федерации. Учёные этого института собрали значительный звуковой материал, но бóльшая его часть (первичные данные) находятся в неприспособленных местах, а соответствующие полевые записи, рукописи, картотеки (вторичные данные) хранятся как в институте, так и в частных архивах. В проекте, который, начиная с сентября

2006 года, получает финансовую поддержку от специальной Программы по архивам, находящимся под угрозой исчезновения, при Британской библиотеке, мы сделали часть этих звуковых коллекций доступными и добавили их к базе данных, разработанной в Санкт-Петербурге.

Партнёром в этом новом проекте вновь стал Архив фонограмм Австрийской Академии наук. Задача проекта — перезапись материала на звуконосителях в соответствии с современной технологией (Schüller 2005) и хранение их с метаданными в специально приспособленном месте. Средства хранения, предоставленные проектом, возможно, помогут модернизировать архивное дело в Российской Федерации и вывести его на уровень современных мировых стандартов.

Первоначальные магнитофонные записи на бобинах и кассетах были скопированы на жёсткие диски. В общей коллекции, превышающей 111 часов (218 гигабайт) оцифрованного звукового материала представлены следующие языки: азербайджанский, балучи (белуджский), чагатайский, чатрорский, дари (фарси-кобули), энецкий, кати, керекский, менджонский, ненецкий, нганасанский, парачи, пашаи, пашто, русский, шугнанский, таджикский, удэгейский, вайгали и ваханский. Эти цифровые звуковые архивы дают информацию об историческом развитии языков и могут быть использованы для описания языков (в первую очередь, исчезающих языков малых народов России), изучения фольклора и этнической музыки.

Столь же значительные собрания имеются и в других регионах России — не только в официальных учреждениях, но и в частных руках, нередко в угрожающем состоянии. Пример тому — частные коллекции по нивхам в Южно-Сахалинске, Владивостоке, Лондоне и других городах. В большинстве случаев качество хранения коллекций оставляет желать лучшего. В рамках нашего долгосрочного сотрудничества с сахалинскими учёными, мы собираемся создать в Южно-Сахалинске хранилище для звукового материала, связанного с языками коренного населения Сахалина. Самые значительные здесь — уже упомянутые собрания по нивхам, а также материал по сахалинским айнам и орочам. Новые проекты откроют нам доступ к этим коллекциям, позволят скопировать их на современные носители, составить доступный каталог и опубликовать часть материала. К участию в подготовке этих проектов будут привлечены учёные как с Сахалина, так и с других регионов России. Мы надеемся, что в будущем такого рода совместная русско-голландская деятельность станет реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

Asakura T. et al. 1986. Reproduction of sound from old wax phonograph cylinders using the laser-beam reflection method (Воспроизводство звука со старых восковых цилиндров для фонографа методом лазерной рефлексии). Applied Optics, Vol. 25, no. 5. P. 597–604.

Бурыкин А., Гирфанова А., Кастров А., Марченко И., Светозарова Н., 2005. «Коллекции народов Севера в фонограммархиве Пушкинского Дома». Филологический факультет, Санкт-Петербургский университет.

De Graaf T. 1992. Small languages and small language communities: news, notes, and comments. The languages of Sakhalin. (Малые языки и малые языковые сообщества: новости, заметки и комментарии. Языки Сахалина) // International Journal of the Sociology of Languages 94. P. 185–200.

De Graaf T. 1997. The reconstruction of acoustic data and the study of language minorities in Russia (Реконструкция акустических данных и изучение языковых меньшинств в России) // Language Minorities and Minority Languages. Gdansk: Wydawnicstwo Uniwersytetu Gdanskiego. P. 131–143.

De Graaf T. 2001. Data on the languages of Russia from historical documents, sound archives and fieldwork expeditions (Данные о языках России по историческим документам, звуковым архивам и полевым исследованиям) // Murasaki K. (red.) Recording and Restoration of Minority Languages, Sakhalin Ainu and Nivkh, ELPR report, Japan. P. 13–37.

De Graaf T. 2002a. The Use of Acoustic Databases and Fieldwork for the Study of the Endangered Languages of Russia (Использование акустических баз данных для изучения исчезающих языков России) Conference Handbook on Endangered Languages, Kyoto. Proceedings of the Kyoto ELPR Conference. P. 57–79.

De Graaf T. 2002b. Фонетические аспекты фризского языка и использование звуковых архивов // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. СПб., 2002. С. 52–57.

De Graaf T. 2002c. The Use of Sound Archives in the Study of Endangered Languages (Использование звуковых архивов в изучении исчезающих языков) // Music Archiving in the World, Papers Presented at the Conference on the Occasion of the 100th Anniversary of the Berlin Phonogramm-Archiv, Berlin. P. 101–107.

De Graaf T. 2004a. Voices from Tundra and Taiga: Endangered Languages of Russia on the Internet (Голоса из тундры и тайги: Вымирающие языки России в интернете) // *Sakiyama O., Endo F.* (eds.). Lectures on Endangered Languages: 5 — Endangered Languages of the Pacific Rim C005, Suita, Osaka. P. 143–169.

De Graaf T. 2004b. The Status of Endangered Languages in the Border Areas of Japan and Russia (Статус исчезающих языков в приграничных районах Японии и России) // *Argenter J.A., McKenna Brown R.* (eds.). On the Margins of Nations: Endangered Languages and Linguistic Rights. Proceedings of the Eighth Conference of the Foundation for Endangered Languages. Barcelona. P. 153–159.

De Graaf T., Kleiner Yu., Svetozarova N. 2004. Yiddish in St. Petersburg: The Last Sounds of a Language (Идиш в Санкт-Петербурге: Последние звуки языка)

Proceedings of the Conference «Klezmer, Klassik, jiddisches Lied. J?dische Musik-Kultur in Osteuropa». Wiesbaden, Harrassowitz Verlag. P. 205–221.

De Graaf T., Shiraishi H. 2004. Capacity Building for some Endangered Languages of Russia: Voices from Tundra and Taiga (Развитие потенциала для некоторых исчезающих языков России: Голоса из тундры и тайги) // Language Documentation and Description. Vol. 2. The Hans Rausing Endangered Languages Project, School of Oriental and African Studies, London. P. 15–26.

De Graaf T., Naarden B. 2007. Description of the Border Areas of Russia with Japan and Their Inhabitants (Описание приграничных районов России с Японией и их обитателей) // Witsen's North and East Tartary. Acta Slavica Iaponica, Tomus 24, 2005-220.

Gruzdeva E. 1998. Nivkh. München: Lincom Europa.

Murasaki K. 2001. Tuytah: Asai Take kojutsu, Karafuto Ainu no mukashi banashi (Old stories of the Sakhalin Ainu, Старые сказки сахалинских айнов). Tokyo: Sofukan.

Schüller D. (ed.) 2005. The Safeguarding of the Audio Heritage: Ethics, Principles and Preservation Strategy (Сохранность звукового наследия: этика, принципы и стратегия сохранения) (=IASA Technical Committee — Standards, Recommended Practices and Strategies, IASA-TC 03).

Shiraishi H., Lok G. 2002, 2003. Sound Materials of the Nivkh Language 1 and 2 (Звуковые материалы нивхского языка, части 1 и 2). ELPR Publications A2-15 and 36.

Shiraishi H., Lok G. 2004. Sound Materials of the Nivkh Language 3 (Звуковые материалы нивхского языка, часть 3) Publication of the International NWO project «Voices from Tundra and Taiga», University of Groningen.

Shiraishi H. 2006. Topics in Nivkh Phonology (Вопросы нивхской фонологии) Dissertation at Groningen University, September 2006, 177 p.

М. Стутен
(Нидерланды)

Проект «Архивный справочник: Россия – Голландия»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Голландия не связана с Россией своим колониальным прошлым — ни в рамках деятельности Голландской Ост-Индской компании, ни в какой-либо другой форме. И всё же на протяжении многих веков Россия и Голландия поддерживают друг с другом интенсивный контакт. Время от времени взаимоотношения между двумя странами переходили в искреннюю дружбу, иногда едва теплились, порой охлаждались до предела.

Уже в эпоху средневековья между Северным и Балтийским морями начали курсировать торговые суда. В Голландию они доставляли зерно, древесину, пушнину и поташ. В сторону Балтийского моря перевозилась соль, вино, текстиль, экзотические продукты, такие как специи и драгоценности. Россия не имела ещё выхода в Балтийское море, и торговля с Россией велась через посредничество Ливонии, Польши и/или Швеции. Первые прямые торговые контакты с Россией, датируемые второй половиной XVI века, проходили через крайний север, через важнейший порт Архангельск, расположенный в устье реки Северной Двины.

В эпоху Петра I с Голландией установились более интенсивные взаимоотношения. Царь лично посетил Голландию, чтобы познакомиться с её достижениями в экономике, военном деле и морской отрасли. Вернувшись домой, он основал новый российский город-порт на Балтийском море — Санкт-Петербург. Очень скоро город стали метко называть «окном на Запад» — такое назначение и было

задумано Петром I для Санкт-Петербурга и поддерживалось в дальнейшем его последователями. Уже в 1712 году Санкт-Петербург стал новой столицей России.

Отношения между Россией и Голландией развивались не только в области торговли. Благодаря браку в 1816 году между голландским наследным принцем Вильгельмом II и сестрой царя Александра I Великой княжной Анной Павловной, укрепились связи между династиями Оранских и Романовых.

После падения царского режима в России в 1917 году и расстрела царской семьи голландско-российские отношения практически свелись на нет. То, что голландская королева Вильгельмина использовала гибель своих дальних родственников, для того, чтобы отказаться признавать коммунистический режим, – общеизвестный факт. Только после немецкого вторжения в Россию во время Второй мировой войны Голландия одной из последних стран в мире вынуждена была признать в 1942 году новый режим в Москве. Во время «холодной войны», последовавшей сразу после Второй мировой войны, отношения между двумя странами чрезвычайно охладились. Только после падения коммунизма в конце XX века взаимоотношения между двумя государствами снова нормализовались.

Важная часть этого совместного прошлого отражена в архивах, собранных в России и Голландии на протяжении многолетнего двустороннего взаимодействия. Мы хотели бы подчеркнуть, что речь идет именно о взаимном культурном наследии.

КОНТЕКСТ

Россия – благодаря своим тесным историческим связям с Голландией – названа приоритетной страной в рамках Программы по общему культурному наследию на период 2009–2012 года. Программа, поддерживаемая Министерством образования, культуры и науки и Министерством иностранных дел Нидерландов, нацелена на устойчивое развитие, повышение местного потенциала, сотрудничество и доступность информации о совместном прошлом. С согласия Федеральной архивной службы России Национальный архив Нидерландов взял на себя задачу по созданию архивного справочника находящихся в Голландии архивов, связанных с голландско-российскими отношениями.

До сих пор исследователи, проявлявшие интерес к (совместной с Голландией) истории России, пользовались изданием «*Baltic Connections*», описывающим архивы, составленные в период 1450–

1800 годов. Этот период, однако, является слишком ограниченным, представленные в издании описания не отличаются подробностью. К тому же представленная в старом издании информация касалась не только России, но и всего Балтийского региона, из-за чего внимание России было уделено очень ограниченное. В новый справочник предполагается включить более подробные и глубокие описания в отношении России.

В 2000 году был создан Нидерландско-Российский архивный центр, переименованный позднее в Нидерландско-Российский центр. Этот центр, учреждённый при университете Гронингена, провёл за последние годы обширное исследование в сфере голландского культурного наследия в российских архивах и библиотеках и выпустил ряд публикаций: «Реестр архива Академии наук» (2001), «Коллекция Оранских-Романовых» (2003), «Голландский вклад в “Санкт-Петербургские ведомости”» (2004), «Роль Амстердама при строительстве Санкт-Петербурга» (2004), «Архив адмирала Корнелиуса Крюйса» (2008–2009) и «Лексикон голландцев, участвовавших в строительстве Санкт-Петербурга в период 1703–1750» (2009).

ЦЕЛЬ

Цель данного проекта – создание голландско-российского архивного справочника находящихся в Голландии архивов, связанных с российско-голландскими отношениями.

МЕТОД РАБОТЫ

На протяжении всего проекта использовалась база данных, в которую из голландских архивов вводились все относящиеся к вышеназванной теме архивные документы. Перед созданием этой базы данных в 2010 году был составлен обзор архивных документов, упоминающихся в издании «*BalticConnections*» – архивном справочнике, состоящем из трёх частей и описывающем взаимоотношения на море между странами Балтийского региона, включая Голландию, в период 1450–1800 годов. Этот справочник был издан в 2007 году. Часть, касающаяся голландских архивов, была тщательно изучена. Для каждого существенного для базы данных документа в формате Word были занесены номера страниц в издании «*Baltic Connections*» и инвентарные номера в архивах, где можно найти соответствующую информацию. Данный Word-файл был разделён по ключевым словам и по архивам, при этом была отмечена разница между документами, явно имеющими отношение к России (например, с клю-

чевыми словами «Россия» и «Москва»), и документами, имеющими возможное отношение к России (например, с ключевыми словами «заграница» или «международный»). Этот Word-файл употреблялся также для ввода всех значимых архивных документов в голландских архивах.

При создании базы данных мы пользовались содержащимися в издании «BalticConnections» архивными данными и базой данных, использованной при составлении каталога «Жизнь и деятельность Адмирала Корнелиуса Крюйса», изданного Нидерландско-Российским центром в 2009 году. При составлении этого каталога архивные данные также вводились в базу данных. Архивный справочник по Гане «Источники общего исторического прошлого Ганы и Голландии», изданный в 2007 году, был использован для определения критериев вводимых в базу архивных данных. Во взаимодействии с Национальным архивом было определено, какие поля в вышеназванной базе данных необходимы для базы данных архивного справочника. После изучения первых архивных документов в Национальным архиве список был расширен. Оказалось, что архивы содержат гораздо больше интересных и значительных сведений, чем предполагалось. В конце 2010 года все комментарии и замечания были учтены при составлении окончательной базы данных.

На уровне фондов в базу данных были введены следующие сведения: название фонда, номер доступа к архиву, название описи, период, объём, языки, доступность, наличие копий, фондообразование, краткое содержание и описание, архивы со сходными документами, публикации, прочие сведения и история ведения и комплектования архива. На уровне отдельных архивных документов вводилась следующая информация: инвентарный номер, описание, дата, группа, наличие копий/сканов и публичность.

В период осуществления исследовательской работы несколько раз проводились заседания комиссии по сопровождению этого архивного проекта. На заседаниях комиссии было, в частности, утверждено, что все значимые архивные документы, независимо от изменений российской территории, подлежат включению в базу данных. Это означает, что территории, в настоящее время принадлежащие Польше или Украине, но в прошлом относившиеся к России, являются значимыми для базы данных. Также было решено, что документы, составленные после 1991 года, вводиться в базу данных не будут.

Соответствующие архивы были исследованы по интернету, после чего значимые документы были введены в базу данных. Если

в отношении значимости определённых документов возникали сомнения, в соответствующем архиве проводилось дополнительное исследование.

Заранее был составлен список ключевых слов. В список включены следующие слова и их возможные вариации: Азов, Анна Павловна, Архангельск, Астрахань, Байкал, балтийский, Белоруссия, большевизм, Брежнев, Брест, Варшавский пакт, Василий, Виндава (Вентспилс), Витебск, Владивосток, Волга, Волгоград, Воронеж, Восточный блок, Выборг, Гагарин, Горбачев, Дон, Донецк, Дерпт, Екатеринбург, Иван, Иркутск, Кавказ, казаки, Казань, Керчь, Киев, Крюйс, Кронштадт, Крым, Курск, Ладожское озеро, Латвия, Ленин, Ленинград, Либау (Лиепая), Литва, Львов, Меншиков, Минск, Митава (Елгава), Молотов, Москва, Московия, Мурманск, Нарва, Нижний Новгород, Новая Земля, Новосибирск, Одесса, Омск, Орёл, Оренбург, Пернау (Пярну), Пётр I, Петроград, Псков, Ревель (Таллин), Рига, Россия, Ростов, русский, «русские голландцы», Рыбинск, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Сибирь, славянский, Смоленск, Советский Союз, СССР, Сталин, Сталинград, СЭВ, Таганрог, Таллин, Тартария, Томск, Троцкий, Тула, Украина, Урал, Фризенфейн, Харьков, Хрущев, царь, Чернобыль, Эстония, Ялта.

Каждое ключевое слово и его варианты были введены в поисковое поле на сайте определённого архивного учреждения. Результаты поиска один за другим были введены в базу данных. Таким образом, вся информация вводилась в соответствующие поля, и все описания значимых архивных документов полностью включались в базу данных. Если для определённых полей не находилось информации на уровне архивного фонда и архива, эти поля оставались пустыми. Это значит, что данная информация не доступна в базе данных. В базу данных не вводился изобразительный и звуковой материал, не считая нескольких исключений, но заносились карты, если они касались (части) российской территории или если её значительная часть содержала часть России.

Документы, в отношении значимости которых существовала неясность, упоминались отдельно. Это касается таких ключевых слов как «заграница», «иностранные державы», «различные страны» и т.п. Эти документы были проверены во время посещения соответствующих архивных учреждений. В случае их значимости они заносились в базу данных. В результате была создана максимально полная база данных. Вполне возможно, что какой-то архивный материал в базу данных ещё не введён, поэтому её пользова-

тели получают возможность указать, какой фонд и номер архивного документа отсутствует в базе данных, после чего эта информация будет в неё введена. В общей сложности в проекте было задействовано более 70 архивных учреждений, в базу данных было введено около 2000 фондов.

База данных доступна на веб-сайте Государственного Архива в Гааге с января 2014 года.

Е.В. Анисимов
(Санкт-Петербург)

Заключительное слово при закрытии Конгресса

Как говорил один мудрый человек, не нужно суетиться и хлопотать о своей репутации – она складывается независимо от усилий человека. Спустя пять лет после первого Конгресса петровских городов эти слова можно сказать о наших Конгрессах вообще. У него сложилась хорошая репутация в стране и за рубежом. Что стало очевидным за истекшие пять лет?

Во-первых, удалось сохранить научный характер Конгресса, хорошее дело не превратилось в балаган, в псевдонаучный междусобойчик, как это нередко бывает. На каждом Конгрессе делается много оригинальных, интересных докладов. Почти каждый участник жалеет, что не успевает послушать доклад, идущий на параллельной секции. Чтобы сохранить содержание докладов для научного сообщества, мы регулярно публикуем сборники докладов – это стало традицией.

Во-вторых, важен междисциплинарный характер Конгресса. Общий тренд очевиден и конкретен: Пётр Великий и его эпоха, но оказалось, что вокруг этого стержня возникла целая россыпь тем и направлений. Петровская эпоха интересна специалистам многих направлений и даже наук. На Конгрессах делаются доклады по истории, источниковедению, литературоведению, языкознанию, архивоведению, краеведению, искусствоведению, архитектуре, истории техники, технологии и многим другим дисциплинам. Появляется множество исследовательских параллелей, возникают споры, об-

суждаются новые идеи, завязываются научные связи. Конгресс становится своеобразной лабораторией идей, порождает новые инициативы и проекты.

В-третьих, у Конгресса хорошая международная репутация, на него охотно едут учёные разных стран – петровская тема, международные отношения в самых разных областях знаний, порождённые невероятной петровской эпохой привлекают внимание наших зарубежных коллег. Пятый конгресс, посвящённый русско-нидерландским связям, поставил своеобразный рекорд — на него «высадился» целый десант нидерландских учёных (19 человек!), сделавших интереснейшие доклады и сообщения.

В-четвертых, Конгресс петровских городов по-прежнему помнит свои истоки: идею объединения городов, связанных в своей истории с Петром и его эпохой. Этот аспект остаётся существенным при организации и проведении всех мероприятий, ибо мы «до скончания века — дети Петровы». В эти памятные дни вокруг дня рождения Петра 9 июня Конгресс становится местом встречи старых и новых друзей.

В-пятых, Конгресс петровских городов не просто легитимен, не просто одобряем федеральной и городской властью, он стал признанной частью культурной жизни Санкт-Петербурга. Его широко освещает печать, телевидение. Афиши и плакаты с символикой Конгресса и портретом Петра Великого в начале июня стали привычны на улицах нашего города.

Словом, за прошедшие годы сложились традиции. Институт Петра Великого — инициатор Конгрессов и других мероприятий оказался, благодаря общим усилиям всех заинтересованных людей, жизнеспособен, издаваемая им библиотека научных публикаций на петровскую тему постоянно растёт – всё это даёт нам надежду на будущее.

Список сокращений

ААЭ	– Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи имп. Археографической экспедицией
АГВ	– Архангельские губернские ведомости
АМЗ	– Азовский музей-заповедник
БАН	– Библиотека Академии наук
ВВМУ	– Высшее военно-морское училище
ВИЕТ	– Вопросы истории естествознания и техники, журнал
ВИМАИВиВС	– Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВМФ	– Военно-морской флот
ГААО	– Государственный архив Архангельской области
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДГПБ	– Донская государственная публичная библиотека
ЖЗЛ	– жизнь замечательных людей
ЗИН РАН	– Зоологический институт Российской академии наук
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
КГИОП СПб	– Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга
Коминтерн	– Коммунистический Интернационал
КП Нидерландов	– Коммунистическая партия Нидерландов
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
МГУ	– Московский Государственный университет
НИОР БАН	– Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук
НИОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НИОРК БАН	– Научно-исследовательский отдел редкой книги БАН
НИУ ВШЭ	– Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ОИФН РАН	– Отделение историко-филологических наук РАН
ОРК НБРК	– Отдел рукописной книги Национальной библиотеки Республики Карелия
ОРК РНБ	– Отдел редкой книги Российской национальной библиотеки
ПиБ	– Письма и бумаги императора Петра Великого

ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
ПУПС	– Петербургский Университет Путей Сообщения
РАН	– Российская академия наук
РБС	– Русский биографический словарь
РГА ВМФ	– Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов, Москва
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив, Москва
РГИА	– Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РНБ	– Российская национальная библиотека
Сб. РИО	– Сборник Русского исторического общества
СПбГАИЖСА	– Санкт-Петербургский Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина
СПбИИ РАН	– Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПМЗ	– Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник
СПФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.
ТСЛ	– Троице-Сергиева лавра
ТСМ	– Троице-Сергиев монастырь
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЦГА СПб	– Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	– Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦНРМ	– Центральные научно-реставрационные мастерские Госстроя РСФСР

Список авторов

Аваков Пётр Ашотович *(Аксай)*, заведующий отделом Аксайского военно-исторического музея

Агеева Ольга Гениевна *(Москва)*, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Айдашева Галина Андреевна *(Москва)*, Заместитель начальника отдела по просветительской работе Московскоо государственного музея-заповедника «Коломенское-Лефортово-Измайлово-Люблино»

Андреева Екатерина Александровна *(Санкт-Петербург)*, старший научный сотрудник отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа

Анисимов Евгений Викторович *(Санкт-Петербург)*, профессор Высшей школы экономики – Санкт-Петербург, научный руководитель Института Петра Великого

Аристов Вадим Владимирович *(Кингисепп)*, президент исторического общества Ямбурга – Кингисеппа

Бенц Бруно *(Франция)*, член Центра общей археологии, Париж-4, Университет Сорбонна, редактор журнала «Марли, искусство и наследие»

Борисов Григорий Игоревич *(Москва)*, сотрудник Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Брызгалов Виктор Васильевич *(Архангельск)*, старший научный сотрудник Архангельского научного центра Уральского отделения РАН

Вагеманс Эммануэль *(Бельгия)*, профессор Католического университета г. Лювен

Гальцин Дмитрий Дмитриевич (Санкт-Петербург), научный сотрудник Библиотеки РАН

Грааф де Тьерд *(Нидерланды)*, старший научный сотрудник Фризианской академии и Меркаторского Европейского центра многоязычия и обучения языкам

Гузевич Дмитрий Юрьевич *(Франция)*, сотрудник Центра изучения российского, кавказского и центрального европейского пространства Школы высших социальных исследований

Гузевич Ирина Давидовна *(Франция)*, сотрудник Центра Мориса Альбакса Школы высших социальных исследований

Давидс Карел *(Нидерланды)*, профессор Амстердамского свободного университета

Данков Михаил Юрьевич *(Петрозаводск)*, научный сотрудник Национального музея Республики Карелия

Зваан Ад Х. ван дер *(Нидерланды)*, научный сотрудник Центра Нидерланды-Россия при Гронингенском университете

Иванчук Ирина Анатольевна *(Санкт-Петербург)*, профессор кафедры культурологии и русского языка Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и госслужбы

Кардосу де Матуш Анна *(Португалия)*, профессор Университета Эворы

Кейперс Марике *(Нидерланды)*, профессор Дельфтского технологического университета, главный специалист Нидерландского агентства культурного наследия

Клименко Сергей Васильевич *(Москва)*, профессор кафедры истории архитектуры и градостроительства Московского архитектурного института

Корепанов Николай Семёнович *(Екатеринбург)*, учёный секретарь Музея истории Екатеринбурга

Корепанова Светлана Анатольевна *(Екатеринбург)*, заместитель генерального директора по научной работе Свердловского областного краеведческого музея

Корниенко Юлия Сергеевна *(Франция)*, докторант Университета Париж-Сорбонна

Крайковский Алексей Викторович *(Санкт-Петербург)*, преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге

Кувшинская Ирина Владимировна *(Москва)*, старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Леонов Валерий Павлович *(Санкт-Петербург)*, директор Библиотеки РАН

Мазур Тамара Петровна *(Санкт-Петербург)*, главный специалист Российского государственного архива Военно-морского флота

Мезин Сергей Алексеевич *(Саратов)*, заведующий кафедрой истории России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Пашков Александр Михайлович *(Петрозаводск)*, заведующий кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета

Перепечаева Людмила Борисовна *(Азов)*, заведующая отделом древней истории Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника

Савельева Елена Алексеевна *(Санкт-Петербург)*, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки РАН

Селин Адриан Александрович *(Санкт-Петербург)*, доктор исторических наук, профессор факультета истории Высшей школы экономики

Славнитский Николай Равильевич *(Санкт-Петербург)*, главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Слепкова Надежда Валентиновна *(Санкт-Петербург)*, старший научный сотрудник Зоологического института РАН

Стаалдёуне Тео ван *(Нидерланды)*, историк церкви, священник Протестантской церкви Нидерландов

Стутен Марсель *(Нидерланды)*, секретарь Нидерландско-российского центра Университета Гронингена

Схоккенбрук Йоост К.А. *(Нидерланды)*, главный куратор Военно-морского музея Амстердама, профессор Свободного университета Амстердама

Талалай Михаил Григорьевич *(Италия)*, старший научный сотрудник и представитель Института всеобщей истории РАН в Италии

Токарева Татьяна Юрьевна *(Сергиев Посад)*, старший научный сотрудник Сергиево-Посадского музея-заповедника

Трошева Нина Васильевна *(Лодейное Поле)*, директор Лодейнопольского историко-краеведческого музея

Тульчинский Григорий Львович *(Санкт-Петербург)*, профессор кафедры прикладной политологии Высшей школы экономики

Ухналёв Андрей Евгеньевич *(Санкт-Петербург)*, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук

Фафурин Геннадий Александрович *(Санкт-Петербург)*, научный сотрудник отдела редкой книги Российской национальной библиотеки

Фиальо Конде Антония *(Португалия)*, профессор Университета Эворы

Фурман Геррит *(Нидерланды)*, директор Центра документации, профессор истории и развития голландской и европейской партийных систем

Ховинг Аб *(Нидерланды)*, главный реставратор моделей кораблей Государственного музея Амстердама (Рейксмюзеум)

Шварц Искра *(Австрия)*, профессор Института восточноевропейской истории Венского университета

Шкаровский Михаил Витальевич *(Санкт-Петербург)*, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

Юркин Игорь Николаевич *(Москва)*, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гузевич Д.Ю., *Гузевич И.Д.* **Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.** Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.

Гузевич Д.Ю., *Гузевич И.Д.* **Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.

Петровские памятники России: Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. Часть 1. Ред.-сост. А.В. Кобак, Н.Л. Корсакова. СПб.: Европейский Дом, 2010. 440 с., илл.

Максимов Е.К., *Мезин С.А.* **Города Саратовского Поволжья петровского времени.** СПб.: Европейский Дом, 2011 178 с., илл.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Міръ», 2011. 416, 453, 464 с.

Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М.Г. Вадейша, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е.А. **Рождение Петербурга.** СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.

Юркин И.Н. **Пётр железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы.** СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. 8–10 июня 2011 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. 8–9 июня 2012 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.

Кросс Э. **Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков.** Пер. с англ. М.А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.

Вагеманс Э. **Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.).** Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

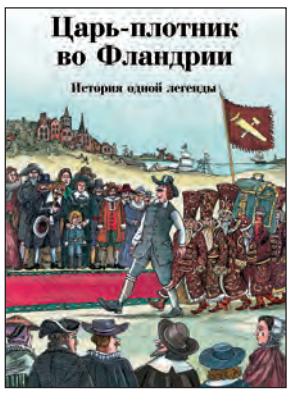
Гузевич Д.Ю. **Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.** СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.

Макаров Б. **Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.** СПб.: Из-во ВМА, 2013. илл.

Россия–Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. 7–9 июня 2013 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 558 с., илл.

Царь-плотник во Фландрии: История одной легенды. Две повести Абрахама Ханса. Публ., коммент., статьи: Эмануэль Вагеманс, Дмитрий Гузевич; пер. с нидерланд.: Владимир Ронин; рис.: Владимир Ненашев. СПб.: Европейский Дом, 2014. 106 с., илл.

А.Л. Пунин. **Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого. Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко.** Часть 1. СПб.: Лики России, 2014. 216 с., илл.

РОССИЯ–НИДЕРЛАНДЫ
ДИАЛОГ КУЛЬТУР
В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы
V Международного петровского конгресса

Санкт-Петербург
7–9 июня 2013 года

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

978 5 8015 0337 0

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x88/16.
Бумага офсетная Печать офсетная.
Печ.л. 34,8. Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
Тел. (812) 279-0285
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в типографии ООО «Литография СПб»
19119, СПб., ул. Днепропетровская, д. 8